

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

2022 № 3

Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77–61734

Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)

12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России
№ 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л., Герасимова М.М.,
Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н., Мажия А. (Итальянская
Республика), Пушкарева Н.Л., Радойичич Д. (Республика Сербия), Харламова Н.В., Халид А. (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Григорьева О.М. (физическая антропология), Зыкина О.А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В. А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И. Э. (Итальянская Республика),
Васильев С. В. (РФ), Веселовская Е. В. (РФ), Головнев А. В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х. А. Испания),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М. Ю. (РФ),
Паскуалино К. (Франция), Пашалы П. М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д.
(Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д. А. (РФ), Хан В. С. (Республика Узбекистан),
Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю. К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии
Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии
Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Журнал «Вестник антропологии», 2022

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and
Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014
The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the
Russian Federation. Registration number PI No. FS77–61734

The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald
of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed
scientific journals recommended for publishing scientific
results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S. V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu. D. Anchabadze, D. M. Bondarenko, S. B. Borutskaya, A. V. Baganov, M. L. Butovskaya,
N. A. Dubova, M. M. Gerasimova, O. E. Kazmina, T. S. Kalandarov, Z. V. Kanukova, N. N. Kradin,
N. V. Kharlamova, A. Khalid (USA), A. Maxia (Italy), N. L. Pushkareva, D. Radojičić (Serbia)

EXECUTIVE EDITORS

O. M. Grigorieva (Physical Anthropology), O. A. Zykina

ADVISORY BOARD

V. A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I. E. Butitta (Italy), Yu. K. Chistov (Russia),
E. Drozdova (Czech Republic), D. A. Funk (Russia), A. V. Golovnev (Russia), J. A. González
Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V. S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel),
Chae-wan Lim (Korea), M. Yu. Martynova (Russia), P. M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino
(France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S. V. Vasiliev (Russia),
E. V. Veselovskaya (Russia)

Address:

119991 Moscow, Leninskiy prospect, 32A
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasiliev
odtantrop@yandex.ru

Web: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2022
© Journal “Herald of Anthropology”, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<p>Антропология советскости. К 100-летию образования СССР</p>	<p>Anthropology of Sovietness. Marking the 100th Anniversary of the Formation of the USSR</p>
<p><i>Куприянов П. С.</i> Детское (и) советское: взрослые и дети в музеях советской повседневности 7</p> <p><i>Абдуганиев Н. Н., Низамова Л. И.</i> Роль учреждений культуры в национальной политике России: от прошлого к настоящему (на примере Республики Мордовия) 35</p> <p><i>Цеханская К. В.</i> Историография советской повседневности 1941–1945 гг.: обзор научных тем, проблем и концепций 50</p> <p><i>Сейдаметова Г. У.</i> Повседневная жизнь каракалпакских студентов в 1960–1970-е гг. 68</p> <p><i>Соколова А. Д.</i> Частные похороны в СССР: от инфраструктуры к низовому регулированию и практикам самообеспечения 77</p> <p><i>Богданович Б.</i> Златиборские вязальщицы в медиа-дискурсе социалистической Югославии (на англ. яз.) 89</p>	<p><i>Kupriyanov, P.</i> Adults and Children in Museums of Soviet Everyday Life 7</p> <p><i>Abduganiev, N., Nizamova, L.</i> The Role of Cultural Institutions in Russia's National Policy: From Past to Present (The Case of the Republic of Mordovia) 35</p> <p><i>Tsekhanskaya, K.</i> The Historiography of Soviet Everyday Life 1941–1945: An Overview of Scientific Topics, Problems and Concepts 50</p> <p><i>Seydametova, G.</i> The Students' Everyday Life in Karakalpakstan in 1960–1970's 68</p> <p><i>Sokolova, A.</i> Private Funerals in the Soviet Union: From Infrastructure to Grassroots Regulation and Self-Supply Practices 77</p> <p><i>Bogdanović, B.</i> Zlatibor Knitters in the Socialist Yugoslavia Media Discourse 89</p>
<p>Идентичность в цифровом измерении и историческом дискурсе</p>	<p>Identity in the Digital Dimension and Historical Discourse</p>
<p><i>Бубликов В. В., Свидовская А. С.</i> Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России 99</p> <p><i>Титова Т. А., Фролова Е. В., Гуцина Е. Г.</i> Гражданская идентичность, этничность и религиозность в семьях жителей Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования 2020 г.) 121</p> <p><i>Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В.</i> Общественное восприятие Всероссийской переписи населения — 2020/21 в регионах России (на материалах Марий Эл, Мордовии, Удмуртии) 130</p>	<p><i>Bublikov, V., Svidovskaya, A.</i> Native Language and Ethnic Identity Among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia 99</p> <p><i>Titova, T., Frolova, E., Gushchina, E.</i> National Identity, Ethnicity, and Religiosity in the Families of Tatarstan (Based on the Ethno-Sociological Survey of 2020) 121</p> <p><i>Vorontsov, V., Martynenko, A., Orlova, O.</i> Public Perception of the All-Russian Population Census of 2020/21 in the Regions of Russia (The Cases of Mari El, Mordovia, Udmurtia) 130</p>
<p><i>Бойко И. И.</i> Этнография переписи 2020 г. в Чувашии: наблюдения и материалы переписчиков 141</p> <p><i>Субботина И. А.</i> Под другим именем... (О гагаузах Северного Кавказа) 158</p>	<p><i>Boyko, I.</i> Ethnography of the 2020 Census in Chuvashia: Census Takers' Observations 141</p> <p><i>Subbotina, I.</i> Under a Different Name... the Gagauz of the North Caucasus 158</p>
<p>Музейная антропология</p>	<p>Museum Anthropology</p>
<p><i>Костров А. В.</i> Старообрядческий «смертный» комплекс из собрания Иркутского областного краеведческого музея: структура и символика 180</p> <p><i>Жидченко А. В.</i> Пространство женской повседневности американского пригорода 1950-х гг. в современной музейной экспозиции (по материалам музея округа Джонсон, Штат Канзас) 195</p> <p><i>Третьякова А. Е., Ханова Ю. Т., Сафонов В. В.</i> Искусство живописи в Чили и реставрационные технологии 209</p>	<p><i>Kostrov, A.</i> Old Believers' Burial Complex in the Collection of the Irkutsk Museum of Regional Studies: Structure and Symbolism 180</p> <p><i>Zhidchenko, A.</i> Women's Everyday Life in the American Suburbs of the 1950s in a Modern Museum Exhibition (Based on Materials From the Johnson County Museum, Kansas) 195</p> <p><i>Tretyakova, A., Hanova, Yu., Safonov, V.</i> The Art of Painting in Chile and Restoration Technologies 209</p>
<p>Традиции и современность</p>	<p>Traditions and Modernity</p>
<p><i>Михалев М. С.</i> (АН)-тропология фронта: дороги и тропы в судьбах приамурских эвенков 221</p> <p><i>Попова С. А.</i> Обряды перехода в медвежьем празднике северных манси 233</p> <p><i>Рыбалкина И. Г.</i> Особенности семейно-брачных отношений в Африке 244</p> <p><i>Белов А. М.</i> Мигранты на страницах центральных и костромских средств массовой информации: анализ ситуации в России 262</p>	<p><i>Mikhalev, M.</i> Frontier Antrailpology: On the Trails and Roads in the Lives of Amur Evenks 221</p> <p><i>Popova, S.</i> Rites of Passage in the Bear Holiday of the Northern Mansi People 233</p> <p><i>Rybalkina, I.</i> Family and Marriage Relations in Africa 244</p> <p><i>Belov, A.</i> Migrants in the Central and Kostroma Mass Media: Analysis of the Situation in Russia 262</p>
<p>Физическая антропология</p>	<p>Physical Anthropology</p>
<p><i>Аксянова Г. А.</i> Одонтология ранних жителей города Красноярска по материалам некрополя Покровской церкви XVII–XVIII вв. 274</p> <p><i>Лёч У., Пеленицына Ю. В., Бринкер Ю., Тессманн Б., Шульц М., Бегерок А.-М.</i> Антропологическое исследование: черепа из папье-маше в немецких коллекциях 306</p>	<p><i>Aksyanova, G.</i> Dental Anthropology of the Early Krasnoyarsk City Based on Materials From the Pokrovsky Necropolis, 17–18th Centuries AD 274</p> <p><i>Lötzsch, U., Pelenitsyna, Y., Brinker, U., Teßmann, B., Schultz, M., Begeerock, A.-M.</i> Anthropological Investigation: Papier-Mache Skulls in German Collections 306</p>

Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Харламова Н. В., Иванов С. В. Антропологическая характеристика останков из фиванской гробницы TT 23 (Луксор, Египет)

322

Vasilyev, S., Borutskaya, S., Kharlamova, N., Ivanov, S. Anthropological Study of Human Remains from Theban Tomb TT 23 (Luxor, Egypt)

Историография, школы, концепции

Historiography, Schools, Concepts

Эскендеров Б. Э. Замечания по поводу концепции В. Ф. Минорского о происхождении этнонима «лезгин»

345

Eskenderov, B. Remarks on V. F. Minorsky's Concept of the Origin of the Ethnonym *Lezgin*

Шилов В. В. Научное наследие и мир личности профессора Г. Н. Чагина

359

Shilov, V. Scientific Legacy and Personality of Professor G. N. Chagin

Рецензии

Reviews

Бахматова М. Н. Рецензия на монографию: Riccardi A. *Italia carismatica*. Brescia: ed. Morcelliana, 2021. — 245 p.

378

Bakhmatova, M. Book Review: Riccardi A. *Charismatic Italy*. Brescia: Ed. Morcelliana, 2021. — 245 p.

АНТРОПОЛОГИЯ СОВЕТСКОСТИ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-34

Научная статья

© П. С. Куприянов

ДЕТСКОЕ (И) СОВЕТСКОЕ: ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ В МУЗЕЯХ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В современных музеях советской повседневности 1950–1980 гг. тема детства занимает весьма важное место. Она присутствует как в музейном «сообщении» (и в экспозициях, и в экскурсиях), так и в его восприятии посетителями. Разговор о советском в музее почти никогда не обходится без детского компонента, а иногда практически сводится к нему. В статье рассматриваются формы, контексты и эффекты такого «альянса». Она основана на полевых материалах 2019–2021 гг., полученных в г. Коломне Московской области и в некоторых других российских городах, а также на данных с туристических и музейных сайтов и страниц в соцсетях. Анализируя избранные кейсы, автор отмечает, что для представителей старшего поколения детства служит важной формой или рамкой для ностальгического восприятия советского прошлого, и прослеживает механизмы, обеспечивающие эту функцию. Детское же восприятие рассмотренных экспозиций, особенно в популярном интерактивном формате варьирует между двумя основными моделями — реконструкцией (строящейся на экзотизации советского) и ресайклинга (предполагающего вторичное использование советских практик и ценностей). В статье отмечается недостаток данных, касающихся собственно детского музейного опыта, приводится исследовательский контекст рассматриваемой темы: актуальные направления и дискуссии, продуктивные теоретические концепты.

Ключевые слова: музеи, советское, повседневность, ностальгия, детство, восприятие прошлого.

Ссылка при цитировании: Куприянов П. С. Детское (и) советское: взрослые и дети в музеях советской повседневности // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 7–34

Куприянов Павел Сергеевич — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: kuprianov-ps@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 19–09–00126

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-34
Original Article

© Pavel Kupriyanov

ADULTS AND CHILDREN IN MUSEUMS OF SOVIET EVERYDAY LIFE

The topic of childhood has an important place in contemporary museums of late-Soviet everyday life (1950–1980s). It can be seen in the message a museum conveys (both in what is shown and what is said) and in its perception by visitors. The topic of the Soviet in a museum nearly always includes the “children”’s component, and sometimes is virtually reduced to it. This paper examines the forms, contexts, and effects of such an “alliance”. The paper is based on the field material obtained in Kolomna, Moscow region, and in some other Russian cities in 2019–2021, and on the data from tourist and museum websites and social network accounts. Analyzing the selected cases, the author observes that the notion of childhood serves as an important frame for the nostalgic perception of the Soviet past for the older generation, and also demonstrates the mechanisms that fulfil this function. Children’s perception of expositions varies between two main models — reconstruction (based on the exoticization of the Soviet) and recycling (involving the reuse of Soviet practices and values). The article points out the lack of data concerning actual children’s museum experience and provides the research context for the topic: current trends, discussions and useful theoretical concepts.

Keywords: museum, the Soviet, everyday life, nostalgia, childhood, perception of the past

Author Info: Kupriyanov, Pavel S. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: kupriyanov-ps@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

For citation: Kupriyanov, P. S. 2022. Adults and Children in Museums of Soviet Everyday Life. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 7–34

Funding: The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19–09–00126.

В декабре 2020 г. на сайте «Российской газеты» был опубликован репортаж о народном музее ретротехники «Капсула времени» в Гатчине. Большую часть репортажа составляет интервью с основателем и директором музея Сергеем Павловым, по-своему весьма показательное. Несмотря на то, что главной темой музея является советская бытовая техника, с первых же слов речь заходит о... детях. Оказывается, что дети — основной мотив создания музея и его главный адресат:

Хочется, чтобы дети, которые «живут в телефонах», увидели, что было в недалеком прошлом — 20–30 лет назад, а то и 50 <...> Наша задача — показать детям

недалекое прошлое, и как далеко мы ушли! Почувствуйте, как говорится, разницу между старым и новым, тем, что есть у нас сейчас... (Мазурова 2020).

Впрочем, дети — не единственная музейная аудитория, вместе с ними приходят и взрослые:

Приходят к нам группами из детского сада, с воспитателями, классами — с учителями (до пандемии, во всяком случае, так было), а потом приводят в выходные своих родителей (Мазурова 2020).

Рассказ о музейной коллекции включает и личные воспоминания Сергея, которые тоже оказываются связаны с детством — детством рассказчика:

Вот с тем фибровым [чемоданом — П. К.] я ездил в пионерский лагерь. Из моего дома сюда много чего перекечовало. В этой железной ванночке меня купали. «Ока-3», холодильник моих родителей, они покупали его «по записи» в 1975 году, номерки писали на руке, ходили в магазин, отмечались. Когда я был маленьким, каким огромным он мне казался! А теперь и мы выросли, и холодильники нынче другие, побольше этого (Мазурова 2020).

По странному совпадению практически все упоминаемые в интервью личные вещи Сергея, ставшие теперь музейными экспонатами, оказываются связаны исключительно с его детскими воспоминаниями. Возможно, этот отбор осуществляется им самим, а возможно, и автором репортажа. По крайней мере, вопросы интервьюера поддерживают этот способ говорения о советском:

— Что самое популярное у детей?

— Часы с кукушкой и патефон. Провожу экскурсию для малышей, потом ставлю им на проигрывателе пластинку со сказкой, слушают с удовольствием (Мазурова 2020).

Наконец весьма показателен и финальный эпизод:

Здесь еще и витрины со значками. Неожиданно. Их с детства, более 50 лет, собирает Алексей Козлятников. Тут 600 значков, а всего у него их примерно 1200. Что раньше коллекционировали дети? Марки, спичечные этикетки, значки. То, что было доступно (Мазурова 2020).

Рассказ об экспонате как будто вполне естественно включает отсылку к детству и соответствующей детской практике. А репортаж, начавшийся с рассказа о ретротехнике, неожиданным образом завершается темой детских увлечений советской поры.

Этот пример может показаться курьезным только на первый взгляд. На самом деле, рассмотренный случай скорее типичен, чем оригинален: если мы обратимся к музейным экспозициям, посвященным советской повседневности, в особенности, послевоенного периода, 1960–1980-х гг., то легко обнаружим, что *детство* занимает в них какое-то особое место. Это проявляется в нескольких довольно разных аспектах.

Прежде всего, советское детство непременно включается в экспозицию в качестве отдельной важной темы. Она может быть выделена в самостоятельный тематико-экспозиционный комплекс, а может быть распределена и по другим разделам экспозиции, но, так или иначе, присутствует везде. Ей находится место даже в специализированных экспозициях, тематически никак не связанных с детьми, так что складывается впечатление, будто никакая музейная репрезентация советского быта не может обойтись без этого компонента. Наряду с вышеупомянутым музеем ретротехники примером может служить коломенский выставочный зал «Старомодное», посвященный моде, одежде, шитью и женскому рукоделию 1940–1960-х гг., но, тем не менее, располагающий отдельным уголком, где представлены детские вещи и занятия:

Конечно же, мы не могли [не сделать — П. К.] вот этот вот школьный уголок, и всевозможные школьные предметы, и здесь то, чем дети занимались. В принципе. (ПМА 2).

Показательно, что речь идет о детской аудитории. Музеи, о которых идет речь (напомню, что это не специальные музеи советского детства, а просто — советского быта, как будто не сфокусированные специально на детской теме), не только включают репрезентацию советского детства, но то и дело позиционируются как адресованные прежде всего детской аудитории. Эта ориентация проявляется и косвенно (например, в широком ассортименте специальных детских программ или детской продукции — сувениров, буклетов, книг, пособий и т. д.), и прямо — в репликах, где дети фигурируют как одна из основных целевых групп:

У нас музей... каких-то определенных событий советского периода. Мы разговариваем с детьми, мы рассказываем про блокаду, мы говорим про оборону Москвы, мы говорим о космонавтах, мы говорим об ученых, мы говорим о пионерии — как дети жили, чем занимались, чем увлекались. Просто вот, вот, вот наша история (ПМА 1. См., также: Страна советов).

Заметим, что дети здесь упоминаются в качестве вполне естественной аудитории музея, что, строго говоря, совсем не очевидно: ни его экспозиция, ни название («Назад в СССР») не указывают на какой-то специальный детский профиль или уклон. Кроме того, *советское* предстает здесь через образы не только знаковых событий и выдающихся деятелей, но и — повседневной жизни... детей. В результате детский компонент оказывается удвоенным, поскольку это рассказ *детям — о детях*.

Советское преподносится через *детское* и в музейных презентационных текстах в соцсетях и пресс-релизах:

Музей «НАЗАД в СССР» — это Музей положительных эмоций и воспоминаний.

Приглашаем всех, чье детство прошло во дворе; кого мама кричала домой из окна; кто пил газировку и молочный коктейль из гранёного стакана; кто ел самое вкусное мороженое по 12 копеек; кого принимали в октябрята и пионеры; кто писал письма на бумаге и собирал макулатуру; кто танцевал под радиолу, кто ездил

на картошку и в стройотряды... А те, кто не испытывал всего вышеперечисленного — тем более приходите к нам в Музей «Назад в СССР»! (Назад в СССР).

Приведенный текст незамысловато указывает на основную целевую аудиторию музея — людей, чье детство пришлось на советское время. При этом она вовсе не ограничивается теми, чей советский опыт *исчерпывается* детством, и стало быть, ничто не мешает включить в перечень упоминаемых символических советских практик не только детские, но и взрослые, однако, по какой-то причине универсальным (и наиболее очевидным) маркером *советского* в этой риторике выступает почти исключительно *детское* (с небольшим «юношеским» «расширением» в виде «картошки» и стройотрядов). Последняя фраза приведенной цитаты адресована тем, кто не застал советский период, а значит, в том числе, например, и тридцатилетним. Они также приглашаются в музей, но и этим взрослым посетителям, судя по тексту, предстоит знакомство с упомянутыми детскими практиками; для них тоже советское оборачивается своей детской стороной.

Установка на воспроизведение советского прежде всего в его детской версии реализуется не только в репрезентациях, но и в деятельности музеев: во многих из них посетителям предлагается воспроизвести те или иные прежние практики. Интерактивные формы используются не только в отношении детской аудитории (об этом — ниже), но и старшего поколения, представители которого, по словам музейного работника, не без энтузиазма участвуют в таких мероприятиях, повторяя то, что они делали, будучи детьми.

Наконец, эти музеи и воспринимаются как музеи детства. Совсем не «детская» экспозиция музея «Назад в СССР» в Коломне описывается как детская по преимуществу:

Ну, там знаете какая экспозиция? Там собраны ну вот собраны вот в основном, по-моему, пионерские... Насколько я помню, вот у меня «картинка» — пионерские значки. <...> Что-то вот... радио старое, вот эти вот радиолы. Пионерские галстуки, значки, знамя, по-моему, пионерское, горн — ну, что-то вот такое вот (ПМА 3).

Особенно красноречивы и показательны отзывы посетителей коломенской «Арт-коммуналки», как в Интернете, так и в книгах отзывов. Посетители наперебой благодарят за «детские воспоминания», за «путешествие...», «погружение» или «возврат в детство». Экспозиция, ничуть не ориентированная на детскую тему, то и дело воспринимается сквозь детскую призму, «прочитывается» как рассказ о детстве:

— Спасибо за кусочек истории и детства...;

— Возвращение в прошлое. Как будто снова дома у бабушки...;

— Спасибо организаторам за возможность вспомнить счастливое детство...;

— Специально приехали всей семьей в ваш музей... Все из моего детства: кричала от удивленного! И дочь была в восторге...;

— Спасибо за встречу с детством!

— Большое спасибо за доставленное удовольствие! Мы побывали в детстве (ПМА 10).

Итак, музеи советского быта показывают детство и рассказывают о нем, обращаются к детской аудитории, воспринимаются как посвященные детству по преимуществу. *Советское* преподносится и прочитывается как *детское*, *детское* становится своеобразной дискурсивной рамкой для *советского*. Смысловая рифма детского и советского уже отмечалась исследователями (Калинин 2008), однако ее музейное воплощение пока не было предметом специального анализа. Исследования музеев советской повседневности, на сегодняшний день уже довольно многочисленные, рассматривают либо какие-то отдельные аспекты темы (Манохина 2018), либо конкретные музеи (Тимофеев 2014б, Абрамов 2019), либо носят обобщающий характер (Абрамов 2013а, 2013б, Тимофеев 2014а, Морозов, Слепцова 2020), но в любом случае не сфокусированы специально на детской составляющей¹. Данная статья нацелена на то, чтобы восполнить этот недостаток хотя бы отчасти. Она не претендует на всестороннее и исчерпывающее объяснение этой связи — ее причин, форм и механизмов — скорее, это попытка представить актуальные для названной темы дискурсы и контексты и наметить перспективы, в которых она может быть рассмотрена.

Мои соображения основаны, прежде всего, на полевых материалах 2019–2021 гг., полученных в г. Коломне Московской области и в некоторых других российских городах, а также на данных с туристических и музейных сайтов и страниц в соцсетях. Выбор Коломны отчасти продиктован тем, что он позволял наблюдать одновременно разные кейсы: на момент начала исследования в Коломне было четыре экспозиции, посвященные советскому быту. Они различаются по масштабу, профилю, юридическому статусу и некоторым другим параметрам. Так, музей-резиденция Арткоммуналка «Ерофеев и другие» — известный (в т. ч. среди туристов) музей с полноценной бытовой экспозицией, размещенной в нескольких комнатах бывшей коммунальной квартиры и дополненной произведениями современного искусства, выполненными в находящейся здесь же литературно-художественной резиденции. Деятельность музея-резиденции (в обеих ипостасях) нацелена на креативное освоение советского и локального наследия. Другие экспозиции более консервативны и менее масштабны, как по концепции, так и по составу коллекции, и в большей степени, нежели Арткоммуналка, являются проявлением так называемой «народной музеефикации» советского (Абрамов 2013а). Это уже упомянутый выставочный зал «Старомодное», сфокусированный на теме одежды и моды советского времени, музей «Назад в СССР», организованный районным Домом культуры (он занимает всего несколько витрин в фойе здания, но при этом ведет активную деятельность

¹ В некотором смысле исключением можно считать статью С. Казаларска (Kazalarska 2017), однако и в ней автор сосредотачивается на конкретной проблеме — банализации коммунистического опыта (см. ниже). Музейная репрезентация и восприятие советского детства исследуется также А. Сальниковой и И. Мальцевой на примере «Музея счастливого детства» в Казани. Их первый подступ к теме см.: Сальникова, Мальцева 2022.

с посетителями), и наконец экспозиция с условным названием «Советский уголок» в гостинице «Советская», также занимающая небольшое пространство в вестибюле гостиницы, но рассчитанная главным образом на приезжих и не сопровождающаяся никакой иной музейной деятельностью.

Для проблематизации названной темы мне представляются важными по крайней мере три исследовательские перспективы или ракурса. Это, во-первых, исследования памяти о советском и ностальгии, касающиеся восприятия прошлого взрослыми посетителями (и создателями) музеев, во-вторых — музейный ракурс, акцентирующий собственно музейные аспекты рассматриваемого явления, и в-третьих — исследования детства, с одной стороны, рассматривающие детство как специфический культурный конструкт, а с другой, ставящие вопрос о детской субъектности.

Ностальгия по детству

Опираясь на современные исследования памяти о советском, можно предложить два объяснения актуализации детской темы в подобных музеях. Первое из них, условно говоря, «поколенческое». Оно основано на идее о том, что отношение к советскому времени во многом зависит от принадлежности к тому или иному поколению¹ (Резанова 2011: 149–161, Долгов и др. 2021), и что ностальгическая версия советского в наибольшей мере культивируется представителями «последнего советского поколения» (Резанова 2011: 80, 101; Фокин 2016: 69, 71; Makhotina 2021: 175). Это те, чье детство не просто пришлось на советское время, а чей советский опыт исчерпывается детско-юношеским периодом — поэтому в их памяти они полностью совпадают (Горалик 2007, Смолина 2014: 135), и именно эти люди просто в силу названных обстоятельств являются основными производителями и потребителями музейного советского детства.

При всей справедливости и убедительности такого объяснения оно все же представляется не вполне исчерпывающим, хотя бы потому, что интересующий нас феномен «детской» интерпретации советского присущ отнюдь не только 40–50-летним, но и людям других возрастов. Наблюдения за поведением посетителей и анализ отзывов позволяют предложить другое объяснение, не исключающее, но дополняющее предыдущее. Оно состоит в том, что «детское» прочтение экспозиций советского быта во многом детерминировано их специфическим характером: они построены как ностальгические, и у большинства взрослых это почти автоматически актуализирует обращение именно к детству как к наиболее беззаботному и «светлому» периоду в прошлом (Сальникова 2007: 70). За счет этих своих качеств детство оказывается наилучшим вместилищем, «сосудом» ностальгии (Абрамов 2013б), вне зависимости от наличия или отсутствия у посетителя опыта взрослой жизни в советское время.

Данное объяснение подразумевает, что в сознании зрителя детство возникает не как реакция на знакомые предметы («из детства»), а благодаря особому ностальгическому характеру экспозиции, изначально не только создаваемой, но и воспри-

¹ При этом поколенческий взгляд на ностальгию обнаруживает не только разделение, но и объединение: «Постсоциалистическая ностальгия одновременно укрепляет границы поколений и порождает иллюзию их преодоления, например, когда представители разных поколений вместе поют старые „дворовые песни“» (Nadkarni, Shevchenko 2004: 508).

нимаемой именно в этом ключе¹. Здесь речь идет об обратной последовательности: не детство производит ностальгию, а наоборот, ностальгия актуализирует детские воспоминания и соответствующую оптику. В конечном счете, очевидно, действуют оба механизма, и ностальгическая *атмосфера* рассматриваемых музеев производится в равной мере предметным рядом экспозиции и соответствующей настройкой посетителей².

Как бы то ни было, само наличие связи между ностальгией и темой детства представляется более очевидным, чем ее характер и механизмы. Чтобы прояснить, как это сопряжение функционирует в музейном пространстве, попробуем понять, в чем проявляется ностальгический характер рассматриваемых экспозиций. Какие их черты обуславливают ностальгическое восприятие экспонируемой эпохи и обеспечивают её «детское» прочтение? Что если не заставляет, то позволяет увидеть детское в этом советском?

Одна из таких черт состоит в хронологической *унификации* советского периода. Довольно продолжительное и разнообразное время с 1950-х по 1990-е гг. фактически подается как более или менее единая эпоха. Даже при том, что, как правило, хронологический период, которому посвящен музей, довольно четко ограничивается и оговаривается в сопроводительных текстах, на практике строго выдерживать заявленные рамки удается далеко не всегда. Скажем, выставочный зал «Старомодное» задуман и заявлен (например, на странице в сети «ВКонтакте») как экспозиция моды 1920–1980-х гг. (Старомодное_ВК), но фактический временной диапазон хранящихся и экспонируемых предметов несколько шире (ПМА 2). Арткоммуналка «Ерофеев и другие», согласно информации на официальном сайте, «воссоздает обстановку коммунальной квартиры 60-х годов XX века» (Арткоммуналка) — эта хронологическая привязка обусловлена временем работы в этом здании Венедикта Ерофеева (ПМА 4). Однако фактически здесь также можно встретить вещи, относящиеся и к более раннему, и к более позднему периоду.

Судя по отзывам посетителей, экспозиция и воспринимается скорее, как рассказ о советском времени вообще, нежели как репрезентация конкретного десятилетия: «Здесь хранятся воспоминания для людей разных возрастов, там и 50-е, и 60-е, и 70-е, и даже 80-е...» (Музей ностальгии). Примечателен отзыв одной из посетительниц, сначала (в самом отзыве) датировавшей представленный быт 1960–80-ми гг., а затем (в ответе на комментарии) — 1950–70-ми (Это коммунальная). Такая неопределенность, с одной стороны, указывает на хронологическую расфокусированность самой экспозиции, а с другой, — на неактуальность этой фокусировки для посетителей. Для большинства из них это просто «времена СССР», *неважно* какого именно десятилетия: «В коммунальной квартире воссоздан интерьер времён СССР. Мне не важно, чем 50-е отличаются от 70-х. Важно то, что там все так, как

¹ Роман Абрамов говорит о музеях советского как о «материализации ностальгического аффекта» (Абрамов 2019). О таком восприятии экспозиции еще до ее посещения свидетельствуют некоторые отзывы: «Мы шли получить удовольствие и окунуться в далекое детство» (Весело, но не все продумано).

² О механизмах и эффектах *атмосферы* в культурных пространствах см.: (Куприянов, Лурье 2022).

было в детстве. Было интересно вспомнить и увидеть уже забытое» (Молодцы!)¹. Таким образом, выход за обозначенные хронологические границы оказывается важным фактором, обеспечивающим ностальгический эффект от экспозиции; благодаря ему в представляемых интерьерах, предметах и практиках без труда опознают свое детство люди самых разных поколений, от 1950-х до 1990-х гг. рождения (Родом из СССР, Путешествие в прошлое).

Сами сотрудники музеев, признавая нарушение заявленных хронологических границ при комплектации фондов и в экспозиции, объясняют его по-разному. В одном случае основанием для смешения разных времен в реконструируемом интерьере служит их неразделимость в самой действительности:

Поэтому я говорю: как это разделить? Это все совместно, поэтому да, мы говорили, что это — вот этих годов, а это — вот этих годов, но мы их не могли разделить, потому что они все были вместе. Ну были вместе, ну давайте говорить честно! Поэтому таким образом даже и выкручивалась. То есть мы не делаем ставку: вот это только семидесятого года! Нет! Вот, и семидесятый год был рядом, и шестидесятый, потом девяностый тут же. Вот он стоит, патефон — и вот уже у мальчика плейер появился. И вот эта связь времен очень даже [видна]... (ПМА 1).

В другом случае то же самое объясняется стремлением соблюсти не букву, но дух представленной эпохи (которая оказывается гораздо шире заявленного временного интервала):

Ну, ну тут еще как бы много [случаев], когда вещи приносят, видно, что — семидесятые [годы]. Все равно оставляем, потому что уже сам вот этот дух [важен], даже не сколько историческая подлинность. Историческая подлинность — вон, фотографии в альбоме: взял — и все можно посмотреть! (ПМА 4).

Заметим, что оба объяснения фактически апеллируют к достоверности музейной реконструкции, хотя и трактуют ее по-разному: в одном случае — как правильное воспроизведение реальной бытовой обстановки, неизбежно включившей предметы разных десятилетий, а в другом — как точную передачу образа эпохи, создание определенного ощущения времени. При этом здесь акцентируются два важных понятия, по-своему способствующих ностальгическому и «детскому» прочтению экспозиций: это, во-первых, *быт*, а во-вторых — ощущение или *впечатление*.

Внимание к быту и повседневности, по наблюдению исследователей, является характерной чертой ностальгического отношения к советскому прошлому и обычно связывается с его неидеологичностью. Так, участники онлайн-сообществ умышленно избегают политики, сосредотачиваясь на вещах и повседневности (Фокин 2016: 70–71). Это в полной мере касается и музеев. Рассматривая музеи советского в Санкт-Петербурге и Казани, Екатерина Махотина отмечает, что воспроизводимая ими ностальгия исключает политический компонент, это ностальгия по атмосфере

¹ Изредка, впрочем, попадает и противоположное мнение: «Ребята честно собрали всевозможное „барахло“ бабушек и дедушек и свалили его в одной квартире. Для них 50-е и 70-е одинаково далеки и поэтому неразличимы» (Самодетельность). Однако подобный взгляд, во-первых, крайне редок, а во-вторых, сама подобная критика подтверждает хронологическую неразборчивость экспозиции.

и среде, а не по общественному строю и политическому режиму (*Makhotina* 2021: 182–183).

При этом исключение идеологии из музейного пространства осуществляется не за счет отбора или изъятия идеологически «заряженных» экспонатов, а посредством их нейтрализации в бытовом контексте. Бытовой характер рассматриваемых музеев только выглядит как естественное следствие соответствующего состава имеющихся коллекций (повседневных вещей), но фактически является осознанной концептуальной рамкой, задающей определенные горизонты интерпретации. В этой рамке все предметы предстают прежде всего их бытовой стороной, остальные их грани остаются в тени. Это касается и символически нагруженных вещей вроде пионерских галстуков или комсомольских значков — они описываются как повседневные аксессуары (здесь вам расскажут скорее о том, как приходилось каждый день гладить галстук, в каких случаях его надевали или снимали, чем о том, что означал его цвет и форма¹). В результате такой семантической редукции прежде символически нагруженные предметы предстают частью обыденной жизни, «очищенной» от идеологии, элементами советского быта, свободного от советского содержания, по удачной формуле Ильи Калинина, *soviet-free Soviet* (*Kalinin* 2011: 158; Ср. *Горалик* 2007). Словом, быт в музейной экспозиции «вытесняет» идеологию.

В этом качестве (или функции) он оказывается близок детству. Проецирование ностальгии на детство также деполитизирует и деидеологизирует советское время (*Nadkarni, Shevchenko* 2004: 510–511). По наблюдению Светлы Казалараска, анализирующей музейные репрезентации послевоенной эпохи в странах бывшего социалистического блока, «в общественном воображении предметы детства, как и предметы повседневного обихода, кажутся отмеченными их предполагаемой «невинностью», то есть их кажущейся аполитичностью и идеологической автономией» (*Kazalarska* 2017: 77). В этом восприятии исследователи видят угрозу «инфантилизации коммунизма» как средства его банализации и нормализации (*Kazalarska* 2017: 76, *Bach* 2014: 129): оно блокирует серьезный разговор о социалистическом / советском прошлом, нивелирует его сложность и многослойность. Как бы то ни было, в таком избегании идеологии детская версия вполне соответствует ностальгическому взгляду; детство становится одновременно и проекцией ностальгии, и ее драйвером: и наиболее точным воплощением ностальгического образа прошлого, и его наиболее надежным ресурсом.

Возвращаясь к «бытовизации» советских символов, следует заметить, что она имеет и обратную сторону, не позволяющую реконструировать действительности и составляющим ее предметам полностью утратить символические значения. Просто теперь они наделяются другим значением, другой семантикой. Переставая быть идеологическим символом, пионерский галстук становится символом времени. Рассуждая о ностальгии как об особом типе конструирования прошлого, Ирина Каспэ отмечает, что оно происходит за счет переосмысления и приписывания ценности повседневному опыту, в частности, тем областям и зонам, «которые прежде никак специально не маркировались, имели статус „естественного (и, вероятнее всего, неизменного) фона жизни“» (*Каспэ* 2008: 4). Иначе говоря, в музее обыденная жизнь объективируется и меняет свой семиотический статус, выступая теперь не в виде

¹ Отчасти схожее «снятие» идеологической составляющей пионерского галстука осуществляется в современной детской литературе (*Маслинская* 2021: 165).

фоновой «текучей повседневности», а в качестве совокупности знаков — означающих представляемой эпохи.

Характерным примером может служить экспозиция музея «Советская эпоха» в Рыбинске, занимающая старое здание Дом культуры и состоящая из нескольких разделов. Первый из них целиком посвящен символам советской эпохи, среди которых не только официальные (бюст Ленина и панно с гербами республик СССР, но и «бытовые»):

Помимо таких парадных символов присутствуют бытовые символы, обыденные. То есть предметы, которые окружали советского человека и вызывают сейчас какие-то чувства, эмоции. У кого-то ностальгия, ну, кому-то интересно просто посмотреть, что это были за вещи, скажем так — детям, да? Новогодняя тематика, Дед Мороз и Снегурочка <...>. Советское шампанское. Настоящее! <...> Здесь духи «Красная Москва» — символ советской женщины. Ну а на нижней полочке вычислительная техника тех времен. Арифмометр, первые калькуляторы, логарифмическая линейка, которой умели пользоваться выпускники школ, студенты вузов, ну и игра «Электроника». Популярная вещь, мечта многих ребят... и... девчонок. Говорят, что выстраивались очереди на переменах играли в такую игру. (ПМА 5).

Извлеченные из повседневной среды и помещенные в музейную витрину предметы обихода становятся знаками некой иной действительности (*Байбурина*, 2004). Важная для нас деталь заключается в том, что данная действительность оказывается не просто советской, но именно детской. Здесь чайник — не просто чайник, и не просто советский чайник, а «чайник-из-детства». Это проявляется и в структуре экспозиции, и в рассказе экскурсовода, и в отзывах посетителей. Экспозиция рыбинского музея начинается именно с детских игрушек, за которыми следует уголок школьника с рассказом о детских организациях — октябрятках, пионерах и комсомольцах. Логика жизненного пути, стоящая за такой последовательностью экспозиционных комплексов, очевидна, однако, тот факт, что музей советской эпохи (более того, «зал символов») начинается именно с детства, сам по себе весьма показателен и не случаен. Приведенный выше фрагмент экскурсии также содержит несколько отсылок к детям: речь идет о предметах, связанных с детскими практиками. Наконец, детство неизменно присутствует и в отзывах, не только как общая дискурсивная рамка, но и в реакциях на конкретные предметы и фрагменты экспозиции.

Так, автор под ником [«marinamalysheva»](#) пишет, что уже при виде здания Дома культуры вспомнились «ребята-одноклассники и наш Вокально-инструментальный ансамбль», а затем внутри здания, в первом зале, где «все напоминает о школе» — «как под барабанную дробь и под звуки горна выносилось знамя на наших линейках». Далее тема детства сопровождает посетительницу на протяжении всей экспозиции: о детских годах предсказуемо напоминают и коллекции марок и значков, и «игрушки из детского садика», и детская швейная машинка — но также и вовсе не «детский» актовый зал Дома культуры («Именно в таких актовых залах мы ставили свои театральные спектакли, бегали на репетиции...») и радиопроигрыватель («...который был со мной все детство. Мы очень любили его слушать и заводили пластинки») (Возвращение в детство). Эта примечательная деталь показывает, что

означающими советского детства могут служить далеко не только собственно детские предметы, но и любые прочие вещи, составлявшие предметный мир ребенка в то время. Здесь, как говорится, «*всё* напоминает о детстве». И такое восприятие отнюдь не уникально, а напротив довольно типично. Так, в небольшой экспозиции советского быта, расположенной в фойе коломенской гостиницы «Советская», представлен патефон, который у заведующей этого музея устойчиво ассоциируется с детством (ПМА 9). Посетители Арткоммуналки обнаруживают в экспозиции «вазочки, телефоны, этажерки и чемоданы из детства» (Супер!), испытывают «детский восторг», встречая «предметы, которые были „в квартирах бабушек и дедушек“» (Очень здорово; Путешествие в СССР), то и дело «спотыкаются» «обо что-то, знакомое с детства и, казалось бы, глубоко позабытое. Такая жестянка от халвы была у моей бабушки, она хранила в ней нитки и иголки! Такой будильник был у родителей! Похожая чеканка висела у знакомых!» (Очень атмосферно!).

Другая существенная и столь же типичная черта этого дискурса заключается в том, что «детство» здесь очень часто соседствует с «ностальгией». Многочисленные отзывы подтверждают вышеприведенные слова экскурсовода о ностальгии как распространенном мотиве знакомства с экспозицией¹. Та же «[marinamalysheva](#)», красноречиво озаглавившая свой отзыв «Возвращение в детство, ностальгия», признаётся: «Я рада, что мое детство и юность прошло при Советском Союзе, ностальгия по той поре бывает захлестывает» (Возвращение в детство). Ей вторят и другие:

Для меня посещение музея стало своеобразной ностальгией <...> Каждая деталь в интерьере этого музея вернула меня в далекое детство, беззаботное и счастливое время, где мама и папа у маленькой меня))) а сейчас мама Я у взрослых детей!!! а ведь кому-то такие вещи и правда, как музейные экспонаты!!! для меня часть моей биографии... невольно задумываешься, как быстро летит время! то, что вчера еще было моим настоящим, теперь уже история (Приятная ностальгия).

Данный отзыв содержит сразу несколько важных моментов: и указание на «каждую деталь» как триггер детских воспоминаний, и совмещение ностальгии и детства (см. также: Прыжок в прошлое; Путешествие в СССР), и констатацию различий своего социально-возрастного статуса тогда и сейчас, и рефлексию над музейной модальностью представленных предметов, и, наконец, фиксацию временного разрыва между современностью и экспонируемой эпохой.

Этот последний мотив отражает одну из важных особенностей музеев, о которых идет речь: советское в них предстает отделённым от современности не просто границей, а довольно существенной *дистанцией*, и представлено как свершившееся и завершённое прошлое, история в прямом смысле этого слова. Образно говоря, это не вчерашний день (переходящий в сегодняшний), а по крайней мере позавчерашний. Характерно, что среди разнообразных и многочисленных бытовых предметов в экспозициях советской повседневности нет таких, которые бы продолжали широко использоваться в настоящее время². «Теплое чувство ностальгии» вызывают не просто старые предметы, но — «старые и давно забытые» (Привет из коммуналки!).

¹ По словам одного из посетителей, здесь «ностальгия обязательна» (Родом из СССР).

² Редкие исключения, обычно отмечаемые устойчивыми фразами вроде «у нас и до сих пор такая стоит», лишь подтверждают правило.

Слова «давно забытые» здесь принципиально важны, поскольку указывают на тот самый разрыв, временную дистанцию, лауну, которая является необходимым условием для формирования и поддержания ностальгического видения и переживания (Каспэ 2008: 4; Горалик 2007). В отзывах посетителей этот разрыв проявляется, например, в метафорическом описании попадания в иное время как преодоления пространственного препятствия или промежутка: это может быть ожидаемая «машина времени» (Окунулась в 60-е), и «ностальгический прыжок» (Прыжок в прошлое), и «провал на сорок лет назад» (Окунуться в прошлое, Очень атмосферно!).

Таким образом, «ностальгизация» и «инфантилизация» советского в рассмотренных кейсах осуществляется за счет ряда характерных черт: хронологического дистанцирования и одновременно унификации советского периода, бытового характера экспозиции, деидеологизации и ресемантизации реконструируемой действительности. При этом детство предстает важной формой или рамкой для ностальгического восприятия советского прошлого.

Дети в музее

Рассуждая о презентации прошлого в таких «ностальгических» музеях, Екатерина Махотина отмечает, что в отличие от классических музеев, они, как правило, не предлагают единый нарратив, представляют не необычное и неизвестное, а напротив «привычное и знакомое», построены на тактильных ощущениях, и наконец — нацелены не на изучение истории, а на переживание чувства позитивной близости к прошлому (Makhotina 2021: 179–180; см. также: Абрамов 2013: 109). В этом смысле они реализуют принципы «новой музеологии», в соответствии с которыми рациональная парадигма в музее уступает место чувственной, на место смысла приходит аффект, и из «дома знаний» музей превращается в «дом впечатлений» (Бонами 2019).

Эта установка в полной мере прослеживается и в анализируемых кейсах. Рассматриваемые музеи обращаются ко всем возможным чувственным анализаторам посетителя: помимо разглядывания здесь, как правило, можно трогать экспонаты (ПМА 2), нюхать духи (ПМА 6), играть в игрушки (ПМА 4), примерять одежду (ПМА 5, ПМА 2) и даже съесть «коммунальный обед» под названием «Я люблю тебя, жизнь» (Арткоммуналка). Посетители музеев неизменно получают впечатления, переживают эмоции и испытывают чувства, самые разные, как приятные, так и не очень:

У меня сегодня женщина утром — я не знаю, я еще пропускаю всех — она расплакалась. Она зашла, она села в комнату и заплакала. То есть она... Ей уже лет шестьдесят, наверное, она говорит: я к маме домой попала... А я стою — у меня тоже, лицо все потекло — я поняла, что у нее мама, скорее всего, уже умерла давным-давно... ну, или не давным-давно. Что у нее, в принципе, уже там целая эпоха прошла с того момента (ПМА 4).

Прекрасно!! Познакомили детей (13 и 5 лет) с детством папы и мамы)))) дети увидели впервые телефонный аппарат!!!!)) и прочее другое интересное из советского квартирничного прошлого! Сколько предметов помогли вспомнить забытые дни... Папа повздыхал по детству из коммуналки))) потом ещё и сосисками и селёдкой с картошкой накормили!!! Вах! Вся семья в восторге! (Вернулись в детство).

Читая этот и другие подобные отзывы, нетрудно заметить, что источник музейных впечатлений так или иначе, прямо или косвенно, но оказывается связан с детством. Именно детское — вещи, воспоминания, состояние — служит наиболее сильным триггером и заставляет переживать ностальгию во всем ее разнообразии. Так встреча с любимой машинкой пересиливает взрослый скепсис очевидца, наглядно демонстрируя, что аффект здесь важнее знаний:

Или двое мужчин тут пришли, вот, мужики уже в возрасте такие вот... Видно: они уже всё знают, их уже всё... <...> Ну, давай нам... рассказывай тут про свой совок, что ты нам тут еще можешь рассказать? В итоге вот этот вот самый скептический — я злорадствую до сих пор — вот он зашел... Вот эта машинка металлическая стоит, он заходит — и он, действительно, ну, не расплакался, но он... Видно, его начало трясти, я, такая, говорю: Вы можете ее взять. Он, такой, на [этой] фразе — вот, ребенка, наверное, так в роддоме не берут — [взял ее в руки]: это она!.. В общем, он экскурсию проходил у меня с этой машинкой в руках... (ПМА 4).

Итак, впечатление — основной «товар» этой культурной экономики: музей его умело «продает», а посетитель охотно «покупает». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что есть категория посетителей, на которых этот молчаливый «контракт» (о детских впечатлениях) не распространяется. И это, как ни странно, сами дети.

Выражение «сами дети» отсылает к непростой проблематике детской субъектности, обсуждаемой в рамках исследований детства и ставящей вопросы о характере взаимосвязи детского и взрослого мира, о (не)возможности детей говорить «своим голосом» и необходимости и способах услышать этот голос (Форум 2019). Применительно к обсуждаемой теме все эти вопросы весьма актуальны, уже потому, что в распоряжении исследователя практически нет материалов, позволяющих судить о восприятии исследуемых экспозиций *самими* детьми — есть либо отзывы детей в книгах отзывов, которые предельно клишированы и малоинформативны (вроде «все было клёво, спасибо, приду ещё»), либо сообщения взрослых (родителей, педагогов или музейных работников), которые, с большей уверенностью позволяют судить скорее о них самих, чем о детях. Восприятие детей всегда так или иначе опосредовано взрослыми, представлено через их опыт, взгляд, текст. В этом смысле вслед за «soviet-free Soviet» впору говорить о *child-free childhood*¹.

Тем временем, если обратиться к текстам взрослых, в них можно увидеть, что восприятие детей устойчиво противопоставляется взрослому:

У меня вызвало ностальгию. Детям, не знакомым с этим прошлым — было просто интересно и необычно (*Нетривиальный музей*);

Детские воспоминания для меня, а для более молодых людей история (В память Венечки);

Взрослые ностальгируют, а современные дети удивляются (Музей ностальгии).

¹ В исследованиях детства в более широком значении используется близкое выражение «de-childrified childhood» (Бардина 2019).

То, что для взрослых — прошлое (по которому ностальгируют), для детей — история (подлежащая познанию). Если взрослый испытывает чувства и получает впечатление, то ребенку предписано, во-первых, удивляться, а во-вторых, приобретать знания, информацию, то есть просвещаться. И в отзывах, и в репрезентационных текстах посещение музея оценивается по-разному для тех и других: одним оно приятно, а другим полезно, для одних «ностальгирующе», для других — «познавательно»:

Пожилым людям будет приятно вспомнить времена молодости, людям среднего возраста интересно увидеть вещи и предметы быта, которые их, возможно, окружали в детстве, а молодежи и детям будет полезно узнать об условиях жизни их бабушек и дедушек, как они одевались, чем душились и что ели))) (Ностальгирующе и познавательно);

Удивительная точка на карте музеев России, которая объединит всех: старшее поколение окунётся в приятную ностальгию, младшее — откроет для себя удивительный мир, о котором раньше могло только слышать (Страна Советов);

Интересно побывать всем, взрослым — поностальгировать, а детям представить, как жили их бабушки и дедушки, многие родители (Машина времени);

Мы вспомнили своё детство, а дети-подростки окунулись в атмосферу, которой в их жизни просто не было, и именно это было основной целью посещения музея — показать детям, как раньше жили, что читали и т. д. (Вспомнили детство).

Авторы отзывов, как и работники музеев, говоря о мотивах и эффектах знакомства с экспозицией, устойчиво «разводят» взрослых и детей и настойчиво подчеркивают неосведомленность последних в советской повседневности. Познавательность экспозиции для них обусловлена как раз незнанием советских реалий. Это одна из основных тем и один из важных акцентов во всех текстах, от интервью до экскурсий:

Ну, вот опять же, говорю: взрослый приходит, он ностальгирует. Он вспоминает, он видит эту вещицу, Господи, у меня что же такая была! Дура, зачем ее выбросила! Я говорю, ну, постойте, посмотрите, я вам даже в руки ее дам поддержать. Понимаете? И все. И она вот... Это моментально, это сиюминутное такое у нее... Восторг. Потом она забыла, все, у нее уже другие проблемы, внуки там и так далее... Вот это — для взрослых. Дети приходят — они смотрят у меня на маленький такой телевизор, пальцем показывают, я знаю, что это такое, да это же навигатор! А начинаешь объяснять, что это такой первый переносной был телевизор с антенной, понимаете, и вот для них это интересно, а как это? (ПМА 1).

Мотив незнания детьми представленных в музее реалий может выражаться просто в опасении, что ребенок или подросток здесь «не все поймет» (Весело, но не все продумано), и потому нуждается в дополнительной информации перед посещением музея (ПМА 7). Но чаще всего этот мотив принимает более радикальные формы: в ситуации восприятия советского современные дети описываются по модели чу-

жака или наивного простеца, не понимающего элементарного, не распознающего очевидного, делающего смешные допущения и задающего глупые вопросы¹. Они не могут догадаться, как пользоваться зубным порошком (ПМА 4), думают, что электронную игру можно использовать как телефон (ПМА 5) и испытывают шок при виде дискового телефонного аппарата (Привет из коммуналки; Вернулись в детство; Можно идти). В репортаже о гатчинском музее детское незнание советских реалий драматически нагнетается и достигает прямо-таки пугающего масштаба:

Современные ребята не понимают, как пользоваться дисковым телефоном или для чего нужен арифмометр. Что такое примус, керогаз? Не знают, что такое граммофон, и как он может работать без электричества. Для них это все удивительно. Как и катушечный магнитофон, магнитная лента <...> Знаете, что отвечают школьники, когда я показываю им фотоувеличитель «Крокус»? Микроскоп, говорят. А пылесос называют... чайником! Похож. Или сапожная лапа, ее принес нам человек, который провел в Ленинграде блокаду, она сохранилась от его предков. Думают, что это тяпка. Да, магнитолы, грампластинки, винил, бобины, фильмоскопы — для нынешних подростков древний мир. Стиральная доска! Кто сейчас знает, что это такое, для чего? Смешная для молодых посетителей стиральная машинка «Малютка». Что такое авоська? (Мазурова 2020).

Роман Абрамов отмечает, что в глазах молодого поколения «„советское“ выглядит странным, инопланетным, принадлежащим утраченной цивилизации» (Абрамов 2013, 110). Как уже говорилось выше, мы, строго говоря, не можем судить непосредственно о взглядах молодого поколения, но с уверенностью можем сказать, что именно такое восприятие советского ему приписывается старшими. Взрослые (родители и педагоги) конструируют для детей советское как «древний мир» — незнакомое, непонятное, экзотическое прошлое. Одновременно с этим естественным образом конструируется и современный ребенок — как практически полностью лишенный каких-либо знаний о той жизни и очевидно *иной* по отношению к советской реальности. Наконец, подчеркивая непричастность детей к тому времени, взрослые отделяют себя от них, тем самым выстраивая свою поколенческую и возрастную идентичность, то есть фактически конструируют себя как... взрослых. Таким образом, советское детство оказывается одной из тех сфер, в которых проходит граница между современными детьми и взрослыми. А экспозиции советского быта — одним из средств конструирования детства, не только советского, но и современного.

Еще один важный аспект разбираемой темы связан с разницей предметного восприятия экспозиции взрослыми и детьми. Если взрослый посетитель за типичным бытовым предметом в музее часто «видит» свой конкретный чайник / пенал / фотоаппарат и т. п., то для ребенка, скорее всего, за ними ничего такого не «просматривается», и типичное советское так и остается обобщенным, генерализованным, неиндивидуализированным. Соответственно и характер отношения к этим вещам

¹ Чрезвычайно характерно, что точно такими же чужаками-чужаками, не понимающими очевидностей советского опыта, предстают иностранцы: «Была у меня группа французов. Они искренне рассматривали вот это радио с вопросом, а где у него переключение программ [Все смеются]. Вот у меня была та же самая реакция. — Что вы?! А выключать как? Я говорю, а зачем выключать? Оно само выключается ровно в полночь. И включится точно так же автоматически» (ПМА 4).

у них довольно существенно различается. Так, металлическая машинка из Арт-коммуналки, расстрогавшая сурового мужчину (ПМА 4), привлекла не только его внимание — она пользуется популярностью среди многих посетителей мужского пола. Например, в одном из отзывов упоминается, что ребенку «особенно понравился тяжелый железный грузовик» (Приедем еще), и мне самому приходилось видеть в музее мальчиков, игравших с этой машинкой. Во всех перечисленных случаях взаимодействие с незамысловатой игрушкой сопровождалось эмоциями, однако, с большой вероятностью можно сказать, что совершенно разными: для взрослого это был волнительный привет из прошлого, а для детей — источник игрового воображения. Этот пример едва ли позволяет делать какие-то обобщения относительно детского восприятия, однако показывает, насколько разным может быть взрослый и детский взгляд на предметы советского детства, и какой непростой задачей является в связи с этим ознакомление молодого поколения с советским прошлым.

Между тем, как видно из приведенных выше цитат, музей мыслится как место, подходящее и предназначенное для этого. Просветительские задачи решаются здесь с большим энтузиазмом, и одними из наиболее распространенных и востребованных являются разнообразные интерактивные формы работы:

... все настолько сильно поменялось в этой жизни: чем сейчас дети заняты, и как воспитывались дети в советское время, какие были игры, да, как они проводили досуг и так далее. Во что они одевались, как выглядели учебники, какой подход был в шко... к школе и так далее. Обо всем об этом мы рассказываем, у нас много есть программ, адаптированных под детские аудитории. Мы и в прописях, вот, перышками пишем, и рассматриваем всевозможные тетрадки (ПМА 2).

Диапазон интерактивного освоения советских практик довольно широк — от упомянутого писания в прописях до дворовых игр — и включает в себя как сложноорганизованные формы (вроде «Казачков-разбойников»), так и простейшие (например, повязывание пионерского галстука). Анализируя эти разные формы — и по полевым наблюдениям, и по рассказам о них организаторов и участников — можно условно выделить две различные по прагматике модели таких интерактивных занятий или игр.

Одна из них основана на описанном выше экзотизирующем дискурсе, в котором для «современных ребят» экспонаты музея советского быта — это предметы непонятного предназначения, непривычные игры и в целом странный чужой мир. Его интерактивное освоение подразумевает практическое перевоплощение в его обитателя, в «другого». Логика этого перевоплощения заключается в том, что современные дети пишут чернилами и играют в штандер, как бы для того, чтобы почувствовать себя другими, а именно, детьми советского времени. В этом смысле надеть галстук (как предлагают в рыбинском музее — ПМА 5) или взять пионерский барабан — это то же самое, что надеть «боярский» кафтан или пострелять из «средневекового» лука. В этом случае смысл освоения этих практик прошлого заключается в историческом познании: предполагается, что посредством таких игровых действий ребенок получает опыт и знания об историческом другом, сама игра становится инструментом этого познания.

Вторая модель заключается в том, что игра воспринимается и осваивается детьми как таковая, а не как исторический феномен. Она меняет свой семиотический статус, теряет свое добавленное историческое значение. Здесь на первом месте оказывается развлечение, а не просвещение. Если в первой модели ключевую роль играет перевоплощение, то здесь оно фактически отсутствует: дети играют в штандер и фантики, не перевоплощаясь в «советских ребят» или «в своих мам и пап», как любят говорить в таких случаях, а *сами по себе*¹. Так, во время «коммунального квеста» маленькие дети включаются в него, «ничего не понимая» — ПМА 7). Можно сказать, что в этом случае новый опыт приобретает в ином качестве — как свой, а не чужой. В отличие от первой модели, которая может быть обозначена как *реконструкция*, эта вторая, пожалуй, более всего напоминает культурный *ресайклинг* (Luehrmann 2005).

Первая модель проявляется, например, в распространенной музейной практике фотографирования с пионерскими или школьными атрибутами. Примером же «ресайклинга» может быть творческое занятие «Секретик не/для всех», проходившее в Арткоммуналке и включавшее мастер-класс по изготовлению украшений из эпоксидной смолы: здесь детские «секретки» советской поры служили лишь концептуальным образцом для творческого переосмысления (Секретик не для всех). Между тем, выделенные модели на практике редко реализуются в чистом виде, а скорее определяют возможное поле вариаций, по-разному сочетаясь в каждом конкретном случае или перетекая друг в друга. То, что начинается как знакомство с Другим, может в какой-то момент превратиться в собственный опыт и быть включенным в актуальный детский репертуар — игровой, речевой, фольклорный. И затем, уже как часть собственного опыта, послужить основанием для формирования отношения к прошлому. Соединение развлечения и просвещения — распространенный методический прием, широко используемый и в музеях советского быта, не только по отношению к детям, но к ним — в первую очередь. Поэтому игра в фантики непременно предваряется сведениями о дефиците конфет в советское время, а игра «в Чапаева» — рассказом о красном командире:

— Вот в шашки играли. И тут я им показала [игру] «в Чапаева». Они не знают. А кто такой Чапаев? Начинаем рассказывать про Чапаева. Опять же хорошо, хоть будут знать, кто такой Чапаев <...>

— Фильм можно показать...

— Да, можно, но вот в тот в данный момент уже не до фильма, просто рассказываешь. И вот такая есть игра. Так ведь нравится! Ползают по полу! (ПМА 1).

Из речи моей собеседницы совсем не следует, что увлечение детей незамысловатой игрой (вероятно, вполне искреннее) используется лишь как средство завладеть их вниманием, но очевидно, что оно является важным условием для исторического просвещения. Еще более показателен другой эпизод:

— Они приходят, у меня атрибуты: горн, барабан, пионерские галстуки, пилоточки. Вот со всеми в этом году мы сделали... Значит, пионерской организации

¹ Именно так, например, современные подростки играют в советские игровые автоматы (Абрамов 2019).

праздник был: дети пришли, я рассказала, что такое орлятский круг, они постояли и попели. Я говорю, слушайте, как это сплывает! Понимаете? Ну разве это плохо? И вот эти вот маленькие, те самые хорошие традиции, которые были, мы просто... Мы не втюхиваем, мы не навязываем, мы просто рассказываем: вот так было, ребята! Смотрим реакцию — здорово! Всё!

— Это такая игра в пионеров?

— Ну да. <...> Идет некое такое погружение, ну, ребята поиграли и всё. И ушли опять свои вот эти штучки смотреть — смартфончики и все такое прочее. То есть они живут современной своей жизнью. Но, опять же, для чего все эти музеи? Ну хоть немножко знать историю надо? Надо! (ПМА 1).

С одной стороны, реконструируемые пионерские ритуалы здесь противопоставляются современности, для детей это нечто чуждое, отделённое от их собственной жизни и подчеркнуто временное. С другой стороны, реконструируемые практики и связанные с ними социальные эффекты в сознании рассказчицы маркированы сугубо положительно («хорошие традиции», «разве это плохо?»), благодаря чему эта реконструкция становится не просто игрой, а приобщением к *хорошему*. При этом она отделяется от прямой пропаганды («мы не втюхиваем, мы не навязываем»), хотя положительный эффект прямо вербализируется («как это сплывает!»). И эта эксплицированная «положительность» реконструируемых традиций оказывается в скрытом противоречии с их временностью и «чуждостью» для современных детей. В этой ситуации музейный педагог оказывается между установкой на объективное и беспристрастное просвещение детей (см. выше) и стремлением передать им тот положительный опыт советского детства, который он сам аффективно переживает. В результате, судя по разным свидетельствам, первое причудливо совмещается со вторым: в музейной репрезентации советского прошлого, особенно в интерактивных формах, детям транслируется далеко не только фактическая информация, но и ее оценка, не только знания, но и аффект. Более того, нередко интерактив сопровождается «аналитической частью», в которой, собственно, осуществляется оценивание той или иной советской практики на основе ее сопоставления с современностью и делаются выводы:

Вот, и в конце мы всегда с детьми <...> делаем такую параллель, проводим, да? Ну вот, что хорошо, что не очень, где им нравится? Допустим, какие-то моменты им нравятся из той жизни. Есть плюсы, есть минусы. Дети теперь умнейшие <...>. Но вот то, что они живут в виртуальной жизни, в основном, это, конечно, удручает (ПМА 2).

Кстати, очень хорошие отзывы, когда дети говорят: слушайте, как вы интересно жили! Ну, потому что они песен столько не пели бардовских, как мы пели у костра, например! И как мы в лагеря ездили! (ПМА 1).

И я им задала вопрос: «А что вы поёте, детки, какая ваша любимая песня?» Это жуть какая-то, что у них теперь любимое!.. Вот эти вот жуткие, там эти, непристойные... вещи — они поют это активно! Поэтому лучше мы будем приучать их к нормальным детским песням (ПМА 2).

В этих репликах сквозь честные попытки как бы взвешенного непредвзятого анализа («что хорошо, что не очень, где им нравится?», «есть плюсы, есть минусы») уверенно пробивается ностальгический дискурс с его образом «хорошего», «нормального» прошлого на фоне неправильного, а порой и «жуткого» настоящего. Вопрос о том, насколько этот дискурс усваивается юными посетителями музеев, вписывается в дискуссию о возможности и механизмах трансляции советского опыта и памяти о советском от «первого» поколения — «второму», от «взрослых» — «детям», от «инсайдеров» — «аутсайдерам»¹ и об особенностях «опосредованной» или «виртуальной» ностальгии (Holak et al. 2007; Резанова 2011: 149–161; Долгов и др. 2021). Отдельные свидетельства показывают, что музей вполне успешно актуализирует ностальгические образы в сознании подростка:

— Как тебе музей?

— Суперский!

— Почему? Что там суперское?

— Просто такое погружение в эту... в само это время. Можно себя там представить каким-то ребенком из этого... из фильмов, из книжек...

<...>

— И прям мне так это все нравилось, мне казалось, что, вот, советское детство — это самое прекрасное. Потому что... у них как бы были такие... такая у них была среда в классе, такие вообще отношения... Они такие тогда были все культурные.

— Никто не ругался?

— Нет, дело не в этом. Все читали...

— Другие ценности были?

— Да! И мне они как-то ближе. Поэтому... вот так. Ну и потом, всё так, знаешь, как-то... тепло всё очень. По-домашнему, в каком-то смысле. Можно было, там, пойти... пойти к соседу и попросить у него... дать тебе денег, чтобы позвонить родителям. Ты мог кинуть камень в окно, чтобы позвать друга. Ну, то есть, все было так, очень... просто, доверие было у всех... А сейчас, знаешь, стукнешь, позвонишь в дверь — а там какой-нибудь человек такой: ты чего тут подросток агрессивный, пришел? Уходи отсюда! (ПМА 8).

В упоминаемых образах нетрудно узнать отдельные ностальгические стереотипы о советском времени, и в данном случае есть прямое указание на их источник — литературу и кинематограф. Музей же в данном случае служит не источником, а скорее триггером ностальгического воображения. Вопросы о том, насколько сам музей может не только пробуждать, но и формировать ностальгический взгляд на советское, насколько это типично, и от каких факторов зависит, остаются открытыми и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Что же касается приведенных выше описаний музейных интерактивных занятий, следует заметить, что, с одной стороны, они реализуют модель *реконструкции* (вре-

¹ Эти вопросы, в частности, затрагивались участниками давней дискуссии по статье Катрионы Келли «Школьный вальс» (Форум 2006), ставшей заметным импульсом для исследования советского детства и его репрезентаций. Сегодня тема воспроизводства советского опыта обсуждается, например, исследователями современной детской литературы: Knight 2009; Багдасарян 2019; Маслинская 2021.

менное перевоплощение в советских детей и воспроизводство *их* практик), а с другой, оказываются довольно близки к *ресайклингу*, поскольку содержат очевидную попытку внедрить эти практики в актуальный репертуар, опираясь на их не историческую, а общекультурную ценность. Стремление представить советское актуальным, востребованным и полезным для современности проявляется и в текстах экскурсий, и в интервью. Так, при демонстрации аккуратных школьных тетрадей 1940-х годов, отмечается, что обучение чистописанию крайне полезно для общего развития ребенка, в частности, его мелкой моторики (ПМА 2), а рассказ о детском коллекционировании сопровождается ремаркой о том, что оно позволяло ребенку «ориентироваться в какой-то теме» и «быть экспертом в каком-то вопросе» (ПМА 5). Все эти замечания прямо или косвенно указывают на прагматическую, а не историческую значимость советского опыта¹.

Одной из таких ценностей советского времени, мыслящихся как универсальные, является коллективизм, передаваемый через чувства единения и сплоченности. Это то, что уверенно приписывается советскому прошлому представителями разных поколений и ради чего в музеях создаётся «орлянский круг», устраивается хоровое пение и организуются коллективные игры. При этом разговоры о советском коллективизме сопровождаются, с одной стороны, lamentациями по поводу невозможности его воспроизведения в современности, а с другой — рассуждениями о методах его продвижения, в диапазоне от чистого информирования («просто рассказать») до аналогии («другое придумать») и выборочного использования («брать хорошее»):

— Этого сейчас не будет! Опять же, почему? Время другое! <...> Все разобщены, вот буквально. И не могут быть сейчас тимуровцы, лишь только потому что там... <...> Возврата не будет, и поэтому, вот, например, моя цель — не возвращать их в то, что было, а просто рассказать, как это было. А им потом, молодежи, судить. Сейчас им нравится вот все, что происходит, и они живут, обогащаются, чем — не знаю... Либо действительно, вот, что-то оттуда взять, хорошо ведь, ведь можно же и брать что-то хорошее, не обязательно [все целиком]. Может, другое движение придумать... Пока никто не придумал, нет таких людей...

— Вы же сами говорите, что это невозможно...

— Невозможно! По идее, нет... Нет, опять же, потому что есть некие уже границы, которые уже перейти — ну, никому нельзя, всё! Поэтому вот и музеи такие, наверное, открываются — как ностальгические... (ПМА 1).

Напряженная рефлексия и долгие колебания между безусловной пользой тимуровского движения и невозможностью его воспроизведения символично завершаются упоминанием музея как спасительного острова в образовавшемся вакууме. Именно здесь открывается доступ к своему и чужому детству, проводятся и разрушаются границы между прошлым и настоящим, детским и взрослым, личным и коллективным — словом, музей функционирует одновременно как архив, театр, заповедник и лаборатория *детского (и) советского*.

Подводя итог, следует заметить несколько вещей. Тема детского (и) советского в музее вписывается в разные исследовательские контексты — ностальгические,

¹ Обращению к советским бытовым привычкам в современном эко-дискурсе посвящена статья Юлии Секушиной (Секушина 2021).

музейные, детские, постсоветские (постсоциалистические) — и ряд актуальных дискуссий: о трансляции советского опыта, о способах музейной репрезентации личного опыта и памяти, о детском восприятии прошлого вообще и музейной экспозиции в частности etc. Для проблематизации и концептуализации заявленной тематики представляются продуктивными такие концепты как *атмосфера* и *ресайклинг*. С точки зрения методики исследования данной темы, следует отметить большой потенциал включенного наблюдения, глубинных интервью и музейных отзывов как источников, недостаток данных о собственно детском музейном опыте, а также перспективность рассмотрения музейных сюжетов в сопоставлении с близкой проблематикой в других сферах, в частности, в кино и литературе.

Источники и материалы

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА 1 — интервью с сотрудницей музея «Назад в СССР» Дома культуры Протопопово (Коломна).

ПМА 2 — интервью с сотрудницей Выставочного зала «Старомодное» (Коломна).

ПМА 3 — интервью с сотрудницей Дома культуры «Дом Озерова» (Коломна).

ПМА 4 — интервью с сотрудницей А. музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 5 — экскурсия в музей «Советская эпоха» (Рыбинск).

ПМА 6 — экскурсия в музей-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 7 — интервью с сотрудницей В. музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 8 — интервью с посетительницей музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (14 лет).

ПМА 9 — интервью с заведующей музейной экспозицией «Советский уголок» гостиницы «Советская» (Коломна).

ПМА 10 — Книга отзывов музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (фото-архив).

Отзывы о музей-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“»

В память Веночки Ерофеева // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r662858783-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Вернулись в детство))) // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r449847187-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Весело, но не все продумано // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r650715568-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Вспомнили детство // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r270730424-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Машина времени // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r563964021-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Музей ностальгии по СССР. Любопытно // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r527404229-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Молодцы! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r390794390-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Нетривиальный музей // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r671217788-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Ностальгирующе и познавательно // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r644571952-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Окунулась в 60-е // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r264822712-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Привет из коммуналки! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r553289025-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Приедем еще на большую экскурсию // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r692591790-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Приятная ностальгия // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r542060993-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Родом из СССР! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r567297010-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Самодельность на блошином рынке // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r339195303-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Очень здорово // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r596884990-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Очень атмосферно! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r648704989-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Посмотреть стоит! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r454004013-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html

Путешествие в прошлое страны и семьи // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r741742532-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Путешествие в СССР // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r519817854-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Прыжок в прошлое // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r737780235-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Спешите видеть // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r592637686-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html

Супер! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r465621500-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Это коммунальная квартира, это коммунальная страна... // Сайт «Отзовик». URL: https://otzovik.com/review_8780846.html

Другие материалы

Арткоммуналка — сайт музея-резиденции «Арткоммуналка Ерофеев и другие». URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/o-nas>

Возвращение в детство — Возвращение в детство. Ностальгия. Отзыв о музее «Советская эпоха» // сайт Tripadvisor. URL: https://otzovik.com/review_11385234.html

Мазурова — Мазурова С. Как устроен музей «Капсула Времени» в Гатчине // Интернет-сайт «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2020/12/21/reg-szfo/kak-ustroen-muzej-kapsula-vremeni-v-gatchine.html>

Назад в СССР — Музей «Назад в СССР». Интернет-сайт <http://ussrmuseum.ru/>

Окунуться в прошлое — Окунуться в прошлое. Отзыв о музее «Советская эпоха» // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r689280830-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html

Старомодное_ВК — страница Выставочный зал «Старомодное» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/kstaromodnoe>

Секретик не для всех — Секретик не для всех. Объявление на сайте музея-резиденции Арткоммуналка «Ерофеев и другие». URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/sekretik-nedlya-vsesh>

Страна советов — Музей СССР «Страна советов» — сайт <https://stranasovetov.ru/>

Научная литература

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. Российский партнер журнала Museum International. 2013, № 6. С. 4–8 (а).

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111 (б).

Абрамов Р. Н. Грани неформальной музеефикации «реального социализма»: материализация ностальгического эффекта // Завадский А., Склез В., Суверина К. (отв. ред.). Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 274–298.

Байбури А. К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–86.

Багдасарян О. Ю. Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 132–138.

Бардина С. М. Голоса детей и детские голоса // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 25–27.

Бонами З. А. Музей в дискурсе аффекта // Завадский А., Склез В., Суверина К. (отв. ред.). Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 51–78.

Горалик Л. Росагроэкспорт сырка. Символика и символы советской эпохи в современном российском брендинге // Теория моды. 2007. № 4. С. 6–21.

Долгов А. Ю., Мелешикина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего СССР в представлениях разных поколений // Political science. 2021. № 1. С. 245–273. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>

Калинин И. Добро пожаловать в детство, в которое посторонним вход воспрещен // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. С. 35–38.

Каспе И. М. Съесть прошлое: идеология и повседневность гастрономической ностальгии / Никулин А. М. (отв. ред.) Пути России: культура — общество — человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. М.: Логос, 2008. С. 205–218.

Куприянов П. С., Лурье М. Л. «Вот этот вот дух, когда он есть, это всегда очень здорово...»: как работают культурные атмосферы и за что их любят // ШАГИ/STEPS. 2022 (в печати).

Манохина А. Д. Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. 2018. № 9(1), 83–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>.

Маслинская С. Г. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. № 6. С. 165–178.

Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23(5). С. 195–224.

Резанова З. И. (отв. ред.) Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.

Сальникова А. А. Российское детство в XX век: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.

Сальникова А. А., Мальцева И. А. Музей счастливого детства как часть казанского меморативного ландшафта // Мазур Л. Н., Магер Д. (отв. ред.) Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сб. науч. тр. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2022. С. 143–151.

Секушина Ю. А. Воображая прошлое, преобразая настоящее: культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 160–182.

Смолина Н. В. «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 133–136.

Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 25–33 (а).

Тимофеев М. Ю. Музеефикация советского периода (случай музея социалистического быта в Казани) // Бурылинский альманах. 2014. № 1. С. 48–52 (б).

Фокин А. А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований 2016. № 1–2. С. 65–73.

Форум 2006: Обсуждение статьи К. Келли „Школьный вальс“ // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 6–107.

Форум 2019: В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9–106.

Bach J. Consuming Communism. Material Cultures of Nostalgia in Former East Germany // Angé, O., D. Berliner, (eds.). Anthropology and Nostalgia. Oxford, New York: Berghahn Books, 2014. P. 123–138.

Holak S. L., Matveev A. V. and Havlena W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research, 2007. Vol. 60. No. 6. P. 649–655.

Kalinin I. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as «Historical Horizon» // Slavonica. November 2011. Vol. 17. No. 2. P. 156–166.

Kazalarska S. Remembering Childhood in the Museum: Notes on Post-Communist Nostalgia // Slavkovic, M., M. Dorgovic (eds.). Nostalgia on the Move. Belgrade: The Museum of Yugoslavia. 2017. P. 75–83.

Knight R. Representations of Soviet childhood in post-Soviet texts by Liudmila Ulitskaia and Gabrielian N. // Modern Language Review. 2009. № 104 (3). P. 790–808.

- Luehrmann, S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El // *Religion, State and Society*. 2005. № 33(1): 35–56.
- Makhotina E. Versprechen der Vergangenheit: Die Zeit der Sowjetunion in der russischen Geschichtspolitik und der kollektiven Erinnerung nach 1991 // *Gute Erinnerungen an schlechte Zeiten?: Wie nach 1945 und nach 1989 rückblickend über glückliche Momente in Diktaturen gesprochen wurde* / ed. Monica Rüthers. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2021. P. 175–198. <https://doi.org/10.1515/9783110729429-010>
- Nadkarni M., Shevchenko O. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // *Ab Imperio*. 2004. № 2. P. 487–519.

References

- Abramov, R. N. 2013a. Muzeifikatsiia sovetskogo: mezhdubarakholkoi i vintaznym salonom [Museification of the Soviet: between a flea market and a vintage salon]. *Muzei. Rossiiskii partner zhurnala Museum International*. 6: 4–8.
- Abramov, R. N. 2013b. Muzeifikatsiia sovetskogo. Istoricheskaia travma ili nostalgii? [Museification of the Soviet: Historical Trauma or Nostalgia]. *Chelovek* 5: 99–111.
- Abramov, R. N. 2019. Grani neformal'noi muzeifikatsii "real'nogo sotsializma": materializatsiia nostalgicheskogo effekta [The Limits of the Informal Museumification of "Real Socialism": Materializing the Nostalgic Effect]. In *Politika affekta: muzey kak prostranstvo publichnoi istorii* [The Politics of Affect: The Museum as a Space for Public History] / ed. A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina. 274–298. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bach, J. 2014. Consuming Communism. Material Cultures of Nostalgia in Former East Germany. In *Anthropology and Nostalgia* edited by Angé, O. and D. Berliner. 123–138. Oxford, New York: Berghahn Books.
- Baiburin, A. K. 2004. Etnograficheskii muzei: semiotika i ideologiya [The Ethnographic Museum: Semiotics and Ideology]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1: 81–86.
- Bagdasarian, O. Iu. 2019. Pamiat' vtorogo pokoleniia i rabota s proshlym v sovremennoi detskoii literature [Second-generation memory and dealing with the past in contemporary children's literature]. *Politicheskaiia lingvistika*. 6 (78): 132–138.
- Bardina, S. M. 2019. Golosa detei i detskie golosa [Children's voices and voices of children]. *Antropologicheskii forum* 42: 25–27.
- Bonami, Z. A. 2019. Muzei v diskurse affekta [The Museum in the Discourse of Affect]. In *Politika affekta: muzey kak prostranstvo publichnoi istorii* [The politics of affect: the museum as a space for public history] ed. by A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina. 51–78. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dolgov, A. Iu., E. Iu. Meleshkina and O. A. Tolpygina. 2021. Ot nostalgii k osmysleniiu nastoiashchego SSSR v predstavleniiakh raznykh pokolenii [From Nostalgia to Intergenerational Reflection on the Present USSR]. *Political science*. 1: 245–273. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>
- Fokin, A. A. 2016. Relikty i simulakry sovetskogo v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve [Relicts and Simulacra of the Soviet in Contemporary Russian Media Space]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* 1–2: 65–73.
- Forum 2006: Obsuzhdenie stat'i K. Kelli «Shkol'nyi val's» [Discussion of the article «The School Waltz» by K. Kelly]. *Antropologicheskii forum* 4: 6–107.
- Forum 2019: V poiskakh detskoii sub'ektivnosti [In search of children's subjectivity]. *Antropologicheskii forum* 42: 9–106.
- Goralik, L. 2007. Rosagroeksporta syrka. Simvolika i simvol'y sovetskoi epokhi v segodniashnem rossiiskom brendinge [The Rosagroexport cheese curd. Soviet era symbolics and symbols in today's Russian branding]. *Teoriia mody* 4: 6–21.
- Holak, S. L., A. V. Matveev and W. J. Havlena. 2007. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy. *Journal of Business Research* 60(6): 649–655.

- Kalinin, I. 2011. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as «Historical Horizon». *Slavonica* 17(2): 156–166.
- Kalinin, I. 2008. Dobro pozhalovat' v detstvo, v kotoroe postoronnim vkhod vospreshchen [Welcome to a childhood where no one else is allowed]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2: 35–38.
- Kaspe, I. M. 2008. S'est' proshloe: ideologiya i povsednevnost' gastronomicheskoi nostalgii [Eating the Past: The Ideology and Everyday Life of Gastronomic Nostalgia]. In *Puti Rossii: kul'tura — obshchestvo — chelovek: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma (25–26 ianv. 2008 g.)* [Russia's Ways: Culture — Society — Man. Materials of the International Symposium (January 25–26, 2008).] / ed. A. M. Nikulin. Moscow: Logos. 205–218.
- Kazalarska, S. 2017. Remembering Childhood in the Museum: Notes on Post-Communist Nostalgia. In *Nostalgia on the Move* edited by Slavkovic, M. and M. Dorgovic. Belgrade: The Museum of Yugoslavia. 75–83.
- Knight, R. 2009. Representations of Soviet childhood in post-Soviet texts by Liudmila Ulitskaia and Gabrielian N. *Modern Language Review*. 104 (3): 790–808.
- Kupriianov, P. S., and M. L. Lur'e. 2022. «Vot etot vot dukh, kogda on est', eto vseгда ochen' zdorovo...»: kak rabotaiut kul'turnye atmosfery i za chto ikh liubiat [«That spirit, when it's there, is always great»: How cultural atmospheres work and why they are loved]. *SHAGI/STEPS* (in print).
- Luehrmann, S. 2005. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El. *Religion, State and Society*. 33(1): 35–56.
- Makhotina, E. 2021. Versprechen der Vergangenheit: Die Zeit der Sowjetunion in der russischen Geschichtspolitik und der kollektiven Erinnerung nach 1991. In *Gute Erinnerungen an schlechte Zeiten?: Wie nach 1945 und nach 1989 rückblickend über glückliche Momente in Diktaturen gesprochen wurde* / ed. Monica Rüthers, 175–198. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. <https://doi.org/10.1515/9783110729429-010>
- Manokhina, A. D. 2018. Kul'tura sovetskoi povsednevnosti v ekspozitsiiakh istoricheskikh muzeev Sankt-Peterburga [The Culture of Soviet Everyday Life in the Exhibitions of Historical Museums of St. Petersburg]. *Voprosy muzeologii*, 9 (1): 83–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>
- Maslinskaia, S. G. 2021. Magiya pionerskoi simvoliki: sovetskoe proshloe v sovremennoi detskoii literature [The Magic of Pioneer Symbolism: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6: 165–178.
- Morozov, I. A., and I. S. Sleptsova. 2020. S pristrastiem vgliadyvaias' v proshloe: 'ad' i 'rai' sovetskoi epokhi v sovremennykh muzeinykh narrativakh [Peering Intently into the Past: Hell and Paradise in Contemporary Museum Narratives]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 23(5): 195–224.
- Nadkarni M., and O. Shevchenko. 2004. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices. *Ab Imperio* 2: 487–519.
- Rezanova, Z. I. (ed.). 2011. *Nostal'giia po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Sal'nikova, A. A. 2007. *Rossiiskoe detstvo v XX veke: Istoriia, teoriia i praktika issledovaniia* [Russian Childhood in the 20th Century: History, Theory, and Research Practice]. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Ul'ianova-Lenina.
- Sal'nikova, A. A., and I. A. Mal'tseva. 2022. Muzei schastlivogo detstva kak chast' kazanskogo memorativnogo landshafta [The Museum of Happy Childhood as part of the Kazan memorial landscape]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi: sbornik nauchnykh trudov* [Memorial Landscapes of Small Towns in Russia and Poland: A Collection of Scientific Works] / ed. L. N. Mazur and D. Mager. 143–151. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Sekushina, Iu. A. 2021. Voobrazhaia proshloe, preobrazhaia nastoiashchee: kul'turnyi resaikling sovetskogo proshlogo v diskurse osoznannogo potrebleniia [Imagining the Past, Transforming

- the Present: Cultural Recycling of the Soviet Past in the Discourse of Conscious Consumption]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 160–182.
- Smolina, N. V. 2014. 'Sovetskoe' v postsovetskom prostranstve: analiz nostalgicheskikh soobshchestv [The Soviet in the Post-Soviet Space: An Analysis of the Nostalgic Communities]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 17 (346): 133–136.
- Timofeev, M. Iu. 2014a. Muzeifikatsiia SSSR [The museumification of USSR]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* 5: 25–33.
- Timofeev, M. Iu. 2014b. Muzeifikatsiia sovetskogo perioda (sluchay muzeia sotsialisticheskogo byta v Kazani) [Museumification of the Soviet Period: The Case of the Museum of Socialist Life in Kazan]. *Burylinskiy al'manakh*. 1: 48–52.

УДК 394+930.85
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/35-49
Научная статья

© Н. Н. Абдуганиев, Л. И. Низамова

РОЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

В статье рассматривается деятельность учреждений культуры в Республике Мордовия — библиотек, клубов, культурно-досуговых центров (КДЦ) в советское время и на современном этапе. Сопоставляя такие разные по идеологическому содержанию этапы истории страны, авторы показывают схожую роль учреждений культуры в вопросах гармонизации межнациональных отношений и поддержания этнокультурного многообразия населения. Для описания советского периода авторы вводят в научный оборот статистические данные, материалы республиканских СМИ, в первую очередь публикации газеты «Красная Мордовия» (позднее «Советская Мордовия», ныне — «Известия Мордовии»), и архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия. При анализе многообразия современных культурно-просветительских мероприятий, проводимых в республике, источниками послужили данные анкетных опросов экспертов и текущая документация учреждений культурного профиля. Авторы отмечают массовый охват в период СССР не только городского, но и сельского населения через систему клубов, библиотек, домов и дворцов культуры, кружковую деятельность, активность которых складывалась постепенно и особенно активизировалась с начала 1950-х гг. Как становится очевидным из данных исследования, современная работа культурно-досуговых центров, библиотек и др. во многом опирается на опыт прошлого, но совершенствуется и развивается в условиях новых реалий.

Ключевые слова: культурное многообразие, народы Мордовии, гармонизация, межнациональные отношения, традиционная культура, история, материалы СМИ, архивы, учреждения культуры, библиотеки.

Ссылка при цитировании: Абдуганиев Н. Н., Низамова Л. И. Роль учреждений культуры в национальной политике России: от прошлого к настоящему (на примере Республики Мордовия) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 35–49

Абдуганиев Назиржон Насибжонович — заместитель председателя Совета, Ассамблея народов России (125009 Москва, Малый Гнездиновский пер., д. 12, стр. 4); аспирант, ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (430005 Саранск, ул. Льва Толстого, 3). Эл. почта: nazir1970@yandex.ru
Низамова Лилия Ирфановна — аспирант ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (430005 Саранск, ул. Льва Толстого, 3). Эл. почта: nizli@yandex.ru

UDC 394+930.85

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/35-49

Original Article

© Nazirjon Abduganiev and Lilija Nizamova

THE ROLE OF CULTURAL INSTITUTIONS IN RUSSIA'S NATIONAL POLICY: FROM PAST TO PRESENT (THE CASE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)

The article examines the activities of cultural institutions in the Republic of Mordovia — libraries, clubs, and cultural and leisure centres (CLCs) during the Soviet period and at present. Comparing such ideologically different stages of the country's history, the authors show how similar the role of cultural institutions is in harmonizing inter-ethnic relations and maintaining ethno-cultural diversity of the population. To describe the Soviet period, the authors introduce statistical data, materials from the republican media, mainly articles in the newspaper "Krasnaya Mordovia" (later "Soviet Mordovia", now "Izvestia Mordovia"), and archival documents stored in the Central State Archive of the Republic of Mordovia. To analyze the diversity of contemporary cultural and educational activities in the republic, the authors used the questionnaire interviews with experts and current documentation of cultural institutions. The authors observe the mass involvement of not only urban, but also rural population in the USSR period, through the system of clubs, libraries, culture houses and palaces, which were developing gradually and became more popular from the beginning of 1950s. As the research data shows, the current work of cultural and leisure centres, libraries, etc. is largely based on the experience of the past, but is being improved and developed under the new realities.

Keywords: *cultural diversity, Mordovian population, harmonization, interethnic relations, traditional culture, history, media materials, archives, cultural institutions, libraries.*

Authors Info: **Abduganiev, Nazirjon N.** — Deputy Chairmen of the Board, Assembly of the Peoples of Russia (Moscow, Russian Federation); Ph.D. student, Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: nazir1970@yandex.ru

Nizamova Lilija I. — Ph.D. student, Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: nizli@yandex.ru

For citation: Abduganiev, N. N. and L. I. Nizamova. 2022. The Role of Cultural Institutions in Russia's National Policy: From Past to Present (the Case of the Republic of Mordovia). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 35–49

Введение

Единство любого государства на практике невозможно в отсутствие института гражданской нации. Современная гражданская нация Российской Федерации воз-

никла в 1990 г. в связи с принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР, где согласно выражению воли «народов РСФСР» провозглашалась независимость России. В дальнейшем для обозначения гражданской идентичности жителей России использовались различные термины: «россияне», «многонациональный народ Российской Федерации», «российский народ», «многонародная российская нация» и «российская нация», однако согласно «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» закрепился именно последний термин (Стратегия 2012/2018).

Национальная идентичность тесно связана с фактором культуры. Особенностью российской культуры является ее высокая степень полиэтничности. В современных условиях именно она становится одной из ключевых идей, на основе которых складывается представление о России как об уникальной цивилизации (Дронова 2010: 244–247). Роль культуры представляется первостепенной в сфере национальной и этнической идентификации, сохранения и развития картины мира граждан страны. В процессе знакомства человека с историей формирования своего государства и нации зарождается его мировосприятие, складывается национальный характер, человек самоидентифицируется, осознавая принадлежность к данному социуму. Для приобщения молодого поколения к отечественной культуре его нужно заинтересовать, уметь преподнести историю так, чтобы человек принял ее и сформировался как полноценный гражданин своего государства, при этом уважал культуры других народов, проживающих рядом. Обозначенный процесс не протекает стихийно. Не последняя роль в нем принадлежит работе институциональных структур различного профиля. В частности, утверждение единой российской идентичности при сохранении самобытности всех составляющих ее народов означает поддержку и развитие вариативности образования, культуры и науки (Мартынова 2021: 328). В то же время российский социум, в котором проживают представители около 190 народов (Национальный состав РМ 2013), в силу интеграционных процессов становится все более цельным и взаимосвязанным.

Это находит отражение в российской политике, экономике, дипломатии, индустрии масскульта, включая киноиндустрию, праздничную культуру и т. д. Происходит поиск новых форм обеспечения потребностей человека XXI века. Вместе с тем, нет ничего удивительного, что в современной России проявляется социальный запрос на актуализацию исторической памяти, использование опыта предшествующих поколений. В данной связи интересно проследить опыт советского периода жизни нашей страны, направленный на гармонизацию межнациональных отношений через деятельность учреждений культуры. Представляется, что воспроизводство «советского (трансгисторического) типа сознания» и соответствующих ему практик в современной России нецелесообразно воспринимать в духе «идеологической подозрительности» 1960–1970-х гг. На самом деле многое объясняется кодами национальной культуры, которые воспроизводят советские архетипические структуры в настоящем, и проводниками которых в какой-то степени является каждый из нас. Именно благодаря этому механизм адаптации символов и смыслов прошлых эпох к современным реалиям оказывается очень эффективным.

В данном ракурсе особый интерес представляет феномен вневременной темпоральности советских практик, позволяющий сохраняться «следам советского прошлого в современном российском смысловом контексте» (Заверишинская 2017: 456).

Значительная роль в этом принадлежит информации, содержащейся в материалах СМИ. Печать является одним из элементов массовой коммуникации, которую можно характеризовать как «систематическое распространение сообщений среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей данного общества и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей» (Дементьева и др. 2012: 20). Через систему средств массовой информации происходит мощное воздействие на массовое сознание... Исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения. Печатные тексты имеют высокое влияние на общество, способны привлечь внимание самого широкого круга читателей (Дементьева и др. 2012: 3).

Этнограф В. К. Малькова пишет: «Этническая информация, передаваемая СМИ, может выполнять очень гуманную, толерантную миссию. Она просвещает людей, информирует их, развлекает, организывает на добрые дела и выполняет еще ряд других полезных функций. Из этого источника люди узнают много нового о других народах, и это воспитывает у читателей, слушателей, зрителей интерес и уважение к ним, к их жизни и достижениям. Позитивная этническая информация о собственном народе также важна: она способствует формированию этнического самосознания, уважительного отношения к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству. Кроме того, толерантная этническая информация способствует формированию массовых позитивных представлений людей в области межнациональных отношений» (Малькова 2003: 137). Нередко в российских республиках журналисты рассказывают об успехах «своих» этносов в прошлом и об их интересах в настоящем и будущем, реконструируется или романтизируется их историческое прошлое (Малькова 2003: 139–140).

Это высказывание подтверждают, в частности, и традиции народов Республики Мордовия, которые продолжают свое развитие и приобретают особую ценность в современных условиях. В частности, общество заинтересовано в эффективном использовании свободного времени людей в целях социально-экономического развития социума и поддержания его духовности. На содержание и формы деятельности в сфере досуга существенное влияние оказывают принадлежность человека к определенной социальной, этнической и национальной группе. Если обратиться к современной социально-культурной ситуации, досуг предстает как общественно осознанная необходимость. Досуг как деятельность обладает обширной типологией и может рассматриваться в контексте исторических и социальных наук с как ресурс, направленный на решение разных задач.

Местом реализации многих социально-культурных, досуговых инициатив уже долгое время выступают учреждения культуры: библиотеки, клубы, дома культуры, культурно-досуговые центры (КДЦ). В статье рассматриваются вопросы гармонизации межнациональных отношений населения в Республике Мордовия через деятельность учреждений культуры (библиотеки, клубы, КДЦ). Источниками служат материалы СМИ, данные архивов и результаты анкетирования этнокультурной деятельности этих учреждений в советское время и на современном этапе.

Опыт реализации социально-культурных и досуговых инициатив учреждениями культуры в советский период

О самых разных аспектах реализации социально-культурных, досуговых инициатив учреждениями культуры советского периода можно узнать из газетных и журнальных публикаций. Авторами была проанализирована пресса, издававшаяся в Мордовии в 1947–1970 гг. По словам мордовского этнографа, д. и. н. Л. И. Никоновой, именно в этот период «клубы и избы-читальни становятся центрами культуры села...» (Никонова 2017: 156–165). Многие материалы газеты «Красная Мордовия» (далее «Советская Мордовия», ныне — «Известия Мордовии») посвящены развитию культуры села в различные периоды социалистического строительства. По ним можно проследить условия, в которых осуществлялась досуговая деятельность (открытие и работа клубов, изб-читален, сельских библиотек и т. д.), узнать о характере художественной самодеятельности и её репертуаре; об активности участников, о других мероприятиях, направленных на укрепление содружества разных народов. Вопросы открытия учреждений культуры и их досуговую деятельность в сельской и городской среде регулярно освещали селькоры, фотокорреспонденты, работники органов власти и т. д. Приведем некоторые наиболее типичные выдержки из СМИ того периода. Извлеченный материал мы расположили по хронологии.

1947 г. В мордовском селе Кечушево Козловского района отстроен новый клуб (Отстроен новый клуб 1947).

1949 г. «Шестнадцать сельских драматических кружков Ардатовского района готовятся к смотру сельской художественной самодеятельности, который будет проходить в конце января. ... В селах района идет подготовка к республиканскому смотру художников-самоучек. К смотру готовятся новые картины и разнообразные рукоделия» (Егоров 1949).

1950 г. Заместитель председателя Совета Министров МАССР А. Киселёв в своем докладе «Культурное строительство Советской Мордовии», посвященном 20-летию Мордовской АССР, высказал мысль о том, что культурно-просветительная работа является неотъемлемой частью работы по воспитанию трудящихся. По его мнению, дома культуры, клубы, избы-читальни, библиотеки, кинотеатры и радиовещание активно содействуют выполнению хозяйственно-политических задач. Доклад содержал много статистических данных. Читатель узнает, что в 1914 г. на территории Мордовии было всего лишь 6 киноустановок, 5 клубов и 4 библиотеки. В 1949 г. Мордовская АССР имела 32 районных Дома культуры, 6 городских клубов, 3 музея, 432 избы-читальни, 129 государственных библиотек. А. Киселев сообщает, что книжный фонд библиотек составляет 700 тыс. томов. ... В 1949 г. при культпросветучреждениях работают 389 кружков, в т. ч. они проводят информацию о достижениях науки и культуры. При избах-читальнях ведут работу 475 агрозоветкружков. Ими охвачено 3116 тружеников колхозного полеводства и животноводства. В 1940 г. было 6 городских, 30 сельских и колхозных кинотеатров и 30 кинопередвижек. В 1949 г. стало 9 городских, 60 сельских и колхозных кинотеатров, 137 звуковых передвижек и 9 ведомственных киноустановок. Республика имеет мощную радиовещательную станцию, 56 радиоузлов и десятки тысяч радиоточек и эфирных установок. Рост сети культурно-просветительных учреждений, кино и радио является ярким выражением повышения культурного уровня и удовлетворения духовных потребностей запросов трудящихся... На территории Мордовии издается 3 республиканские газеты, 1 го-

родская, 32 районных и 1 многотиражка с разовым тиражом 109 525 экз. Кроме того, издаются альманахи: «Сяськома» («Победа»), «Изнямо» (Победа) и «Литературная Мордовия» (Киселёв 1950).

1950 г. «Из года в год растет культура села Енгальчева Дубенского района. В этом году в селе открыта сельская библиотека, она уже насчитывает 337 читателей. Есть свой сельский клуб на 300 мест... В клубе и избе-читальне стало больше посетителей. Там можно культурно отдохнуть, послушать радио, почитать газеты, поиграть в настольные игры. При клубе созданы хоровой и драматический кружки (Толстов 1950). «Большой, на 250 мест клуб в с. Бабеево Темниковского района — любимое место отдыха сельчан. По вечерам колхозники слушают здесь радио, играют в бильярд, шашки, домино. Лекции устраиваются 4–5 раз в месяц и у них большое количество слушателей. ... Значительно улучшилась за время конкурса работа самодеятельности» (Брейкин 1950).

1954 г. Из выступления Министра культуры МАССР И. Кшнякина: «... Чем выше культурный уровень и сознательность рабочих, колхозников и интеллигенции, тем плодотворней их созидательный труд. Вот почему необходимо резко улучшить культурный уровень народа. ... Создана широкая сеть учреждений культуры на селе. Только в системе Министерства культуры Мордовии сейчас работает 32 районных дома культуры, 440 сельских клубов... Более года назад всеми учреждениями культуры объединено в одно Министерство культуры МАССР. Это дало возможность несколько улучшить культурное обслуживание населения республики. В республике учреждениями культуры проведено 2 крупных мероприятия: смотры сельской художественной самодеятельности, а также районные и городские праздники песни, в которых участвуют около 30 тыс. чел. Благодаря этому более 15 тыс. чел сейчас принимают участие в драматических, хоровых, музыкальных, хореографических кружках и духовых оркестрах (Кшнякин 1954).

1957 г. До революции на территории Мордовии культурно-просветительных учреждений почти не было. Тогда насчитывалось шесть кинотеатров, четыре библиотеки, и пять клубов. ... Сейчас — 34 районных Дома культуры, 610 клубов, 460 библиотек и более 300 киноустановок, состоящих на государственном бюджете. Кроме этого, имеются профсоюзные клубы, киноустановки, ведомственные библиотеки. В 1957 г. в саранском кинотеатре «Октябрь» оборудована широкоформатная киноустановка. Сеть культпросветучреждений с каждым годом расширяется не только за счет государственного строительства, но и за счет местных средств. Рост экономики колхозов позволяет в корне улучшить культурно-бытовые условия населения. Только в 1955 г. построено 35 колхозных клубов, а в 1956 — ещё 50. В 1957 г. колхозы развернули строительство 100 клубов... Всего в республике насчитывается 1523 самодеятельных коллектива, объединяющие свыше 193 тыс. чел. (Хроника жизни 1957).

1963 г. Т. Зуева, Министр культуры РСФСР: «Народы Российской Федерации вместе со всеми советскими народами, спаянные нерушимой дружбой, самоотверженно борются за новый подъем промышленности и сельского хозяйства, за дальнейшее повышение материального состояния и культурного уровня трудящихся». Во всей культурно-воспитательной работе большая роль принадлежит клубным учреждениям. В РФ насчитывается 65 тыс. дворцов и домов культуры, сельских и колхозных клубов. Они неустанно пропагандируют идеи мира и сотрудничества между всеми народами (Зуева 1963).

Важную информационную роль играли и иллюстрации, печатавшиеся на страницах газет. Фотоснимки показывают события культурной жизни многоэтнической Мордовии. В рубрике «Хроника культурной жизни», например, приводится фотоснимок, где учащиеся 7–8 классов Аксельской школы Пурдошанского района исполняют молдавский танец (Молдавский танец 1954). Еще в одном номере газеты за 1953 г. сообщается, что «На днях Татарский государственный театр оперы и балета поставил в Саранске балет Ф. Яруллина «Шурале»... Творческий коллектив театра сумел донести до зрителя, что главным героем в балете «Шурале» является народ-победитель» (Татарский национальный балет 1953). На другой фотографии члены хореографического кружка: Сидорова, Чигирев и Есина исполняют украинский танец (Украинский танец 1954). Фото Ш. Базаева красочно погружает нас в мир мордовского танца (Базаев 1957).

О деятельности учреждений социокультурной сферы рассказывают документы, хранящиеся в архивах страны. Важным звеном в развитии культурно-просветительской работы являются, в частности, библиотеки. Их история в этом направлении активизировалась с начала 50-х гг. XX в. Материалы архивов свидетельствуют, что на 1 января 1958 г. в республике было всего 348 библиотечных работников, из них по национальности мордвы — 72 чел., русских — 260 чел., татар — 15 чел., евреев — 1 чел. (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 6). В своей практической деятельности культурно-просветительные учреждения строили свою работу в соответствии с хозяйственно-политическими задачами республики, районов, сел. Библиотеки обеспечивали литературой слушателей кружков, организовывали книжные выставки и другие мероприятия, рассказывали о борьбе за мир. В библиотеках оформлялись фото-выставки, например, по теме: «Народы мира в борьбе за мир» (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л.47. Л.48). Во всех городских, районных, и некоторых сельских библиотеках имелись тематические картотеки «Борьба за мир», «СССР — знаменосец мира» (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 13 (49)).

Повсеместно устраивались мероприятия, посвященные художественной литературе, в т. ч. мордовской. Например, Козловская районная библиотека провела литературный вечер на тему «Мордовская литература в послевоенные годы», был оформлен плакат на мордовском и русском языках под названием «Мордовская народная сказительница Ф. И. Беззубова» (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 52). На фермах, в полях читали лекции и доклады на темы о мире, дружбе. Например, «СССР в борьбе за мир» (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 13). В республике насчитывалось 32 районных лекторских группы и 316 сельских объединенных лекторов, плюс 3563 лекторов-общественников. Например, за год (1952) ими было прочитано 20717 лекций, из них на мордовском языке — 745 лекций (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 18). В лекционное бюро были направлены лекции: «Из истории мордовского народа». Переведены и изданы на мордовском языке стенограммы лекции «Происхождение и реакционная сущность религиозных обрядов» (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 19). Библиотеки республики за год (1952) провели 755 читательских конференций и литературных вечеров, было организовано 2827 книжных выставок и ряд мероприятий среди которых лекции о мире, дружбе по взаимопониманию народов страны и Мордовии (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л. 21).

Этнокультурная деятельность клубных учреждений также складывалась постепенно и активизировалась в Мордовии с начала 1950-х гг. В своей практической

работе культурно-просветительные учреждения охватывали огромное количество жителей республики. В этом они, как и все остальные профильные организации, ориентировались на решение хозяйственно-политических задач страны, районов и сел республики. На 1 января 1958 г. в Мордовии работало 873 культпросветучреждений. По состоянию на 1 января 1953 г. всего работников культпросветучреждений в системе республиканского Управления культпросветучреждений было 1082 человека (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.142. Л.4). Архивы содержат данные об их национальностях: русских — 610 чел., мордвы — 405 чел., татар — 58 чел., прочих национальностей — 10 чел. (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.142. Л.5). В клубных учреждениях республики на 1 января 1953 г. работали 535 драматических кружков, в которых занимались 5946 чел. (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.142. Л.12). Клубами, учреждениями КДЦ проводились смотры художественной самодеятельности, где уделялось значительное место популяризации культур разных народов, укреплению межнационального согласия.

Например, в 1972—1973 гг. проходил районный смотр сельской художественной самодеятельности, посвященный 50-летию образования СССР под знаком дальнейшего повышения культурного уровня населения, улучшения эстетического художественного воспитания трудящихся, совершенствования культурной жизни сельских тружеников республики (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.142. Л.9). Основные задачи смотра формулировались как «составление программ, отражающих величие нашей многонациональной родины», популяризация «произведений, воспевающих нерушимое единство и дружбу народов Советского Союза» (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д.146-а. Л.92). Так, программа художественной самодеятельности Ново-Никольского СДК Краснослободского района состояла из репертуарных номеров русских, украинских и чешских песен (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л.11). В Зубово-Полянском РДК прозвучали стихи Е. Евтушенко «Кубинская мать» (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д.146-а. Л.90); агитбригады Лямбирского ДК исполняли песни русские, татарские, финские (ЦГА РМ. Ф.Р-1121. Оп.1. Д.94. Л.123). Программа концерта художественной самодеятельности г. Саранска, Кочкуровского и Лямбирского районов на вечере «Дружба народов» состояла из мордовских, украинских песен, итальянской, хорватской, азербайджанской песен и негритянской колыбельной; зрители прослушали стихи Муссы Джалиля (Лямбирское РДК), Аявазяна — «Мальчик из Карабаха», «Мадагаскар». Исполнялись танцы народов мира: албанское танго, белорусский танец «Крыжачек», молдавский танец «Молдавеняска» (ДК «Строитель»), гуцульский танец (Лямбирский РДК); башкирский танец «Карабан» (Лямбирский РДК) и др. (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.24. Л.12. Л.13).

В программе конкурса на лучший коллектив и лучшего индивидуального исполнителя художественной самодеятельности Низовского, Урусовского, Редкодубского, Михайловского, Жаренского, Половского, Баевского, Каласевского сельских клубов Ардатовского района (1961 г.) исполнялись мордовские, русские, украинские песни (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.32. Л.6., Л.7., Л.8., Л.9., Л.10., Л.13., Л.14., Л.19), конкурсанты от Четвертаковского СДК спели чешскую и румынскую песни, от Кечушевского СДК — югославскую народную песню (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.32. Л.20). В репертуар программ концертов художественной самодеятельности профессионально-технических училищ Мордовской АССР были включены песни, танцы народов зарубежья. Так, в программе Рузаевского железнодорожного учили-

ща значится исполнение украинской народной песни (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.1), эстонского танца (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.2); в программе Краснослободского технического училища — мордовская народная песня, танец «Полька», албанская народная песня «Девушка моя», карело-финская полька (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.3); в программе Саранского РУ № 2 — стихи «Патрис Лумумба», в исполнении Духового оркестра звучала «Восточная сказка» (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.6), в программе Строительного училища № 2 в исполнении хора прозвучал «Гимн демократической молодежи мира», «Неаполитанская песенка», исполнен славацкий танец (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.7. Л.8.); РУ 5 — чешская полька (ЦГА РМ. Ф.Р-1999. Оп.1. Д.78. Л.10).

Таким образом, в середине XX столетия сельская культура России менялась, перестраивалась. Изучаемый период вызывает особый интерес, поскольку именно в это время в Советском Союзе были достигнуты высокие результаты в развитии культуры. В последние годы по вопросам деятельности культурно-просветительских учреждений публикуются монографии, отдельные статьи, в которых в определенной мере находят отражение культурные процессы, происходящие на селе. Но по-прежнему важным составным компонентом исследования происходящих в стране социально-культурных процессов является учёт исторического опыта ее национальных регионов. Культурно-досуговые учреждения неустанно пропагандируют идеи мира, дружбы и сотрудничества между всеми народами. Региональные газеты подтверждают события культурной жизни многоэтнической Мордовии (например, в рубрике «Хроника культурной жизни» и др.), где приводятся статьи, фотоснимки не только исполнения песен, но и танцев народов разных национальностей.

Мероприятия по поддержанию культурного многообразия населения на современном этапе

И в наши дни деятельность учреждений культуры весьма разнообразна. В частности, библиотеки муниципальных учреждений культуры — важнейшие составляющие культурной инфраструктуры Республики Мордовия. Стремление населения к познанию родного языка, культуры, истории народов, проживающих в Мордовии в значительной степени увеличили спрос на литературу по истории национальных культур, материалов о современном положении диаспор в регионе и стране, сделали востребованными издания на языках этнонациональных групп местного населения. В Республике Мордовия по данным на 01.01.2016 г. работало 528 библиотек, общий фонд которых насчитывал 5379 443 единицы, в том числе печатных документов — 5352171 экземпляров. Фонд на языках народов России (на 1.01.2016 г.) содержал 162022 книг. Библиотеки организуют свою работу по комплексным программам. Так, МБУК «Централизованная городская библиотечная система для взрослых (ЦГБС) для взрослых» в г. Саранске работает по комплексным программам «Дружба народов — единство России» (с 2015 г.); «Наследие по распространению, сохранению знаний об истории и культуре мордвы» (с 2000 г.) (МБУК «ЦГБС для взрослых»). МБУК «Ромодановская Центральная районная библиотека им. Н. Эркай» реализует программу «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ромодановском муниципальном районе» (2015–2019 гг.) (Никонова 2017: 156–165).

Системно и регулярно для представителей национальных диаспор организуются библиографические обзоры. Они соответствуют содержанию мероприятий и носят разнообразный характер — это библиографические обзоры у выставки, пресс-обзоры, краеведческие гостиные и др. Например, в последние годы были проведены встречи под названиями: «Народов дружная семья» (2015–2016 гг.), «Из нас слагается народ» (МБУК «ЦГБС для взрослых»). «Наша Дружба, наше Братство — наше главное богатство». Состоялись библиографические обзоры у выставки (МБУ «Центр культуры Ковылкинского муниципального района»); общегородской День ЭТНОлитературы «Народы дружат книгами» (2017 г.); однодневный краеведческий библиокалейдоскоп «Вот она какая, сторона родная!» (2016 г.) (ЦГДБ им. А. М. Горького). По произведениям писателей ближнего зарубежья работала книжная выставка и буктрейлер «Познаем народы России и мира — познаем себя» (2016 г.) (МБУК «Кочкуровская ЦРБ») и др.

Пользуются популярностью книжно-иллюстративные выставки. По тематике они обычно приурочены к памятным датам, Дням родного языка и др. (выставка-память, выставка-юбилей; выставка-панорама, выставка-знакомство, книжно-иллюстративная выставка, выставка персоналий, выставка-юбилей, книжная полка-презентация). Например: «Нам неизменно солнце дружбы светит» (2012 г.) («ЦГБС для взрослых»), «Библиотека — как центр межнационального общения», «Толерантность: искусство жить вместе» (МБУ «ЦК»). Разнообразны формы проведения других информационных мероприятий по этнокультуре народов Мордовии — информационные площадки, библиопраздники, мультимедийный час, выставка-заставка, этнокалейдоскоп и др. Среди них: «Единой семьей в любимом городе живем»: цикл информационных площадок (2016 г.); «Дружба и братство сильнее богатства»: цикл библиопраздников этнокультуры (2016 г.); Все различны, все едины, все равны: информационный этнокалейдоскоп (2016 г.) (ЦГДБ им. А. М. Горького). Исторические календари посвящаются этнокультуре народов Мордовии (информационный лист, вечер, фестиваль). Среди них праздник «Ураза-Байрам — праздник поста» — информационный лист (2015 г.); «Курбан-Байрам — татарский народный праздник»: информационное сообщение (2015 г.) (МБУК «Ромодановская ЦРБ им. Н. Эркайя»).

В целях обмена опытом, развития деятельности по национально — культурному воспитанию и просвещению библиотеки организуют и принимают участие в различных мероприятиях. Круглые столы, семинары, консультации, практикумы помогают обсудить насущные проблемы по этнокультуре и гармонизации межнациональных взаимоотношений, изучению многообразия культур. Например, в Рузаевском муниципальном районе был организован круглый стол «Семейные традиции и ценности в призме межрелигиозных отношений» (2015 г.). Участниками мероприятия стали представители различных (православной, мусульманской, еврейской) религиозных организаций, а также ученики и преподаватели средних общеобразовательных школ № 7, 8, 17 Тат-Пишленского сельского поселения. (МБУК «ЦБС» Рузаевского муниципального района). В Кочкуровской библиотеке состоялись практические семинары «Что ни народ, то обычай: книга, библиотека и национальные культуры», «Через книгу к согласию народов», конкурс чтецов «Живая классика»: произведения народов разных стран (МБУК «Кочкуровская ЦРБ»).

Ежегодно составляются планы мероприятий по гармонизации межнациональных отношений, профилактике терроризма и экстремизма, формированию культуры меж-

национального общения. Например, МБУК «Центр культуры» структурное подразделение Краснослободская межпоселенческая библиотека включила в годовой план проведение круглого стола, библиотечных уроков, анкетирование, библиотечные часы, тематические дискуссии, презентации и др. В 2016 г. в библиотеке было проведено социологическое исследование, направленное на гармонизацию межнациональных отношений. Состоялось анкетирование иногородних читателей (беженцев и лиц, временно проживающих в Мордовии) по темам: по уровню сплоченности национальной культуры, воспитанности, спроса на досуговую деятельность. Организаторы полагают, что такие формы работы способствует выявлению конфликтных ситуаций.

В целях повышения творческого роста самодеятельных коллективов, дальнейшего возрождения и развития традиционного фольклора, повышения приобщения к народному творчеству широких кругов населения проводились Дни культуры «Над Мокшей широкой» в Темниковском районе (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д. 146-а. Л.50). В целях и задачах их программ центральное место отводилось теме «Сохранение, преумножение самобытности национальной культуры, обычаев, форм досуга, духовного богатства; привлечение внимания общественности к проблемам сохранения и возрождения национальных традиций; выявление ярких самобытных коллективов и исполнителей; приобщения к народному творчеству широкого круга населения, детей, молодежи, пенсионеров и др. категорий» (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д. 146-а. Л.52). В Положении о зональных Республиканских фестивалях народного творчества «Над Мокшей широкой» (г. Темников) и «Сурские напевы» (Б. Березниковский район), сформулированном в 2001 г., отмечено, что «... основная задача фестиваля — поиск форм деятельности по проблемам возрождения народной культуры, ... национальный и этнографический колорит» (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д. 146-а. Л.81). Согласно Постановлению коллегии Министерства культуры РМ об итогах работы учреждений, учебных заведений культуры и искусства РМ в 2001 г. и задачах отрасли на 2002 г. коллегия Министерства культуры РМ отметила, что в республике «поддерживаются традиции проведения дней культуры в отдаленных населенных пунктах, народных праздников и обрядов» (ЦГА РМ. Ф.Р-1060. Оп.2. Д. 146-а. Л.82).

Таким образом, сочетание вариативных блоков и составляют содержание культурно-досуговых программ по этнокультурной деятельности КДЦ муниципалитетов Республики Мордовия, включающие традиционные массовые мероприятия — фестивали, конкурсы; досуговые дела — экскурсии, конкурсы; литературные и музыкальные гостиные, репертуарные мероприятия (концерты художественных коллективов и т. п.), в которых одна часть населения вовлекается в качестве исполнителей, другая — в качестве зрителей. В целом этнокультурная направленность в деятельности учреждений социокультурной (клубы, библиотеки) сферы способствует межнациональному согласию в Республике Мордовия. На личностном уровне межкультурный диалог осуществляется через неформальное общение: трудовое, семейно-бытовое, соседское, дружеское в т. ч. досуговое.

Культурно-досуговая деятельность в современном обществе является самостоятельным направлением, которое связано с другими видами деятельности (бытовая, социальная и др.), определяется рядом (социально-экономическими, культурными и др.) факторов, обеспечивающих жизнь общества, но вместе с тем выполняет задачу укрепления межнациональных связей между народами, которые населяют страну, в том числе — регионов. В систему культурно-досуговой деятельности вовлечены

многие учреждения социокультурной сферы — клубные учреждения. Ученые выделяют несколько социальных функций КДЦ. Среди них: функции коммуникативности, хранения, накопления, а также распространения норм, знаний и ценностей (Выразительные средства в современной КДД). Средства социально-культурной деятельности — это «набор инструментов» идейно-эмоционального воздействия, которые используются работниками учреждений культуры и досуга в процессе производственной деятельности: живое слово, СМИ, художественная самодеятельность с набором репертуаров, куда входят тексты стихов, песен (Классификация средств социально-культурной деятельности с учетом многонациональности региона: электронный ресурс). Функции КДЦ по их содержанию можно разделить на: ценностно-ориентированную, познавательную, творческую и практически-преобразующую. Познавательная деятельность характеризуется усвоением информации и получением нового знания в результате участия в разных мероприятиях (дискуссии, кружковых занятиях, тематических вечерах, лекциях, обрядах, ритуалах и т. д.).

Отметим, что и сейчас интерес к культуре народов России не угасает. В профильных учреждениях проводятся мероприятия, направленные на приобщение жителей сел и городов к ценностям традиционной культуры народов, проживающих в республике. Например, регулярно проводится праздничное мероприятие «Троица» (КДЦ, повсеместно), «Сабантуй» (КДЦ: Лямбиров, Торбеево, Кадошкино). Фестивали в Республике Мордовия стали национальными и международными. Регулярно они проходят в муниципалитетах. Например, в Рузаевском муниципальном районе ежегодно стартует Межрегиональный и международный фестиваль национальной культуры «Кургоня»; Международный сельский фестиваль финно-угорских народов «Сугуваствунду» («Родовое гостевание» — карельск.). В с. Ичалки организовывается районный фестиваль художественной самодеятельности «Венок народных традиций». Дружбе народов содействует познание национальных кухонь. Например, стало традицией проводить выставки обрядовых блюд всех народов, проживающих в республике (КДЦ, повсеместно). В рамках праздников, игрищ других зрелищных мероприятий, всеми КДЦ разрабатываются программы. Цели программ могут быть разные, но они достигаются через комплекс задач, среди которых — формирование опыта этнокультурного взаимодействия, воспитание гуманности, взаимоуважению и приобщением населения к культуре разных народов.

Таким образом, стремление местного населения к познанию родного языка, культуры, истории народов, проживающих в Мордовии, в значительной степени увеличили спрос на литературу по истории этнических культур, на материалы о современном положении диаспор в регионе и стране, издания на разных языках. В рамках библиотек проводятся беседы, конкурсы, викторины, дни информации, дни книжной дружбы и т. д. Интересна тематика культурно-просветительских мероприятий к знаменательным национальным датам, проводимых под рубриками: вечер (урок) этнографии, День культуры народов мира, День дружбы. В целях обмена опытом, развития деятельности по национально-культурному воспитанию организовываются круглые столы, семинары, консультации и практикумы. С их помощью обсуждаются насущные проблемы по этнокультуре и гармонизации межэтнических взаимоотношений, изучается многообразие культур. Для достижения наилучших результатов в гармонизации межэтнического общения к реализации программы (или отдельных мероприятий) привлекаются школы, представители СМИ, национальных

сообществ (диаспор), деятели культуры (искусства), учёные, органы местного самоуправления. В целом этнокультурная направленность в деятельности учреждений социокультурной (клубы, библиотеки) сферы способствует межнациональному согласию в Республике Мордовия.

Источники и материалы

- Брейкин 1950 — Брейкин С. Культурный центр села // Советская Мордовия. 25.06.1950.
Выразительные средства — Выразительные средства в современной КДД // <https://studfiles.net/preview/3049533/> (дата обращения: 03.10.2020).
- Егоров 1949 — Егоров Н. В сельских клубах и избах-читальнях готовятся к смотру художественной самодеятельности // Красная Мордовия. 12.01. 1949.
- Зуева 1963 — Зуева Т. 1963. Расцвет культуры народов Российской Федерации // Советская Мордовия. 25.02.1963.
- Киселёв А. 1950. — Киселёв А. Культурное строительство Советской Мордовии // Красная Мордовия. 5.01. 1950.
- Классификация — Классификация средств социально-культурной деятельности // URL: <https://lektsia.com/9x106.htm>
- Кишнякин 1954 — Кишнякин И. Повысить уровень работы сельских учреждений культуры // Советская Мордовия. 28.09. 1954.
- Национальный состав РМ 2013 — Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). Стат. сборник № 928 / Мордовиястат. Саранск, 2013 99 с. URL: <https://mrd.gks.ru>
- Оживилась работа 1947 — Оживилась работа клубов и изб-читален // Красная Мордовия. 26.11.1947
- Отстроен новый 1947 — Отстроен новый клуб // Красная Мордовия. 16.02.1947
- Стратегия 2012 (2018) — Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). URL: <http://government.ru/docs/all/85503/>
- Толстов 1950 — Толстов Д. Культурные очаги готовы к зиме // Красная Мордовия. 10.10. 1950.
- Указ Президента РФ 2012 — Законодательство Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года» // Российская газета. 2012. 24 декабря. С. 45. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>
- Хроника жизни 1957 — Рубрика «Хроника жизни». Театры, клубы, печать, радио... // Советская Мордовия. 20.10. 1957.
- ЦГА РМ. Ф.Р-1999 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1999. Оп. 1. Д. 24. Отчеты о проведении конкурса на лучшие коллективы художественной самодеятельности.
- ЦГА РМ. Ф.Р-1999 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1999. Оп 1. Д. 142. Документы о проведении смотра сельской художественной самодеятельности, посвященного 50-летию образования СССР (постановления, решения райисполкомов о проведении смотра. Планы мероприятий, справки по районам).
- ЦГА РМ. Ф.Р-1060 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1060. Оп. 2. Д. 146-а. Документы (приказы, протоколы, программы, списки участников заседаний оргкомитетов, жюри, решения) о проведении смотров, фестивалей, конкурсов художественной самодеятельности.

- ЦГА РМ. Ф.Р-1121 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1121. Оп. 1. Д. 94. Отчеты о библиотечной работе. Отчет о работе Мордовского лекционного бюро.
- ЦГА РМ. Ф.Р-1999 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1999. Оп. 1. Д. 78. Программы концертов коллективов художественной самодеятельности Мордовской АССР. Начато 23 января 1964 г. Окончено 13 декабря 1964 г. На 154 л.
- ЦГА РМ. Ф.Р-1999 — Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф.Р-1999. Оп. 1. Д. 32. Программа концертов профессионально-технических училищ Мордовской АССР на 1961 год.
- Базаев 1957 — Базаев Ш. [Фотография] // Советская Мордовия. 3.12.1957.
- Молдавский танец 1954 — Молдавский танец [Фотография] // Советская Мордовия. 27.06.1954.
- Татарский национальный 1953 — Татарский национальный балет. Фото // Советская Мордовия. 29.07.1953.
- Украинский танец 1954 — Украинский танец [Фотография] // Советская Мордовия. 12.02.1954.

Научная литература

- Дементьева К. В., Потапов П. Ф. Пресса и общественное мнение: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 140 с.
- Дронова И. Г. Этническая идентичность в изменяющихся социокультурных условиях современной России // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 1. С. 244–247. URL: <https://moluch.ru/archive/16/1613/> (дата обращения: 03.10.2020).
- Завершинская Н. А. «Вневременное» время советских практик как симптом ретрадиционализма современной российской культуры // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 456 (512 с.).
- Малькова В. К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 137.
- Мартынова М. Ю. Язык и идентичность сквозь призму российского школьного образования // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова — Москва: ИЭА РАН, 2021. С. 328–341.
- Никонова Л. И. Культурно-познавательная анимация в гармонизации межэтнических отношений и развитии национальных культур: к перспективе деятельности библиотек Республики Мордовия // Материалы X Международного форума, 2017. М.: Московский государственный университет культуры. С. 156–165.

References

- Dement'eva, K. V. and P. F. Potapov. 2012. *Pressa i obshchestvennoe mnenie: ucheb, posobie* [Press and public opinion. Tutorial]. Saransk: Mordovskiy universitet. 140 p.
- Dronova, I. G. 2010. *Etnicheskaia identichnost' v izmeniaiushchikhsia sotsiokul'turnykh usloviakh sovremennoi Rossii* [Ethnic identity in the changing socio-cultural conditions of modern Russia]. *Molodoi uchenyi*. 1 (5). URL: <https://moluch.ru/archive/16/1613/>
- Mal'kova, V. K. 2003. *Etnichnost' i tolerantnost' v sovremennykh rossiiskikh SMI* [Ethnicity and Tolerance in Modern Russian Media]. *Etnograficheskoe obozreni'e*. 1 (5): 137.
- Martynova, M. Yu. 2021. *Iazyk i identichnost' skvoz' prizmu rossiiskogo shkol'nogo obrazovaniia* [Language and Identity through the Prism of Russian School Education]. In Martynova, M. Yu. (ed.). *Iazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia]. Moskva: Institut etnologii I antropologii RAN. P. 328–341.

- Nikonova, L. I. 2017. *Kul'turno-poznavatel'naia animatsiia v garmonizatsii mezhetnicheskikh otnoshenii i razvitiia natsional'nykh kul'tur: k perspektive deiatel'nosti bibliotek Respubliki Mordoviia* [Cultural and educational animation in the harmonization of interethnic relations and the development of national cultures: towards the future of the libraries of the Republic of Mordovia]. Moscow: *Materialy Mezhdunarodnogo foruma. Moskovskii gosudarstvennyi universitet kul'tury*. 156–165.
- Zavershinskaia, N. A. 2017. *Vnevremennoe' vremia sovetskikh praktik kak simptom retraditsionalizma sovremennoi rossiiskoi kul'tury* [The Timeless Time of Soviet Practices as a Symptom of the Retraditionalism of Contemporary Russian Culture]. *XIII Kongress antropologov etnologov Rossii: sb. materialov. Izhevsk*, 2017. 512 p.

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/50-67

Научная статья

© К. В. Цеханская

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1941–1945 гг.: ОБЗОР НАУЧНЫХ ТЕМ, ПРОБЛЕМ И КОНЦЕПЦИЙ

Историография повседневности Великой Отечественной войны — одна из наиболее неосвященных тем современной гуманитарной науки. Целью статьи является аналитический обзор исследований, раскрывающих различные стороны повседневной жизни воюющей страны. Практическая научная значимость работы состоит в систематизации и критическом разборе основных проблем и направлений по указанной тематике. Особое внимание в статье уделено рассмотрению самобытных черт ментальности советского человека. Методология исследования состоит из сравнительно-аналитических подходов к разноплановым позициям авторов. Ценность статьи — в попытке представить критический обзор различных научных концепций и идей, лежащих в основе изучения советской повседневности 1941–1945 гг.

Ключевые слова: историческая память, советская идентичность, терминологическая неопределенность, патриотизм, альтернативные модели, авторское позиционирование, архивная революция.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Историография советской повседневности 1941–1945 гг.: обзор научных тем, проблем и концепций // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 50–67

UDC 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/50-67

Original Article

© Kira Tsekhanskaya

THE HISTORIOGRAPHY OF SOVIET EVERYDAY LIFE 1941–1945: AN OVERVIEW OF SCIENTIFIC TOPICS, PROBLEMS AND CONCEPTS

The historiography of everyday life during the Great Patriotic War is one of the most poorly covered topics of modern humanities. The article provides an analytical review of the studies revealing various aspects of daily life in a country involved in

Цеханская Кира Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: kirilla2011@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

the war. The practical and scientific significance of the work consists in the systematization and critical analysis of the topic. Special attention is paid to considering the mentality of a Soviet person. The methodology of the study consists of comparative and analytical approaches to the diverse positions of the authors. The article attempts to provide a critical overview of various scientific concepts and ideas underlying the study of the Soviet everyday life in 1941–1945.

Keywords: historical memory, Soviet identity, terminological uncertainty, patriotism, alternative models, author's attitude, archival revolution.

Author Info: Tsekhanskaya, Kira V. — Doctor of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: kirilla2011@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tsekhanskaya, K. V. 2022. The Historiography of Soviet Everyday Life 1941–1945: An Overview of Scientific Topics, Problems and Concepts. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 50–67

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

Тема представленной статьи — структурно-аналитический обзор основных направлений исторических исследований конца XX — начала XXI вв., посвященных повседневной, бытовой, культурно-образовательной жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны, особенностям бытового уклада, социальным практикам, поведенческим моделям, а также психологической настроенности и морально-ценностным установкам как участников боевых действий, так и гражданского населения. Изучение и сравнительный анализ основных тематических спектров историографического материала о Великой Отечественной войне имеет и научно-теоретическую и общественно-практическую значимость. Во-первых, появляется возможность более четко выявить и осветить спорное поле гуманитарных наук, где теоретически сталкиваются и даже противостоят различные политические, идеологические, социологические, культурологические концепции и парадигмы исследований. Подобное напряжение идей сегодня рождает живую историческую мысль, способствующую формированию новых, доказательных, непротиворечивых алгоритмов научного познания, то есть методологию. Анализ историографии о войне позволяет не только выявить наиболее важные тенденции в научной интерпретации фактов, событий, скрытых и открытых смыслов и символов Великой Отечественной войны, но главное — помогает произвести бережную, всеохватную реконструкцию антропологической модели советского народа, народа-победителя. Во-вторых, нет нужды настаивать на очевидной социальной актуальности самой темы: обсуждение некоторых спорных историографических исследований о войне, особенно, если оно происходит в масс-медийном пространстве, всегда вызывает немедленный, порой резкий общественный резонанс. Несомненно, новое, цельное, документально-научно подкрепленное переосмысление цены и значимости победы советского народа в Великой Отечественной войне на сегодняшний день является одним из важнейших факторов внутриобщественного консенсуса, гражданского

согласия различных общественных групп. Представляется, что память о войне, так широко и всесторонне раскрывающаяся в современных научных исследованиях, приобретает в наше время все более ясные черты общенациональной идеи, воспроизводящей все тот же, многовековой, старинный солидарно-общинный модус самоидентификации русских и других традиционных этносов страны (Цеханская 2021: 218–232).

Критический, сравнительно-тематический анализ историографии, посвященной Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в постсоветское время становится одной из востребованных научных проблем исторической науки. Примером подобных исследований может служить статья Е. Л. Храмковой «Некоторые особенности новейшего периода отечественной историографии культуры России 1941–1945 гг.» (Храмкова 2006: 138–145). И хотя данная работа носит как бы узко направленный характер и посвящена проблемам отечественной культуры военного периода, автор отметил самые проблемные, спорные аспекты военной исторической тематики. Так, в статье дается обобщенный анализ различных концептуальных подходов к данной тематике. Исследователь подчеркивает: с начала XXI в. подход к теме социокультурной повседневности советского общества приобрел конструктивно-позитивный характер, произошло расширение методологических систем, появились альтернативные модели исследований, усложнилась проблематика, закрепился междисциплинарный модус научного познания, наконец, обновилась терминология (Храмкова 2006: 138).

Действительно, в постсоветское время резко вырос «спрос» на конкурентный плюрализм научных представлений, идей и концепций. Так академик А. Н. Сахаров, настаивая на необходимости «...реального научного плюрализма, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная, неидеологизируемая история все шире прокладывает себе дорогу (Сахаров 2002: 19). Но очевидно, что свобода научного мышления привела в наше время к некой терминологической неопределенности, когда ученые, находясь во власти своего мировоззрения, своих личностных представлений о состоянии советского общества в предвоенное и военное время, создают осязаемое мировоззренческое напряжение в научной среде. Именно из-за противоборства и даже конфликтов различных идеологических установок внутри сообщества историков в России до сих пор отсутствует единый учебник по отечественной истории.

В своей статье Е. Л. Храмкова особо выделяет эту диссонансную рассогласованность позиций отечественных ученых в вопросах цивилизационных оценок советской эпохи. Автор указывает, что в постсоветское время в исторической науке четко выражается отрицательное отношение к советскому периоду, педалируется тоталитарная идеология мышления и поведения советского общества, в том числе, культуры и самого смысла государственности, а также присутствует критицизм, субъективизм и откровенная подтасовка, манипуляция недостоверной, порой откровенно ложной информацией. Исследователь отмечает, что в постсоветских методологических подходах и в источниковедческом анализе социокультурной действительности военного времени наблюдается тенденция к «застою». Отсутствуют новые подходы к осмыслению и более глубокому проникновению ученых в цивилизационную сущность такого масштабного явления, как советская культура и наука периода Великой Отечественной войны (Храмкова 2006: 139).

Действительно, между жестко-схематичным взглядом на советскую культуру как отражение тоталитарной идеологии власти и этической природой жертвенного под-

вига советского народа, возросшего на этой культуре, существуют явные «нестыковки». Так за что же воевали советские люди: за свое советское «тоталитарное» государство или просто за Родину, отвлеченный образ, как бы очищенный от идеологических одежд социализма? Безусловно, это один из важнейших вопросов современного гуманитарного знания, от решения которого зависит сама возможность увидеть и понять подлинные смыслы Победы.

Критически анализируя историографию по Великой Отечественной войне Е. Л. Храмкова так же видит следы застоя в таком новом направлении исследований о войне, как взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства. Автор отмечает явное присутствие клише, когда в разных трудах воспроизводятся одни и те же сюжеты, одни и те же источники, то есть штампы и стереотипы. И здесь ученый ставит острую проблему источниковедения, разрешение которой может быть связано не только с освоением новой источниковедческой базы, новых научных тематических подходов, но и с разработкой принципиально новых систем в изучении конфессиональной проблематики периода Великой Отечественной войны.

Следует заметить — почти в каждой рассматриваемой работе, посвященной тем или иным формам и аспектам советской повседневности периода Великой Отечественной войны, обязательно присутствует краткий или развернутый анализ историографического материала по данной теме. Как правило, этот аналитический раздел раскрывает уже упомянутую выше проблему идеологических разногласий ученых, при этом часть авторов стремится выстраивать свою доказательную позицию, зачастую игнорируя объективные, уже архивно задокументированные данные или признанную достоверную информацию. Но эти тенденции современной гуманитарной науки требуют отдельного методологического обсуждения.

Завершая вводную часть, необходимо указать: в связи с возрастанием объема архивной и особенно мемуарно-эпистолярной литературы военной поры, вводимых в научный оборот, историкам, негативно относящимся к советскому времени, становится все труднее доказывать, что Победа была добыта ценой насилия власти над обществом. Или, что советский народ разъединял в своем сознании понятие Родины и существующей системы государственности. Настаивать на подобной позиции тем более неудобно и не продуктивно, что не было и до сих пор не обнаружено никаких свидетельств всеобщего гражданского противостояния народа и власти. И так как научно доказать антагонизм советской власти и советского народа в годы войны ни фактологически, ни по существу невозможно, то для части ученых остается поле свободных размышлений о всепоглощающем тоталитаризме советской системы государственности. Но и подобная точка зрения, противоречащая укоренившемуся в общественном самосознании восприятию Победы, как синергичному единению народа и власти, имеет право на свое существование. Важно отметить — почти во всех ниже рассмотренных исследованиях, посвященных социокультурной, бытовой, военной, мирной, тыловой повседневности советских людей в годы войны, обязательно, в той или иной мере присутствует авторская, то есть личностная оценка истоков и смысла Победы. Этот «пункт» объединяет и одновременно обогащает различными концепциями, научными идеями почти всю историографию постсоветского периода о Великой Отечественной войне. Следует особо подчеркнуть широту амплитуды разноплановых оценок и мнений в отношении истоков Победы — от традиционных, «классически-советских» трактовкой патриотизма, когда всенародный подвиг народа

мыслился в качестве священной жертвы за **советскую** Родину до утверждений, что народ победил **вопреки** «уродливой системе» социализма. Первая установка ярко и всесторонне рассмотрена в работе О. А. Белькова «Духовный потенциал Победы» (Бельков 2021), где анализируется проблема легитимности власти, солидарный патриотизм советских людей. Социо-этические, моральные и политические аспекты советского патриотизма рассмотрены в статье В. А. Тишкова «Великая Победа и советский народ: антропологический анализ» (Тишков 2020: 5–19). Размышляя о причинах Победы, автор анализирует основные мобилизационные факторы и идеологические формы консолидации советского общества, способствующих массовому сплочению народов СССР перед лицом нацистской агрессии. Вторая установка продекларирована в статье Ю. Л. Дьякова «Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ», где автор доказывает, что германский нацизм был одолен советским народом вопреки идеологии и действий власти: «Победа явилась торжеством народа, вдохновляемого любовью не к партии и правительству, а к родной земле. Ответ на вопрос, почему мы победили лежит не в русле непреборимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности нашего народа, победившего не благодаря, а вопреки уродливой системе, созданной Лениным» (Дьяков 2005: 96). Невозможно не прокомментировать явный оксюморон в размышлениях Ю. Л. Дьякова: итак, народ победил вопреки уродливой системе, то есть логически получается, что власть вовсе и не стремилась к разгрому агрессора и народ вопреки этому нежеланию сам победил фашизм... Очевидно, что между этими двумя полярными, антагонистическими научными позициями, как между линиями высокого напряжения и протекает современная научная дискуссия о феномене советской истории, и главное, — об особенностях глубокой, сложной и цельной антропологической модели «гомо советикуса», советского народа, истребившего фашизм.

Основная часть

Великая Отечественная война — неиссякаемая тема современного гуманитарного знания. Казалось бы, благодаря огромному множеству исторических, военно-политических, социологических, демографических, культурно-антропологических исследований советского и постсоветского времени, посвященных Великой Отечественной, сегодня уже трудно обнаружить какие-либо неизученные аспекты войны, которые представляли бы для гуманитарной науки таинственную terra incognita. Но в действительности, с каждым новым годом, удаляющим нас от Победы 1945 г., Великая Отечественная война продолжает раскрываться и как все возрастающее в своей цивилизационной значимости событие национальной и мировой истории, и как неисчерпаемая сокровищница соборно-жертвенного духа советского народа. Историография о Великой Отечественной войне может составить отдельную монографию. Все исследовательские материалы о войне можно условно разделить на несколько основных тематических направлений. Наиболее освоенное направление исследований посвящено самому ходу Великой Отечественной войны, это анализ ее исторических предпосылок, дипломатической работы, начала, хронологического хода событий, военных поражений и побед. С данным вектором исследований органично сочетается и взаимодействует другая важная тема — проявление совет-

ского патриотизма, формы и виды героического подвижничества советских людей, массово проявленного на фронте, в тылу, оккупации, в партизанских отрядах, в застенках врага. Война в памяти народа — следующее, можно сказать, общественно значимое направление в изучении войны. И, наконец, выделим сравнительно «молодую», но весьма актуальную тематику современного гуманитарного знания — «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», интенсивно разрабатываемую в конце XX в. и особенно в постсоветский период. Важно, что все вышеуказанные темы получили всестороннюю разработку еще в советское время. Постсоветский период «предоставил» возможность свободного освоения новых направлений в изучении Великой Отечественной войны. Несомненно, самое востребованное из них и привлекательное как для историков, так и социологов, антропологов, психологов, культурологов, это социокультурная повседневность советского общества предвоенной и военной поры и конечно же, морально-этический феномен советского человека, «гомо советикуса», живущего и действующего в трагической обстановке войны. Появление столь долгожданной тематики, освобожденной от идеологической заданности советской историографии, положило начало новым процессам научного осмысления, а иногда и переосмысления многих как бы уже «устоявшихся» фактов, явлений и событий Великой Отечественной войны. Данная научная тенденция, в свою очередь, способствовала становлению и развитию инновационных форм научных подходов и методологий гуманитарных исследований, основанных на органичном содружестве междисциплинарных отраслей знания.

С 90-х гг. XX в. отечественная историография переживает настоящую архивную революцию, архивный «бум». Тема Великой Отечественной войны обогащается и усложняется новой научной проблематикой и методологией. В сферу академического знания полноправно вступают не только впервые рассекреченные, но и просто ранее не востребованные архивные источники в виде воспоминаний, мемуарно-эпистолярной документалистики, по-новому освещающие и ход, и смысл, и величие противостояния советского народа германской агрессии. В постсоветское время изучение социо-антропологического аспекта войны, с включением анализа морально-этических и духовно-нравственных установок советского социума становится одной из наиболее востребованных и одновременно остро дискуссионных тем гуманитарной науки.

Кратко обозначим эти новые направления исторического знания, набирающие в наши дни весьма динамические темпы развития.

Это, прежде всего, социо-антропологическая тематика, основанная на изучении моделей повседневности, обыденной жизни советских людей, а также быта, форм коммуникации этических установок и психологической настроенности как гражданского, так и воюющего социума. Тема органично включает в себя эмоциональную, интеллектуальную, духовную доминанту мировосприятия народа, находящегося в экстремальных условиях войны. Для любого исследователя данная тема носит особо ответственный характер, так как требует честного объективного и достоверного взгляда на войну как бы «изнутри событий».

Указанная тематика способствовала и научному, и гуманитарному «открытию» индивидуально-личностного мира советского человека предвоенного и военного времени. Неотъемлемой частью академического знания становится все более пополняемый свод личностных материалов, мемуаров участников войны, мирного

населения, в том числе угнанных в Германию остербайтеров. Эпистолярное наследие, воспоминания, свидетельства очевидцев тех или иных событий, прощальные послания-завещания воинов Красной Армии, партизан, подпольщиков, составленные накануне смерти или казни — все эти дошедшие до наших дней документы помогают более отчетливо реконструировать духовно-нравственный, а шире — подспудно-религиозный, жертвенный архетип советского народа. Социо-антропологический и культурологический подходы в изучении ментальности советского общества в годы Великой Отечественной войны не просто обогатили военную историографию. Они придали самой науке некое ценностно-этическое напряжение, когда изучение макрокосма войны «одухотворилось» микрокосмом переживаний и трагедий обычного «маленького» человека.

Война и повседневность — эти две, как бы несходящиеся, противоречащие друг другу бытийственные категории жизни человечества, тем не менее, всегда сосуществуют в своем неразрывном, неизбежном единстве. Уловить, определить этико-социальный, цивилизационный алгоритм повседневности военного времени — того или иного народа, той или иной эпохи — сверхзадача гуманитарного знания. Это одна из самых актуальных и социально остро востребованных проблем современной отечественной исторической науки, изучающей системный и антропологический модус советской повседневности периода Великой Отечественной войны.

Изучение социологии повседневности, как и сам термин «повседневность» в XX в. ввел в научный «обиход» Ф. Бродель (1902–1985), сторонник привлечения в исторические исследования методик и материала смежных гуманитарных наук: психологии, географии, демографии и пр. В свою очередь А. Шюц (1899–1959) вовлекает понятие повседневности в оборот философской терминологии, пытаясь с позиций философской аргументации уточнить и развить феноменологическую концепцию «жизненного мира», которой в свое время оперировал Э. Гуссерль (1859–1938). Современные научные трактовки повседневности зиждятся на западноевропейском фундаменте социологии знания, структурного функционализма, на идеях феноменологической социологии.

В современной российской науке пока отсутствует некая стабильная система теоретических параметров, научно-теоретически стандартизирующих подходы к изучению советской повседневности, а шире — советской истории. XX век закончился не так давно. И не только западноевропейская социокультурная антропология, занимающаяся изучением «гомо советикуса», но и уж тем более своя, отечественная, отнюдь не определились «консенсуально» с базовыми позициями по отношению к самому существу советской цивилизации. Российские ученые-гуманитарии, изучающие советскую повседневность, в том числе периода Великой Отечественной войны, безусловно, учитывают западноевропейские историософские методологии «погружения» в феномен повседневности. Но эти методологии уместны и продуктивны лишь до тех пор, пока не производится оценочный анализ самого явления советской социо-политической, а шире, цивилизационной реальности.

Несомненно, западная научная гуманитарная элита всегда крепко «осоляла» и до сих пор «осоляет» свое научное творчество традиционным мировоззренческо-идеологическим кредо, основанном на фундаментальных ценностях западной цивилизации. Впрочем, так же поступают и не западные, например, отечественные ученые. Представляется, западноевропейские интеллектуалы, историки, социоло-

ги, писатели философы-футуристы и нового, и новейшего, и нашего, постмодернистского времени, так же, как и мы, являются органичными, можно даже сказать, природными носителями своего социокультурного кода, своих духовно-ценностных универсалий. Безусловно, разбор ментальности западных ученых не входит в задачи статьи, точно так же, как не входит анализ степени объективности и продуктивности современных западноевропейских методологий, применяемых в ходе изучения российского XX в. Это отдельная, дискуссионная, проблематичная и легко «воспламеняемая» тема. И все же в контексте излагаемого материала невозможно не обойтись без некоторых теоретических обобщений.

Русская философская и в особенности эмигрантская историософская мысль конца XIX — первой половины XX вв., сконцентрированная на разгадке антропологического феномена русского религиозного человека, в свое время подпадала под очарование западноевропейской философии с ее бесстрашной свободой размышлений об экзистенциальной сущности человеческой природы, как бы разъятой с онтологической сущностью бытия. И все же русские, восторгаясь смелостью и дерзновенностью западной философии, прежде всего, немецкой, никогда не заимствовали подобный принцип свободы «до конца», до попытки преодоления заповедных границ человеческого познания. Здесь ограничителем выступал наш самобытный, этнокультурный запрет на «все дозволено». Эту категорическую нравственную нормативность русских отмечал В. В. Розанов (1856–1919), так, размышляя о характере почитания в России Ф. Ницше, подчеркивал: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом страдающий... Но если бы **русский** и от **себя** заговорил в духе: падающего **еще** толкни», — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать» (Розанов 1991: 40).

Антропологическая матрица западного сообщества и сегодня базируется на может быть, уже размытых, формализованных, но еще определяемых этико-религиозных установках протестантской деловой пассионарности, идеи социальной предызбранности людей, на регламентированной номинативной прагматичности католицизма, отвергнувшего святоотеческое наследие единой неразделенной Церкви, и как следствие — на представлении о морально-ценностном этнотипе западного человека как атомизированной, независимой личности, находящейся в состоянии конкурентной борьбы за место под солнцем, за утверждение своей самости, отстаивающей принцип неотчуждаемости ни в чью пользу, ни тела, ни души, которыми дозволено распоряжаться единолично и единовластно.

С таким антропологическим и цивилизационным багажом западной гуманитарной науке всегда было трудно выработать методологию или хотя бы теоретическую позицию, эффективно работающую на постижение внутренней логики исторического развития России, на понимание ее культурного ядра, характера, динамики и форм взаимодействия идеального и бытового образа социальной реальности. Безусловно, самой трудной для постижения всегда оставалась и до сих пор остается Россия советская с ее общинным «муравейником» и подспудной, неунничтожимой этикой братства и всеобщей уравнительной справедливости.

Полагаем, для западных «русистов», «советологов», этнопсихологов, этнолингвистов и этнополитиков, специализирующихся в вопросах советской идентичности, социальной повседневности, всегда было и остается невозможным проявить настоящий, эмпатический интерес к советской ментальности, постараться понять

наш родной «кондово-домотканый» русско-советский архетип мировоззрения, мышления, поведения, социальную мотивацию труда, творчества, подвига, теплую суету повседневности, типологическое единство солидарного общественного устроения и пр. То есть понять и постичь глубину того, о чем так метко и афористично сказал Ф. И. Тютчев (1803–1873) и что так естественно воспринимается русским самосознанием как отличительный маркер русскости: «**Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить**».

Это элегическое стихотворение в форме монострофы, раскрывающее особенную, никому не подвластную самобытную стихию жизни народа, который не может быть «под стать кому-то», было создано в 1866 г. Парадоксально, но девятью годами ранее, в 1857 г. выдающийся немецкий экономист, философ, поэт, социолог, лингвист, историк по имени К. Маркс (1818–1883), задавший резко-критический тон в отношении России, также рассуждал о «вере» в Россию, которая, по его мнению, представляет собой не «факт», а только лишь объект веры. Правда в контексте размышлений Маркса «вера» мыслилась в антиютчевском образе иллюзии, пустоты, несвершенности русской истории. Россия — утверждал К. Маркс, — «... является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней ни один из авторов, собиравший ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование» (Маркс 1989: 3).

Маркс, как человек Запада, не понимал, да и не мог понять онтологической силы и всеохватности тех идей, которые сотни лет скрепляли Российскую империю в единое, монолитное, духовно непостижимое, а потому враждебное и чуждое для Европы идеократическое целое. Надежной стяжкой этой целостности было сакрализованное, а в XX в. жертвенно-подвижническое отношение народов России к своей государственности, как единственной форме исторического выживания многоэтнической, многоконфессиональной, пусть даже евразийской, но все же **русской** по культурной ментальности цивилизации. Трудно представить, каков мог бы быть приговор К. Маркса Советской России, зародившейся в мареве Октябрьской революции, очистившей мир от германского нацизма, оставившей мощный гуманистический потенциал для сегодняшнего развития страны.

Справедливости ради следует отметить, что не все выдающиеся западные интеллектуалы, «русисты», философы считали Россию, в том числе и СССР либо фантомом, принимаемым на веру, либо «империей зла». В XX в. благодаря А. Тойнби и русская и советская история, как самобытный феномен, обрела в западноевропейском научном мире статус мировой величины. И хотя Тойнби не считал, что Россия создала свою собственную цивилизацию, являясь всего лишь сателлитом Скандинавской, Византийской и наконец, Западной цивилизации в ее коммунистической форме, ученый все же справедливо и метко отметил подспудно-религиозные начала советской России: «Как под Распятием, так и под серпом и молотом Россия — все еще «Святая Русь, а Москва — все еще Третий Рим», «Tamen usque resurgret» — «Все возвращается на круги своя» (Тойнби 2003: 381).

И здесь возникает вопрос: так СССР, победивший германский нацизм в войну 1941–1945 гг. — это фантом, принимаемый на веру в духе Маркса вместе со всем

советским «иллюзорным» наследием духовных, геополитических и военных побед? Или это реальная империя зла, равная по своей расчеловеченной силе фашизму? Все же представляется, что к исторической истине ближе всего тезис А. Тойнби: СССР — Третий Рим, а советский народ — ментальный выразитель имперской идеи, мобилизационно собравшей в годы Великой Отечественной войны все этносы и народы страны в единую, солидарную, монолитную гражданскую общность. Можно возразить, что советский Третий Рим лишен главной составляющей доктрины «Москва — III Рим» — православной. Но это бесконечно педалируемая безрелигиозность Советской России как раз и является ложным, искусственно сконструированным образом реальной советской действительности. Политический конфликт государства и Русской Православной церкви 20-х, 30-х, начала 40-х гг. не произвел никаких необратимых поломок в социогенетическом ядре традиционных духовных универсалий русских и других религиозных этносов страны. Об этом подробно излагается в авторских статьях: «Феномен религиозности русских в годы Великой Отечественной войны» (Цеханская 2015: 150–168) и «Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских» (Цеханская 2016: 221–241).

Подспудная, неуничтожимая религиозность советских людей, наличие которой подчеркивал даже Святейший Патриарх Кирилл¹, как скрытый, но активно корректирующий моральный подтекст советской обыденности, ярко воспламенилась в годы Великой Отечественной войны, когда миллионы советских людей и прежде всего, коммунисты и комсомольцы, не только жертвенно отдали жизнь свою за други своя, но и открыто обратились к Богу. Причем это обращение происходило без всякой экзальтации и пафоса, то есть естественно, просто и органично, потому что религиозность советского социума и в частности русских, оставалась неафишируемой частью советской повседневности. Следует особо подчеркнуть, в данном случае речь идет не о мироощущении, поведении и принципах воцерковленной части православных, не о беспрецедентной молитвенной и материальной помощи Русской Православной церкви, мирян, ставшей духовным залогом будущей Победы. Об это уже подробно сказано не в одном десятке фундаментальных трудов и исследований. Мы говорим о парадоксальном нравственном феномене «гомо советикуса» в триединстве его религиозности, советскости и народности, особо при этом выделяя государственнообразующий русско-советский социум, как ментального носителя религиозных архетипов сознания и подсознания. Мы акцентируем неизменность традиционной нормативно-ценностной идентификации советских людей — не только крещеных или атеистов, но также и других российских нехристианских религиозных этносов, и наконец, актуализируем содержание русского цивилизационного кода, управляющего сохранением и корректной пересборкой коллективной исторической памяти народов страны.

Представляется, что **рудиментарная** (Пресс-служба), по выражению Патриарха Кирилла, **религиозность** советского народа: верующих и неверующих, воцерковленных и нецерковных, атеистов и материалистов, коммунистов и беспартийных — **новая** тема и религиозной, и культурной, и социальной антропологии, требую-

¹ Святейший Патриарх Кирилл отмечал, что даже в годы атеизма не уничтожили в советских людях ту самую программу, которая была заложена как некий код развития наших православных народов. И в этом смысле, — подчеркивал Святейший, — неверующие люди советского времени были **рудиментарно** религиозны.

щая детального, многоаспектного изучения в контексте повседневности 20-х, 30-х годов и особенно периода Великой Отечественной войны. Несомненно, только междисциплинарный научный подход будет способствовать раскрытию «потаенной» сущности советской духовности, ясно проступившей в годы войны, с ее родовой привязанностью к традиционным священным символам, образам, текстам, идеалам, героям. Возможно, тогда прояснится и как бы абсурдный на первый взгляд мотив поступка молодого коммуниста, солдата Ф. Черкасова, написанного с фронта в письме к матери: «Мама, я вступил в партию, мама помолись за меня Богу» (*Победоносцев* 2012: 86).

Пока же историография конца XX века и особенно постсоветского времени, посвященная социокультурной, бытовой, этико-нормативной повседневности советских людей в годы Великой Отечественной войны, более сосредоточена на других, не менее важных и сложных проблемах. Выборочно отметим некоторые из них.

Пожалуй, самая главная научная проблема, в той или иной степени решаемая почти во всех исследованиях на указанную тему — это проблема аутентичной, то есть точной, подлинной реконструкции многоуровневого мира советской повседневности как **данности**, органичной мироощущению людей. Социо-антропологическая модель советского общества периода 1941–1945 гг. в наши дни воссоздается из множественной совокупности разноплановых направлений исследований, таких, например, как:

1. социальные, личностные, групповые, гендерные формы коммуникаций людей в экстремальных условиях войны;
2. типологическая согласованность гражданского самосознания общества;
3. универсализация советских идеалов и символов как основа внутриобщественного консенсуса;
4. мотивация военных и трудовых подвигов, солидарное понимание сущности советского патриотизма, осознание геополитических задач исторического момента;
5. военный, психологический, этико-моральный и личностный опыт противостояния врагу, осознание общих целей борьбы, объективизация традиционных ценностей жизни;
6. преодоление тягот войны: советский человек — носитель идеала жертвенного стоицизма, подвижничества, исторического оптимизма;
7. социальная обыденность войны: праздники, отдых, бытовая и будничная повседневность;
8. научные и культурные достижения военного времени;
9. восстановление экономики на освобожденных территориях, возрождение образовательных программ средней и высшей школы;
10. советская молодежь на дорогах войны: бесконфликтное, солидарно-целостное восприятие идеи защиты советской Родины;
11. войну выиграл советский учитель. Молодежь как социальный продукт советской системы образования;
12. примирение Русской Православной церкви и власти: гражданско-патриотическая социализация циркового клира и мира. Обыденная и обрядовая повседневность воцерковленных верующих в годы войны.

В этот же ряд входят такие актуальные и пока еще слабо разработанные темы, как:

13. вклад советского крестьянства в Победу. Политическая, идеологическая солидарность с властью, несмотря на недавние тяготы коллективизации;

14. проблема коллаборационизма на оккупированных территориях;
15. остербайтеры: быт, мироощущение, вера советских людей, угнанных в нацистскую Германию;
16. депортация народов СССР и одновременно трудовые и военные подвиги народов страны. Две стороны одной исторической драмы;
17. роль властных структур в обеспечении Победы;
18. цена и смысл Победы. Людские потери: объективная оценка демографического кризиса поствоенного времени. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных источников по данной теме;
19. проблема определения феномена советского общества как цивилизационного и нравственного оппонента германского национал-социализма.

Можно было бы и далее продолжить перечисление и традиционных, устоявшихся, и инновационных тем, посвященных жизнедеятельности и социо-этическому модусу мировосприятия советского общества в годы Великой Отечественной войны. Выше были указаны самые важные из них. Но сегодня особый научный интерес представляет более точечная, конкретная, можно сказать, профильная тематическая библиография. И здесь необходимо отметить яркое, «мозаичное» многообразие постсоветского времени, раскрывающих самые различные сферы повседневности воюющей страны, духовно-психологическую настроенность народа. Отметим некоторые из этих исследований. Так, основоположником изучения такой сложной и ранее не актуальной страницы войны, как морально-психологический аспект военной повседневности, можно назвать Е. С. Сеньявскую, автора фундаментальных работ — «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (*Сеньявская* 1995), «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (*Сеньявская* 1997).

Тема военной обыденности продолжена и подробно рассмотрена в монографии А. Э. Ларионова «Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945» (*Ларионов* 2015). В исследовании анализируются процессы общественных и межличностных коммуникаций в Красной Армии, реконструируются формы военной повседневности, отношения между начальством и подчиненными проявления дружбы, отношение к врагам и союзникам, рассматриваются виды досуга, отдыха военных, их контакты с гражданским населением. Об особенностях быта советских партизан повествуется в работе О. Н. Литвиновой «Культура повседневности партизан Брянская края в годы Великой Отечественной войны» (*Литвинова* 2008). Эксклюзивной и новаторской и по теме, и по глубине погружения в материал является монография Т. В. Павловой «Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве» (*Павлова* 2005). В этой работе дана яркая, развернутая картина бытовой жизни, психологического состояния, поведенческих моделей населения города на разных этапах обороны. Особо автор выделил характерные черты быта, повседневной деятельности рабочих Сталинграда, которые в условиях бесконечных бомбежек, артобстрелов с оружием в руках не только защищали Сталинград, но и выпускали оборонную продукцию, ремонтировали танки, военную технику, охраняли свои заводы, следили за порядком в городе. Примечательно, что Т. В. Павлова подчеркивает — со стороны населения Сталинграда не было никаких фактов массового протеста горожан и жителей области из-за тяжелой жизни и определенного принуждения.

Тема жизнеуклада, быта, труда гражданского населения Сталинграда в условиях противостояния нацистам продолжена в работе М. А. Насекина и А. В. Буганова «Военная повседневность гражданского населения Сталинграда 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной)» (Насекин, Буганов 2021: 26–35).

Различные стороны жизни советских «остербайтеров» в немецкой неволе, их уклад, взаимоотношения между собой и с «хозяевами», традиционная вера и мораль отражены в исследовании В. И. Ковалева «Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия» (Ковалев 2011).

Советское крестьянство в годы войны — одна из сложнейших и острых, ввиду недавней довоенной кампании по коллективизации, проблем отечественной историографии. Данная тема широко и всесторонне освещена в исследовании В. Т. Анискова «Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига» (Анисков 2003), где автор в концептуальном единстве подробно рассмотрел особенности жизнеуклада, быт, труд, повседневную жизнь советского крестьянства в годы войны, его материальный вклад в Победу, особо выделяя духовно-личностные начала мироощущения народа. В. Т. Анисков — один из первых ученых, отметивших уникальную значимость русской ментальности крестьян, их бытовую религиозность, жертвенность и стойкость характера, выделяя при этом своеобразный идеологический дуализм самосознания, выразившегося в почитании и советских праздников, и религиозных дат. Ученый особо подчеркнул, что в мироощущении крестьянства не было конфликта советского настоящего и российского прошлого, напротив, и прошлое, и настоящее воспринималось как нераздельное единство.

Безусловно, особую этическую ценность представляют труды, посвященные положению и повседневной жизни детей и женщин в годы Великой Отечественной войны. Здесь приоритетное место занимают монографии Е. Ю. Волковой «В тылу ковался меч Победы: женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Волкова 2005). «Маленькие участники большой войны. Дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Волкова 2010). Автор реконструировал сложную, драматическую картину повседневной жизни, быта советских женщин в военную годину, раскрывая при этом глубинные причины их нравственности и героизма. Монография Е. Ю. Волковой о детях основана на документальном массиве опросов и воспоминаний более 1000 ветеранов, переживших войну в детском возрасте. Материал собирался 30 лет. В исследовании раскрыта повседневная, бытовая, личностная жизнь советских детей на оккупированных территориях, в тылу, концлагерях, в голодающем Ленинграде. Основное внимание автор сосредоточил на характере питания детей, на их одежду, досуг, учебу, труд, проблемы здоровья и гигиены, а также на особенностях их духовного мира, надеждах, мечтах, стремлениях.

Представляется, органичной частью советской военной повседневности продолжала оставаться идеологическая, культурно-просветительская, творческая и духовно-религиозная сферы жизнедеятельности народа. В последние 10–15 лет сложились новые направления в изучении социокультурной проблематики Великой Отечественной войны. Отметим ряд трудов на эту тему: Н. Д. Козлов «С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны» (Козлов 2002). И. И. Широкоград «Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Широкоград 2001). Э. И. Гракина «Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» (Гракина 2000). О. В. Ту-

зова «Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны» (Тузова 2005). М. В. Шкаровский «Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны» (Шкаровский 2005). Несомненно, самым фундаментальным трудом, раскрывающим жертвенно-патриотическую деятельность Русской Православной церкви, является 765 — страничный сборник архивных документов «Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны» (Русская Православная церковь 2009), иллюстрирующий глубину молитвенного делания и масштабность практической помощи народу и государству со стороны Русской Православной церкви. Отметим, такую же непреходящую ценность имеют и другие архивные материалы, связанные с религиозными константами традиционного этнотипа русских и других религиозных народов СССР. Со всей твердостью к такому роду документов можно отнести свидетельства очевидцев о сакральной помощи и трансцендентных явлениях на фронтах Великой Отечественной. К этому роду документов относится сборник рассказов и воспоминаний участников войны, встретившихся на своем ратном пути с необъяснимыми случаями спасения, которые были восприняты как прямое вмешательство промысла Божиего «Спаси и Сохрани» (Спаси и Сохрани 2005). Непреходящую ценность представляет собой также уникальная книга-документ «Говорят погибшие герои» (Говорят погибшие герои 1975), составленная из задокументированных, подлинных эпистолярных источников, предсмертных писем советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. Книга выдержала 6 переизданий.

В завершении отметим, — одной из актуальнейших тем современной гуманитарной науки мог бы стать сравнительно-концептуальный анализ восприятия антропологами Запада и России моделей и образов советской действительности, например, социокультурной и бытовой повседневности 30-х, начала 40-х гг., как основ формирования солидарно-патриотической гражданской этики народа. Можно предложить еще более сложную, мало изученную тему — религиозность государственнообразующего русско-советского социума довоенного и военного периодов, как проявление традиционного, неизменного архетипа ментальности народа. Обе темы со всей очевидностью «работают» на раскрытие пока еще до конца не познанного, многосложного антропологического феномена «гомо советикуса» в триединстве его народности, советскости и религиозности.

Заключение. Выводы

В заключение следует отметить: все возрастающая совокупность исторических, антропологических, культурологических, социологических и прочих исследований постсоветского времени, посвященных изучению советской повседневности 1941–1945 гг., на сегодняшний день уже представляет собой универсальную научную величину. Стремление к энциклопедической всеохватности самых различных, разноплановых сторон и явлений жизни воюющей страны создает в современной отечественной гуманитарной науке пусть и остро дискуссионный, но живой и по сути консенсусный центр духовно-интеллектуального притяжения. И здесь точкой примирения всех конфликтующих концепций, всех идеологических разногласий являются желание и воля увидеть, понять историческую правду о самих себе, о стране, об обществе, отстаившем свою самобытную цивилизационную модель бытия в войне 1941–1945 гг.

Безусловно, в данной статье была рассмотрена небольшая часть историографии по обыденной, бытовой, гендерной, социокультурной, военной, психологической и прочей тематике, освещающей повседневность советского общества в годы Великой Отечественной войны. В будущем этот историографический ряд может дополнить разрабатываемая автором с 2014 г. такая тема, как религиозность советского социума в предвоенные и военные годы. Еще раз отметим — религиозность именно общества, а не воцерковленных групп. Представляется, исследование в данной области могут раскрыть и обнаружить новые, сложные, прикровенные, самобытные грани ментальности советских людей. В контексте изучения традиционной морали и религиозности «гомо советикуса» необходимо также вывести из «тени» и честно обговорить нерешенные, болезненные, а потому зачастую спекулятивные темы советской истории, как репрессии, коллективизация, торжество марксистской идеологии, насильственные методы промышленной и социокультурной модернизации, богоборческие эксцессы власти. Приходит время непредвзято и открыто попытаться обсудить подлинную природу этих процессов, отсеив все ложное, наносное и наконец, выявить масштаб и причины указанных явлений — как трагически-ошибочных и недопустимых, так и созидательно-героических.

Ведь невозможно не только представить, но и серьезно обсуждать феномен «слияния» механистические-рабского послушания народа, подавленного тоталитарной властью, с ярким, изумившим весь мир, проявлением его творческой, свободной, добровольно-жертвенной, гуманистической силы. Действительно, как из казенных, тяжелых «бушлатов» модернизации вышла советская «шинель» воина-победителя, защитившего и свой социальный уклад, и народ, и по сути, весь мир. Так **что** именно так властно корректировало позитивный ход советской истории, **что** сформировало религиозно-жертвенный психотип советских людей? Это главный вопрос историографии по Великой Отечественной войне. И ответ на него ждет новых, пытливых исследователей.

Источники и материалы

- Говорят погибшие 1975 — Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1975. 511 с.
- Пресс-служба — Пресс-служба Патриарха Московского и Всея Руси. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1463954.html> (дата обращения 25.09.14).
- Русская Православная церковь 2009 — Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Составители: Васильева О. Ю., Кудрявцева И. И., Лыкова Л. А. М.: Издательство Крутицкого подворья Общества любителей церковной истории, 2009. 765 с.
- Спаси и Сохрани 2005 — Спаси и Сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Сост. А. Фарберов. М.: Ковчег, 2005. 318 с.

Научная литература

- Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
- Бельков О. А. Духовный потенциал Победы // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности [Электронный ресурс]. 2021. Часть 2. URL: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/velikaya-otechestvennaya-vojna-istoriya-i-sovremennost-chast-2/> (дата обращения 17.06.21)

- Волкова Е. Ю. В тылу ковался меч Победы: женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кострома: КГУ, 2005. 104 с.
- Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны. Дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кострома: КГТУ, 2010. 155 с.
- Гракина Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. М.: ИРИ РАН, 2000. 386 с.
- Дьяков Ю. Л. Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ // Война 1941–1945 гг.: современные подходы. М.: Наука, 2002. С. 76–100.
- Ковалев В. И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. М.: Спутник, 2011. 350 с.
- Козлов Н. Д. С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленинградский государственный областной университет им. А. С. Пушкина, 2002. 312 с.
- Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945. М.: Золотое сечение, 2015. 296 с.
- Литвинова О. Н. Культура повседневности партизан Брянская края в годы Великой Отечественной войны. Диссертация кандидата исторических наук. Ярославский Государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2008.
- Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. М., 1989. № 4. С. 3–19.
- Насекин М. А., Буганов А. В. Военная повседневность гражданского населения Сталинграда 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной) // Вестник антропологии. М., 2021. № 2 (54). С. 26–34.
- Павлова Т. В. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.
- Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М.: Книжный мир, 2012. 143 с.
- Розанов В. В. Уединенное. М.: Современник, 1991. 107 с.
- Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990 г. // История и историки. 2002: Исторический вестник. Институт Российской истории. М.: Наука, 2002. С. 3–28.
- Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
- Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 232 с.
- Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис Пресс, 2003. 588 с.
- Тузова О. В. Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Самара: Самарский государственный технический университет, 2005. 171 с.
- Храмкова Е. Л. Некоторые особенности новейшего периода отечественной историографии культуры России 1941–1945 гг. // Вестник Самарского государственного университета, 2006. № 10–1 (50). С. 138–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-noveyshego-perioda-otechestvennoy-istoriografii-kultury-rossii-1941-1945-godov/viewer> (дата обращения: 14.06.21).
- Цеханская К. В. Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (33). С. 221–241.
- Цеханская К. В. Религиозный модус ментальности русско-советского социума накануне и во время Великой Отечественной войны // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Сб. научных трудов. М., МГОУ, 2021. С. 218–232.

- Цеханская К. В. Феномен религиозности русских в годы Великой Отечественной войны // Вестник Антропологии. Новая серия М., 2015. № 4. С. 150–168.
- Широкопад И. И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Московский государственный университет печати, 2001. 330 с.
- Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Держава, 2005. 620 с.

References

- Aniskov, V. T. 2003. Krest'ianstvo protiv fashizma. 1941–1945 [The peasantry is against fascism. 1941–1945]. In *Istoriia i psikhologiya podviga* [History and psychology of the feat]. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 502 s.
- Bel'kov, O. A. 2021. Dukhovnyi potentsial Pobedy [The Spiritual Potential of Victory]. In *Nauchno-issledovatel'skii tsentr problem natsional'noi bezopasnosti* [Electronic resource] [Research Center for National Security Problems [Electronic resource]]. URL: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/velikaya-otechestvennaya-vojna-istoriya-i-sovremennost-chast-2/> (data obrashcheniia 17.06.21).
- D'iakov, Iu. L. 2002. Gor'koe chuvstvo istorii: za oshibki vlasti rasplachivaetsia narod [A bitter sense of history: the people are paying for the mistakes of the authorities]. In *Voina 1941–1945 gg.: sovremennye podkhody* [The War of 1941–1945: modern approaches]. Moskva: Nauka, S. 76–100.
- Grakina, E. I. 2000. *Uchenye Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Russian scientists during the Great Patriotic War]. Moskva.: Institut Rossijskoj Isrorii RAN, 386 s.
- Khramkova, E. L. 2006. Nekotorye osobennosti noveishego perioda otechestvennoi istoriografii kul'tury Rossii 1941–1945 gg. [Some features of the Newest Period of Russian Cultural Historiography 1941–1945]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10–1 (50): 138–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-noveyshego-perioda-otechestvennoy-istoriografii-kul'tury-rossii-1941-1945-godov> (data obrashcheniia: 14.06.21)
- Kovalev, V. I. 2011. *Povsednevnaia zhizn' sovetских grazhdan, ugnannykh v fashistskuiu Germaniiu: vzgliad cherez desiatletii* [The daily life of Soviet citizens deported to Nazi Germany: a look through the decades]. Moskva: Sputnik, 350 s.
- Kozlov, N. D. 2002. *S volei k Pobede. Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [With the will to win. Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg.: Leningradskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet imeni A. S. Pushkina. 312 s.
- Larionov, A. E. 2015. *Frontovaia povsednevnost' Velikoi Otechestvennoi voiny: sotsial'nye kommunikatsii i dukhovnaia zhizn' RKKa 1941–1945* [Frontline Everyday Life of the Great Patriotic War: social communications and spiritual Life of the Red Army 1941–1945]. Moskva: Zolotoe sechenie. 296 s.
- Litvinova, O. N. 2008. *Kul'tura povsednevnosti partizan Brianskaia kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk* [The culture of everyday life of the partisans of the Bryansk region during the Great Patriotic War. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Iaroslavl': Iaroslavskii Gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo.
- Marks, K. 1989. Razoblachenie diplomatischei istorii XVIII veka [Exposing the diplomatic history of the XVIII century]. *Voprosy istorii*. 4: 3–19.
- Nasekin, M. A., Baganov, A. V. 2021. Voennaia povsednevnost' grazhdanskogo naseleniia Stalingrada 1942–1943 gg. (po dnevnikam Anny Aratskikh i Serafimy Voroninnoi) [Military everyday life of the civilian population of Stalingrad 1942–1943 (according to the diaries of Anna Aratsky and Serafima Voronina)]. *Vestnik antropologii*. 2 (54): 26–34.

- Pavlova, T. V. 2005. *Zasekrechennaia tragediia: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoi bitve* [Classified tragedy: civilians in the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena, 593 s.
- Pobedonostsev, P. 2012. *Stalin i Tserkov' glazami sovremennikov: patriarkhov, sviatykh, sviashchennikov* [Stalin and the Church through the eyes of contemporaries: patriarchs, saints, priests]. Moskva: Knizhnyi mir. 143 s.
- RozaNov, V. V. 1991. *Uedinennoe* [Secluded]. Moskva: Sovremennik, 107 s.
- Sakharov, A. N. 2002. O novykh podkhodakh v rossiiskoi istoricheskoi nauke. 1990 gg. [About new approaches in Russian historical science. 1990]. *Istoriia i istoriki. Istorieskii vestnik*. Institut Rossiiskoi istorii RAN. Moskva: Nauka. S. 3–28.
- Seniavskaia, E. S. 1995. 1941–1945. *Frontovoe pokolenie. Istoriiko-psikhologicheskoe issledovanie [1941–1945. The frontline generation. Historical and psychological research]*. Moskva: Institut Rossiiskoi istorii RAN. 220 s.
- Seniavskaia, E. S. 1997. *Chelovek na voine. Istoriiko-psikhologicheskie ocherki* [A man at war. Historical and psychological essays]. Moskva: Institut Rossiiskoi istorii RAN. 232 s.
- Shirokorad, I. I. 2001. *Tsentral'naia periodicheskaia pechat' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Central Periodical Press during the Great Patriotic War 1941–1945]. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi universitet pechatii. 330 s.
- Shkarovskii, M. V. 2005. *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny: religioznaia zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Church calls for the Protection of the Motherland: the Religious Life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg: Derzhava. 620 s.
- Tishkov, V. A. 2020. *Velikaia Pobeda i sovetskii narod: antropologicheskii analiz* [The Great Victory and the Soviet people: an anthropological analysis]. *Voprosy filosofii*. 8: 5–19.
- Toinbi, A. Dzh. 2003. *Tsivilizatsiia pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History]. Moskva: Airis Press, 588 s.
- Tsekhanskaia, K. V. 2016. Globalizm i problemy sovremennoi etnoreligioznoi identifikatsii russkikh [Globalism and the problems of Modern Ethnoreligious Identification of Russians]. *Problemy natsional'noi strategii*. 6 (33): 221–241.
- Tsekhanskaia, K. V. 2021. Religiozniy modus mental'nosti rusko-sovetskogo sotsiama nakanune i vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [Religious Mode of Mentality of the Russian-Soviet Society Before and During the Great Patriotic War]. In *Dukhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kul'ture Rossii. Sb. nauchnykh trudov* [Spiritual heritage of Byzantium and Mount Athos in the history and culture of Russia]. Moskva: Moskovskij Gosudarstvennij Oblastnoj Universitet. 218–232 s.
- Tsekhanskaia, K. V. 2015. Fenomen religioznosti russkikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The phenomenon of Russian religiosity during the Great Patriotic War]. *Vestnik Antropologii*. Moskva Novaya seriya 4: 150–168.
- Tuzova, O. V. 2005. *Muzykal'naia kul'tura Srednego Povolzh'ia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Musical culture of the Middle Volga region during the Great Patriotic War]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 171 s.
- Volkova, E. Iu. 2005. *V tylu kovalsia mech Pobedy: zhenshchiny Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The Sword of Victory was forged in the rear: women of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kostroma: Kostromskoj Gosudarstvennij Universitet. 104 s.
- Volkova, E. Iu. 2010. *Malen'kie uchastniki bol'shoi voiny. Deti v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Little participants in a big war. Children in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kostroma: Kostromskoi Gosudarstvennii Tehnicheskij Universitet. 155 s.

УДК 394+379.8

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/68-76

Научная статья

© Г. У. Сейдаметова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАРАКАЛПАКСКИХ СТУДЕНТОВ В 1960–1970-е гг.

В фокусе исследования повседневная жизнь каракалпакского студенчества в 1960–1970-е гг. Начальным этапом формирования социальной группы студенчества в Каракалпакии стало появление в 1934 году Учительского института, который позже, в 1956 году был преобразован в Педагогический институт. В статье представлена повседневная жизнь каракалпакских студентов через анализ ее базовых элементов: быта и досуга, которые реконструированы на основе воспоминаний жителей Кегейлийского, Шуманайского и Ходжейлийского районов Республики Каракалпакстан. Сведения получены автором в ходе историко-этнографических экспедиций в период с 2018 по 2022 гг. Интервью, взятые у респондентов по разнообразным аспектам досугово-бытовых практик, позволили воссоздать студенческую жизнь изучаемого периода. К опросу привлекались местные жители, получившие образование не только в Каракалпакстане, но и за пределами республики. Судя по их рассказам, дополненным архивными материалами, в отличие от представителей других слоев населения студенчество в изучаемый период находилось в более выгодных условиях. Студентов обеспечивали жильем, получаемая ими стипендия позволяла не ощущать проблем с продуктами. Одной из сложных, как рассказывают очевидцы, представлялась ситуация с одеждой, потребность в которой на тот период плохо решалась государством, в связи с чем дефицит в ней ощущали все слои населения, в том числе и студенты.

Ключевые слова: каракалпаки, студенчество, повседневная жизнь, бытовые практики, досуговые практики.

Ссылка при цитировании: Сейдаметова Г. У. Повседневная жизнь каракалпакских студентов в 1960–1970-е годы // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 68–76.

Сейдаметова Гульнара Утарбаевна — Ph.D. по историческим наукам, доцент кафедры истории Узбекистана и Каракалпакстана, Каракалпакский Государственный Университет им. Бердаха (ул. Чарджоу Абдилова, 1, г. Нукус 230100, Каракалпакстан, Узбекистан). Эл. почта: g_seydametova@mail.ru

UDC 394+379.8

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/68-76

Original Article

© Gulnara Seydametova

THE STUDENTS' EVERYDAY LIFE IN KARAKALPAKSTAN IN 1960–1970'S

The focus of the study is the daily life of Karakalpak students in the 1960s-1970s. This social group emerged with the foundation of the first higher educational institution in the republic — the Teacher Training Institute in 1934, which was later, in 1956 transformed into the Pedagogical Institute. The article analyzes the main elements of the Karakalpak students' everyday life — activities and leisure — reconstructed from the interviews with residents of Kegeyli, Shumanai and Khodjeyli regions of Karakalpakstan. These were conducted by the author during historical and ethnographic expeditions in 2018–2022. The interviews on the main aspects of leisure and domestic practices served to recreate the student life of the studied period. The survey involved respondents who studied not only in Karakalpakstan, but also outside the republic. Unlike other population groups, students lived in rather favorable conditions. They were provided with housing, and the scholarship was sufficient to fully cover food expenses. However, the situation with clothing was complicated, as the need for it at that time was poorly addressed by the state. Therefore, all segments of the population, including students, experienced the shortage of clothing.

Keywords: Karakalpaks, students, everyday life, household practices, leisure practices

Author Info: Seydametova Gulnara Utarbaevna — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History of Uzbekistan and Karakalpakstan, Karakalpak State University named after Berdakh (1, Abdirov Street, Nukus 230100, Karakalpakstan, Uzbekistan). E-mail: g_seydametova@mail.ru

For citation: Seydametova, G. U. 2022. The Students' Everyday Life in Karakalpakstan in 1960–1970's. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 68–76.

Проблема повседневности включает в себя широкий круг вопросов. Изучение повседневности, в отличие от социологических и экономических исследований бытовых аспектов жизни человека и общества, подразумевает рассмотрение различных событий, оказывающих влияние на частную жизнь. В них, безусловно, находит отражение общее состояние общества, идеологические установки эпохи и т. д. В фокусе данного исследования находятся внеучебные будни каракалпакского студенчества в 1960–1970-е гг. Сосредоточение внимания на студенческой повседневности позволяет раскрыть и понять особый колорит студенческой жизни того времени, атмосферу коллективного быта в общежитиях, специфику досуга и др.

В основу статьи легли полевые материалы автора, собранные в 2018–2022 гг. в Кегейлийском, Шуманайском и Ходжейлийском районах республики Каракалпакстан. Сведения о студенческой жизни изучаемого периода были записаны со слов

респондентов, получивших образование в различных учебных заведениях как Узбекистана, так и за пределами республики. Благодаря их рассказам удалось воссоздать дух студенческой жизни 1960–70-х гг., рассмотреть досугово-бытовые практики молодежи того времени. Помимо полевых материалов источниковую базу исследования составили документы, полученные из Центрального Государственного архива Республики Каракалпакстан (ЦГА РК), а также Архива Жокаргы Кенес¹ Республики Каракалпакстан (АЖК РК).

В историографии Каракалпакстана 1960–1970-х гг. проблема повседневной жизни широко освещается в трудах историков социальной жизни и этнографов, хотя сам термин «повседневность» ими не употребляется. Именно в тот период отечественными этнографами был выработан подход, в соответствии с которым *быт* стал характеризоваться как повседневный уклад жизни. Можно сказать, что это стало началом зарождения в каракалпакской историографии направления по изучению истории повседневности.

Существует значительное количество исследований, посвященных проблемам материального благосостояния рабочих и крестьян в республике (Муратова 1992; Легецкая 1985; Курбаниязов 1984). Ряд работ освещает вопросы подготовки кадров в сельском хозяйстве, экономические и социальные аспекты развития ирригации, хлопководства и рисоводства (Сарыбаев 1986; Медетуллаев 1981; Палванов 1977). К. Рзаевым проанализирована социальная природа личного подсобного хозяйства населения, изучены вопросы демографического развития и государственного регулирования рыночной экономики (Рзаев 1988; Рзаев 1995). Вопросы социальной активности женщин осветила Р. Калбаева (Калбаева 1972). А. Гаипова (Гаипова 1974) посвятила свое исследование вопросам развития благосостояния трудящихся республики в контексте историографического обзора материалов по истории социальной практики. Р. Джанабаев (Джанабаев 1985) освещал вопросы культурного строительства. Развитие городов и городских поселений Каракалпакстана получило отражение в трудах ученых-историков (Камалов, Коцанов 1973; Татыбаева 1979; Ягодин, Есбергенов, Коцанов, Муратова 1992).

А. Бекмуратова изучала быт и семейные отношения у каракалпаков периода до 1960-х годов (Бекмуратова 1970). Обрядность у каракалпаков, городская культура, быт стала объектом исследования этнографов Х. Есбергенова, Т. Атамуратова (Есбергенов, Атамуратов 1975).

В каракалпакской исторической науке периода независимости определенное внимание уделяется истории социальной политики советской власти. Можно выделить ряд исследований, в которых освещены некоторые аспекты повседневной жизни населения в рассматриваемое нами время (Камалов 1999; Уразбаева 1994 и др.). Вместе с тем, при наличии достаточного количества научных трудов по социально-экономической и культурной истории Каракалпакстана, в них повседневная жизнь каракалпакского общества второй половины XX в. затрагивается лишь фрагментарно. Приходится констатировать, что процессы, касающиеся непосредственно повседневной жизни и быта городского населения Каракалпакстана, в частности, молодежи и студенчества, практически остались не освещенными в научной литературе.

¹ Жокаргы Кенес — высший государственный представительный орган власти Республики Каракалпакстан.

Между тем, многие молодые люди республики начинали свой жизненный путь в высших учебных заведениях, что накладывало отпечаток на их дальнейшую судьбу. Основным центром подготовки педагогических кадров в Каракалпакстане в изучаемый период являлся Каракалпакский государственный педагогический институт¹. К 1960-м гг. уровень и объем знаний, предоставляемый ВУЗом, значительно возрос благодаря усилению профессорско-преподавательского состава института.

Как рассказывают очевидцы, набор студентов в педагогический институт в республике имел свои особенности. Большое значение предавалось привлечению в институт молодежи из сельской местности. К. Отениязов вспоминает: «К тому моменту, когда, вымолив разрешение у родителей, приехал поступать в институт, оказалось, что абитуриенты уже сдали два экзамена. Но в те годы сельской молодежи, желающей получить образование, предоставляли льготы. Тем, кто опоздал, разрешали сдать документы позже, тем, кто не сдал экзамен, давали возможность пересдать» (Отениязов 2001: 26). Так, из общего числа принятых в институт в 1961 г. 213 человек были жителями отдаленных районов республики. Особенно большие возможности предоставлялись девушкам из сельской местности: «Беседовали с выпускницами 10 классов, их родителями, чтобы те разрешили им учиться дальше. На первых порах принимали без экзаменов. Собирали заявления у выпускниц, на какую специальность хотят сдавать. К окончанию учебного года вновь поехали по аулам и всех, кто подавал заявление, привезли в город. Старались устроить всех. Если не хватало мест на одном факультете, отправляли на любой другой. Все, изъявившие желание учиться, были приняты в институт и обеспечены стипендий. Это было начало 1960-х годов. К 1964 г. такую практику отменили» (ПМА 2022: 3).

Специфика быта коренного населения автономной республики требовала максимального привлечения к учебе девушек, особенно местных национальностей. В связи с этим институт ежегодно брал на учет всех выпускников средних школ и проводил с ними соответствующую подготовительную работу для выяснения их стремлений и желаний. В результате этого многие девушки поступали в институт. Например, в 1960 г. было принято 120 девушек, а в 1961 г. — 174 девушек, в 1962 г. — 184, в 1963 г. — 206 (ЦГА РУз).

Тем не менее, лиц с высшим образованием в ККАССР было мало. По данным переписи 1970 г., на 1000 человек (в возрасте 10 лет и старше) приходилось всего 29 человек с законченным высшим образованием, тогда как по СССР — 42, по Узбекской ССР — 36. То есть показатели Каракалпакской АССР были ниже уровня страны на 31% и Узбекистана — на 15%. Особенно мал был удельный вес женщин, который составлял всего 15 человек (по СССР — 37, по Узбекистану — 27). По статистиче-

¹ Институт, первоначально как Турткульский государственный учительский институт, начал свою деятельность в городе Турткуле — столице Каракалпакской АССР, где в 1934 г. был образован в составе двух отделений — физико-математического и каракалпакского языка и литературы, в 1937 г. был создан факультет русского языка и литературы, в дальнейшем — исторический факультет. В 1942 г. в связи с затоплением города Турткуля вследствие изменения русла Амударьи Учительский институт был переведен в город Чимбай, а в 1945 г. в столицу автономной республики — Нукус. В 1956 г. он преобразован в Каракалпакский государственный педагогический институт. В 1976 г. ему был присвоен статус Нукусского государственного университета, а ещё позднее — в начале 1990-х гг. — Каракалпакского государственного университета имени Бердаха. В 1991 г. на базе КГУ был воссоздан теперь уже Нукусский государственный педагогический институт (НППИ), который с 1992 г. носит имя Ажинияза.

ским данным 1970–1971 учебного года, численность студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях, по ККАССР была на 10 тысяч человек в 2,4 раза ниже, чем в СССР и УзССР (АЖК РК).

Важной составляющей студенческой жизни являлся быт. Ведь жизнь студентов не ограничивалась лишь обучением. Одним из значимых элементов для любого человека является жилищный вопрос. Большинство опрошенных отмечают, что проблема с жильем не представляла сложности для студентов, практически все приехавшие из сельской местности или других городов, обеспечивались общежитием: «Когда учился в Педагогическом институте, нам предоставили общежитие. В комнате нас было четыре человека» (ПМА 2022: 3); «В 1962 году поступил на учебу в Ташкент в Педагогический институт имени Низами на факультет математики. Жил в общежитии. В комнате нас бывало 4–5 человек. Общежитие было секционным. В одной секции жило 9 студентов: в одной комнате девушки, в другой — юноши. Мы приносили продукты, а еду готовили девушки» (ПМА 2019: 10); «... Учился я в Самаркандском кооперативном техникуме. Нам, приехавшим из других областей Узбекистана выделили общежитие. Наше общежитие представляло собой некогда частный дом, с типичным для узбекских городов двориком, где все окна обращены во двор. Все комнаты имели отдельный вход. Жили обособленным двором» (ПМА 2018: 24). Были и те, кто проживал на частных квартирах. Как отмечают сами респонденты, причина заключалась не в отсутствии мест в общежитии, а в предпочтениях самих студентов: «Я жила на съёмной квартире с еще двумя девушками. Такой вариант выбрала сама, так как в общежитие многолюдно, мешали заниматься, поэтому мы решили снять квартиру» (ПМА 2019: 3).

Несмотря на то, что жилищная проблема в республике стояла остро, в городе не хватало жилья для все прибывающего из сельских местностей населения, вопрос со снабжением студентов общежитием старались решить в первую очередь. Например, в городе Нукус было 9 общежитий учебных заведений, учреждений и предприятий республики, в Ходжейли — 7, в Чимбае — 6, в Беруни — 5, в Муйнаке — 3, в которые заселяли в основном приезжих (ЦГА НТМД РУз).

Что касается бюджета студентов, он состоял из стипендии и денег, высылаемых родителями. Однако, претендовать на стипендию могли не все, те кто имел «тройки» ее не получали. В 1961 г. стипендия в Педагогическом институте составляла 22 руб. С 1963 г. она повысилась до 27 руб. 50 коп. Для студента это были «большие» деньги (ПМА 2022: 3). Обучавшиеся за пределами республики студенты тоже в основном жили на стипендию, родители денег не высылали: «Когда учился в институте, родители, перед отъездом на учебу (обучался в Тамбове — С. Г.), покупали необходимую одежду, билет и давали в руки 50 руб. Лишних денег не давали, жить должен был на стипендию. Отец строго запретил высылать мне деньги и другим родным. Он считал, что лишние деньги портят человека, могут сбить с пути» (ПМА 2018:17).

У каракалпакского студенчества, как и студенчества других стран, были сильны взаимовыручка и товарищество. Интересный случай поведал нам Турманов Б.: «В 1961 г. поступил в педагогический институт на факультет каракалпакского языка и литературы, так как при вступительных экзаменах получил „3“, в первый год обучения стипендию не получал. Зная тяжелое материальное положение моей семьи, мои однокурсники, получавшие стипендию, чтобы я не оставил учебу, решили „скидываться“ по 1 рублю каждый месяц. В месяц набиралось 25, иногда 26–27 рублей. Благодаря этим

пожертвованиям моих однокурсников я прожил до февраля месяца. Даже умудрялся сэкономить и отправить матери 5 рублей» (ПМА 2022: 3). Подобное отношение можно объяснить не только духом товарищества, отзывчивости, в этом поступке можно усмотреть некоторые элементы традиционной взаимовыручки *көмек*, существовавшей у каракалпаков издавна, когда в трудную минуту община приходит на помощь, будь то хозяйственные работы, помощь в проведении мероприятий и т. д.

Ситуация с питанием, как отмечают опрошенные, была удовлетворительной, в магазинах продуктов было достаточно, цены вполне доступные. Проживающие в одной комнате студенты обычно складывались в общий бюджет для покупки продуктов: «Скидывались по 15 руб. в месяц на продукты. Могли себе позволить сливочное масло, оно стоило 3 руб. В магазинах можно было купить картошку. В институте была столовая, в которой обедали все, включая администрацию и студентов, причем все в общем зале. Чай в студенческой столовой в 1961 г. был бесплатным. Первое блюдо стоило 11–12 коп., второе мы обычно не брали. Завтрак и ужин готовили сами по очереди, что-нибудь не сложное, например, макароны, кашу» (ПМА 2022: 3). Более разнообразным был рацион питания девушек: «Из блюд готовили *бесбармақ*¹, плов, *куўрдақ*². В магазинах было много сгущенки, мы часто ее покупали. Газа в Нукусе не было, топили с помощью угля, еду готовили на кирогазе. Солярка буквально въедалась во всю нашу одежду» (ПМА 2019: 3).

Одной из важных бытовых проблем, судя по воспоминаниям, была одежда. Со слов всех опрошенных в 1960-е гг. ощущался дефицит предметов одежды: «На первом курсе носил старую спецодежду почтальона — куртку. Не помню, откуда она взялась, но эту куртку носил до 2 курса. На всех четверых жильцов комнаты был один приличный костюм и рубашка. Хотя костюм принадлежал Жугинису (один из студентов, проживающих в комнате — С. Г.), его брали другие, когда нужно было посетить какое-либо мероприятия или учреждение, где требовался строгий костюм. При этом никто не спрашивал специального разрешения, это было в порядке вещей. Хозяин одежды тоже не возмущался, зачем ты взял мою вещь» (ПМА 2022: 3). В данном случае усматриваются помимо таких человеческих качеств, как товарищество, желание помочь, традиционная взаимовыручка, занимавшая в традиционной культуре каракалпаков важное место. Согласно З. Курбановой, традиция одалживания одежды появились в 1920-е гг., в тяжелые в экономическом плане времена, когда у населения не было возможности приобретать одежду. Сначала одежду одалживали для свадебных торжеств: «... Бывало, что у невесты для проведения свадебного торжества не было нарядного платья. В таком случае прибегали к помощи родственников или соседей, одалживали у них праздничную одежду» (Курбанова 2020: 128). Позже этот обычай получил широкое распространение в быту каракалпаков. В студенческой среде, как видим, существовал и в 1960-е годы.

Одной из форм проведения досуга студентов являлся поход в кино. Относительно недорогая стоимость билета позволяла студентам регулярно посещать кинотеатры, где демонстрировались приключенческие, комедийные, мелодраматические фильмы. Устоявшимся элементом городского досуга являлось посещение парков культуры и отдыха, бывших средоточием культурной жизни, особенно в летний период.

¹ Традиционное каракалпакское блюдо, представляющее собой мясной бульон с кусочками теста, нарезанными ровными квадратами.

² Мясо тушеное с овощами.

Здесь проводились различные развлекательные мероприятия спектакли, концерты, беседы, лекции, викторины, игры, танцы. Известный общественно-политический деятель Каракалпакстана С. Каниязов писал: «Нукус показался мне, юноше, приехавшему из аула, огромным городом. Особенно многолюдно было в вечернее время в парке культуры и отдыха. На одной стороне парка — игры, карусель, на другой стороне — песни поют, на третьей — мужики играют в бильярд. До двенадцати ночи все это продолжалось. Я часто ходил в парк. Плата за вход — один рубль» (Каниязов 2006: 49).

Таким образом, повседневность была важной составляющей студенческой жизни. Быт каракалпакских студентов, в отличие от быта большинства городских жителей, был удовлетворителен. Нехватки в общежитиях не ощущалось, хотя комнаты в них были перенаселены. В одной комнате жили по 4–5 человек. Ситуация с продовольствием тоже не стояла остро. Частично вопросы питания решались за счет столовых при ВУЗе. Одной из сложных представлялось ситуация с промышленными товарами, в частности, с одеждой. Период 1960-х годов ознаменовался дефицитом непродовольственных товаров. Промышленность страны не могла обеспечить нарастающую потребность населения в одежде. Это сказалось на уровне жизни всего населения, в том числе и студенчества.

Источники и материалы

- ЦГА РУз — Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. 2653, оп. 1, ед. хр. 180, л. 4.
 АЖК РК — Архив Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан (АЖК РК), ф.1, оп. 27, д. 192, л. 4.
 ЦГА НТМД РУз — Центральный Государственный Архив Научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (ЦГА НТМД РУз), ф. 40, оп. 3, д. 16, л.18–19.
 ПМА 2022: 3 — Полевые материалы автора. Республика Каракалпакстан (февраль 2022 г.): Ходжейлийский район. Турымбетов Бекмурат, 1941 г. р., каракалпак-хожа.
 ПМА 2019: 10 — Полевые материалы автора. Республика Каракалпакстан (ноябрь 2019 г.): Шоманайский район, улица Навои, 30. Бердимуратов Базарбай, 1946 г. р., каракалпак-баймаклы.
 ПМА 2018: 24 — Полевые материалы автора. Республика Каракалпакстан (октябрь 2018 г.): Халкабадский район, ул. С. Хожаниязова, 11. Керимбердиев Хакимкул, 1937 г. р., каракалпак-мюйтен (самат).
 ПМА 2019: 3 — Полевые материалы автора. Республика Каракалпакстан (ноябрь 2019 г.): г. Тахиаташ, ул. Личагина, 21. Каримбаева Бибиайша, 1951 г. р., узбечка.
 ПМА 2018:17 — Полевые материалы автора. Республика Каракалпакстан (сентябрь 2018): Кегейлийский район, ул. Жандуллы Юсупова, 19. Аметов Муратбай, 1951 г. р., каракалпак-хожа (сабылт мырса).

Научная литература

- Бекмуратова А. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус: Каракалпакия, 1970. 153 с.
 Гаипова А. История развития социального обеспечения и здравоохранения Каракалпакстана в период развитого социализма. (1959–1970 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук: (00.02) / АН УзССР. Ин-т истории. Нукус, 1972. 24 с.
 Гаипова А. Рост благосостояния трудящихся ККАССР. Нукус, 1974. 143 с.

- Джанабаев Р. Культурное строительство в Каракалпакской АССР в 60–70 гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: (07.00.02). Москва, 1985. 21 с.
 Есбергенов Х. Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975. 212 с.
 Калбаева Р. Ш. Женщины советской Каракалпакии в коммунистическом строительстве. Нукус: Каракалпакия, 1972. 278 с.
 Камалов С. К. Социально-экономическое положение Каракалпакстана и Аральская катастрофа (1917–1990 гг.) // Вестник ККО АН РУз. Нукус. 1999. № 6. С. 3–7.
 Камалов С., Коцанов А. Тарийх дэрбентиндеги қала // Өмиў шамшырағы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1973. С. 36.
 Каниязов С. Алтын жағыс. Нөкис: Билим, 2006. С. 49.
 Курбаниязов А. Особенности развития трудовых ресурсов в Каракалпакии // Вестник ККФ АН УзССР. 1984. № 2. С. 54–60.
 Курбанова З. И. Семейная обрядность каракалпаков: обычай *бес кийим* в динамике трансформаций традиционной культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2020. Том. 48. № 3. С. 124–133.
 Легицкая Л. Рабочий класс ККАССР в условиях развитого социализма // Вестник ККФ АН УзССР. Нукус. 1985, № 2. С. 76.
 Муратова П. Каракалпакстанда интеллигенция кадрларын таярлау. Нөкис: Қарақалпақстан, 1992. 144 с.
 Медетуллаев Ж. Развитие аграрной политики партии XXVI съездом КПСС // Вестник ККФАН УзССР. 1981. № 3. С. 43–48.
 Отениязов К. Ойларыма өзеклес өмирим. Ташкент: Академия, 2001. С. 31–32.
 Палванов Дж. Рисовый комплекс Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1977. 222 с.
 Палванов Дж. Материально-техническая база рисоводства Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1983. 120 с.
 Рзаев К. Р. Проблемы развития подсобных хозяйств Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1988. 120 с.
 Рзаев К. Р. Необходимость государственного регулирования рыночной экономики. Нукус: Каракалпакстан, 1995. 290 с.
 Сарыбаев К. Роль орошения в социально-экономическом развитии Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1986. 290 с.
 Татыбаева В. Х. Нукус — столица Каракалпакской АССР. История основания и развития города. Нукус: Каракалпакстан, 1979. 76 с.
 Уразбаева Р. Из истории высшего и среднего специального образования Каракалпакстана. Нукус: Каракалпакстан, 1994. 96 с.
 Ягодин В., Есбергенов Х., Коцанов А., Муратова П. Қарақалпақстан Республикасы пайтахты — Нөкис қаласына 60 жыл. Нөкис: Билим, 1992. 36 с.

References

- Bekmuratova, A. 1970. *Byt i sem'ia karakalpakov v proshlom i nastoiashchem* [Life and family of Karakalpak in the past and present]. Nukus: Karakalpakstan. P. 153.
 Gaipova, A. 1972. *Istoriia razvitiia sotsial'nogo obespecheniia i zdravookhraneniia Karakalpakistana v period razvitologo sotsializma. (1959–1970 gg.)* [The history of the development of social security and health care in Karakalpakstan in the period of developed socialism. (1959–1970)]. Author's abstract dissertation for the competition scientist degree candidate of history sciences: (00.02) / Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Institute of History. Nukus. P. 24.
 Dzhanaabaev, R. 1985. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Karakalpakskoi ASSR v 60–70 gg.* [Cultural construction in the Karakalpak ASSR in the 60–70s.]. Abstract dissertation for the competition scientist degree candidate of history sciences: (07.00.02). Moscow. P. 21.

- Esbergenov, H., T. Atamuratov. 1975. *Traditsii i ikh preobrazovaniia v gorodskom bytu karakalpakov* [Traditions and their transformations in the urban life of the Karakalpak]. Nukus: Karakalpakstan. P. 212.
- Gaipova, A. 1974. *Rost blagosostoianii trudiashchikhsia KKASSR* [The growth of the well-being of the workers of the KKASSR]. Nukus. P. 143.
- Kalbaeva, R. Sh. 1972. *Zhenshchiny sovetskoi Karakalpakii v kommunisticheskom stroitel'stve* [Women of Soviet Karakalpakstan in communist construction]. Nukus: Karakalpakstan. P. 278.
- Kamalov, S. K. 1999. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Karakalpakstana i Aral'skaia katastrofa (1917–1990)* [Socio-economic situation of Karakalpakstan and the Aral catastrophe (1917–1990)]. *Vestnik Karakalpakskogo otdelenija akademiji nauk (KO AN) Respubliki Uzbekistan*. Nukus. 6: 3–7.
- Kamalov, S., A. Koshchanov. 1973. *Tarijkh darbentidegi kala* [The city of Tariyh Darbentyn] In *Amiu shamshyragy* [The lamp of the mosque]. Nokis: Karakalpakstan. P. 36.
- Kaniyazov, S. 2006. *Altyn zhagys* [Golden side]. Nokis: Bilim. P. 49.
- Kurbaniyazov A. 1984. *Osobennosti razvitiia trudovykh resursov v Karakalpakii* [Features of the development of labor resources in Karakalpakstan]. *Vestnik KKF AN UzSSR*. 2: 54–60.
- Kurbanova Z. I. 2020. *Semeinaia obriadnost' karakalpakov: obychai bes kiiim v dinamike transformatsii traditsionnoi kul'tury* [Family rituals of the Karakalpak: the custom of bes kiyim in the dynamics of transformations of traditional culture]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. Novosibirsk. 48 (3): 124–133.
- Legetskaia, L. 1985. *Rabochii klass KKASSR v usloviiakh razvitogo sotsializma* [The working class of the KKASSR in the conditions of developed socialism]. *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademiji nauk UzSSR*. Nukus. 2: 76.
- Muratova, P. 1992. *Karakalpakstanda intelligentsia kadrlaryn tayarlav* [Formation of intellectual personnel in Karakalpakstan]. Nokis: Karakalpakstan. P. 144.
- Medetullaev, Zh. 1981. *Razvitie agrarnoi politiki partii XXVI s'ezdom KPSS* [Development of the agrarian policy of the Party of the XXVI Congress of the CPSU]. *Vestnik KK FAN UzSSR*. 3: 43–48.
- Oteniyazov, K. 2001. *Oylaryma ozekles omirim* [My Life in Thought]. Tashkent: Academy. P. 31–32.
- Palvanov, J. 1977. *Risovyi kompleks Karakalpakii* [Rice Complex of Karakalpakstan]. Nukus: Karakalpakstan. P. 222.
- Palvanov, J. 1983. *Material'no-tekhnicheskai baza risovodstva Karakalpakii* [Material and technical base of rice growing in Karakalpakstan]. Nukus: Karakalpakstan. P. 120.
- Rzaev, K. R. 1988. *Problemy razvitiia podsobnykh khoziaistv Karakalpakii* [Problems of development of part-time farms in Karakalpakstan]. Nukus: Karakalpakstan. P. 120.
- Rzaev, K. R. 1995. *Neobkhodimost' gosudarstvennogo regulirovaniia rynochnoi ekonomiki* [The need for state regulation of the market economy]. Nukus: Karakalpakstan. P. 290.
- Sarybaev, K. 1986. *Rol' orosheniia v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu Karakalpakii* [The role of irrigation in the socio-economic development of Karakalpakstan]. Nukus: Karakalpakstan. P. 290.
- Tatybaeva, V. Kh. 1979. *Nukus — stolitsa Karakalpakskoi ASSR. Istoriia osnovaniia i razvitiia goroda* [Nukus is the capital of the Karakalpak ASSR. The history of the founding and development of the city]. Nukus: Karakalpakstan. P. 76.
- Urazbaeva, R. 1994. *Iz istorii vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia Karakalpakstana* [From the history of higher and secondary special education in Karakalpakstan]. Nukus: Karakalpakstan. 96 p.
- Yagodin, V., Kh. Esbergenov, A. Koshchanov, P. Muratova. 1992. *Karakalpakstan — Nokis kalasy-na 60 zhyl* [60th anniversary of the city of paitakhty — Nukis of the Republic of Karakalpakstan]. Nokis: Bilim. P. 36.

УДК 393+392.1
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/77-88
Научная статья

© А. Д. Соколова

ЧАСТНЫЕ ПОХОРОНЫ В СССР: ОТ ИНФРАСТРУКТУРЫ К НИЗОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ И ПРАКТИКАМ САМООБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье показано как слом инфраструктуры похоронного обеспечения, произошедший в первые послереволюционные годы, привел к возникновению низовых похоронных практик. В статье описываются причины кризиса. На материалах источников личного происхождения и архивных данных показана реакция современников на трудности захоронения умерших, а также описывается возникновение практик самообеспечения, включаясь в которые родные и близкие умерших решали проблему отсутствия профессиональной помощи при погребении. Фактически основную ответственность за проведение похорон рядовых граждан вынуждены были взять на себя семьи умерших. На место похоронных бюро пришли кустари-совместители, оказывавшие отдельные похоронные услуги, что было для них дополнительным заработком. Несмотря на то, что наиболее острые проявления похоронного кризиса сравнительно быстро исчезли, практики самообеспечения, возникшие в результате кризиса, закрепились и стали системными в более поздние периоды.

Ключевые слова: погребение, инфраструктура, СССР, дневники, кризис, низовые похоронные практики

Ссылка при цитировании: Соколова О. Д. Частные похороны в СССР: от инфраструктуры к низовому регулированию и практикам самообеспечения // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 77–88.

Соколова Анна Дмитриевна — к. и. н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: annasokolova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-8218>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

UDC 393+392.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/77-88

Original Article

© Anna Sokolova

PRIVATE FUNERALS IN THE SOVIET UNION: FROM INFRASTRUCTURE TO GRASSROOTS REGULATION AND SELF-SUPPLY PRACTICES

The article shows how the breakdown of the funeral infrastructure that occurred in the first post-revolutionary years led to the emergence of grassroots funeral practices. The article describes the causes of the crisis. Based on materials from sources of personal origin and archival sources, the reaction of contemporaries to the difficulties of burying the dead is shown, as well as the emergence of grassroots funeral practices, including those where relatives and friends of the deceased solved the problem of lack of professional assistance during burial. In fact, the families of the deceased had to assume the main responsibility for providing funerals for ordinary citizens. Funeral homes were replaced by handicraftsmen who provided separate funeral services as a source of additional income. Although the most acute manifestations of the funeral crisis disappeared relatively quickly, the practices of self-sufficiency that arose as a result of the crisis took hold and became systemic in later periods.

Keywords: *funerals; infrastructure; USSR; diaries; crisis; revolution; grassroots practices.*

Author Info: Sokolova Anna — Ph.D. in History, Research fellow, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: annadsokolova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-8218>

For Citation: Sokolova, A. 2022. Private Funerals in Soviet Union: From Infrastructure to Grassroots Regulation and Self-Supply Practices. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 77–88.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

События революционного 1917 г. и последовавшие за ними несколько лет военного коммунизма, гражданской войны, эпидемий и разрухи повлияли на все стороны жизни граждан молодого советского государства. При этом, если часть изменений была связана с новой идеологией, другие — стали следствием распада существовавших социальных структур и инфраструктуры под воздействием широкого спектра факторов — от резкого роста числа горожан до муниципализации и фактической бесхозности основных городских служб. Необходимо отметить, что распад город-

ских инфраструктур носил стремительный характер. Еще осенью 1917 г. в российских городах существовала, хотя и имевшая изъяны, но в целом работающая система коммунального обслуживания, то уже к весне 1918 г. в главных городах страны во многих аспектах она пришла в абсолютный упадок и негодность. Однако, если вопросы городского управления и жилищной политики в достаточной степени изучены (Смирнова 2016; Кириллова 2016; Matsui 2009; Фицпатрик 2008: 64–67), процессы, касающиеся состояния похоронного дела во многом до сих пор остаются в тени. В то же время, в крупных городах государства 1918–1919 гг. ознаменовались крупнейшим похоронным кризисом. Могги и больницы были переполнены трупами, непогребенные тела лежали на кладбищах, могильщики саботировали работу, на кладбищах селились люди и пасся скот, получить документы на погребение было крайне сложно. В данной статье я покажу как современники этих событий переживали изменения, произошедшие в похоронной сфере, какие практики возникали спонтанно для преодоления этих трудностей, а также — как практики самообеспечения, возникшие в результате кризиса закрепились и стали системными в более поздние периоды.

Причины кризиса

Причины кризиса были связаны с рядом факторов. С одной стороны, декрет СНК от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах» предполагал муниципализацию всей похоронной инфраструктуры, и тем самым радикально и в сжатые сроки менял все базовые принципы работы и администрирования этой важнейшей сферы общественной жизни (Соколова 2019). С другой стороны, в рассматриваемый период происходили существенные изменения в структуре городского населения. Огромное число сельских жителей мигрировало в города в поисках лучшей жизни и пропитания. В то же время, именно на эти годы приходится начало эпидемии сыпного тифа, ставшего одним из серьезнейших потрясений первых послереволюционных лет (Миронова 2020). Все это приводило, с одной стороны, к потере контроля над администрированием похоронной инфраструктуры в крупных городах, а с другой — ко все возрастающей нагрузке на похоронные службы. Если в 1917 г. смертность в Москве составляла 25 человек на 1000 жителей, то в 1919 г. этот показатель составил уже 48,5 человек (Бартель 1925: 20). Ситуация также осложнялась бешеной инфляцией и стремлением новой власти отказаться от монетарной политики. Огромное число покойников из числа прибывающих по железной дороге было практически невозможно идентифицировать, особенно учитывая отмену удостоверений личности (Байбурун 2017: 69–90). Поскольку число умерших в общественных местах было столь велико, городские власти фактически занимались только ими, пытаясь разгрузить переполненные могги и мертвецкие. Родственники людей, умерших дома, оказались практически полностью предоставленными сами себе (ЦГА СПб Ф. 2815. Оп. 1. Д. 322. Л. 83 об.).

К весне 1919 г. ситуация стала настолько тяжелой, что похоронные службы фактически перестали оказывать гражданам помощь в погребении умерших, и стремились обеспечить хотя бы похороны людей умерших в больницах, приезжих и неопознанных тел. В этой ситуации родственники умерших оказались один на один с проблемами фактически отсутствовавшей похоронной инфраструктуры. Хотя эта страница отечественной истории и не является самой известной, похоронный кри-

зис производил огромное впечатление на современников, о чем свидетельствуют многочисленные записи в дневниках этого периода. Помимо эмоционального переживания, эти записи содержат также свидетельства о вернакулярных практиках, которые возникали повсеместно в стремлении преодолеть распад инфраструктуры.

Похоронный кризис в восприятии современников

Первая серьезная проблема, с которой столкнулись горожане была связана с новым порядком регистрации умерших, которую необходимо было произвести перед похоронами. Хотя в инструкции об организации похоронного дела был прописан порядок оформления документов, который не должен был занимать более двух дней (ЦГАМО Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 9 об-10), в реальности родственники были вынуждены получать целую серию справок в различных учреждениях прежде, чем дело дойдет до Ордера на погребение. Поскольку набор справок был непредсказуем и нестабилен, а в каждом учреждении были очереди, оформление документов могло затянуться на неделю и даже дольше (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16).

В фондах Московского Отдела погребально-санитарных мероприятий сохранилась газетная заметка «Маленькие недостатки: с живыми трудно, но и с мертвыми нелегко», опубликованная не позднее 17 февраля 1919 г., описывающая все мытарства, с которыми в тот период сталкивался человек при оформлении похорон. Герой заметки, музыкант, прилагал все усилия для того чтобы получить разрешение на похороны своего друга.

«Путешествуя из одного учреждения в другое, проделывая множество формальностей, он, при одолении одной, наткнулся на новую, выросавшую перед ним во всей своей красе и... нелепости». Сперва ему потребовалось медицинское свидетельство о смерти, однако, свидетельства от частного врача оказалось недостаточно, и музыканту пришлось отправиться к судебному врачу, для того чтобы получить его визу. Получив после многочисленных приключений визу судебного врача, герой направился к нотариусу и отстояв длинную очередь получил, наконец разрешение на погребение. Однако, данное разрешение необходимо было заверить в комиссариате, ответив предварительно на целый ряд вопросов не имеющих никакого отношения к похоронам («Сколько лет жил в Москве покойник, занимал он квартиру или комнату, в каком жил доме, в каменном или деревянном и т. д.»). В конечном счете на оформление документов для похорон ушло целых пять дней (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16).

Для того, чтобы добиться успеха, родственникам приходилось проявлять известную настойчивость. Вот как описывает это в своих воспоминаниях Питирим Сорокин: «Умереть сейчас в России легко, а вот быть похороненным — очень непросто. В разговорах с десятками чиновников, во многочасовых очередях пролетело четыре дня, прежде чем мы смогли получить разрешение похоронить Веру. В конце наших мытарств мы пригрозили одному чиновнику, что если он не даст разрешения, мы принесем тело в его кабинет» (Сорокин 1991: 145).

Возможно, самым тяжелым ударом, постигшим отрасль, стала потеря инвентаря и рабочих рук. Большинство рабочих и могильщиков московских кладбищ, как здоро-

вые и сильные мужчины, годные к тяжелой физической работе, были мобилизованы в армию. Лошади были реквизированы для нужд фронта или пали от плохого ухода и общей бесхозяйственности. Даже рабочий инвентарь бесследно исчезал и на кладбищах зачастую оставались лишь несколько ломов и лопат. Ситуация усугублялась тем, что муниципализированные частные похоронные бюро, переведенные на безденежный расчет, систематически саботировали работу (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 4, 6, 8; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об-2. ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1).

В этой ситуации родственникам приходилось становиться посредниками при решении различных вопросов, а порой и делать часть работы самим. Вот с какими проблемами сталкивались обыватели уже в ноябре 1918 г.: «Оказывается, что теперь и умирать неудобно: на иноверческом кладбище, которое всегда было организовано лучше всех, могильщики не хоронят более 7-ми покойников в день и не хоронят ранее часа дня. <...> могила была не дорыта, и гроб пришлось поднимать опять на землю; крест, приготовленный заранее, потеряли и были грубы и недовольны» (Готье 1997: 197).

Из всех трудностей, с которыми сталкиваются родственники, наиболее символической проблемой является отсутствие гробов. Неоднократные попытки похоронной администрации наладить поставку гробов раз за разом проваливаются. В холодную зиму 1918–1919 г. древесины не хватает даже на дрова. Мемуаристы неоднократно отмечают, что «Теперь, частным образом гробов заказывать нельзя, так что у покойников — очередь» (Мартынова (Случевская)). Выделение древесины для изготовления гробов происходит, естественно, по остаточному принципу: «Председатель культурно-просветительного кружка приехал реквизировать доски для устройства подмостков в театры. «Не дадим, не дадим! — кричат. — Они определены на гроба». Спор... Со всех сторон вздохи тех, кому нужны гробы: «Ну и жизнь, вот так жизнь, помрешь, и не похоронят, зароят как собаку!» (Пришвин 2008: 317).

Зачастую речь уже не идет о покупке готового гроба в похоронном бюро, родственники отдельно изыскивают лес, отдельно — столяра: «Он [батюшка] <...> сказал, что главное затруднение будет с гробом, и указал на находившегося в церкви столяра. Столяр сказал, что уезжает в Богородск, но указал на другого столяра. Тот выразил готовность сделать, но заявил, что нет материала — тесу, <...>. Мы побывали еще у третьего столяра, но у того не оказалось ни материала, ни инструментов. Мы были близки к отчаянию, когда возвращались домой. <...> В конце концов отыскались какие-то доски в усадьбе, и свой столяр вызвался сделать гроб к завтрашнему дню» (Богословский 2011: 469–470).

Когда и этого сделать не удавалось, гробы заменяли тем, что можно найти, и даже брали на прокат: «Достать гроб действительно так трудно, что большинство людей хоронят своих покойников просто в матрацах или мешках. Некоторые берут гробы напрокат, чтобы только довести тело до кладбища» (Сорокин 1991: 146).

Но даже «своего», не прокатного, гроба можно было лишиться уже после погребения: «Смертность поэтому большая, а гробов тоже нет. Недавно на этой почве было такое происшествие: у красноармейца умерли в больнице жена и ребенок. Он почему-то повздорил из-за похорон с милиционером. Тот его смертельно ранил. Убитому и его семье устроили торжественные похороны; гробы были обиты красной материей. После похорон пришла милиция разрыла могилу и выбросила покойников из гробов, которые забрала» (Дневник и воспоминания 1924: 241).

Привычный катафальный транспорт также отсутствовал, отчасти по причине реквизиции лошадей. Гробы на кладбище люди возили на салазках, что даже крестьянские похороны в изображении В. Г. Перова делает образцом достойного погребения: «Не говоря уже о дровах, картошке, хлебе, муке, домашнем скарбе, печках, мясе и т. п., сплошь да рядом возили на них [санках — А. С.] вручную и гробы, да не пустые, а с прахом лиц всякого «бывшего» звания. Нас трогала, бывало, картина Перова «Деревенские похороны», которая изображала, как крестьянка везет на дровнях, запряженных одной лошадкой, тесовый гроб своего мужа, а теперь мы видим, как бывшая миллионерша или генеральша надрыгает свои невеликие силы, таща за собой на кладбище сани с гробом своего мужа, брата или отца» (Окунев 1997: 15).

Бумажная волокита и черный рынок делали похороны сложными и неподъемно дорогими для родственников умерших, и они порой вынуждены были оставлять тело в городских моргах, рассчитывая на похороны за счет государства (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4). У тех же, кто находил силы и средства организовать похороны, расходы на погребение вызывали ужас и отчаяние (Окунев 1997: 306).

Похоронный кризис приводил не только к озлоблению и распаду социальных структур, но и к определенной консолидации общества, которая распространялась от самой простой помощи — помочь положить покойника в гроб (Бессарабова 2010: 396) — до проявлений настоящего альтруизма. Так, одна женщина после долгих поисков тела своего мужа нашла его «в 3-м Государственном университете (Пресня, бывшая лечебница Изачика), где оно в числе 16 лежит уже 2 месяца после анатомического вскрытия; ей сказали, что узнать его невозможно: 1) при вскрытии оно уже изменилось; 2) от времени оно разложилось. Она хочет его вместе с остальными 16 гробами похоронить в общей могиле на Ваганьковом кладбище» (Орешиников 2010: 284). Несмотря на организационные и финансовые трудности, ей это удалось: «*О. Н. Чижова похоронила Сергея Ивановича на Ваганьковском кладбище в числе 12 гробов в пятницу 2/15 апреля; вырыть могилу на все 12 гробов стоило ей 300 000 р. Рассказ ее меня потряс. На кресте она написала имена 11 погребенных, а 12-й был глухонемой, имени в больнице, где умер, сказать не мог*» (Орешиников 2010: 285).

Само по себе огромное число смертей вокруг производило гнетущее впечатление на современников «*Я случайно, по забывчивости, прошел в соседнюю приходскую церковь, в конце Остоженки, там хоронили троих, но В. И. между ними не было; я сообразил, что мне надо было идти в церковь Воскресения, рядом, и там нашел двух покойников, в том числе того, кого искал. А что было в соседних других церквях? Неужели то же самое?*» (Готье 1997: 328). В Москве морги и мертвецкие при больницах действительно были переполнены, незахороненными оставались сотни тел, многие из которых лежали в моргах по несколько месяцев (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 3, 4, 7; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 11 об-13; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 3). Все это находит свое отражение в дневниковых записях: «В Лефортове якобы волки по ночам едят на улицах трупы умерших от сыпняка. Факт тот, что на кладбище очередь, что в больницах сутками ждут в коридорах приема и кое-кто тут же умирает...» (Мельгунова-Степанова 2014: 230).

Ситуация в других городах была не лучше. Весной 1920 г. могильщики Самары таким образом описывали свою работу: «С наступление тепла из лазаретов

на халерное кладбище стали привозить трупы тухлые и разложившиеся, у которых при стаскивании в яму даже отрываются руки». Однако и к весне 1921 г. ситуация не улучшилась. Количество умерших от инфекционных болезней увеличивалось, а молильщики по-прежнему было недостаточно: «*Проходя вчера мимо кладбища, я заметил, что могилы роют только двое, а мертвых навалено было 3 кучи, и все почти изъедены, а у некоторых нет рук и ног, так как собак там целая стая*» (Мирунова 2020: 220–221).

Для того, чтобы преодолеть жесткий похоронный кризис, коммунальные службы прибегали к коллективным захоронениям десятков тел, порой даже без гробов, в одной могиле (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 7–7 об.; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1 об). Если сами братские могилы были в основном укрыты от посторонних глаз, то транспортировка тел к ним была на виду и производила сильное впечатление: «*Покойников стали носить через город на кладбище в простынях. Конечно, это делают более или менее состоятельные обыватели. Красноармейцев же тащат по кладбищу голых, наваленных, как дрова, в телеге, закрытых циновками и прикрученных веревками, голыми выбрасывают в могилы, вырытые всего на 1/2 аршина глубиной, а то и меньше*» (Жиркевич 2007: 421–422).

Низовое регулирование и самообеспечение

Неумелое администрирование, отказ от денежных отношений и разрушение старой системы похоронного обеспечения привели к чудовищным последствиям и сильнейшему психологическому стрессу населения. И, тем не менее, бесконечная волокита и задержки с захоронением умерших, переполненные морги и мертвецкие были хотя и важной в санитарном смысле, но все-таки временной проблемой, которую достаточно быстро удалось решить при помощи административных методов — освобождения могильщиков от воинской обязанности (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об., 10) и введения трудовой повинности по рытью могил и доставке трупов (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об). Немалую роль сыграла и нормализация эпидемической ситуации в городе. Так или иначе в целом к началу 1920 г. ситуация с погребением умерших в большинстве крупных городов нормализовалась.

Однако, выход из кризиса означал не восстановление похоронной инфраструктуры в полном объеме, а всего лишь техническую возможность хоронить всех покойников в срок. Родственники умерших по-прежнему были фактически один на один с погребальными хлопотами. К тому же, произошедшие события серьезно отразились и на той похоронной инфраструктуре, которая все еще продолжала существовать — на самих кладбищах. Фактически брошенное состояние инфраструктуры и переход к низовому обеспечению похорон привели к тому что кладбищенские пространства в городской среде потеряли интегрированное состояние. Необходимость низового регулирования и обеспечения похорон привело к возникновению на кладбищах целого спектра практик, не связанных с захоронением умерших. Так, в 1923 г. Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ признал, что «*в течение многих лет внешний порядок на кладбищах не поддерживался, а в годы топливного кризиса деревянные заборы, ограды могил, кресты расхищались на топливо, для той же цели рубились и деревья; каменные ограды кладбищ во многих местах разобраны местным населением как для сокращения своего пути, а также и для свободного*

прогона скота, особенно большой вред приносят козы и свиньи. В настоящее время кладбища представляют из себя проходные дворы и благодаря этому страшно загрязняются и разрушаются» (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28). Таким образом, потеряв слаженную похоронную инфраструктуру, кладбища оказывались наполненными не только низовыми похоронными практиками, но и многими другими.

Похоронный кризис стал первым толчком к важнейшему процессу, во многом определившему всю архитектуру похоронной культуры в СССР. Резкий сбой похоронной инфраструктуры привел к стремительному формированию низовых структур похоронного обеспечения. Ситуация, описанная выше имела долгосрочные последствия и продолжала воспроизводиться как системная на протяжении всего советского периода. Муниципализация похоронной отрасли и похоронный кризис фактически привели к распаду института ритуальных специалистов в городах. Если в начале XX в. в российских городах эффективно работали похоронные бюро, предлагавшие широкий спектр услуг для людей разных конфессий, сословий и достатка, то после их национализации значительная часть услуг перестала оказываться вовсе, а те, что остались были сильно сокращены в объеме. Едва ли не единственными услугами, которые можно было получить, да и то не всегда, являлась продажа гроба и рытье могилы. Ни похоронные атрибуты, ни организация похорон, ни декор, ни уход за могилой, ни даже надгробные памятники не были повсеместно доступны. Да и те немногие услуги, которые номинально существовали, в реальности были доступны не всегда. Старая инфраструктура — не только кладбища, но и инвентарь — катафалки, покрывала, балдахины, лопаты и кирки, не обновлялись и постепенно приходили в упадок. Это привело к сильнейшей маргинализации и де-профессионализации сферы ритуальных услуг.

На место профессиональных специалистов, оказывавших похоронные услуги, и инфраструктур пришло низовое регулирование и стихийно формировавшиеся практики. Фактически основную ответственность за обеспечение похорон рядовых граждан вынуждены были взять на себя семьи умерших. На место похоронных бюро пришли кустари-совместители, оказывавшие отдельные похоронные услуги в виде дополнительного заработка. Чем дальше от крупных городов, тем раньше и быстрее закреплялись практики самостоятельного решения родственниками похоронных проблем. Каждая семья должна была взять на себя решение вопросов об изготовлении гроба, поиск могильщиков, транспортировку гроба на кладбище и изготовление могильного памятника. Такое положение дел способствовало тому, что в обществе формировался круг людей, которые в дополнение к своим формальным обязанностям брали на себя некоторые похоронные услуги. Ярким примером такого рода являлся Константин Измайлов (1900–1942), молодой столяр и счетовод из села Смоленское Бийского уезда на Алтае. На протяжении многих лет Измайлов был единственным производителем гробов в округе. Формально работая счетоводом, он также принимал частные заказы по остеклению окон и изготовлению гробов, что составляло существенную часть его дохода. Его дневники 1920–30 гг., наряду с событиями из семейной, общественной и государственной жизни, фиксировали также и многочисленные заказы на изготовление гробов и платежи по выполненным работам: «21 июля. Четверг. Утром встал до солнца, кое-что поработал по-домашности. Потом опять за верстак. Сегодня я работаю поденно в лавке инвалидно-кооперативного объединения по столярному делу. Работаю вместе с Меркульевым

Василием Дмитриевичем, стариком, лет 73-х. Отделяем полки и прилавок и прочее... Работа 8 часов. За работу 1 рубль 80 коп. Подряжал Сизинцев А. А. После работы в лавке сделал гроб из своего материала для восьмимесячного ребенка ветфельдшера Кононенко. За работу получил 1 рубль. Потом подстриг двух почтальонов: Сиверухина и Орлова. За работу 10 копеек получил. Всего сегодня заработал 2 рубля 90 коп. Днем шел дождь» (Измайлов 2020: 1927).

Спустя десятилетие после травматичного кризиса 1919 г., людям все еще приходилось изготавливать гробы из того, что имелось с данным момент в наличии. Так, например, Корней Чуковский, младшая дочь которого Мура умерла в Крыму в 1931 г. в возрасте одиннадцати лет, был вынужден сделать для нее гроб из сундука:

«Федор Ильич Будников, столяр из Цустраха, сделал из кипарисного сундука Ольги Николаевны Овсянниковой (того, на к-ром Мура однажды лежала) гроб. И сейчас я, услав М. Б. на кладбище сговориться с могильщиками, вместе с Ал-дрой Николаевной положил Мурочку в этот гробик» (Чуковский 1994: 31).

Конкретный перечень похоронных услуг, которые можно было получить в том или ином городе зависел от наличия или отсутствия «похоронных кустарей». Так, воспоминания жителей Новосибирска сохранили «цветы из древесной стружки и бумаги, которые специально для похорон изготавливала мастерица, жившая на Сахалинском переулке. Цветы эти раскрашивали, «на крахмальный клей посыпали манку и красили»» (Красильникова 2011: 131).

Захоронения советского периода демонстрируют практически полное отсутствие фабричных, стандартизованных профессиональных памятников. На их место приходили конструкции, изготовленные такими же кустарями или «своими руками» из подручных материалов. В отличие от дореволюционных памятников из мрамора и гранита или простых деревянных крестов, советские надгробия и ограды могли включать в себя самые разные элементы, часто заимствованные с ближайшего производства — отработанные шестеренки и пильные диски, арматуру — все, что попадалось под руку и из чего при помощи сварочного аппарата можно было создать определенный узор. Наличие однородных по дизайну и использованным элементам надгробий на многих кладбищах свидетельствует о том, что в большинстве регионов были свои кустарные специалисты и в этой области. В тех же случаях, когда такого специалиста не находилось, родственники изготавливали ограды и памятники сами из подручных материалов.

Заключение

Как показывают рассмотренные материалы, серьезный инфраструктурный кризис, охвативший похоронную сферу в первые послереволюционные годы, оказал системное влияние на все похоронные практики, которое не ослабло и после того как наиболее острые кризисные явления остались в прошлом. Низовые практики самообеспечения, возникшие первоначально вследствие необходимости любыми силами захоронить умерших, закрепились и оказались важнейшим механизмом работы похоронной сферы в СССР. Быстрый распад системы городского похоронного администрирования, выразился не только в снижении качества похоронных услуг, но и зачастую в полной их недоступности. Родные и близкие умерших вынуждены были сами искать средства для погребения, в том числе — инвентарь для рытья могилы и доски

для гроба. В течение короткого промежутка времени развитая система похоронных служб, которая сложилась в Российской Империи в первой четверти XX в., перестала существовать. На смену ей пришло низовое регулирование и разрозненный набор частных практик, которые выработались в стремлении общества решить проблемы похоронного обслуживания гражданского населения. Фактически такое состояние похоронной сферы сохранялось до конца советского периода и определило ее конфигурацию в постсоветский период (*Mokhov, Sokolova 2020*).

Источники и материалы

- ГАМО — Государственный архив Московской области. Фонд 4557—Отдел коммунального хозяйства Моссовета (Московское коммунальное хозяйство. МКХ). г. Москва 1917–1929 гг.
- ЦГА СПб — Центральный городской архив Санкт-Петербурга Фонд Р-2815—Комиссариат здравоохранения союза коммун северной области. Петроград. 1918–1919.
- Богословский 2011* — *Богословский М. М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Ответственный редактор С. О. Шмидт; вступ. статья С. О. Шмидта; публ. и коммент., биограф. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. Москва: Время, 2011. 801 с.
- Готье 1997* — *Готье Ю. В.* Мои заметки / [подгот. к изд.: Т. Эммонс, С. Утехин]. М.: Терра, 1997. 588, [1] с. (ТИ. Тайны истории. Век XX).
- Дневник и воспоминания — Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–20 гг.) // Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 209–253.
- Жиркевич 2007* — *Жиркевич А. В.* Потрясенные тени... Симбирский дневник: к 150-летию со дня рождения / [сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских]. М.: Этерна-принт, 2007. 638, [2] с. 638, с.: ил., портр.
- Измайлов 2020* — *Измайлов К. Ф.* Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова (1923–1941 гг.): в 2 т. / [составитель А. М. Ситнова]. Т. 1: 1923–1934. М.: Смоленское, Алтайский край: Common place, 2020. 663, [8] с.: ил., факс.
- Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915–1925) / Сост. Н. А. Громова. М.: Эллис Лак, 2010. 797 с.
- Мартынова (Случевская)* — Гимназический дневник Л. Б. Мартыновой (Случевской) // Прожито: личные истории в электронном корпусе дневников / Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://prozhito.org/person/1083>
- Мельгунова-Степанова 2014* — *Мельгунова-Степанова П. Е.* Дневник, 1914–1920 / [вступ. ст., коммент., именной указ. В. Д. Лебедева]; Российское историческое общество, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации. М.: Кучково поле: Люкс-Принт, 2014. 317, [2] с. (Живая история).
- Окунев 1997а* — *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1924: в 2 кн. / Н. П. Окунев. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. 320 с.
- Окунев 1997б* — *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1924: в 2 кн. / Н. П. Окунев. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. 287 с.
- Орешиников 2010* — *Орешиников А. В.* Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010–2011. Кн. 1: 1915–1924. 2010. 657, [2] с., [16] л. ил., портр., факс. (Научное наследие / Российская акад. наук, Архив, Институт археологии; Государственный исторический музей; т. 34: в 2 кн.).
- Пришвин 2008* — *Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной. 2-е изд., испр. СПб.: Росток, 2008. 640 с.
- Сорокин 1991* — *Сорокин П. А.* Долгий путь: автобиограф. роман: пер. с англ. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.

Чуковский 1994 — *Чуковский К.* Дневник, 1930–1969 / [сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской]. М.: Современный писатель, 1994. 558, [2] с., [16] л. ил.: ил.

Научная литература

- Байбури А. К.* Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.
- Бартель Г.* Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф. Я. Лаврова. М.: М.К.Х., 1925. 95, [2] с.: ил., снимк., черт., табл.
- Кириллова Е. А.* Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. No 43. С. 5–35.
- Красильникова Е. И.* Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник: материалы XXIX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2011 г. СПб.: Полторак, 2011. С. 128–132.
- Миронова Н. [А.]* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. 315, [2] с.: ил.
- Смирнова Т. М.* Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917–1930-е годы // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. No 43. С. 36–66.
- Соколова А. Д.* В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР / А. Д. Соколова // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 594–621.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Matsui, Y.* Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937 // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 26. P. 109–139.
- Mokhov, S., Sokolova A.* Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia. Mortality, 2020. Т. 25. № 2. С. 232–248.

References

- Baiburin, A. K. 2017. *Sovetskii pasport: istoriia — struktura — praktiki* [Soviet passport: history — structure — practice]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing house of the European University in St. Petersburg]. 488 p.
- Bartel', G. 1925. *Krematsiia* [Cremation]. Moskva: M. K. Kh. 95 p.
- Fitspatrik, Sh. 2008. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moscow: ROSSPEN. 336 p.
- Kirillova, E. A. 2016. *Sovetskaia zhilishchnaia politika v gody nepa: kvartirnyi vopros i domovoe samoupravlenie v Petrograde-Leningrade* [Soviet housing policy during the NEP years: the housing issue and house self-government in Petrograd-Leningrad]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 43: 5–35.
- Krasil'nikova, E. I. 2011. *Starinnye gorodskie kladbishcha i pokhorony v otrazhenii ustnykh vospominanii (na primere Novosibirska predvoennykh let)* [Old city cemeteries and funerals in the reflection of oral recollections (on the example of Novosibirsk in the pre-war years)]. In *Vospominaniia i dnevniki kak istoriko-psikhologicheskii istochnik: materialy XXIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–17 maia 2011 g.* [Memoirs and diaries as a historical and psychological source: materials of the XXIX International Scientific Conference, St. Petersburg, May 16–17, 2011]. Sankt-Petrburg: Poltorak. Pp. 128–132.

- Matsui, Y. 2009. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937. *Acta Slavica Iaponica*. 26: 109–139.
- Mironova, N. A. 2020. *Velikaia epidemiia: synnoi tif v Rossii v pervye gody sovetskoi vlasti* [Great epidemic: typhus in Russia in the first years of Soviet power]. M.: Universitet Dmitriia Pozharskogo. 315 p.
- Mokhov, S., Sokolova A. 2020. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia. *Mortality*. 25 (2): 232–248.
- Smirnova, T. M. 2016. Sovetskii rezhim i chelovecheskii faktor na primere funkcionirovaniia sistemy detskikh domov. 1917–1930-e gody [The Soviet regime and the human factor on the example of the functioning of the system of orphanages. 1917–1930s]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 43: 36–66.
- Sokolova, A. D. 2019. V bor'be za ravnoe pogrebenie: pokhoronnoe administrirovanie v rannem SSSR / A. D. Sokolova [In the Struggle for Equal Burial: Funeral Administration in the Early USSR]. *Gosudarstvo, religiia, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 37 (1–2): 594–621.

UDC 391+396
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/89-98
Original Article

© **Bojana B. Bogdanović**

ZLATIBOR KNITTERS IN THE SOCIALIST YUGOSLAVIA MEDIA DISCOURSE

In the first half of the 1970s, a beautiful, young, modern and well-groomed urban woman was the dominant figure in the media discourse of the Yugoslav women's magazine "Bazar". The characters of rural women appeared only sporadically. One of the few were Zlatibor knitters — rural women employed in the fashion production Sirogojno Style, which in the second half of the last century created a recognizable identity in the domestic and foreign fashion market. The aim of this paper is to compare the way in which the major and minor female characters were presented in the media discourse of the mentioned women's magazine and to provide an answer to the question of whether (and to what extent) their media images are compatible. In terms of methodology, the paper relies on the analysis of textual and visual messages published in issues 129–285 of the women's magazine "Bazar".

Keywords: *women, socialism, media discourse, Zlatibor knitters, "Bazar"*.

For citation: Bogdanović, B. 2022. Zlatibor Knitters in the Socialist Yugoslavia Media Discourse. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 89–98.

Introduction: Media image of the „new” Yugoslav woman

The media at all levels are instrumentalizing and exploiting the female character in order to give a self-satisfied and unquestionable image of a society that confirms order.
(Iveković 2000: 17).

It is common that all countries of the socialist system use the media / media spaces as extremely effective instruments of regime propaganda serving the ruling structures to promote their ideological programmes. Thus, the Communist Party of Yugoslavia (later the League of Communists of Yugoslavia), through the press and other means of communication, propagated its own political views, promoted socialist cultural values and regulated new social relations. One of the topics considered important in the Yugoslav media discourse was the role of a woman in the new political / social reality. The goal of the executive authority of that time was to construct a media image of the “new” Yugoslav

Bogdanović Bojana B. — Ph.D., Doctor of Ethnology and Anthropology, Research Associate at the Institute of Ethnography, Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia, 11000 Belgrade, Kneza Mihailova 36). E-mail: bojana.bogdanovic@ei.sanu.ac.rs

* The text is the result of work in the Ethnographic Institute of SASA, financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of RS, and based on the Agreement on realization and financing of scientific research work of SRO in 2021 number: 451–03–68 / 2022–14 / 200173 from February 04, 2022.

woman before whom, after the war, „new spaces were opened — the women were given the right to vote, significant collective and reproductive rights and institutional support to pursue professions that were considered exclusively male up to then” (Popović 2015). The socialist media — primarily daily press and periodicals, and especially women’s magazines (such as Belgrade’s “Bazar” and “Nada”, Zagreb’s “Svijet” and “Arena”, Slovenia’s “Jana”, etc.) — brought stories about textile workers, peasant women attending literacy courses, clerks and their daily lives along with with fashion recommendations, tips for every day, and educational texts about events in the country and abroad. At first glance, it seems that in these (and such) public narratives, the socialist woman is presented as one who is ready to transcend her traditional role and order, go beyond the normative framework and (bravely) step into the world of economic progress, gender egalitarianism and individual progress that socialism as an ideology promised. However, many theorists dealing with the media, “women’s” issues and / or socialism as an ideological construct¹ draw attention to how women, femininity and sexuality were constructed and presented in the public, media discourse of socialist Yugoslavia.² For example, Žarana Papić believes that within the Yugoslav political system, which was not devoid of traditional patriarchal relations, “the mass media most often reproduced civic stereotypes about the place and the role of a woman and thus nurtured the ideal of a satisfied, capable, hardworking housewife and her world which did not go beyond family existence” (Zaharijević et al. 2012: 105). The same opinion is shared by Isidora Jarić, who concludes that the socialist media had „mythical power to keep women in their homes” and thus contributed to the preservation of stereotypical (traditional) gender roles and slowed down the process of emancipation of Yugoslav women (Jarić 2013). According to Neda Todorović, the “ideal” socialist woman was portrayed in the Yugoslav print media (especially during the 1960s and 1970s) as a beautiful, likeable housewife who took care of the house, cooked, dreamed of love and raised children (Todorović 1987: 2012). If the observations of other authors are added to these opinions (Isanović 2007; Stojaković 2013; Vujović and Prokopović 2018), it can be concluded that the media discourse of socialist Yugoslavia was undoubtedly very stereotypical, shaped and rooted in traditional patriarchal patterns. In other words, the *female figure* in the Yugoslav media space was constructed on the basis of cultural, social and natural remnants of traditionalism which socialism — as a doctrine of equality — could not (or did not want to) eradicate in practice.

≈

In light of the above, the aim of this paper is to reconstruct the media image / images of Zlatibor knitters – rural women who were employed in the production system of fashion production Sirogojno Style, which in the second half of the 20th century created a recognizable identity in Yugoslav and foreign fashion market – in the domestic print media and in that way discuss some of the issues that arise in connection with socialist gender stereotypes. The research included the so-called women’s press that “represents a haven for tra-

¹ The number of studies in which authors of multilateral professional orientation and engagement consider various aspects of media (re)presentation of women in the context of Yugoslav socialism is constantly growing (primarily within the theoretical framework of feminism, culture and communication studies and other academic disciplines that consider various gender, political and/or communication aspects of society as a whole), and on this occasion refers only to some of them: Todorović Uzelać 1987; Isanović 2007; Jarić 2013; Stojaković 2013; Vujović and Prokopović 2018 etc.

² “Socialist Yugoslavia” refers to the period of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (“second” or “Tito’s” Yugoslavia) from 1943 to 1991.

ditional women’s values, occupations and trivial interests” (Zaharijević et al. 2012: 105). The research corpus includes editions of the high-circulation women’s magazine “Bazar”¹ in the first half of the seventh decade of the last century, i.e. magazine articles about Zlatibor knitters published in issues 129–285. The seventies of the last century were taken as a reference for two reasons: it was the time when fashion production Sirogojno Style was clearly positioned in both domestic and foreign fashion markets, and it was also the period when the image of a beautiful, young, modern and well-groomed woman became dominant in the domestic media discourse. The analysis of textual and visual messages in selected magazines should point to some of the discourse aspects of the construction of media image(s) of Zlatibor knitters and also try to answer the question whether (and to what extent) media images of Zlatibor knitters are consistent with official, public image of the “ideal” Yugoslav woman.

Zlatibor knitters: fashion production Sirogojno Style

In 1962, a home industry workshop “Zlatiborka” was established in the Zlatibor village of Sirogojno within the Agricultural Cooperative. Its aim was to develop a production system without large financial investments, within which rural women, based on centuries-old tradition of wool processing would make useful items of this material in their homes (Bogdanović 2016: 13–17). The exhibition of handicrafts made by Zlatibor knitters after the designs of Dobrila Vasiljević Smiljanić², organized in Belgrade the same year, was followed by a short and very successful way of affirming the knitters and their professional team. The first works of knitters from Sirogojno, Drenova, Trnava and Gos-tilje – which were highly appreciated by fashion experts – soon appeared on the domestic market.³ Due to the nature, structure and scope of work, in 1969 the domestic industry developed into an independent professional organization and became part of the large foreign trade house “Interexport” from Belgrade (Bogdanović 2016: 16). In 1979, “In-ex-Zlatiborka” grew into a professional organization “Inex” with two organizational units “Sirogojno” – domestic handicraft products with 125 workers and 2,000 subcontractors and “Zlatiborka” – light women’s clothing with 200 workers). According to the law on companies, in 1986 the company transferred into “Socially owned company Sirogojno”. The domestic handicraft workshop, which revitalized knitting as a centuries-old traditional

¹ “Bazar”, which has been published since 1964 by “Politika”, is the oldest women's magazine in Serbia. In addition to Zagreb's “Svijet”, it was one of the most widely circulated women's magazines on the Yugoslav market.

² Dobrila Vasiljević Smiljanić (1935, Radobuđa) – creator of the fashion production Sirogojno Style, initiated the establishment of a production system of handmade woollen garments and marked the Yugoslav fashion scene with numerous works of high artistic value. An artist of wide imagination, a master of drawing and form, she has won numerous domestic and international awards: the Golden Peacock (1972), the great international AMMA award for contribution to European haute couture (1977), the Order of the Golden Wreath (1979), Vuk Award for the Development of Rural Culture (1980), two Golden Hinds of the Belgrade Fashion Fair (1983 and 1984), the Seventh July Award (1987), the ULUPUS Lifetime Achievement Award (1997), UNESCO Lifetime Achievement Award (1999), Belgrade Fashion Week Honorary Award for Contributing to the Development of Fashion as an Art (2012) and many others.

³ Distribution to the former republics of SFRY went through representative offices in Slovenia, in Croatia through “Rukotvorina” from Zagreb, and in Bosnia and Herzegovina through “Folklor” (Bogdanović 2016: 17).

occupation of rural women, started its activity with about 40 female subcontractors, and as the colorful handicrafts of Dobrila Vasiljević Smiljanić soon became recognizable in quality on the national and international market, by 1991 this production system included about 2,500 women from 22 villages in five municipalities of the Užice region, promoting this “women’s industry” into the primary one in this area in terms of number of employees (Bogdanović 2016: 16–17). The distribution of handicrafts on the foreign (European and Japanese) market began in the late 1970s and early 1980s, through Jugoexport’s Genex’s Glob Hermes networks. During the thirty years of operation of this production system, the handicrafts of Zlatibor knitters were exhibited in all republics of the former SFRY, and then in Paris, Brussels, Copenhagen, Dusseldorf, Moscow, Rome, Lyon and Munich (Bogdanović 2016: 18). The items were awarded on several such occasions.

However, the time of success lasted until the beginning of the civil war in Yugoslavia – international sanctions imposed in 1992 on the Federal Republic of Yugoslavia caused the loss of the market and stopped further foreign distribution of domestic products. In order to prevent the bankruptcy and the termination of the authentic programme, in December 1997, according to the Law on Privatization, the company was sold to Rade Ljubojević, a manager from Sirogojno (Bogdanović 2016: 19).¹ Since 1998, the family owned company “Sirogojno Company” (whose main activity is the production and distribution of fruit) continues, to a lesser extent, the production of hand-knitted clothing (named Sirogojno Style) in line with the already set high standards of the quality of material, workmanship and design.

Media images of Zlatibor knitters

In the women’s magazine “Bazar” in the period from January 1970 to December 1975, i.e. in the issues no. 129–285, a total of four articles about Zlatibor knitters were published, as follows: report by D. Protić about 750 rural women employed in the production plant “Inex – Zlatiborka” (“Poor but skilled”, issue 173, year VIII, September 11, 1971); M. Savić’s announcement about the “Golden Peacock? award, received by the designer Dobrila Vasiljević Smiljanić for the collection “Ice and Fire” at the Belgrade Fair “Fashion in the World? in 1972 (“Golden Peacock – Zlatibor”, issue 203, year IX, November 4, 1972); short report by S. Erić on the visit of Jeanne Augier, the owner of Le Negresco Hotel in Nice, to the village of Sirogojno and the Zlatibor knitters (“Madame Jeanne in the Zlatibor Village”, issue 247, year XII, July 26, 1975) and an extensive article (four pages long) about the development of the production system of handmade woolen garments, Zlatibor knitters and creator Dobrila Vasiljević Smiljanić written for the readers of “Bazar” by Z. Mutavdžić (“I knit... You knit... They knit...”, issue 283, year XII, November 27, 1975). On the front pages of the issues covered by the research, Zlatibor knitters and their handicrafts appeared once – on the front page of issue 283 (year XII, November 27, 1975), where Nikica Marinović posed in a knitted black and white seven-eighths coat of the current Sirogojno Style collection, announcing the story of “One thousand and three hundred knitters of Zlatibor”.

Upon insight into the content of the mentioned articles, i.e. analysis of textual and visual messages, the following media images of Zlatibor knitters can be distinguished:

¹ After the privatization of SOE Sirogojno and the sharp decline in the amount of work during the 1990s, about 1,000 Zlatibor knitters were out of the organized production system.

1. *Zlatibor knitters — artists of their craft*

In the first place, Zlatibor knitters are presented as successful, respected and widely known artists of their craft. They are shown as women who knit “the most modern garments”, who “know neither holiday nor sleep” due to multiple orders arriving from all over the world, and whose “golden hands” using fine Icelandic wool make real artistic masterpieces and set fashion standards — “it has become chic to wear soft, nonchalant gray or milk-white light wool sweaters”. Although “illiterate, or more often semi-literate, peasants who did not go further than Titovo Užice”, spread the fame of Sirogojno in and outside the borders of former Yugoslavia with their skills, effort and uninterrupted work. Their wonderful collections also fascinated the famous Pierre Cardin, who was carefully watching every interweaving of handmade sweaters, jackets and scarves under the spotlight of Parisian catwalks.

2. *Zlatibor knitters — active subjects in the Yugoslav economic system*

Zlatibor knitters are portrayed as active subjects in the Yugoslav economic system. Actually, contrary to socialist constructs and collective notions of gender in which women are mostly presented through the traditional role in the patriarchal family, knitters employed in the fashion production *Sirogojno Style* are presented as egalitarian participants in the economic development of Zlatibor region. This is illustrated in the media discourse with the phrase “female” and “male” dinar (*dinar is used here as Serbian monetary unit — translator’s note*). The “female” dinar, as one of the articles states, “is woven by small and strong hands of women farmers and stockbreeders, hands full of inevitable, dark splashes”, while the male dinar “is made by strong hands of their husbands employed in a nearby quarry”. “The men use drills, mines and dynamite — the women work with needles and Icelandic wool,” reads one of the articles. These two dinars are equally important: the husband’s dinar from the quarry “is used to buy flour and wheat, pigs and beef, fattening food for animals and rubber shoes”, and the wife’s dinar “buys a washing machine, a painting on the wall, an electric stove, washing powder, curtains...”. Considering the fact that the annual income of “Inex — Zlatiborka” amounted to billions of dinars and that the reddish-yellow stones were used to pave the new squares in Titovo Užice and Kruševac as well as the banks of the Ušće in Belgrade, it can be said that “female” and “male” dinars collectively took part in electrification of the village, building Cooperative Home, bringing running water to each house...

3. *Zlatibor knitters — rural women on their way to emancipation*

The third narrative is placed within the wider social community / traditional rural family and follows the change in the social / family status of rural women employed in the fashion production *Sirogojno Style*. In other words, Zlatibor knitters are portrayed as women on their way to emancipation. Employed rural women “raise loans without participation and guarantors” with *their* money, while traders “rub their hands” when they see them in their stores, because “knitters do not buy a hundred grams of sugar or coffee, but washing powder, the best scarves, better fabrics for their dresses...” The fact that the development of the handmade clothes production system in Sirogojno initiated the process of emancipation of rural women at the wider community level is shown by magazine stories about Zlatibor knitters walking the catwalks (followed by “applause unremembered on similar occasions”) and rural women attending film screenings at the Cooperative House, which suggested that the hitherto clear division into private / public, i. e. female / male spheres began to fade. Zlatibor knitters, until then exclusively related to home and house-

hold space, were slowly “entering” the public sphere — the one that, within the traditional value system up to then, was intended exclusively for men. However, through magazine articles, it can only be guessed that there were some shifts in the established family relations, which is mentioned, for example, by Zlatiborka Kića Čaldović, boasting that “she no longer has to ask her husband for the money for washing powder, but can now buy it on her own”. Yet, she also notes that her husband blames the fact she knits a lot, for, in that way he “loses his life”. Some Zlatibor knitters complain that their husbands “throw needles into the fire, but it isn’t helping” — for they like to work, and “earning money has become enchanting”. Anyway, the more dominant representation of Zlatibor knitters is as “the wives of strong husbands who break reddish-yellow stones in a nearby quarry”, mothers who often pick up knitting needles only when they “settle” children, women who cook and knit, keep cattle and knit, wait in shop queues and knit... It is clear from newspaper articles that the traditional division of labour within the (then still) cooperative family did not disappear with the employment of rural women. The established division into “men’s” and “women’s” jobs was still present, i. e. the entire burden of household responsibilities was still exclusively on employed rural women.¹

Presentation of a Zlatibor knitter in the media discourse of socialist Yugoslavia

Searching for an answer to the question whether (and to what extent) the media depictions of Zlatibor knitters match the official image of the modern Yugoslav woman, it is necessary to reconstruct the main female character in the narratives of „Bazar“ magazine². Looking at over 150 issues of the mentioned women’s magazine, it seems safe to conclude that in the first half of the 1970s, the image of a *beautiful, young, modern and well-groomed woman* was dominant in the media discourse of Yugoslav magazines for women. A brief glance at the front pages and headlines of magazine articles is enough to see that the imperative was to be *beautiful and young*. This is supported by the fact that the columns of the mentioned magazine were continuously filled with reports from the beauty contests that were organized every year in all republics of SFRY — they told stories about candidates, their beauty, education, hobbies and the like. The articles were written permanently, and the beauty contest winners often had front pages. The central events, followed by “Bazar” enthusiastically, included the election for Miss Yugoslavia, and then the election for Miss World, which was regularly monitored and reported by local journalists on the course of the competition and the ranking of the beauties. When it comes to the age criterion, it seems that the forties were set as the upper “acceptable” limit — this is perhaps best illustrated by the article titled “For your 40th birthday”, which literally says: “Caution is never superfluous. Be careful at least from today. Here are ten tips on what to pay attention to!” In the text that follows, the readers are advised not to allow themselves to gain weight, to be careful about their hips not to widen, to pay close attention to the quality of cosmetic products, etc. (“For your 40th birthday”, issue 269, year XII, May 17, 1975, un-

¹ For more about the process of emancipation of Zlatibor knitters see: *Bogdanović 2017*.

² It is necessary to emphasize that the narratives of the women’s magazine “Bazar” included, of course, male characters who are not in the focus of this research. In this women’s magazine, a special fashion section was dedicated to men — Men’s Bazar, as well as a series of articles revising some of the problems faced by modern men (“Fathers and Children”, issue 224, year X4, year X, August 25, 1973, M. Savić; “Poor them”, issue 225, year X, 8. IX 1973, unsigned; “I raised my daughter”, issue 171, year VIII, 14. VIII 1971, D. Protić, etc.).

signed). Accordingly, articles dedicated to older women are much less present than those focusing on the younger female population — they primarily give readers advice on cosmetics that can “postpone” aging, while articles about love or male-female intimacy in adulthood are extremely rare (for example, “There is time for love”, issue 247, year XI, July 13, 1974, unsigned). Furthermore, the main female characters “keep in step with the times” — they primarily follow fashion trends (in which, fashion designer Čedomir Čedomir helps them through his regular column by providing information about news in the world of fashion — current colours, cuts, designs, materials, collections...), but they are also diligently informed about cosmetics, places where they could spend a “nice family vacation”, new recipes, contraceptive pills, ideal sink height, current nail polish colours, personal hygiene... Main female characters are given several roles, and there seem to be three main ones — they are wives, mothers and successful business women. When it comes to defining them *through a relationship with a man*, it is enough to mention the text that tells the story of a young and promising Belgrade actress Vesna Malohodžić, who got “her most important role in life” by marrying the famous basketball player and coach Dragutin Miško Čermak — the role of the wife (“Her loveliest role”, issue 225, year X, September 8, 1973, K. M.). There are few articles in which partnership relations are not emphasized, such as the text about the young newly divorced doctor Marica Stevanović, who is happy and satisfied even after the collapse of her marriage (“I’m fine”, issue 254, year XI, October 19, 1974, Lj. Binićanin). The role of *the mother* is also clearly accentuated — the most illustrative is the article in which two photos are shown next to each other: the first one shows famous London models posing in “hot” swimsuits, and in the second one, they are “modestly” dressed with their children. The text published along with the photos carries a clear message: “These are the same six girls, but they are no longer posing in flattering swimsuits, but with their children. Six mothers from the front page say that the profession of photo model does not prevent them from raising children.” (“From bikini to reality”, issue 234, year XI, January 12, 1974, unsigned). Also, in addition to being wives and mothers, the main characters are also shown as *successful in their professions*, and domestic and foreign actresses, athletes, architects, painters, fashion designers, etc. were continuously portrayed. The regular column “Known and Unknown” was an opportunity to introduce anonymous, but in their branches recognizable and successful young, beautiful Yugoslav women to the readers of “Bazar”.

In that (and such) media discourse, the characters of *rural women* appear only sporadically. As a rule, they were presented as tragic characters — their lives were shaped by difficult material conditions, disturbed family relationships, tragic events, unhappy loves... Such is, for example, the character of Đula Alibašić, an illiterate peasant from Suvi Do on Pešter, who, as a barren woman, experiences a “bitter fate” in her marriage. She was physically and mentally abused, replaced by another woman and eventually evicted from the house (“I was looking for a wife for my husband”, issue 213, year X, year X, March 24, 1973, M. Blečić)¹. Thus, Zlatibor knitters, like other rural women, are just sporadic female characters in the analyzed narratives of the women’s magazine “Bazar”. They are portrayed as *artists of their craft, active subjects in the Yugoslav economic system and rural women who are (slowly) entering the process of emancipation*. If this (and such) image is compared to the image of the main female characters, it can be concluded they

¹ Due to the limited work length, on this occasion it is not possible to compare the characters of rural women in the analysed public narratives.

are only partially harmonized. On the one hand, their compliance can be read on two levels. Primarily, Zlatibor knitters, like other female characters in public socialist narratives, are portrayed as “superwomen”— women who are successful at work, at home, as wives, mothers, and housewives at the same time. According to Isidora Jarić, “at the level of ideology, the new socialist state consistently promoted the image of a woman who could do anything, unlike the bourgeois concept where the woman’s social and personal life was limited by the social construction of her biology“ (Jarić 2013: 411). Accordingly, Zlatibor knitters are shown as women who raise children and knit, cook and knit, learn and knit, travel and knit, fantasize and knit... At the second level of compliance, Zlatibor knitters, together with housewives from the city, teachers, workers in industry, etc., are presented through traditional partnership and family relations inherited by Yugoslav society from the period that preceded socialism. Specifically, despite the consistent development of positive legal regulations and official egalitarian discourse that was dominant in public life, gender inequality was part of women’s daily lives even in the 1970s (Jarić 2013: 414), which is evident in “Bazar’s” depiction of Zlatibor knitters. However, there are some discrepancies between the portraits of Zlatibor knitters and other female characters in the narrations of the women’s magazine “Bazar”. Namely, the character of a Zlatibor knitter was assigned not only the above-mentioned typical female gender roles, but also those that were entrusted (exclusively) to men during the 1970s, under the further, primarily economic, development of Yugoslav society. In other words, rural women employed in the production system of fashion production *Sirogojno Style* were presented as egalitarian bearers of economic development, in this case, of the Zlatibor region, unlike other female characters — extremely hardworking and dedicated female workers — whose position in the overall economic system of socialist Yugoslavia was not sufficiently emphasized by the magazine narrative. In that sense, the media presentation of Zlatibor knitters conceptually corresponded more to the way in which the active role of women in creating a new socio-economic reality was presented in the Yugoslav media discourse in the period 1945–1950, i. e. in the years preceding the introduction of the self-government (compare: Milinkov 2014). Furthermore, the rapid modernization, urbanization and industrialization of the country in the years after World War II led Yugoslav society to moving away from the villages and tradition / traditional values (Dimić 1988; Ivanović-Barišić 2021), and similarly, in the public socialist media discourse built the character of the “new” Yugoslav woman — an urban woman, having her place in the new consumer society, consuming the products of mass culture, being sexually educated, etc. In addition to such a woman, “Bazar’s” narratives also included a directly opposite female character — a Zlatibor knitter living in the village, engaged in traditional occupations and projecting her future within the inherited value system. Last, but not least, Zlatibor knitters did not fit into the socialist criteria of femininity — they looked heavy, wore scarves around their heads, their appearance reflected a hard rural life. They were the opposite of the beauty ideal of young and well-groomed women, the ideal which the readers strived for.

The answer to the question why the presented media images of Zlatibor knitters were not fully harmonized with the official / desirable / expected media depictions of women / femininity / sexuality in the media discourse of socialist Yugoslavia, can be found in the broader economic-social-political context within which the fashion production *Sirogojno Style* operated — in the first place, it generated huge annual revenues and, in the economic sense, was one of the important subjects of the Yugoslav economy; in the cultural context,

handmade woolen garments, as a recognizable fashion brand on the national and international markets, were part of a broader communication system through which communication with *Others* was realized, while in the context of the political circumstances of that time, the handicrafts of the Zlatibor knitters represented a convenient link between Yugoslav society (which was basically grounded on anti-traditional ideology) and a tradition which socialism in practice never completely “gave up”.¹ Bearing in mind that the production system of *handmade* clothes was assigned these (and such) roles, it was to be expected that the character of the Zlatibor knitter — a modest, headscarf dressed, hard-working and talented peasant — would be “introduced” into the public media narratives of socialist Yugoslavia, a state large and strong enough to be versatile and heterogeneous.

Sources

Bazar — “Bazar”, numbers 129–285.

References

- Bogdanović, B. 2016. *Tradicija kao simbolički resurs. Modna produkcija Sirogojno stil* [Tradition as a symbolic resource. Fashion production Sirogojno style]. Sirogojno: Muzej na otvorenom „Staro selo“.
- Bogdanović, B. 2017. Komercijalizacija tradicije i proces emancipacije seoske žene — primer modne produkcije „Sirogojno stil“ [Commercialization of traditions and the process of emancipation of rural women is an example of the “poor style” fashion products]. In: *Selo Balkana. Kontinuiteti i promene kroz istoriju* [The village of the Balkans. Subtleties and changes in history], edited by N. V. Radosavljević and S. Tomić, 191–209. Beograd: Istorijski institut i Muzej na otvorenom „Staro selo“ Sirogojno.
- Dimić, Lj. 1988. *Agitprop kultura. Agitpropovska faza kulturne politike u Srbiji: 1945–1952* [Agitprop of culture. Agitprop phase of cultural policy in Serbia: 1945–1952]. Beograd: Rad.
- Isanović, A. 2007. Medijski diskurs kao muški domen: predstavljanje roda u dnevnim novinama u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji [Media discourse as a male domain: Gender representation in daily newspapers in Bosnia and Herzegovina, Croatia and Serbia]. In: *Stereotipizacija: predstavljanje žena u štampanim medijima u jugoistočnoj Evropi* [Stereotypes: Representation of women in print media in South-Eastern Europe], edited by N. Moranjak, 49–82. Sarajevo: Mediacentar.
- Ivanović Barišić, M. 2021. Socijalistički narativ i tradicionalna kultura [Socialist narrative and traditional culture]. In: *Propaganda i javni narativi u socijalističkoj Jugoslaviji* [Propaganda and public narratives in Socialist Yugoslavia], edited by B. Bogdanović and K. Obšust, 219–247. Novi Sad–Beograd: Arhiv Vojvodine i Etnografski institut SANU.
- Iveković, R. 2000. (Ne)predstavljivost ženskog u simboličkoj ekonomiji: žene, nacija i rat nakon 1989 [The (non)-representation of the female in symbolic economics: women, nation and war after 1989]. In: *Žene, slike, izmišljaji* [Females, pictures, fictions], edited by B. Arsić, 9–30. Beograd: Centar za ženske studije.
- Jarić, I. 2013. The Construction of Hegemonic Female Gender Roles in Serbian/Yugoslav Women’s Magazine *Bazar*. *Sociološki pregled XLVII* (3): 401–437.
- Milinkov, S. 2014. Medijska prezentacija žena pedesetih godina prošlog veka u Jugoslaviji: retradicionalizacija društva vs. emancipacije na primeru Autonomne pokrajine Vojvodine [A media presentation of women in the fifties of the last century in Yugoslavia: retraditionalization of society vs. emancipation on the example of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Narodna umjetnost* 51 (2): 173–190.

¹ For more on the features of *Sirogojno style* fashion products, see: Bogdanović 2016.

- Popović, D. 2015. Sećanje na ravnopravnost ili simulacija jednakosti: naučnice u Srbiji u doba socijalizma [The memory of equality or simulation of equality: female scientists in Serbia in the age of socialism]. *Knjiženstvo* 5. <http://www.knjizenstvo.rs/sr-lat/casopisi/2015/zenska-knjizevnost-i-kultura/secanje-na-ravnopravnost-ili-simulacija-jednakosti-naucnice-u-srbiji-u-doba-socijalizma#gsc.tab=0> [Accessed 18.09.2021].
- Stojaković, G. 2013. *Rodna perspektiva u novinama Antifašističkog fronta žena (1945–1953)* [Gender perspective in the paper of the anti-fascist front of women (1945–1953)]. Novi Sad: Zavod za ravnopravnost polova.
- Todorović Uzelac, N. 1987. *Ženska štampa i kultura ženstvenosti* [Women's press and the culture of femininity]. Beograd: Naučna knjiga.
- Vujović, M., and A. M. Prokopović, 2018. *Ženska štampa u socijalističkoj Jugoslaviji* [Women's press in socialist Yugoslavia]. *Kultura* 161, 152–169.
- Zaharijević, A. et al. 2012. *Žarana Papić. Tekstovi 1977–2002* [Žarana Papić. Teksts 1977–2002]. Beograd: Centar za studije roda i politike, Rekonstrukcija Ženski fond i Žene u crnom.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 316.35 (571.1)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120

Научная статья

© В. В. Бубликов, А. С. Свидовская

РОДНОЙ ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СРЕДИ РУССКО-УКРАИНСКИХ БИЭТНОРОВ В РОССИИ

В статье рассматриваются особенности идентичности русско-украинских биэтноров в России. На основе полевых исследований, выполненных качественными и количественными методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, анализируется роль «родного» и «используемого» языка в формировании этнических чувств респондентов. Наличие русской и украинской компоненты идентичности биэтноры объясняют по-разному: русскую — они обосновывают прежде всего страной проживания, в меньшей степени происхождением, родным и используемым языком. Украинская этничность обосновывается главным образом происхождением (наличием украинских предков), и намного реже особенностями культуры, внутренним ощущением. Язык (родной или используемый) большинством не называется в качестве фактора обоснования своей этничности. Тем не менее, для жителей «бывших» украинских районов и выходцев из них и Украины в крупных городах украинский язык или суржик («хохлацкий»), наличие языкового своеобразия — главный признак, отличающий их от «чисто» русских. Низкая доля выбирающих украинский язык в качестве фактора, обосновывающего принадлежность к украинцам, по данным массового опроса даже в местах компактного проживания биэтноров, объясняется широко распространенным представлением, что их разговорный «хохлацкий» язык якобы сильно отличается от украинского, которого они в большинстве своем не знают, что в значительной степени гиперболизировано. Это «незнание» правильного украинского языка в самосознании биэтноров мешает им в полной степени причислять себя к украинцам, из-за чего они более охотно пользуются этнонимом «хохлы». Такая ситуация обусловлена тем, что много

Бубликов Василий Валерьевич — к. с. н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015 Белгород, ул. Победы, 85). Эл. почта: v.bublikov@mail.ru

Свидовская Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (656031 Барнаул, ул. Молодежная, 55). Эл. почта: nastya-svi@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

поколений украинцев не изучали родной язык в школе, а карьера и социальный прогресс возможны только при переходе на русский язык.

Ключевые слова: двойственная русско-украинская идентичность, этноидентичность, биэтничность, биэтноры, родной язык, украинский язык, украинцы в России, суржик, полилингвизм.

Ссылка при цитировании: Бубликов В. В., Свидовская А. С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 99–120.

UDC 316.35 (571.1)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120

Original Article

© Vasily V. Bublikov and Anastasia S. Svidovskaya

NATIVE LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY AMONG RUSSIAN-UKRAINIAN BI-ETHNIC POPULATION IN RUSSIA

The article discusses the identity of the Russian-Ukrainian bi-ethnic population in Russia and is based on field research, which employed both qualitative and quantitative methods in five regions of the Russian Federation with a traditionally high proportion of Ukrainian population. The study aims to analyze the role of the “native” and the “used” language in the formation of ethnic feelings of the bi-ethnic respondents. They explain the Russian and the Ukrainian components of their identity in different ways: their Russian identity is, first of all, due to the country of residence, to a lesser extent by origin, native and used language. Ukrainian ethnic identity is mainly due to the origin (Ukrainian ancestors), and much less often to cultural practices, inner feelings. The language (native or used) is not mentioned by the majority as a factor in defining their ethnicity. Nevertheless, for residents of the “former” Ukrainian districts and people from them and Ukraine in large cities, the Ukrainian language or Surzhyk (“Khokhlyatsky”), the presence of linguistic features is the main feature that distinguishes them from “purely” Russians. According to the survey, the low percentage of those who choose the Ukrainian language as a reason to feel Ukrainian, even in places where most population is bi-ethnic, is explained by the widespread belief that their spoken Surzhyk differs greatly from Ukrainian, which is a great exaggeration. The alleged ignorance of the correct Ukrainian language in the self-consciousness of the bi-ethnic people prevents them from fully identifying themselves as Ukrainians, which is why they more willingly call themselves “Khokhly”. This situation is due to the fact that many generations of Ukrainians did not study their native language at school, and career and social progress are only possible with the transition to the Russian language.

Keywords: dual Russian-Ukrainian identity, ethnic identity, bi-ethnicity, bi-ethnic population, native language, Ukrainian language, Ukrainians in Russia, Surzhyk, polylingualism.

Authors Info: Bublikov, Vasily V. — Ph.D. in Sociology, Belgorod State University (Belgorod, Russia). E-mail: v.bublikov@mail.ru

Svidovskaya, Anastasia S. — Ph.D. student, Altai State Pedagogical University, (Barnaul, Russia). E-mail: nastya-svi@mail.ru

For citation: Bublikov, V. V. and A. S. Svidovskaya. 2022. Native Language and Ethnic Identity among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 99–120.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20–011–00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”.

Постановка исследовательской проблемы и степень ее изученности

Россия исторически является многонациональным государством, в котором согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают представители более 190 национальностей. В результате перманентных процессов миграции, этнического смешения посредством браков, аккультурации и ассимиляции, этническая структура населения России, отражаемая в переписях, многообразна, но не статична, а «точное число народов — показатель весьма условный» (Богоявленский 2018: 22). Однако, из поля зрения официальной статистики и многих исследователей до недавнего времени «выпадали» переходные этнические группы, возникшие «на стыках» двух и даже более народов.

В России группы с множественной этничностью стали относительно активно изучаться с 2000-х гг. этнологами, социологами, психологами (Курске 2011; Штейн 2005; Тишков, Кисриев 2007; Рябиченко 2019). Большинство таких биэтнических групп возникло благодаря этнически смешанным бракам и вследствие ассимиляции этнических меньшинств, в том числе и в местах их компактного проживания. Возможности поддержания и развития этнокультурной идентичности таких меньшинств в России, особенно из числа тех, которые имеют «свои» государства (украинцы, белорусы, казахи и др.), ограничены из-за политизации этничности. При этом представители этих этногрупп принимали активное участие в заселении территорий Российской Федерации и потому, как пишет В. А. Тишков, «это автохтонное население России, и они никак не могут быть отнесены к группам иммигрантского происхождения» (Тишков 2021: 22).

По данным Всероссийской переписи 2010 г. среди пятнадцати наиболее многочисленных народов России самый высокий показатель сокращения численности был зафиксирован среди украинцев (по сравнению с переписью 2002 г. — 34,5%) (Всероссийская перепись). Как отмечает В. В. Степанов: «Российские украинцы сократились почти на один миллион человек без какого-либо заметного переселения на Украину или другие государства. Это результат процесса самоидентификации и одно из проявлений двойственной идентичности» (Степанов 2018: 81).

По сравнению же с более ранними переписями вообще можно констатировать, что за последнее столетие в России произошло многократное сокращение числа украинцев. По данным всех переписей населения доля украинцев сокращалась в течение всего XX века, за исключением 1970–1980-х гг., когда их численность несколько возросла, благодаря миграционному притоку из Украины (Рис. 1). В целом за без малого столетие относительная численность украинцев в России сократилась в 9 раз (с 7,42% в 1926 г. до 0,79% в 2015 г.). Население же с родным украинским

языком на территории в современных границах РФ за 1897–2010 гг. сократилось более чем в 17 раз (с 6,12% до 0,35% соответственно).

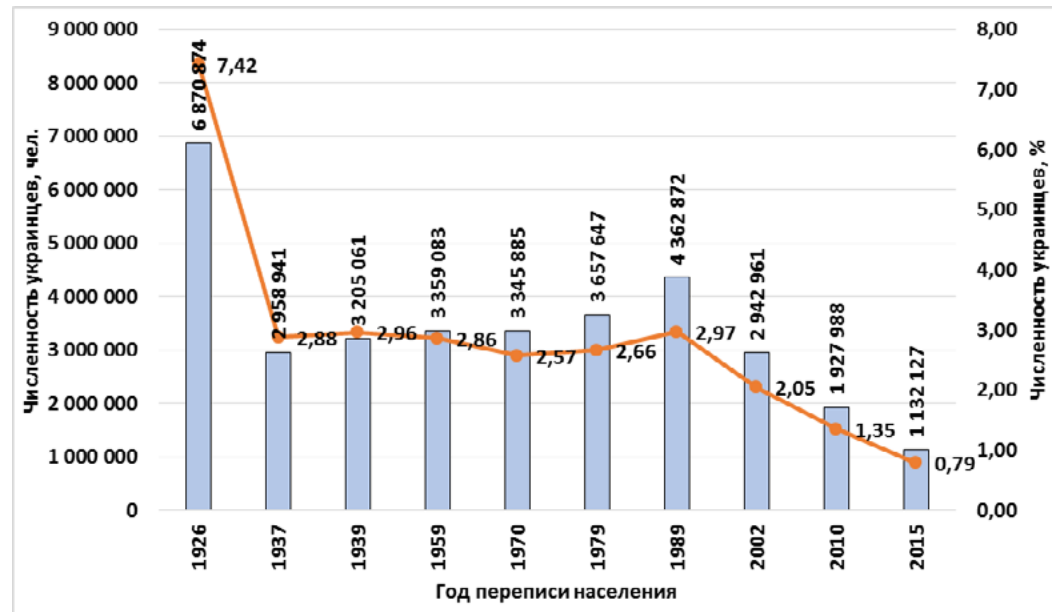

Рис. 1. Абсолютная и относительная численность украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926–2015 гг. (2015 г. — оценка на основе данных микропереписи), чел.,%.

В этом тренде на сокращение выделяются два относительно коротких периода, когда число украинцев сократилось в разы: 1930-е гг. (последствия голода и политических репрессий²) и период после распада СССР, когда «национальность» стала значительной частью населения восприниматься как принадлежность к стране (гражданство), а возможности этнокультурного развития украинцев в России сократились даже по сравнению с советским периодом.

Вопрос изменения этнической идентичности украинского населения в России тема относительно малоизученная. Всплеск интереса к украинцам возник у исследователей сравнительно поздно — с конца XX века, поскольку как отмечает К. С. Дроздов: «После свертывания на рубеже 1932–1933 гг. политики украинизации сначала на территории РСФСР, а затем фактически и на Советской Украине, где многие ее инициаторы были репрессированы, в советской историографии надолго, вплоть до конца 1980-х гг., на изучение этого вопроса накладывается своего рода табу» (Дроздов 2016: 19–20).

В 2000–2010-х гг. появился целый ряд обобщающих научных работ, посвященных численности, истории заселения, проблемам сохранения и трансформации материальной и духовной культуры, этнической идентичности украинцев в приграничных

¹ Составлено по: Демоскоп; Всесоюзная перепись, Росстат.

² Например, В. А. Тишков, описывая причины сокращения численности украинцев в России в 1930-е гг., пишет: «Русскость, перейдя из широкой категории „православного человека“ великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности („нации“), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима» (Тишков 2007: 86).

с Украиной регионах, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (Крамарчук 2000; Кабузан 2006; Бабута 2008; Молощенков 2010; Высоцкий 2012; Грибанова 2017; Завьялов 2017; Темиргалеев 2017). Немаловажную роль в исследованиях занимает тема существования украинского языка на территории России и языковые изменения среди украинцев (Карелина 2006; Блохинская 2015; Свидовская 2020).

Особенности этнической идентичности среди потомков украинцев исследователи относительно активно изучают с 2010-х гг. При этом социологи говорят о «формировании русско-украинской биэтничности» (Бубликов 2019), а этнографы о «ситуативной или плавающей идентичности» (Фурсова 2019: 752), «сложной многоуровневой идентичности» (Октябрьская 2015: 226) и т. д. В любом случае очевидно, что среди потомков украинцев в России относительно широко распространена множественная русско-украинская идентичность, иногда с добавлением и иных этнических компонент.

Нельзя также не отметить, что среди жителей украинского происхождения особенно в местах их традиционного, компактного расселения (сельская местность) широко используется в качестве самоназвания этноним «хохлы». Смысловое значение этого этнонима в течение последнего столетия в российских регионах совместного проживания русских и украинцев значительно изменилось. В начале XX в., как писала Л. Н. Чижикова, в «районах смешанного русско-украинского расселения ..., украинцев называли „хохлами“, а русских — „москалями“, „кацапами“ <...> названия „русский“, „украинец“, „малоросс“ в то время были мало употребительными в местном обиходном языке» (Чижикова 1988: 49). Но затем, уже во второй половине XX в., в местах компактного проживания украинцев, этноним «хохлы» стал играть роль эндоэтнонима, все больше отдаляясь в значении от «украинцев»¹, а этноним «москаль» практически полностью вышел из употребления, став восприниматься как неполиткорректный. В настоящее время большинство потомков украинцев в местах их компактного проживания понимает под «хохлами» некую субэтническую переходную группу, между украинцами и русскими. Для многих русско-украинских биэтноноров этноним «хохлы» является самоназванием, без негативной коннотации².

Двойственная идентичность нередко сопровождается двуязычием (билингвизмом) и трудностью в определении единственного языка в качестве родного. Поскольку язык является ведущим инструментом межкультурного взаимодействия и отличительным признаком этнической группы, то в современных условиях, определяемых процессами глобализации, изучение связи языка и этнической идентичности становится все более актуальным. Как пишет М. Ю. Мартынова: «Язык как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство

¹ Например, Т. А. Листова по данным полевых исследований в Воронежской обл. констатирует: «Сравнивая данные, собранные в 2002 г. и современные, приходишь к выводу, что в настоящее время этническое, точнее, этнорегиональное, самоназвание „хохол“ гораздо более дистанцировано от базового понятия „украинец“, нежели это наблюдалось в 2002 г. Если 10 лет назад самоопределение „хохол“ обычно соотносилось с понятием „украинец“, сейчас же последнее все чаще исключается из самоопределения» (Листова 2014: 123).

² По данным нашего исследования 2021 г. среди русско-украинских биэтноноров в местах их компактного проживания 67% ассоциируют себя с этнонимом «хохлы» (для 46% это близкое, положительное название, для 5% — близкое, но несколько обидное название, 16% — считают себя «хохлами» отчасти), а в местах дисперсного проживания — 56% (31%, 6% и 20%, соответственно). При этом 30% сельских и 38% городских биэтноноров не ассоциируют себя с этим этнонимом.

родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу» (Мартынова 2021: 8–9).

Современные исследователи неоднозначны в определении роли языка в формировании и/или поддержании этнической идентичности. Одна группа исследователей считает, что этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности (Евсеева 2009; Морзавченков 2015). Другая группа исследователей полагает, что язык не является определяющим фактором этнической идентичности, поскольку идентичность может существовать без языка, который в таком случае играет символическую роль и не является приоритетным, а на первое место в поддержании этничности выходит историческая память (Черниченко 2013; Трофимчук 2014).

Ряд ученых признает меняющуюся природу этнической идентичности и билингвизма. Причем роль последнего в формировании этнической идентичности не обязательно всегда рассматривается как основополагающий фактор или как фактор этнической идентичности, а применяется более универсальное понятие «культурного интеллекта», определяющее способность эффективно взаимодействовать с обществом, поскольку у человека, владеющего двумя языками, выше шанс обрести новую идентичность (Солдатова 2011).

Целью настоящей статьи является выявление роли «родного языка» в самосознании русско-украинских биэтносов в России, его соотнесение с русской или украинской компонентой в их идентичности.

Статья базируется на результатах полевых исследований, выполненных в рамках проекта РФФИ, посвященного изучению множественной русско-украинской идентичности в России и ее региональных особенностей, в 2020–2021 гг. Исследования проводились в пяти субъектах РФ с традиционно высокой численностью жителей украинского происхождения (Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края). В 2020 г. было проведено 100 глубинных, структурированных интервью с русско-украинскими биэтносами (качественное исследование), а в 2021 г. — анкетирование 800 таких респондентов (количественное исследование). Оба этапа исследований проводились в равном соотношении в местах компактного, традиционного проживания потомков украинских переселенцев (т. е. в тех районах, где биэтносы численно составляют основную группу жителей) и в местах их дисперсного проживания, в региональных столицах (т. е. там, где биэтносы составляют лишь некоторую долю в населении, как мы предполагаем от 5 до 20%)¹.

Результаты исследования: идентичность русско-украинских биэтносов и их лингвистические практики

Группа биэтнического русско-украинского населения России является неоднородной по своему происхождению, причинам появления двойной этничности и само-

¹ Соответственно: в Белгородской обл. — Краснояружский р-н и г. Белгород, в Воронежской обл. — Россошанский р-н и г. Воронеж, в Омской обл. — Павлоградский р-н и г. Омск, в Алтайском крае — Романовский р-н и г. Барнаул, в Приморском крае — Хорольский р-н и г. Владивосток.

сознанию. Так, в ходе анкетирования первым стал вопрос о формулировке, которая, по мнению самих опрошенных, лучше всего описывает их этническую принадлежность. В качестве вариантов ответа респондентам были предложены пять формулировок, которые нам чаще всего встречались в ходе проведения глубинных интервью годом ранее (Рис. 2).

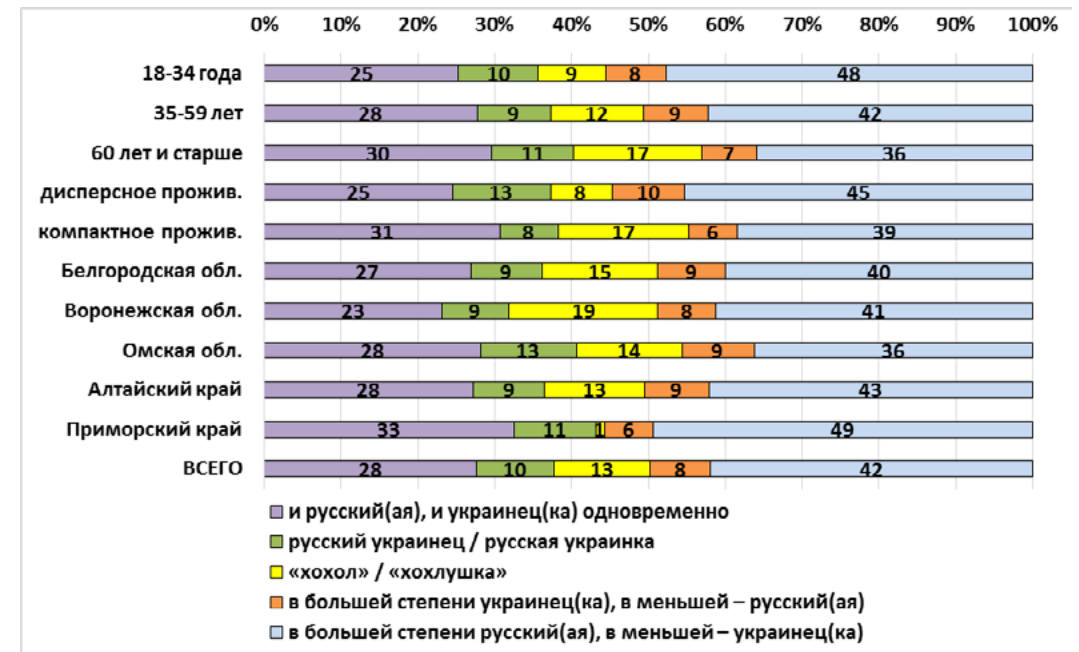

Рис. 2. Распределение ответов жителей России с русско-украинской этничностью на вопрос: «Выберете из нижеперечисленных вариантов ответа ту формулировку, которая лучше всего описывает Вашу национальную (этническую) принадлежность», в разных возрастных и территориальных подгруппах, % (опрос 2021 г.)

Наиболее распространенным вариантом, который выбрали 42% опрошенных биэтносов, стал — «в большей степени русский(ая), в меньшей — украинец(ка)». Чаще всего этот вариант выбирали более молодые респонденты, жители крупных городов, прежде всего на Дальнем Востоке и в Сибири (Рис. 2). Очевидно, что данная группа биэтносов в наибольшей степени подверглась ассимиляционным процессам, в том числе и в силу особенностей их территориального проживания (удаленность от Украины, проживание в городах, где возможности использования украинского языка или суржика практически сведены к нулю).

Однако, несмотря на превалирование русской части этничности у городских биэтносов и молодежи, украинская компонента идентичности, как ни странно, в среднем имеет для них даже большее значение, чем для жителей сельских районов традиционного проживания украинцев и старших поколений. Например, оценки, данные нашими респондентами, важности для них ощущения себя русскими и украинцами показывают, что хотя важность для них *русскости* превалирует во всех возрастных и территориальных подгруппах, но разрыв в значении *русскости* и *украинскости* минимален именно среди горожан и молодежи. По десятибалльной шкале важность ощущения себя русским получила среднюю оценку в 6,7 балла среди молодежи (в среднем возрасте — 7,4, в старшем — 7,2), а ощущение себя украинцами — среди молодежи 5,0

балла (средний возраст — 4,8, старший — 4,9); среди горожан *русскость* — 7,0 баллов, селян — 7,3, *украинскость* — 5,1 и 4,6 баллов, соответственно (Рис. 3).

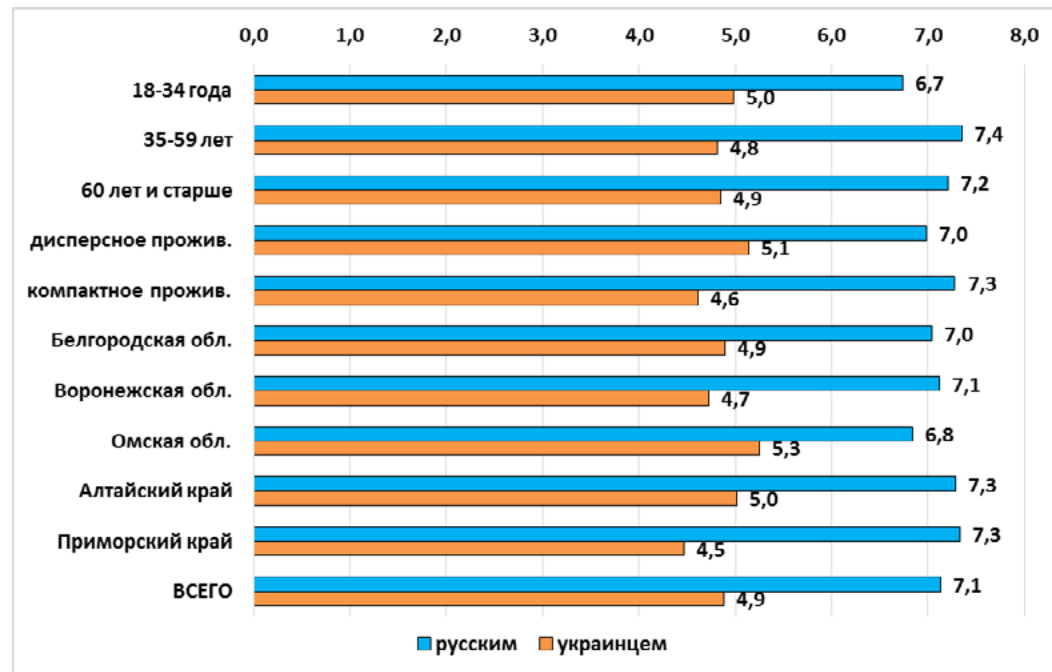

Рис. 3. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «По десятибалльной шкале оцените, насколько важно для Вас ощущение себя русским(ой)? / украинцем(кой)?», средний балл (опрос 2021 г.).

Эти данные свидетельствуют, что при прямом, лобовом вопросе о национальности биэтничная молодежь и горожане чаще отдают предпочтение русской компоненте своей идентичности, однако внутренняя, содержательная важность для них их *русскости* не так высока, как для более старших поколений и жителей сельской местности. По всей видимости горожане и молодежь больше подвержены рефлексии о своей этничности и значение для них *украинскости* даже немного выше, чем для жителей «бывших» украинских районов и биэтников старшего возраста. Кроме того, украинская идентичность может «обостряться» в городской среде на контрасте с другими национальностями.

Второй по распространенности формулировкой определения своей этничности респонденты назвали — «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» — 28%. Несколько чаще его выбирали жители компактного расселения биэтников, старшего возраста, в Сибири и на Дальнем Востоке (Рис. 2).

Третьим вариантом наилучшего описания своей этноидентичности респонденты назвали этноним «*хохол*» — 13%. Чаще его выбирали жители сельской местности, старшего возраста, в пограничных с Украиной регионах и, напротив, он практически не используется как самоназвание в Приморском крае. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о том, что 13% биэтников на прямой вопрос о наиболее правильном термине для описания их национальности выбирают этноним «*хохол*», однако как мы уже упоминали выше, на уточняющий вопрос «*Считае-*

те ли Вы себя хохлом / хохлушкой?» 62% отвечает утвердительно¹. Другими словами, несмотря на то, что большинство русско-украинцев ассоциирует себя в той или иной степени с этнонимом «*хохлы*», большинство не использует его при описании своей национальности, т. к. не считает его достаточно легитимным:

«*Хохол — нет такой национальности. Хохол — это как бы такое жаргонное название людей, которые разговаривают украинской мовою и могут хорошо говорить по-русски, то есть это вот такие смеси*» (муж., 1989 г. р., Белгородская обл., Краснояружский р-н).

Также широко распространено мнение, что «*хохлы*» это что-то переходное между русскими и украинцами:

«*Я не могу сказать, что я вот украинка исконная. Я, скорее всего, хохол, потому что я обрусевшая, я уже и русская и украинская — всё вместе*» (жен., 1957 г. р., Приморский край, Хорольский р-н).

«*Я считаю себя смесью какой-то украинской с русским, но вот это и называется хохлы*» (жен., 1957 г. р., Алтайский край, г. Барнаул).

Вместе с этим, для некоторых биэтников этноним «*хохол*» имеет и негативную, оскорбительную коннотацию. Так 8% заявили, что не идентифицируют себя с этим названием, поскольку оно оскорбительно, а 5% идентифицируют, но «это несколько обидное название»²:

«*Умный человек так не скажет, я бы сказал, что это больше какая-то дразнилка или что-то такое вот*» (муж., 2000 г. р., Воронежская обл., г. Воронеж).

Четвертым по распространенности вариантом описания своей этноидентичности респонденты назвали — «*русский украинец*» — 10%. Несколько чаще его выбирали жители крупных городов, люди старшего возраста и молодежь, в Сибири и на Дальнем Востоке. Пятым стала формулировка — «*в большей степени украинец(ка), в меньшей — русский(ая)*», которую выбрали 8% (чаще это жители городов, среднего возраста и молодежь).

Свою биэтничность, наличие у них русской и украинской частей идентичности, респонденты обосновывают по-разному. Подавляющее большинство (66%³) объяс-

¹ В районах компактного проживания биэтников — 67%, в городах — 56%, среди молодежи — 57%, среднего возраста — 60%, старшего — 68%, в Белгородской обл. — 64%, в Воронежской обл. — 71%, в Омской обл. — 61%, в Алтайском крае — 66%, в Приморском — 47%.

² Чаще об оскорбительном значении этнонима «*хохол*» говорят респонденты-жители городов — 13 и 6% соответственно (в сельской местности — 4% и 5%); молодежь — 11% и 6% (средний возраст — 8% и 6%, старший 6% и 4%); жители Приморского края (12% и 4%), несколько реже — Белгородской обл. (9% и 6%), Омской обл. (8% и 6%), Алтайского края (7% и 4%), Воронежской обл. (6% и 7%).

³ Это число близко во всех возрастных и территориальных подгруппах биэтников: в крупных городах русскую идентичность обосновывают страной проживания 67%, в сельской местности — 66%, среди молодежи — 68%, среднего возраста — 65%, старшего возраста — 66%.

няет свою русскую компоненту этничности страной проживания (гражданства), украинскую — происхождением (76%¹) (Рис. 4). То есть, по сути, у русско-украинских бизтноров их *русскость* соотносится с гражданской идентичностью, но сами они описывают ее в категории «национальность». Об этом пишет и Т. А. Листова: респондентами «подчеркивается соотнесенность собственной идентичности с этнонациональным идентификатором „русские“, что означает, скорее, гражданскую, а не собственно этническую принадлежность» (Листова 2014: 123). Украинская же этничность, как правило, обосновывается примордиалистской логикой — происхождением от украинцев.

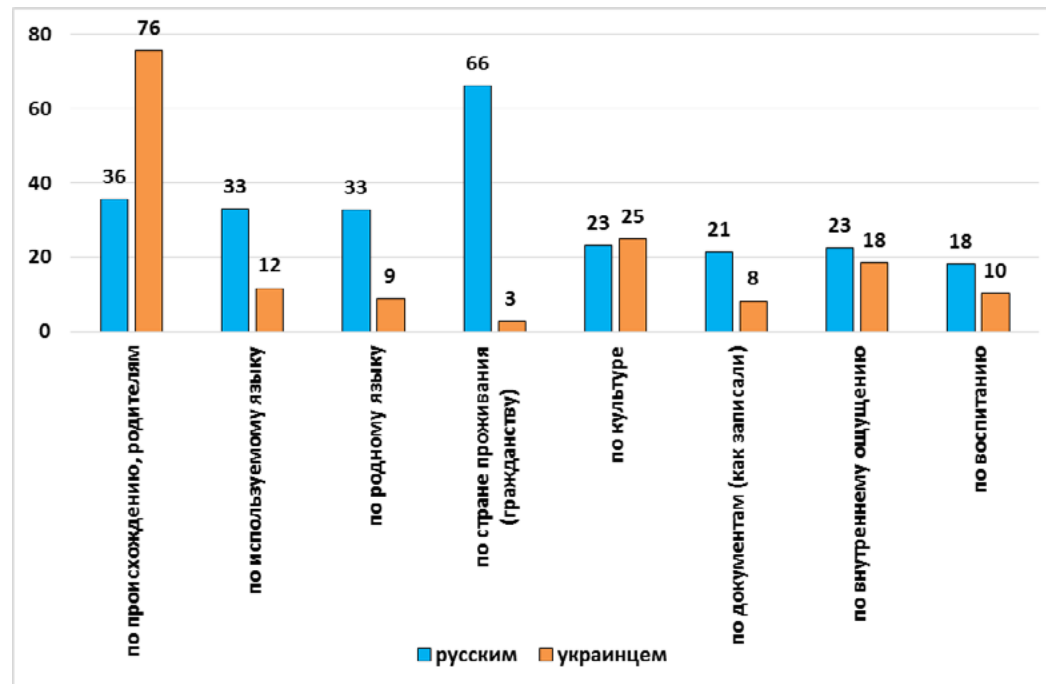

Рис. 4. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «По каким причинам Вы считаете себя русским(ой) / украинцем(кой)?», % (опрос 2021 г.)

Более редкими, но значимыми факторами обоснования *русскости* являются:

— происхождение, родители — 36% (чаще этот фактор называет молодежь — 48% и жители крупных городов — 38%, т. е. те подгруппы, в которых бизтничность чаще является следствием смешанных русско-украинских браков, а не ассимиляции «чистых» украинцев);

— используемый и родной язык — по 33% (чаще жители городов и молодежь);

— культура и внутреннее ощущение — по 23% (чаще жители городов и молодежь);

— запись национальности в документах — 21% (чаще жители сельской местности и молодежь).

Второстепенными, но встречающимися факторами обоснования *украинскости* являются:

— культура — 25% (несколько чаще называет молодежь и жители городов);

¹ Среди жителей крупных городов — 77%, в сельской местности — 75%, молодежь — 77%, средний и старший возраст — 75%.

— внутреннее ощущение — 18% (чаще жители городов и молодежь);

— используемый язык — 12% (жители сельской местности и молодежь);

— воспитание — 10% (чаще в городах и молодежь);

— родной язык — 9% (чаще в городах и старший возраст);

— запись национальности в документах — 8% (чаще в сельской местности и старший возраст).

Как видим лингвистические факторы — родной и используемый языки — примерно в три раза чаще являются обоснованием принадлежности к русской национальности, чем к украинской, что прежде всего объясняется массовым незнанием литературного украинского языка, из-за отсутствия его преподавания в школе даже в местах компактного проживания украинцев, как в советское время, так и сейчас:

«Украинский язык не знаю, письменности украинской тоже я не знаю. Хохляцкий язык — такого ж [официально] нету, хохол — нет такой нации. Мой родной язык русский же, наверно. Если бы хохляцкий был официальный, то я бы сказала [он родной]» (жен., 1958 г. р., Алтайский край, Романовский р-н).

В реальности суржик или «хохляцкий» язык (особенно в приграничных с Украиной российских регионах, где его чаще называют «хохлячий») сохраняет украинскую языковую основу, т. е. он ближе и в фонетике, и в лексическом наборе к украинскому языку, чем к русскому, а самое главное, он мало чем отличается от разговорного украинского языка, которым пользуется большинство украинцев в самой Украине. Другими словами, «незнание» украинского и «знание» русского носителями «хохляцкого» языка в России, во многом ими самими гиперболизировано, они часто считают, что «незнание» некоторых украинских слов и знание их аналогов в русском, делает их «хохляцкий» ближе к русскому.

«Хохлушка, украинка. Ну, к украинцам мы не относимся, потому что у нас говор совсем не такой. Балакаем як умием» (жен., 1940 г. р., Омская обл., Павлоградский р-н).

Интересные сведения приводит по этому вопросу и Т. А. Листова: «По мнению местных жителей, суржик как основной разговорный язык не только отличает их от украинцев в Украине, но и выводит из комплексного понятия „украинец“. „Ну какие украинцы, если даже языка своего не знаем?! Мы же не все понимаем“. (ПМА 1, Богачева). По этому поводу можно привести образное замечание пожилой жительницы с. Лизиньки, сказавшей, что именно невладение настоящим украинским языком мешает ей относить себя к настоящим украинцам, а не только к хохлам. И на вопрос, чем же еще отличаются настоящие украинцы заметила: „А настоящих я николи не бачила. А пишемся мы украинцами“ (Листова 2014: 129). Как видим, в восприятии таких респондентов есть некие «настоящие» украинцы, принадлежать полностью к которым им мешает «незнание» украинского языка.

При этом, «хохляцкий» язык будет мало понятен среднестатистическому русскому и абсолютно понятен украинцу. Приведем еще одно интересное наблюдение: слова, которые появились в «хохляцком» языке по историческим меркам недавно, на протяжении жизни нескольких последних поколений, произносятся ими на сур-

жике часто именно в украинской, а не в русской фонетике (*шампаньске*, а не *шампанское* и т. д.). То есть, даже после «отрыва» украинского населения России от «материнского этноса» новая лексика нередко заимствована им именно из украинского, а не из русского языка (по крайней мере в приграничных с Украиной регионах).

«У москалей акцент совсем другой. Москали — их чуешь по разговору, а це шо с Украины люди ж наши балакають. А москали их чуешь сразу — говор у них другой» (жен., 1958 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

[На вопрос: Язык в Ивано-Франковской обл. и здешний «хохлячий» сильно отличаются?] *«Я из Прикарпаття, а там же гуцулы. Я гуцулка. Ну украинский там, ну як тоди, оно все якось однаково було, и разницы тоди не було ... Ну они похожи, як дома [в Ивано-Франковской обл.] балакаю, так и тут балакаю ... Ну похожий язык, багато ... Лестница у нас в Ивано-Франковской области — дробына. И тут дробына кажуть. Однако якось, мало ризнились»* (жен., 1960 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

Таким образом, различия официального украинского языка и «хохляцкого» самими «хохлами» сильно преувеличены, хотя безусловно налицо быстрая русификация последнего в связи с полным отсутствием преподавания в школе и какого-либо институционального использования украинского языка в местах компактного проживания украинцев в России.

Рассмотрим теперь более детально лингвистические характеристики биэтноров по данным количественного исследования. Для их выявления и выстраивания динамики изменения лингвистических практик, мы задали респондентам несколько

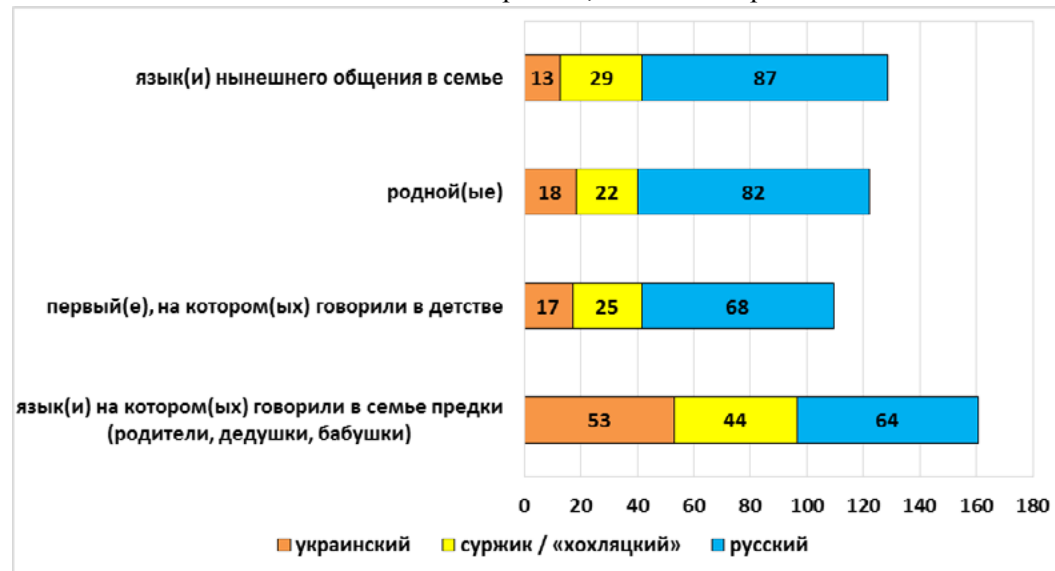

Рис. 5. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «На каком языке или нескольких языках говорили в семье Ваши предки (родители, дедушки, бабушки и т. д.)?»; «Какой язык у Вас был первым, на котором Вы говорили в детстве?»; «Какой язык (или несколько языков) Вы считаете своим родным языком?»; «На каком языке или нескольких языках обычно (в основном) разговаривают в Вашей семье?», % (опрос 2021 г.)

вопросов: о языках на которых разговаривали дома их предки, о первом языке, о родном языке и о языке, на котором они сейчас общаются в семье. Респонденты не были ограничены количеством указываемых ответов, т. е. в каждом из вопросов они могли назвать несколько языков.

Среди языков, на которых в семье говорили предки, респонденты назвали: русский — 64%, украинский — 53% и «хохляцкий» — 44%¹ (Рис. 5). То есть, большинство биэтноров (61%) назвали несколько языков предков, что объясняется прежде всего их смешанным этническим происхождением (наличием и русских, и украинских предков).

Среди разных поколений биэтноров доля выбравших те или иные языки различна. Так, представители старшего поколения чаще в качестве языка предков называют: украинский — 52%, русский — 51%, «хохляцкий» — 45%; а молодежь: русский — 75%, украинский — 56%, «хохляцкий» — 41%. То есть, молодежь значительно чаще языком предков называет русский язык, немного чаще украинский и реже суржик. Это свидетельствует о двух фактах. Во-первых, о нарастающем уровне русификации в каждом новом поколении биэтноров, а во-вторых, меньшем использовании молодежью термина «хохляцкий» язык.

Интересно сравнение данных опроса по таким позициям как «первый язык» и «родной язык». У большинства биэтноров первым языком (языком детства) был один язык (только 10% назвали первыми несколько языков): 68% — русский, 25% — «хохляцкий» и 17% — украинский². Но родными языками респонденты чаще склонны называть несколько языков (22%) и прежде всего это русский язык — 82%, что на 14 процентных пункта выше, чем первый язык. Суржик респонденты, напротив, немного реже называют родным, чем первым языком (22% и 25% соответственно), украинский называют и родным, и первым практически равное число опрошенных (18% и 17%). То есть, в качестве родных респонденты склонны чаще выбирать те языки, которые они считают официальными (русский и украинский), в отличие от «нелегитимного» суржика. Также понятие «родной язык» часто воспринимается, как язык основного общения, даже если первым языком был украинский или «хохляцкий». Большинство суржик воспринимается не как отдельный язык, а как неправильный украинский или смешанный русско-украинский, и не редко считается языком села:

«Когда я приехала в Белгород, то первым долгом у меня в голове — я сама себе такое давала задание, — говорить только по-русски и ни в коем разе не выдавать то, что я хохлушка, из деревни. В общем, старалась вот это все в себе скрыть свое, а перенимала все русское. Получалось так, что окружающая среда как-то не диктовала, но оно получалось так, что лучше быть русским — раз я приехала в город, то надо быть русской» (жен., 1948 г. р., Белгородская обл., г. Белгород).

¹ В городах распределение следующее: русский — 72%, украинский — 64%, «хохляцкий» — 31%; в сельской местности: «хохляцкий» — 57%, русский — 56%, украинский — 43%.

² Поколенческие различия среди биэтноров в этом вопросе очень велики, если среди молодежи русский назвали языком детства 82% опрошенных, в среднем поколении 72%, то среди старшего — только 49%; соответственно, украинский назвали первым 11%, 16% и 24%; «хохляцкий» — 13%, 26% и 34%. В городах первым языком был: у 76% — русский, 19% — украинский, 14% — «хохляцкий»; в селах: 59% — русский, 36% «хохляцкий», 15% — украинский.

«Родной язык русский. Культура речи у меня не стоит на первом плане, но как-то в разговоре хочется проявить образованность» (муж., 1995 г. р., Омская обл., Павлоградский р-н).

«Когда начали выезжать в города, причём это очень недавно произошло, это буквально 1960-е годы, и очень сильная пошла ассимиляция. А тут ещё многие приезжали, и, как бы пообщавшись в городе, начинали коверкать слова. И ещё было модно, что я теперь городской, и они специально говорили на русском. Причём, когда встречаются там одноклассники моих родителей, но им то уже по 70 лет, ... они между собой общаются на хохлячем. Но иногда, когда они начинают рассказывать про жизнь в городе, они начинают говорить на русском. То есть странный парадокс, ну вроде может показать как свой статус, вот я там был директором завода, они по-русски говорят, и тут же он может крикнуть, там: «Девысь, корова кудысь побигла твоя, лизэ в горóд!»» (жен., 1977 г. р., Воронежская обл., г. Воронеж).

«Просто когда общаешься, то думаешь: „Ой, как правильно?“. Чтобы лишний раз [не говорить], ну считай куда едешь, вот в городе, Белгороде, например, даже. Там русские, хотя нас все ж понимают и в основном же все с деревни. А все равно стыдно вот так когда-то бывает [надо] разговаривать, но не хочется лишний раз, чтобы наши слова там проскаквали. Бывает, что отношение такое к нам, что мы из села, деревня, дерёвня — так на нас говорят» (жен., 1971 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

Несмотря на наличие безусловного тренда в повышении роли и использования русского языка (язык предков у 64%, первый язык у 68%, родной у 82%) и тенденцию к понижению роли украинского языка и суржика (совокупно соответственно: 97%, 42% и 40%) среди биэтноров в качестве нынешнего языка семьи суржик и реже украинский язык продолжают использоваться частью опрошенных (29% и 13% соответственно¹) (Рис. 5). То есть, говорить о «смерти» суржика и украинского языка в местах компактного проживания потомков украинцев в России пока рано, хотя, как констатирует Т. А. Листова, «сопоставление воспоминаний жителей разного возраста и их оценка современной языковой ситуации показывает постепенную, но неуклонную русификацию местного наречия» (Листова 2014: 125). Многие жители мест компактного проживания украинцев вообще сознательно отказываются от языка предков даже в семейном общении:

«Дома тогда разговаривали все на украинском, у нас вот бабушка с нами жила, и она тоже говорила вот, а я её поправляла, говорю: „Вы не правильно говорите, нужно сказать по-русски“. Она: „Ну я не могу, вот ну я так привыкла“. Я говорю: „Понимаю, но у меня ребенок в школу пойдет, и он там скажет вот это вот

по-украински! Что я потом буду делать?»» (жен., 1990 г. р., Белгородская обл., Краснояружский р-н).

«Детей сейчас, например, вот мы ходили в школу, вот наши дети, мы разговаривали и дети наши — ну хохлы. А сейчас вот рождаются дети и тут в селе и везде тут стараются с рождения только по-русски [говорить]. Вот моя внучка тоже только по-русски. Учат детей только по-русски. В школе детей только по-русски. [На вопрос: Вам не обидно, что язык может исчезнуть?] Нет, мне не обидно, что язык может уйти. Я считаю, что это правильно, потому что моя внучка сейчас поедет опять же в город учиться или жить, и она будет тоже прислушиваться к своей речи, чтобы правильный русский язык [был]. Хотя она тоже нас понимает. Но стараемся только по-русски» (жен., 1971 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

«Уже как бы такого [„хохляцкого“] языка уже нигде нету, пока доживаем — так все остается. [На вопрос: На каком языке разговариваете с внуками?] По-русски. И с детьми так, вот с дочерью. Приедет так, с внуками по-русски, чтобы они поняли, по-хохляцки они не поймут, то есть по-украински» (жен., 1940 г. р. Омская область, Павлодарский р-н).

Подтверждают эти мнения и количественное распределение сведений о родном/родных языках биэтноров в возрастных и территориальных подгруппах (рис. 6). Украинский язык и суржик совокупно называют родным 53% опрошенных в возрастной группе старше 60 лет (русский язык 75%), а среди молодежи только 26% (русский — 88%). В местах компактного проживания биэтноров суржик и украинский называют родным совокупно 47% опрошенных (русский — 77%), в местах дисперсного проживания (крупных городах) — 34% респондентов (русский язык — 87%).

Среди регионов, в которых проводился опрос, наибольшая доля назвавших родным «хохляцкий» и/или украинский языки зафиксирована в приграничных с Украиной регионах: в Воронежской обл. — 49% (русский — 74%), в Белгородской обл. — 45% (русский — 81%), а также в Омской обл. — 46% (русский — 78%) — (Рис. 6).

Рассмотрим теперь взаимосвязи между выбором родного языка и той формулировкой этноидентичности, которую выбирают русско-украинские жители в качестве наиболее для себя оптимальной. Во-первых, необходимо отметить, что наиболее полилингвальной группой биэтноров являются те, кто идентифицирует себя с этнонимом «хохлы» — 38% из них назвали родными несколько языков. Далее в порядке убывания: «русский украинец» — 30%, «в большей степени украинец(ка), в меньшей — русский(ая)» — 29%, «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» — 25%, «в большей степени русский(ая), в меньшей — украинец(ка)» — 12% (Рис. 7).

Во-вторых, мы наблюдаем безусловную зависимость у большинства биэтноров выбора формулировки описания их идентичности и родного языка. Так, в подгруппе биэтноров, которая считает себя в большей степени русскими, чем украинцами — 96% назвали родным русский язык и лишь 9% — суржик и 7% — украинский. В «зеркальной» группе, считающих себя в большей степени украинцами, чем русскими, украинский язык назвали родным 51%, суржик — 16%, русский язык — 62%,

¹ В городах нынешними языками семьи называют: русский — 96%, украинский и «хохляцкий» — по 15%; в селах: русский — 78%, «хохляцкий» — 43%, украинский — 11%. Распределение по поколениям биэтноров следующее: молодежь — русский — 92%, «хохляцкий» — 24%, украинский — 12%; среднее поколение — русский — 88%, «хохляцкий» — 29%, украинский — 14%; старшее поколение — русский — 81%, «хохляцкий» — 34%, украинский — 12%.

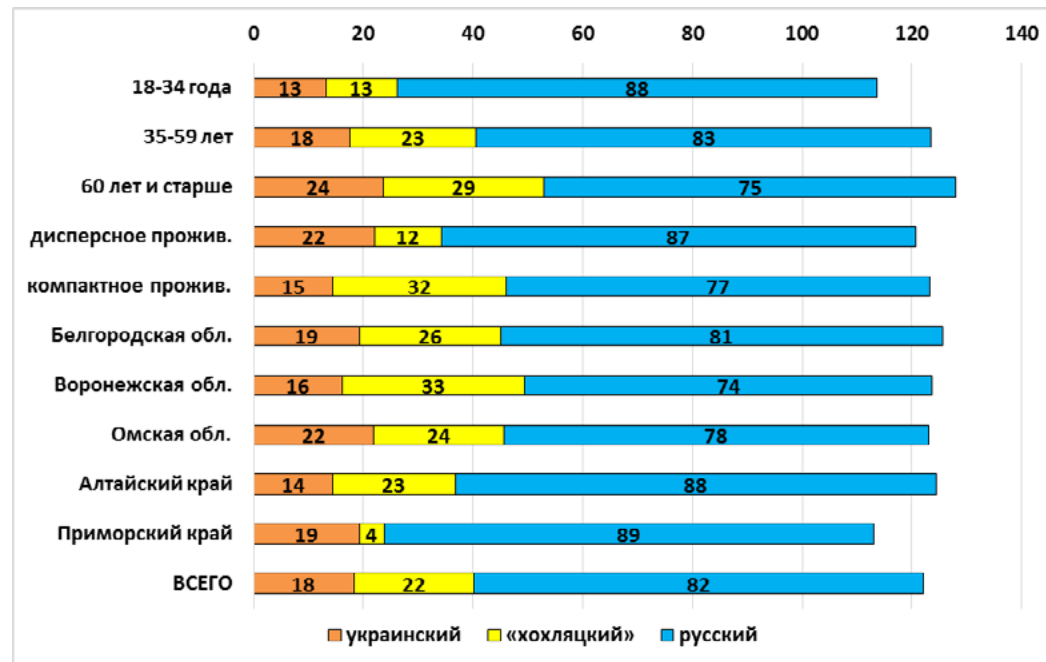

Рис. 6. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопрос: «Какой язык (или несколько языков) Вы считаете своим родным языком?» в разных возрастных и территориальных подгруппах, % (опрос 2021 г.).

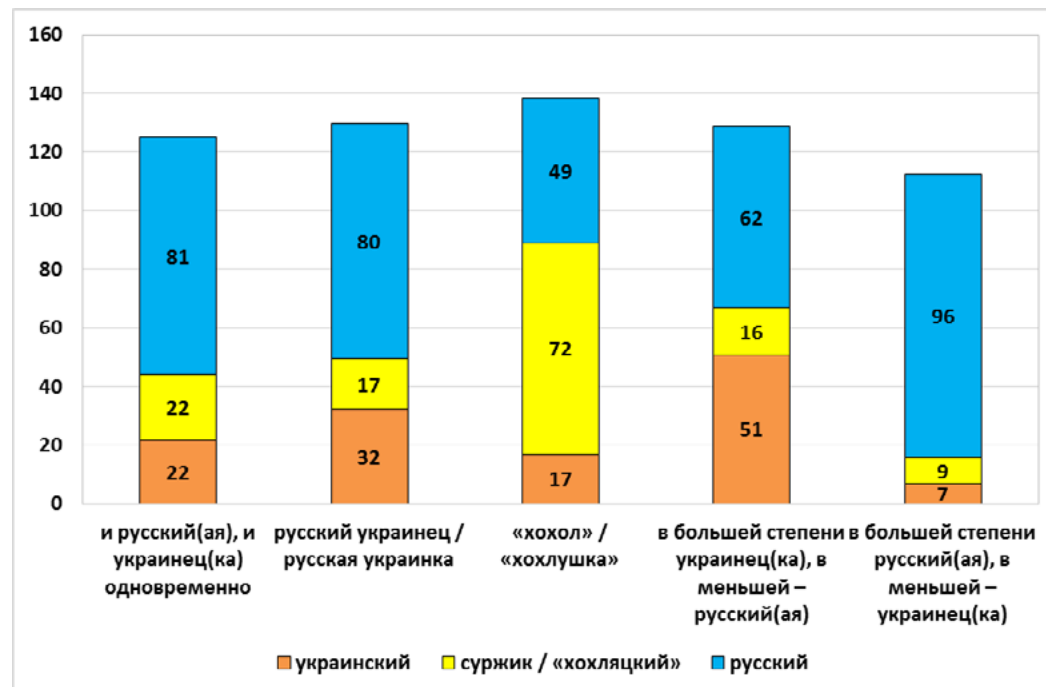

Рис. 7. Распределение выбора родного(ых) языков и формулировки, описывающей этноидентичность русско-украинского населения России, % (опрос 2021 г.).

т. е. несмотря на то, что русский также называет большинство опрошенных родным, но их меньше, чем совокупно выбирающих украинский язык и суржик (67%).

В целом русский язык является наиболее часто выбираемым родным языком во всех идентичностных подгруппах биэтноров, кроме «хохлов» (среди которых лидирует «хохлацкий» язык — 72%, а русский занимает вторую позицию — 49%) (Рис. 7).

Выводы

Результаты полевых исследований, проведенных среди биэтничного русско-украинского населения в российских регионах их традиционного проживания в 2020–2021 гг. свидетельствуют:

1. У большинства биэтноров значение их русской части идентичности выше, чем украинской, об этом свидетельствуют, как выбор оптимальной формулировки описания идентичности (в большей степени русский, в меньшей украинец — 42%) так и числовая оценка важности для них *русскости* и *украинскости* (средний балл соответственно 7,1 и 4,9). В территориальных и демографических подгруппах биэтноров ситуация неоднозначная: в крупных городах и среди молодежи выше доля, называющих себя «в большей степени русскими, в меньшей — украинцами», но и выше значение своей *украинскости*. Этот, на первый взгляд парадоксальный факт, мы интерпретируем большей рефлексивностью о своей идентичности в городах как таковой, а также тем, что в городах биэтноры чаще имеют смешанное русско-украинское происхождение, чем в местах компактного проживания украинцев, где появление русской идентичности чаще следствие развития ассимиляционных процессов среди только украинского по происхождению населения. Другими словами, среди жителей крупных городов и молодежи их биэтничность, прежде всего, объясняется смешанным происхождением.

2. Наличие русской и украинской компоненты идентичности биэтноры объясняют по-разному: русскую — они обосновывают прежде всего страной проживания (66%), в меньшей степени происхождением (36%), родным и используемым языком (33%). Украинская этничность обосновывается главным образом происхождением (наличием украинских предков — 76%), и намного реже особенностями культуры (25%), внутренним ощущением (18%). Язык (родной или используемый) большинством не называется в качестве фактора обоснования своей этничности: их назвали в качестве причины принадлежности к русским 33% респондентов, и к украинцам 12% и 9%, соответственно. Хотя при проведении интервью язык или языковые особенности назывались как важные факторы обоснования своей украинской («хохлацкой») части этничности особенно среди жителей сельской местности и выходцев из украинских сел в городах. Для жителей «бывших» украинских районов и выходцев из них и Украины в крупных городах украинский язык или суржик («хохлацкий») — главный признак, отличающий их от «чисто» русских. Низкая доля, выбирающих украинский язык в качестве фактора, обосновывающего принадлежность к украинцам по данным массового опроса даже в местах компактного проживания биэтноров, объясняется широко распространенным представлением, что их разговорный «хохлацкий» язык якобы сильно отличается от литературного украинского, которого они в большинстве своем не знают, что в значительной степени гиперболи-

зировано. Это «незнание» правильного украинского языка в самосознании биэтно-ров мешает им в полной степени причислять себя к украинцам, из-за чего они более охотно пользуются этнонимом «хохлы». Такая ситуация обусловлена тем, что много поколений украинцев не изучали родной язык в школе, а карьера и социальный прогресс были возможны только при переходе на русский язык.

3. Распределение ответов на вопросы о языке предков, первом, родном и используемом языках, а также распределение ответов на лингвистические вопросы по поколениям показывают быструю русификацию биэтно-ров. Наблюдаются взаимозависимости между выбором родного языка и формулировкой описания этничности: доля выбирающих русский язык в качестве родного максимальна среди тех, кто считает себя «в большей степени русским, в меньшей украинцем» и наоборот. То же относится и к подгруппе биэтно-ров, называющих себя «хохлами» (среди них самый распространенный родной язык «хохлацкий»). Следовательно, язык — важный, но не единственный фактор сохранения этнической идентичности, особенно ее украинской компоненты. Многие биэтно-ровы, даже полностью перешедшие на русский язык и незнающие украинского, сохраняют и свою украинскую этничность порой даже лучше, чем жители, еще использующие суржик (особенно характерна эта ситуация для жителей городов и представителей более младших поколений).

Источники и материалы

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав и владения языками, гражданство. Т. 4. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.12.2021).
- ВПН 1937 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. Москва, 2007. 320 с.
- Демоскоп Weekly — Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 15.05.2022).
- ПМА 2020, жен., 1940 г. р. Омская область, Павлодарский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1948 г. р., Белгородская область, г. Белгород, переехала из Ольховатского района Воронежской области в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1957 г. р., Алтайский край, г. Барнаул, родилась в Родинском районе Алтайского края.
- ПМА 2020, жен., 1957 г. р., Приморский край, Хорольский район, родилась в Иваново-Франковской области Украины, переехала в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1958 г. р., Алтайский край, Романовский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1958 г. р., Воронежская область, Россошанский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1960 г. р., Воронежская область, Россошанский район, уроженка Иваново-Франковской области Украины, приехала в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1971 г. р., Воронежская область, Россошанский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1977 г. р., Воронежская область, г. Воронеж, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1990 г. р., Белгородская область, Краснояружский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, муж., 1989 г. р., Белгородская область, Краснояружский район, местный уроженец.
- ПМА 2020, муж., 1995 г. р., Омская область, Павлоградский район, местный уроженец.
- ПМА 2020, муж., 2000 г. р., Воронежская область, г. Воронеж, родился в Луганской области Украины, переехал в 2010-е гг.
- Росстат 2015 — Росстат. Микрперепись населения 2015. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 15.05.2022).

Научная литература

- Бабута М. Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры: конец XIX — начало XXI вв. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Томск, 2008. 26 с.
- Блохинская А. В. Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья: на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Томск, 2015. 21 с.
- Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения и владение языками // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 22–61.
- Бубликов В. В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение, 2019. № 6. С. 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>
- Высоцкий В. В. Историческая, социально-экономическая и этнокультурная ассимиляция украинского населения Воронежской губернии: начало XIX в. — первая четверть XX в. Дисс. канд. истор. наук. Воронеж, 2012. 189 с.
- Грибанова Н. С., Чернова И. В., Люля Н. В., Свидовская А. С. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.
- Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.
- Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании этнической идентичности. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2009. 21 с.
- Завьялов А. В. Социальная адаптация украинских иммигрантов. Иркутск: Издательство ИГУ, 2017. 179 с.
- Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения, 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. Москва: Наука, 2006. 657 с.
- Карелина Л. Ф. Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в полиэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии: на материале Тюменской области. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Великий Новгород, 2006. 22 с.
- Крамарчук Т. Д. Украинская диаспора Республики Башкортостан: история формирования и особенности существования в иноэтнической среде. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Донецк, 2000. 21 с.
- Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). Автореф. дисс. канд. социол. наук. Москва, 2011. 27 с.
- Листова Т. А. Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии, 2014. № 2 (28). С. 116–139.
- Мартынова М. Ю. Введение. Языковое многообразие России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. С. 8–16.
- Молощенков А. Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Москва, 2010. 19 с.
- Морзавченков Г. А. Язык как фактор этнокультурной идентичности. Дисс. канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2015. 162 с.
- Октябрьская И. В., Крикау Л. В., Антропов Е. В. «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры, 2015. № 4. С. 221–227.
- Рябиченко Т. А., Лебедева Н. М., Плотка И. Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология, 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

- Свидовская А. С. Языковая ситуация среди населения с бизэтничной русско-украинской идентичностью на юге Западной Сибири // Общество: социология, психология, педагогика, 2020. № 12 (80). С. 123–128. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.23>
- Солдатова Г., Тетерина М. Многоязычие как фактор формирования новой идентичности и культурного интеллекта // Образовательная политика, 2011. № 2(52). С. 58–71.
- Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 62–89.
- Темиргалеев Р. Украинцы Приморского края в 1897–2010 гг. в демографическом разрезе от ядра «зеленого клина» до ассимиляции // Демографическое обозрение, 2017. Т. 4. № 4. С. 150–169.
- Тишков В. А. Демографические «голодоморы» // Родина, 2007. № 7. С. 84–89.
- Тишков В. А. Обновление категорий и практик // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. С. 18–34.
- Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение, 2007. № 5. С. 96–115.
- Трофимчук А. Ю. Языковой сдвиг и этническая самоидентификация (на материале русско-украинских говоров Омской области) // Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Полиграфист, 2014. С. 180–184.
- Фурсова Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2019. Т. 25. С. 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>
- Черниченко Д. А. Этноязыковые процессы в среде украинского населения Приуралья // Вестник Удмуртского университета. История и филология, 2013. Вып. 3. С. 99–104.
- Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. Москва: Наука, 1988. 256 с.
- Штейн Е. Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Москва, 2005. 50 с.

References

- Babuta, M. N. 2008. *Formirovanie i sovremennoe sostoianie ukrainskoi diaspory: konets XIX — nachalo XXI veka* [Formation and current state of the Ukrainian diaspora: late XIX — early XXI cc.]. PhD diss. abstract, Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Blokhinskaia, A. V. 2015. *Russko-ukrainskoe vzaimodeistvie v russkikh govorakh Priamur'ia: na materiale rechi zhitelei Oktiabr'skogo raiona Amurskoi oblasti* [Russian-Ukrainian Interaction in Russian Accents of the Amur Region: Speech of the Residents of the Oktyabrsky District of the Amur Region]. PhD diss. abstract, Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Bogoiavlenskii, D. D. 2018. *Etnicheskii sostav naseleniia i vladenie yazykami* [Ethnic Composition of the Population and Language Proficiency] In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia], edited by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov, 22–61. Moscow: IEA RAN.
- Bublikov, V. V. 2019. *Osobennosti identichnosti russko-ukrainskogo naseleniia prigranichnykh territorii Rossii* [Peculiarities of the identity of the Russian-Ukrainian population in the border territories of Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>
- Chernichenko, D. A. 2013. *Etnoiazykovye protsessy v srede ukrainskogo naseleniia Priural'ia* [Ethno-linguistic processes among the Ukrainian population of the Urals region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorii i filologiya* 3: 99–104.

- Chizhikova, L. N. 1988. *Russko-ukrainskoe pogranich'e* [Russian-Ukrainian border]. Moscow: Nauka.
- Drozdov, K. S. 2016. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 g.* [Ukrainization policy in the Central Chernozem region, 1923–1933]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Evseeva, L. N. 2009. *Rol' iazyka v formirovanii etnicheskoi identichnosti* [The Role of Language in the Formation of Ethnic Identity]. PhD diss. Abstract. Arhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet.
- Fursova, E. F. 2019. *Problemy etnokul'turnoi identichnosti ukrainskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri (v nachale XX i nachale XXI veka)* [Problems of Ethnocultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* 25: 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>
- Gribanova, N. S., I. V. Chernova, N. V. Liulia, and A. S. Svidovskaia. 2017. *Sem'ia i semeinyi byt ukrainskogo sel'skogo naseleniia Zapadnoi Sibiri v kontse XIX–XX veke* [Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia in the late XIX–XX century]. Barnaul: Altajskij Gosudarstvenij Pedagogicheskij Universitet.
- Kabuzan, V. M. 2006. *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniia, 20-e gody XVIII veka — 1989 god: formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [Ukrainians in the world: population and settlement dynamics, 20s of the 18th century — 1989: formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: Nauka.
- Karelina, L. F. 2006. *Spetsifika iazykovoii deiatel'nosti ukrainskoi diaspory v polietnichnom okruzhении v aspekte sotsiolingvističeskoi kontaktologii: na materiale Tiumenskoii oblasti* [Specifics of the linguistic activities of the Ukrainian diaspora in a multi-ethnic environment in the aspect of sociolinguistic contactology: in the Tyumen region]. PhD dissertation abstract. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet.
- Kramarchuk, T. D. 2000. *Ukrainskaia diasporya Respubliki Bashkortostan: istoriia formirovaniia i osobennosti sushchestvovaniia v inoetnicheskoi srede* [The Ukrainian Diaspora in the Republic of Bashkortostan: History of Formation and Peculiarities of Existence in a Different Ethnic Environment]. PhD dissertation abstract. Donetsk.
- Kurske, V. S. 2011. *Mnozhestvennaia etnicheskaia identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev)* [Multiple Ethnic Identities: Theoretical Approaches and Research Methodology (Case Study of Russian Germans)]. PhD dissertation abstract, Moscow State Institute of International Relations.
- Listova, T. A. 2014. *Voronezhskie ukraintsy — russkie khokhly* [Voronezh Ukrainians — Russian Khokhlys]. *Vestnik antropologii* 2(28): 116–139.
- Martynova, M. Yu. 2021. *Vvedenie. Yazykovoie mnogoobrazie Rossii v aspekte federal'noi politiki i regional'nykh initsiativ* [Introduction. Russia's Linguistic Diversity in the Aspect of Federal Policy and Regional Initiatives]. In *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], edited by M. Yu. Martynova, 8–16. Moscow: IEA RAN.
- Moloshchenkov, A. N. 2010. *Pereselenie ukrainsev na Iuzhnyi Ural i problemy ikh etnokul'turnogo razvitiia* [Resettlement of Ukrainians in the Southern Urals and problems of their ethnocultural development]. PhD diss. Abstract. Moscow: Russian State University of Tourism and Service.
- Morzavchenkov, G. A. 2015. *Yazyk kak faktor etnokul'turnoi identichnosti* [Language as a factor of ethno-cultural identity]. PhD dissertation. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
- Oktiabr'skaia, I. V., L. V. Krikau, and E. V. Antropov. 2015. “My ukraintsy, khotia pishemsia russkie...”: etnicheskie protsessy v srede ukrainsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX — nachala XXI veka [“We are Ukrainians, although spelled Russian...”: ethnic processes among

- Ukrainians in the steppe zone of Western Siberia in the 20th and early 21st centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4: 221–227.
- Riabichenko, T. A., N. M. Leedeva, and I. D. Plotka, 2019. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiia i adaptatsiia russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple Identities, Acculturation, and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya* 15 (2): 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Shtein, E. E. 2005. *Formirovanie etnicheskoi samoidentifikatsii u potomkov russko-evreiskikh brakov v sovremennoi Rossii* [The Formation of Ethnic Identity in the Descendants of Russian-Jewish Marriages in Modern Russia]. PhD dissertation abstract. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
- Soldatova, G., and M. Teterina. 2011. Mnogozazychie kak faktor formirovaniia novoi identichnosti i kul'turnogo intellekta [Multilingualism as a factor in the formation of a new identity and cultural intelligence]. *Obrazovatel'naia politika* 2 (52): 58–71.
- Stepanov, V. V. 2018. Etnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenii [Ethnocultural Diversity of Russia and Possibilities of Statistical Measurement]. In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia], edited by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov, 62–89. Moscow: IEA RAN.
- Svidovskaia, A. S. 2020. Yazykovaia situatsiia sredi naseleniia s biethnichnoi russko-ukrainskoi identichnost'iu na yuge Zapadnoi Sibiri [Linguistic Situation among the Population with a Bi-ethnic Russian-Ukrainian Identity in the South of Western Siberia]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* 12 (80): 123–128. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.23>
- Temirgaleev, R. 2017. Ukraintsy Primorskogo kraia v 1897–2010 v demograficheskom razreze ot iadra “zelenogo klina” do assimiliatsii [Ukrainians of Primorsky Krai in 1897–2010 in a demographic cross-section from the core of the “green wedge” to assimilation]. *Demograficheskoe obozrenie* 4 (4): 150–169.
- Tishkov, V. A. 2007. Demograficheskie “golodomory” [Demographic “starvation”]. *Rodina* 7: 84–89.
- Tishkov, V. A. 2021. Obnovlenie kategorii i praktik [Updating the categories and practices]. In *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], edited by M. Yu. Martynova, 18–34. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V. A., and E. F. Kisriev. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdru teorii i politiko (primer Dagestana) [Multiple identities between theory and politics (the case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–115.
- Trofimchuk, A. Yu. 2014. Yazykovoii sdvig i etnicheskaia samoidentifikatsiia (na materiale russko-ukrainskikh govorov Omskoi oblasti) [Linguistic Shift and Ethnic Identification (on the Material of Russian-Ukrainian Dialects in the Omsk Region)]. In *Vstrecha kul'tur v prostranstve Sibiri: nauchnye issledovaniia, memuaristika, khudozhestvennaia kritika* [The Meeting of Cultures in the Space of Siberia: Research, Memoirs, and Art Criticism], edited by N. K. Kozlova, and T. I. Podkorytova, 180–184. Omsk: Poligrafist.
- Vysotskii, V. V. 2012. *Istoricheskaia, sotsial'no-ekonomicheskaia i etnokul'turnaia assimilatsiia ukrainskogo naseleniia Voronezhskoi gubernii: nachalo XIX veka — pervaiia chetvert' XX veka* [Historical, socio-economic and ethnocultural assimilation of the Ukrainian population of Voronezh Province: the beginning of the 19th century — the first quarter of the 20th century]. PhD dissertation. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
- Zav'ialov, A. V. 2017. *Sotsial'naia adaptatsiia ukrainskikh immigrantov* [Social adaptation of Ukrainian migrants]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskij Gosudarstvennij Universitet.

УДК 39+312

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/121-129

Научная статья

© Т. В. Титова, Е. В. Фролова, Е. Г. Гущина

**ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЭТНИЧНОСТЬ
И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СЕМЬЯХ ЖИТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2020 г.)**

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения механизмов формирования ценностных ориентиров, социокультурных и общественных приоритетов, гражданской идентичности в регионах Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в Республике Татарстан в 2020 г. среди жителей городов Республики, состоящих в браке. Цель статьи заключается в анализе актуализированности гражданского, этнического и религиозного аспектов идентичности в семьях жителей Республики и механизмов их формирования. Авторами рассмотрены особенности сложения гражданской, этнической и конфессиональной идентичностей в семьях респондентов. Проанализированы механизмы трансмиссии этнокультурных ценностей. Сделан вывод о том, что для этнически-смешанных семей свойственен более выраженный интерес к передаче детям этнокультурных ценностей народов, к которым принадлежат супруги. В моноэтнических семьях (как татарских, так и русских) декларируется важность передачи этнокультурной информации детям, но эта функция делегируется либо школе и учреждениям дополнительного образования (что в большей степени характерно для русских семей), либо старшим родственникам (в татарских семьях). Показано, что большинство респондентов воспринимает свою гражданскую идентичность как данность и относятся к ней нейтрально, однако скептически относятся к формированию гражданской ответственности государственными институтами в форме патриотического воспитания. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы семейной политики.

Ключевые слова: семья, идентичность, этничность, социализация, гражданская идентичность, религиозность, установки.

Титова Татьяна Алексеевна — д. и. н., профессор, профессор кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, ул. Кремлевская, д. 18). Эл. почта: tatiana.titova@rambler.ru

Фролова Елена Валерьевна — к. и. н., доцент, доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, ул. Кремлевская, д. 18). Эл. почта: elenaieup@mail.ru

Гущина Елена Геннадьевна — к. и. н., доцент кафедры антропологии и этнографии Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, ул. Кремлевская, д. 18). Эл. почта: egguschina@mail.ru

Ссылка при цитировании: *Титова Т. В., Фролова Е. В., Гущина Е. Г.* Гражданская идентичность, этничность и религиозность в семьях жителей Республики Татарстан (По материалам этносоциологического исследования 2020 г.) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 121–129.

UDC 39+312

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/121-129

Original Article

© *Tatiana A. Titova, Elena V. Frolova and Elena G. Gushchina*

NATIONAL IDENTITY, ETHNICITY, AND RELIGIOSITY IN THE FAMILIES OF TATARSTAN (BASED ON THE ETHNO- SOCIOLOGICAL SURVEY OF 2020)

The importance of the article is due to the need to study the mechanisms of value orientations, socio-cultural and social priorities, and national identity in the regions of the Russian Federation. The article is based on the materials of the ethno-sociological study conducted in the Republic of Tatarstan in 2020 among the married city residents. The purpose of the study is to analyze the actualization of the national, ethnic and religious aspects of identity in the families of the Republic and the mechanisms of their formation and transmission between generations. It is concluded that ethnically mixed families are characterized by a more pronounced interest in transferring their ethno-cultural values to their children. Russian and Tatar monoethnic families declare the importance of transmitting ethno-cultural information to children, but this function is delegated either to schools or institutions of additional education (which is more typical for Russian families), or to older relatives (in Tatar families). It is shown that the majority of respondents perceive their national identity as a given and treat it neutrally. However, they are skeptical about the role of state institutions in the development of national identity by patriotic education. The materials of the article may be useful to sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and representatives of governmental structures in charge of family policy issues.

Keywords: *family, identity, ethnicity, socialization, national identity, religiosity, attitudes.*

Authors Info: **Titova, Tatiana A.** — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Kremlevskaya St., 18). E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

Frolova, Elena V. — Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Kremlevskaya St., 18). E-mail: elenaieup@mail.ru

Gushchina, Elena G. — Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Kremlevskaya St., 18). E-mail: egguschina@mail.ru

For citation: Titova, T. A., E. V. Frolova and E. G. Gushchina. 2022. National Identity, Ethnicity, and Religiosity in the Families of Tatarstan (based on the ethno-sociological survey of 2020). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 121–129.

Актуальность анализа процессов формирования гражданской, этнической и религиозной идентичности в семьях Республики Татарстан обусловлена необходимостью комплексного изучения роли современной семьи в трансмиссии этнокультурных и гражданских ценностей в регионах Российской Федерации. Процессы, происходящие в современных семьях, находятся в фокусе внимания представителей различных научных направлений. Демографы исследуют брачно-семейные установки и особенности репродуктивного поведения населения (*Касьянов и др.* 2018). Экономисты анализируют специфику реализации хозяйственной функции в рамках современных семей (*Петрякова* 2012). Психологов интересуют отношения между членами семьи и социально-психологические факторы, их определяющие (*Рогова и др.* 2017). Противоречивость в функционировании и развитии современной семьи изучается социологами (*Иванова* 2010). Антропологов и этнологов занимают как традиционные семейные ценностей различных народов, так и механизмы вертикальной трансмиссии этнокультурных ценностей новым поколениям в рамках института семьи (*Титова и др.* 2018, 2019).

Данная статья подготовлена по результатам исследования 2020 г., проведенного методом глубинных интервью. В нем приняли участие 30 респондентов, 15 мужчин и 15 женщин, проживающих в Республике Татарстан, состоящих в браке и имеющих детей. Приводятся также данные количественного исследования «Социальные установки и ценностные ориентации молодежи Республики Татарстан», которое включало в себя анкетный опрос 1200 молодых респондентов, проживающих в Республике Татарстан.

Результаты исследований подтвердили, что семья традиционно рассматривается в качестве одного из основных механизмов вертикальной трансмиссии этнических и религиозных ценностей. Семье принадлежит ведущая роль в формировании этнического и религиозного аспектов идентичности на микроуровне. Внутрисемейная трансляция культурных ценностей влияет на тип и особенности формирующейся идентичности личности, а результат этнической социализации взаимосвязан со спецификой этого процесса: его интенсивностью, последовательностью, механизмами, методами.

В целом, этническая идентичность как у респондентов-татар, так и у респондентов-русских, принявших участие в исследовании, носит сформированный характер, респонденты четко осознают свою этническую принадлежность. У респондентов-татар (как мужчин, так и женщин) более выражен эмоциональный, аффективный аспект идентичности, для них в большей степени важна психологическая связь с этнической группой, они чаще говорят о том, что испытывают гордость за свой народ, подчеркивая, что такое отношение к собственной этнической принадлежности было заложено в родительской семье. Особенно это касается респондентов старше 40 лет.

«Этническая принадлежность, мне кажется, для каждого человека должна быть значимой. Этническая принадлежность для меня она имеет особое зна-

чение. Сам я татарин, и мне очень нравится моя этническая принадлежность. Я горжусь ею» (муж., татарин, 44 г.) (ПМА 2020).

«Для меня большое значение имеет моя этническая принадлежность: человек должен знать свои корни, свой быт, свою культуру, свои традиции, потому что, зная все это, у человека формируется взгляд на мир, я так думаю. У нас у всех есть какие-то убеждения, мы всегда, когда принимаем какие-то решения, придерживаемся каких-то мерок, взглядов на жизнь. Для меня это важно.

С супругом мы полностью разделяем мнения друг друга. Я думаю, что для него тоже не менее важна эта сфера.

Религия в моей жизни играет тоже немаловажную роль. Я пытаюсь придерживаться религии своей» (жен., татарка, 44 г.) (ПМА 2020).

«Этническая принадлежность для меня очень важна, знаете так как наибольшее влияние на меня было оказано со стороны семьи, моя семья тоже мононациональная и как бы с детства закладывалось, что мне нужно и важно ощущать себя татарин, плюс еще и рожденным в Татарстане» (муж., татарин, 44 г.) (ПМА 2020).

Русские респонденты реже говорят о том, что им читали в детстве народные сказки и получали другую этнокультурную информацию; для них характерно более индифферентное отношение к этнической и религиозной принадлежности:

И: Читали ли Вам детские книги о народной культуре в Вашем детстве?

Р: Только если в школе. И то, не читали, нас заставляли. Очень большое влияние оказало то, что нас именно «заставляли» читать. Не давали возможность самому выбрать, поэтому я не сильно любил такое» (муж., русский, 30 л.) (ПМА 2020).

«Я – русский, жена – тоже русская. Важность национальности? Ну, русские мы и все» (муж., русский, 51 г.) (Материалы полевых исследований авторов 2020).

«Я не считаю, что этническая принадлежность как-то влияет на самого человека, я считаю, что она не сильно важна, потому что она самого человека не определяет. С моей супругой мы во многом похожи, поэтому я считаю, что она придерживается такой же позиции в этом плане» (муж., русский, 31 г.) (ПМА 2020).

«Сейчас получается, что по факту я принадлежу к православной церкви, а на практике даже не верю во все это и дабы избежать такой ситуации и не оскорблять чувства верующих» (муж., русский, 28 л.) (ПМА 2020).

Как видно из приведенных высказываний респондентов, религиозная идентичность также в большей степени актуализирована среди респондентов-татар, хотя

у более молодых респондентов она зачастую в большей степени связана с самоидентификацией и не подкреплена религиозными практиками.

«Для нашей семьи очень важна наша этническая и религиозная принадлежность, т. к. наши предки воспитали в нас достойных людей, и мы соблюдаем наши традиции, и учим детей соблюдать все столпы ислама» (муж, татарин, 31 г.) (ПМА 2020).

«Я отношу себя к исламу, потому что татарин. Но в мечеть я не хожу и не верю в эту структуру. Я ходил в мечеть, чтобы сыну мулла имя дал, но каждую пятницу я не хожу туда» (муж., татарин 31 г.) (ПМА 2020).

Говоря о механизмах формирования этнической идентичности, респонденты отмечают, что их собственная этническая социализация происходила в семье, путем трансляции этнических ценностей от старшего поколения к младшим:

«Читали и сказки на татарском языке, пели колыбельные на татарском языке. В основном этим занималась моя бабушка, которая пропитана этой всей татарской нашей культурой, которая наизусть знает почти все сказки, почти все песни, и что-либо ты у неё спросишь, она на все найдёт ответ, то есть вот так» (муж., татарин, 44 г.) (ПМА 2020).

Вместе с тем, в собственных семьях респондентов этническая и религиозная принадлежность не оказывает существенного влияния на характер внутрисемейных отношений.

Согласно материалам исследования молодежи Республики Татарстан, проведенного в 2020 г., в котором приняли участие группы работающих и учащихся респондентов, в основе брачного выбора, при декларируемых рациональных установках (возраст, образование, статус, интеллект и др.), лежит все же эмоциональная составляющая — любовь. Национальной и религиозной принадлежности при выборе брачного партнера не придается особой значимости (ПМА 2020 Ф. 2) (см. Рис. 1).

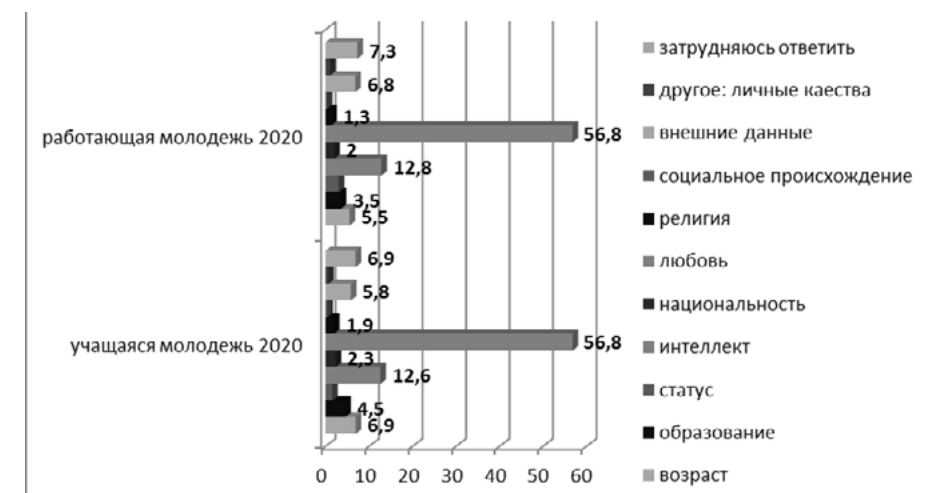

Рис. 1. Что является для Вас определяющим при выборе супруга (супруги)? (%)

Как показало настоящее исследование, респонденты в моноэтнических (татарских или русских) семьях декларируют важность передачи этнокультурной информации детям, но делегируют эти функции либо школе и учреждениям дополнительного образования (что в большей степени характерно для русских семей), либо старшим родственникам (о чем чаще говорят в татарских семьях).

«И: Как планируете приобщать ребенка к своей культуре?»

Р: Я его буду отправлять в деревню на пару недель и там его приобщат ко всему.

Р: В деревнях еще сохранилась настоящая татарская культура и язык» (муж., татарин, 31 г.) (ПМА 2020).

«Да, методов очень много. Это знакомства с культурой, поездки в разные культурные центры и культурные места, какие-то исторические места, которые связаны с культурой нашего народа. Тот же самого Болгар, либо Биляр, либо Иске Казан и тому подобное» (муж., татарин 44 г.) (ПМА 2020).

«Я считаю, что очень важно прививать детям любовь к своей культуре, так как иначе все традиции, культура, передающаяся из поколения в поколение „канут в Лету“. Считаю, что родители могут направить свое дитя, ну, например, путем различных кружков и так далее» (муж., русский, 36 л.) (ПМА 2020).

Для этнически-смешанных семей свойственен более выраженный интерес к изучению и передаче детям этнокультурных ценностей народов, к которым принадлежат супруги. В русско-татарских семьях респонденты отмечают такие черты культурной интеграции, как празднование общих праздников (религиозных мусульманских и православных), желание познакомить детей с культурой татарского и русского народов.

«Я сама стараюсь прививать любовь и к русской культуре, и к татарской. Мы живем в многонациональном регионе, где испокон веков жили рядом разные народы. Раз уж так случилось, что мы интернациональная семья, то мы празднуем татарские и русские праздники. Я старшему ребенку всегда говорю, что по папе ты татарин, но если Пасха, то все принимают активное участие в праздновании. И на мусульманские праздники мы тоже всегда приходим к родственникам мужа» (жен., русская, 31 г.) (ПМА 2020).

«В своей практике, я решила знакомить ребенка с двумя культурами сразу.читаю русские народные и татарские сказки, колыбельные также на русском и татарском. Решили для себя с мужем, что ребенок сам должен выбрать свою принадлежность, мы просто его знакомим, а не навязываем» (жен., татарка, 30 л.) (ПМА 2020).

Вышесказанное характерно и для языковых ориентаций респондентов. Как показало исследование, именно респонденты, состоящие в смешанных русско-татарских браках, выражают большую потребность в изучении детьми татарского языка и предпринимают для этого реальные действия.

«У меня моя мама, она хоть и татарка, но татарский тоже так... Она тоже не пела, она просто не знает татарский. Но сейчас наш ребенок ходит в татарскую группу по татарскому языку. Я считаю, что нужно знать татарский язык, потому что в семье несколько культур, дауэника татарка, прабабушка татарка, мы живем в Татарстане (жен., русская, 32 г.) (ПМА 2020).

Например, моя супруга выбрала в качестве родного языка в школе для нашего ребенка татарский язык, т. к. мы придерживаемся позиции, что также важно передать ей некоторые татарские традиции через обучение языка, так же мы направили ребенка на танцы, где, в том числе, обучают фольклору и танцам народов мира (муж., русский, 36 л.) (ПМА 2020).

Гражданская идентичность, являясь частью социальной идентичности личности, включает когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Согласно результатам исследования, у респондентов сформирован когнитивный аспект гражданской идентичности, они осознают себя гражданами Российской Федерации. Аффективный компонент, то есть чувства, которые респонденты испытывают по отношению к гражданству, варьируются от позитивных до нейтральных.

«В детстве для меня это было совершенно не важно. Так как у меня была цель переехать в другую страну. А после того, как я выучилась за рубежом, я поняла, что сердце мое все-таки принадлежит Российской Федерации. Поэтому я переехала обратно, после того как уже вышла замуж. Естественно, мы решили остаться в России. Поэтому мы сейчас являемся патриотами нашей страны. И мы призываем детей к этому, и считаем, что это правильно (жен., русская, 30 л.) (ПМА 2020).

«Я особой гордости не испытываю. Я даже не говорю, что я россиянин. Для меня важнее, что я татарин» (муж., татарин, 31 г.) (ПМА 2020).

«То, что я ощущаю себя гражданином Российской Федерации — это факт. Но почему я должна какие-то эмоции от этого испытывать не очень понятно. Я родилась гражданкой Российской Федерации, я продолжаю жить на территории Российской Федерации. То есть это для меня — моя жизнь» (жен., русская, 45 л.) (ПМА 2020).

«В принципе быть гражданином Российской Федерации — это своего рода почет. Даже иногда, когда я говорю, что я гражданин Российской Федерации в другой стране, я испытываю гордость» (муж., татарин, 44 г.) (ПМА 2020).

«Если честно, то я люблю страну, в которой я родилась, но сказать, что как-то важно мне ощущать себя гражданином РФ я не могу. Также и про эмоции. Скажем так — нейтрально» (жен., татарка, 30 л.) (ПМА 2020).

Большинство респондентов воспринимает свою гражданскую принадлежность как данность, и относится к ней нейтрально. При этом респонденты скептически

относятся к формированию гражданственности государственными институтами в форме патриотического воспитания:

«Псевдопатриотизм в действии! Да возьмите любой праздник, например, 9 мая. Пилотки, военную форму напяливают все, кому не лень. Из детей ряженных делают. Ну что это? Неужели за такую память мы радеем...» (муж., русский, 53 г.) (ПМА 2020).

Респонденты высказывают мнение, что стабильность института семьи в целом обеспечивается хорошим уровнем жизни и позитивным социальным самочувствием граждан. Характерны высказывания о том, что интересы государства и семьи порой носят противоречивый характер:

«У нас государственные интересы в чём заключаются: сделать побольше танков, пушек, бомб, ракет, самолётов — вот интересы государства. А интересы общества — это хороший дом, хорошая машина, хорошая зарплата, хорошее образование, хорошее здоровье, хороший отдых, хорошее питание. Вот, ну, в разные стороны смотрим. Государство смотрит в сторону войны как-то больше, а у людей другие интересы. Людям охота жить, питаться, одеваться, жить в тёплом доме, в своём» (муж., рус, 35 л.) (ПМА 2020).

Таким образом, приоритетными для успешного функционирования семьи в современном обществе респонденты в первую очередь считают хорошие материальные условия, комфортный психологический фон, обеспечивающие развитие детей и их социализацию. Формирование гражданской идентичности происходит, как правило, вне семьи, но методы, применяемые государственными институтами (в частности, школой) в этом направлении воспринимаются респондентами скептически. Потребность в передаче детям этнических и религиозных ценностей существует и осознаётся респондентами, но большинство предпочитает внесемейные способы передачи этнокультурных ценностей.

Источники и материалы

ПМА 2020 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Описание 1. Интервью с жителями Республики Татарстан, состоящими в браке. Количество: 30 единиц. 2020 год.
ПМА 2020 Ф. 2 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Описание 1. Опрос жителей Республики Татарстан 16–30 лет. Количество: 1200 единиц. 2020 год.

Научная литература

Иванова А. А. Основные проблемы современной семьи // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания, 2010. № 4 (1). С. 17–20.
Касьянов В. В., Манучарян А. К., Самыгин А. С. Российская государственная семейная политика в сфере управления демографическими процессами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2018. № 1. С. 41–44.
Петрякова О. Л. Современная семья в России: социально-экономические проблемы жизнедеятельности // Экономика, статистика и информатика, 2012. № 6(2). 19–23.

Рогова А. М., Иваненков С. П. Культура детско-родительских отношений как предметное поле социальной работы с семьей и детьми // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы, 2017. Т. 28. № 2. С. 77–83.
Титова Т. А., Сайфутдинова Г. Б., Фролова Е. В. Традиционная детская обрядовая культура татар (по материалам исследований в Татарстане) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. Саранск, 2019. Том 19. № 4. С. 372–385.
Титова Т. А., Фролова Е. В., Крот Н. С. Значение брака и семьи в традиционной культуре русского народа // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2. С. 41–43.
Титова Т. А., Фролова Е. В., Козлов В. Е. Отражение традиционной культуры русского крестьянства в нормах обычного права в конце XIX — начале XX в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 2. 2018. С. 42–45.

References:

Ivanova, A. A. 2010. Osnovnye problemy sovremennoi sem'i [The main problems of the modern family]. *Intellektual'nyi potentsial XXI v.: stupeni poznaniia*, 2010. 4(1): 17–20.
Kasyanov, V. V., A. K. Manucharyan, S. I. Samygin 2018. Rossiiskaia gosudarstvennaia semeinaia politika v sfere upravleniia demograficheskimi protsessami [Russian state family policy in the field of demographic processes management]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 1: 41–44.
Petriakova, O. L. 2012. Sovremennaia sem'ia v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie problemy zhiznedeiatel'nosti [Modern family in Russia: socio-economic problems of life]. *Ekonomika, statistika i informatika*. 6(2): 19–23.
Rogova, A. M., S. P. Ivanenkov 2017. Kul'tura detsko-roditel'skikh otnoshenii kak predmetnoe pole sotsial'noi raboty s sem'ei i det'mi [The culture of child-parent relations as a subject field of social work with family and children]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*. 28 (2): 77–83.
Titova, T. A., G. B. Sayfutdinova, Ye. B. Frolova 2019. Traditsionnaia detskaia obriadovaia kul'tura tatar (po materialam issledovaniia v Tatarstane) [Traditional children's ritual culture of Tatars (based on research materials in Tatarstan)]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*. Saransk. 19 (4): 372–385.
Titova, T. A., Ye. B. Frolova, N. S. Krot 2019. Znachenie braka i sem'i v traditsionnoi kul'ture russkogo naroda [The meaning of marriage and family in the traditional culture of the Russian people]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2: 41–43.
Titova, T. A., Ye. B. Frolova, V. Ye. Kozlov 2018. Otrazhenie traditsionnoi kul'tury russkogo krest'ianstva v normakh obychnogo prava v kontse XIX — nachale XX v. [Reflection of the traditional culture of the Russian peasantry in the norms of customary law in the late XIX–early XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2: 42–45.

УДК 314.018(470.344)«2020»

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/130-140

Научная статья

© В. С. Воронцов, А. В. Мартыненко, О. В. Орлова

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ — 2020/21 В РЕГИОНАХ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИИ, УДМУРТИИ)**

В статье анализируются особенности общественного восприятия Всероссийской переписи населения — 2020/2021 на материалах трех субъектов Приволжского федерального округа — Марий Эл, Мордовии, Удмуртии. В основу исследования легли опросы студентов вузов указанных республик, проведенные авторами статьи в 2021 г. Абсолютное большинство респондентов знали о ВПН, хотя сведения, полученные студентами о переписи, оказались не столь обширны (в основном, это данные о датах начала и завершения переписи, а также о возможности лично заполнить переписной лист через электронные Госуслуги). Проявилась низкая осведомленность студентов об изменении методологии учета национальности при переписи населения, в том числе о возможности указания двух национальностей. Данные опросов свидетельствуют о невысоком интересе студенческой молодежи вузов Марий Эл, Мордовии, Удмуртии к переписи. В качестве основных причин такого восприятия переписи молодежью следует указать слабо организованную информационную кампанию, фактор скептического отношения и низкой степени доверия к власти, а также влияние на общественные настроения реалий пандемии коронавируса. В связи с этим следует отметить, что организаторам ВПН необходимо заранее готовить информационно-разъяснительные материалы о переписи населения для разных возрастных групп, используя для этого все разнообразие источников. Кроме того, для информирования молодых людей необходимо шире привлекать лидеров и активистов молодежных общественных организаций (в т. ч. этнокультурной и религиозной направленности), ресурсы социальных сетей и различных сетевых сообществ.

Ключевые слова: Всероссийская перепись населения, опрос, студенты, пандемия, идентичность, язык, национальность.

Воронцов Владимир Степанович — к. и. н., доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН (620108 Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16). Эл. почта: vvorontsov@rambler.ru

Мартыненко Александр Валентинович — д. и. н., профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007 Саранск, ул. Студенческая, 11А). Эл. почта: arkanaddin@mail.ru

Орлова Ольга Викторовна — к. и. н., ведущий научный сотрудник направления «Социология», Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл (424036 Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44). Эл. почта: marsoc_orlova@mail.ru

Ссылка при цитировании: Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В. Общественное восприятие Всероссийской переписи населения — 2020/21 в регионах России (на материалах Марий Эл, Мордовии, Удмуртии) // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 130–140.

UDC 314.018(470.344)«2020»

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/130-140

Original article

© Vladimir Vorontsov, Alexander Martynenko and Olga Orlova

**PUBLIC PERCEPTION OF THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS
OF 2020/21 IN THE REGIONS OF RUSSIA
(THE CASES OF MARI EL, MORDOVIA, UDMURTIA)**

The article analyzes the public perception of the All-Russian Population Census (APC) 2020/2021 based on the materials of three subjects of the Volga Federal District — Mari El, Mordovia, Udmurtia. The study was based on surveys among university students in these republics conducted by the authors in 2021. The vast majority of respondents were aware about the APC, although their knowledge about it was rather limited (mainly the reference dates and the opportunity to personally fill out the census form via electronic public services). In general students were hardly aware of the change in the methodology for recording ethnicity in the census and the possibility to choose two ethnicities. The survey data highlighted the low interest of students from universities in Mari El, Mordovia, and Udmurtia in the census. The main reasons for it include a poorly organized information campaign, young people's skepticism and a low level of trust in the authorities, and the coronavirus pandemic. In this regard, it is recommended that the organizers of the APC prepare in advance information and explanatory materials for different age groups. In addition, to inform young people it is necessary to involve leaders and activists of youth public organizations (including ethno-cultural and religious ones), social networks and various online communities.

Keywords: All-Russian population census (APC), survey, students, pandemic, identity, language, nationality.

Authors Info: **Vorontsov, Vladimir S.** — Ph.D., Docent, Senior Researcher, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620108, Ekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16). E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Martynenko, Alexander V. — Ph.D., Professor, Department of National and Foreign History and Teaching Methods, M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University (430007, Saransk, Studencheskaya st., 11A). E-mail: arkanaddin@mail.ru

Orlova, Olga V. — Ph.D., Leading Researcher in Sociology, V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History under the Government of the Republic of Mari El (424036, Yoshkar-Ola, Krasnoarmeyskaya, 44). E-mail: marsoc_orlova@mail.ru

For Citation: Vorontsov, V. S., A. V. Martynenko and O. V. Orlova. 2022. Public Perception of the All-Russian Population Census 2020/21 in the Regions of Russia (the Cases of Mari El, Mordovia, Udmurtia). *Herald of Anthropology*. 3: 130–140.

Введение

В октябре 2020 г. в России должна была состояться очередная Всероссийская перепись населения (ВПН). Однако, в связи со сложной эпидемиологической ситуацией, Росстат выступил с предложением о её переносе на другой период. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 27 июня 2020 г., основной этап отложенной переписи был запланирован на апрель 2021 года (О внесении 2020). Затем сроки проведения были передвинуты ориентировочно на сентябрь 2021 г., (Минэкономразвития предлагало даты с 23 августа по 30 сентября). Между тем, изначально было известно, что 19 сентября 2021 г., в единый день голосования, в стране пройдут федеральные и региональные выборы. Совмещать их с переписью было, мягко говоря, нецелесообразно. В конечном итоге, основной этап переписи был запланирован, а затем и проведен в период с 15 октября по 14 ноября 2021 г., а в труднодоступных населенных пунктах до 20 декабря 2021 г.

Значение переписи трудно переоценить, и, как справедливо отмечают специалисты, это значение носит многоуровневый, многоаспектный характер: «Нет иного источника и для отражения этнического состава и языковой структуры населения. Без этих знаний невозможно сохранить национальную идентичность, понять национальный состав России. Сведения о численности и составе населения позволят дать прогноз российского рынка труда, определить потребности рынка жилья и общественных зданий, прикинуть потребности в развивающих и обучающих программах и организационных формах непрерывного образования. Перепись покажет образовательную структуру населения, столь значимую для внедрения цифровых технологий в трудовую деятельность и в повседневную жизнь» (Елисеева, Декина 2019: 36–37).

Помимо указанного выше, перепись позволяет составить глубокое и адекватное представление о сложном сочетании и взаимном переплетении идентичностей, распространенных в сегодняшнем российском социуме. Данные идентичности определяются тем, что этнолог М. Ю. Мартынова формулирует как «символические маркеры и конкретные ценности»: «Ценности и символы, — пишет она, — имеют историческую, культурную, политическую и нравственно-эмоциональную составляющую. Они передаются через историческую память, формируются на основе массовых восприятий и представлений и через элитные предписания, утверждаются социальными институтами, политическими силами, государственными структурами, образовательными и медийными сообществами. Репертуар и механизмы формирования ценностей обладают своей динамикой и пространственными, этническими, религиозными различиями, а также методами воздействия через системы коммуникации, индоктринации и рекрутирования. Вопрос о ценностях и символах составляет основу разных коллективных идентичностей: общенациональной (русской), этнической и конфессиональной, местно-региональной» (Мартынова 2021: 8).

Отметим также, что материалы переписей населения важны не только для статистической службы и исследователей, их активно используют политики, представители масс-медиа, общественники, этнические активисты. Поэтому так важно

не только охватить по максимуму все наличное население страны, но и получить качественную, достоверную информацию (Воронцов 2020: 94).

В ноябре — декабре 2021 г., по заданию Института этнологии и антропологии РАН, в ряде субъектов Российской Федерации, в том числе в трех республиках Приволжского Федерального округа — Марий Эл, Мордовия, Удмуртия — был проведен социологический опрос студенческой молодежи, организаторами которого выступили авторы данной статьи. Отметим, что, при специфике каждого из регионов, у них есть общая особенность: «Во всех трех республиках в 1990–2010-х гг. сформировалась своеобразная модель успешного взаимодействия и социального партнерства между, с одной стороны, этнокультурными движениями и организациями и, с другой стороны, структурами государственной власти. Данное сотрудничество во многом способствует этнополитической стабильности в современных Марий Эл, Мордовии и Удмуртии, поэтому может служить примером для других, особенно проблемных в этом отношении российских регионов» (Воронцов, Мартыненко, Орлова 2021: 5).

Целью указанного исследования было выявление мнения студенческой молодежи о переписи населения в условиях пандемии коронавируса, а также связанных с переписью вопросов о языках и состоянии межэтнических и миграционных отношений. Обращение к изучению студенчества объясняется общественной значимостью этой социально-демографической группы, как наиболее организованной и образованной части молодежи, кадрового резерва общества, обладающего значительным инновационным потенциалом.

Социологический опрос был проведен по разработанной схеме многоступенчатой выборки: вуз — факультет (институт) — курс (группа). Методика процедуры опроса респондентов была следующей: в выбранной учебной группе опрашивались все студенты путем заполнения каждым стандартной анкеты. Студенты были ограждены от какого-либо давления со стороны преподавателей или администрации факультетов (вузов), им также не разрешалось предварительно обсуждать свои ответы на пункты анкеты. Организация и проведение социологического опроса осуществлялась только преподавателями и научными сотрудниками.

В каждом из указанных регионов было опрошено по 300 респондентов. В Марий Эл это были студенты Поволжского государственного технологического университета и Марийского государственного университета, в Мордовии — студенты Национального исследовательского Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического университета, в Удмуртии — студенты Удмуртского государственного университета, Ижевского государственного технического университета, Ижевской государственной медицинской академии и Международного Восточно-Европейского университета.

Анализ материалов опросов

Молодым людям было предложено ответить на вопрос о том, что они знают о только что прошедшей переписи населения и из каких источников они эту информацию получили. Причем, в начале анкеты респондентов сознательно не спрашивали участвовали ли они сами в переписи.

По признанию абсолютного большинства опрошенных, до них дошла информация о ВПН. Не знали о переписи всего 4% в Удмуртии, 3% в Мордовии и менее 1%

в Марий Эл. Затруднились ответить по 2% в Мордовии и Удмуртии (в Марий Эл таких респондентов не было).

Рейтинг источников о переписи населения выглядит следующим образом. *Друзья и знакомые*: 47% в Марий Эл, 46% в Удмуртии, 38% в Мордовии. *Телевидение, радио, газеты*: 70% в Мордовии, 51% в Марий Эл, 45% в Удмуртии. *Наружная реклама, объявления в общественных местах*: 44% в Мордовии, 39% в Марий Эл, 36% в Удмуртии. *Социальные сети*: 31% в Мордовии, 30% в Удмуртии, 27% в Марий Эл. Причем упоминались ВКонтакте (чаще всего), Инстаграм, Телеграм, Одноклассники и даже Тик Ток. *Официальные Интернет-сайты органов власти*: 48% в Мордовии, 29% в Марий Эл, 26% в Удмуртии. *Интернет-ресурсы общественных организаций*: 35% в Марий Эл, 34% в Мордовии, 26% в Удмуртии. Обращает на себя внимание то, что глобальная сеть стала для студентов чрезвычайно важным источником информации о ВПН-21, что, впрочем, представляется закономерным в условиях безраздельного господства Интернета в умах и сфере интересов молодежи. В качестве источников были упомянуты также портал Госуслуги, учебное заведение, семья. Небольшая часть студентов во всех трех республиках сами работали переписчиками, поэтому знали о переписи не понаслышке.

С другой стороны, независимо от информационных источников, сведения, полученные студентами о переписи, не столь обширны. Так, значительное число респондентов указали, что они знают о дате начала переписи (65% в Мордовии, 37% в Марий Эл, 34% в Удмуртии), дате завершения переписи (60% в Мордовии, 32% в Марий Эл, 31% в Удмуртии), а также о возможности лично заполнить переписной лист через электронные госуслуги (73% в Марий Эл, 65% в Мордовии, 62% в Удмуртии).

О свободном, без каких-либо списков, указании собственной национальности знали по 28% в Мордовии и в Удмуртии, 19% в Марий Эл. О возможности указать более одного своего родного языка — 29% в Удмуртии, 24% в Марий Эл, 21% в Мордовии. О возможности указать более одной своей национальности — 16% в Мордовии, 15% в Удмуртии, 11% в Марий Эл. Эти данные позволяют согласиться с выводами исследователей В. В. Бубликова и А. А. Ткачёва о том, что налицо «крайне низкая осведомленность жителей об изменении методологии учета национальности при переписи населения, возможности указания двух национальностей. Перепись 2021 года, — подытоживают указанные авторы, — в принципе не вызвала интереса населения, информации о ней было немного, а методологическим аспектам фиксации национальности и русского языка в СМИ практически вообще не уделялось внимания» (Бубликов, Ткачёв 2022: 101).

Этнолог В. А. Тишков, анализируя в середине 2000-х гг. итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, подчеркивал важный и одновременно достаточно проблемный характер указания респондентами их владения двумя и более языками: «Отсутствие уточняющего определения «языки народов Российской Федерации» позволяет довольно большому числу жителей, особенно молодым россиянам, указать владение так называемыми иностранными языками, то есть языками других стран... Вопрос о владении «иными языками», как бы он не воспринимался эмоционально-идеологизированной публикой, впервые позволяет собрать данные о владении языком, который совпадает с национальностью опрашиваемого. Только на этих данных можно строить анализ сохранения или утраты языков, а также распространения двуязычия и многоязычия» (Тишков 2005: 320).

В рамках анализируемого опроса студентам было предложено оценить привлекательность двух рисунков, используемых на портале Госуслуг в качестве приглашения для участия в переписи (по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 — очень плохо, 5 — отлично). В итоге респонденты оценили первый рисунок («Почтовый голубь») на 3,6 балла в Мордовии, по 3,2 балла в Марий Эл и Удмуртии. Второй рисунок («Обсуждающие люди») — 3,8 балла в Мордовии, по 3,6 баллов в Марий Эл и Удмуртии.

Текстовые комментарии можно разделить на три вида.

Во-первых, это положительные, позитивные комментарии: «Все рисунки привлекают внимание» (Мордовия). «Креативно, лаконично» (Удмуртия). «Крутые картины» (Удмуртия). «Птичка классная!» (Мордовия). «Красиво» (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия). «Отлично» (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия), «Забавно, прикольно» (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия).

Во-вторых, это нейтральные комментарии, без ярко выраженной положительной или, напротив, негативной окраски: «Нормально» (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия). «Пойдет» (Удмуртия). «Приемлемо» (Марий Эл). «Нейтрально» (Марий Эл). «Минималистично» (Марий Эл). «Средне» (Марий Эл).

В-третьих, это негативные, разраженные, язвительные и недоуменные комментарии: «Хочется ассоциировать лицо приходящего за переписью с живым человеком, а не птицей» (Удмуртия), «Птичка страшенькая немного» (Мордовия). «Рисунки не передают смысл слова „Перепись“» (Удмуртия). «Недостаточно деталей и интересных особенностей. Отсутствуют выраженный стиль и любовь» (Мордовия). «Бездарность художника, создававшего иллюстрации» (Удмуртия). «Рисунки не эстетичны» (Мордовия). «Слишком детские/наивные» (Марий Эл, Мордовия). «Хотелось бы ярче» (Мордовия). «Старомодно» (Марий Эл). «Скучные» (Марий Эл, Удмуртия). «Примитивно» (Мордовия, Удмуртия). «Странненько» (Удмуртия). «Банально» (Марий Эл), «Глупо» (Мордовия). «Не привлекает» (Мордовия).

Также респондентам нужно было по аналогичной шкале оценить убедительность трех предложенных для участия в переписи лозунгов. Отметим, что все три лозунга оценены студентами не очень высоко.

Так, лозунг «Перепись — важный вклад в будущее страны» получил 3,5 балла в Мордовии, 3,1 балла в Марий Эл, 3 балла в Удмуртии. Лозунг «Перепись — важный вклад в сегодняшнюю жизнь страны» — 3,5 балла в Мордовии, 2,9 балла в Марий Эл, 2,8 балла в Удмуртии. Лозунг «Перепись важна для улучшения жизни каждого человека» — 3,4 балла в Мордовии, 2,9 балла в Марий Эл, 2,7 балла в Удмуртии. Приведем типичные комментарии респондентов: «Все варианты не нравятся» (Мордовия). «Все лозунги лживы» (Мордовия). «Важный вклад в налоги (здесь имеется в виду, что ВПН ляжет налоговым бременем на население — авторы статьи)» (Мордовия). И даже: «Это рабство» (Мордовия) и «Эту страну ничего не спасет» (Удмуртия). В Марий Эл респонденты даже не удостоили эти лозунги ни одним комментарием. Правда, один респондент из Удмуртии предложил свой вариант лозунга: «Перепись — большой шаг к лучшей жизни каждого человека».

Как известно, в переписном листе граждане указывают некоторые личные сведения. Исходя из этого, респондентов попросили указать те из них, которые отражают их личность. Чаще всего среди таких сведений студенты указывали на возраст (56% в Удмуртии, 51% в Марий Эл, 49% в Мордовии) и образование (по 51% в Марий Эл и Удмуртии, 45% в Мордовии), важными для них являются национальность (47%

в Удмуртии, 44% в Мордовии, 31% в Марий Эл), пол (48% в Марий Эл, по 47% в Мордовии и Удмуртии) и родной язык (45% в Удмуртии, 31% в Марий Эл, 30% в Мордовии), близко по значимости находится и гражданство (46% в Мордовии, 41% в Марий Эл, 38% в Удмуртии). Менее весомыми для молодых людей оказались: знание других языков (32% в Удмуртии, 30% в Марий Эл, 21% в Мордовии), место проживания (33% в Мордовии, 31% в Удмуртии, 29% в Марий Эл), место рождения (39% в Мордовии, 33% в Марий Эл, 30% в Удмуртии) и семейное положение (30% в Удмуртии, 29% в Марий Эл, 23% в Мордовии). Небольшая часть опрошенных (10% в Мордовии, 8% в Удмуртии, 7% в Марий Эл) посчитала, что никакие из указанных в переписных листах данные не характеризуют их как личность, и также небольшая часть респондентов затруднилась ответить (9% в Мордовии, 8% в Удмуртии, 6% в Марий Эл).

Выше уже отмечалось, что опрос проводился сразу после завершения основного (полевого) этапа переписи, поэтому для респондентов не должно было составить труда вспомнить, каким способом они переписались. Однако определенные трудности все-таки возникли.

В ходе переписной кампании по самооценке были переписаны 90% респондентов в Мордовии, 83% в Марий Эл, 72% в Удмуртии. Традиционно в месте проживания переписным работником были переписаны 35% в Удмуртии, 34% в Марий Эл и только 1% в Мордовии. Такая значительная разница объясняется тем, что студенты вузов Мордовии в организованном порядке прошли процедуру переписи через портал госуслуг (84%). В Марий Эл данной услугой воспользовались 47% опрошенных, в Удмуртии — 20%. Родственники переписали 14% респондентов в Удмуртии, 3% в Мордовии, 1% в Марий Эл; при этом респонденты, как правило, затруднялись ответить, каким способом. Непопулярными для студентов были переписные участки (3% в Удмуртии и ни одного респондента в Марий Эл и Мордовии) и перепись по телефону (2% в Мордовии и по 1% в Марий Эл и Удмуртии). Довольно большая часть студенческой молодежи заявила, что не принимала участия в переписи (22% в Удмуртии, 17% в Марий Эл, 10% в Мордовии), к этой группе можно добавить и 6% в Удмуртии, затруднившихся с ответом (в Марий Эл и Мордовии таких респондентов не было).

Далее респондентов попросили оценить две пары суждений о переписи, дискутируемые в средствах массовой информации и социальных сетях.

Смысл первых двух высказываний заключался в том, кому нужна перепись — только государству или она полезна и для граждан? Мнения студентов по данному вопросу разделились следующим образом. Вариант «населению перепись не нужна, перепись нужна государству» выбрали 47% респондентов в Марий Эл, 44% в Удмуртии, 37% в Мордовии. Соответственно, 44% опрошенных в Мордовии, 33% в Удмуртии и 31% в Марий Эл считают, что «перепись нужна каждому, это способ говорить с государством». Затруднились с ответом 21% в Удмуртии, 20% в Марий Эл, 19% в Мордовии. Несколько человек предложило свои ответы: «перепись нужна каждому, чтобы говорить друг с другом» (Удмуртия), «первый и второй вариант верны» (Марий Эл, Удмуртия), «перепись нужна и государству, и населению по отдельности» (Удмуртия), «мне безразлично» (Мордовия).

Антитеза второй пары суждений состояла в том, нужна ли перепись населения как уникальная база данных или не нужна, так как подобного рода сведения можно

получить из других источников. В этом случае мнение респондентов хотя и разделилось, но оказалось более консолидированным. Более половины опрошенных (51%) в Удмуртии, половина респондентов в Марий Эл и чуть менее половины (46%) участников опроса в Мордовии поддержали вариант «перепись нужна, в ней есть уникальные сведения». Мнения, согласно которому «перепись не нужна, все сведения уже есть в других источниках», придерживаются 35% в Мордовии, 27% в Марий Эл, 24% в Удмуртии. Затруднилось с ответом 23% в Удмуртии, 20% в Марий Эл, 19% в Мордовии.

В следующем вопросе выяснялось, какие из обсуждаемых в обществе тем о переписи могли бы заинтересовать студенческую аудиторию. Подавляющее большинство респондентов (87% в Мордовии, 86% в Марий Эл, 85% в Удмуртии) в той или иной мере могли бы заинтересовать публичные дискуссии в регионе в связи с переписью. Более всего студентов волнует тема о сохранности персональных данных (50% опрошенных в Удмуртии, по 46% в Марий Эл и Мордовии), вторая по важности тема связана с возможным появлением мошенников под видом переписчиков (38% в Удмуртии, 33% в Мордовии, 29% в Марий Эл), третья — о качестве результатов переписи (42% в Мордовии, 37% в Марий Эл, 34% в Удмуртии). Меньший интерес у респондентов вызвали темы допуска переписчиков к себе домой (31% в Удмуртии, 30% в Мордовии, 27% в Марий Эл), государственных затрат на перепись (30% в Удмуртии, 26% в Марий Эл, 22% в Мордовии), личных доходов, о чём якобы нужно сообщать в ходе переписи (29% в Удмуртии, 24% в Мордовии, 22% в Марий Эл), национальности (29% в Мордовии, 24% в Удмуртии, 14% в Марий Эл), дискуссий о целесообразности переписи (по 23% в Мордовии и Удмуртии, 20% в Марий Эл), желаний участвовать или не участвовать в переписи (31% в Мордовии, 23% в Марий Эл, 22% в Удмуртии), родных языков (28% в Мордовии, 21% в Удмуртии, 12% в Марий Эл). Меньше всего молодых людей интересуют вопросы о фактическом месте проживания и прописке по паспорту (21% в Мордовии, 12% в Удмуртии, 11% в Марий Эл) и о личном заполнении переписных листов на портале госуслуг (17% в Мордовии, 15% в Марий Эл, 11% в Удмуртии).

По признанию подавляющего большинства респондентов (84% в Мордовии, 82% в Марий Эл, 76% в Удмуртии), они указали переписчикам фактический адрес, т. е. адрес, где действительно проживают. Иной адрес назвали 12% в Мордовии, 10% в Удмуртии и 6% в Марий Эл. Кроме того, 13% в Удмуртии, 4% в Мордовии и 3% в Марий Эл затруднились ответить: скорее всего, их переписали родственники.

Респондентов спросили, были ли заданы им вопросы о национальности и родном языке, когда их переписывали. Утвердительный ответ дали 89% участвовавших в переписи респондентов в Мордовии и, соответственно, 80% в Марий Эл, 67,5% в Удмуртии. На то, что эти вопросы не задавались, указали 9% в Удмуртии, 4,5% в Мордовии, 2% в Марий Эл. Затруднилась ответить довольно большая часть студентов в Удмуртии (23%) и гораздо меньшая часть в Мордовии и Марий Эл — 7% и 1% соответственно.

Студентов также попросили уточнить, правильно ли была внесена в переписной лист их национальность. Подавляющее большинство опрошенных уверены в правильности внесения их национальности в переписной лист: 89% в Мордовии, 81% в Марий Эл, 73% в Удмуртии. Незначительная часть респондентов посчитала, что их национальность указана не правильно или не вполне правильно: 3% в Удмуртии 2%

в Мордовии и только один респондент в Марий Эл. Как и при ответе на предыдущий вопрос, заметная доля студентов Удмуртии затруднилась ответить (23%). Возможно, в группу затруднившихся вошли не только респонденты, которых переписали родственники, но и какая-то часть тех, кто заявил о своем участии в переписи, но на самом деле в ней не участвовал. В Мордовии и Марий Эл затруднившихся ответить на этот вопрос гораздо меньше — 9% и 1% соответственно.

Следующий вопрос был посвящен новациям, которые использовались во время переписи населения. Речь идет о праве гражданина указывать сложную национальность (более одной) и более одного родного языка. Положительно такую возможность оценили половина респондентов Удмуртии, 40% в Мордовии, 30% в Марий Эл. Нейтральное отношение высказали 58% в Марий Эл, по 37% в Мордовии и Удмуртии. Отрицательно отнеслись к этим новациям 17% в Мордовии, 8% в Удмуртии, 6% в Марий Эл. Затруднились ответить 6% в Мордовии и по 5% в Марий Эл и Удмуртии.

Заключение

В целом, данные проанализированных выше опросов свидетельствуют о невысоком интересе студенческой молодежи вузов Марий Эл, Мордовии, Удмуртии к Всероссийской переписи населения 2020/21. Это при том, что речь идет об одной из самых организованных и образованных групп молодежи. Причины столь низкого участия студенчества в ВПН кроются в слабой информационной кампании одного из важнейших государственных мероприятий. Здесь еще необходимо добавить фактор скептического отношения и низкой степени доверия к власти: не случайно значительная часть молодежи указала на то, что населению перепись не нужна, перепись нужна государству. В связи с этим следует отметить, что организаторам ВПН необходимо заранее готовить информационно-разъяснительные материалы о переписи населения для разных возрастных групп, используя для этого все разнообразие источников (электронные и печатные СМИ, телевидение и радио, интернет, социальные сети, визуальную рекламу на билбордах, в транспорте, торгово-развлекательных центрах, подъездах жилых домов и др.). Кроме того, для информирования молодых людей необходимо шире привлекать лидеров и активистов молодежных/студенческих общественных организаций (в т. ч. этнокультурной и религиозной направленности), ресурсы социальных сетей и различных сетевых сообществ.

В немалой степени популяризации ВПН призван способствовать ее новый цифровой формат, предоставленная возможность пройти процедуру переписи в онлайн режиме, на портале «Государственные услуги». В частности, в вузах Мордовии абсолютное большинство студенчества и преподавательского корпуса прошли перепись именно в данном формате¹, который удобен и перспективен, и, очевидно, будет преобладать при следующей переписи. То есть вполне уместным представляется популяризация идеи переписи через «гаджеты», через ее технологическое удобство, в том числе для молодежи.

Негативную роль на ход переписи оказала пандемия коронавируса и неоднократный перенос сроков проведения переписи. В конечном итоге, перепись была проведена в один из самых сложных и напряженных пандемийных периодов. Страхи

¹ Как показывают данные опросов, в отличие от Мордовии, в Марий Эл и Удмуртии не имела места ситуация массового использования студентами портала госуслуг при ВПН.

населения, вызванные коронавирусной инфекцией, ростом заболеваемости и смертности, способствовали нежеланию части населения участвовать в переписи, в том числе контактировать с переписными работниками.

В какой-то мере снизилось и доверие граждан к органам власти, возникли опасения, что их личные данные будут использованы не по назначению, попадут к мошенникам, которые используют их в своих корыстных целях.

Изначально недостаточное финансирование переписи населения (32 млрд. руб.) привело к экономии на информационную кампанию, программное обеспечение, заработную плату, средства индивидуальной защиты и др. Свою роль сыграли запоздалость старта информационной кампании, недостаточное использование различных информационных каналов, скудость информации, отсутствие подробностей о переписи, малодоступность информации о переписи в сельской местности. В регионах были допущены ошибки: недостаточно был подготовлен резерв переписных работников в условиях пандемии коронавируса, в городах не был обеспечен доступ в подъезды многоквартирных домов, на бейджах переписчиков отсутствовали фотографии, и др. Остается надеяться, что вышеназванные недочеты и недоработки не окажут серьезного влияния на качество собранной информации. Необходимо также провести всесторонний анализ всех этапов прошедшей переписной кампании, с целью дальнейшего совершенствования механизмов проведения Всероссийской переписи населения в будущем.

Источники и материалы

Постановление Правительства РФ 2020 — Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2020 г. № 943 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу переноса срока проведения Всероссийской переписи населения 2020 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 4 ноября 2017 г. № 2444-р» URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Postanovlenie-27062020.pdf>

Научная литература

- Бубликов В. В., Ткачёв А. А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–107.
- Воронцов В. С. Переписи населения как источник этнических и языковых характеристик населения // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 93–98.
- Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация: монография. Йошкар-Ола: б/и, 2021. 292 с.
- Елисеева И. И., Декина М. П. Приближается перепись населения: всероссийская инновационная ВВП-2020 // Инновации. 2019. № 10(252). С. 36–41.
- Мартынова М. Ю. (Отв. ред.). Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. 620 с.
- Тишков В. А. Этнология и политика. Москва: Наука, 2005. 383 с.

References

- Bublikov, V. V., A. A. Tkachov. 2022. Naseleniye s mnozhestvennoy etnichnost'yu (natsional'nost'yu) i prognoz yego fiksatsii v khode Vserossiyskoy perepisi naseleniya [Population with

- multiple ethnicity (nationality) and the forecast of its recording in the course of the All-Russian population census]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* 8/1: 95–107.
- Eliseeva, I. I., M. P. Dekina. 2019. Priblizhayetsya perepis' naseleniya: vserossiyskaya innovatsionnaya Vserossiyskaya Perpis' Naseleniya 2020 [The population census is approaching: All-Russian innovative All-Russian Population Census 2020]. *Innovatsii* 10(252): 36–41.
- Martynova, M. Yu. (ed.). 2021. *Yazyk i identichnost': antropologicheskoye issledovaniye situatsii v Rossii*. 2021. [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN.
- Tishkov V. A. 2005. *Etnologiya i politika* [Ethnology and politics]. Moscow: Nauka.
- Vorontsov, V. S. 2020. Perepisi naseleniya kak istochnik etnicheskikh i yazykovykh kharakteristik naseleniya [Population censuses as a source of ethnic and linguistic characteristics of the population]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе narodov Uralo-Povolzh'ya* 2(9): 93–98.
- Vorontsov, V. S., A. V. Martynenko and O. V. Orlova. 2021. *Mariy El, Mordoviya, Udmurtiya: sovremennaya etnokonfessionalnaya situatsiya* [Mari El, Mordovia, Udmurtia: modern ethno-confessional situation: monograph]. Yoshkar-Ola.

УДК 314.018(470.344)«2020»

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/141-157

Научная статья

© И. И. Бойко

ЭТНОГРАФИЯ ПЕРЕПИСИ 2020 Г. В ЧУВАШИИ: НАБЛЮДЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСЧИКОВ

В статье представлены материалы о некоторых проблемах подготовки и проведения переписи населения в Чувашской Республике. Источниковой базой послужили наблюдения семи переписчиков, четверо из которых работали в Чебоксарах и трое — в сельских населенных пунктах. При общем положительном или нейтральном отношении к переписи населения зафиксированы достаточно многочисленные случаи ее негативного восприятия, откровенные отказы от участия в важном государственном мероприятии. Основное внимание переписчиками было уделено особенностям ответов различных групп населения на вопросы о языках и национальной принадлежности. По полученным данным, на городских участках сравнительно с переписью 2010 г. зафиксирована более высокая доля русских и меньшая — чувашей. В отличие от ряда социологических опросов выявлена менее заметная доля лиц со сложной этнической и языковой идентичностью. По мнению переписчиков, подобная самоидентификация была для многих граждан понятной, но непривычной, и они чаще выбирали одну этническую принадлежность и один родной язык, считая такой выбор соответствующим неким правилам и определенным традициям.

Ключевые слова: переписи населения, отношение к переписи, эпидемиологическая ситуация, этническая и языковая идентификация, культурная сложность

Ссылка при цитировании: Бойко И. И. Этнография переписи 2020 г. в Чувашии: Наблюдения и материалы переписчиков // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 141–157.

UDC 314.018(470.344)«2020»
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/141-157
Original Article

© *Ivan I. Boyko*

ETHNOGRAPHY OF THE 2020 CENSUS IN CHUVASHIA: CENSUS TAKERS' OBSERVATIONS

The article describes some problems of preparing and conducting the population census in the Chuvash Republic. It is based on the observations of seven census takers, four of whom worked in Cheboksary and three in rural settlements. Along with a generally positive or neutral attitude to the population census, there were quite numerous cases of negative perception and outright refusals to participate in this important state event. The census takers paid special attention to the responses of various population groups to the questions about languages and nationality. According to the census data, there is a higher share of Russians and a smaller share of the Chuvash in urban areas compared to the 2010 census. In contrast to a number of sociological surveys, a less significant share of people with complex ethnic and linguistic identity was revealed. According to the census takers, many citizens found such complex self-identification understandable, but unusual, and usually tended to choose single ethnicity and single native language. Such a choice seemed to correspond to certain rules and traditions of the society.

Keywords: *population census, attitude to the census, epidemiological situation, ethnic and linguistic identification, cultural complexity*

Authors Info: **Boyko Ivan I.** — Doctor of History, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: boyko2003@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>

For citation: Boyko, I. I. 2022. Ethnography of the 2020 Census in Chuvashia: Census Takers' Observations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 141–157.

Проблемы подготовки переписи населения

Всероссийская перепись населения 2020 г. в первоначально назначенные сроки не была проведена. По причине пандемии коронавируса, а также предвыборной кампании по избранию депутатов Госдумы России, ее сроки неоднократно корректировались: с октября 2020 г. на апрель 2021 г., на сентябрь 2021 г. затем на октябрь 2021 г. и, в конце концов, на октябрь-ноябрь 2021 г. Безусловно, эти обстоятельства сыграли свою роль в восприятии переписи населением. В то же время следует отметить, что в Чувашии вопросы ее организации решались хотя и в напряженном режиме, но штатно. Руководство Чувашстата достаточно давно трудится на своих постах и не в первый раз организует квалифицированное проведение различных обследований, в том числе таких масштабных, как переписи.

Активность властных органов республики, национально-культурных объединений по привлечению лиц различных национальностей к участию в переписи и фиксации в ее ходе «своей» этнической принадлежности была невысокой. Их агитационная деятельность была заметно ниже, сравнительно с переписными кампаниями как 2002 (*Тишков* ред. 2003: 522–523), так и 2010 г. (*Степанов* ред. 2011: 284–286)¹. Среди мордовского населения республики распространялся небольшой красочный буклет, издателями которого были обозначены Минкультуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и «Поволжский центр культур финно-угорских народов». В буклете были изображены схемы, рисунки, лозунги, среди которых, например: «Мой выбор — Мой народ!», «Задумайся о дальнейшей судьбе своего народа!» Читателя призывали не забыть ответить на вопрос о национальной принадлежности, в небольшом прямоугольнике под текстом «Вопрос № 16» было написано: «мордвин-мокша» и «мордвин-эрзя». Активно в ходе переписи в этом направлении работал Мордовский культурный центр Чувашии.

Конечно, переносы переписи, отказы от участия в ней ряда переписчиков, их болезни и др. повлияли на некоторые организационные моменты, но в целом с этой стороны все было преодолимо. В Чувашии работали свыше 2 тыс. переписчиков, на каждого в среднем было распределено по 550 человек. С 29 сентября по 1 октября 2021 г. уполномоченные по вопросам переписи проводили обучение контролеров полевого уровня. В дальнейшем проходило обучение переписчиков, которое включало обучающие инструктажи, в том числе в форме видеофильмов, и тестирование. В каждом муниципальном образовании республики работали представители волонтерского корпуса, которых насчитывалось почти 280 человек. Они трудились на базе 30 республиканских многофункциональных центров. В их задачу входило информирование граждан по всем вопросам организации и проведении переписи, в том числе о возможности пройти ее в цифровом формате. Как оказалось, этот способ рассказать о себе оказался в республике весьма популярным. Порталом Госуслуг воспользовались около 20% участников переписи. Чувашия по этому показателю оказалась на втором месте среди регионов ПФО и на 11-м — в России. Чаще всего такую возможность предпочитали жители Чебоксар (34%), Новочебоксарска (23%) и Яльчикского района (21%). (Перепись состоялась). Сразу же следует отметить, что электронная перепись создала и некоторые неудобства для граждан, поскольку QR-код, который приходил в личный кабинет после передачи своих данных, следовало показать переписчику, или на переписном участке, иначе данные как бы еще не засчитывались. С этой точки зрения, как и в других регионах, необходимо было определенное время для уточнения данных. Часть жителей региона прошла перепись на одном из 370 переписных стационарных участков, но основная часть нагрузки

¹ С достаточно дежурными словами в СМИ, в т. ч. на канале республиканского телевидения обратился к населению республики Глава Чувашии О. А. Николаев, который призвал граждан к участию в переписи и отметил, что в ее ходе выяснится численность чувашей и что не надо забывать свою историю (*Николаев* 2021). Более направленным было обращение президента Чувашского национального конгресса Н. Ф. Угаслова, размещенного 6 октября на официальном сайте этой общественной организации. Он призвал соотечественников реализовать возможность самоопределения по вопросу о национальной принадлежности и родном языке. Президент ЧНК отметил также, что не следует стесняться указывать свою национальность (*Угаслов* 2021).

по непосредственному учету граждан в ходе переписи легла на переписчиков. За месяц работы они обошли свыше 660 тысяч домохозяйств, из которых около 3% оказались пустующими и нежилыми помещениями. (Перепись состоялась). Перепись проходила в условиях пандемии, и переписному персоналу грозила опасность заражения. Такие случаи зафиксированы, на смену выбывшим привлекались переписчики из резерва¹. Были подозрения на возможные действия мошенников, которые могли прикрываться переписью населения².

Наблюдения переписчиков

За несколько дней до начала переписи автором была заключена договоренность с семьей переписчиками, четверо из которых работали в Чебоксарах, а трое — на сельских участках в двух районах республики. Им было предложено фиксировать различные организационные и содержательные особенности переписного процесса, прежде всего относящиеся к вопросам о национальности и языках. Были разработаны схемы таблиц по различному сочетанию этих показателей, которые должны были заполняться по мере накопления материалов. В столице республики этими переписчиками были студенты Чувашского госуниверситета, в сельской местности — работники различных районных учреждений. Предварительно все они, за исключением одного человека, прошли обучение по описанной выше схеме, а затем более детальный инструктаж — с контролерами полевого уровня. Один из переписчиков был «мобилизован» из резерва за день до переписи, заменив человека, запланированного на это место, но неожиданно отказавшегося от работы перед самым ее началом. Но, по словам девушки — студентки университета, ей повезло с контролером полевого уровня, который в первые дни переписи ходил с ней по адресам, помогал решать возникавшие вопросы. С точки зрения технической оснащенности сложностей не было, планшеты у всех семи переписчиков работали без сбоев. Ими были опрошены 2882 человека, в том числе 1246 — в Чебоксарах и 1636 — на селе. На каждого пришлось неодинаковое число опрошенных граждан: в сельской местности 476, 544 и 616 человек, в Чебоксарах — 260, 294, 319 и 373 человека. Заметную разницу определила неодинаковая численность жителей Чебоксар и сел, передававших сведения о себе через портал Госуслуг. Доля таких лиц колебалась от 6 до 11% в сельской местности, и от 16 до 31% — на чебоксарских участках. У всех переписчиков часть жителей на участках не была учтена по различным причинам. Некоторые не находились по своему месту жительства, были и отказы как откровен-

¹ Ряд местных СМИ растиражировали заявление руководителя Чувашстата Э. Г. Максимовой на заседании у главы Чувашии О. А. Николаева, состоявшегося 15 ноября 2021 г. Она отметила, что руководимое ею ведомство слаженно работало с медиками, у привлеченных к переписи лиц было взято 6 тысяч ПЦР-тестов, среди которых 0,5% оказались положительными. Руководство статистического органа взяло на себя обязательство юридического сопровождения тех из них, кто заразился, то есть около 30 человек. Речь идет о получении заболевшими страховки, о которой заявляли крупнейшие банки страны. (Максимова 2021).

² Следует отметить, что в информационном пространстве обращалось внимание на мошенников, действовавших под видом переписчиков, но практически не было описания случаев оскорбления переписчиков, грубости в их адрес. Учитывая, что заметную часть переписчиков составляли молодые люди, в первую очередь девушки, помощь от полиции им была необходима. При обращении в правоохранительные органы она оказывалась, хотя серьезных правонарушений зарегистрировано не было.

ные, так и закамouflированные. Доля таких случаев колебалась от 3 до 11% в Чебоксарах и была менее значимой в сельской местности. При этом переписчики в трех селах сами были оттуда родом и, как отметила одна из них, имели возможность созвониться со своими земляками, которые временно не находились на родине, и уточнить, где они будут проходить перепись. Но и в сельской местности отмечены разные случаи, в том числе и отсутствие желания быть переписанными. О таких ситуациях рассказала контролер полевого участка одного из сельских районов. Под ее началом работали 6 переписчиков, и так получилось, что в трех населенных пунктах они были уроженцами этих сел и деревень, а в других трех — имевших к ним только косвенное отношение. У двоих переписчиц мужья были из этих сельских населенных пунктов, а третья не имела и такого отношения. Все трое работали в районной администрации, и на месяц были откомандированы для работы переписчиками. Возможно, что место работы в большей степени повлияло на трудности с налаживанием контактов, особенно в случаях, когда некоторые жители не проявляли особого желания пройти перепись. Контролер поведала, что в последние переписные дни она ходила по этим населенным пунктам вместе с переписчицами и сумела исправить ситуацию, переписав всех «отказников». Все переписчицы, работавшие по нашей договоренности, были родом из тех населенных пунктов, где им пришлось вести перепись, и они не испытывали негативного к себе отношения, хотя случаи недовольства переписью в целом, отдельными ее вопросами имелись. Все 7 переписчиков отмечали, что такие настроения были, и прежде всего, в Чебоксарах. Скорее всего, первопричиной подобного отношения было непонимание важности и необходимости проведения масштабного государственного мероприятия, и часть граждан нередко выражала недоумение по поводу его необходимости именно в таком формате. Градус недовольства подогревала ситуация с коронавирусом. Неоднократные переносы переписи, в том числе и по причине пандемии, не дали положительного эффекта. Число заболевших в Чувашии во время проведения переписи последовательно возросло с 38 до 87 человек в день (Коронавирус: Статистика). В республике оставались достаточно активными позиции антипрививочников, власти и врачебному сообществу переломить такие настроения не удалось, и напряжению в обществе они способствовали. Свой вклад в ситуацию добавили и различные политические дебаты на выборах депутатов различного уровня. Словом, организаторы переписи, и, конечно, переписчики столкнулись с ситуацией, которую такие масштабные акции по учету населения в постсоветской России еще не сопровождали. По мнению трех студенток, работавших переписчицами в Чебоксарах, на их участках людей, негативно настроенных к переписи, насчитывалось до 30–40%. На четвертом участке таковых оказалось около 20%. Проблема негативного восприятия отдельных вопросов или же переписи в целом оказалась актуальной для части жителей республики, в первую очередь горожан: «Зачем вам мои личные данные? У них (государственных органов — И. Б.) уже есть все наши данные»; «О всех уже всё знают, всё есть в базе данных»; «Зачем эти глупые, повторяющиеся вопросы?». Конечно, это не означало, что число отказов от переписи соответствовало подобному настрою, часть граждан отвечала на вопросы, иногда не сразу, а после неоднократных обращений переписчиков, но доля «отказников» на данных городских участках доходила до 15–20%. В сельской местности ситуация не стала такой напряженной, но в отдельных населенных пунктах наблюдалось нежелание отвечать

на вопросы или же на часть из них. Как отмечала контролер полевого участка, жители одного из сел республики были настроены весьма критично не столько к самой переписи, сколько к таким вопросам, которые выясняли ситуацию с жильем и источниками средств к существованию. Иначе говоря, речь шла о недоверии к государству, несмотря на все имеющиеся заверения, о том, что перепись не имеет фискального характера: *«Люди опасались, что сведения будут переданы в налоговую инспекцию или другие государственные структуры. С их слов, после переписи к ним могут быть применены какие-то санкции»*. О таких же опасениях поведали и другие переписчики. К тому же в августе 2021 г. в республике проходила первая сельскохозяйственная микроперепись, и для многих жителей перепись населения якобы дублировала недавние опросы владельцев личного подсобного хозяйства. Как отмечала контролер, ей пришлось вести значительную разъяснительную работу с тем, чтобы в последние переписные дни изменить ситуацию по статистике переписи на своих участках к лучшему. Вторая обобщенная причина нежелания участвовать в переписи — усталость и раздражение, связанные с коронавирусом, реальные и отчасти надуманные страхи заражения в ходе контактов с переписчиками. Отмечу, что для многих эта ситуация не оказалась бы такой значимой, если бы было понимание важности переписи для государства. С точки зрения эпидемиологической ситуации следует отметить, что в Чувашии к переписчикам предъявлялись достаточно жесткие требования по соблюдению установленных правил. В городах чаще все четыре переписчика общались с жителями на лестничной площадке, задавая вопросы и вводя ответы в планшет. Были случаи приглашения в квартиры, но, как отметила одна из переписчиц, *«нам не рекомендовали входить в том числе и потому, что мы могли заболеть, поэтому постоянно находилась в маске»*. Со слов одной из городских переписчиц, *«иногда встречаются очень агрессивные люди, которые начинают кричать и оскорблять, мол, сейчас ковид, какого черта вы разносите заразу!»* Еще одна причина, скорее повод для отказа от переписи, — боязнь «жульничества», о чем были предупреждения в СМИ, интернете и пр. Отмечены 33 обращения граждан в МВД в связи с переписью, были и жалобы на якобы фальшивых переписчиков, но проверки не показали реальных случаев обмана населения. Механизм отказа от переписи не отличался оригинальностью, чаще всего он был задействован в городе. Во-первых, это откровенные отказы, переписчики подсчитали, что в Чебоксарах такие люди составили до 10% от потенциальных участников переписи. В местной газете одного из городов республики отмечалась сложность работы в общежитиях, где людей было трудно застать дома. Были и случаи отказов открывать двери. Нежелание участвовать в переписи иногда возводилось в абсурд. Как поведал переписчик из одного из районных центров республики, его соседи по лестничной площадке, с которыми у него хорошие отношения, попросили не переписывать их семью, а статистическим органам заявить, что *«они временно отсутствуют в городе и не могут пройти перепись»*. Не очень удачным время для переписи было и с точки зрения раннего наступления сумерек, когда *«некоторые люди начинают возмущаться и говорить, что поздно пришли, хотя это время 19–20 часов вечера, а тех, кто работает, в другое время трудно застать, утром и днем дома было очень мало людей»*. Другая переписчица по этому поводу отметила, что люди бывали недовольны, когда они приходили с работы, и к ним в это время обращались переписчики. *«Они часто ворчали, говорили, что им некогда сейчас, надо ужинать готовить и т. д.»* Были

попытки отказаться от переписи путем ложной информации о прохождении ее через электронные услуги, *«но когда просишь показать QR-код, просто закрывают перед тобой дверь»*. Часть данных на лиц, которые отсутствовали по неизвестным для соседей и переписчиков причинам, но были прописаны по определенным адресам, была получена из административных данных. Речь идет о дате рождения, половой принадлежности. Доля таких лиц в каждом населенном пункте была разной, по данным переписчиков можно предполагать, что в городах их могло быть до 10%, в деревнях и селах — до 5–7%.

В то же время следует отметить, что по мнению городских переписчиков, заметная часть жителей Чебоксар если не доброжелательно, то спокойно и деловито откликалась на их просьбы и отвечала на вопросы, при этом речь шла не только о себе, но и о других членах семьи. В сельской местности ситуация была несколько иной, такого напряжения у переписчиков, работавших с нами, не было. Некоторое непонимание возникало в связи с упоминавшейся сельскохозяйственной микропереписью, когда у части жителей сельских населенных пунктов возникла путаница с двумя переписями.

Отметим, что «наши» переписчики в некоторых случаях использовали чувашский язык. Речь идет только о сельской местности, когда на вопросы отвечали пожилые граждане, не всегда понимавшие вопрос на русском языке. Все три сельских переписчика хорошо владели чувашским языком, но могли возникнуть трудности с адекватностью перевода отдельных вопросов и понятий на чувашский язык. В ходе подготовки переписи 2010 г. переписные листы были переведены на 14 языков (Степанов 2011: 484). Специалисты Чувашского государственного института гуманитарных наук выполнили их официальный перевод на чувашский язык. Внимание ими было обращено, например, на особенности описания родственных и свойственных отношений в чувашском языке, в котором дифференцирующих признаков в этой лексико-семантической группе больше, чем в русском. Например, вместо одного слова «зять» применяются два термина свойственных отношений и т. д. (Дегтярев, Долгова 2011: 552). В 2020 г. такая работа не проводилась. Со слов переписчиков, случаи использования чувашского языка не были частыми, большие трудности при этом они не испытывали и могли пояснить при необходимости правильность использования некоторых терминов.

Вопросы о национальности

В переписном листе вопросы о русском, иных и родном языках предшествовали вопросу о национальности, и такая последовательность используется с промежуточной переписи 1994 г. с тем, чтобы выбор этнической принадлежности не влиял на определение родного языка (Тишков 2003: 16). В настоящей статье для удобства изложения полученных сведений вначале будем вести речь об этнической принадлежности, а затем и о языках. По материалам переписи населения 2010 г. в Чувашии более двух третей лиц, указавших свою национальную принадлежность, составляли чуваша (67,7%), свыше четверти — русские (26,9%). Далее с заметным отрывом следовали татары (2,7%), мордва (1,1%), украинцы (0,4%), марийцы (0,3%) и другие этнические группы (0,8%). В городской местности чуваша также преобладали (52,2%), а на селе их доля составила 83,5%. На русских соответствен-

но приходилось 37,5 и 9,5%. В Чебоксарах их доля равнялась 33,6%, чувашей — 62,6%. Но в трех городских административных районах столицы республики колебания в удельном весе русских и чувашей доходили практически до 8 процентных пунктов (ВПН-2010). Для нас такое уточнение важно с учетом того, что переписчики работали в разных районах города. В ходе микропереписи 2015 г. были получены результаты, которые широко не обсуждались, но выходили за рамки тенденций развития этнического состава населения республики, то есть, когда доля чувашей в составе населения традиционно находилась в пределах двух третей, а русских — составляла чуть более четверти. Но в 2015 г. такие границы не были выдержаны, и на русских пришлось свыше трети населения (36,5%), а на чувашей — заметно менее двух третей (59,5%). В городах доля чувашей составила 44,2%, русских — 51,9%. В сельской местности преобладание чувашей оставалось заметным (81,4%) при ощутимом росте доли русского населения (14,3%) (Микроперепись населения 2015 г.). Вполне допустимо, что такие подвижки в этническом составе населения были связаны с некоторыми издержками выборки населения для проведения микропереписи, но в то же время нельзя упускать из виду и возможность некоторого дрейфа самоидентификации.

Обратимся к данным переписчиков, полученным ими в ходе переписи на своих переписных участках. Еще раз обратим внимание, что в переписном листе подчеркивалось, что национальная принадлежность отмечается по самоопределению в соответствии с требованиями ст. 26 Конституции РФ, но практика проведения переписей давала много случаев, когда за жителей домохозяйства отвечал один человек, а переписчик мог и не видеть их «вживую», то есть о самоопределении в таком случае речь могла и не идти. Такие же случаи могли быть и были в ходе записывания членов семей на переписном участке или же через Госуслуги.

На своих участках 4 чебоксарские переписчицы зафиксировали всего 1246 человек, в том числе 707 чувашей (56,7%) и 498 русских (40%). Среди остальных 3,3% на долю татар и марийцев пришлось по 0,3%, были единичные случаи записи аварцев, азербайджанцев, армян, украинцев, удмуртов и др., которые в сумме составили 1,6% жителей, переписанных на четырех участках. Кроме того, впервые в официальной переписи населения были получены данные о жителях с этнически сложной идентификацией. Речь идет о 14 жителях этих участков (1,1%), которых переписчики зафиксировали как лиц, одновременно являющихся и русскими, и чувашами. Другие варианты городские переписчики не встретили. По мнению всех четырех переписчиц значительных колебаний в определении своей национальности жители города не испытывали, но у части переписанных сомнения с этой точки зрения наблюдались. Примерно 10–15% участников переписи, не сразу для себя принимали определенное решение, и, некоторым образом, ждали совета от переписчиков. Часть них рассуждала вслух, делилась сомнениями, пытаясь определиться со своей национальной принадлежностью. Переписчики в таких случаях не имели права давать какие-либо подсказки, и подобные варианты событий нами были дополнительно оговорены. Речь шла лишь о фиксации таких колебаний и сомнений в выборе этнической принадлежности. Все инструкции подчеркивали необходимость самоопределения, но дело в том, что это самоопределение реально не предполагало сложного выбора, речь буквально шла только об одной национальности, хотя нигде такое положение не было записано. Традиции единственного выбора, фиксирував-

шиеся в течение всех предыдущих советских и российских переписей, а также при заполнении официальных документов, сыграли заметную роль в ходе выбора национальной принадлежности граждан. Необходимо отметить, что и не все переписчики квалифицированно отмечали ответы, в которых речь шла не об одной, а о двух национальностях. Это замечание относится не к тем переписчикам, с которыми у нас была заключена договоренность о сотрудничестве. С непониманием этой проблемы, например, пришлось столкнуться автору статьи, когда один из членов семьи решил во время переписи записать две национальные принадлежности. В ответ на такую просьбу переписчик, который был студентом местного вуза, заявил, что необходимо выбрать только одну национальность. В результате небольшой дискуссии искомый результат был получен, тем более, что на планшете имелось разъяснение такого случая. Скорее всего, переписчик оказался не совсем внимательным в ходе обучения. Те переписчики, с которыми пришлось сотрудничать не испытывали никаких затруднений в случае необходимости записывания не одной национальности и одного родного языка, а более.

Материалы многочисленных социологических опросов, этнографических наблюдений свидетельствуют о реальном отношении к проблемам сложных этнических идентичностей. Нам также неоднократно приходилось писать об этих процессах на примере Чувашии (Бойко, Долгова, Харитонова 2021: 104–120). Отмечено, что частота такого выбора зависит от ряда причин, в том числе и от знания реальной возможности такого выбора со стороны респондента (Бойко, Харитонова 2016: 140–145).

В Чебоксарах переписчицы работали в двух городских районах — Калининском и Московском. По переписи 2010 г. доля чувашей в первом из этих районов составила 66%, русских — 30,8%. В Московском районе эти показатели равнялись 58,7 и 37,1% соответственно. В ходе настоящей переписи в Калининском районе было переписано чуть более трети выборки горожан (35%), в Московском — 65%. С учетом такого соотношения в их составе доля чувашей была на 4–5 процентных пунктов ниже, а русских — выше, чем по данным переписи 2010 г. применительно ко всем жителям двух районов. Конечно, следует иметь в виду, что данные, полученные переписчиками, не претендуют на репрезентативность в масштабах Чебоксар, речь идет только о конкретных переписных участках. Но, имея в виду и материалы микропереписи 2015 г. об этническом составе городского населения республики, можно предполагать о незначительном, но определенном, смещении этнической самоидентификации жителей Чебоксар.

В трех сельских населенных пунктах ситуация с определением национальности жителей была гораздо яснее. Как уже отмечалось, в Чувашии абсолютное большинство сельского населения составляют этнические чуваша. При этом русские, татары и мордва проживают компактно в отдельных районах республики. Население районов, в которых работали «наши» переписчицы, было представлено этническими чувашами, что и показали результаты учета. Всего было опрошено 1636 человек, из которых 97,9% составляли чуваша, 1,7% — русские, 0,2% — татары. Кроме того, в составе сельских жителей оказался 1 «хохол», а также 2 человека со сложной этнической идентичностью, при этом один записался как чуваш и хохол, второй — как русский и чуваш. Переписчицы отмечают, что каких-то сложностей в определении национальности у жителей всех трех сельских населенных пунктов не возникало.

Владение языками и использование языков. Родные языки

Всего в переписном листе имелось 5 вопросов, которые выявляли владение и использование русского и иных языков, а также родной язык переписываемого. В Чувашии абсолютное большинство населения владеет русским языком и успешно его использует. По данным переписи населения 2010 г. в республике дали положительный ответ о владении русским языком 98,3% опрошенных, в том числе среди чувашей таковых оказалось 97,9%, среди татар — 92,3%, среди мордвы — 99,5% (ВПН 2010). В ходе прошлой переписи не уточнялись возможности использования языков, в том числе русского, но материалы различных опросов, сама реальная этноязыковая ситуация дают основание вести речь о его массовом применении практически всеми национальными группами населения. Меньший уровень владения имеется у лиц старших возрастов, проживающих в сельской местности в своем этническом окружении. В данных микропереписи 2015 г. есть сведения и о владении, и об использовании языков. Русским языком владели 99% переписанных жителей республики, в том числе, в городской местности — 99,8%, в сельской — 97,8%. Показатели использования языков в повседневной жизни были немного меньше и составили для русского языка 81,2% (город — 98,3%, село — 57,3%); для чувашского языка — 42,4% (город — 24%, село — 69%) (Микроперепись населения 2015).

Давая задания переписчикам, мы сознательно не рассчитывали на наблюдения о русском языке, поскольку для целей статьи они были малоинформативными, лишь усложняли конструкцию таблиц. Рассмотрим достаточно многочисленные варианты сочетания этнической принадлежности с владением и использованием языков, а также выбором родных языков. Предварительно следует обратить внимание, что вопросы о владении и использовании языков в повседневной жизни не дают ответа об уровне их знаний. С этой точки зрения в одной категории могут оказаться, например, преподаватели, исследователи родных языков, а также лица, владеющие речью только на бытовом уровне и т. п. Но это вопрос для углубленного изучения проблемы, в данном случае речь идет только о положительных ответах на вопросы о владении и использовании. Тем не менее ответы на вопрос об использовании языков кроме русского представляют значительный интерес.

Наиболее разнообразные наборы и сочетания владения и использования разных языков представлены в городской среде. Рассмотрим подробнее эту ситуацию применительно к отдельным этническим группам. В Чебоксарах в выборке оказалось 707 человек, которые идентифицировали себя чувашами (Табл. 1). Из этого числа почти 71% отметили, что они владеют чувашским языком, 60% используют его, и для 65% он является родным. Но в целом, чуть более половины вписываются в традиционные представления о «правильном» сочетании национальности и языков. Речь идет о том, что эти люди владеют чувашским языком, используют его, и он же является для них родным. Этот показатель немногим меньше, чем отдельные данные, приведенные выше, но следует учитывать, что связь между языковыми ситуациями может быть опосредованной некоторыми обстоятельствами. У чуть более пятой части чувашей (21,2%) национальность оказалась разделенной с чувашским языком — во всех графах переписного листа о языках у них оказался вписан русский язык. Владение чувашским языком было зафиксировано еще у 9,2% городских чувашей, но об его использовании смогли сказать 4,9%, а другая часть данной категории в повседневной жизни использовала русский язык. Наконец, налицо разные конфигура-

ции с родным языком переписанных граждан: о таком качестве чувашского языка заявили почти 2% тех, кто полагал, что владеет им, но не использует в повседневной жизни, и почти для 9% он совсем не был средством коммуникации, а играл символическую роль как этнический маркер. Выше мы отметили причину, определившую порядок перечисления в переписном листе вопросов о языках и национальностях. Тем не менее, у многих людей понятие «родной язык» связывается не с языковой практикой, а в большей степени с этническим самосознанием (Тииков 2003: 32). Как об отдельной группе по сочетанию языков можно вести речь о тех чувашах — жителях Чебоксар, владеющих иностранными языками, которые преподаются в учебных заведениях. Всего их оказалось 7,1% от всех чувашей города, и среди языков владения ими назывались английский, немецкий, французский. Кроме того, в этой категории фигурировали чувашский и украинский языки. Абсолютное большинство таких лиц пришлось на молодых людей, и речь шла о языках обучения в школах, вузах. Собственно, ничего предосудительного в таких заявлениях нет, но следует обратить внимание, что из тех, кто владел иностранными языками, использовали их в повседневной жизни только 14%. По данным микропереписи 2015 г. из почти 800 человек, заявивших, что они владеют английским языком, только 11,7% использовали его в повседневной жизни (Микроперепись населения 2015 г.).

Родным языком для тех, кто владел иностранными языками, были русский (54% данной группы) и чувашский (46%). Чуть более 2% городских чувашей ответили, что они имеют 2 родных языка, которыми были русский и чувашский / вариант — чувашский и русский. В свою очередь, две трети данной категории граждан приходилось на тех, кто владел чувашским языком и использовал его, а одну треть составили лица, для которых чувашский язык не был средством коммуникации. Наконец, имелись единичные случаи о владении и использовании чебоксарскими чувашами татарского языка и жестового языка глухих

У жителей Чебоксар — русских по национальной принадлежности, набор языков, вписываемых в переписные листы, предполагаемо оказался не таким разнообразным, как у чувашей. Абсолютное большинство из 498 русских, проживающих на 4 переписных участках, владеют и пользуются только русским языком, он же для них является и родным (Табл. 2). Только для 4% участников переписи из группы городских русских инструментальным оказался и чувашский язык. При этом для их небольшой части (1,4%) он оказался востребованным для всех вопросов переписного листа о языках. Зафиксирован и единичный противоположный случай, когда родным записан чувашский язык, но ни владения, ни использования им не было. В ответах 10,6% городских русских в составе языков владения были записаны языки обучения (английский, немецкий, французский), а также корейский, латышский, туркменский. Так же, как и среди городских чувашей, абсолютное большинство этой категории граждан составили молодые люди, в первую очередь студенты и школьники. Из них почти треть (31%) использовала эти языки в повседневной жизни, родным для таких лиц практически во всех случаях был назван русский язык и 1 раз — украинский. Отмечены единичные случаи двух родных языков, традиционно ими были названы русский и чувашский. При этом чувашский язык для этих лиц был также важен как язык владения и использования.

Выше уже было отмечено, что четверть переписчиками в Чебоксарах были учтены около 30 человек, представляющих кроме чувашей и русских, 10 других этниче-

Таблица 1

Распределение городских чувашей по владению, использованию языков и родным языкам (по данным переписчиков ВПН 2020)

Владение языками, кроме русского	Языки использования в повседневной жизни	Родной язык	Численность, чел.	В % от численности этнической группы
Всего переписано 707 человек				
чувашский	чувашский, русский	чувашский	391	55,3
чувашский	чувашский, русский	русский	27	3,8
чувашский	русский	чувашский	13	1,8
чувашский	русский	русский	18	2,5
нет	русский	чувашский	40	5,7
нет	русский	русский	150	21,2
чувашский, английский, немецкий, французский	чувашский, русский	русский	8	1,1
английский, немецкий, украинский	русский, английский (3 чел.), украинский (2)	чувашский	23	3,3
английский, немецкий, французский	русский, английский (4)	русский	19	2,7
татарский	татарский, русский	русский	2	0,3
чувашский	чувашский, русский	чувашский +русский (два родных языка)	10	1,4
английский	русский	русский+чувашский (два родных языка)	2	0,3
чувашский	русский	русский+чувашский (два родных языка)	1	0,1
нет	русский	чувашский+русский (два родных языка)	2	0,3
жестовый язык глухих	жестовый язык глухих	чувашский	1	0,1

ских групп. Понятно, что какую-либо закономерность наблюдать на этом незначительном по численности примере невозможно, и мы эти данные оставим за рамками настоящей статьи.

В сельской местности доля чувашей среди всех учтенных на трех переписных участках, составила 98,3%. Менее 2% составили русские и 2 человека были со сложной этнической идентичностью. Почти 96% от всех чувашей пришлось на лиц, которые владели и использовали чувашский язык, и который был для них родным (Табл. 3). Всего у четырех человек зафиксировали 2 родных языка, и это были дети, не достигшие 14 лет, мамы которых были русскими, но владеющими чувашским языком. У них в качестве родного зафиксирован русский язык, у детей — два языка. Некоторым образом противоположный вариант отмечен в семьях, в которых матери были этническими чувашками, отцы — русскими. Четверо детей дошкольного возраста были записаны русскими с родным русским языком.

Другие варианты, которые были в большей степени представлены в Чебоксарах, в сельской местности практически отсутствовали. Здесь, как и в городе, насчитыва-

лось небольшая часть молодых людей, которая заявляла о владении ими английским, немецким, французским языками, но не было ни одного случая использования их в повседневной жизни. Среди немногочисленных сельских русских свыше 55% заявили только о владении чувашским языком, для 40% он был вне зоны их интересов.

Наконец, о лицах с двойной этнической идентичностью, доля которых от всех учтенных переписчиками равнялась 0,6%, в том числе в Чебоксарах — 1,1%, в сельской местности 0,1%. Сочетание двух национальностей с языками свидетельствует, что в городе для 70% таких граждан чувашский язык не был представлен ни в каком качестве, для 20% это был язык владения, использования, а также вместе с русским являлся родным языком. Кроме того, отмечен единичный случай владения и использования жестового языка глухих. В сельской местности отмечено всего 2 случая сложной этнической идентичности (чуваш+русский и чуваш+хохол). При этом 1 человек только владел чувашским языком, другой — владел, использовал, и он был отмечен в качестве родного.

Некоторые выводы

Прошедшая перепись населения в Чувашии показала, что большинство населения республики было учтено и, в первую очередь, это было сделано переписчиками. В то же время следует отметить, что среди значительной части жителей не было убеждения, что перепись важна и необходима для решения важных государственных и общественных задач. Переписчикам неоднократно были высказаны мнения,

Таблица 2

Распределение городских русских по владению, использованию языков и родным языкам (по данным переписчиков ВПН 2020)

Владение языками, кроме русского	Языки использования в повседневной жизни	Родной язык	Численность, чел.	В % от численности этнической группы
Всего переписано 498 чел.				
нет	русский	русский	423	84,9
чувашский	чувашский (3), русский	русский	10	2,0
чувашский	чувашский (2), русский	чувашский	7	1,4
чувашский	русский	русский	2	0,4
нет	русский	чувашский	1	0,2
английский, немецкий, латвийский, туркменский, украинский, марийский	английский (8), латвийский (1), немецкий (3), французский (1) русский	русский	48	9,6
английский, украинский	русский	украинский	1	0,2
чувашский, английский, корейский	чувашский, английский, русский	русский	4	0,8
чувашский	чувашский, русский	чувашский+русский (2 родных языка)	2	0,4

что в различных органах власти необходимые сведения о гражданах уже имеются. На наш взгляд, в ходе разъяснительной работы не была в убедительной форме доведена основная цель переписи, сформулированная статистическим ведомством: формирование официальной статистической информации о численности и структуре населения, его распределении по территории страны **в сочетании** (выделено нами — И. Б.) с социально-экономическими характеристиками, национальным и языковым составом населения, его образовательным уровнем (Росстат). Уникальность переписных материалов в том, что они дают возможность конструирования таких сочетаний, а отдельные сведения министерств и ведомств не позволяют получать важные взаимосвязанные группировки, и проводить с учетом этого более эффективную информационно-образовательную, этнокультурную, демографическую и др. политику, как это позволяют материалы переписей населения.

На негативное отношение к переписи повлияла и пандемическая ситуация, политические дебаты в ходе подготовки и выборов депутатов Госдумы России, а также местных представительных органов, но все-таки это были вторичные причины по отношению к пониманию целей и задач переписи. Если бы граждане прониклись ее важностью и необходимостью, то тогда все остальные причины не были бы столь значимыми. Можно предположить, что в результате такого отношения, доля лиц, сведения о которых были получены в ходе переписи 2020 г. административным путем, может достичь 10–15%. На наш взгляд, в современных условиях необязательность участия в переписи населения, увеличивает отношение к ней как не очень важной государственной задаче. Стремление опереться на общественный и граж-

Таблица 3

Распределение сельских чувашей и русских по владению, использованию языков и родным языкам (по данным переписчиков ВПН 2020)

Национальность	Владение языками, кроме русского	Языки использования в повседневной жизни	Родной язык	Численность, чел.	В % от численности этнической группы
Сельские чуваше (1602 чел.)					
чуваше	чувашский	чувашский, русский	чувашский	1530	95,5
чуваше	чувашский	чувашский, русский	русский	7	0,4
чуваше	чувашский, английский, французский, немецкий, казахский	чувашский, русский	чувашский	49	3,1
чуваше	чувашский, тагарский	чувашский, русский	чувашский	1	-
чуваше	нет	русский	русский	1	-
чуваше	чувашский	русский	русский	10	0,6
чуваше	чувашский	русский чувашский	русский +чувашский (2 родных языка)	4	0,2
Сельские русские (27 чел.)					
русские	чувашский	русский	русский	15	55,5
русские	чувашский	чувашский, русский	чувашский	1	3,7
русские	нет	русский	русский	11	40,7

данский долг не сработало в достаточной мере. Такая реакция является и определенным показателем зрелости/незрелости гражданского общества в стране. На наш взгляд, необходимо серьезное обсуждение вопроса о законодательном закреплении обязательности участия граждан в переписях населения.

Результаты, полученные переписчиками в Чебоксарах применительно к этнической и языковой идентификации, свидетельствуют о следующих тенденциях. Этнический состав жителей, переписанных на четырех городских участках, отличается от переписи 2010 г. в сторону увеличения доли русских и уменьшения — чувашей. Подобная тенденция зафиксирована и в ходе микропереписи 2015 г. применительно ко всему городскому населению республики.

В столице республики зафиксировано чуть более 1% лиц со сложной этнической идентичностью (русские+чуваше), но этот показатель заметно ниже, чем данные, получаемые в течение ряда лет в ходе различных социологических опросов. Переписчики при этом отмечают, что имеются колебания при выборе «своей» национальности, но выбор в пользу культурной сложности, является еще непривычным. Возможно, что в ходе обсуждения итогов переписи следует шире разъяснять, что подобный выбор является возможным и должен отражать только внутреннюю позицию самого человека.

Языковая палитра, полученная в ходе переписи, подтвердила широкое распространение русского языка как среди городских, так и сельских чувашей. На всех 7 переписных участках у чувашей (как, собственно, у немногочисленных татар, марийцев, армян и др.) зафиксировано 100%-е использование русского языка в повседневной жизни. В то же время отмечена известная позиция об определении родного языка с учетом его символического понимания, а не коммуникативных функций. Примерно каждый десятый чуваш в качестве родного называл именно чувашский язык, хотя не владел им и не использовал в повседневной жизни. Сведения о владении иностранными языками обучения (английский, французский, немецкий) чаще всего зафиксировано у молодых людей, школьников и студентов, но уровень их использования не превышает 15% от владеющих ими. О двух родных языках заявили чуть более 2% горожан (точнее, родители молодых людей до 14 лет) и единичные случаи зафиксированы в сельской местности. Повторим, что в ходе социологических опросов, выбор в пользу двух родных языков встречается гораздо чаще, чем сложной этнической идентичности, и особенно это распространено среди молодежи. В данном случае право такого выбора в ходе переписи населения также выходило за рамки привычного. И в этом случае необходимо более широкое разъяснение прав каждого человека о возможности сложного этнокультурного выбора в ходе переписей населения. При этом важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие (Тишков 2021: 332). Но это уже проблема реализации национальной политики в отдельных регионах страны с учетом этнического состава населения.

Источники и материалы

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. С. 91–92 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат):

- [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf С. 91–92 (дата обращения: 17.01.2022).
- Коронавирус: Статистика. Чувашия. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_graph&utm_source=main_notif&geoid=11156 (дата обращения 24.01.2022).
- Максимова 2021 — Максимова Э. Г. Выступление на заседании у Главы Чувашии О. А. Николаева // Правда ПФО. Информационное агентство. Окружная интернет-газета. 15.11.2021. URL: <https://pravdapfo.ru/polnotekst/423609-chuvashiya-otlichilas-na-portale> (дата обращения 28.01.2022).
- Микроперепись населения 2015. Раздел X. Национальная принадлежность и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [веб-сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 18.01.2022).
- Николаев 2021 — Олег Николаев призывает жителей Чувашии принять активное участие во Всероссийской переписи населения // Вести Чувашия. 15.10.2021. URL: <https://chgtrk.ru/novosti/politika/oleg-nikolaev-prizyvaet-jiteley-chuvashii-prinyat-aktivnoe-uchastie-vo-vsrossiyskoy-perepisi-naseleniya/> (дата обращения 1.02.2022).
- Перепись состоялась — БЕЗФОРМАТА. Лента новостей Чебоксаров и Чувашской Республики. URL: <https://cheboksari.bezformata.com/listnews/perepis-sostoyalas-idet-obrabotka/99732488/> (дата обращения 20.11.2021)
- Росстат — Федеральная служба государственной статистики — Приказ от 28 июня 2021 г. N 370 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401451456/> (дата обращения 24.01.2022)
- Угаслов 2021 — Обращение президента Чувашского национального конгресса Н. Ф. Угаслова // Официальный сайт Чувашского национального конгресса. 6.09.2021. URL: <https://www.chnk.ru/category/news/page/7/> (дата обращения 1.02.2022).

Научная литература

- Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1(53). С. 104–120.
- Бойко И. И., Харитонов В. Г. Сложные этнические идентичности: проблемы измерения // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Т. 1. Москва: ИЭА РАН, 2016. С. 140–145. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120>
- Дегтярев Г. А., Долгова А. П. Сложности перевода переписных вопросников на чувашский язык // Этнологический мониторинг переписи населения. Москва: ИЭА РАН, 2011. С. 493–496.
- Степанов В. В. (ред.) Этнологический мониторинг переписи населения. Москва: ИЭА РАН, 2011. 552 с.
- Степанов В. В. Организация перевода переписных вопросников ВПН 2010 на другие языки // Этнологический мониторинг переписи населения. Москва: ИЭА РАН, 2011. С. 484–488.
- Тишков В. А. (ред.). На пути к переписи. ИЭА РАН. Москва: Авиаздат, 2003. 528 с.
- Тишков В. А. Историко-антропологический анализ переписи населения. Москва: ИЭА РАН, 2003. 43с
- Тишков В. А. Национальная идея России. Москва: АСТ, 2021. 416 с.

References

- Boyko, I. I., A. P. Dolgova and V. G. Kharitonova. 2021. O slozhnoi etnicheskoi i yazykovoi identichnosti naseleniya Chuvashii [About the complex ethnic and linguistic identity of the population of Chuvashia]. *Vestnik antropologii*. 1(53): 104–120.

- Boyko I. I., and V. G. Kharitonova. 2016. Slozhnye etnicheskie identichnosti: problemy izmereniya [Complex ethnic identities: measurement problems]. In *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2014 godu. Ezhegodnyi doklad*. Vol.1. Moscow: IEA RAN: 140–145.
- Degtyarev G. A., and A. P. Dolgova. 2011. Slozhnosti perevoda perepisnykh voprosnikov na chuvashskii yazyk [Difficulties in translating census questionnaires into the Chuvash language]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniya* Moscow: IEA RAN: 494–498.
- Stepanov V. V. (ed.) 2011. *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniya* [Ethnological monitoring of the population census] Moscow: IEA RAN.
- Stepanov V. V. 2011. Organizatsiya perevoda perepisnykh voprosnikov VPN 2010 na drugie yazyki [Organization of translation of the VPN 2010 census questionnaires into other languages]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniya* Moscow: IEA RAN, 2011: 484–488.
- Tishkov V. A. (ed.) 2003. *Na puti k perepisi* [On the way to the census]. Moscow: Aviaizdat.
- Tishkov V. A. 2003. *Istoriko-antropologicheskii analiz perepisi naseleniy* [Historical and anthropological analysis of the population census]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov V. A. 2021. *Natsional'naya ideya Rossii* [The national Idea of Russia]. Moscow: AST.

УДК 39+93/94

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/158-179

Научная статья

© И. А. Субботина

**ПОД ДРУГИМ ИМЕНЕМ...
(О ГАГАУЗАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)**

В статье сделана попытка определить временные рамки появления на Северном Кавказе — в Кубанской и Терской обл. — гагаузов из Бессарабии и Приазовья, в настоящее время проживающих в Моздокском районе Северной Осетии — Алании и Прохладненском районе Кабардино-Балкарии. В Малой Кабарде гагаузы появились под именем болгары. Из истории переселения гагаузов и болгар с Балканского полуострова в южные районы Бессарабии, в Буджак, во второй половине XVIII — начале XIX вв. в числе задунайских переселенцев, известно, что зачастую все переселенцы по документам того времени «проходили» под общим названием «болгары». Переселение отдельных групп гагаузов из Буджака в Приазовье, на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан, т. е. отрыв от этнического «материка», произошел раньше, чем у гагаузов Бессарабии началось развитие процессов этнического самоопределения, осознания себя гагаузами. Самоназвание болгары сохраняется у значительного числа гагаузов КБР и РСО-А до настоящего времени. Определенная часть гагаузов, еще помнящих свой родной язык, называют его болгарским.

В работе определены места исхода предков гагаузов на Северный Кавказ, дается картина этнодемографической динамики, межэтнической брачности гагаузского населения одной из крупных станиц Кабардино-Балкарии — Екатериноградской. В основу статьи положены материалы переписей населения России, данные Государственных архивов Кабардино-Балкарии, Северной Осетии–Алании, Республики Молдова, материалы похозяйственных книг станицы Екатериноградской (КБР) за 1940–2000-е годы и данные этнодемографических исследований автора, проведенных среди гагаузов с. Сухотское, Н. Малгобек и Екатериноградская.

Ключевые слова: гагаузы, болгары, миграция, Бессарабия, Приазовье, Северный Кавказ, этническая идентичность, родной язык, межэтнические браки.

Ссылка при цитировании: Субботина И. А. Под другим именем... (О гагаузах Северного Кавказа) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 158–179.

Субботина Ирина Алексеевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: irinalsu@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC 39+93/94

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/158-179

Original Article

© Irina A. Subbotina

**UNDER A DIFFERENT NAME...
THE GAGAUZ OF THE NORTH CAUCASUS**

The article attempts to define timeframes for the appearance of the Gagauz from Bessarabia and the Azov Sea Region in the North Caucasus, more precisely in Kuban and Tersk regions. At the moment these Gagauz live in Mozdok region of North Ossetia — Alania and in Prokhladnensk district of Kabardino-Balkaria. The Gagauz first appeared in Malaya Kabarda under the name of Bulgarians. The history of Gagauz and Bulgarian relocation from the Balkan peninsula to the southern regions of Bessarabia, Budzhak, in the second half of the 18th — the beginning of the 19th century among Transdanubian emigrants, tells us that most of the time all emigrants were officially registered in documents under the common title of “Bulgarians”. Relocation of some groups from Budzhak to the Azov Sea region, the North Caucasus, Kazakhstan and Uzbekistan, i. e. their separation from their ethnic “mainland” had taken place earlier than the Gagauz from Bessarabia started to develop their ethnic self-identity and realize they were the Gagauz. Their self-name as Bulgarians is preserved among a great number of Gagauz people in Kabardino-Balkaria and North Ossetia-Alania until today. A certain part of the Gagauz, who still remember their mother tongue, call it Bulgarian.

The study identifies places from where the Gagauz ancestors emigrated to the North Caucasus, gives a detailed picture of the ethno-demographic dynamics, interethnic marriages of the Gagauz population in one of the big stanitsas of Kabardino-Balkaria — Stanitsa Ekaterinogradskaya. It is based on the materials from Russian population censuses, data from state archives of Kabardino-Balkaria, North Ossetia — Alania, Republic of Moldova, materials of rural household registers from Stanitsa Ekaterinogradskaya (Kabardino-Balkaria) in 1940–2000s and data from ethno-demographic studies carried out by the author among the Gagauz in stanitsas Sukhotskoe, Nizhniy Malgobek and Ekaterinogradskaya.

Keywords: The Gagauz, Bulgarians, migration, Bessarabia, the Azov Sea region, the North Caucasus, ethnic identity, mother tongue, interethnic marriages.

Author Info: Subbotina, Irina A. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: irinalsu@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>

For citation: Subbotina, I. A. 2022. Under a Different Name... The Gagauz of the North Caucasus. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 158–179.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Гагаузы — православный тюркоязычный народ. Основная масса гагаузского населения проживает в настоящее время в Буджаке — южной степной части Пруто-Днестровского междуречья, разделенной между двумя государствами — Молдавией и Украиной. Значительное число гагаузов живет в России, небольшие их группы проживают сейчас в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане. В значительной степени ассимилированные другими народами гагаузы живут также в Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Бразилии. Общая численность гагаузов в мире неизвестна. По некоторым оценкам гагаузских историков, она превышает миллион человек. По последним статистическим данным переписей населения начала XXI в. на постсоветском пространстве число гагаузов достигает 200 тыс. человек, из них в Республике Молдова — 148 тыс. человек, на Украине — 32 тыс. человек, в России — 12 тыс. человек.

* * *

Проблемы диаспоральных групп того или иного народа, оказавшихся за пределами основного этнического ядра расселения, чье развитие детерминировалось рядом иных факторов, нежели те, что влияли на формирование этноса на основной исторической территории, всегда интересовали этнологов, как и вопросы первоначального расселения тех или других народов, пути их дальнейшей миграции, время, причины и цели их появления в иных землях, процессы адаптации к новым условиям жизни, динамика численности этих групп, ассимиляция или интеграция в новое сообщество.

Ряд статей автора (Субботина 2006: 232–245; Субботина 2009: 386–402 и др.) ранее уже был посвящен одной из таких групп — гагаузам Северного Кавказа. Первой задачей нашего исследования, целенаправленно решить которую до нас никто не пытался, было намерение определить исторический период появления гагаузов в тех регионах Северного Кавказа, где они живут и по сей день — в Прохладненском и Майском районах Кабардино-Балкарии и Моздокском районе Республики Северная Осетия–Алания, в прошлом составлявших часть территории Малой Кабарды.

Сложность поисков заключалась в том, что диаспоральные группы гагаузов, живущих в Казахстане, Узбекистане, Приазовье, на Северном Кавказе, откололись от «гагаузского материка», расположенного в районе Буджака, достаточно давно — в конце XIX — начале XX вв. Из истории переселения гагаузов и болгар с Балканского полуострова в южные районы Бессарабии, в Буджак, во второй половине XVIII — начале XIX вв. в числе задунайских переселенцев, известно, что зачастую все переселенцы по документам того времени «проходили» под общим названием «болгары». Самоназвание «болгары» долгое время сохранялось (сохраняется и поныне) у гагаузов в тех регионах, где они проживали сравнительно малочисленными, изолированными от основного этнического ядра гагаузов Бессарабии группами как, например, в Приазовье, некоторых районах Казахстана, что подтверждается исследованиями Л. С. Чимпоеш (Чимпоеш 2016), А. С. Аманжолова (Аманжолов 1964), И. Ф. Грека (Грек 2019, 2020). Большое значение имело то обстоятельство, что переселения гагаузов на названные территории, т. е. отрыв этой группы гагаузов от этнического «материка», произошел раньше, чем у гагаузов Бессарабии началось развитие процессов этнического самоопределения, которое происходило, по оценкам историков и этнологов, довольно продолжительное время — в последней трети

XIX — первой половине XX вв. (Грек 2019). «Поскольку основная масса тюркоязычных выходцев из-за Дуная продолжала идентифицировать себя как *болгар*, это стало главной причиной почти столетней продолжительности заключительного этапа становления гагаузской этничности в Буджаке» (Грек 2019). Правда, некоторые исследователи писали о так называемой двойной идентичности гагаузов (Губогло 2006: 206–231; Квилинкова 2006: 264–283; 2011: 126–139; Грек 2007: 260–264), когда в одно и то же историческое время тюркоязычные православные идентифицировали себя и как *болгары*, и как *гагаузы* (Квилинкова 2011: 126). Позиция И. Ф. Грека, занимающегося проблемами этногенеза гагаузов в последние два десятилетия, сводится к следующему: тюркоязычное православное население называло себя на Балканах *болгарами*, *истинными болгарами*, и с этим самоназванием оно переселилось в Буджак. Процесс осознания себя не *болгарами*, а *гагаузами* был не одномоментным, а поэтапным, который можно было обозначить формулой: *болгары* — *болгары-гагаузы* — *гагаузы-болгары* — *гагаузы*, т. е. двойная идентичность наблюдалась лишь на переходных этапах (*болгары-гагаузы*, *гагаузы-болгары*). Двойной идентичности не было, когда они называли себя *болгарами* и когда признали себя *гагаузами* (Грек 2019, 2020).

Однако этот процесс имел место только в Буджаке. То тюркоязычное православное население, которое в силу различных геополитических (эмиграция 1860–1861 гг. в Приазовье) и социально-экономических причин конца XIX — начала XX в. (миграция на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан) покидало буджакские села, продолжало называть себя все еще по-старому, как правило, болгарами (Грек 2019).

По всем архивным документам конца XIX — начала XX вв., по данным Переселенческих комитетов Российской империи, по личным документам переселенцев, а в советское время по паспортам, данным переписей населения СССР, сведениям похозяйственных книг сельских поселений (ибо в большинстве своем они были сельскими жителями), гагаузы Казахстана, Узбекистана, Приазовья числились как болгары, и под этим именем продолжают жить в настоящее время, передавая его своим потомкам, называя свой родной гагаузский язык болгарским (иногда турецким). Но об этом несколько позже.

Итак, время появления гагаузов на территории Северного Кавказа немногочисленные исследователи относят к началу или к 20–30-м годам XX столетия. Так, Дж. Н. Коков, известный филолог, историк Кабардино-Балкарии, в своей книге «Адыгская (черкесская) топонимия» пишет: «Булгъар (Булгар) — кабардинское, неофициальное название населенных пунктов Малгобек (Малый), Сухотское, Раздольное, Виноградное (на севере СО АССР), Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и др. (КБАССР) и их **гагаузского** (выделено мной — И. С.) населения. Религия гагаузов — православная, язык — тюркский. На Кавказ гагаузы (их здесь называют туканами¹) приехали **в начале нашего (XX – И. С.) столетия** из Бессарабии» (Коков 1974: 156–157).

В следующей книге «Адыгские этнонимы» Дж. Н. Коков пишет: «Булгъар — этноним адыгам известен для двух весьма отдаленных друг от друга хронологических

¹ Туканы — гагаузский этноним, обозначающий болгар, живущих в Молдавии (Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973: 477). Кроме того, туканы, наряду с гаджалами, читаками, урумями, булгарами, «фиксируются у гагаузов и как общие микроэтнонимы (генеонимы), спорадически встречающиеся в различных группах этноса» (Шабашов 2002: 404).

рамок: 1) древние булгары на Северном Кавказе появились двумя переселенческими волнами — не позже IV века (из Нижнего Поволжья) и во второй половине VII века. Отголосками этого периода является, видимо, этноним *бэлькъэр* (см. фамилия *Белькэер* (*Балкар-ов*); 2) в речи современных кабардинцев (сел. Нижний Курп и др.) — название жителей сел. Малгобек, Сухотское, Виноградное, Раздольное (в СОАССР), а также Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и др. (в КБАССР), которые себя называют *гагаузами*. Их же на Кавказе называют туканами. Язык — тюркский, религия — православная. Выселились **из Бессарабии в начале XX в.**» (выделено мной — И. С.). (*Коков* 1979: 47).

Не соглашаясь с Дж. Н. Коковым, А. А. Максидов отмечает, что **уже в 1825 г.** «по „Ведомости исчисления кабардинского народа“ Я. Шарданова в „...Ауле узденя 1-й степени Темрюки Хапцева на реке Тереке жившего, жили: уздень 3-й степени Исмаил Булгаров» и его дети. Итак, Исмаил Булгаров является известным родоначальником Булгаровых (Белгаровых) из аула Хапцей...» (*Максидов* б/г). Доказывая, что род Булгаровых (Белгаровых) ведет свое начало в Кабардино-Балкарии еще с первой четверти XIX в. и имеет отношение к гагаузам, Максидов не принимает во внимание тот факт, что гагаузы — православные христиане и не могут носить имен Исмаил, Хажумар, Заурбек и т. п.

Пытаясь уточнить временные рамки появления гагаузов в означенных краях, районы их исхода, выявить возможных миграционных спутников гагаузов, автор обратился к материалам Государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, Государственного архива Республики Северная Осетия — Алания и Национального архива Республики Молдова. Небольшая часть этих материалов представлена в данной статье.

Когда же появились гагаузы на Северном Кавказе и откуда они пришли? По всей вероятности, не в начале XX в., не в 1920–1930-е гг., а в последней четверти XIX в., точнее, в 1870–1880-е годы. Период после отмены крепостного права в России следует считать временем начала миграционных перемещений гагаузов на Северный Кавказ. После официальной отмены крепостного права в 1861 г., на национальных окраинах России феодальные отношения сохранялись еще несколько лет. К числу таких окраин относился и Северный Кавказ. Царские власти приступили к реформе крепостного права в Терской области (в которую входила в этот период Малая Кабарда) лишь во второй половине 1860-х годов. Именно с отменой в России крепостного права и развитием капиталистических отношений связано начало масштабного крестьянского переселенческого движения, в том числе и на Северный Кавказ, первая волна которого приходится на 1860–1870-е гг.

Для поощрения переселенческого движения на Северный Кавказ российская администрация приняла ряд юридических документов, в частности, «Положение о заселении», «Постановление о праве раздачи частным лицам свободных казенных земель в Терской и Дагестанской областях и праве гражданских и военных лиц приобретать в собственность земли, принадлежавшие горцам Северного Кавказа», Правила о преобразовании общинного управления бывших государственных крестьян (1862 и 1868 гг.), согласно которым крестьяне получали право приобретать в собственность земли в Терской и Кубанской областях (Материалы по истории управления... 1902: 281).

В 1860–1870-е годы в Кабарду переселилось незначительное число крестьян, и главным образом это были жители центральных и украинских губерний России

(*Месяц* 1928: 12; *Бабич, Степанов* 2009: 26). Переселенцы из российских губерний преимущественно селились в тех районах Кабарды, которые уже ранее были освоены и в которых располагались крупные казачьи станицы, возникшие еще в 1770–1790-е годы, в период «военной колонизации» как военные укрепления «Кавказской линии», т. е. на территории современного Прохладненского и Майского районов Кабардино-Балкарии и Моздокского района Северной Осетии (в прошлом части Малой Кабарды): это станицы Прохладненская, Приближная, Солдатская, Екатериноградская и др.

Постановлением от 20 августа 1863 г. Российская администрация установила в Кабарде новый порядок: было введено общинное право владения землей для большинства населения и частная собственность для привилегированных сословий» (*Кумьков* 1957: 261–264). Лица, получившие землю в частную собственность, имели право сдавать свои земельные участки в аренду, осуществлять бессрочную закладку под ссуду или продавать. Сначала пришлые крестьяне пользовались земельными участками на правах аренды, позднее началась массовая продажа земли, принадлежавшей привилегированным сословиям Кабарды. В 1870–1880-е гг. «на территории Кабардино-Балкарии ...существовали крупные кабардинские селения и малодворные хутора, населенные русскими, осетинами, ингушами, немцами, греками и др.» (*Мамбетов* 1971: 71, 81; *Бабич, Степанов* 2009: 29).

В 1880-е гг. российская администрация приняла дополнительные постановления, связанные с крестьянским освоением Северного Кавказа: Положение Комитета министров о временных правилах по устройству переселения на казенные земли (1881 г.) и Закон о переселении крестьян (1889 г.), которые создали благоприятную почву для увеличения миграционных потоков». В 1882 г. для посреднических дел по покупке и продаже земли был образован Крестьянский поземельный банк (*Бабич, Степанов* 2009: 28–29).

Вторая волна заселения Северного Кавказа крестьянами различных губерний России относится к началу 1890-х гг. Важной причиной была земельная реформа, создавшая дополнительные льготные условия для переселенцев, в частности, крестьяне получили право выходить из общины на хутора и закреплять наделы в личную собственность с правом их продажи (*Бабич, Степанов* 2009: 31).

С отменой крепостного права в России совпали по времени процессы миграционного оттока значительной части населения Северного Кавказа в Турцию (т. н. мухаджирство), что привело к тому, что многие районы этой территории опустели. «В конце 50-х — середине 60-х гг. XIX в. территорию Северного Кавказа покинуло около 500 тыс. коренных жителей этого региона» (*Кабузан* 1996: 94), в основном адыгов, ногайцев, кумыков и чеченцев. Это было связано с результатами Крымской войны. Мусульманские жители Кавказа и Таврической области рассчитывали, что населенные в основном ими земли отойдут от России, либо получив независимость, либо будучи включены в состав Турции. Когда эти надежды не оправдались, жители Кавказа и Тавриды под воздействием турецкой агитации заявили о своем желании эмигрировать в Турцию. Эти процессы в сочетании с крестьянской реформой и почти одновременно проводившейся земельной реформой привели к активизации внутривосточных миграций и устойчивому миграционному притоку населения, обеспечившему быструю колонизацию вновь присоединенных к России районов. За 1870-е годы в регион прибыло почти 350 тыс. человек, а за два последних десяти-

летия XIX в. на Северный Кавказ переселилось почти 760 тыс. человек (Белозеров 2005: 34–35). Бессарабия же в конце XIX в. оказалась в числе регионов страны с явным аграрным перенаселением, и сама начала поставлять партии мигрантов (Анципов 1996: 51) другим районам России, в т. ч. и Северному Кавказу. Наличие огромных массивов свободных плодородных земель этого края стало главным фактором притяжения, основным привлекательным моментом для крестьянского гагаузского населения, к тому времени уже страдавшего от малоземелья, послужив серьезным выталкивающим фактором, наряду с лишением гагаузов и болгар юридического статуса колонистов по реформе 1871 г. в Бессарабской области, введением для гагаузов и болгар воинской повинности (1874 г.) и др. (Ангели 2007: 338–339).

История появления на Северном Кавказе поселений, в которых в настоящее время живут гагаузы, различна. Но прежде чем говорить о первых этапах этой истории, необходимо кратко остановиться на характеристике, в том числе этнической и языковой, того небольшого региона Северного Кавказа, в который переселялись гагаузы Бессарабии, Таврической губернии и где они живут по сей день. Малая Кабарда, а именно так называлась территория, о которой идет речь, «Таусултановские земли», ограниченные Тереком, Курпом и осетинским сел. Эльхотово, в отличие от Большой Кабарды, в XIX веке характеризовалась пестрым этническим составом населения. В 1859 г. она состояла «из 1060 дворов малокабардинцев, до 150 дворов осетин — магометан и христиан, 225 дворов чеченцев и до 450 дворов кумыков» (ЦГА КБР 2), т. е. в Малой Кабарде «проживало немногим более 11300 человек, в том числе приблизительно 6400 кабардинцев» (Бейтуганов 2007: 55), что составляло лишь около 57% жителей, а значительная доля в ее населении падала на **тюркоязычных** кумыков.

Население Малой Кабарды было чрезвычайно подвижно. Аулы перемещались с одного места на другое, мельчали, укрупнялись, и к 1865 г. эта территория была занята лишь 15 малокабардинскими селениями: по р. Тереку — 4 селения (Булатова, Борокова, Кохужева, Эльтухова), на р. Дее — 5 селений (Муртазова, Безрокова, Куннижева, Муртазова и Боташева), на р. Акбаш — сел. Боташево, на р. Курпе на левой стороне — сел. Исламова, Ахлова, Индарова, Хапцева и на склонах горы Заманкул — сел. Астемирова. Кроме кабардинцев, на Таусултановских землях находилось шесть осетинских селений, известных под названием куянских осетин, с 915 жителями (Волкова 1974: 225).

Другая часть земель Малой Кабарды находилась к этому времени во владении князя Бекович-Черкасского. Этнический состав населения в селениях, располагавшихся на землях князя Бекович-Черкасского, также был разнообразен. Здесь жили кабардинцы, осетины, чеченцы, кумыки, карабулаки, ингуши (Волкова 1974: 225). Некоторые исследователи считают, что «Малая Кабарда была полиэтничной областью при ведущей роли кумыкского кабардинского князя Бекович-Черкасского и его кумыкских узденей. Кроме того, известный малокабардинский князь Ахлов имел ногайское происхождение, а кумыкско-ногайские уздени и были владельцами малых малокабардинских аулов», и вернее было бы назвать Малую Кабарду **тюркской** (кумыкско-ногайской) областью, а не адыгской» (Салтагаров 2018). Таким образом, присутствие в этих краях близких гагаузам по языку тюркоязычных кумыков и ногайцев (а еще в 1799 г. ордынские ногайцы занимали урочище Ачикулак Моздокского уезда (Кипкеева 2007: 22), а позднее оседлые ногайцы жили в селениях

этой территории) делало выбор этого района Северного Кавказа для гагаузов более привлекательным, чем какой-либо иной.

Но мы говорим о православных гагаузах, для которых переселение в земли, населенные иноязычным и, главным образом, мусульманским населением, было бы довольно сложным и малокомфортным. Районы же Северного Кавказа, в которых и сейчас живут гагаузы, это те районы Малой Кабарды, где было значительным присутствие православного населения. Прежде всего, это, конечно же, русское население казачьих станиц, образованных еще в XVIII веке, а также православные кабардинцы, жившие в районе Моздока. Помимо русских, украинцев, православных кабардинцев, в Малой Кабарде проживали и православные осетины.

В последние три десятилетия XIX в. и в начале XX в. на Северном Кавказе еще более усилились начавшиеся ранее переселения в этот край различных народов. В основном эти миграции направлялись в Кубанскую область и Черноморский округ и меньше — в Терскую область, куда входила Малая Кабарда. «Так возникают в 1860-х годах греческие селения Карамлык и Негута в Пятигорском уезде и Хаусаут в Баталпашинском отделе Кубанской области, эстонские поселения Марухо-Эстонское, Хусы-Кардоникское и Ливонское на правом берегу Урупа, чешские селения в Черноморском округе и Темрюкском уезде Кубанской волости др. Значительным по своим масштабам в 1880–1890-х годах было также переселенческое движение русских и украинских крестьян из центральных и южных губерний России, направлявшееся преимущественно в Кубанскую область» (Волкова 1974: 244–245).

Какие источники информации донесли до гагаузов сведения о пустующих землях Северного Кавказа, так необходимых им для пропитания и обеспечения своего воспроизводства? Мы осмелимся высказать здесь предположение, что этим первым информационным источником могли стать ногайцы, ногайские мухаджеры, ушедшие в конце 1850-х — начале 1860-х гг. из населенных ими районов Ставрополя, Кубани, Терской области, в том числе и Малой Кабарды. Начало эмиграции ногайцев Северного Кавказа положили ногайцы Ставропольской губернии. В 1859 г. они в числе 12397 ревизских душ обоюбого пола получили разрешение на переселение в Турцию. Маршрут им был намечен через Землю Войска Донского, Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую и Бессарабскую губернии. В конце 1859 г. они в числе 16 тыс. чел. обоюбого пола остановились на зимовку в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, где увлекли за собой ногайцев Таврической губернии. В 1860 г. они перешли русскую границу и были расселены в Турецкой Добрудже» (Кабузан 1996: 94).

Часть ногайцев Северного Кавказа, не мигрировавшая в Турцию, еще до 1865 года с просроченными паспортами находилась в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии. Небольшому числу ногайцев «удалось возвратиться в Россию (из Турции) и устроиться по-старому. В 1863 г. прибыло в Тифлис и Бердянск 64 семейства ногайцев, а в 1864 г. — через Керчь еще 46 семейств» (Сергеев 1912: 10). Именно в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, в Приазовье, в 1861–1862 гг. появились гагаузы и болгары, переселившиеся в эти края, наряду с греками, армянами, из Таврической губернии, Бессарабии и из-за Дуная. «Оставленные ногайцами земли Мелитопольского и Бердянского уездов, представлявшие самые благодатные места для поселения, были в самое непродолжительное время заняты новыми поселенцами, местность им понравилась, и они здесь утвердились,

тем более что земли эти были казенными и представляли полную гарантию, что поселенцев отсюда уже никто не тронет. После ногайцев осталось здесь всего 270 000 дес. свободной земли. Она занята была переселенцами из малорусских и внутренних губерний, выходцами из-за Дуная и частью болгарами» (Сергеев 1912: 11). Именно здесь, в Приазовье, судьба свела гагаузов с ногайцами Северного Кавказа.

Как писали исследователи XIX в., «в 1860–1861 гг. под поселение выходцев из-за Дуная были назначены все казенные земли Таврической губернии... Болгары (и гагаузы) были поселены по преимуществу в Бердянском уезде, где они образовали целых 4 волости, и в 5 селениях Мелитопольского уезда...». «...В высшей степени неудачны были первые попытки болгар устроиться... Неурожаи 1862–1865 гг. и неумение приспособиться к местным условиям разорили переселенцев; начались «переходы» с места на место; многие порывались на Кавказ...». «... К началу 1866 г. положение дела было самое безотрадное, если не безнадежное; почти все переселенцы приготовились двинуться далее на Кубань», «часть переселенцев перебралась в Бердянский уезд, другие же разбрелись по разным селениям...» «... По окончании войны 1877–78 гг., когда Измаильский округ был возвращен России, стремление возвратиться на родину снова охватило болгар. Так, все поселяне с. Болград и с. Волканешты Мелитопольского уезда, с. Ново-Царицыно и с. Райново Бердянского уезда распродали свои земли и имущество и ушли на родину; примеру их последовали многие болгары селений Дмитровка, Александровки и Терновки. Они переселились с надеждой получить на родине новые наделы и новые льготы. Расчет их оказался неверным и многие снова вернулись в Таврическую губернию, но уже в качестве безземельных» (Сборник статистических сведений по Таврической губернии 1889: 9–11). Болгары и гагаузы, называвшие себя болгарами, вынуждены были наниматься батраками, мигрировать дальше на Кубань, в Терскую область, продолжая неоднократные переселения, осуществляя своеобразный транзит.

Но не только Приазовье могло послужить перекрестьем миграционных путей гагаузов и ногайцев. Уходя с Северного Кавказа в Турцию, ногайцы двигались разными путями, один из которых проходил через Бессарабию. Часть ногайцев, как известно, задержалась в Бессарабии и, не продолжив своего движения в Турцию, возвратилась на Северный Кавказ. Где, как не в районах бывших ногайских кочевий в Буджаке, уже заселенных на тот момент гагаузами, могли задержаться ногайцы и не от тюркоязычных ли ногайцев узнали тюркоязычные гагаузы о свободных плодородных землях Северного Кавказа? Можно высказать предположение, что отдельные, наиболее отважные и предприимчивые гагаузы могли добраться до районов Северного Кавказа вместе с вернувшимися назад, не ушедшими в Турцию ногайцами или, ориентируясь на их рассказы, попытались позднее совершить самостоятельные, «разведочные» миграции, а затем принять участие в движении ходоков, направлявшихся для выбора земельных участков в новых краях, что открывало со временем возможности более масштабных миграционных переселений гагаузов.

Можно предположить, что гагаузы (и болгары) не только Бессарабии, но и Приазовья, не удовлетворенные своими жизненными условиями в новых местах, перемещались на Северный Кавказ, выбрав миграционные пути в Кубанские земли и дальше, в Терскую область. Терская область позднее других областей Северного Кавказа привлекала к себе внимание переселенцев, что было обусловлено как недостаточным колониционным земельным фондом, так и «казачьим ее прошлым,

когда оседание иногородних переселенцев на казачьих землях было возможным лишь на правах аренды» (Кашежева 1980: 66). Более раннее поселение гагаузов и болгар в русских и украинских казачьих станицах края могло быть лишь единственным, ибо массовое расселение здесь было затруднено, ввиду невозможности получения (покупки) земельных наделов пришлым населением, не относящимся к казачьему сословию. И только с 1869 г. было получено разрешение «поселяться в станицах «иногородним», без приписки к войсковому сословию» (Максимов 1890: 34). Низкие арендные ставки на землю в Терской области особенно привлекали переселенцев.

Процесс колонизации здесь шел в значительной степени за счет частновладельческих земель. «Из 128234 десятин помещичьей земли пришлым населением было куплено почти 70% (Кашежева 1980: 70), т. к. в 1870–1880-е гг. цены на покупку земли в Терской области были значительно ниже, чем в соседних Кубанской, Ставропольской областях. С 1880-х годов, особенно со строительством железной дороги из Ростова на Дону во Владикавказ (1875 г.) процессы переселения в Терскую область значительно усилились.

В 1865 г. происходит административное разделение Малой Кабарды на две части — в западную селяются кабардинские аулы, а в восточной (включая выкупленные в казну земли князя Бекович-Черкасского) размещаются другие группы горского и «иногороднего» населения». Именно в этом районе Малой Кабарды, на реке Курп, недалеко от кабардинского аула Ахлово, в 1890 г. был образован хутор **Василенко**, который, по данным Терского календаря на 1901 год, насчитывал 45 дворов, 231 душу обоюбого пола, население которого составляли «болгары», а возле селения Хапцево — хутор **Сухоцкий** (1899 г.), насчитывавший 35 дворов, 170 человек, в основном «болгар» (Терский календарь 1900: 38, 164).

Пришлое крестьянское население иногда приписывалось к уже существующим селениям, но чаще поселялось на хуторах. В свое время известный российский статистик И. В. Бентковский, объясняя предпочтительное расселение крестьян на хуторах, писал: «Тяжести, выпадавшие на долю селений, в смысле отбывания повинностей, толкали многих к уходу из села, и вот в пределах сельского юрта возникали хутора и кочевки. Удалявшиеся на хутор и в отношении земельном пользовались большими удобствами, и хозяйства их ширились». «Прибывающие в область иногородние, иногда целыми десятками семейств, селятся хуторами на владельческих или общественных землях» (Бентковский 1870: 46).

Административное оформление тех или иных населенных пунктов в тот период происходило зачастую спустя многие годы после фактического их образования, и отмеченная в Терском Календаре дата образования хутора Василенко (1890 г.), хутора Сухоцкий (1899 г.), их «болгарского» населения могла не отражать времени фактического, возможно, более раннего поселения здесь гагаузов и болгар.

Из Рапорта Атамана Сунженского отдела Терской области Начальнику Терской области Наказному атаману Терского казачьего войска от 8 января 1902 г. также известно, что хутора, расположенные по р. Курпу, «тянутся от сел. Ахлово до реки Терика на расстоянии около 15–17 верст; всех хуторов пятнадцать; на них живет 293 двора, из них мужского пола 779 и женского 652; по национальности русских и болгар 287 дворов, из них мужского пола 761 и женского 642 души; немцев 4 двора, из них мужского пола 9 и женского 5; осетин 2 двора, из них мужского пола 9

и женского 5 душ; из этих хуторов 12 находятся в ведении сел. Ахлова и 3 в ведении сел. Хапцева», ... «большой из хуторов — Василенкова, где 52 двора» (ГАРСО 11).

Очевидно, гагаузы (и болгары) вначале арендовали земли, на которых были образованы хутора, но позднее, после создания Крестьянского поземельного банка, смогли эти земли выкупить.

В материалах государственного архива Республики Северная Осетия нами был обнаружен список «Болгарского товарищества», состоявшего из 32 домохозяйств, члены которого приобрели при содействии Крестьянского банка у Аккерманских мещан Захара Иванова и Ивана Алексеева Василенки 450 десятин земли, «состоящей в Терской области Сунженского отдела в юрте Ахловского селения при реке Курп. (1901 г.) (ГАРСО 11). Из этого списка становятся известными не только фамилии и имена членов этого товарищества, но и районы их исхода в Кабарду.

Указанные в списке так называемого «Болгарского» товарищества фамилии (тюркская основа фамилии, с характерными окончаниями на «оглу», а также с аффиксами «джи»// «джы», «чи»// «чы», «ли»// «лы») давали возможность сделать предварительный вывод, что не все числившиеся в этих селениях болгары были таковыми: по крайней мере, часть этих жителей могла быть гагаузами. Кроме того, из списка «Болгарского» товарищества стало известно, что районами выхода переселенцев в Кабарду являлись как Бессарабская, так и Таврическая губерния, Приазовье (см. подробнее Субботина 2006: 395–396).

Состав поселенцев не оставался неизменным: одни уезжали на новые земли, другие возвращались на прежние места жительства, а навстречу им двигался поток мигрантов из Бессарабии, искавших на Северном Кавказе «лучшей доли». В фондах Национального архива Республики Молдова нами обнаружено прошение «поселян (гагаузского — И. С.) села Татар-Копчак Аккерманского уезда Кубейской волости, в числе 42 душ» на имя Бессарабского губернатора, датированное 22 февраля 1893 г., следующего содержания:

«В нашем селе, Татар-Копчак, размер надельной земли с течением времени все более и более уменьшаясь, по мере быстрого возрастания населения, дошел в настоящее время до 1 ½ десятины на душу: такой незначительный размер надела вынуждал нас сеять на одном и том же месте один род хлеба без оставления поля в залежи, отчего почва до того истощилась, что в последние годы всходил один дикий овес, совершенно заглушавший посеянные озимые и яровые хлеба: такие неурожаи, повторявшиеся в последние 2–3 года подряд, а также отсутствие вблизи где-либо посторонних заработков, положительно нас подкосили и привели нас к совершенному разорению. В виду этого и не имея возможности здесь долее приобретать средства к существованию: ни земледелием на таком незначительном клочке земли, ни посторонними заработками, мы нижеподписавшиеся в количестве 42 семейств имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о разрешении нам выехать на своих лошадях в апреле месяце этого года на годовой срок в Кубанскую область недалеко от города Екатеринодара, где мы надеемся заарендовавши землю, заниматься земледелием и где **давно уже проживают** (выделено нами — И. С.) несколько семейств из наших мест» (НА РМ 8).

Эти документы косвенно подтверждают, что и в Кубанской области Северного Кавказа задолго до 1890-х годов уже проживали гагаузы и болгары Приазовья и Бессарабии.

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. дают очень богатый материал о расселении народов по территории страны. Трудность использования этих материалов для получения представления о расселении болгар и гагаузов в конце XIX века на Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях (в остальных областях и губерниях Северного Кавказа показатели очень незначительны), заключалась в том, что в переписи не было признака «национальность», вместо него фиксировался признак «родной язык». Носителями болгарского языка могли быть не только этнические болгары, но и часть гагаузов, называвших себя болгары, а свой родной язык — болгарским. Кроме того, гагаузы в большинстве своем называли свой родной язык турецким (*тюркча*), а носителями турецкого языка на Северном Кавказе были не только гагаузы. Если, скажем, в Бессарабской губернии абсолютное большинство носителей турецкого языка были гагаузами, то на Северном Кавказе необходимо было выделить среди тех, для кого турецкий язык был родным, лиц православного вероисповедания, так как гагаузы в своем абсолютном большинстве придерживались православия. Но и в этом случае нельзя было сказать, что все православные с родным турецким языком — это гагаузы: и в Кубанской, и в Терской областях в конце XIX в. проживали также православные греки-переселенцы с родным турецким языком (урумы). Необходимо заметить также, что часть гагаузов, переселяясь в пределы Российской империи, называла себя не только болгары, но и греками. Все указанные обстоятельства значительно снижали значимость материалов переписи в определении точной численности гагаузов в означенных областях Северного Кавказа в конце XIX в.

Таблица 1

Перепись населения Российской империи 1897 года. Распределение населения по родному языку и вероисповеданию*

Названия областей и уездов	С болгарским языком	С турецким языком	
		Всего	В том числе православные и старообрядцы
Кубанская обл.	322	2187	1426
В том числе:			
<i>Кавказский отдел</i>	96	36	15
<i>Лабинский отдел</i>	86	93	53
<i>Майкопский отдел</i>	46	258	194
<i>Темрюкский отдел</i>	63	767	634
<i>Екатеринодарский отдел</i>	22	935	360
<i>Баталпащинский отдел</i>	3	20	-
<i>Ейский отдел</i>	11	78	72
Терская обл.	29	106	63

Составлено по: Перепись 1897. Кубанская обл; Перепись 1897. Терская обл.

Как показывают материалы переписи 1897 г. (Табл. 1), лиц с родным болгарским языком в Кубанской области было сравнительно немного — 322 чел., и они в основном населяли Кавказский, Лабинский и Темрюкский отделы области (Пер-

вая Всеобщая перепись населения 1897 г. Кубанская обл. 1905). Своих этнически компактных поселений на Кубани в XIX веке болгары не основали. Как отмечают исследователи, в этот период «в силу разных причин (малочисленность, **отсутствие культурной однородности** (выделено нами — И. С.) ... они не оформились в более или менее выраженную этническую общность» (Бондарь 2008: 71). Отмеченная учеными Кубани культурная неоднородность болгарских переселенцев могла быть связана с тем, что наряду с этническими болгарскими, в потоках болгарской миграции присутствовали и гагаузы.

Те же материалы переписи 1897 г. указывают на то, что в населении области православных жителей с родным турецким языком было в несколько раз больше, чем болгар — 1426 чел., и проживали они в большинстве своем в Екатеринодарском, Темрюкском и Майкопском отделах Кубанской обл. (Табл. 1). Поскольку в этих же районах проживало и греческое население, то можно предположить, что часть православных жителей, указавших родным языком турецкий, это не только греки-урумы, как предположил А. А. Киселев (Киселев, 1997: 77), но и гагаузы.

Если говорить о Терской области Северного Кавказа (Табл. 1), то в 1897 г. на ее территории проживало значительно меньшее число носителей болгарского языка (29 чел.) Отмеченная численность православного населения с родным турецким языком достигала 63 человек.

Дальнейшие архивные поиски привели автора к периоду 20–30-х годов XX в., в котором мы надеялись найти разгадку утверждения некоторых исследователей, что именно в это время на Северном Кавказе (в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) появились гагаузы. В фондах государственного архива Кабардино-Балкарии, среди материалов местных органов государственной власти и государственного управления КБР был обнаружен привлекший наше внимание «Список граждан-болгар, фактически поселившихся в хуторе Малгобек (1925 г.)». Среди прочих материалов этого фонда было найдено «Заявление на имя Председателя Центрального исполнительного комитета Кабардино-Балкарской Горской республики от граждан бывших **Курпинских хуторов**: х. **Василенкова**, Индарова, Балкарова, Муртазова, Старого Пушкарева, и Нового Пушкарева, Юхневского, Инарокова и Фальшина № 1 **Хапцевского, Ахловского** и Исламовского Правления 1-го и 4-го участков Нальчикского округа Терской линии» (в 1925 году живших в селах Романовка, Прохладное и др. Кокпектинской волости Зайсанского уезда Семипалатинской губернии — И. С.) следующего содержания (здесь и далее в документах сохранена стилистика и орфография подлинных материалов):

«Настоящим доводим до Вашего сведения, что мы, жители выше названных хуторов, поселившиеся в **1899 г.**, приобрели упоминаемые участки через Крестьянский поземельный банк. Но в 1917 г. мы были выдворены восставшими горскими туземцами, действовавшими под руководством генерала Караулова. Но в настоящее время изъявляем желание возвратиться на прежнее место, ввиду восстановления соответствующего социалистического порядка.

На основании вышеизложенного просим Вашего распоряжения о получении положенных прав на наше переселение на старое место жительства.

Возбуждающих настоящее ходатайство в числе 43 семейств в составе 233 душ. Список их прилагается при сем же. 1925 г.» (ЦГА КБР Р-6).

Эта просьба о переселении была удовлетворена, и из бывших жителей х. Василенко и пр., вернувшихся из Казахстана в Кабардино-Балкарию, а также кабардинцев селения Н. Курпское, выразивших желание переселиться во вновь созданное национально-смешанное селение, в 1925 г. был образован новый поселок Малгобек (позднее названный Нижним Малгобеком). За первым ходатайством о возвращении из Казахстана «на свою родину» последовали и другие, но ввиду отсутствия свободных земель в Кабардино-Балкарии, на просьбы переселенцев были получены отказы.

Изучение списочного состава, так называемых, «болгар-переселенцев» (см. подробнее Субботина 2006: 240) бывшего хутора Василенко, позднее селения Малгобек, а затем и селения Сухотское (сейчас Северная Осетия–Алания) и сопоставление их фамилий со словарем гагаузских фамилий и прозвищ дало основание утверждать, что в числе болгар-переселенцев тех лет 80–90% могли составлять гагаузы.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что первоначально (вероятнее всего в 1870–1880-е гг.) гагаузы и болгары расселились на территории Кубанской области Северного Кавказа, чуть позднее (в 1880-е годы) — в Терской области на образованных ими хуторах на территории, которая находилась в районе реки Нижний Курп, близ селения Ахлово и Хапцево (в настоящее время это территория Моздокского района Северной Осетии–Алании). Курпский район Кабардино-Балкарии отличался повышенной долей в населении тюркоязычного компонента. Даже в 1939 г. удельный вес кумыков в населении составлял 31,5%, в то время как доля кабардинцев достигала лишь 28,0% (ЭТНО-КАВКАЗ). Позднее началось расселение гагаузов и болгар из «Нижне-Курпского гнезда» в соседние казачьи станицы Малой Кабарды, входившие в Сунженский отдел Терской области (ныне территория Кабардино-Балкарии) — Прохладненскую, Приближную, Солдатскую, Екатериноградскую, в с. Виноградное (бывшая немецкая колония Гнаденбург) и др.

В начале XX в. взаимоотношения местного населения с пришлым были более спокойными и неконфликтными, поскольку «переселенцы занимали только выкупленные или арендованные земли, а не изъятые у местного населения». Постепенно в Кабардино-Балкарии возникла проблема малоземелья. Уже «в ноябре 1910 г. начальник (Нальчикского) округа Клижбиев посетил Курпские хутора, интересуясь отношением местного населения к хуторянам. Клижбиев порекомендовал хуторянам обороняться на случай нападения «грабителей», пообещав выдать оружие и патроны. Меры по самообороне хуторянам были необходимы в связи с тем, что надел земель (в эти годы уже — И. С.) проводился за счет урезки общинных земель, против чего решительно выступали местные крестьяне» (Иванова 2002: 75–76).

«К 1917 году в Терской области (куда в те годы входила и Малая Кабарда — И. С.) характерным было переплетение земельных, национальных, классовых, религиозных и сословных противоречий. Это создавало напряженную обстановку, которая еще более накалилась в первые месяцы после Октябрьской революции» (Иванова 2002: 76). Усилившаяся межнациональная напряженность, выражавшаяся в набегах горцев в 1917 г. на земли переселенцев из Бессарабии, Таврической губернии и нанесении урона хозяйствам, вынудила их переселиться в Семипалатинскую губернию, где в те годы было много свободных пахотных земель. Возможно, переселение га-

гаузов и болгар из Кабардино-Балкарии именно в Семипалатинскую губернию связано с тем, что в этих краях уже жили переселенцы из Бессарабии, выехавшие туда в первые десятилетия XX в. Но тяжелые климатические условия, невозможность заниматься привычными для южан видами сельскохозяйственной деятельности, а также изменение социально-политической обстановки в стране в целом и на Северном Кавказе, в частности, привели к тому, что недавние переселенцы (а прошло немногим более 5–8 лет) решили в 1925–1926 гг. возвратиться на прежнее место жительства, «на свою родину», т. е. на Северный Кавказ. И именно это возвращение гагаузов из Семипалатинской губернии в места их прежнего проживания в Малой Кабарде было, возможно, воспринято историками как первоначальное появление гагаузов в этих краях.

И. Ф. Грек, известный ученый Республики Молдова, к работам которого автор относится с большим вниманием, обвинил автора этой статьи в ошибочной методике определения численности гагаузов Северного Кавказа, опирающейся лишь «на долю фамилий тюркского происхождения» среди переселенцев (Грек 2019: 320), так как некоторые этнические болгары также являются носителями подобных фамилий. Замечания И. Ф. Грека заставили автора продолжить публикацию своих материалов, подтверждающих сделанные ранее выводы. Дело в том, что не только антропомический анализ архивных материалов, но и изучение современного населения отдельных сел Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании (станции Екатериноградской, селений Н. Малгобек, Сухотское и др.), этнографические и фольклорные исследования гагаузских ученых С. С. Курогло, Л. С. Чимпоеш и др., проводимые в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в 1980-х гг., пофамильный анализ похозяйственных книг сел за период 1940-х–2000-х гг., опросы (1989 и 2005 гг.) местного «болгарского» (ибо и в настоящее время значительная часть жителей, особенно старших возрастов, по-прежнему называют себя болгарами и числятся таковыми по документам) населения, беседы с местными жителями, со старожилами, еще помнящими родной гагаузский язык, и руководителями администраций этих районов дали автору богатейший материал и неоспоримые доказательства того, что и бывшие болгары-переселенцы и нынешние «болгары», являющиеся их прямыми потомками, в большинстве своем представляют гагаузское население.

Этнодемографическое исследование, проведенное в 1989 г. (совместно с С. С. Курогло) по анкете, разработанной автором статьи, среди гагаузского населения (можно не сомневаться, что такой высококвалифицированный этнолог, гагауз по национальности, каковым был С. С. Курогло, вряд ли перепутал бы носителей гагаузского и болгарского языков, хотя общаясь с ученым на гагаузском языке, сельчане называли его болгарским) сел Сухотское, Н. Малгобек Северной Осетии и станции Екатериноградской Кабардино-Балкарии, было нацелено, помимо прочего, на выяснение мест рождения респондентов и их родителей, а также территории, откуда они прибыли в данный населенный пункт. Всего в 3-х названных селах было опрошено 114 человек в возрасте от 16 лет и старше. Анализ этих материалов, проведенный в корреляции с возрастом респондентов, дал возможность подтвердить сделанные выше выводы.

Вспоминается случай, свидетелем которого стал автор при проведении интервьюирования гагаузов станции Екатериноградской в 2005 г. В анкете, которую заполняли респонденты, был вопрос: «Человеком какой национальности Вы себя считаете?». Один из двух пожилых мужчин, заглядывая в анкету другого, спрашивает:

«Зачем ты написал «болгарин»? Нам же рассказывали, что мы — гагаузы». Думаю, что одним из таких «просветителей» для местного населения был Степан Курогло, проводивший исследования в станице Екатериноградской за 15 лет до проведения автором повторного опроса. Другой яркой фигурой гагаузского «возрождения» является Екатерина Пунаржи, уроженка с. Сухотское, кандидат исторических наук, оказавшая автору неоценимую помощь в изучении гагаузов означенных сел. Интересен факт, что Екатерина Пунаржи считает себя гагаузкой, а ее родной брат, экс-глава станицы Екатериноградской, Николай Великсаров, выросший в одной с ней семье, называет себя болгаринном.

Наиболее интересной, с точки зрения информации о местах выхода первых поселенцев-гагаузов, являлась группа респондентов (опрос 1989 года) старше 60 лет, т. е. тех, кто родился в 1920-е гг. и ранее. Рождение их родителей приходится на 1900-е гг. и более ранний период. Опрос пожилых гагаузов («болгар») села Сухотское показал, что их родители в большинстве своем были выходцами из гагаузских Вулканешты, Копчака, Этулии Бессарабской губернии, а также сел Котловина, Болбока Одесской области Украины. Единичные ответы свидетельствовали и о «приазовском» следе предков нынешних гагаузов, назвавших местами рождения своих родителей Мелитополь.

Пожилые гагаузы села Н. Малгобек местом рождения своих родителей назвали Вулканешты, Копчак, Болбоку, а также Семипалатинскую обл. Казахстана, Казахстан и Сибирь. Напомним, что жители этого села и их предки проживали прежде в х. Василенко, но в 1917–1918 гг. вынуждены были покинуть Северный Кавказ и переселиться «в Сибирь», в Казахстан, откуда в 1925–1926 гг. вернулись в Малую Кабарду (Субботина 2009: 386–402).

Пожилые гагаузы станицы Екатериноградской в своих ответах были близки гагаузам села Сухотское и Н. Малгобек, назвав местами рождения своих родителей Вулканешты, Копчак, Этулию, Чишмикию, Болбоку, Котловину, а также Семипалатинскую область Казахстана и Сибирь.

Места рождения самих респондентов-гагаузов, опрошенных в 1989 г., дали возможность определить, как формировался состав гагаузского населения названных сел в основном уже в советский период. Материалы опроса показали, что жители сел Сухотское и Н. Малгобек на 90–92% состоят из уроженцев своего или соседнего села, а 8–10% (наиболее пожилых респондентов) падают на долю тех, кто родился в гагаузской Этулии и Ставропольском крае (для Сухотского), и тех, кто родился в Семипалатинской области Казахстана, Сибири (для Н. Малгобека). Гагаузы станицы Екатериноградской лишь на две трети (67%) являются уроженцами своего села, еще 10% составляют те, кто родился в соседних Сухотском и Н. Малгобеке, а остальные 23% гагаузов местами своего рождения назвали Вулканешты, Котловину, Запорожье, а также Семипалатинскую область Казахстана.

Одним из вопросов нашей анкеты был вопрос о родном языке (2005 г.). Почти половина опрошенных гагаузов назвали родным языком гагаузский. Была определенная часть респондентов (10%), в особенности преклонного возраста, назвавших родным языком болгарский (и это те же гагаузы, которые определили свою национальную принадлежность как «болгарин»). Русский язык в качестве родного назвало свыше 40% респондентов, что обусловлено тем, что они родились и выросли в семьях гагаузов, использовавших русский язык в качестве основного (а иногда

единственного) языка общения, а также этническим окружением и длительностью проживания в нем. Признание гагаузского языка родным почти половиной опрошенных гагаузов слабо коррелировало со степенью его знания: каждый второй из них говорил на гагаузском языке с затруднениями или вообще не говорил на языке.

Как же складывалась динамика численности гагаузского и (отчасти) болгарского населения исследованных сел? По данным переписи населения 1926 г. по Кабардино-Балкарии, в хуторе Сухотский насчитывалось 43 двора (186 чел.) «болгар», в с. Н. Малгобек — 32 двора (176 чел.), в общей сложности 362 чел. (Поселенные итоги переписи 1926: 411–420). В докладе Мало-Кабардинского окружного исполнительного комитета КБАО за период с 1 января 1928 г. по 1 июля 1929 г. представлены сведения о народонаселении округа, из которых явствует, что численность «болгар» в названных селениях возросла к этому периоду до 409 человек (ЦГА КБР 2). На 01.07. 1931 г. в сведениях о национальном составе населения по округам КБАО находим численность «болгар» Мало-Кабардинского округа, равную уже 554 чел., при этом в х. Сухотском их насчитывалось 237 чел., в х. Василенко (Малгобек) — 306 чел., в пос. Терекский — 6 чел., в Раздольном — 5 человек (ЦГА КБР Р-151).

Война и послевоенные невзгоды и лишения, гибель части мужского населения на фронтах, повышенная смертность и снижение рождаемости в годы войны, миграции населения в другие села и города привели к тому, что, по сведениям Районной инспектуры Государственной статистики Прохладненского района КБАССР, на 01.01.1947 г., в сельской местности района проживало 319 «болгар» (ЦГА КБР Р-257). В Пролетарке численность болгар составляла 59 чел., в ст. Приближной — 3 чел., в ст. Екатериноградской — 167 чел. (ЦГА КБР 257). К 2010 г. в Сухотском проживало 25 «болгар» и 10 гагаузов, в Н. Малгобеке — 53 «болгарина» (ВПН 2010).

Станица Екатериноградская являлась одной из самых крупных станиц Терской области и даже непродолжительное время носила статус города, центра области. В середине XIX в. (1850 г.), по данным духовенства, в ст. Екатериноградской проживало только русское население — 2424 чел. В соседних станицах — Приближной, Пришибской и Солдатской — тоже жили русские (709, 1550 и 988 чел. соответственно). Станицу Прохладненскую населяли украинцы (2466 чел.) (Кабузан 1996: 183–186, табл. 54).

Поселенные данные переписи населения 1926 г. не дают нам представления о том, проживали ли в тот момент в ст. Екатериноградской «болгары». В материалах Госархива КБР за 01.01.1947 г. находим данные о численности болгар в ст. Екатериноградской — 167 чел. Материалы похозяйственных книг станицы дали автору возможность проследить динамику численности гагаузов и болгар на протяжении более чем полувека, начиная с 1940-х гг. Сплошная выборка из похозяйственных книг станицы за 1943–1944 гг. показала наличие 154 «болгар», живших в 21 однонациональной «болгарской» семье, все члены которых были записаны болгарскими (114 чел.) (см. Табл. 2). Это Дерменжи, Ириогло, 2 семьи Чавдарь, 2 семьи Касаджик, Братанов, Янышева, Ириоглов, Орманжи, Орлов, 2 семьи Кирчевых, Зебель, Гурев, Кулаксыз, Келяогло, Арабаджи, Анастасова, Гергешан.

Помимо этого, еще 40 «болгар» проживали в 9 этнически-смешанных семьях, будучи их главами, супругами глав семейств, зятями, снохами, детьми. У них были зафиксированы следующие фамилии: Зебель, Мамонтова (бывш. Стоянова), Ануфриева, Дерменжи, Иванов, Михайлов, Орлов, Вельчев, Кичанов. В книгах

за 1958–1960 гг. среди однонациональных «болгарских» семей появляется еще 5 новых фамилий: Монастырло, Гаризан, Килиоглов, Москоглов, Текерлек.

Кроме того, отмечено появление 10 национально-смешанных семей с отдельными членами «болгарской» национальности (жены, мужья, снохи, зятя и пр.): Кулидобров, Чабанов, Ковлаков, 2 семьи Карапеевых, Кулаков, Федченко, Сергиенко, Кочетков, Дементьев. Появление у «болгар» русских и украинских фамилий было связано со вступлением в межэтнические браки, когда фамилия (а в последствии и национальность) мужа иной этнической принадлежности передавалась жене-«болгарке», а затем и детям.

Таблица 2

Численность «болгар» станицы Екатериноградской (1943–2001 гг.)

Годы	Однонациональные «болгарские» семьи		Национально-смешанные семьи с «болгарским» элементом		Всего «болгар»
	Число семей	Численность в них «болгар»	Число семей	Численность в них «болгар»	
1943–1944	21	114	9	40	154
1976–1978	31	81	75	133	214
1997–2001	24	54	70	120	174

В похозяйственных книгах за 1976–1978 гг. мы отмечаем появление еще 6 новых фамилий чисто «болгарских» семей — 2 семьи Велисаровых, 2 семьи Даловых, Кирилов, Григорьев, Каланжов, Радышев. Общая численность «болгар» в станице составила 214 чел., 81 из которых жили в 31 однонациональной семье, а 133 чел. — в национально-смешанных семьях (см. Табл. 2).

К 1997–2001 гг. список «болгарских» семей пополнился очень значительно. В нем появилось еще 32 новых фамилии: Дымов, Сорочан, Кайдбайлова, Тодоров, Анишко, Шиянова, Шатова, Пунаржи, Полукчу, Казанжи, Кукулер, Кирезлиев, Кононова, Зайченко, Ласкутинова, Дядов, Бондарь, Кивиогло, Лицинский, Федорова, Алентьева, Бузаджи, Катанжи, Федченко, Забунов, Бойко, Макущенко, Каланжева, Милова, Тотоева, Чернова, Ермилова. 24 семьи были однонациональными, общая численность которых составила 54 чел., 70 семей — национально-смешанные, численность «болгар» в которых составила 120 чел.

Таким образом, если в 1943–1944 г. почти 3/4 (74%) «болгар» жили в однонациональных семьях и лишь 26% — в национально-смешанных, то к 1997–2001 гг. картина браков поменялась кардинально: лишь 31% «болгар» жил в однонациональных семьях, а 69% — в этнически-смешанных.

Общая численность «болгар» в Екатериноградской к началу XXI века составляла 174 чел. (Табл. 2). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в станице Екатериноградской проживало лишь 70 «болгар» (ВПН 2010).

Таким образом, мы наблюдаем здесь сложные этнодемографические процессы. С одной стороны, шло увеличение численности гагаузского населения станицы Екатериноградской, его «стягивания», концентрации как в станице, так и в целом в Прохладненском и Майском районах (населенных главным образом русскими). Этот рост численности шел как за счет естественного прироста, так и за счет миграции из других сел (главным образом, из с. Сухотское и с. Н. Малгобек), особенно ускорившейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (что могло быть связано с усилив-

шимися в эти годы процессами этнической мобилизации у кабардинцев и осетин). С другой стороны, миграции более молодого поколения гагаузов в соседние города КБР (Прохладный, Майский), и другие города России (в т. ч. в Сибирь, Тюменскую и др. обл.), а также быстро идущие процессы смертности (ввиду «старой» возрастной структуры «болгарского» населения), ассимиляционные процессы, определяемые главным образом высокой долей этнически смешанных браков (в основном с русскими) и сменой фамилий и этнической идентичности у потомков от этих браков на русскую приводят к быстрому сокращению численности гагаузов в населении ст. Екатериноградской, с. Сухотского и с. Н. Малгобек.

Источники и материалы

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: <http://rosstat.gov.ru>
- Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973 — Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973. 664 с.
- ГАРСО 11 — Государственный архив Республики Северная Осетия. Фонд 11, оп. 7, ед. хр. 365, л. 3.
- Материалы по истории 1902 — Материалы по истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Вып. 1. Отдел III. Темир-Хан Шура, 1902.
- НА РМ — Национальный архив Республики Молдова. Фонд 8, оп.1, ед. хр. 2087, л. 122.
- Перепись 1897 Кубанская обл. — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская обл. СПб. 1905. 284 с.
- Перепись 1897 Терская обл. — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская обл. СПб., 1905. 259 с.
- Поселенные итоги переписи 1926 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929.
- Сборник статистических 1889 — Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Симферополь, 1889 г.
- Сергеев 1912 — Сергеев А. А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. Симферополь, 1912. 46 с.
- Терский календарь 1900 — Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900.
- ЦГА КБР 2 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд 2, оп. 1, д. 26, л. 3 об.
- ЦГА КБР Р-2 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-2, оп. 1, ед. хр. 501, л. 121.
- ЦГА КБР Р-6 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-6, оп. 1, д. 241, л. 27.
- ЦГА КБР Р-151 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-151, оп. 1, ед. хр. 305, лл. 42–43.
- ЦГА КБР Р-257 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-257, ф. Р-257, оп.1, ед. хр. 98, л. 244.
- ЦГА КБР 257 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд 257, оп. 1, д. 56, лл. 1, 6, 12.
- ЭТНО-КАВКАЗ — ЭТНО-КАВКАЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://ethno-kavkaz.narod.ru>

Научная литература

- Аманжолов А. С. О гагаузах в Казахстане и их языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, Казанский государственный университет. 1964. С. 258–265.
- Ангели Ф. Очерки истории гагаузов — потомков огузов (середина УШ — начало XXI вв.). Кишинев: Tipografia Centrala, 2007. 640 с.

- Анциупов И. А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII–XIX вв. Кишинев: Институт национальных меньшинств, 1996. 252 с.
- Бабич И. Л., Степанов В. В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860–1990-е годы. Москва: Институт этнологии и антропологии, 2009. 108 с.
- Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: «Эльбрус», 2007. 784 с.
- Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 309 с.
- Бондарь Н. И. Болгары Кубани: некоторые аспекты этнокультурной памяти // Славянский мир. Запад. Восток: памяти проф. Д. Г. Песчаного. Краснодар: Кубанькино, 2008. С. 70–85.
- Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М.: Наука, 1974. 276 с.
- Грек И. Ф. Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке) // Русин. 2019. № 55. С. 317–352.
- Грек И. Ф. Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане // Русин. 2020. № 62. С. 212–234.
- Губогло М. Н. О религиозной (ли?) идентичности // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 206–231.
- Иванова Н. В. О некоторых проблемах межнациональных отношений и взаимовлияния культур русского и автохтонного населения Кабардино-Балкарии в первой трети XX века // Respublica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2002. Вып. 3.
- Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этно-статистическое исследование. СПб: «Блиц», 1996. 220 с.
- Кашежева Г. М. Некоторые вопросы переселенческого движения в Терскую обл. в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 58–74.
- Квицинкова Е. Н. О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 264–283.
- Квицинкова Е. Н. Формирование самосознания гагаузов // Гагаузы. М., 2011. С. 126–139.
- Кипкеева З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы ХУШ в. — 60-е годы XIX в.). Автореф. ...доктора ист. наук. Ставрополь, 2007.
- Киселев А. А. Греки Кубанской области в конце XIX в. // Понтийские греки. Краснодар, 1997. Вып. 3. С. 73–80.
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с.
- Коков Дж. Н. Адыгские этнонимы. Нальчик, Эльбрус, 1979. 150 с.
- Кумыков Т. Х. Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1957. Т. 12. С. 261–264.
- Максидов А. А. Родословная Белгаровых // Zihia.narod.ru. б/г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zihia.narod.ru/belgar.htm>
- Максимов Е. Терское казачье войско // Терский сборник. Вып.1, Владикавказ, 1890.
- Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1971.
- Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. 191 с.
- Салпагаров А. Кабардинцы-тюрки в 1-й русской энциклопедии и других документах. 2018. URL: <https://a-salpagarov.blogspot.com/2018/12/kabardintsi-turki-v-entsiklopedii.html>
- Субботина И. А. Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численности. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 232–245.
- Субботина И. А. К истории появления гагаузов на Северном Кавказе // Курсом развивающейся Молдовы. М.: Старый сад, 2009. Т. 7. С. 386–402.
- Чимпоеш Л., Банкова Е., Арнаут Т. (сост.). Гагаузы Приазовья // Гагаузы Украины. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. 232 с.
- Шабашов А. В. Гагаузы. Одесса: Астропринт, 2002. 774 с.

References

- Amanzholov, A. S. 1964. O gagauzakh v Kazakhstane i ikh iazyke [About Gagauz People and their Language in Kazakhstan]. In: *Problemy tiurkologii i istorii vostokovedeniia* [Problems of Turkology and History of Eastern Studies]. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet. S. 258–265.
- Angeli, F. 2007. *Ocherki istorii gagauzov — potomkov oguzov (seredina VIII — nachalo XXI vv.)* [Analytical Review of the History of Gagauz People — the Descendants of Oghuz People] Kishinev: Tipografia Centrala.
- Antsupov, I. A. 1996. *Russkoe naselenie Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ia v kontse XVIII–XIX vv.* [Russian Population of Bessarabia and the Dniester Left-bank Region at the end of the 18th-19th centuries] Kishinev: Institut natsional'nykh men'shinstv.
- Babich, I. L. and V. V. Stepanov. 2009. *Istoricheskaia dinamika etnicheskoi karty Kabardino-Balkarii. 1860–1990-e gody.* [Historical Dynamics of Kabardino-Balkaria Ethnic Map in 1860–1990 s]. Moscow: Institut etnologii i antropologii.
- Beituganov, S. N. 2007. *Kabarda: istoriia i familii.* [Kabarda: its History and Family Names] Nal'chik: El'brus.
- Belozеров, V. 2005. *Etnicheskaiia karta Severnogo Kavkaza.* [Ethnic Map of the North Caucasus]. Moscow: OGI.
- Bondar', N. I. 2008. Bolgary Kubani: nekotorye aspekty etnokul'turnoi pamiatii [Bulgarians of Kuban: Some Aspects of Ethnocultural Memory]. In: *Slavianskii mir. Zapad. Vostok: pamiatii prof. D. G. Peschanogo* [The Slavic World. The West. The East. In Memory of Professor D. G. Peschanyi]. Krasnodar: Kuban'kino. S. 70–85.
- Chimpoesh, L., E. Bankova, and I. Arnaut (eds.) 2016. *Gagauzy Ukrainy. Vol. 2. Gagauzy Priazov'ia* [Gagauz Population of Ukraine. Vol. 2 Gagauz Population of the Azov Region] Kiev: Izdatel'skii dom Dmitriia Burago.
- Greк, I. F. 2019. Antroponimiia zhitel'ei poselka Bolgarskii v Kazakhstane (k voprosu etnogeneza gagauzov v Budzhake) [Anthroponymy of Bolgarskyi Town Population in Kazakhstan (to the Question of Gagauz Ethnogenesis in Budzhak)]. *Rusin.* 55: 317–352.
- Greк, I. F. 2020. Eshche raz o zhiteliakh poselka Bolgarskii v Kazakhstane [Once again about Bolgarskyi Town Population in Kazakhstan]. *Rusin.* 62: 212–234.
- Guboglo, M. N. 2006. O religioznoi (li?) identichnosti [On Religious (?) Identity]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy.* [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Staryi sad. 206–231.
- Ivanova, N. V. 2002. O nekotorykh problemakh mezhnatsional'nykh otnoshenii i vzaimovliianiia kul'tur russkogo i avtokhtonnoho naseleniia Kabardino-Balkarii v pervoi treti XX veka [On Some Problems of Interethnic Relations and Intercultural Influences of Russian and Autochthonal Population of Kabardino-Balkaria in the First Third of the 20th century]. In: *Respublica. Al'manakh sotsial'no-politicheskikh i pravovykh issledovani.* [Republic. Anthology of Sociopolitical and Legal Studies] Nal'chik. Vol. 3.
- Kabuzan, V. M. 1996. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv. Etnostatisticheskoe Issledovanie.* [Population of the North Caucasus in the 19th — 20th centuries. Ethnostatistical Study]. St. Petersburg: Blits'.
- Kashezheva, G. M. 1980. Nekotorye voprosy pereselencheskogo dvizheniia v Terskuiu obl. v poreformennyi period [Some Questions of Migration Movement to Tersk Region in Post-reform Period]. In: *Iz istorii feda'l'noi Kabardy i Balkarii.* [From the History of Feodal Kabarda and Balkaria]. Nal'chik. 58–74.
- Kipkeeva, Z. B. 2007. *Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie v period ikh vkhozheniia v sostav Rossiiskoi imperii (60-e gody XVIII v. — 60-e gody XIX v.).* [Population of the North-West and Central Caucasus: Migration and Settlement on their Entering the Russian Empire (60s of the 18th century — 60s of the 19th century)]. PhD diss. abstract, Stavropol'.
- Kiselev, A. A. 1997. Greki Kubanskoi oblasti v kontse XIX v. [Greek Population of Kuban Region at the end of the 19th century]. In: *Pontiiskie greki* [Pontic Greeks] Krasnodar. Vol. 3. 73–80.
- Kokov, Dzh. N. 1974. *Adygskaia (cherkesskaia) toponimiia* [Adyg and Cherkess Toponymy]. Nal'chik: El'brus.
- Kokov, Dzh. N. 1979. *Adygskie etnonimy.* [Adyg Ethnonyms]. Nal'chik, El'brus.
- Kumykov, T. Kh. 1957. Zemel'naia reforma v Kabarde v 1863–1869 gg. [Land Reform in Kabarda in 1863–1869] In: *Uchenye zapiski Kabardinskogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta.* [Scientific Notes of the Kabarda Institute of Sciences]. Nal'chik. Vol. 12. 261–264.
- Kvilinkova, E. N. 2006. O printsipe dvoinoi samoidentifikatsii gagauzov v proshlom i nastoiashchem [Principle of Double Self-identification of Gagauz people in the Past and Now]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy* [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Staryi sad. 264–283.
- Kvilinkova, E. N. 2011. Formirovanie samosoznaniia gagauzov [Forming Gagauz Identity]. In: *Gagauzy* [The Gagauz] Moscow: Nauka. 126–139.
- Maksidov, A. A. Rodoslovnaja Belgarovih [The Belgarovs' family tree]. In Zihia.narod.ru URL: <http://zihia.narod.ru/belgar.htm>
- Maksimov, E. 1890. Terskoe kazach'e voisko [Tersk Kazak Army]. In: *Terskii sbornik* [Tersk collection]. Vol.1, Vladikavkaz.
- Mambetov, G. Kh. 1971. *Traditsionnaia kul'tura kabardintsev i balkartsev* [Traditional Culture of Kabarda and Balkaria Peoples]. Nal'chik.
- Mesiats, S. I. 1928. *Naselenie i zemlepol'zovanie Kabardy.* [Population and Land Use in Kabarda] Voronezh.
- Salpagarov, A. *Kabardinty-turki v 1-i russkoi entsiklopedii i drugikh dokumentakh* [Kabarda-Turks in the First Russian Encyclopedia and other Documents. URL: <https://a-salpagarov.blogspot.com/2018/12/kabardinty-turki-v-entsiklopedii.html>
- Sergeev, A. A. 1912. *Ukhod tavricheskikh nogaitsev v Turtsiiu v 1860 g.* [Migration of Tavria Nogay Population to Turkey in 1860] Simferopol'.
- Shabashov, A. V. 2002. *Gagauzy.* [The Gagauz] Odessa: Astroprint.
- Subbotina, I. A. 2006. Gagauzy Severnogo Kavkaza: ob istorii pereseleniia i chislennost'. Poiski i nakhodki [Gagauz People of the North Caucasus: on their History of Migration and their Number. Searches and Findings]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy.* [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Staryi sad. 232–245.
- Subbotina, I. A. 2009. K istorii poiavleniia gagauzov na Severnom Kavkaze [To the History of Gagauz Appearance in the North Caucasus]. In: *Kursom razvivaiushcheisia Moldovy* [The Course of Developing Moldova] Moscow: Staryi sad. 386–402.
- Volkova, N. G. 1974. *Etnicheskii sostav naseleniia Severnogo Kavkaza v XVIII–nachale XX vv.* [Ethnic Composition of the North Caucasus Population in 18th — the beginning of 20th centuries]. Moscow: Nauka.

МУЗЕЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 393+28

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/180-194

Научная статья

© А. В. Костров

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ «СМЕРЕТНЫЙ» КОМПЛЕКС
ИЗ СОБРАНИЯ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ: СТРУКТУРА И СИМВОЛИКА

В статье раскрывается информационный потенциал такой уникальной части старообрядческой коллекции Иркутского областного краеведческого музея, как похоронный комплекс. Он включает в себя смеретную одежду, домовину и другие атрибуты «собирания» усопшего, которые были привезены сотрудницей музея А. М. Поповой из экспедиций к семейским старообрядцам Забайкалья в 1924–1927 гг. Помимо состава комплекса, материала, цвета, техники создания и структуры его отдельных компонентов, особый интерес представляет используемая символика чисел, через которую проявилось обращение к важнейшим христианским категориям. Ключом к этой символической системе является лестовка как старообрядческие моленные чётки, содержащие в себе основные числа (3, 4, 7, 9, 12, 17, 33, 40), которые сопровождают христианина при жизни и которые воспроизводятся при его переходе в мир иной. Структурный анализ предметов и использование метода аналогии показал, что практически все предметы, имеющие отношение к похоронам, в той или иной мере несут на себе отпечаток символики, в том числе численной. Последняя в большей мере проявилась в структуре кички (головного убора), рубахи, сарафана, калишек (смеретной обуви). Также она предполагается в бытовании чулок и савана. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в 1920-е гг. у части семейских старообрядцев продолжало существовать подобное численно-символическое осмысление христианской доктрины и религиозного быта. Современные экспедиционные наблюдения говорят о том, что эволюция традиции в более позднее время формализовала этот подход и оставила только некоторые его элементы.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, семейские, Забайкалье, похоронная одежда, символика чисел.

Ссылка при цитировании: Костров А. В. Старообрядческий «смеретный» комплекс из собрания Иркутского областного краеведческого музея: структура и символика // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 180–194.

Костров Александр Валерьевич — д. и. н., профессор кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет (664003 Иркутск, ул. К. Маркса, 1). Эл. почта: a_kostrov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

UDC 393+28

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/180-194

Original Article

© Aleksandr V. Kostrov

OLD BELIEVERS' BURIAL COMPLEX IN THE COLLECTION
OF THE IRKUTSK MUSEUM OF REGIONAL STUDIES:
STRUCTURE AND SYMBOLISM

The article reveals the information potential of such a unique part of the Old Believers' collection of the Irkutsk Museum of Regional Studies as a burial complex. It includes burial clothes, a coffin and other attributes of a burial complex. The Museum employee A. Popova brought these objects from her expeditions to the Semeiskie Old Believers' settlements in Transbaikal region in 1924–1927. In addition to the complex itself, the fabric, color, technique of creation and the structure of components, the symbolism of numbers is of particular interest, as it appeals to the most important Christian categories. The key to this symbolic system is a "lestovka" — an Old Believers prayer rope — containing the main numbers (3, 4, 7, 9, 12, 17, 33, 40), which accompany a Christian during his or her lifetime and which are reproduced during his or her transition to the Other World. The structural analysis of objects and the analogy method revealed that almost all objects related to the burial, in one way or another, have an imprint of symbolism, including the numbers symbolism. The latter manifested itself to a greater extent in the structure of the kichka (head wear), shirt, sundress, kalishki (burial shoes) and in the usage of stockings and shrouds. It is concluded that in the 1920s some of the Semeiskie Old Believers maintained such a numerical understanding of Christian doctrine and religious life. Modern observations made in expeditions indicate that the evolution of the tradition formalized this approach and preserved only some of these elements.

Keywords: Old Belief, Old Believers, Semeiskie Old Believers, Transbaikal region, burial cloth, numbers symbolism.

Author Info: Kostrov, Aleksandr V. — Doctor of History, Professor in the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia). E-mail: a_kostrov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

For citation: Kostrov, A. V. 2022. Old Believers' Burial Complex from the Collection of the Irkutsk Museum of Regional Studies: Structure and Symbolism. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 180–194.

Иркутский областной краеведческий музей является одним из старейших подобных учреждений в России. Он был создан в 1782 г. и до советского периода функционировал как музей Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. В 1879 г. пострадал во время иркутского пожара, после которого фонды постоянно пополняются уже более 140 лет. Период активного развития начался по-

сле национализации в 1920 г. и связанного с этим процессом государственной концентрации культурных ценностей, развития науки и образования.

Старообрядческая коллекция ИОКМ собиралась 100 лет и вобрала в себя предметы, обретенные как в результате экспедиционной деятельности музейных работников, так и благодаря внешним источникам. Из первых можно выделить сотрудницу музея А. М. Попову (которая в 1920-е годы предприняла цикл экспедиций к семейским старообрядцам Верхнеудинского уезда БМАССР) и О. В. Бычкова (который в начале 1990-х гг. в США посетил русских старообрядцев, проживающих в штате Орегон). Из внешних источников заметный вклад в формирование коллекции внесли такие известные учёные как Г. И. Ильина-Охрименко и Р. Моррис.

Несмотря на долгую и плодотворную собирательскую деятельность, старообрядческие материалы музея до недавнего времени не использовались в исследовательских целях. В 2020 г. в рамках подготовки выставки «Старообрядчество Восточной Сибири: через века сохраняя традиции», приуроченной к 400-летию известного деятеля российской культуры протопопа Аввакума, нами была начата работа, направленная на локализацию (выявление комплекса предметов, «распылённых» по разным фондам, их атрибуцию как старообрядческих), систематизацию, описание, фотофиксацию и изучение коллекции. В результате, помимо 6 старообрядческих книг (печатных и рукописных) и 130 икон (литых и выполненных в стиле «старого письма»), нами был выявлен 191 артефакт, имеющий отношение к народной старообрядческой культуре. Также в результате наших экспедиций 2021–2022 гг. в фонды музея поступило ещё 55 экспонатов. Это предметы религиозного, домашнего и хозяйственного быта, украшения, одежда и др. В рамках исследования данных вещественных источников нами также привлекались книги поступлений музея, коллекционные описи, этнографические описания (*Селищев 1920, Попова 1928*), лингвистические материалы (*Юмсунова 1999*), фотографии и сообщения информантов из г. Улан-Удэ, Тарбагатайского (сёла Куйтун, Николаевский, Большой Куналей, Тарбагатай), Хоринского (с. Хасурта), Бичурского (с. Бичура, Никольское) и других районов проживания семейских и их потомков.

В этом собрании предметного мира носителей старообрядческой культуры особое место занимает похоронный комплекс, включающий в себя смеретную одежду и другие атрибуты похорон. Известно, что именно похоронно-поминальная часть культуры отличается наибольшим консерватизмом, у чего есть вполне объяснимые социально-психологические причины. Традиция предписывала иметь отдельные комплекты одежды на разные случаи жизни: крестильную, обыденную (в том числе рабочую), спальную, праздничную (в том числе свадебную), моленную и смеретную. Хоронить в одежде, которая использовалась при жизни, было недопустимым. Зрелый старообрядец считал необходимым иметь «смеретный узел» со специальной похоронной «одежкой», а у стариков его наличие было обязательным. Важность этого подготовительного комплекта нашла отражение в фольклоре — говорили, что если вор вместе с другими вещами украдёт этот узел, то Бог вскорости его накажет и он быстро будет пойман (ПМА 2009).

Также как и у старообрядцев некоторых других регионов (*Данилко 2019*) часть семейских старообрядцев Забайкалья в XX в. стала считать, что если до смерти можно шить похоронную одежду на швейной машинке, то после — только руками. Причём, как отмечено А. М. Поповой в коллекционной описи 1927 г. «шьётся большей

частью при жизни, тогда ещё можно завязывать узлы, по смерти же шьётся вперёд иголку и узлов не завязывают» (ИОКМ 1927). Таким образом смеретный узел готовили заранее, подготавливая себя к неизбежной встрече со Всевышним. При этом, как и у других территориально-культурных групп старообрядцев (*Кувайцева 2017: 132–137*), XX в. привнёс в эту сферу определённый эволюционизм (изменение колорита ткани, упрощение покроя и шитья, а также переход к использованию элементов покупной светской одежды). Нас же в данной исследовательской ситуации интересует не только общий строй смеретного комплекса семейских старообрядцев 1920-х гг., который в более позднее время претерпевал изменения в сторону упрощения, но и его структурная и численная символика.

Ключом к христианской численной символике в быту старообрядцев является «лестовка» или «лествица» — моленные чётки, являющиеся обязательным атрибутом христианина и одновременно важным инструментом древлеправославного исихазма (лестница молитвенного восхождения на Небо). Она содержит в себе основные библейские категории в виде количества и качества «передвижек», «лапостков» и «бобочков». Треугольные (что символизирует Троицу) «лапостки» являются символом 4 евангелистов, а их обшивка — 4 Евангелий. Под лапостками скрыты 7 «передвижек», символизирующих 7 таинств (а также 7 Вселенских соборов). В количестве ступеней-«бобочков» закодированы следующие христианские категории: 3 — Троица, 9 — чины ангельские, 12 — апостолы, 17 — ветхозаветные пророчества о приходе Спасителя, 40 — количество недель пребывания Богомладенца во чреве Богородицы (как вариант 38 недель и 2 дня) или дней от Воскресения до Вознесения, 33 — количество лет земной жизни Христа. Эти числа (3, 4, 7, 9, 12, 17, 33, 40) пронизывают старообрядческую культуру, нередко проявляясь в её предметном мире, включая одежду, созданную сознательными представителями древлеправославия (*Островский 2005: 348–351*). Таким образом «традиционная одежда старообрядцев является внешним выражением религиозных принципов» (*Печняк 2017: 3*). И хотя за последние 100 лет много что упростилось и формализовалось, артефакты ушедших эпох иногда свидетельствуют об этом.

Серьёзное отношение к потаённой теме смерти и похорон вело к тому, что собиратели не всегда были готовы спрашивать, а старообрядцы рассказывать об этом, тем более передавать свой смеретный узел. Тем не менее, Анне Михайловне Поповой в 1927 г. в Тарбагатае или в Новой Бряни (при поступлении была указана только общая принадлежность предметов формируемого фонда) удалось получить почти полный комплект женской смеретной одежды. Он включал в себя рубаху, сарафан, кичку, чулки и «калишки», а также саван, подушечку и гроб-домовину. Работа с книгой поступлений и коллекционными описями музея показала, что ещё была обрета сорока, которая, к сожалению, не сохранилась и была списана (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/20). Несмотря на эту утрату и то, что в имеющемся комплекте изначально недоставало некоторых элементов (шали и пояса, шнурков для калишек и тесьмы для савана, а также венчика и рукописания), это очень важный и показательный набор основных предметов, который достаточно ярко характеризует один из вариантов старообрядческой культуры Забайкалья 1920-х гг.

Характерно, что имеющиеся предметы посмертного облачения созданы из покупной ткани, а некоторые из них сшиты с использованием швейной машинки. Это говорит о том, что, если в более удалённых деревнях (например — в Бичуре) подоб-

ную одежду ещё долго продолжали шить только на руках, в таких местных экономических центрах как Тарбагатай и Новая Брянь уже в 1920-е г. для этой цели стали применять машинное шитьё. Инерция традиции в данном случае проявилась в том, что, несмотря на тезис, что «при жизни можно шить на машинке и завязывать узлы», в данном случае и при шитье на машинке узлы не завязаны и оставлены длинные (4–5 см) концы ниток. Более того, известно, что ранее смертная одежда обязательно изготавливалась из своей (не «базарной») дмотканины, для чего семейские в суровых сибирских условиях выращивали лён (дольше всего на Чикое). Здесь же мы видим переход к покупному фабричному «товару», что говорит об активном включении в рыночные отношения и общей эволюции традиционной культуры. И если в силу специфики местности (сложность выращивания льна, близость китайского рынка и транзитной торговли) для пошива прижизненной одежды семейские ещё в XIX в. стали широко использовать покупные ткани, то для создания смертного костюма и в начале XX в. старались использовать свою.

В то время как саван, чулки и кичка сшиты из ткани чисто белого цвета (с оторочкой последней светло-коричневым шнурком-«гашником» по низу), материал рубахи и сарафана представляет собой белую ткань в чёрную крапинку (на рубахе это маленькие ромбики, а на сарафане кружочки). При этом края «пройм» (лямок) и подола сарафана оторочены розовой тканью. Очевидно, что это пример перехода от архаической традиции в виде ручного шитья белой смертной одежды из дмотканины к машинному пошиву из покупной, в том числе декорированной и колерированной, ткани. Результаты этого перехода известны по нашим полевым материалам — уже в послевоенное время семейские многих деревень (Куйтун, Хасурта и др.) шьют смертную одежду из неярких цветных (и цветастых — украшенных цветочным принтом) тканей.

С точки зрения цвета представляют интерес «калишки» или «калиши» (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/23) — похоронные тапочки, которые сшиты из чёрного колленкора. Известные нам более поздние смертные тапочки семейских также сшиты из тёмной материи (вельвета и др.). При этом, если данный музейный экземпляр прошит чёрными же нитками ручной строчкой, то на одной подобной экспедиционной находке, созданной в середине XX в., нами зафиксирован орнаментальный шов, выполненный крестом с использованием контрастирующих синих нитей. Применение креста в данном случае не случайно и является использованием основного христианского символа (ПМА 2021а). Что касается тёмного цвета обуви, то, возможно, это коррелируется с традицией недлинного савана, который покрывает почти всё тело, но оставляет открытыми ступни. Соответственно, всё, что находится под саваном выполняется из светлых (ранее из белой, в период сборов А. М. Поповой из белой в крапинку, а в послевоенный период из цветных) тканей, а выступающая из-под него обувь из тёмной. Нельзя исключать, что это своеобразное цветовое маркирование системы координат: верх (Небо) — светлый, низ (земля) — тёмный. В этом компоненте одежды традиционализм проявляется не только в цвете, но и в привлечении символики чисел. Калишка имеет 3 (число Троицы, занимающее особое место в христианской культуре) петли для шнурка, который должен быть намотан «в 3 креста» на ногу усопшего, одетую в чулок. При этом сами чулки сшиты из белой ткани и представляют собой сужающиеся к низу прямые мешки длиной 47 см. без обозначения пятки (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/21–1; 15018А, 1/21–2). Известно, что

как в 1920-е гг., так и в более позднее время также использовались чулки, вязанные из растительной пряжи в одну иглу («в ёлочку»).

Особый интерес представляет кичка (ИОКМ Ед. хр.15018А, 1/19), составляющая основу головного убора замужней женщины. И хотя в других регионах кичкой (или кикой) могли называть кокошник, одеваемый поверх, у семейских так называют нижний чепец, который является аналогом волосника, шашмуры и др. Она сшита из белой материи (с использованием 3 кусков ткани) и в общих чертах повторяет распространённую в Западном Забайкалье, но при этом имеет одну крайне примечательную особенность. В то время, как известные нам обыденные, праздничные и смертные кички семейских Бурятии имеют одну структуру, предполагающую сборчатый «обручок» («рожок», «калтык») в передней части, здесь на месте сборок только намёк на них в виде прошивки толстой ниткой, которая выступает на поверхности 7 раз (по количеству христианских таинств), а над очельем располагается выраженный валик (шириной 1,5 и длиной 22 см.), который придаёт ей круглую форму. В коллекционной описи 1927 г. по этому поводу есть следующий комментарий: «кичка-чехол шьётся с низким верхом, вместо рожка обычной кички спереди вделан небольшой валик, верхушка открыта» (ИОКМ 1927). Подобный вариант кички, а точнее шашмуры с «рубцом», характерен для старообрядцев-кержаков, пришедших с Поволжья на Урал, а потом в Сибирь и на Дальний Восток (а оттуда в страны Южной и Северной Америки). В связи с этим одной из рабочих версий стало наличие контактов (в том числе брачных по линии своей субконфессиональной группы) семейских с кержаками. Известно, что развивающееся с конца XIX столетия в нескольких местных сёлах белокриницкое согласие способствовало контактированию «семейщины» с кержаками (например, из Минусинского уезда Енисейской губернии, откуда были родом некоторые священники). Подобные контакты были возможны и по линии других согласий. Однако дальнейшее исследование, ради которого в том числе были предприняты экспедиционные выезды (август и ноябрь 2021 г.) и работа в трёх музеях Бурятии, показало, что это не так. Во-первых, в отличие от алтайских старообрядцев-поляков, проживавших рядом с кержаками и испытывающих их заметное влияние (Фурсова 2009: 109), ареал семейских имел большую пространственную дистанцию и меньшие возможности внешнего контактирования. Поэтому приехавшие не могли серьёзно повлиять даже на повседневную одежду «семейщины». Наоборот, известен сюжет, когда одна из общин Куйтуна не очень жаловала своего приезжего священника (который в итоге уехал) из-за того, что его попадая не хотела одевать и носить семейскую одежду (Костров 2010: 151–152). Во-вторых, привезённые несемейские невесты не могли серьёзно повлиять на такой консервативный компонент традиции как по причине того, что приданое не предполагало его в своём составе, так и в силу места, занимаемого молодухой в социально-культурной иерархии. В-третьих, в ходе полевых исследований, а также в фондах Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и Этнографического музея народов Забайкалья нами были найдены смертные кички, фасоны которых говорят о вариантности местной старообрядческой традиции в этом вопросе. Так, летом 2021 г. нами в с. Куйтун Тарбагатайского района была зафиксирована смертная кичка середины XX в. с 12 (количество апостолов) сборками и небольшим валиком наверху. Также стоит отметить кичку, хранящуюся в Этнографическом музее народов Забайкалья (ЭМНЗ Ед. хр. ОФ-1816), которая объединяет в себе и сборки спереди (как у других мест-

ных кичек), так и выраженный валик по всей верхней части очелья, в который эти сборки упираются. При этом количество сборок в последней достигает 7, что также соотносится с христианской численной символикой (количество таинств) и аналогично количеству намёток кички из Иркутского областного краеведческого музея. В-четвёртых, у подобного валика-обруча есть видовые и лингвистические аналогии в семейской культуре. В частности, девичий головной убор «обруч» (возможно, такой носили просватанные) и название упоминавшегося сборчатого фрагмента распостранённой кички «обручок» (этимология может быть связана как с понятием «обручаться», «бракиться», «выходить замуж», так и с «объединять», «собирать»). Таким образом, головной убор, входящий в смеретный комплекс старообрядческой коллекции ИОКМ, презентует один из вариантов, имевших место у семейских. Тут могло проявиться и то, что смеретная одежда с одной стороны повторяет традиционную, а с другой должна иметь обязательные отличия от прижизненной. Кроме того, причина вариантности в консервативном похоронном костюме на фоне более единых стандартов обыденной и праздничной кички, может также крыться в разных регионах выхода (материнских территориях) предков забайкальских старообрядцев и в освящении отличительных черт традиции со стороны разных старообрядческих согласий-Церквей (беглопоповцы, федосеевцы, самокрещенцы, темноверы, белокриницкие, поморы и др.), которые имели распространение в Забайкалье.

Если лестовка является «ключом» к пониманию христианской символики чисел, то подобным «ключом» применительно к костюму старообрядцев является именно кичка. Подобные артефакты, обследованные нами как в рамках полевых исследований, так и в рамках работы в фондах крупнейших музеев Байкальской Сибири, говорят о том, что не всегда, но часто этот предмет изготавливался в контексте числовой сознательности. Количество сборок на нём обычно не случайно (9, 12, 17, 33), как и количество воздушных петель для затягивающего шнура (в абсолютном большинстве случаев их 3, как и на смертных калишках), что коррелируется с христианской культурой. При этом пока остаётся открытым вопрос об использовании числа 15, которое часто встречается на кичках из разных семейских деревень. На вопрос символ это или мода должны дать ответ последующие исследования, предполагающие осмотр аналогов, пополнение статистики и опрос информантов.

Подобное символическое осмысление оформления женского головного убора фиксируется исследователями и в других регионах расселения старообрядцев. Например, в Шалинском районе Свердловской области В. А. Печняком зафиксирован факт обозначения нижнего чепца как «двенадцатипостольник», с соответствующей символикой. Аналитическое описание другого подобного предмета показывает, что «на женском головном уборе шашмуре присутствовали вышитые вертикальные полосы по 9 стежков каждая. Символизируют они покровительство Бога (Троица) — 9 стежков по количеству чинов ангельских» (Печняк 2017: 5). По сообщению этого исследователя, на Урале фиксируются шашмуры не только с 3, но также 9 и 12 подобными полосами на очелье. Проявление подобного подхода в исследуемой смеретной кичке (7 нитяных намёток на передней части, в которой у обычной кички находятся сборки) может говорить о том, что численные показатели других компонентов костюма могут быть не случайными и нести символическую нагрузку.

Форма отсутствующей сороки известна из коллекционной описи, в которой этот предмет обозначен как «сорочка, сшитая из белого коленкора». Она пред-

ставляла собой «кусочек материи дл. 29,5 см. и шир. 19 см, к верху немного бока срезаны». К этому куску «пришита коленкоровая же лента» длиной 1 м 20 см и шириной 18 см., которая сзади спускается свободными «немного суживающимися» концами (ИОКМ 1927). Это описание в общих чертах совпадает с обследованными нами подобными предметами одежды, которые хранятся в смеретных узлах старшего поколения. Сорока представляет собой головной убор, полностью покрывающий кичку и имеющий 3 (основное христианское число) сужающихся конца сзади («хвост» и «крылья»), крайние из которых могут завязываться на затылке. В повседневном и праздничном костюме семейских женщин место сороки уже давно занимает косынка («косинка», также имеющая 3 конца) или шаль, наматываемая на кичку. Но её присутствие в смеретном комплекте 1920-х гг., также как и в смеретных узлах жительниц некоторых деревень в современное время, говорит о том, что у предков забайкальских старообрядцев она была в ходу. Комплекс, состоящий из кички, сороки и платка, представляет собой традиционные «3 женские чина», с которыми полагается благочестивой христианке представать перед Всевышним. В прижизненном костюме такую функцию выполняют кичка, намотанная на неё косынка и шаль, одетая вроспуск и подколота булавкой. Именно в таком виде, одетые в моленные рубаху, сарафан (без лент и запона) и тканый пояс, семейские старообрядки раньше ходили на моление. В холодное время года также использовалась специальная распашная верхняя одежда «халат».

Сарафан представляет собой версию традиционного косоклинного сарафана с «ласточкой» сзади и небольшим разрезом спереди (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/18). Его длина составляет 123, а ширина в подоле 127 (в охвате подола 254) см. Характерно, что «ласточка» (центральное место в задней части сарафана, к которой пришиваются лямки-«проймы») цельнокроеная, то есть выкроена вместе с основной частью. Семейские ещё в XIX в. перешли к круглому праздничному и обыденному сарафану, согласно исследованиям В. Ф. Иванова, имеющего три локальных территориальных вида — «тарбагатайский», «бичурский» и «красночикийский» (Иванов 2018: 57). Более традиционалистский похоронный комплекс продолжал сохранять именно косоклинный вариант. Он шит из трёх полос ткани (две спереди со швом посередине и одна сзади) шириной 61–62 см и четырёх клиновидных вставок по бокам (ширина нижнего края 14 и 19,2 см на левом, 15,5 и 20 на правом). Полагаем, что вставка не двух, а четырёх клиньев связана не только с технологической необходимостью, но и с христианской символикой (4 евангелиста), которая ещё более рельефно проявилась в структуре рубахи.

Рубаха сшита туникообразно (выкроена «крестом» из цельного куска ткани шириной 62,5–64 см, без швов на плечах), без станушки, с треугольными вставками по бокам, со стоячим воротом и с завязками на горле (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/17). Её длина 102, ширина в подоле 93 (охват подола 186), длина рукава 47 см. Это архаический вариант, который сохранится не везде. И если в Надеино и Хасурте и позже продолжали шить такой фасон, то в Куйтуне со временем рубаху стали шить со станушкой (как обыденную или праздничную). Также здесь представлен именно традиционный вид женской рубахи, предполагающий не отложной ворот, появившийся в моде семейских достаточно поздно, а ворот-стойку (сшитый из 3 фрагментов). Известно, что рубаха с воротом-стойкой, представляющая собой в проекции крест, является одним из символов христианина и христианки. Не случайно во время обряда

крещения вместе с крестом и поясом надевают рубаху, также выкроенную крестом (цельный крой со швами только по бокам и по низу рукавов).

Отсутствие пуговицы на смеретной рубахе также показательно и, помимо распространённого запрета на использование на похоронах любых «замков» (узлов и т. д.), могло быть обусловлено спецификой местной культуры. Дело в том, что, в отличие от других территориально-культурных групп старообрядцев, в женском костюме семейских пуговица долгое время не использовалась (разрез на сарафане, при его наличии, завязывался на вязки или застёгивался на крючок, а ворот рубахи также на вязки или на специальную запонку). И хотя в те же 1920-е годы пуговица начинает фиксироваться на некоторых обыденных и даже праздничных рубахах, всё-таки местная традиция предписывала при жизни использовать специальную запонку, а после смерти только завязки.

Рукава рубахи сшиты из нескольких фрагментов каждый — в правом их 4 (1 большой и 3 на клине, пришитом спереди), а в левом 3 (1 большой и 2 на клине, пришитом сзади). Полагаем, что здесь также предполагаются христианские численные символы 3 (Троица), 4 (евангелисты), а также совокупное 7 (таинства). Также, скорее всего, большее количество фрагментов именно на правом рукаве, на котором они, к тому же, в отличие от левого, пришиты спереди, призвано подчёркивать православную правоту. Ведь доминанта правой руки, которой осуществляется крестное знамение (по православному справа-налево) и все манипуляции, связанные с верхней «чистой» частью тела, в старообрядчестве воспринимаются именно символически. Отсюда и запах одежды справа-налево, в том числе на мужской рубахе, моленном кафтане и др.

Также на боках рубахи имеются узкие вставки. С правого бока их 3 (одна от подмышки до середины подола шириной от 0,3 до 4,5 см. и две от середины до низа подола шириной от 1,5 до 12 и от 3 до 24 см), а с левого бока 4 (две от подмышки до середины подола шириной от 0,3 до 1,5 см и две от середины до края подола шириной от 1,5 до 11,5 см). Такое количество клиновидных вставок (7 шт.), сопряжённое с усложнением пошива рубахи (узкие фрагменты шириной по 1,5 см, которые без ущерба легко было заменить на один шириной 3 см и др.) может говорить не только и не столько об экономии материала, сколько об использовании христианской символики (7 таинств). При этом сумма фрагментов ткани на рукаве и боку одной стороны рубахи также составляет 7. На правом рукаве их 4, а на боку 3, в то время как на левом рукаве их 3, а на боку 4. Очевидно, что подобное использование христианской численной символики в восприятии представителя традиционной старообрядческой культуры способствовало вознесению усопшего на небо.

Имеющийся в коллекции саван представляет собой полотнище белого коленкора шириной 62 и длиной 320 см (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/22), которое перегнуто пополам и сшито с одной стороны (со стороны спины «пеленуемого» усопшего). Пеленание в данном случае символично — человек уходит из мира в таком же виде, в каком пришёл в него. Не случайно в русской иконописи в качестве символа души иногда (например, образ «Успение Богородицы») используется образ спелёнутого младенца. Христианскую принадлежность при этом подчёркивает перевязывание усопшего в саване «в 3 креста» (наиболее распространённый вариант) — также как его ног в чулках. Что не исключает и апотропейную функцию подобных действий. Характерно, что саван не длинный (относительно остального комплекта одежды)

— всего 160 см. Видимо, тут проявился один из вариантов семейской традиции, отмечаемый Т. Б. Юмсуновой-Моррис, пеленать не полностью, для чего саван делался только «до середины лытки» (Юмсунова 2005: 216). При этом в саван заворачивают таким образом, чтобы правая сторона покрывала левую.

Дополняет комплект усопшего подушечка, которая подкладывалась ему под голову в гробу (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/25). Она квадратной формы, выполнена из ткани в полоску и набита мятой. Подобную традицию у чикойских семейских отмечала Т. М. Зенкова (Зенкова 1999: 138). В данном случае важно, что не используется шерсть животных или перо птицы, что связано с убеждением, что даже «помирать на подушках и перинах нельзя». Использование же ароматных трав, которые занимают особое место в мифологии (например — «где слёзы Богородицы падали, там богородская трава выросла») (ПМА 2012) не только не порицается, но и нередко приветствуется. Так, в Хасурте и в других деревнях раньше в гробу выкладывали «постель» из богородской травы и мяты (ПМА 2021б).

В связи с описанным выше мы предполагаем, что цветастый подручник, сшитый из дорогих тканей и наполненный травой (мятой или чабрецом — так же как подушка в домовину), который А. М. Попова также привезла из экспедиций 1920-х гг. и который в описании не атрибутирован как похоронный, всё-таки является таковым (ИОКМ Ед. хр. 7860/35). Структурно он представляет собой «подручник» с распространённым в регионе вариантом оформления верхнего поля в виде 9 прямоугольников комбинации которых символизируют крест, 4 евангелистов с 4 евангелиями по бокам и Христа посередине, 9 чинов ангельских. Иногда приводятся другие интерпретации символики этого варианта подручника (Островский 2005: 351–352). Использовать его для земных поклонов во время моления не очень логично — он не мягкий и тонкая шёлковая ткань из-за травяной набивки быстро может прийти в негодность. Обычно дорогой прижизненный подручник шился из хлопчатобумажных или шерстяных тканей, а уже к этой основе сверху пришивалось «лицо» из шёлковых лоскутов. Здесь же использована только дорогая тонкая ткань. Яркий колорит используемой ткани может быть связан с другой специфической традицией семейских, любящих полихромность. В отличие от иных групп старообрядцев, у семейских не фиксируется похоронной лестовки (моленных чёток), которая в других локациях расселения представителей древлеправославия обычно выделяется в отдельный вид и шьётся из белой материи. В Забайкалье чаще всего говорят, что необходимо хоронить с лестовкой (как уже отмечалось, являющейся ключом к христианской численной символике и включающей в себя важнейшие категории), по которой усопший молился при жизни, так как она является «свидетелем его молитв» (ПМА 2021в). Возможно, именно это стало причиной того, что в смертном узле, приобретённом этнографом у семейских, её не оказалось. А раз лестовка используется обыденная, значит и подручник, который идёт с ней в паре, также может повторять обыденный не только в структуре, но и в цвете.

Отсутствие таких атрибутов как венчик и рукописание, скорее всего, связано с тем, что часто их производил и приносил на похороны служитель культа (хотя они могли быть получены заранее). И если венчик, который нашивался на тканевую ленту и возлагался на лоб покойного, мог дать уставщик (который у семейских чаще всего отправлял культ), то рукописание, вкладываемое в правую руку, по крайней мере по убеждению поповцев, мог дать только исповедавший и причастивший перед

смертью священник. Отсутствие же нового нательного креста (иногда фиксируемого в смеретных узлах) скорее всего вызвано вариантом традиции, предполагающим захоронение с тем, который носился при жизни. Гайтан креста, нательный (надеваемый при крещении) и верхний пояса составляли 3 круга, которые при жизни и после смерти сопровождали христианина.

Смертный комплекс, привезённый А. М. Поповой из Забайкалья, дополняет домовина, как традиционный долблённый вид гроба (ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/24). При этом сложности транспортировки большой домовины и высокая детская смертность, которая пока ещё оставалась бичом традиционного общества, привела к тому, что исследовательница приобрела заготовленный детский гроб. Его длина 69,1 см, максимальная (на уровне плечей) ширина 17,7, а минимальная (в ногах) ширина 10,9 см. Таким образом, этот предмет с одной стороны является артефактом эпохи, а с другой — синхронной моделью домовины для взрослых. Её характерной особенностью является выраженная двускатная крышка, что стало возможно благодаря небольшому размеру. Для того, чтобы сделать гроб для взрослого с не покатой, а с такой двускатной верхней частью понадобится очень толстое бревно. Поэтому не исключено, что с «устремлённой» вверх в проекции крышкой домовины были только для детей.

Внутри домовины по борту гвоздиками (!) прибит отрез белой ткани. К сожалению эта ситуация не нашла отражения в коллекционной описи, поэтому мы можем только предполагать. Учитывая то, что в похоронной культуре старообрядцев гвозди запрещены (нельзя заколачивать гроб, крест делается без гвоздей и т. д.), полагаем, что это рука собирателя позаботилась о том, чтобы последующим исследователям было понятно, что это не подстилка, а обязательное покрывало, которое имеет и свой христианский смысл и народно-мифологическую символику (например, «покойник перекинет покров через огненную реку и перейдёт на небо») (ПМА 2015).

В материалах 1920-х гг., наряду с расписанными и нерасписанными «кутейниками» (ёмкостями, которые использовались только для ритуальной каши «кутьи», которая у семейских как и у других старообрядцев представляет собой варёную пшеницу с медом), выделяется один туяс (ИОКМ Ед. хр. 7923/4). Его отличает необычное декорирование — в отличие от других подобных предметов, украшенных полихромной росписью с растительным орнаментом, на нём чёрной краской нанесены круги. Кроме того, на внешней части дна нарисовано 3 креста. Мы знаем, что это одновременно и один из символов похоронной культуры (3 креста на чулках и на саване) и элемент апотропейной магии, применяющейся в том числе для защиты от влияния «того света». Например, уже в 1980-е гг. некоторые семейские стали рисовать 3 крестика на фото похорон, а также на прижизненных фотографиях людей, которые умерли. В связи с этим полагаем, что это «кутейник», который использовался на похоронах и поминках.

Подводя итоги данного этапа исследования, мы можем констатировать следующее. Уже в 1920-е гг. у части семейских старообрядцев фиксируется переход от традиции ручного пошива смеретной одежды из домотканой льняной белой ткани к её созданию из покупной декорированной и колерированной (пока ещё скромно) ткани с помощью швейной машинки. Однако некоторые предметы продолжают шиться на руках (кичка, калишки, часть рубахи и др.), что связано как с технологическими,

так и с символическими сложностями. В большинстве предметов комплекса в том или ином виде проявляется христианская символика чисел — количество намёток на кичке (7), фрагментов ткани правого (4) и левого (3) рукавов рубахи (в сумме 7), клиновидных (треугольных по сути) вставок на её боках (3 на правом и 4 на левом — в сумме 7), фрагментов и вставок на её каждой стороне (справа 4 на рукаве и 3 на боку, слева 3 на рукаве и 4 на боку — в сумме по 7), а также фрагментов воротастойки (3), клиньев на сарафане (4), петель на калишках (3) и др. Как видим, чаще всего используются числа 3, 4 и 7 как символы Троицы, евангелистов (и Евангелий) и таинств. Всё это вместе с 3 крестами шнура на каждом чулке и 3 крестами из тесьмы на завёрнутом саване (в сумме 9), вместе с исполняемыми христианскими канонами и обычаями, должно было способствовать успешному переходу усопшего в мир иной. Таким образом, в исследуемом варианте смеретного костюма семейских старообрядцев проявилась как общая логика собирания усопшего, предполагающая создание образа чистоты и отстранённости от земного, так и христианская символика, проявляющаяся в структуре предметов похоронного комплекса и в их численных элементах.

Источники и материалы

- ИОКМ 1927 — Иркутский областной краеведческий музей. Коллекционные описи по русскому населению № 19А. 1927 г. Запись А1–17 от 26.08.1927 г.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/17 — Иркутский областной краеведческий музей. Ед. хр. № 15018А, 1/17. Рубаха похоронная.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/18 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/18. Сарафан похоронный.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/19 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/19. Кичка похоронная.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/21–1 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/21–1. Чулок похоронный.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/21–2 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/21–2. Чулок похоронный.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/22 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/22. Саван.
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/23 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/23. Обувь похоронная (калишки, башмачки).
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/24 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/24. Домовина (гроб для малолетнего ребёнка).
- ИОКМ Ед. хр. 15018А, 1/25 — ИОКМ. Ед. хр. № 15018А, 1/25. Подушечка похоронная.
- ИОКМ Ед. хр. 7860/35 — ИОКМ. Ед. хр. № 7860/35. Подручник («подружник»).
- ИОКМ Ед. хр. 7923/4 — ИОКМ. Ед. хр. № 7923/4. Туяс-«кутейник».
- ЭМНЗ Ед. хр. ОФ-1816 — Этнографический музей народов Забайкалья. Ед. хр. № ОФ-1816. Кичка-обручок.
- ПМА — Полевые материалы автора:
- ПМА 2009 — Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Куйтун, июль 2009 г., Е. М.
- ПМА 2012 — Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Большой Куналей, июль 2012 г., Е. С.
- ПМА 2015 — Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Тарбагатай, июнь 2015 г. Е. Е.
- ПМА 2021а — Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Куйтун, август 2021 г., А. З.
- ПМА 2021б — Республика Бурятия, Хоринский район, с. Хасурга — Улан-Удэ, ноябрь 2021 г., В. И.
- ПМА 2021в — Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Куйтун, август 2021 г., А. З., Н. Т.

Научная литература

- Афанасьева Ю. Ю. Трансформация похоронного обряда семейских Забайкалья (на примере с. Бичура) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4(49). С. 149–156.
- Болонев Ф. Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 205 с.
- Дынникова И. В. Младенческая и смертная одежда в культуре староверов-часовенных Латинской Америки // Живая старина. 2016. № 3(91). С. 37–41.
- Данилко Е. С. «Смерть ближе рубашки»: похоронная обрядность старообрядцев-часовенных // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 44–59.
- Зенкова Т. М. К вопросу о похоронной обрядности семейских Забайкалья // Материалы Международной конференции «Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона». Улан-Удэ: ВАРК, 1999. С. 138–139.
- Зенкова Т. М. Народная традиционная культура семейских Восточного Забайкалья: история и современность. Чита: Экспресс-издательство, 2010. 152 с.
- Иванов В. Ф. «Как цветок в янтаре». Народный костюм семейских Забайкалья: научно-популярное издание. Улан-Удэ: ИД «Экос», 2018. 124 с.
- Ильина-Охрименко Г. И. Женский костюм семейских XIX — начала XX вв. и его украшения // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 189–220.
- Ковригина И. А. Погост как феномен культуры старообрядцев Забайкалья // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3(86). С. 238–242.
- Костров А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в переходный период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 444 с.
- Кувайцева М. В. Белая лестовка. Похоронно-поминальный обряд староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2017. 496 с.
- Майоров А. П. Семантика погребального обряда семейских Забайкалья // Материалы III Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 242–245.
- Матвеева Т. И. Семантика запретов в похоронной обрядности семейских // Тезисы региональной научно-практической конференции «История, культура и язык старообрядцев Забайкалья». Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. С. 60–73.
- Островский А. Б. Числовая символика в традиционной культуре старообрядцев // Материалы VII Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». Т. II. М.: Музей истории старообрядчества, 2005. С. 348–354.
- Печняк В. А. (авт.-сост.) Традиционная одежда старообрядцев Урала: методическое пособие. Екатеринбург: ЦТНК, 2017. 100 с.
- Попова А. М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск: Тип. НКПТ, 1928. 36 с.
- Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Тип. «Сибирское книжное дело», 1920. 108 с.
- Фурсова Е. Ф. «Одежда на тот свет» русских старообрядцев Алтая и Васюганья начала — первой половины XX в. // Сибирский сборник — 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 109–117.
- Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
- Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойника у семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1. С. 10–13.
- Юмсунова Т. Б. (отв. ред.) Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1999. 540 с.

References

- Afanas'eva, Yu. Yu. 2017. Transformatsiia pokhoronnogo obriada semeiskikh Zabaikal'ia (na primere s. Bichura) [The transformation of the burial rite of the Semeiskie Old Believers in Transbaikal region (on the example of the village of Bichura)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(49): 149–156.
- Bolonev, F. F. 1992. *Semeiskie: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Semeiskie Old Believers: historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: Buriatskoe kniznoe izdatelstvo.
- Danilko, E. S. 2019. “Smert' blizhe rubashki”: pokhoronnaia obriadnost' staroobriadtsev-chasovennykh [“Death is closer than a shirt”: the burial rites of the Chasovennye Old Believers]. *Novye issledovaniia Tuvy*. 1: 44–59.
- Dynnikova, I. V. 2016. Mladencheskaia i smertnaia odezhda v kul'ture staroverov-chasovennykh Latinskoi Ameriki [Infant and burial clothes in the culture of the Chasovennye Old Believers in Latin America]. *Zhivaia starina*. 3(91): 37–41.
- Fursova, E. F. 2009. “Odezhda na tot svet” russkikh staroobriadtsev Altaia i Vasiugan'ia nachala — pervoi poloviny XX v. [“Clothes for the Other Words” of the Russian Old Believers of Altay and Vasyuganye at the beginning — the first half of the XX century]. *Sibirskii sbornik — 1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Kn. II. St. Petersburg: MAE RAN. 109–117.
- Ivanov, V. F. 2018. “Kak tsvetok v iantare”. *Narodnyi kostium semeiskikh Zabaikal'ia: nauchno-populiarnoe izdanie* [“Like a flower in amber”. Folk costume of the Semeiskie Old Believers in Transbaikal region: popular science edition]. Ulan-Ude: Ekos.
- Il'ina-Okhrymenko, G. I. 1969. Zhenskii kostium semeiskikh XIX — nachala XX vv. i ego ukrasheniia [Semeiskie Old Believers' woman costume of XIX- early XX centuries and its decorations]. *Etnografiia russkogo naseleniia Sibiri i Srednei Azii*. Moscow: Nauka. 189–220.
- Kovrigina, I. A. 2014. Pogost kak fenomen kul'tury staroobriadtsev Zabaikal'ia [Burial ground as a cultural phenomenon of the Old Believers of Transbaikal region]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3(86): 238–242.
- Kostrov, A. V. 2010. *Staroobriadchestvo Baikalskoi Sibiri v perekhodnyi period otechestvennoi istorii (1905–1930-e gg.)* [Old Believers in Baikal Siberia in the transition period of Russian history (1905–1930s)]. Irkutsk: Izdatelstvo IGU.
- Kuvaitseva, M. V. 2017. *Belaia lestovka. Pokhoronno-pominal'nyi obriad staroverov Estonii* [White lestovka. Burial and memorial rite of Old Believers in Estonia]. Tartu: Obshchestvo kul'tury i razvitiia staroverov Estonii.
- Maierov, A. P. 2001. Semiotika pogrebal'nogo obriada semeiskikh Zabaikal'ia [Semiotics of the burial rite of the Semeiskie Old Believers of Transbaikal region]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi”*. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTs SO RAN. 242–245.
- Matveeva, T. I. 2000. Semantika zapretov v pokhoronnoi obriadnosti semeiskikh [The semantics of prohibition in the burial rites of the Semeiskie Old Believers]. *Tezisy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Istoriia, kul'tura i iazyk staroobriadtsev Zabaikal'ia”*. Ulan-Ude: Izdatelstvo BGU, 2000. 60–73.
- Ostrovskii, A. B. 2005. Chislovaia simbolika v traditsionnoi kul'ture staroobriadtsev [Numerical symbolism in the traditional culture of Old Believers]. *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'”*. Vol. II. Moscow: Muzei istorii staroobriadchestva. 348–354.
- Pechniak, V. A. (ed.). 2017. *Traditsionnaia odezhda staroobriadtsev Urala* [Traditional clothing of the Old Believers of the Urals]. Ekaterinburg: TsTNK.
- Popova, A. M. 1928. *Semeiskie (Zabaikal'skie staroobriadtsy)* [The Semeiskie Old Believers (Transbaikal Old Believers)]. Verkhneudinsk: Tipografia NKPT.

- Selishchev, A. M. 1920. *Zabaikal'skie starobriadttsy. Semeiskie* [Transbaikal Old Believers. The Semeiskie Old Believers]. Irkutsk: Tip. "Sibirskoe knizhnoe delo".
- Yumsunova, T. B. 2005. *Iazyk semeiskikh — starobriadtsev Zabaikal'ia* [The language of the Semeiskie Old Believers of Transbaikal region]. Moscow: Iazyki slavianskoj kul'tury.
- Yumsunova, T. B. (ed). 1999. *Slovar'govorov starobriadtsev (semeiskikh) Zabaikal'ia* [Dictionary of dialects of Old Believers (Semeiskie Old Believers) in Transbaikal region]. Novosibirsk: Izdatelstvo Sibirskoj'e Otdelenij'e RAN, NITs OIGGM SO RAN.
- Yumsunova, T. B., and A. P. Maiorov 2000. *Obrazhenie i provody pokoinika u semeiskikh Zabaikal'ia* [Dressing and seeing-off the dead at the Semeiskie Old Believers of Transbaikal region]. *Zhivaia starina*. 1: 10–13.
- Zenkova, T. M. 1999. *K voprosu o pokhoronnoi obriadnosti semeiskikh Zabaikal'ia* [On the question of the funeral rites of the Semey Transbaikalia]. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii "Problemy traditsionnoi kul'tury narodov Baikalskogo regiona"*. Ulan-Ude: VARK. 138–139.
- Zenkova, T. M. 2010. *Narodnaia traditsionnaia kul'tura semeiskikh Vostochnogo Zabaikal'ia: istoriia i sovremennost'* [Folk traditional culture of the Semey of Eastern Transbaikalia: history and modernity]. Chita: Ekspres-izdatel'stvo.

УДК 392.6

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/195-208

Научная статья

© А. В. Жидченко

**ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖИТЕЛЬНИЦ
АМЕРИКАНСКОГО ПРИГОРОДА 1950-х гг. В СОВРЕМЕННОЙ
МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ОКРУГА
ДЖОНСОН, ШТАТ КАНЗАС)**

В статье проанализированы материалы экспозиции одного из локальных американских музеев на предмет отражения в нем пространства женской повседневности. Данное условное пространство формируют такие координаты, как дом и домашнее хозяйство, различные городские учреждения и организации, а также общественная деятельность. По итогам исследования удалось установить, что пространство повседневности американских женщин, с одной стороны, создавало условия для обеспеченной стабильной семейной жизни — дом, машина, гараж, супермаркеты и т. д. С другой стороны, оно и ограничивало женщину в ее активной деятельности, в которой жены во многом зависели от мужей. В музейной экспозиции была отражена именно такая противоречивая картина реальной повседневности американских женщин. Опыт подобной научной реконструкции является новым междисциплинарным исследованием на стыке истории повседневности, новой локальной истории, музеологии, а также на основе этногендерного подхода.

Ключевые слова: история США, женская история, гендер, городская культура, музейная экспозиция.

Ссылка при цитировании: Жидченко А. В. Пространство повседневности жительниц американского пригорода 1950-х гг. в современной музейной экспозиции (по материалам музея округа Джонсон, Штат Канзас) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 195–208.

Жидченко Александр Владимирович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский проспект 32А). Эл. почта: travel822@yandex.ru

* Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и в рамках проекта РНФ 22–28–01428 «Женская память как основа социального оптимизма»

UDC 392.6

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/195-208

Original Article

© Alexander Zhidchenko

WOMEN'S EVERYDAY LIFE IN THE AMERICAN SUBURBS OF THE 1950S IN A MODERN MUSEUM EXHIBITION (BASED ON MATERIALS FROM THE JOHNSON COUNTY MUSEUM, KANSAS)

The article analyzes the exposition in a local American museum in order to analyze the way it presents women's everyday life. This space is shaped by such key points as home and household, various city institutions and organizations, and social activities. It was found that the everyday life of American women, on the one hand, maintained a secure, stable family life — a house, a car, a garage, supermarkets, etc. On the other hand, it also limited a woman in her activities, in which wives largely depended on their husbands. The museum exposition reflects this contradictory picture of the everyday life of American women. The experience of such a scientific reconstruction is an interdisciplinary study at the crossroads of the history of everyday life, new local history, museology, and ethno-gender studies.

Keywords: US history, women's history, gender, urban culture, museum exposition.

Author Info: Zhidchenko Alexander V. — Ph.D. in History, Senior Research Fellow, Center for Gender Studies, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (119334 Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: travel822@yandex.ru

For citation: Zhidchenko, A. V. 2022. Women's everyday life in the American suburbs of the 1950s in a modern museum exhibition (based on materials from the Johnson County Museum, Kansas). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 195–208.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, and was supported by the Russian Science Foundation (scientific project No. 22–28–01428).

В современной ситуации глобальных вызовов и новых задач, которые ставятся перед учеными, возрастает внимание представителей научного сообщества к вопросам социальной памяти. Национальная политика разных стран сегодня направлена не только на популяризацию истории страны в целом, но и на сохранение исторического наследия на локальном уровне. В последнее время это становится актуальным и для отдаленной от нас во времени древности, и для сложных и противоречивых событий XX в.

Первые послевоенные десятилетия — особый период в мировой истории, когда после победы в войне с фашизмом, по-новому заявила о себе значимость мирной, спокойной жизни, наполненной обыденными желаниями, конструирующими повседневность обычных людей. Для американской гендерной истории и истории

американской семьи этот период оценивается как «дорога перемен» (в таком переводе на русский вышел фильм «Revolutionary road») — от женского молчания и ориентации на женское служение семье и детям (не случайно 1950-е годы в США были временем baby-бума) к женскому активизму.

В предлагаемой работе сделана попытка рассмотреть, каким образом, и с помощью какого визуального и вербального ряда, в локальном музее США сохраняется историческая память, связанная с женской повседневностью американского пригорода в середине XX в. В качестве объекта исследования был выбран один из музеев штата Канзас — «Музей округа Джонсон» (Johnson County Museum). Выбор музея округа Джонсон штата Канзас обусловлен тем, что эта местность — классический пример американского пригорода, формировавшегося в ходе массового переселения «среднего класса» из центра крупного города (downtown) в новую пригородную зону, suburbs (Kelly 1993: 208) в период бурного экономического роста в США в 1950-е гг. Округ Джонсон охватывает зону юго-западных пригородов крупной агломерации Канзас-Сити.

Говоря об истории повседневности социума и ее отражении в определенном институте сохранения исторической памяти (в данном случае — музее) всегда существует условная степень искажения объективной исторической реальности. С одной стороны, мы имеем дело с реконструированной в экспозиции субъективной картиной повседневности, которая применительно к 1950-м гг. присутствовала в официальном дискурсе: фотографиях, отчасти — газетных статьях, художественных фильмах, рекламе и т. д. С другой стороны, есть реальная повседневная жизнь, с социальными противоречиями, бытовыми и психологическими нарушениями, антиобщественными явлениями и другими практиками, вписанными в общеисторический контекст. В ходе исследования мы ставим задачу — ответить на вопрос, насколько отражение пространства женской повседневности американского пригорода середины XX в. соответствует объективной реальности, и как полно оно отражает не только «идеальную», но и «реальную» картину повседневной жизни женщин в соответствующий период.

Особенностям конструирования пространства повседневности в музейных экспозициях, а также проблемам репрезентации и сохранения исторической памяти, посвятили свои работы многие представители европейской и американской гуманитарной науки (Huber 2011; Macdonald 2013; Arnold de Simine 2013; Dickinson 2010; Anico, 2009; Archibald 2004; Watson 2007). В настоящее время в российской историографии музейные экспозиции в качестве инструмента сохранения и трансляции социальной памяти тоже стали объектом изучения многих историков и представителей других наук, работающих в рамках междисциплинарного проблемного поля (Овчинникова 2018: 82–89; Тартаковская 2014: 59–81; Ростовцев, Сидорчук 2014: 16–21; Овчаренко 2015: 39–43).

Что касается самой реконструкции женской повседневности в контексте социальной памяти, то данный предмет исследования находится в спектре интереса гендерного подхода в исторической науке. В этом ключе важно отметить работы Н. Л. Пушкаревой, посвященные проблемам женской социальной памяти, а также женской повседневности (Пушкарева 2019: 206–213; Веретенко, Любичанковский 2019: 85–94). Основываясь на предложенных Н. Л. Пушкаревой теоретико-методологических принципах (Пушкарева 1985: 125), можно заключить, что

предлагаемое исследование будет проведено на стыке истории повседневности, новой локальной истории, музеологии, а также на основе этногендерного подхода. Эти принципы позволяют конструировать условное пространство женской повседневности, исходя из комплекса источников (периодическая печать, устная история и др.) с акцентом на рассмотрение музейной экспозиции в качестве целостного нарратива. Историко-генетический и историко-системный подходы дают возможность рассматривать локальный социум в определенный период прошлого (речь пойдет о пригороде Канзас-Сити, округ Джонсон, США) в тесной связи с историческим контекстом — вторым и началом третьего послевоенного десятилетия. Этнографический метод способствует пониманию смыслов социальных процессов и явлений, постигаемых в тесной взаимосвязи с жизненным опытом индивидов и его переживанием.

В данной работе речь идет об обычных (и этим типичных) женщинах американских пригородов 1950-х гг. Анализируя отображение их жизни в музейной экспозиции, можно попытаться через локальный пример (одного из пригородных районов Канзас-Сити) осмыслить общеамериканские социокультурные трансформации того периода. В центре внимания музейной экспозиции — белые представительницы среднего класса, возрастом от 20 до 40 лет, которые стали в 1950-е гг. жительницами нового пригорода крупного американского города. Здесь они были самостоятельным населением: домохозяйками, потребительницами товаров и услуг, волонтершами, общественными и политическими активистками, выполняли многие социальные роли, которые и сформировали то самое пространство повседневности, которое мы делаем попытку реконструировать на основе материалов музейной экспозиции.

История музея округа Джонсон и элементы пространства женской повседневности

Музей округа Джонсон начал свою деятельность в 1967 г. как добровольная организация с миссией собирать, сохранять и делиться историей округа с локальным сообществом, местными жителями. Первоначально расположенный в двух комнатах Школы Гринвуд (основанной в городке Шони в 1927 г.), он за последние годы вырос до площади 20 000 кв. футов, а в 2017 г. переехал в новое здание. Музей отпраздновал свое 50-летие в новом помещении в Центре искусств и наследия округа Джонсон и тогда же впервые начал взимать плату за вход. Помимо основного здания, Музей округа Джонсон имеет филиал — так называемое «историческое место» Лейнсфилд (ранее существовавший город, от которого сегодня осталось только одна школа) в Эджертоне, штат Канзас. Музей был признан более двух десятков раз лауреатом различных премий, учрежденных национальными, региональными и государственными организациями, за выдающиеся достижения в организации выставок, образовательных программ, подготовке публикаций. В 2016 г. музей попал под управление парка и рекреационной зоны округа Джонсон. Консультативный совет музея, назначенный комиссией округа, курирует программу формирования его коллекций. Отдельный некоммерческий фонд округа привлекает частные средства для поддержки музейных инициатив. Профессиональный персонал из 10 человек контролирует повседневную работу музея при поддержке более 50 волонтеров из музейного сообщества.

Хронологически экспозиция музея охватывает период с XVI в. до настоящего времени. При этом основной акцент во всей пространственной планировке музея сделан на периоде 1950–60-х гг., поскольку именно тогда данная местность достигла наибольшего экономического развития. Этому периоду посвящены ведущие экспонаты музея — так называемый «электрический дом» 1950-х гг. и автомобиль Chevrolet Chevy Bel Air 1955 г. К 1960-му г. средний доход одного домохозяйства округа Джонсон, составлявший 8161 доллар, был почти на 30% выше, чем в других округах Канзас-Сити. Он также занимал 7-е место в стране. Многие в округе Джонсон использовали свой располагаемый доход для покупки новейшей бытовой техники, мебели и автомобилей. Почти каждая семья в округе помимо собственного дома владела хотя бы одним автомобилем, телевизором и телефоном.

Если рассматривать пространство женской повседневности как единое целое, отраженное в экспозиционном ряде и информационных стендах и незримо присутствующее в самой атмосфере исторического повествования, то его очень легко можно разложить на составные части, каждая из которых дополняет единую картину реконструкции. Первая часть — это частная, приватная сфера женской повседневности 1950-х и 1960-х, которая ограничивается стенами дома, одного из тех, что массово строились в пригородах США в этот период. Внутри этого дома условно можно также выделить те «микространства», на которых и разворачивалась основная деятельность женщины. Вторая часть женского пространства в американском пригороде середины XX в. соответствовала удовлетворению потребностей американского общества — в образовании, здравоохранении, потреблении, культуре, развлечениях и т. д. Это пространство формировалось автодорогами, школой, магазином, церковью, а также многими другими организациями и общественными институтами. Наконец, третья часть, это условное общественно-политическое пространство нового американского пригорода, в котором развивались созданные для женщин и в том числе самими женщинами социальные активности.

Дом и домашнее хозяйство как элемент пространства женской повседневности

Главным смысловым компонентом первой, условно выделенной нами части пространства женской (в более широком плане — семейной) повседневности является так называемый «Полностью электрический дом» («All-Electric House») 1950-х гг. — не типичный, а уникальный (олицетворяющий мечту об удовлетворении всех бытовых потребностей представителя американского среднего класса середины 1950-х гг.) дом. В годы Холодной войны и стремлении к максимальному обеспечению комфорта повседневной жизни в капиталистических и социалистических странах такие эксперименты отвечали политическим и социальным запросам.

Этот дом в стиле ранчо 1954 г. является самым большим экспонатом коллекции Музея округа Джонсон. Построенный компанией «Kansas City Power & Light Company» в качестве демонстрационного дома в полностью электрифицированном районе (где не было необходимости в природном газе), дом посетили более 60 000 человек за шесть месяцев, пока он был открыт для публики. Этот дом со всеми техническими удобствами рекламировался как «рай для ленивых»: специальные выключатели открывали и закрывали шторы, другой переключатель убирал картину

над камином, открывая черно-белый телевизор со встроенными динамиками. Снаружи домовладельцы могли смотреть телевизор, не выходя из внутреннего дворика на заднем дворе. Ночники «Moon Glow» по всему дому обеспечивали свет ночью, электрический камин не давал тепла, но потрескивал как настоящий, а электрический тепловой насос мог обогревать дом более эффективно, чем другие методы отопления. С 1950-х по 1990-е гг. в доме жили пять семей. Последняя семья, жившая здесь, подарила его музею, понимая, что этот дом 1954 г. у них «особенный». После Второй мировой войны владение домом в пригороде стало американской мечтой; подобные «электрические дома» 1950-х гг. воплощали эту мечту для многих. Электрический дом «Kansas City Power & Light» воплощал идею счастливой семейной жизни, какой она тогда понималась. Так, в экспозиции показано, что именно этот дом был олицетворением американской мечты послевоенного поколения, которые хотели, создав семью, иметь свой дом в новом пригороде.

Популярный в послевоенные десятилетия в американских пригородах дом в стиле ранчо изменил представление о планировке и превратил кухню в центр всей повседневной жизни. В предшествующий период домашние кухни были маленькими и располагались в задней части дома, чтобы сохранять тепло, а также ограждать от шума и запахов остальную часть дома. Но с конца 1940-х гг. кухня заняла важную часть помещения. Она проектировалась с большими окнами, выходящими во двор и на проезжую улицу. Именно в 1950-е гг. кухня стала неотъемлемой частью внутреннего жилого пространства американского жилища. Двери из кухни вели обычно в прачечную и гостиную. Проектировщики подчеркивали тем самым, что женщина может «управлять всем домом» из центрального места, а именно — кухни.

Как часть женского и общесемейного пространства внутри дома, кухня ныне представлена в рамках экспозиции очень детально. Здесь можно увидеть бытовую технику фирмы «General Electric» 1950-х гг. — холодильник, плиту, печь, посудомоечную машину. Кухонный гарнитур умышленно сделан частично со стеклянными дверцами, чтобы посетители могли увидеть посуду, которую домохозяйки ежедневно ставили на стол в те годы. Открыв сами холодильник, посетители музея (представители разных поколений) могут увидеть повседневный рацион американской семьи 1950-х гг.

Еще одно важное место пространства женской повседневности внутри дома — детская комната. Из предметов мебели в ней детская кроватка, большой игрушечный камин (вероятно, сделанный собственноручно родителями), комод. На информационном стенде, стилизованном под покрывало на детской кроватке, рассказывается о поколении «бэби-бумеров», рожденных между 1946 и 1964 гг., и достигших совершеннолетия в период «невероятного процветания» США. К 1964 г. они составляли уже почти 40% населения страны. После Второй мировой войны американское общество реагировало на демографический подъем трансформациями повседневной жизни. Так, например, упомянутая в информационном контексте экспозиции книга Б. Спока «Ребенок и уход за ним» 1946 г., характеризуется как пропаганда новых, «революционных» тактик воспитания детей. Перечислены наиболее популярные детские имена времен бэби-бума 1950-х гг. — на первом месте там Джеймс и Мэри.

В ванной комнате создатели экспозиции поместили около раковины электрический фен и плойку — новинки 1950-х гг., ставшие атрибутами женской повседневности того времени. Дизайнеры 1950-х гг. использовали яркую и жизнерадостную

цветовую палитру, отражавшую оптимистический взгляд потребителей. Ванная комната, если следовать экспликации экспозиции «Потребительский бум 1950-х», стали тогда согласованными по цветовой гамме с остальным убранством дома. Раковины, унитазы, ванны, даже мыло и туалетная бумага стали производиться разных цветов (и этой теме посвящена отдельная часть экспозиции — «Чудесный мир цвета»). В экспозиции представлены два любимых цвета американских домохозяек «Ming Green» и «Regency Blue», однако самым популярным назван «First Lady Pink» (розовый Первой леди), получивший свое название в честь М. Эйзенхауэр, пристраившейся к нему.

В небольшой комнате между кухней и гаражом размещалась стиральная и сушильная машины — средства бытовой техники, которые массово распространялись в США в послевоенные десятилетия, облегчавшие женский домашний труд, освобождая часть времени домохозяек для занятий с детьми, общения с подругами и саморазвития. С другой стороны, в историко-культурном контексте бытует мнение о том, что массовое производство бытовой техники решало задачу подведения уровня организации быта и домашнего пространства к определенному стандарту, видимому для соседей. О саморазвитии женщин в этот период говорить было сложно. Как следствие, в обществе разразилась дискуссия о недовольстве домохозяек американских пригородов своей повседневной жизнью, и начало тем спорам положила, конечно, «Загадка женственности» Бетти Фридан.

За пределами той комнаты начиналось пространство, которое можно назвать мужским. Это прежде всего гараж... В представленном Музее округа Джонсон так называемом «электрическом доме», гараж был частью и продолжением этого дома. Здесь было достаточно места для размещения автомобиля и хранения технических принадлежностей, необходимых для его владельцев. Согласно устным воспоминаниям американцев, судя также по динамике статистических данных, второй автомобиль (для нужд супруги) стал массово появляться в американских семьях не ранее второй половины 1960-х гг. (Statistical Abstract of the United States 1969: 549–552). Поначалу единственной машиной в семье управлял отец семейства, и гараж в исследуемый нами период был частью условного «мужского» пространства повседневности.

Что касается самой машины, то она припаркована у входа в дом, открывая часть экспозиции, погружающую нас в тему «Американская автомобильная культура». По мере роста уровня жизни, в пригородах росла зависимость американцев от автомобилей. К 1955 г. на дорогах было более 7,9 миллионов легковых машин, и 7 из 10 семей имели хотя бы одну в личном владении. Одним из самых популярных брендов был Chevrolet. В 1955 г. Chevy Bel Air был одной из 1,7 миллионов моделей, проданных в том году, что сделало его самым продаваемым автомобилем в Америке. В экспозиции он представлен таким образом, будто семья только что вернулась или собирается отправиться в путешествие. На заднем сиденье чемоданы, на передней панели — темные очки и выпуск журнала «К звездам» за 1952 г., посвященный местам для путешествий по штату Канзас.

Помимо рядовой повседневности американской семьи, в музее уделено внимание и праздничной, отличающейся от обыденности, стороне. Так, организаторы экспозиции представили коллекцию искусственных рождественских деревьев, которые были популярны в США в середине XX в. Алюминиевую рождественскую елку здесь называют футуристическим праздничным украшением 1960-х. Однако искус-

ственные рождественские елки были известны в США еще с конца XIX в., когда получили распространение искусственные деревья, сделанные из перьев. В 1959 г. специализированная алюминиевая компания в Мэнитуоке (штат Висконсин) произвела первое алюминиевое дерево под торговой маркой Evergleam, ставшей коммерчески успешной. Первоначально продававшиеся в магазинах «Montgomery Ward», вечнозеленые искусственные деревья быстро стали популярными товарами. Алюминиевая промышленность США изготовила 150 000 деревьев в 1964, самом пиковом по продажам, году. Успех Evergleam вдохновил конкурирующие бренды: аналогичная продукция компаний «Revlis, Warren», «Silver Pine», «Tomar Imperial Arctic Star», «Carey-McFall и Krystal» продавались в различных универмагах (об этом — специальный раздел экспозиции «Два фута в высоту, первое поколение»). Деревья пришли в массив традиционных и нетрадиционных цветов праздника, меняя высоту дерева, форму игл. Алюминиевая елка взывала как к безудержной послевоенной коммерциализации в Соединенных Штатах, так и к появлению сторонников «легкости жизни», где не оставалось сухих иголок (после настоящей елки), которые нужно было убирать, когда праздник заканчивался.

Реконструируя американскую городскую повседневность по экспозициям Музея округа Джонсон, стоит обратить отдельное внимание на такую особенность: продолжение внутрисемейного и внутрисемейного пространства в США в середине XX в. — это, так называемая «зона коммунистической угрозы». Претендуя на историческую объективность, ей в музее уделено относительно большое внимание. На огромном стенде размещена фотография встречи первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и вице-президента США Ричарда Никсона в 1959 г. в Москве, внутри реконструированного американского дома во время советско-американской выставки в «Сокольниках». Если всмотреться в жизнь американской семьи того времени, как она представлена в музее, можно почувствовать, что в каждой американской семье тогда ощущалась «угроза коммунистического вторжения». В экспозиции есть несколько инструкций о поведении членов семьи в случае ядерной бомбардировки, брошюры с информацией о радиоактивных осадках, есть и этикетки с коробок «наборов выживания». Визуальный ряд дополнен также предметным: железной коробкой сухого печенья, большой черной канистрой стратегического запаса питьевой воды и другими продуктами-запасами в бомбоубежищах на случай ядерной атаки. Тему семейных бомбоубежищ в экспозиции раскрывает видеофрагмент документальной хроники рубежа 1950–1960-х гг., транслируемый на экране, стилизованном под телевизор того периода.

Хотя в музейной экспозиции и не подчеркнут тезис об укреплении семейных ценностей в середине XX в., тенденцию к такому укреплению можно уловить, рассматривая экспонаты и читая материалы статистики. Известно, что именно в 1950-е гг. впервые за 100 лет число разводов в США снизилось, а количество браков и рождаемость резко возросли, что вызвало бум нуклеарной семьи. Дебаты по социальным и культурным вопросам, которые разделяли американцев на протяжении 150 лет, были заглушены, что говорило о национальном консенсусе в отношении семейных ценностей и норм (Coontz 1997: 112).

Город как часть пространства женской повседневности

Во втором, условно выделенном нами внешнем пространстве женской повседневности американского пригорода и города 1950–60-х гг., показана роль различных учреждений и организаций, которые обеспечивали жизнедеятельность и качественное обслуживание потребностей населения. Это пространство формировали такие учреждения, как детский сад, школа, почта, магазин, церковь.

Данная часть выставки довольно слабо представлена предметным рядом. Основная — стенды с фотографиями и информационными табличками, реже — отдельные предметы в небольших стеклянных витринах. Отдельное внимание в экспозиции уделено развитию сферы торговли нового американского пригорода. Торговые центры в США стали популярными в 1950-х гг. благодаря подъему автомобильной промышленности, новой системе межгосударственных отношений и устойчивой экономике. Торговые центры «последовали за населением» в пригороды, а коммерческие застройщики присоединились к послевоенному строительному буму. С 1958 по 1967 гг. розничные продажи в округе Джонсон выросли почти на 72%. Крупные торговые центры, такие как Mission Shopping Center, Metcalf South и, позднее, Oak Park Mall, стимулировали рост продаж. Эти крупные пригородные торговые центры заманивали потребителей делать покупки и пользоваться услугами и развлечениями дальше от мест сосредоточения бизнеса в центре Канзас-Сити. Ранее процветавшие предприятия в центре города (downtown) либо закрывались, либо перемещались в пригороды, что еще больше дестабилизировало городское ядро.

По мере того, как население округа росло, расширялись и возможности для культурных мероприятий. Волонтерские усилия привели к созданию общественных театральных организаций. Театральные ассоциации начали свою деятельность в 1950-х гг. Местные исторические общества формировались для интерпретации истории конкретного города.

Во второй половине XX века в США «рабочие места следовали за населением в пригороды», где земля была более дешевой, а пространства гораздо больше. Крупные компании по всей стране переместили свои офисы в пригородные кампусы, расположенные ближе к местам проживания своих сотрудников. Округ Джонсон не был исключением. Начиная с 1970-х гг., около 500 компаний переехали из центра Канзас-сити в этот пригород. Жители теперь могли не только жить, но работать и делать покупки на местном уровне, становясь менее зависимыми от городского ядра Канзас-Сити. Канзас-Сити ожидал изменения численности населения еще в 1953 г., «аннексировав» более 200 квадратных миль в течение следующего десятилетия. В 1964 г. был введен подоходный налог для всех, кто живет и работает в черте города. Этот налог взимается здесь и сегодня. Кроме того, предприятия по обе стороны дороги городской границы воспользовались «пограничной войной», принимая стратегическое решение переехать через эту границу, чтобы получить корпоративные налоговые льготы.

Так, постепенно именно пригород стал главным пространством формирования женской городской повседневности в 1950–1960-е гг. Необходимости ездить в центр города почти не было, и именно пригород располагал важным для жизни набором учреждений и организаций. В границах одной улицы (или одного «соседства») люди часто знали друг друга, доверяли друг другу и чувствовали здесь себя комфортно и безопасно. Для подтверждения этого факта музейная экспозиция отсылает нас

к «устной истории». Здесь приведены несколько воспоминаний старожилов: «... Детство в округе Джонсон прошло беззаботно. Не было никакого преступления, о котором я знал, и люди ладили. Не было никаких демонстраций или группировок недовольных людей. Все, казалось, принадлежали к среднему классу, хотя внутри него было несколько слоев...» (Роджер Роудс, Оверленд-Парк, Музей округа Джонсон); «...Для меня округ Джонсон был прекрасным местом для жизни. У нас были привилегии, но мы об этом не знали. У нас у всех была работа, и у нас, возможно, была машина, но она была подержанной, и мы любили ее...». (Кэрен Макги Стэпп Мерриам, Музей округа Джонсон).

Одна из причин формирования безопасной среды в пригородах США в середине XX в. — политика федеральных властей, которая находила отражение на местном уровне. Ей также уделено внимание и в экспозиции Музея округа Джонсон. Здесь рассказывается, что «жилищная дискриминация удерживала многих американцев по всей стране от осуществления американской мечты о жизни в пригороде». Федеральная политика, касающаяся ипотечных кредитов и страхования жилья, была связана с отказом в выдаче кредитов в районах проживания этнических меньшинств. Так, ограничения на въезд в новые пригороды удерживали многих представителей меньшинств от покупки новых домов. Даже после того, как Верховный суд признал дискриминацию в сфере жилья незаконной, фирмы, занимавшиеся недвижимостью и ипотечным кредитованием, продолжали запрещать меньшинствам жить в пригородах (Музей округа Джонсон).

Жилищная дискриминация была обычной практикой в округе Джонсон еще в 1910-х гг. к 1950-м гг. 96% подразделений округа были открыты только для белых. Ограничения на действия почти в каждой общине удерживали группы, которые некоторые считали «нежелательными», особенно афроамериканцев и евреев. Эта часть экспозиции наполнена личными историями и фотографиями чернокожих семей, которые проживали в отдельных пригородных «соседствах».

Можно сказать, что в 1950-е гг. подобными практиками в округе создавалась безопасная среда для белых семей «среднего класса», а в первую очередь для женщин и детей. Осознание того, что ребенка можно спокойно отпустить гулять или переночевать в доме родителей друзей, вселяло в женщин чувство стабильности и защищенности, хотя это и шло вразрез с правами определенных категорий граждан.

Общественная жизнь американок в пространстве повседневности

Третья, условно выделенная нами часть женского пространства городской повседневности тесно связана с общественной и общественно-политической активностью женщин, которые именно в середине XX в. получили новые возможности для самореализации. Раздел экспозиции музея, который называется «Место женщин», открывает цитата заместителя министра труда США Джеймса О'Коннелла 1960 г.: «Когда женщина начинает рассматриваться в первую очередь как источник рабочей силы, и только во-вторых, как мать, тогда я думаю, что мы теряем многое, что предположительно отделяет нас от коммунистического мира» (Джеймс О'Коннелл, Музей округа Джонсон).

В отражении локальной истории в рамках музейной экспозиции большое значение придается общеисторическому контексту развития страны в соответствующий

период. Так, о 1950–60-х гг. доминирует мысль, что популярная культура увековечила «идеальную» семью американского пригорода. Мужья работали в различных конторах, а жены заботились о детях и доме. Правительственные чиновники выступали за то, чтобы женщины оставались дома и служили основой семьи. Мужчины должны были стать идеальными «семьянинами»: зрелыми, ответственными и патриотичными. Соблюдение этих жестких бесполовых правил имело решающее значение в борьбе с коммунизмом (Boylan 1989: 301).

Несмотря на эти предупреждения, некоторые женщины в округе Джонсон работали вне дома и играли активную роль в своих общинах, участвуя в волонтерских организациях и в политической жизни. Для иллюстрации этого в экспозиции приводится история Джен Мейерс, которая успешно уравнивала свою роль жены и матери с 30-летней карьерой в политике Канзаса. В 1966 г. она была председателем избирательной кампании Ларри Уинна-младшего в Конгресс США. В следующем году она стала первой женщиной, избранной в городской совет Оверленд-парка, затем работала в Сенате штата Канзас и в Палате Представителей Соединенных Штатов. Визуальный ряд дополнен фотографиями Джен, на которых она предстает как успешная женщина, в то же время сохраняющая женское очарование. Рядом размещена ее цитата 1968 г.: «Правительство и домохозяйка находятся в очень близких отношениях. Это область, которая имеет отношение к каждому аспекту их жизни. Это связано с улицей перед их домом, качеством их школ. Оно вовлечено в каждый аспект поддержания дома и семьи» (Дж. Мейерс, Музей округа Джонсон).

Данная часть экспозиции построена по принципу бинарных оппозиций, и историю Джен Мейерс уравнивает женская биография с противоположной судьбой. Локальное общественно-политическое пространство 1950–1960-х гг., в которое были вовлечены женщины, также знало примеры слишком бурной активности. Так, в экспозиции Музея округа Джонсон представлены материалы об Эстер Браун. Из данных Отчета ФБР от 21 февраля 1949 г.: «В последнее время субъект был активен в Прогрессивной партии и активно агитировал среди негров в Южном Парке, штат Канзас, добиваясь от них права отправлять детей в школу для белых детей». Эстер Браун активно участвовала в движении «За гражданские права» в округе Джонсон, что заставило ФБР заподозрить ее в связях с коммунистами. Она была дочерью русско-еврейских эмигрантов и за свою активную деятельность вместе с мужем нередко подвергалась арестам. В 1948 г. ее муж Пол даже потерял работу в бизнесе своего отца из-за деятельности Эстер. Он признавал: «Мы заплатили высокую цену за наши добрые дела», но при этом никогда не сожалел и «не сомневался в наших усилиях» (Эстер Браун, Музей округа Джонсон).

В экспозиции также есть стенд, посвященный такому уникальному явлению в общественно-политической жизни Канзаса, как «Лига женщин-избирателей», которая работала в середине XX в. под девизом «Дайте мне пять!». Из материалов предвыборной брошюры можно узнать о том, что «Лига женщин-избирателей» — это беспартийная группа, которая активно изучала и отстаивала местные проблемы, а также способствовала просвещению избирателей. Отделение миссии в городе Шони официально было образовано в 1953 г. По мере того, как ее членский состав расширялся за пределы Шони, группа переименовала себя в Лигу женщин-избирателей округа Джонсон.

Еще один пример общественной жизни женщин небольшого американского городка связан с именем Кей Робсон. Музей округа Джонсон представляет ее биографию и успехи: вместе с небольшим кружком единомышленниц она приложила усилия к созданию библиотечной системы округа. В то время только в городе Олэйта (в пригороде Канзас-Сити, входящего в округ Джонсон) была собственная библиотека. В 1952 г. избиратели одобрили библиотечную систему, в 1956 г. было утверждено финансирование. В течение первых четырех лет 600 волонтеров оказывали жителям города библиотечные услуги. К 2010-м гг. библиотека округа Джонсон выросла до тринадцати филиалов, обслуживающих более двух миллионов посетителей.

Выводы

Пространство женской повседневности американского пригорода 1950–1960-х гг. в Музее округа Джонсон — это целостный образ, который формируется из комплекса предметов и информационных стендов, выстроенных в общий логический ряд и своеобразный нарратив о жизни городка, позволяющий посетителю сформировать многогранное представление о втором и начале третьего послевоенного десятилетия и соответствующих им гендерных особенностях.

Отражение социальной памяти в проблемном поле экспозиции подчинено философскому закону единства и борьбы противоположностей. Мы видим здесь женскую повседневность, которая имела множество условий для реализации планов и идей американских властей этого периода, декларировавших условия «счастливой жизни». С другой стороны, мы наблюдаем множество ограничений и сдерживающих факторов, которые становились реальностью в американском обществе в середине XX в. Так, большой дом 1950-х гг., с просторной удобной кухней и множеством технических новинок (стиральная и посудомоечная машины, пылесос и др.), способных освободить время женщины (в том числе искусственной рождественской елки) — хозяйки дома, это и своего рода ограничение женской повседневности, за рамками которой мы встречаем лишь единичные случаи реализации женской карьеры в общественно-политической сфере. Сам по себе «электрический дом» — это выставочный экземпляр, мечта и часть идеального мира, прерогатива единичных семей среднего класса, недоступная для большинства других семей. Наличие своего автомобиля в каждой семье — это возможность путешествий и повседневных поездок, однако это и ограничение женщин, которые не имели тогда личной машины, в отличие от мужей. Женскую повседневность нельзя рассматривать в отрыве от контекста, в котором происходило развитие социальной системы США; ограничения, накладываемые на этнические меньшинства, были теми самыми «поправками», которые ломали идеальную модель американской семьи из пригорода, выстраиваемую руководством страны в разгар Холодной войны, в 1950–1960-е гг.

Источники и материалы

Statistical Abstract 1969 — Statistical Abstract of the United States. National data book and guide to sources. 1969. P. 549–552.

Научная литература

- Верещенко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкиревой до Н. Л. Пушкиревой: современная историография истории женской повседневности в России. Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Выпуск 3(46). С. 85–94.
- Овчаренко Л. С. Историческая память в формировании патриотизма: из опыта работы школьных музеев // Эксперимент и инновации в школе. 2015. № 5. С. 39–43.
- Овчинникова З. А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 82–89.
- Пушкарева Н. Л. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Исторические науки. 2019. Том 18. № 2. С. 206–213.
- Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин // Государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
- Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
- Тартаковская И. Н. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Том. 6. № 8. С. 59–81.
- Anico M. *Heritage and identity: engagement and demission in the contemporary world*. London; New York: Routledge, 2009. 196 p.
- Archibald R. *The new town square: museums and communities in transition*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2004. 224 p.
- Arnold-de Simine S. *Mediating memory in the museum: trauma, empathy, nostalgia*. NY: Palgrave Macmillan, 2013. 239 p.
- Dickinson G. *Places of public memory: the rhetoric of museums and memorials*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2010. 282 p.
- Huber M. *Museums and memory*. Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 2011. 239 p.
- Macdonald Sharon 2013 *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London; New York: Routledge, 2013. 293 p.
- Watson S. *Museums and their communities*. London; New York: Routledge, 2007. 568 p.

References

- Anico, M. 2009. *Heritage and identity: engagement and demission in the contemporary world*. London; New York: Routledge, 196 p.
- Archibald, R. 2004. *The new town square: museums and communities in transition*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press. 224 p.
- Arnold-de Simine, S. 2013. *Mediating memory in the museum: trauma, empathy, nostalgia*. New York: Palgrave Macmillan. 239 p.
- Dickinson, G. 2010. *Places of public memory: the rhetoric of museums and memorials*. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 282 p.
- Huber, M. 2011. *Museums and memory*. Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 239 p.
- Macdonald, Sharon 2013. *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London; New York: Routledge. 293 p.
- Ovcharenko, L. S. 2015. Istoricheskaya pamyat' v formirovanii patriotizma: iz opyta raboty shkol'nykh muzeev [Historical memory in the formation of patriotism: from the experience of school museums]. *Ekspieriment i innovatsii v shkole*. 5: 39–43.
- Ovchinnikova, Z. A. 2018. Rol' muzeev v formirovanii, podderzhke i translyatsii istoricheskoi i kul'turnoi pamyati [The role of museums in the formation, support and transmission of historical and cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 1 (53): 82–89.

- Pushkareva, N. L. 2019. Osobennosti pamyati o zhenskom sotsial'nom proshlom i trud istorika [Peculiarities of memory about women's social past and the work of a historian]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoricheskie nauki*. 18(2): 206–213.
- Pushkareva, N. L. 1985. Sotsial'no-pravovoye polozheniye zhenshchin [Social and legal status of women]. *Gosudarstvo i pravo*. № 4. S. 121–126.
- Rostovtsev, E. A., Sidorchuk I. V. 2014. Muzei i istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii [Museum and historical memory in modern Russia]. *Voprosy muzeologii*. 2 (10): 16–21.
- Tartakovskaya, I. N. 2014. «Odnou pravdy net»: vizualizatsiya politiki pamyati v istoricheskom muzee [“There is no one truth”: visualization of the politics of memory in a historical museum]. *Interaksiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 6(8): 59–81.
- Veremenko, V. A., S. V. Lyubichankovskii 2019. Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoj povsednevnosti v Rossii [From N. L. Pushkareva to N. L. Pushkareva: modern historiography of the history of women's everyday life in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2019. 3(46): 85–94.
- Watson, S. 2007. *Museums and their communities*. London; New York: Routledge. 568 p.

УДК 7.025+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/209-220

Научная статья

© А. Е. Третьякова, Ю. Т. Ханова, В. В. Сафонов

ИСКУССТВО ЖИВОПИСИ В ЧИЛИ И РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Произведения искусства станковой масляной живописи — живые свидетели своего времени, эпохи, хрупкие и незащищенные перед переменами и небрежным отношением. Каждый автор, художник-живописец — это не только видение талантом окружающего мира, но и источник информации о культуре и социуме того периода, когда он жил. В данной работе сделана попытка исследовать картину с целью атрибуции и реставрации, сохранения культурного пласта, оставленного последующим поколениям. Объектом исследования является живописное произведение из частного собрания российского коллекционера без подрамника с множественными разрывами, утратами, повреждениями красочного слоя — трещинами в местах заломов холста, также кракелюрами по всей поверхности произведения. Как показало изучение живописного слоя, автором произведения является чилийский художник Альберто Валенсуэла Льянос, который обозначил время создания — 1904 г. Размеры картины — 68 см x 59 см. Работа нехарактерна для А. В. Льяноса, рисовавшего в основном пейзажи, т. к. это женский портрет. Картина, в целом, находилась в неудовлетворительном состоянии, наблюдается обшая хрупкость холста, пожелтение по всей поверхности, коричневые масляные пятна, общее пылевое загрязнение. Авторами проведен комплекс реставрационных работ, обеспечивающих определенное восстановление облика картины, позволяющее проводить дальнейшие исследования.

Ключевые слова: станковая масляная живопись, чилийская живопись, красочный слой, лак, грунт, холст, реставрация

Ссылка при цитировании: Третьякова А. Е., Ханова Ю. Т., Сафонов В. В. Искусство живописи в Чили и реставрационные технологии // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 209–220.

Третьякова Анна Евгеньевна — д. техн. н., профессор, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии, Дизайн, Искусство) (119071 Москва, ул. Малая Калужская д. 1). Эл. почта: tretyakova-ae@rguk.ru

Ханова Юлия Тимуровна — студентка, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии, Дизайн, Искусство) (119071 Москва, ул. Малая Калужская д. 1). Эл. почта: yulia.khanova@gmail.com

Сафонов Валентин Владимирович — д. техн. н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой реставрации и химической обработки материалов, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии, Дизайн, Искусство) (119071 Москва, ул. Малая Калужская д. 1). Эл. почта: safonov-vv@rguk.ru

UDC 7.025+39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/209-220

Original Article

© Anna Tretyakova, Yulija Hanova, Valentin Safonov

THE ART OF PAINTING IN CHILE AND RESTORATION TECHNOLOGIES

Easel oil paintings are living witnesses of their time, fragile and defenceless in the face of change and negligence. Each painter provides not only a talent's vision of the world around them, but also information about the culture and society to which they belonged. This paper attempts to investigate a single painting in order to attribute and restore it and to preserve the cultural layer it represents for subsequent generations. The object of the study is a painting without stretcher with multiple tears and losses of the paint layer — cracks in the creases of the canvas and craquelures covering the entire surface of the work. The study revealed that the painting is by the Chilean artist Alberto Valenzuela Llanos, and is dated 1904. Dimensions of the painting — 68 cm x 59 cm. The work is unusual for Valenzuela Llanos, who painted mainly landscapes, because it is a portrait of a woman. The painting, in general, was in poor condition, with general fragility of the canvas, yellowing over the entire surface, brown oil stains, and general dust contamination. The authors carried out restoration works, allowing for further research of the painting.

Keywords: easel oil painting, Chilean painting, paint layer, varnish, primer, canvas, restoration

Authors Info: Tretyakova, Anna E. — Dr. (Technical Sciences), Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (119071 Moscow, Malaya Kaluga st., 1). E-mail: tretyakova-ae@rguk.ru

Hanova, Yulija T. — student, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (119071 Moscow, Malaya Kaluga st., 1). E-mail: yulia.khanova@gmail.com

Safonov, Valentin V. — Dr. (Technical Sciences), Professor, Head of the Department of Restoration and Chemical Processing of Materials, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (119071 Moscow, Malaya Kaluga st., 1). E-mail: safonov-vv@rguk.ru

For citation: Tretyakova, A. E., Yu. T. Hanova, V. V. Safonov. 2022. The Art of Painting in Chile and Restoration Technologies. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 209–220.

Объектом исследования является живописное произведение из частного собрания российского коллекционера — женский портрет, нижнем правом углу поставлена дата — 1904. Размеры — 68 см x 59 см. Материалы: холст, масло. Без подрамника. На картине изображена женщина среднего возраста в красном народном костюме, с двумя косами, перевитыми лентами и повязкой на лбу, что, вероятно, указывает на ее замужний статус.

Произведение выполнено на холсте натурального цвета, ломком, со значительным пожелтением по всей поверхности, присутствуют коричневые масляные пятна и общее пылевое загрязнение. Следует отметить и механические повреждения: множественные разрывы по направлению нитей холста (самый большой около 20 см), небольшие утраты холста, прорывы с утратой части нитей холста и красочного слоя, общая измятость холста, заломы от складывания в четыре части, заломы и разрывы по кромке холста, небольшие утраты кромки, на кромках отверстия от гвоздей. Красочный слой по местам заломов осыпался, имеет кракелюр по всей поверхности, присутствует сильное пожелтение лака. В правой верхней части холста прорыв изогнутой формы, края прорыва окрашены темной краской.

Таким образом основанием для реставрации послужили: общая хрупкость холста, множественные разрывы, утраты, плохое состояние кромок холста, сильное пожелтение и потемнение лаковой пленки, повреждения красочного слоя — трещины в местах заломов холста, кракелюр по всей поверхности произведения. На оборотной стороне произведения присутствуют две заплатки, свидетельствующие о предыдущей реставрации. По состоянию заплат можно сделать вывод о том, что реставрация была проведена довольно давно. Судя по общему состоянию полотна и по крестообразным заломам, можно понять, что произведение хранилось в неподходящих условиях и в какой-то момент было сложено в два раза.

Холст полотняного переплетения натурального цвета, пожелтел по всей поверхности, покрыт коричневыми масляными пятнами, имеется общее пылевое загрязнение. Видны два следа предыдущих попыток реставрационных работ: заплатка из плотной ткани полотняного переплетения зеленого цвета в верхней части холста и заплатка из ткани средней плотности натурального цвета в правой части холста. Заплатки закреплены, как показала идентификация клеевого состава, природным глютиновым клеем, предположительно осетровым, т. к. он создает твердую пленку, не растворяется в воде и органических растворителях (изопропиловый спирт, пинен), но сильно набухает и размягчается в воде. Крупные разрывы заклеены пластырем. Живопись загнута на кромки произведения со всех сторон, холст без подрамника. Красочный слой пастозный, на кромках отсутствует лаковая пленка. Красочный слой осыпался по местам заломов, образовался кракелюр красочного и лакового слоев по всей поверхности, произошли сильное пожелтение и потеря прозрачности лака, частичная осыпь грунта вместе с красочным слоем в местах заломов и прорывов.

Присутствует автограф автора и год создания — 1904. С помощью фотокоррекции и восстановления подписи в графических редакторах удалось распознать имя автора — Альберто Валенсуэла Льянос (*Рис. 1*).

В целом, памятник находится в неудовлетворительном состоянии, рассмотрение изображения на полотне крайне затруднено совокупностью таких факторов, как пожелтевший лак и сетка кракелюра по всей поверхности изображения. Многочисленные механические повреждения холста такие, как разрывы, заломы, утраты, способствуют его дальнейшему разрушению.

Как показывает разбор автографа, автор произведения — Альберто Валенсуэла Льянос (1869–1925) — чилийский художник, один из четырех великих чилийских мастеров, наряду с Педро Лирой, Альфредо Валенсуэла Пуэльма и Хуан Франциско Гонсалес. Он оставил после себя около 1000 картин, в основном в пейзажном жанре, его искусство принесло ему признание как в Чили, так и за рубежом. Что касается

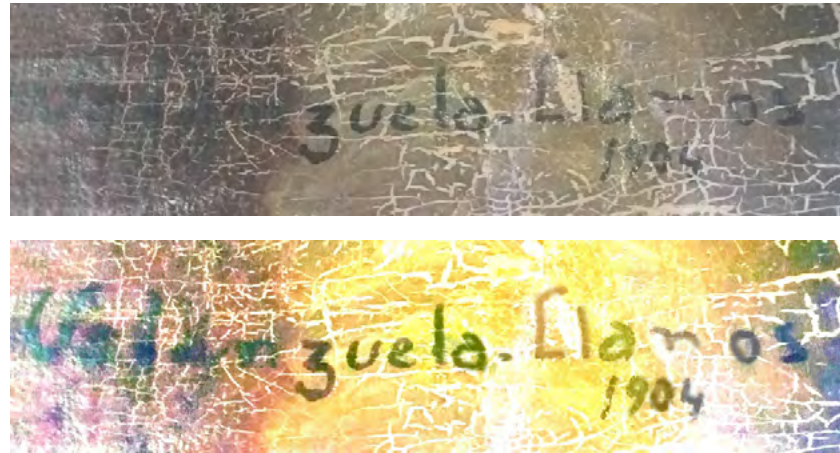

Рис. 1. Анализ подписи автора

датировки картины, то на этот период известно, что в 1901 г. Льянос уехал в Европу с правительственной стипендией, чтобы усовершенствовать свои художественные навыки, где пробыл до 1906 г. Там он учился у Жан-Поля Лоранса в Академии Жюльена, где у него была возможность узнать об импрессионизме и экспрессионизме (Museo Nacional Bellas Artes). Вернувшись в Чили в 1903 г., художник получил почетную награду Салона, и начиная с этого времени он удостоивался наград и медалей как в Чили, так и во Франции в знак признания его творческих заслуг.

Хотя жизнь живописца сопровождалась наградами и отличиями, он всегда был строгим и молчаливым человеком, скромным и замкнутым, но пылким в своем творчестве. Город Сан-Фернандо, в котором прошло детство художника, привил ему любовь к природе и стремлению к совершенствованию в написании пейзажей.

Высшим достижением А. Валенсуэлы Льяноса была его способность передавать свет. Он добивался этого, осветляя цвет, распыляя его небольшими мазками кисти и сопоставляя с другими цветами (Romera 1951: 128). Благодаря разложению цвета на крошечные нюансы каждый элемент ландшафта, небо, вода, облака или холмы, сияют в белых, голубых, оранжевых, красных или зеленых тонах. Художник видел, как время дня или сезон могут преобразить окружающую реальность. Как писал он сам, сумерки были его самым любимым временем для работы. У А. Валенсуэлы Льяноса был очень рациональный подход к живописи: сначала он делал небольшой набросок к будущей работе, затем он разрабатывал этюд небольшого размера и только после этого переносил его на свой обычный размер холста 100 x 80 см, лишь иногда превышая эти значения.

Основная тематика его полотен — пейзаж, и А. Валенсуэла Льянос обычно выбирает большие форматы для представления простых сельских пейзажей центральной чилийской зоны, выделяя виды на реку Мапучо, Ло Контадор, Кахон-дель-Майпо и Альгарробо. Хотя он был знаком с работами импрессионистов и занимался живописью на открытом воздухе, его работы не следовали принципам французского движения, но сохраняли свой собственный стиль, характеризующийся передачей реальной природы, на которые он стремился проецировать определенную экспрессивность (Gaspar, Ivelic 1981: 159). Его работы принесли ему выдающееся признание как в Чили, так и за рубежом (Internet Archive).

Чтобы лучше понять искусство Альберто Валенсуэлы Льяноса, необходимо оценить, какую роль он играет в истории искусства Чили. Полностью осознать важность проделанной им работы возможно только в историческом контексте. История живописи Чили охватывает период от доколониальных времен, когда искусство развивалось коренными народами, до наших дней, когда оно представляет самые различные жанры от авангарда до искусства, созданного независимыми художниками. Чилийская живопись началась с ритуальных объектов и тканей народов Диагиты, Атакаменьо, Рапануи, Мапуче и других связанных народов, включая цивилизацию инков. Доисторическая живопись в Чили, так называемая доколумбова чилийская живопись, включает в себя любой тип живописи или технику рисования, которые использовались до испанского завоевания. Изучение этого периода, развивавшегося до появления письменных источников, основано на материальных остатках и пережитках сформировавшихся культур.

Историк искусства Луис Альварес Уркиета был одним из первых авторов, поднявших вопрос о доколумбовом искусстве в своей книге «Pintura en Chile» (Живопись в Чили). Автор объясняет, что большая часть живописи, созданной до прихода испанцев, была написана культурами Атакаменьо и Араукано, а также выявлены влияния Диагиты и инков (Alvarez Urquieta, Jarpa 1928: 6).

Чилийское колониальное искусство относится к искусству, произведенному в период, который длился с 1598 по 1810 гг. С искусствоведческой точки зрения период начался примерно в середине XVII в., и сначала его возглавляли испанские колонисты и рабочие ремесленники, которым не хватало специальной художественной подготовки. Живопись находилась под непосредственным влиянием европейских художественных тенденций, таких как маньеризм и барокко, но, как и вся другая чилийская культура, развивавшаяся в этот период, также находилась под влиянием местного искусства и культуры, создавая новый стиль.

Группа предшественников чилийской живописи, также называемая «странствующими художниками XIX века», термин, придуманный историком искусства Луисом Альваресом Уркиета. Он выделяет группу независимых художников, которые прибывают в Чили с начала XIX в. (Alvarez Urquieta, Jarpa 1928: 45). В национальной живописи появляются новые темы и элементы: от портретов выдающихся персонажей, выполненных такими художниками, как перуанец Хосе Хиль де Кастро и француз Раймон Монвуазен, до библиографических изображений растений, животных и городов, воплощенное в жизнь такими деятелями, как Клаудио Гей, Чарльз Вуд и Чарльз Дарвин.

Хотя живопись до XIX в. выполняла только религиозную и образовательную функции, новые европейские тенденции связали ее с естественной эстетической ценностью, которую она несет сама по себе. Таким образом, живопись перестала быть дополнением к другим ремеслам и наукам, чтобы стать самостоятельным видом искусства. Чилийское искусство, в целом, пострадало еще и от внутренних конфликтов в стране после обретения независимости, и ему было очень трудно обрести стилистическое направление. В период путешествующих художников реализм, неоклассицизм и романтизм сосуществовали вместе, занимая главенствующую позицию в искусстве лишь на короткие периоды времени.

Следующий период в чилийском искусстве знаменуется открытием Академии живописи, которая стала первым высшим учебным заведением, профессиональ-

но преподающим искусство в Чили. Она была создана в Сантьяго 17 марта 1849 г. и продвинута правительством для развития изящных искусств в стране. Изначально Академия располагалась в здании, принадлежащем Университету Сан-Фелипе, нынешнему муниципальному театру Сантьяго. В 1891 г. она переехала и изменила свое первоначальное название на Школу Изящных Искусств. В 1910 г. после того, как объединилась с Музеем изящных искусств она исчезла, а в 1932 г. перешла в зависимость от Чилийского университета.

Академия живописи дала стране первых национальных художников и дала образование выдающимся чилийским художникам, в том числе четверем великим мастерам чилийской живописи, последователей Педро Лира и Антонио Смита. Его первыми директорами были Алехандро Чикарелли, Эрнесто Кирхбах, флорентинец Хуан Мочи, Косме Сан-Мартин и скульптор Вирджинио Ариас.

Несмотря на важность Академии, некоторые искусствоведы критикуют этот период как один из самых блеклых в истории чилийского искусства. Эти авторы основывают свою критику на попытке Чикарелли скопировать европейскую модель обучения. В Европе было много художников, а также огромные коллекции произведений искусства и множество меценатов. Чили же, напротив, только недавно начала свой путь в мире искусства и была той страной, в которой почти не было местного художественного движения или устоявшейся национальной идентичности, а также Чили обладала очень скромной национальной коллекцией произведений искусства, и люди не могли его себе позволить. По словам историка искусства Антонио Ромера: «Чикарелли был догматическим мастером, непреклонным в защите своего эстетического идеала, лишенным необходимой пластичности и эклектики, чтобы позволить ученикам идти своим собственным путем, отмеченным их собственной чувствительностью» (Romera 1951: 68).

Сложный характер преподавания Чикарелли, его чрезмерная амбициозность и отсутствие гибкости вызвали критику со стороны некоторых его студентов, но сделанная им работа все же вызвала новый интерес к неоклассической живописи в Чили. Неоклассический стиль, разработанный Чикарелли, проявляется в темах, которые никогда раньше не встречались в чилийской живописи, таких как мифология, древняя история и классика. Некоторые из его учеников сопротивлялись его учению, наиболее известными из которых были Педро Лира и Антонио Смит, которые, независимо от учебы в академии, разработали свой собственный стиль и получили большое признание.

В этот период все, что придавало чилийскому искусству его самобытность до основания Академии: образовательные и социально объединяющие усилия колониального искусства и эклектика времен странствующих художников — было утрачено. Живопись и скульптура стали привилегией для высших слоев общества. Несмотря на это, Академия живописи выпустила из своих стен четырех Великих мастеров Чили. Великие мастера чилийской живописи — это концепция, придуманная историком Антонио Ромера, которая объединяет четырех важных чилийских художников, работа которых была решающей с точки зрения преподавания, и их влияние продолжается по сей день. Эти художники развивали свое творчество в течение последних двух десятилетий XIX в. и первых двух десятилетий XX в.

Четверо студентов первого поколения Академии усовершенствовали свою художественную технику во Франции и взяли на себя роль «учителей» для других

студентов-искусствоведов. В какой-то момент все они отошли от академизма, чтобы освоить новые направления изобразительного искусства. Несмотря на глубокие эстетические и стилистические различия, они были современниками. Имена этих художников — Педро Лира, Хуан Франсиско Гонсалес, Альфредо Валенсуэла Пуэльма и Альберто Валенсуэла Льянос. Педро Лира и Валенсуэла Пуэльма могут быть отнесены к натуралистам, а Хуан Франсиско Гонсалес и Валенсуэла Льянос принадлежат к более инновационным направлениям в живописи. Работы этих художников выставлены в таких художественных музеях страны, как Ла Каса Делл'Арте в Консепсьоне, Национальный музей изящных искусств в Сантьяго, Паласио-де-ла-Монеда, Национальную библиотеку Чили, Национальный исторический музей.

«Поколение 13» было первой художественной группой в Чили. Свое название она получила благодаря совместной выставке, которую художники разработали в 1913 г. в салонах чилийской газеты «Эль Меркурио». Среди основных отличительных черт группы — увлечение креольским искусством и его обычаями, социальная критика и изображение персонажа, не встречавшегося ранее национальной живописи — пролетариата (Generation of 13). Вначале группа имела богемный характер, подобный тому, который был присущ первым художникам романтизма, но позже группа сосредоточилась на более социальной работе. «Поколение 13» вышло из беднейших районов страны. Сначала его участники учились у Педро Лира, а позже попали под влияние испанского Альвареса де Сотомайора, от которого они унаследовали стиль, похожий на стиль Веласкеса.

Таким образом, творчество Альберто Валенсуэлы Льяноса сыграло важную роль в развитии национального стиля живописи в Чили. Он создал сотни произведений в уникальной манере, чем пополнил фонд культурного наследия родной страны, заслужил широкое признание на родине и в других странах, а также вел активную преподавательскую деятельность.

В результате анализа литературы, посвященной реставрации произведений станковой масляной живописи, сравнения и изучения реставрационных методик, а также исследования объекта и его состояния сохранности, был разработан план реставрационных работ. После описания состояния сохранности была проведена механическая очистка живописного полотна. На оборотной стороне объекта скопилось много пыли и поверхностных загрязнений, которые были удалены щеткой и жесткими кистями.

Следующим шагом стала дезинфекция произведения. Чаще всего при дезинфекции произведений живописи используется Катами АБ — катионный ПАВ, обладающий высоким противомикробным действием. Одним из главных его преимуществ является малотоксичность и широкий спектр применения: как антисептик, так и в роли консерванта для клеевых растворов (Федосеева и др. 2016: 21). Для проведения данной операции использовался 1%-ный водный раствор Катамина АБ. Задняя поверхность произведения была обработана им с помощью ватных тампонов, после чего произведение было положено под пресс, чтобы выровнять заломы и сгибы холста.

При осмотре оборотной стороны холста обнаружены две заплатки из плотной ткани, оставшиеся после предыдущей реставрации. С течением времени клей в этих местах затвердел и потерял свои адгезионные свойства. После смачивания пораженных участков водой клей не растворился, но пленка клея набухла и размяг-

чилась. Вероятнее всего, что при реставрации был использован глютиновый клей, предположительно осетровый. После набухания заплаты стало возможным удалить глазным скальпелем, им же были удалены остатки клея с поверхности холста (Куреева и др. 2006: 124–137).

Далее было необходимо провести очистку поверхности произведения. С этической и практической точки зрения реставраторы вынуждены использовать такие методы и материалы для очистки произведений живописи, которые будут соответствовать основному принципу реставрации; процессы и материалы должны быть «обратимыми». Удаление старых лаков — необратимый процесс, однако под обратимостью часто подразумевается, что очистка с использованием растворителей не должна оставлять на поверхности их остатков, т. е. растворитель должен испаряться или быть полностью удален после использования. Кроме того, процесс очистки не должен приводить к повреждению или необратимому изменению оригинального живописного слоя (Stoner; Rushfield 2012: 524).

В первую очередь стояла задача очистить картину от поверхностных загрязнений, таких как: пыль, сажа, копоть и др., которые могли осесть на поверхности в результате неправильного хранения. В данном случае для удаления поверхностных загрязнений использовался слабый раствор вода-пинен-спирт в процентном соотношении 80:10:10%. Очистление производилось ватным тампоном (Кудрявцев 2002: 131).

В некоторых случаях пленка лака настолько окисляется и утрачивает свой первоначальный вид, что может сильно исказить изображение. Так произошло и в случае с нашим объектом исследования — лаковая пленка настолько потемнела и помутнела, что за ней едва можно было различить оригинальные цвета картины. Для снятия лаковой пленки использовались ватные тампоны, смоченные эмульсией изопропилового спирта в пинене (30:70% или 40:60%) при постоянном встряхивании эмульсии. Подбор концентрации растворителя подбирался опытным путем в неотвеченных местах, чтобы избежать растворения красочного слоя. Данный состав в различных вариантах широко используется для удаления или утоньшения лаковых пленок в отечественной реставрационной практике. В наиболее тяжелорастворимых местах самым эффективным методом оказались компрессы с марлей или тонкой тканью, смоченной в эмульсии, и покрытой сверху полиэтиленовой пленкой во избежание испарения растворителя. Такой метод позволяет деликатно размягчить лаковую пленку, и при ее удалении не приходится использовать сильный нажим или трение, которые могут повредить красочный слой.

Удаление лака с правой части фона за фигурой было затруднено тем, что эта область была испещрена плывущим кракелюром и покрыта реставрационной тонирующей темно-фиолетовой, почти черной краской. После ее удаления вскрылась небольшая надпись, выполненная ярко-красной краской в правом верхнем углу изображения «E. MOLINA» (Рис. 2). Можно предположить это фамилия является либо именем изображенной на картине женщины, либо именем заказчика. Молина — это испанская фамилия по роду деятельности. В переводе с латинского языка означает «мельница» и происходит от другого латинского слова, *mola* («жернов»). Фамилия впервые появилась в Раннем Средневековье и относилась к человеку, который работал на мельнице или жернове. Т.к. пока нет информации о прошлом данного произведения, а количество людей с данной фамилией, достаточно популярной, крайне велико, это затрудняет идентифицировать личность женщины, изображенной на картине.

Рис. 2. Надпись до и после обработки изображения в фоторедакторах

Для возвращения произведению структурной целостности и укрепления холста был выбран метод дублирования. В последние несколько лет в сообществе реставраторов стараются не использовать дублирование в тех случаях, когда можно воспользоваться менее инвазивными методами — подведением комок, исправлением разрывов методом восстановления структуры ткани, заделыванием прорывов методом встык и т. д. (Stoner; Rushfield 2012: 384). Однако, в случае с объектом исследования ни один из этих методов не мог бы предоставить холсту должную поддержку. Из-за огромного количества прорывов, утрат и заломов, а также отсутствующих местами кромок наиболее целесообразным методом укрепления холста является дублирование.

Для дублирования был выбран адгезив BEVA GEL — водная дисперсия акриловых смол и смол этиленвинилацетата. Он может быть использован как в чистом виде, так и разбавленным с водой, прост в нанесении, отличается хорошим скольжением и адгезией к широкому спектру поверхностей. При частичном высыхании BEVA GEL превращается в прочный контактный клей с отличным сцеплением с холстом. После полного высыхания BEVA GEL можно активировать при температуре 60–65 °С. Этот клей растворяется водой, толуолом, ксилолом, изопропиловым спиртом или этанолом. Распыление любого из вышеперечисленных растворителей возвращает высохший клей обратно в гелевую форму. Таким образом, данный материал отлично подходит для дублирования произведений живописи, т. к. является термопластичным и растворяется в широком ряде растворителей, следовательно, делает дублирование легко обратимым процессом (Berge 1990: 1–14).

После полного высыхания клея в течение нескольких суток необходимо перетянуть холст на новый постоянный подрамник. Т.к. от колебаний влажности воздуха холст может провисать или натягиваться, недопустимо натягивать уже подвергшиеся разрушению произведения на глухой подрамник. Во избежание появления новых разрывов и кракелюра картина была натянута на раздвижной подрамник 65x55 см. У подрамника предварительно проверены углы. Натяжение было произ-

ведено с помощью щипцов для натяжки холста — они предоставляют такую степень натяжения и сцепление с холстом, которых нельзя добиться, натягивая картину вручную. Закрепление полотна на подрамнике произведено гвоздями ТЭКС № 11, которые благодаря своей плоской клиновидной форме легко входят в древесину подрамника, снижают риск расщепления волокон древесины и легко удаляются. Натяжка проводилась путем закрепления холста гвоздями от центра каждой стороны подрамника к его углам на приблизительно одинаковом расстоянии. Очень важно натянуть холст не слишком сильно, но в то же время необходимо избегать провисов и неровностей. В углы подрамника были вбиты клинья для регуляции натяжения полотна (Кудрявцев 2002: 19).

Следующим шагом стало восполнение утрат и выравнивание поверхности произведения реставрационным грунтом марки ТАИР. Грунт был нанесен с помощью мастихина в места утрат и осыпи красочного слоя с учетом того, что он немного уменьшится в объеме при высыхании. Грунт высыхал в течение нескольких часов, после чего остатки грунта, заходящие на красочный слой, были удалены влажным ватным тампоном. Неровности были зашлифованы мелкозернистой наждачной бумагой.

Затем, после полного просыхания реставрационного грунта, перед тем как перейти непосредственно к восполнению утрат красочного слоя, произведение было покрыто защитным слоем лака, чтобы изолировать реставрационные тонировки от оригинального произведения. Это позволит с легкостью удалить их в случае необходимости, не ставя под риск авторскую живопись. При восполнении утрат красочного слоя нельзя скрывать или изменять области с оригинальной живописью. Хотя интерпретация реставратором намерений художника неизбежно будет субъективной, она должна быть корректной с исторической и эстетической точек зрения. Ретуширование должно выполняться как можно более объективно без попытки исказить намерения художника (Nicolaus, Westphal 1999: 260). Важно постоянно переоценивать ход работы с целью достижения баланса во всей картине. По мере того, как каждый изъян ретушируется, появляются новые дефекты, которые больше не затмеваются более явными потерями и повреждениями. Кроме того, произведения искусства присущи признаки старения, такие как кракелюр, и их полное сокрытие путем реставрации может исказить картину.

Основным материалом для восполнения утрат были выбраны гуашевые краски. Благодаря их водорастворимости, слой краски легко удалить и нанести снова в процессе реставрации. Также гуашью достаточно легко работать в пастозной технике, имитируя оригинальную масляную живопись (Nicolaus, Westphal 1999: 278). Минусом гуашевых красок в данном методе является то, что они значительно темнеют после покрытия финальным слоем лака, следовательно, подбор цветов затрудняется и цвет необходимо подбирать холоднее и светлее необходимого оттенка. Ретуширование проводилось мелкими штрихами в местах утрат и в больших трещинах кракелюра, мешающих восприятию картины.

Завершающим этапом в реставрации данного произведения было нанесение финального слоя акрил-фисташкового лака марки ТАИР с помощью широкого флейца.

Таким образом, после проведения всех реставрационных мероприятий произведению был возвращен экспозиционный вид, было произведено его укрепление и восполнение утрат (рис. 3–4).

Рис. 3. Фотография памятника до реставрации: лицевая и оборотная стороны

Рис. 4. Памятник после покрытия завершающим слоем лака

Источники и материалы

- Generation of 13 — Generation of 13 // Museo Nacional Bellas Artes. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artistasvisualeschilenos.cl/658/w3-article-45583.html> (дата обращения: 10.04.2021)
- Internet Archive — Alberto Valenzuela Llanos: Contributions // Internet Archive Way Back Machine [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20100113231615/http://www.portaldearte.cl/autores/valenzuela3.htm> (дата обращения: 15.04.2021)
- Museo Nacional Bellas Artes — Alberto Valenzuela Llanos: Biography // Museo Nacional Bellas Artes. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artistasvisualeschilenos.cl/658/w3-article-40032.html> (дата обращения: 02.04.2021)

Научная литература

- Киреева В. Н., Николашкينا А. Б. Методика расчистки оборота произведений станковой масляной живописи от глютиновых клеев // Художественное наследие. хранение, исследования, реставрация. № 27 (57). М.: ГОСНИИР 2006. С. 124–137.
- Кудрявцев Е. В. Техника реставрации картин. М.: В. Шевчук, 2002.
- Федосеева Т. С., Беляевская О. Н., Гордюшина В. И., Малачевская Е. Л., Писарева С. А. Реставрационные материалы. Курс лекций. М.: Индик, 2016.
- Alvarez Urquieta L., Jarpa O. La pintura en Chile. Imprenta La Ilustración. Santiago de Chile, 1928. URL: <https://www.memoriachilena.gob.cl/archivos2/pdfs/MC0031798.pdf>
- Berge G. A. More Unconventional treatments for Unconventional Art // Studies in Conservation. 1990. Vol. 35, No. 1. Pp. 1–14.
- Gaspar G., Ivelic M. La Pintura en Chile: Desde la Colonia Hasta Valparaiso: Universidad Católica de Valparaíso, 1981.
- Nicolaus K., Westphal C. The Restoration of Paintings. Konemann, 1999.
- Romera, Antonio R. History of Chilean painting. Santiago: Editorial del Pacífico, 1951.
- Stoner J. H., Rushfield R. Conservation of Easel Paintings. London: Butterworth-Heinemann, 2012.

References

- Alvarez, Urquieta L., O. Jarpa. *La pintura en Chile*. Imprenta La Ilustración [Painting in Chile. La Ilustración Printing House]. Santiago de Chile, 1928. URL: <https://www.memoriachilena.gob.cl/archivos2/pdfs/MC0031798.pdf>
- Berge, G. A. 1990. More Unconventional treatments for Unconventional Art". *Studies in Conservation*. 35(1): 1–14.
- Gaspar, G., M. Ivelic 1981. *La Pintura en Chile: Desde la Colonia Hasta* [Painting in Chile: From the Colonial Period to the Present Day]. Valparaiso: Universidad Católica de Valparaíso.
- Fedoseeva, T. S., O. N. Beliaevskaia, V. I. Gordiushina, E. L. Malachevskaiia, S. A. Pisareva 2016. *Restavratsionnye materialy. Kurs lektzii* [Restoration materials. Course of lectures]. Moskva: Indrik.
- Kireeva, V. N., Nikolashkina, A. B. 2006. Metodika raschistki oborota proizvedenii stankovoi maslianoi zhivopisi ot gliutinovykh kleev [Methods of clearing the turnover of works of easel oil painting from glutinous glues]. *Khudozhestvennoe nasledie. khranenie, issledovaniia, restavratsiia*. 27 (57): 124–137.
- Kudriavtsev, E. V. 2002. *Tekhnika restavratsii kartin* [Painting restoration techniques]. Moskva: V. Shevchuk.
- Nicolaus K., Westphal C. 1999. *The Restoration of Paintings*. Konemann.
- Romera, Antonio R. 1951. *History of Chilean painting*. Santiago: Editorial del Pacifico.
- Stoner, J. H., R. Rushfield 2012. *Conservation of Easel Paintings*. London: Butterworth-Heinemann.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/221-232

Научная статья

© М. С. Михалев

(АН)ТРОПОЛОГИЯ ФРОНТА: ДОРОГИ И ТРОПЫ В СУДЬБАХ ПРИАМУРСКИХ ЭВЕНКОВ

На основе сравнения современных судеб двух небольших эвенкийских поселений в Хабаровском крае и в Амурской области обосновывается тезис о том, что сохранность культуры коренного малочисленного народа во многом зависит от того, насколько хорошо ему удастся сбросить свою собственную систему координат. Показывается, что в то время как тропы обладают способностью сохранять историческую память народа и тем самым препятствуют его ассимиляции, современные магистральные дороги и другие объекты крупной транспортной инфраструктуры ускоряют эрозию национальной культуры, являясь причиной потери связи народа со средой своего обитания, и, в конечном итоге, его гибели. Утверждается, что в то время как с точки зрения экономики и государственного управления дороги видятся «неизбежным благом», антропологи должны уделить особое внимание изучению троп и вопросам их сохранности. В этой связи в статье вводится понятие и обосновывается актуальность появления (ан)-тропологии как отдельной субдисциплины, изучающей роль троп и других объектов «народной инфраструктуры» в жизни коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: эвенки, тропы, инфраструктура, фронтальные регионы, ассимиляция

Ссылка при цитировании: Михалев М. С. (АН)тропология фронта: дороги и тропы в судьбах приамурских эвенков // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 221–232.

Михалев Максим Сергеевич — д. и. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии, Российский Государственный Гуманитарный Университет (125047 Москва, Миусская пл., д. 6, ст. 1). Эл. почта: maxmikhalev@yahoo.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21–18–00495 «На фронте культур: от индивидуальных биографий к историческим судьбам этнических сообществ (эвенки Сибири и коренные австралийцы в условиях модернизации)».

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/221-232
Original Article

© Maxim S. Mikhalev

FRONTIER ANTRAILPOLOGY: ON THE TRAILS AND ROADS IN THE LIVES OF AMUR EVENKS

Based on a comparison of the two Evenk settlements in Russia's Khabarovsk Krai and Amurskaya Oblast, this paper argues that preservation of traditional culture by an ethnic minority group depends on how well it preserves its own systems of axes. It shows also that while trails that are capable of keeping national heritage alive and preventing minorities from assimilation, modern highways cause traditional culture to decline as they destroy their ties with the environment that may eventually lead to its extinction. It states that while both economists and governmental agencies view road construction as an "inevitable good", anthropologists shall pay attention to the study of trails as repositories of traditional culture and to their preservation. To achieve this goal, this paper suggests developing Antrailpology as a subdiscipline within social anthropology that would elaborate on the role of trails and other "folk infrastructure" in the life of minority ethnic groups.

Keywords: *Evenk, trails, infrastructure, frontiers, assimilation.*

Author Info: Mikhalev, Maxim S. — Doctor of History, Full Professor, Russian State University for the Humanities (125047 House 6. b.1, Miusskaya sq., Moscow, Russia). E-mail: maxmikhalev@yahoo.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

For citation: Mikhalev, M. S. 2022. Frontier Antrailpology: on the Trails and Roads in the Lives of Amur Evenks. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 221–232.

Funding: The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21–18–00495.

Дороги: неочевидное благодеяние

Необходимость экономического и социального развития и постепенной интеграции в общее социальное пространство страны отдаленных, фронтальных территорий, населенных коренными малочисленными народами Сибири и Дальнего Востока, не вызывает возражений. Требуется, однако, кардинальное переосмысление тональности дискуссии, которая сопровождает подобную интеграцию, а также большинство реализуемых на ее основе сценариев. В частности, это касается темпов строительства, а также масштаба и характера возводимой в фронтальных районах транспортной инфраструктуры, которая сейчас, как правило, подается лишь как неизбежное благо, а иногда и вовсе сакрализуется как императив национального развития (Осинов, Карпова, Некрасов 2019: 241). В то же самое время негативные последствия включения отдаленных регионов в общенациональную транспортную сеть для коренного населения этих регионов, как правило, не учитываются, а суще-

ствование там традиционных, локальных путей сообщения, интегрированных в природное окружение, игнорируется.

В какой-то степени, этот перекокс вызван тем, что в отношении собственных окраин, а также населяющих их коренных малочисленных народов государство как правило выступает с позиций патернализма, лишь изредка прислушиваясь к аргументам тех, кому, как оно считает, оно способно и, как при этом имплицитно подразумевается, призвано обеспечить достойную жизнь. Так происходит даже в том случае, когда представление властей о достойной жизни не совпадает с тем, что в этот термин вкладывают сами люди, о которых они проявляют заботу. В результате, именно государство выступает единственным легитимным инициатором процессов экономического и социального развития территорий проживания коренных малочисленных народов, самостоятельно определяя направления, планы, методы и конечные цели этого развития. Касается это, в том числе, и вопросов развития транспортной инфраструктуры.

Подразумевается, что так происходит потому, что государство фактически берет на себя все связанные с развитием региона финансовые и организационные издержки, а потому вправе решать, как именно должны выглядеть его планы. Однако стоит отметить, что в реальности истинным драйвером большинства проектов, в том числе и тех, что связаны с созданием магистральной транспортной инфраструктуры, можно считать желание крупных промышленно-финансовых групп облегчить себе доступ к природным ресурсам транспортно отдаленных регионов. При этом данный, чисто утилитарный интерес действительно довольно часто совпадает с желанием властей обеспечить более плотный контроль над населением беспокойных и нестабильных фронтальных районов. Несмотря на подобную, довольно очевидную собственную заинтересованность в транспортном развитии отдаленных регионов правительства и находящихся в тесной связи с ним коммерческих структур, в публичном поле до сих пор главенствует «нарратив благодеяния». Власти, другими словами, пытаются убедить жителей фронтальных регионов в том, что улучшение транспортной доступности их региона необходимо для их же собственного блага, а государство, тесно связанные с ним финансовые и банковские структуры, а также многочисленные подрядчики лишь оказывают им неоценимую услугу, обеспечивая это самое улучшение на практике.

В том, что это далеко не так, легко убедиться, проанализировав инвестиционные планы самих подрядчиков и кредитуемых их структур (КРМГ 2017), а также планы развития большинства отдаленных территорий. По своей сути, они являются формализованными дорожными картами усиления эксплуатации их природных и трудовых ресурсов после того, как туда, наконец, придет транспортная инфраструктура нового поколения и заместит собой традиционные пути сообщения. Следует отметить, что подобная двусмысленность редко остается незамеченной самими местными жителями, в том числе и представителями коренных малочисленных народов, проживающими в фронтальных зонах. Как показывают полевые исследования, большинство граждан в таких удаленных и труднодоступных районах, как, к примеру, Республика Тува или практически отрезанный от остального мира Тугур-Чумиканский район Хабаровского края, относится к планам улучшения транспортной доступности своих регионов подчеркнуто негативно (ПМА 2020; ПМА 2021). Во многом интуитивно они понимают, что негативные последствия от замены хорошо знакомых и про-

ложенных им самими зимников и лесных троп на всепогодные асфальтовые трассы и железные дороги могут значительно перевесить рост материального благополучия, которые оно принесет с собой.

Вместе с тем, четкого и оформленного понимания того, почему именно строительство магистральной транспортной инфраструктуры может принести больше вреда, чем пользы, и чем именно ее совершенствование может обернуться для них в долгосрочной перспективе, у жителей удаленных регионов все-таки не отмечается. Опасность модернизации они, скорее, чувствуют, чем осознают. В этой связи, история эвенков Верхнебуреинского района Хабаровского края, оказавшихся в зоне строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, может оказаться и поучительной, и предостерегающей.

Жизнь и смерть эвенкийского поселка

Еще в 1928 г., в ходе кампании по переходу на оседлость, на территории Верхнебуреинского туземного района народа эвенков (тунгусов) Хабаровского края было образовано национальное село Могды, на базе которого в дальнейшем стал работать оленеводческий колхоз «Негу Геван». Его работниками стали перешедшие, по настоятельной рекомендации государства, на оседлый образ жизни эвенки. Им было позволено продолжить заниматься традиционными промыслами, включая охоту и оленеводство, но происходило это теперь уже в рамках плановой социалистической экономики (Михалев 2018: 255). Тогда казалось, что коренным жителям этих мест, в какой-то мере, повезло. Лесные кочевники, скитавшиеся по приамурской тайге в поисках пропитания, благодаря хорошо спланированному и щедро профинансированному государством переходу на оседлость оказались обеспеченными всем необходимым для жизни. В с. Могды открылась пекарня, заработали почта-телеграф, клуб, столовая, баня, магазин, действовал свой фельдшерско-акушерский пункт. Дети эвенков получили возможность пойти в школу и получить там начальное образование.

Однако спустя некоторое время оказалось, что навязанный извне переход на оседлость и неизбежная в связи с этим утеря навыков самостоятельной жизни в тайге означали для эвенков также и попадание в подчинение государству. «Коренные народы были поставлены в полную зависимость от государственных органов в сфере оленеводства, охоты, рыболовства. В то же время они не получили права заметно влиять на проекты промышленного развития территорий своего обитания для того, чтобы эти проекты отвечали интересам их национального развития» (Пикалов, Асеев 2013: 266). В результате, когда Могдинский сельский совет, попавший в зону строительства будущей Байкало-Амурской Магистрали, был постановлением Хабаровского крайисполкома № 16 от 11 января 1967 г. упразднен, отстоять свою новую жизнь в уютных деревянных избах оседлые эвенки уже не смогли. Вернуться же к прошлой, свободной жизни в тайге они не захотели. В результате, бывших свободных кочевников собрали всех вместе и вывезли вертолетами в расположенный на значительном расстоянии от Могды поселок Шахтинский. Само же национальное поселение *оседлых кочевников* после этого навсегда прекратило свое существование (Афанасьева 2017: 7).

Казалось, что их судьба может, несмотря на это, все же оказаться счастливой благодаря соседству Шахтинского с территориями опережающего промышленного развития и с его относительно благоприятным транспортным положением. Предполагалось, что близость железной дороги, а также наличие неподалеку крупного молибденового рудника и самого значительного в регионе каменноугольного бассейна вкупе с традиционными для этих краев золотыми приисками будет способствовать экономическому развитию эвенкийского поселка. В советское время Шахтинский и вправду не бедствовал. Здесь функционировал зверопромхоз, работали учреждения культуры и быта, а эвенки в течение некоторого времени также занимались традиционными промыслами и содержали значительное поголовье оленей.

Последствия перестройки и развала Советского Союза, однако, оказались плачевными. Зверопромхоз прекратил свое существование, поголовье оленей было уничтожено, начались проблемы с подачей электричества, закрылись магазины, перестал ходить общественный транспорт. Самое же страшное произошло тогда, когда эвенки лишились окружающей их тайги — источника благосостояния и источника идентичности. Случилось это вслед за тем, как земля, принадлежавшая национальному поселку, перешла в собственность коммерческих структур из расположенного неподалеку шахтерского Чегдомына. Коренным жителям в этих условиях не оставалось ничего иного, как идти в услужение новым «хозяевам тайги», раскрывшим ее по своему усмотрению.

Нельзя сказать, что эвенки совсем опустили руки. Шахтинцы встали на путь борьбы за свои права. Возглавила борьбу глава поселковой администрации Е. Логинова, которой удалось привлечь к проблемам национального поселка и однопартийцев из местного отделения КПРФ, и местные средства массовой информации¹. Настоящей поддержки среди жителей поселка, однако, она снискать не смогла, и в конечном итоге, благодаря их молчаливому согласию, все попытки вернуть земли поселка в руки коренных жителей оказались бесплодными. В 2010 г. краевая дума и вовсе приняла закон об упразднении сельского поселения «поселок Шахтинский». И хотя 26 декабря следующего за ним, 2011 г., Хабаровский краевой суд признал данный закон недействующим, на дальнейшую судьбу Шахтинского это уже не повлияло. Вслед за развалом хозяйственно-культурного комплекса, уничтожением поселковой инфраструктуры, отчуждением охотничьих угодий и, в конечном итоге, ликвидацией поселения его жители, оставшиеся без работы, средств к существованию и местной власти, стали покидать прекратившее служить им домом место. Кто-то переселился в соседний Чегдомын, кто-то предпочел осесть в небольших поселках на БАМе, кто-то и вовсе переехал в центральные регионы страны. В самом Шахтинском в настоящее время проживают лишь несколько эвенкийских семей, отсутствуют производственные предприятия и магазины, не функционирует большинство объектов инфраструктуры.

Удаленность как рецепт спасения

От поселка Шахтинский до села Ивановского в соседней Амурской области, которое также населено эвенками, по старой лесной дороге чуть больше ста ки-

¹ Подробнее об этой истории рассказывается в статье «Молчание шахтинских ягнят», опубликованной в газете «Тихоокеанская звезда» (Машинова 2001).

лометров, и исторические судьбы двух этих национальных поселений были тесно связаны между собой и в чем-то схожи. Однако случилось так, что столкнувшиеся с похожими проблемами, вызванными насильственным переводом на оседлость и связанным с этим упадком традиционного образа жизни, а затем распадом Советского Союза и прекращением государственных дотаций, Шахтинский и Ивановское оказались к настоящему времени в совершенно разной ситуации. С одной стороны, как было отмечено выше, само существование Шахтинского поставлено под вопрос. Говорить о каком-либо экономическом или социальном развитии этого наполовину заброшенного поселка, и уж тем более, о сохранности здесь традиционной культуры попросту неуместно. С другой стороны, в том же Ивановском эвенкам удалось отстоять и тайгу, и свое право на занятие охотой и оленеводством. Несмотря на то, что село находится под постоянным внешним давлением, можно сказать, во враждебном окружении, его жители смотрят в будущее с оптимизмом (Михалев 2018).

Безусловно, ответ на вопрос, почему судьбы двух национальных поселков оказались противоположны, кроется в самой динамике их постсоветского развития. Важнейшим фактором, во многом обусловившим разошедшиеся траектории их судеб, стала судьба традиционной экономики, и, прежде всего, оленеводства. В то время как в Шахтинском оно почти сразу после распада СССР прекратило свое существование, эвенкам Ивановского удалось сохранить, хотя и с существенными потерями, не только свое поголовье оленей, но и завидную организационно-хозяйственную самостоятельность, не допустив окончательного развала местного совхоза «Улгэн». Более того, они смогли довольно успешно организовать его работу в современных рыночных реалиях и даже выйти на самоокупаемость, хотя поначалу и здесь было сделано множество ошибок.

Еще одним фактором стала решимость эвенков Ивановского не допустить внешнего управления и решать все свои проблемы самостоятельно. В отличие от шахтинцев, в этом своем стремлении они выступили сообща, обязав, в результате, считаться с мнением сельского схода как районные и региональные власти, так и представителей хозяйствующих на их территории субъектов. В результате установления системы своеобразного народного правления власти не смогли, как это случилось в том же Шахтинском, обманом и подкупом представителей местной администрации поставить жителей села в подчиненное положение.

Во многом благодаря этой, довольно успешной экономической и политической тактике тайга, в конце концов, осталась за жителями Ивановского, а оленеводство и охота не перестали быть для них основным видом деятельности и средством к существованию. Профессиональные же охотники, владеющие оружием и умеющие с ним обращаться, оказались не по зубам ни областным властям, ни районной администрации, ни полукриминальным элементам, как это случилось в Шахтинском, где эвенки, потерявшие сначала оленей и лес, потеряли еще и способность встать на свою защиту. Способность к вооруженному сопротивлению, в конце концов, позволила эвенкам Ивановского продолжить сопротивление, даже несмотря на угрозы физического воздействия.

Однако не стоит все-таки забывать о том, что не менее важную роль в судьбе двух поселений сыграла их удаленность от объектов крупной транспортной и промышленной инфраструктуры, которая одним позволила сохранить свою культурную и экономическую независимость, другим же такого шанса не предоставив. На самом

деле, жители Ивановского оказались неподконтрольными властям района и области и смогли отстоять свой образ жизни во многом по причине слабого развития в районе их проживания дорожной инфраструктуры, ее деградации в постсоветский период и значительного расстояния от железной дороги и крупных населенных пунктов¹. В то же время, жители Могд и Шахтинского, расположенных, соответственно, в зоне освоения БАМ и поблизости от такого крупного промышленного центра, как Чегдомын, не смогли отстоять свое право жить в тайге по законам предков. Как итог, они потеряли свою культуру, а затем и самих себя именно по причине относительной доступности территории их проживания.

Система координат

Следует понимать, что географическая близость к объектам современной транспортной инфраструктуры сама по себе не способна оказать разрушительного воздействия на культуру и социальную структуру традиционного общества. Ситуация для того или иного народа, проживающего в фронтальной зоне, становится по-настоящему критичной лишь в том случае, когда проложенные государством или представителями соседних, более крупных народов пути сообщения полностью или частично замещают собой их изначальную систему координат. Другими словами, в том нежелательном случае, когда деформируется базовая конфигурация узловых точек и соединяющих их линий, неповторимый рисунок которых специфичен для каждого конкретного народа и служит ему важным жизненным подспорьем и ориентиром, структурируя его повседневную жизнь и являясь основой его мировосприятия.

Иногда утверждают, что в прошлом подобными линиями для эвенков служили водные артерии, которые действительно обозначали рубежи их родовых владений и при этом эффективно организовывали и структурировали окружающее пространство. Именно по рекам ориентировались в своих долгих странствиях по тайге охотники, именно реки обеспечивали надежную связь эвенков с внешним миром; в какой-то мере они даже формировали социальную структуру традиционного общества. Французская исследовательница А. Лаврилье в этой связи отмечала, что у эвенков «родство и реки все время идут парой, чтобы не заблудиться в тайге и в брачных партнерах» (Лаврилье 2010). На самом же деле, настоящей основой ментальной карты мира для эвенка всегда являлась система троп, которая, с одной стороны, упорядочивала его представление о структуре мироустройства, с другой же, сама эту структуру и порождала. В свою очередь, постепенная трансформация, а затем и частичная утрата этих троп оказали самое серьезное влияние на судьбу этого коренного малочисленного народа. Окончательная же замена их дорогами может означать его полное исчезновение в будущем, ведь в этом случае «культура, долго хранившаяся в коллективной памяти и закодированная в их землях, постепенно просто забывается» (Мур 2021: 260).

Парадоксально, но несравненные знатоки тайги и великолепные следопыты, эвенки предпочитали не создавать собственных троп, а полагались на знание окружающе-

¹ В этом отношении Ивановскому везло и раньше. Как подчеркивали исследователи: «В Селемджинском районе оленеводческая отрасль совхоза «Улгэн» не испытала того пресса освоения работ, через который прошли хозяйства Гындинского района, поскольку основные оленьи пастбища здесь находились за пределами сферы влияния строительства БАМа» (Серебрянников, Сухомиров 2003: 31).

го мира, которым обладали животные. Эвенки неохотно прокладывали тропы самостоятельно, предпочитая вместо этого следовать либо за своими стадами, полагаясь на интуицию оленей, либо изучая следы и тропы диких животных. В результате, у них развивалось по-настоящему экологическое мировоззрение, основой которого являлся полный отказ от попыток какого-либо преобразования природы в пользу вживания в естественное хитросплетение ее схем, что, в свою очередь, обеспечивало гармоническое сосуществование человека и окружающей его среды. В то же самое время, сопричастность схемам и рисункам местности, а также глубокое проникновение в поведенческие модели животных позволяло эвенку максимально полно использовать потенциал окружающего мира, оставаясь с ним в постоянной и неразрывной связи.

По мере того как в эвенкийское общество проникали идеи активного преобразования природы, как правило, приносимые в тайгу русскими землепроходцами, казаками, охотниками и землепашцами, а с начала XX века еще и ставшие государственным императивом, густо замешанном на идеологии, эвенкийские тропы становились все менее и менее естественными. Когда же тайга оказалась поделенной на отдельные участки и покрылась сетью установленных государством границ, эвенки стали, на манер русских или тех же зырянских охотников, строить и обустройства путики, регулярные охотничьи маршруты, вдоль которых ставились капканы и которые требовалось обходить с определенной периодичностью (В дебрях Севера... 1983: 298). Именно путики оказались первым шагом на пути превращения эвенков из преданных учеников тайги, жившей с ней в неразрывном единстве, в ее не слишком умелых преобразователей и укротителей. В этой новой ипостаси, однако, им было трудно соперничать с русскими, которые, в результате, стали постепенно вытеснять их из их традиционного охотничьего промысла.

Следующим этапом на пути утраты традиционной системы координат стала прокладка лесных дорог геологическими и изыскательскими партиями. Они уже не просто конструировали тайгу, как это делали до них стационарные охотники, но и напрямую пытались поставить ее под контроль человека. Эвенки охотно нанимались в проводники или становились каюрами у геологов и геодезистов, что было неоднократно описано как в научной, так и в художественной литературе (Федосеев 2017). С одной стороны, тем самым они приоткрывали секреты своего мира не в меру активным исследователям их земель, с другой же, — становились проводниками идей последних среди своих братьев-эвенков, а впоследствии и вовсе тесно сотрудничали с властями (Давыдов 2013: 277). В результате, они уже не считали тайгу сакральной территорией, доступ к секретам которой открывало им лишь духовное единение с домашними и дикими животными. Не считали они ее и заповедной картой, изучить которую требуется для того, чтобы жить в полном гармонии с природой. Тайга стала для эвенков полем для экспериментов и источником обогащения, навык же расшифровки естественных, природных троп трансформировался у них в способность навязывать окружающему миру свои собственные схемы. Эта перемена, в конце концов, стала роковой ошибкой для малочисленного народа прирожденных следопытов. В своей новой ипостаси они не могли конкурировать ни с русскими, ни, тем более со стоящим за ними государством. В конечном итоге, на смену тропам и путикам пришли асфальтовые и железные дороги, в разработке схемы и в прокладке на местности которых эвенки могли участвовать лишь в качестве дешевой рабочей силы.

В результате, лишь та часть небольшая эвенков, которая либо в силу внутренних убеждений, либо по причине изолированности мест своего проживания до самого конца сохранили верность своим традиционным охотничьим и оленеводческим практикам, уберегла вместе с этими практиками и свою идентичность как народа. Именно так, к примеру, эвенки Ивановского, которые благодаря своей относительной транспортной изолированности и завидной приверженности традиционным формам хозяйствования, смогли сохранить свои в неприкосновенности тропы и, в результате, не позволили расчертить рисунок их жизни при помощи асфальтовых и железных дорог, отстояли и свою культуру, и свое самосознание. Проживая на существенном расстоянии от объектов транспортной инфраструктуры и от крупных промышленных районов, они до сих пор живут в соответствии с системой координат, выработанной ими самими и для самих себя, и в этой системе координат чувствуют себя увереннее тех, кто стремится подчинить их своей власти.

В то же самое время, у эвенков из Могад и Шахтинского, в результате их насильственного перевода на оседлость, а затем и вынужденного переезда на новое место традиционный образ жизни, а вместе с ним и традиционная система координат были полностью утрачены. Лишенные привычных им рек, тропинок, природных ориентиров и, в общем и целом, собственных осей развития, оказавшиеся в опасной близости от крупных объектов транспортной и промышленной инфраструктуры, они попросту не смогли противостоять давлению «цивилизации», которая оказалась по отношению к ним безжалостной. После того, как они окончательно потеряли тайгу, эвенки Верхнебуреинского района были полностью ассимилированы окружающим населением, рассеяны по стране и, к настоящему времени, по большому счету, прекратили свое существование как особая территориальная группа.

(Ан)тропология: наука о тропах и людях

Асфальтовые и железнодорожные магистрали, которые прокладывает государство, ведут к ассимиляции, утрате культуры и мировоззрения, эрозии идентичности и, в конечном итоге, к исчезновению коренных малочисленных народов. В то же самое время тропы, проложенные и понятные лишь коренным жителям, не только связывают людей с окружающим их миром, но и объединяют отцов и детей в поколения, а отдельные роды и семьи в племена и народы. Они способствуют сохранению и передаче знаний предков, а стало быть, препятствуют ассимиляции, утрате культуры и мировоззрения, эрозии идентичности и, в конечном итоге, исчезновению этих же самых народов. В этих условиях сила государства измеряется разветвленностью, проходимость и скоростными качествами прокладываемых им дорог, которые преобразуют физическое и социальное пространство в его интересах. Сила же народа определяется уровнем извилистости и неспешности неприметных лесных тропинок, своим неповторимым рисунком это самое физическое и социальное пространство пронизывающих, охраняющих и берегающих.

С точки зрения географии, экономики или, к примеру, государственного управления, прокладка дорог, а также обеспечиваемое ими активное освоение фронтальных территорий является абсолютным и потому не требующим обсуждения благом. С точки зрения социальной антропологии, ассимиляция коренных малочисленных народов, достигаемая во многом именно через инфраструктурное развитие

и промышленное освоение территорий их проживания, и которое в какой-то степени действительно можно считать неизбежным, если и является благом, то в лучшем случае, лишь относительным. И если этого самого развития нельзя избежать целиком, то оно, как представляется, должно быть, по крайней мере, уравновешено через комплекс мероприятий по сохранению и развитию системы троп. Неуловимой тенью они должны сопровождать реализацию любых планов инфраструктурного развития для того, чтобы, в конечном итоге, не позволить современной цивилизации полностью уничтожить культуру малых народов, проживающих вдалеке от ее центров, на фронтире.

В то время как автомобильные и железные дороги представляют, по своей сути, механизм подчинения слабых сильными, неприметные тропы, прокладываемые животными и людьми, можно назвать организованной сетью их сопротивления. В этом случае, одной из задач социальной антропологии, в фокусе внимания которой находится именно человек, должно стать изучение и забота о сохранении системы троп, этой осевой, глубинной структуры традиционной народной культуры и одновременно гарантии ее выживания в условиях глобализации. Вопросы того, как связаны тропы с мировоззрением и менталитетом народа, как формируется их оригинальный рисунок и почему он всегда именно так, а не иначе, как, кем, когда, и наконец, для чего прокладываются тропы, какую роль они играют в сохранении национальной памяти и культурного своеобразия, должны оказаться в центре внимания социальной антропологии. Настолько же важно понять, каким образом тропы поддерживаются, используются и наследуются, как сохраняется и передается информация об их наличии, структуре, характере и состоянии, а также что именно нужно сделать, чтобы тропы не покрылись сорняками забвения и продолжали служить людям. В этом случае антропология может на какое-то время даже стать *ан-тропологией*, или наукой о человеческом измерении троп.

В конечном итоге, ученым потребуется достичь понимания того, каким именно образом неприметные, извилистые лесные дорожки смогут помочь отдельному человеку или целому народу, сохранить свое достоинство в эпоху господства асфальтовых и железнодорожных магистралей, раскраивающих пространства, сглаживающих различия и способствующих аннигиляции культур. Система троп и зашифрованный в них код народа при этом не должны оставаться неким сокровенным знанием, которое получившее его в собственное распоряжение социальные антропологи будут хранить вдалеке от посторонних глаз. Скорее, они станут основой для создания эффективного противовоядя разрушительным процессам гомогенизации и ассимиляции, на острие которых находится современная транспортная инфраструктура. Поиск этого противовоядя — задача сложная и даже опасная, но одновременно с этим и архиважная как для самой подобной социальной *ан-тропологии*, так и для гуманитарных наук в целом. В конце концов, «в смутные времена, когда мир катится в пропасть, и рушатся все старые связи, никогда не поздно обратить внимание на землю и изучить скрытую под ногами вековую мудрость, которую мы часто не замечаем в повседневной жизни» (Мур 2021: 10).

Источники

- ПМА 2020 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Эрзинский и Овюрский кожууны республики Тува, 2020. Декабрь.
 ПМА2021 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Тугур-Чумиканский район Хабаровского края, 2021. Ноябрь.
 Афанасьева 2017 — Афанасьева П. Могды: рассвет и закат. История исчезнувшего села // Рабочее слово, 2017. 19 января.
 Машинова 2001 — Машинова И. Молчание шахтинских ягнят // Тихоокеанская звезда, 2001. 20 октября.

Научная литература

- В делях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 494 с.
 Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Отв. ред. В. А. Попов. Санкт-Петербург: Кунсткамера, 2013. С. 267–280.
 Лавриль А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // Этнографическое обозрение, 2010. № 6. С. 115–132.
 Михалев М. С. «Осевшие вдоль дорог». Система координат как инструмент ассимиляции эвенков и орононов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2018. № 4(20). С. 251–260.
 Михалев М. С. Сопротивление в Ивановском (Амурская область). Некоторые уроки борьбы эвенков за свои права // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 118–132.
 Мур Р. Следы и тропы. Путешествие по дорогам жизни. Москва: Рипол-классик, 2021. 448 с.
 Осипов Г. В., Карпова С. Г., Некрасов С. В. Инфраструктурные транспортные проекты: российский и международный опыт // Modern Science, 2019. № 9–1. С. 240–246.
 Пикалов Ю. В. Асеев А. А. Социальные последствия переселения на Дальний Восток РСФСР (ноябрь 1922 — июнь 1941 гг.). Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2013. 304 с.
 Серебренников В. И., Сухомиров Г. И. Проблемы сохранения традиционных форм природопользования коренного малочисленного народа Приамурья в новых социально-экономических условиях // Амурские эвенки. Большие проблемы малого этноса / Ред. Г. В. Быкова. Выпуск I. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 3–57.
 Федосеев Г. А. В тисках Джугдыра. Москва: Вече, 2017. 544 с.
 KMPG. Foresight. A Global Infrastructure Perspective. Special Edition. 2017. January. [Электронный документ] URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ie/pdf/2017/01/ie-foresight-global-infrastructure-perspective-2.pdf> (на англ. яз.). (Дата обращения: 09.05.2022).

References

- Davydov, V. N. 2013. Vlast' provodnika: kaiury-evenki i ispol'zovanie olennoogo transporta na Severnom Baikale [The Power of the Guide: Evenk-guides and the Usage of Reindeer Transportation in the Northern Baikal]. In *Rannie formy potestarnykh system* [The Early Political Systems], Ed. by V. A. Popov, 267–280. Saint-Petersburg: Kunstkamera.
 Fedoseev, G. A. 2017. *V tiskakh Dzhugdyra* [Djugdyr Grip]. Moscow: Veche.
 KMPG. 2017. *Foresight. A Global Infrastructure Perspective*. Special Edition. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ie/pdf/2017/01/ie-foresight-global-infrastructure-perspective-2.pdf>
 Lavrilie, A. 2010. Orientatsiia po rekam u evenkov iugo-vostoka Sibiri. Sistema prostranstvennoi, sotsial'noi i ritual'noi orientatsii [Orientation by Rivers among the Evenk of South-Eastern

- Siberia. The System of Spatial, Social and Ritual Orientation]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 115–132.
- Mikhalev, M. S. 2018. "Osevshie vdol' dorog". Sistema koordinat kak instrument assimilatsii evenkov i orochonov ["Settled along the Roads": Frame of Axis as an Assimilation Tool for Nomadic Evenk and Oroqen]. *Omsk University Bulletin. Series: Historical Sciences*, 4(20): 251–260.
- Mikhalev, M. S. 2018. Soprotivlenie v Ivanovskom (Amurskaia oblast'). Nekotorye uroki bor'by evenkov za svoi prava [Resistance in Ivanovskoe. Some Lessons from the Struggle of Evenk for their Rights]. *Irkutsk State University Herald. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*, 24: 118–132.
- Moore, R. 2021. *On Trails*. Moscow: Ripol-klassik.
- Osipov, G. V., Karepova, S. G., Nekrasov, S. V. 2019. Infrastrukturnye transportnye proekty: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Infrastructure Transport Projects: Russian and International Experience]. *Modern Science*, 9–1: 240–246.
- Pikalov, Yu. V. Aseev, A. A. 2013. *Sotsial'nye posledstviia pereseleniia na Dal'nii Vostok RSFSR (noiabr' 1922 — iyun' 1941 gg.)* [Social Consequences of the Migration to Russian Far East (November 1922 — June 1941)]. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House.
- Serebrennikov, V. I., Sukhomirov, G. I. 2003. Problemy sokhraneniia traditsionnykh form prirodopol'zovaniia korenogo malochislennogo naroda Priamur'ia v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviakh [The Problem of Preservation of Traditional Nature Management Practices of Priamurie Indigenous Population in the Contemporary Socioeconomic Conditions]. In *Amurskie evenki. Bol'shie problemy malogo etnosa* [The Evenk of Amur. Great Problems of Small Ethnos], Ed. by G. V. Bykova, 3–57. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij Gosudarstvennij Pedagogicheskij Universitet Publishers.
- V debriakh Severa: Russkie pisateli XVIII–XIX vekov o zemle Komi* [Depths of the North: Russian Writers of XVIII–XIX Century about Komi Land]. 1999. Syktyvkar: Komi Publishing House.

УДК 392.17

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/233-243

Научная статья

© С. А. Попова

ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА В МЕДВЕЖЬЕМ ПРАЗДНИКЕ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Праздничная система манси отражает многие сферы мировоззрения народа и включает всевозможные обрядовые комплексы. «Сценарий» Медвежьего праздника содержит фрагменты разных обрядов. Все они синкретичны, имеют различные пути эволюции, неоднократно менялись и переосмыслились. В статье выявляются элементы обрядов перехода в Медвежьем празднике северной группы манси. В качестве источников информации использованы опубликованные материалы по фольклору и этнографии российских и зарубежных исследователей, а также, личные материалы автора. Полевые материалы были собраны автором в 1994–2011 гг. во время проведения шести праздников по случаю добычи медведя на территории компактного проживания северной группы манси (Берёзовский район Ханты — Мансийского автономного округа — Югры). В ходе исследования данного феномена выявлено, что в основе обрядов мансийского Медвежьего праздника лежат отношения взаимоперехода жизни и смерти, отражающие идею возрождения животных и параллели в обрядах жизненного цикла человека. Особо очевидна связь с определёнными биологическими моментами (смерть, рождение) и общественно-социальным стандартом (инициации, посвящения). На примерах отдельных ритуальных действий из этих переходных циклов и выстроен материал данной статьи. Связь медвежьей церемонии с обрядами перехода отражает наиболее древний пласт мировоззрения народа.

Ключевые слова: манси, мифы, Медвежий праздник, танцы, сценки, временная смерть, лиминальный/пороговый период, перерождение, инициации/посвящения.

Ссылки при цитировании: Попова С. А. Обряды перехода в медвежьем празднике северных манси / Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 233–243.

UDC 392.17

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/233-243

Original Article

© Svetlana A. Popova

rites of passage in the bear holiday of the northern mansi people

The Mansi ritual system reflects different spheres of the people's worldview and includes specific complexes. The "scenario" of the Bear Holiday includes fragments of many rituals. All of them are syncretic, have different evolution histories and have been repeatedly reinterpreted. The study aims to identify the elements of the rites of passage in the Bear Holiday of the Northern Mansi group through representations and mythology. It is based on published sources on folklore and Mansi Bear Holidays of Russian and foreign researchers and materials collected by the author from six Bear Holidays (1994–2011) in Beryozovsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. It is concluded that the rites of the Mansi Bear Holiday are based on the idea of the mutual transition of life and death, reflecting the idea of rebirth of animals and parallels in the life-cycle rites. The connection with certain biological points (death and birth) and the social standards (initiations) is particularly obvious. The article is based on the examples of individual ritual actions from these transitional cycles. The connection of the bear ceremony with the rites of passage reflects the most ancient layer of the people's worldview.

Keywords: *Mansi people, myths, Bear Holiday, dances, skits, temporary death, liminal/threshold period, rebirth, initiations.*

Author Info: **Popova, Svetlana A.** — Ph.D. in History, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk, Autonomous Okrug — Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, office 310). E-mail: rusina-popova@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0675-2743>

For Citation: Popova, Svetlana A. Rites of Passage in the Bear Holiday of the Northern Mansi people. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 233–243.

Одной из актуальных задач современности является проблема сохранения и трансляции обрядово-праздничной культуры народов России. Наблюдающийся в последние десятилетия процесс подъёма этнического самосознания манси связан, прежде всего, с возрождением Медвежьего праздника, соблюдением предписанных им ритуалов. Исследование феномена традиционной мансийской культуры способствует формированию более глубокого и правильного представления о культуре в целом. В данной статье рассматривается структурное сходство обрядов перехода с промысловой обрядностью на примере Медвежьего праздника северной группы манси.

После выхода в свет книги известного франко-бельгийского этнографа и фольклориста А. ван Геннепа «Обряды перехода» (1908) это название и основные признаки таких обрядов прочно закрепились в науке. К ним ван Геннеп, помимо дру-

гих, отнёс обряды, связанные с переходными кризисами жизненного цикла человека (рождение, половое созревание, заключение брака, смерть, инициации и т. д.). Согласно его теории, сущностная жизнь человека состоит в последовательной смене периодов — переходов из одного состояния в другое, окончание одного цикла и начало другого образуют системы одного порядка. Переходные обряды, сопровождающие ключевые моменты жизни человека, «служат перемещению индивида из одного статуса в другой, которое происходит в три этапа: отделение индивида от группы, переходный период и воссоединение с группой» (ван Геннеп 1999: 171). Идеи А. ван Геннепа о фазах ритуалов перехода в дальнейшем были развиты В. Тернером, английским этнографом, социологом и фольклористом. В большей степени В. Тернер уделяет внимание лиминальному (промежуточному) состоянию, которое он также называет «пустыня бесстатусности» (Тернер 1983: 168).

Серьёзное изучение медвежьей обрядности у северных вогулов/манси началось около середины XIX в. Его изучали как российские учёные (Н. Л. Гондатти, Н. Н. Харузин, И. И. Авдеев, В. Н. Чернецов, З. П. Соколова, Н. Н. Новикова, Е. И. Ромбандеева, С. А. Попова) так и зарубежные (финны — А. Альквист, А. Каннисто; венгры — А. Регули, Б. Мункачи, М. Бакро-Надь, Е. Шмидт и др.). Опубликованные источники исследователей посвящены непосредственно представлениям о медведе, обрядам, связанным с его добычей и почитанием. В настоящей статье тема рассматривается в новом, ещё никем не обозначенном ракурсе, с точки зрения обрядов перехода. Именно обряды жизненного цикла способствуют укреплению родственных связей внутри коллектива (социума) и подтверждению внутрисемейной идентичности.

Обрядность Медвежьего праздника представляет собой непрерывный мифологический круговорот переходов из одного состояния в другое: смерть-перерождение-смерть. По мнению известного российского учёного В. Н. Чернецова, внесшего огромный вклад в изучение Медвежьего праздника манси (как и культуры обских угров в целом), этот праздник базировался на трёх основных идеях: (1) убийство, (2) поедание тела медведя, (3) возрождение медведя и его небесное путешествие к небесному отцу (Чернецов 2001: 40). Как представляется, данные идеи соответствуют классическим признакам трёхчастности в обрядах перехода жизненного цикла человека, отмечающие его переход в другое состояние и социальный статус: (1) отделение из привычной среды и разрыв с прошлым, (2) промежуточное состояние, (3) возвращение и включение в коллектив.

В традиционной культуре манси существуют два вида Медвежьего праздника: промыслово-спорадический, по случаю добычи медведя, и общественно (или социально)-периодический, календарный. В данной статье рассматривается промыслово-спорадический, наиболее известный по имеющейся литературе. Церемонию по случаю добычи медведя манси называют: *уй ййкв* 'зверя танец'; *уй ййквуукве* 'зверя танцевать'; *уй ййквāве* 'зверя танцуют', иногда говорят *уй ёнгаве* 'зверя играют'. Если добыт медведь, то «зверя танцуют/играют» 5 дней, если медведица — 4 дня. В этнографической литературе наряду с названием «Медвежий праздник» используются также термины: «Медвежьи игрища», «Медвежьи пляски». «Играть», «танцевать/плясать», т. е. изображать зверя — это ритуалы промысловой магии, направленные на успешную охоту. В этнографической литературе их рассматривают как «пляски (пантомимы) древних охотников», распространённые у многих народов мира.

В представлениях об окружающем мире, жизни, смерти и возрождении, древний человек не видел каких-либо значительных различий между людьми и животными. Мнение о связи продуцирующих обрядов с обрядами жизненного цикла человека устойчиво среди исследователей. Например, В. Р. Кабо пишет: «Известны случаи, когда обряды умножения животных или растений совершаются одновременно с обрядами посвящения, как бы переплетаясь с ними. Очевидно, в представлении первобытных людей продуцирующие обряды, посредством которых возрождаются к новой жизни животные и растения, и обряды посвящения, посредством которых возрождаются после временной смерти иницируемые, связаны глубоким внутренним смыслом» (Кабо 1972: 295).

Из наблюдений охотников манси известно, что освежеванный остов медведя очень похож на скелет человека, отличается только размер конечностей, у зверя они короче. Отмечают они и то, что некоторые повадки зверя схожи с действиями человека (Ромбандеева 1993: 17–18). Более того, в мифологии манси между медведем и человеком существуют родственные отношения. Так, дочь верховного божества *Нуми Тõрум’а*, увидев сверху разноцветный наряд Земли, уговорила отца спустить её вниз, но не выдержав постигших её там трудностей и лишений, она превратилась в зверя. Есть мифы, где в медведя превращается сын женщины *Мõсьнэ*, которая вырастила и воспитала его без отца; или человеческое дитя (девочка), рождённое медведицей, в конце сказания, также превращается в медведицу. Медведей люди признают кровными родственниками и применительно к ним используют терминологию родства — *ãпсикëв* ‘наш младший братик’, *ййгкëв* ‘наша младшая сестрёнка’, *сасыг* ‘дядя [по матери]’, *аки* ‘дядя [по отцу]’; *õпа* ‘дедушка’, а также табуированные термины, в основе которых заложено название древней финно-угорской матери: *-ãнь*, *-щици*, например, *ãньщех*, *йй ãньщех*, *ãканьщех*, *щицикве* (в современном языке эти слова почему-то имеют перевод — «старик»).

В мифах и наиболее архаичных сказках человек может легко превращаться в медведя. «Оборачиваться животными (*пентхат*) умели как вогулы, так и русские» (Источники... 1987: 264). Н. И. Новикова в своей работе также отмечает: «Уподобление человека медведю на празднике можно считать одной из устойчивых черт культа, которая сохраняется до настоящего времени у разных групп обских угров» (Новикова 1995: 46).

Как свидетельствуют полевые материалы автора, в религиозных представлениях манси медведь, как и человек, имеет душу, которая после его смерти может реинкарнировать. В связи с этим, охотники считают, что они не убили, а «низвели» животное. Процесс его добычи называют по-разному: *йй вãгылттанукве* ‘зверя силу спустить’, т. е. обессилить, сделать его слабым, *йй сэлунукве* ‘зверя приобрести’, *сэмлыг пãттãве* ‘чёрным уронить [сделать]’, *кãтын паттыс* ‘в руки упал’ но, не добыл или, тем более, убил. Это означает не полное физическое уничтожение зверя, а только спуск или приобретение его на некоторое время с изначального (мифологического) места проживания. Чтобы медведь не обиделся, в его честь устраивается праздник, поскольку считается, что в большинстве случаев «в руки упадёт» только тот зверь, который сам пожелает попасть на праздник. По окончании всей церемонии его с почестями отправят к отцу в Верхний мир. Но это будет не конец, в дальнейшем он обязательно вернётся обратно, чтобы вновь быть добытым (Попова 2003: 39; 2017: 102–112).

Стоит отметить, что в традиции манси жизненный цикл начинается с представлений о смерти, поскольку рождение ребёнка рассматривается как возрождение (*ляхтхатуукве*) ранее умершего человека и отправленного (переведённого) в иной мир по всем правилам похоронно-поминальных обрядов (Попова 2003: 45–46). Кроме того, наш предварительный анализ показал, что символика смерти присутствует во всех без исключения обрядах перехода, следовательно, рассмотрение Медвежьего праздника целесообразно начинать с погребального цикла. Ещё финский учёный А. Каннисто, лично наблюдавший Медвежьих праздники у манси (вогулов) в 1901–1906 гг., отметил близость медвежьих обрядов с похоронными: «Первоначально праздник устраивался для души убитого медведя, и его многочисленные детали < ... > напоминают обряды, которые проводятся вогулами при похоронах родственников, чтобы угостить и умиловить душу умершего» (Каннисто 2016: 31). Фрагменты похоронно-поминальных обрядов прослеживаются в течение всей церемонии *йй ййквуукве* ‘зверя танцевать’. Ещё у берлоги, сразу после низведения медведя, по нему устраивают поминки. Для этого возле туши сооружают столик, на него ставят угощение, разливают по кружкам горячий чай, от которых исходит пар. Можно отметить, что и все последующие праздничные дни перед головой медведя будут ставить утром и вечером горячую пищу. Так же поступают, следуя обычаю, в отношении умершего человека. Еда для мёртвых должна отличаться от еды живых. Считается, что исходящий от горячей еды пар выделит покойного из общества (инаковость в еде) и будет для него угощением, т. к. привычной пищей питаться он уже не может. Причём покойного «приглашают» к трапезе два раза в день — утром на восходе и вечером на закате солнца, то есть в переходное время суток, которое не так опасно для живых.

Уже в доме, где будет проходить Медвежий праздник, хозяин добытого зверя закрывает ему глаза монетками, а нос и рот прикрывает кусочками бересты или металлическими пластинками. Прикрытие отверстий, по аналогии с похоронным обрядом, может символизировать ритуальную (погребальную) маску *вилът лопыс* ‘лицо лоскут [прикрывающий]’. Обязательное закрытие лица объясняется тем, что усопший уже является представителем потустороннего мира, поэтому не должен видеть живых.

На медвежьих празднествах смерть медведя мифологизируется, она воспринимается, как уже было сказано выше, не как буквальная, а как временная — только для того, чтобы перейти из одного состояния в другое. Всякий раз перед возрождением, равно, как и в обрядах жизненного цикла человека, испытуемый должен пережить промежуточное состояние. Для этого его нужно поместить в сакральное (тайное) помещение, где происходит его обновление (физическое, духовное) и перерождение. В. Тернер обозначил это состояние термином *лиминальный* (пороговый) период, сравнимый со смертью, утробным существованием, невидимостью, темнотой (Тернер 1983: 17–18).

Идея мифологического круговорота — смерть, перерождение, рождение, особо ярко выражена в ежевечернем прощании и утреннем пробуждении медведя. Окончание каждой праздничной ночи отмечается исполнением песни *ити эрыг* ‘ночная песня’, в которой люди прощаются с медведем/медведицей на остаток ночи, после чего голову укрывают платком. Данным ритуалом искусственно создаётся ситуация уподобления временной смерти и утробному существованию, что представляет сим-

волическое пребывание в ином мире. «При этом ткань выступает в обрядовой сфере как разграничитель миров, чаще Среднего и Нижнего, и по этой причине её символика актуализируется в ритуалах перехода. <...> Ткань и платок-шалль очерчивают пространственно-временные границы и сакрального, отмежевывая его от профанного, что наглядно проявляется в Медвежьем празднике» (Рындина 2020: 118, 120).

Укрытие большим платком (= тканью, пологом) присуще всем обрядам перехода: в погребальном им накрывают гроб с телом покойного, в период перемещения из дома на кладбище; в свадебном обряде накрывают голову невесты и короб нарты, в которой её перевозят из родного «гнезда» в дом жениха; в родильном укрывают люльку (*āna*) с младенцем во время перехода из родильного «маленького» дома в жилую. Укрытие предполагает вход в «царство мрака» (ночь, темно), в невидимости выявляется признак иного мира, и пребывание в утробе матери *сам сāйн* 'за глазами, невидимый': он не видит, и его не видят. В то же время, каждое утро хозяин медведя убирает платок с его головы и исполняет «утреннюю песню». Исходя из содержания она же «пробуждения [зверя] песня», где к медведю обращаются: *уйкве кеньсян* 'новорождённый зверёк'. И это символично, поскольку *кеньсян* — табуированное название и новорождённого медведя и старого, находящегося у порога смерти человека, что согласуется с представлениями манси о реинкарнации, вселении в младенца души умершего родственника.

Вместилищем для промежуточного (= инкубационного) пребывания медведя может быть и специальное сооружение *лопым ўс* (табуируется, называется «святое место») для «похорон» костей, его обустройство схоже с традиционным мансийским захоронением. В него складывают («хоронят») кости животного, которые при свежести туши оставляют целыми. Дробить кости строго запрещается, их можно разъединить только по суставам. Забота об останках — часть магических обрядов, способствующих будущему оживлению животных. Сохранность костей М. Элиаде относит к древней религиозной идее, характерной для охотничьих культур: кость символизирует высшее начало животной жизни, матрицу, на которой постоянно нарастает плоть. Животные и люди возрождаются, начиная с кости (Элиаде 2002: 237).

В лиминальный (пороговый) период испытываемые могут иметь признак бесполого существа, например, таковой в обрядах перехода, считается медвежья туша. Её ритуально укладывают на отдельную нарту, накрывают оленьей шкурой, поверх шкуры набрасывают суконное священное покрывало (= помещают во вместилище). По пути следования в поселение этот груз следует за основной нартой. Хранится туша обычно около дома, на специально сооружённом настиле из 4–5 половинок брёвен. Настил прикрепляется как можно выше, на растущее дерево со срубленной верхушкой (представляется, что туша находится между небом и землёй) и лежит она там до момента приготовления.

Перерождение, переход медведя в новое качество, имеет тесную связь с родильной обрядностью. В самом начале церемонии на месте добычи зверя проводится обряд «Развязывание завязок шубы», т. е. отделение шкуры от мяса и костей. Шкура медведя табуируется как меховая шуба (*саху*), один из видов распашной верхней женской одежды с завязками вместо пуговиц. Отделение представляется как снятие шубы, потому сначала ритуально «развязываются» её завязки (*саху кеунанэ*). Для этого берётся несколько деревянных палочек, они и будут имитировать завязки (если самец, то пять палочек, а если самка, то четыре). Каждая палочка кладётся поперёк,

по всей длине груди зверя. Затем, на месте каждой палочки, делается надрез шкуры, это означает: «развязали» все завязки «шубы». Первый надрез делается у пупка, что сравнимо с отделением плода от пуповины в акте рождения. С момента первого надреза медведь представляется уже не как умерший, а как новорожденный *усь самын патум* 'только что упал (появился) на глаза'. Сам факт рождения (появления) представляется как *самын патыс* букв. 'глазастым' или 'видящим стал'.

При разделке животного голову оставляют вместе со шкурой и лапами, всё это ритуально укладывают в специально изготовленное ложе, подобие мифологического «гнезда», в котором его/её в Верхнем мире растил отец *Нуми-Тōрум*. Поскольку медведь представляется новорождённым младенцем, для него делается импровизированная *āna* 'люлька'. Несколько прутьев сгибают дугой, поперёк скрепляют тремя прутьями-перекладинами (*тōсанэ*) на них кладётся шкура белого оленя. Для изготовления «люльки» обычно используются черёмуховые или таловые ветки, по традиции эти деревья символизируют плодovitость и перерождение. В «люльке» медведь находится в так называемой «ритуальной позе» — голова уложена на вытянутые передние лапы, считается, что он не лежит, а «восседает» и внимательно наблюдает за окружающим¹.

Уложив «младенца» в *ān*'у на месте добычи, его больше не перекалывают, и только в самом конце праздника, когда голову из «танцевального дома» вынесут на улицу, «люльку» переворачивают, и зверь из неё выпадает. Считается, что колыбелька для медведя стала малой, поскольку он за время праздника вырос. Таким образом, «люльку» также можно считать вместилищем для промежуточного пребывания медведя, перед очередным переходным состоянием и дальнейшим возрождением.

Можно проследить также связь между обрядами Медвежьего праздника и обрядами мужских инициаций (переход из одной возрастной категории в другую). В древних охотничьих сообществах только человек, прошедший через обряды инициаций, считался настоящим мужчиной и полноправным членом коллектива. В хозяйствовании манси, особенно северной группы, всегда преобладал охотничий промысел. Юношей, как будущих охотников, приёмам охоты начинали обучать рано. При этом часть обучения проходила посредством танцев. Под танцами (*уйкве*) В. Н. Чернецов понимал «изображение действием», «драматизированный танец», «игровое (действенное) изображение» (Чернецов 1970: 24). Охотничьи танцы заключают в себе подражание животному: характерные движения, повадки, чутьё, нрав и другое. Особо выделяются магические танцы, которые, якобы, должны повлиять на размножение промыслового зверя. Параллельно с обучением приёмам охоты через посвятельные обряды юношей приобщали к таинствам и святыням рода, постепенно вводя в мир священного. Приобщение к духовности, в том числе и в ходе Медвежьего праздника, передаётся символизмом смерти и нового рождения. Особо в этом плане выделяются драматические представления-сценки (*тўлыглан*). Действо *тўлыглан* в понимании манси есть нечто тайное, сакральное, его название происходит от слова *тўлыт* 'тайный, тайно', в данном контексте может означать: «вводить в таинство».

Актёры выступают с лицом, закрытым берестяной маской (*сāс нёл*). Они входят в дом, где обитает дух (в образе медведя) и не должны быть им узнаны, иначе он признает в пришедших представителей мира живых. В то же время им приходится

¹ В источниках встречаются разные названия такого положения, например, «жертвенная поза» или «поза спящего медведя» (Соколова 2009: 562).

каждый раз переступить порог, т. е. пересекать мифологическую границу сакрального и профанного, переходить попеременно от смерти к жизни, из одного мира в другой. Находясь в мифологическом пространстве, они испытывают состояние временной смерти, поэтому берестяная маска на лице актёра может символизировать и погребальную маску. Как лиминальным сущностям им дозволяется многое, что в обыденной жизни абсолютно неприемлемо. Выход из сакрального пространства, или перерождение, происходит следующим образом: актёр (актёры) замертво падает на пол и какое-то время лежит без движения. Под сопровождение соответствующей мелодии у него постепенно начинают шевелиться поочерёдно: руки, ноги, голова, он начинает двигаться и поднимается, затем исполняет танец и уходит, таким образом, якобы, происходит символический процесс возрождения.

В «репертуаре» медвежьего праздника очень много театральных представлений с элементами обряда инициации, где «разрубаются», «отделяются» и «отваливаются» различные части тела человека. Часть драматических представлений — это кукольный театр. На куклы переносятся ритуальные действия, связанные с переходными моментами в жизни юношей и девушек. Например, две куклы (*кит няврам* ‘два ребёнка’), которые теряются в лесу. Их якобы похищает медведь, чем явно выкачивается ситуация ухода в лес (за пределы освоенной территории), который является обязательным атрибутом обрядов инициации. Или же, две куклы — юноша и девушка (*āgig-nygyg tūlavēg* ‘девушку-юношу вводят’), размахивают руками, ссорятся, а потом падают замертво. После чего в дом входит актёр, показывает окровавленный нож и, потрясая им, говорит, что здесь произошло убийство. По сути, в сценках воспроизводятся знаки перехода. Так, убийство — это знак испытания временной смерти. Кровь как признак «закрытия» прежнего состояния, невозможности вернуться обратно. Стоит заметить, что кровь у манси используется во всех обрядах перехода: в погребальном (кровью жертвенного животного обмазывают углы дома и косяки двери, через которую вынесли покойного); в родильном (кровью от плаценты мажут щёки только что родившегося ребёнка); во время проведения инициаций (тело неофита становится «окровавленным» от наложенных на него внутренностей жертвенного животного). У юношей от полученных ран остаются рубцы и шрамы как знак испытания «смерти» и пройденного посвящения. В настоящее время сценки с мотивом испытаний в инициациях хотя и сохранились в Медвежьем празднике, они уже непонятны сегодняшним исполнителям и участникам, их расценивают как «чёрный юмор».

В традиционном Медвежьем празднике манси достаточно чётко обозначена роль таких классических атрибутов мужских охотничьих инициаций, как «большой дом» и «маленькая избушка». В прошлом праздник обычно проводился в особом родовом культовом доме *яныг кол* ‘большой [святой, священный] дом’, который обязательно имелся в каждом поселении. В настоящее время «дом для танцев/плясок» выбирают, буквально, по размеру, на время праздничных дней он и становится «большим домом». В нём все присутствующие через услышанное и увиденное получают некий свод знаний (посвящение), посредством которых происходит приобщение к святыням рода всех членов коллектива. Что касается «маленькой избушки», она считается начальной ступенью перехода, там ведётся вся подготовка к выступлениям масок (*тулыглап*) и она должна находиться строго в отдалении от помещения, где проходит праздник. Символизировать избушку может любая надворная постройка.

В ней мужчины изготавливают необходимые для представлений атрибуты (маски, посохи, луки, стрелы), снаряжают реквизит, обсуждают последовательность выхода масок, переодеваются и прочее. В это помещение имеют право входить только мужчины, помощники и руководители обрядов, а также посвящаемые юноши (актёры), всем остальным вход туда строго воспрещён, они должны быть в неведении, каким образом происходит таинство перевоплощения, и кто скрывается под маской. В реальной «маленькой избушке» во время инициации неофит совершает путешествие в иной сакральный мир, который приравнивается к временной смерти. Функция избушки остаётся неизменной во всех традиционных сообществах. «Во многих районах в глухих джунглях возводят специальную хижину для посвящения. В ней юные кандидаты проходят часть испытаний и обучаются секретным традициям племени. Таким образом, посвятельная хижина символизирует утробу матери» (*Элиаде* 1994: 118).

Переход, через состояние временной смерти в комплексе медвежьей церемонии, помимо медведя, актёров, испытывают и участники (гости, зрители). Например, в самом конце праздника, под утро, когда люди уже устали и им хочется спать, приходит маска (*лон-лон*), чтобы намазать сажей лица заснувших зрителей. По религиозным представлениям манси, в присутствии духа нельзя спать (отсюда запрет ночевать на культовом месте). Наличествующий в «танцевальном» доме дух (медведь) может «забрать» душу человека, и тот уже не сможет проснуться. Покрытие лица сажей может также символизировать наложение маски, после чего человек становится якобы невидимым (он мёртв, его нет в мире людей), что создаёт ему безопасность от влияния сверхъестественных сил. Следом за маской *лон-лон* появляются артисты, изображающие «танец семи оводов» и «танец семи комаров». Своим писком и укусами (щиплют) они будоражат и поднимают с мест всех присутствующих (будят), тем самым создаётся ситуация выхода из «потустороннего мира». Таким образом, за время праздника все, кто на нём присутствовал, проходят посвящение. Находясь в «большом доме» они получают сведения о событиях истории народа, начиная с мифологического первоначального времени¹ до сегодняшнего дня. Вся информация даётся через исполняемые актёрами песни, сценки, танцы, музыку. Прежнее состояние только что пришедших на праздник «умерло», статус каждого поменялся. Теперь они уже не «несмышлёные дети», какими были в первые дни, а «взрослые посвящённые люди», готовые воспринимать транслируемые им священные знания коллектива. Вместе с присутствующими посвящение получает и наблюдающий за происходящим медведь/медведица. Обычно перед головой сооружают из досок раму, она символизирует окно (мифологическую дыру), через него, якобы, ему всё видно и слышно. По мере восприятия ежедневных знаний из младенца, уложенного в колыбель, к завершению праздничной церемонии он превращается во взрослого матерого зверя. И в последнюю ночь для людей остаётся только обрядово обставить его отправление обратно к отцу в Верхний мир (прежнее место его обитания). Медведь, путешествуя в пространстве двух миров, реализует себя в разных качествах: добытый (смерть); младенец (рождение), находящийся в колыбельке (вместилище для перерождения); неофит, получающий посвящение (священные знания); матерый зверь, и наконец, возвращение к отцу *Нуми-Торуму*.

¹ Войти в состояние временной смерти означает оказаться в нулевой точке, откуда начинается отсчёт времени всех исторических и мифологических этапов существования манси.

А в человеческом обществе по окончании реальных инициаций, пройдя обучение, юноши переходят в возрастную категорию зрелых мужчин — *хумыг үйыг* (*хум* ‘мужчина/человек’, *үй* ‘зверь’), буквально, мужчина [имеющий силу] зверя. Сакральное название мужчин после посвящения: *вӑуныу-консыныг ёмтыс* ‘плечистый-когтистый стал’, подобно, как *Консыу-Ойка* ‘Когтистый-Мужчина’, т. е. медведь. Слово «зверь» усиливает значимость возраста: вырос, возмужал (о человеке).

Итак, нами рассмотрена важная часть Медвежьего праздника, где проявляется его этническая специфика, сохраняющаяся до настоящего времени. Это цикл обрядов, акцентирующий моменты перехода животного (умирающий и воскрешающий зверь) и человека. Сущность темы раскрывается через анализ обрядов (погребального, родильного и инициации). В основе каждого из них наблюдаются такие признаки перехода, как временная смерть — возвращение в нулевое, начальное время; перерождение — инкубационный пороговый период, обучение; рождение в новом качестве — возмужал (о человеке), стал матерым (о животном).

В контексте взаимоперехода из одного состояния в другое проявляются мифоритуальные границы миров. В медвежьей церемонии местом связи, или пограничьем, выступает дверь (порог). Потусторонний мир обнаруживается в атрибутах: погребальная маска (на актёрах, медведе, присутствующих гостях); песня-прощание [на ночь]; укрывание головы платком [саван] на ночь. Чтобы попасть в инаковый мир, нужно испытать состояние временной смерти. Временную изоляцию символизирует вместилище *лэным үс* ‘святое место’, *ӑна* ‘люлька’, укрытие платком, а «рождение» — надрез при снятии шкуры; утренняя, или песня пробуждения [зверя]. Маркерами границы возврата служат: снятие с головы медведя платка-савана; мелодия и танец «оживления» в конце каждой сценки. Постоянные процедуры омовения снегом и водой, окуривание помещения также символизируют посещение разных миров.

Мифологизированные переходы между жизнью и смертью призваны были поддерживать постоянный ход событий, целостность и неизменность окружающего мира. В нашем случае это требовалось, в первую очередь исходя из представлений о необходимости пополнения популяции животных, без которых не мыслим традиционный образ жизни охотника-манси.

Научная литература

- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Источники по этнографии Западной Сибири / ред. Г. Е. Марков, Н. В. Лукина. Томск: Издательство Томского университета, 1987. 284 с.
- Кабо В. Р. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства М.: Искусство, 1972. С. 275–299.
- Каннисто А. О медвежьих обрядах вогулов // Мансийские песни о Медведе в записи Артура Каннисто / сост. и пер. с немецкого языка Н. В. Лукиной. Томск; Ханты-Мансийск: Издательство Томского университета, 2016. С. 11–31.
- Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М.: Наука, 1995. 223 с.
- Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: издательство Томского университета, 2003. 180 с.
- Попова С. А. Медвежий праздник северной группы манси: языковое табу // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 102–112.

- Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. 207 с.
- Рындина О. М. Платок в картине мира манси // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 116–121.
- Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Тернер В. Символ и ритуал / сост. В. А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Автореф. диссертации на соискание уч. степени доктора ист. наук. М., 1970. 62 с.
- Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем. и публикация Н. В. Лукиной. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 49 с.
- Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / пер. с франц. К.: София, М.: Гелиос, 2002. 352 с.
- Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

- Chernetsov, V. N. 1970. *Naskal'nye izobrazheniia Urala* [Rock carvings of the Urals]. PhD diss. abstract, Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences.
- Chernetsov, V. N. 2001. *Medvezhii prazdnik u obskikh ugrov* [Bear holiday among the Ob Ugrians], ed. N. V. Lukina. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Eliad, M. 2002. *Tainye obshchestva: Obriady initsiatsii i posviashcheniia* [Secret Societies: Rites of Initiation and Initiation]. K.: Sofia, Moscow: Gelios.
- Eliade, M. 1994. *Sviashchennoe i mirskoe* [Sacred and mundane], perevod s francuzskogo, predisl. i kommentarii. N. K. Garbovskogo. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskij Gosudarstvennij Universitet.
- Gennep, A. van. 1999. *Obriady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obriadov* [Rites of passage. Systematic study of rituals]. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN.
- Kabo, V. R. 1972. *Sinkretizm pervobytnogo iskusstva (po materialam avstraliiskogo izobrazitel'nogo iskusstva)* [Syncretism of Primitive Art (Based on Australian Fine Art)]. In *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of Art]. Moscow: Iskusstvo. 275–299.
- Kannisto, A. 2016. *O medvezh'ikh obriadakh vogulov* [About bear rites of the Voguls]. In *Mansiiskie pesni o Medvede v zapisi Artura Kannisto* [Mansi songs about the Bear in the recording of Arthur Kannisto], ed. N. V. Lukina. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 11–31.
- Markov, G. E. and N. V. Lukina (eds.). 1987. *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Novikova, N. I. 1995. *Traditsionnye prazdniki mansi* [Traditional Mansi holidays]. Moscow: Nauka.
- Popova, S. A. 2003. *Obriady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rites of passage in the traditional culture of the Mansi]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskodo universteta. 180 s.
- Popova, S. A. 2017. *Medvezhii prazdnik severnoi gruppy mansi: iazykovoe tabu* [Bear holiday of the northern Mansi group: language taboo]. *Finno-ugorskii mir* 3: 102–112.
- Rombandeeva, E. I. 1993. *Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym fol'klora i obriadov)* [The history of the Mansi people (Voguls) and its spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: АИИК «Severnyi dom».
- Ryndina, O. M. 2020. *Platok v kartine mira mansi* [A scarf in the Mansi picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* 68: 116–121.
- Sokolova, Z. P. 2009. *Khanty i mansi: vzgliad iz XXI v.* [Khanty and Mansi: a view from the XXI century]. Moscow: Nauka.
- Turner, V. 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], ed. V. A. Beilis. Moscow: Nauka.

УДК 392.3
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/244-261
Научная статья

© И. Г. Рыбалкина

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АФРИКЕ

В статье предпринимается попытка сравнить особенности брачно-семейных отношений народов североафриканского региона и Африки к югу от Сахары (АЮС). Богатое уникальное разнообразие типологий и форм семьи, в частности в Тропической Африке, обусловлено сохранением до настоящего времени и взаимопроникновением древних и современных социально-экономических структур. Универсализм в развитии социальных систем народов Северной Африки предопределен достаточно развитым экономическим базисом североафриканских обществ и государств. Образовательный уровень женщин оказывает самое непосредственное влияние на возраст вступления в брачный союз, показатели фертильности, степень участия в обсуждении проблем домохозяйства, вопросов планирования семьи и пр. Однако перед женским движением континента стоит еще огромное множество нерешенных задач борьбы за гендерное равенство и в семье, и в обществе. При изменениях, которые неизбежны в общей эволюции брака и семьи, отдельные гибридные формы или виды локальной специфики останутся в африканских обществах на необозримо длительную историческую перспективу.

Ключевые слова: Африка, семья, типология браков, разнообразие хозяйственных укладов, социодемографическая трансформация, эволюция семейно-брачных отношений

Ссылка при цитировании: Рыбалкина И. Г. Особенности семейно-брачных отношений в Африке // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 244–261.

UDC 392.3
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/244-261
Original Article

© Inna G. Rybalkina

FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN AFRICA

The article attempts to compare the marriage and family relations in North Africa and Sub-Saharan Africa. The rich unique diversity of typologies and family forms, in particular in Tropical Africa, results from the preservation of ancient socio-economic structures up to present and their interpenetration with the modern ones. Universalism in the development of social systems in North Africa is due to the

Рыбалкина Инна Геннадьевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт Африки РАН (123001 Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1). Эл. почта: i.rybalkina@inafr.ru

rather developed economic basis of North African societies and states. The educational level of women has the most direct impact on the age of marriage, fertility rates, the degree of influence on the household decisions and family planning issues, etc. However, the women's movement of the continent still faces a huge number of unresolved tasks of the struggle for gender equality both in family and in society. With the changes that are inevitable in the continuous evolution of marriage and family, individual hybrid forms of archaism will remain in African societies for an indefinitely long-term historical perspective.

Keywords: Africa, family, typology of marriages, diversity of economic structures, sociodemographic transformation, evolution of family-marriage relations

Author Info: Rybalkina, Inna G. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: i.rybalkina@inafr.ru

For citation: Rybalkina, I. G. 2022. Family and Marriage Relations in Africa. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 244–261.

Семья возникла на заре человеческого общества и относится к одному из древнейших социальных институтов. На протяжении тысячелетий истории человечества она выступала как естественный, природный морально-нравственный ориентир социума. Принимая во внимание, что Африканский континент, прежде всего регион к югу от Сахары, является колыбелью современного антропологического типа человека¹, следует отметить, что одной из первых мировых цивилизаций, которая стала рассматривать брак как законную форму супружеских взаимоотношений мужчины и женщины, был Древний Египет. Но Африка не только колыбель человечества, где зародились первоначальные формы семейно-брачных отношений, более того, в процессе многотысячелетней исторической эволюции общества появлялись, функционировали, отмирали и трансформировались разнообразные формы семьи, многие из которых уникальным образом сохранились на континенте вплоть до настоящего времени (Antoine 2014: 1–18).

Своеобразие и уникальность Африки к югу от Сахары

Краткая классификация африканских браков может быть проведена по трем признакам: 1) по системам — матрилинейность, патрилинейность; 2) по типам — полигамия (полигиния, полиандрия) и моногамия; 3) по формам заключения брака — общеправовой, гражданский, религиозный.

Матрилинейная и патрилинейная системы появились и функционируют параллельно — в разных этносах, подчас на территории одного и того же государства (у народов Гвинейского побережья, в Демократической Республике Конго и др.). В понятиях «матриархат» и «патриархат» заложена ведущая роль не просто женщины или мужчины, но матери или отца в семье. Патрилинейный счет родства практи-

¹ Раскопки палеоантропологов доказывают, что дорога эволюции человечества началась именно в этом регионе (Чад, Кения, Эфиопия) 6–7 млн. лет назад. Около 1 млн. лет назад антропологический тип homo sapiense стал распространяться первоначально в южные районы азиатского континента и впоследствии в Европу (Shreeve 2010: 35–45).

кует подавляющее большинство народов континента во всех его регионах, как в Северной и Тропической, так и в странах Юга Африки.

Матрилинейная система характеризуется на первых этапах ее существования ведущей ролью женщины в обществе. Родственные связи четко прослеживаются по материнской линии. В основе семьи лежит принцип разделения имущества между супругами. Для данной ячейки общества свойственна передача детей на воспитание родственникам по материнской линии, устранение родителей от участия в их становлении, крайне осложненные и запутанные внутриклановые связи и отношения (African... 2006; Savineau 2001). В настоящее время главенствующая роль матери в конечном итоге оказалась переданной ее родственнику-мужчине, чаще всего ее брату. К народам с матрилинейным счетом родства относятся, помимо некоторых народов Гвинейского побережья и ряда конголезских этнических групп, отдельные этнические группы Центральной Африки, Замбии, ряд групп ганской этнолингвистической общности и др. Но если женщина в матрилинейной семье не имеет родственника-мужчины, которому она могла бы передать власть, она полностью сохраняет эту власть за собой и является главой семьи. Вопросы наследования касаются лишь семейного клана жены.

Две системы семейно-брачных отношений и счета родства, прежде всего в центральноафриканском субрегионе, создают сложности при организации и функционировании семьи. По мнению африканских специалистов-правоведов, из двух названных систем наиболее проблемной в современных условиях является матрилинейность, для которой характерно ущемление прав прямых родственников в семье (отца) и культивирование крайне сложных разветвленных внутриклановых связей. Патрилинейность, хотя и имеющая множество недостатков, по сравнению с матрилинейностью представляется более прогрессивной брачно-семейной системой, поскольку предполагает более четкое построение семьи с ведущей ролью прямых родственников (родителей). Основной негативной чертой патрилинейности является ярко выраженная господствующая роль мужчины по отношению к женщине, что противоречит международным юридическим нормам, прежде всего Конвенции ООН от 18 декабря 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Относительно типологии необходимо отметить, что африканский брак включает три типа брака, два из которых полигамные: полигиния, полиандрия, и третий — моногамный. Почти у всех африканских народов издревле была принята полигамия — многобрачие. Большинство этнических групп придерживаются наиболее распространенной ее формы — полигинии (многоженства); но существуют и отдельные небольшие этнические группы, которым свойственна полиандрия (многомужество), например башилеле и буанго в Демократической Республике Конго в районе Западного Касаи (Pilon 2000). Полигинийный супружеский союз распространен в африканских обществах с преобладанием исламских религиозных ценностей. Традиционно мужчины одобряли полигинию, а женщины осуждали ее (Savineau 2001: 23–24). По свидетельству социологов, всех мужчин-африканцев подозревают в склонности к полигинии (Pilon et al 2000: 473). Одной из главных причин существования подобного типа брака, в частности в Тропической Африке, служат экономические факторы и, прежде всего, преобладание аграрного сектора в структуре народного хозяйства. Женитьба на нескольких женщинах позволяла располагать дополнительными бесплатными рабочими руками: жена становилась важным источником дохода.

Многочисленное потомство издавна высоко ценилось в традиционных обществах. Во второй половине XX в. распространенность полигинии варьировалась от наиболее низкого процента у народов койсанской группы на юге континента и в скотоводческих районах Восточной Африки (25%) до 35% в «субсахарских» районах и 43% на Гвинейском побережье, где на плантациях экспортных культур особенно ценится женский труд (Синицына 1989: 49). Для Гвинеи характерен наиболее высокий процент полигинийных браков в Африке.

Другая сторона понимания брака в качестве расширенного семейного договора — полиандрия. Основное различие в том, что полигиния закрепляет за семьей мужа право на труд жен и на вдов после его смерти, полиандрия же предполагает права родственной группы на жену и при жизни мужа. Обычаи полиандрии у сельскохозяйственных народов, как правило, были связаны со стремлением рода сохранить нераздельность земельного фонда. У пастушеских народов смысл полиандрии — в стабилизации единства семейной группы. Причины застойности брачно-семейных форм у некоторых народов континента изучены пока недостаточно. Возможно, в ряде случаев экстремальные условия географической среды тормозили развитие общественных и связанных с ними семейных структур. В засушливых районах главной задачей считалось сохранение этнической группы, выживание в сложнейших климатических условиях и выращивание потомства. В результате возникла своеобразная культура, которая регулировала рождаемость и обеспечивала детям опеку широкой группой мужчин, связанных отцовством через женщин. В многочисленных кочевых этнических группах *оромо*, рассеянных в полупустынях Юго-Восточной Эфиопии, они способствовали сплочению, родственной солидарности, рождаемости и выживанию народа (Синицына 1989: 198). В настоящее время полиандрический брак существует в Демократической Республике Конго в районе Западного Касаи. В племенах *башилеле* и *буанго* это был только клановый брак. Если в Западном Касаи в конце XX в. проживало 350 тыс. *башилеле*, от 100 до 1500 человек в деревне, то, наряду с практикой моногамных браков, приблизительно на 30 человек молодых мужчин одного возрастного класса приходилось до четырех полиандрических жен (Pitshandenge 1996: 7–8). За невесту любого типа брачных отношений мужчина должен заплатить ее родителям матримониальную компенсацию — выкуп.

Современное социально-экономическое развитие, миграция в города, усиление мобильности молодежи, эрозия системы солидарности возрастных классов, рост индивидуализма, совершенствование методов контрацепции и пр., но особенно повышение уровня женского образования и прежде всего самосознания африканок — все эти факторы подрывают практику полиандрии. К ним следует отнести и угрозы смертельной опасности, которые несут болезни, передаваемые сексуальным путем, прежде всего СПИД. В настоящее время вследствие стечения многих обстоятельств, в том числе наличия значительного числа супругов, к концу своего жизненного пути полиандрические жены нередко остаются в полном одиночестве (Pitshandenge 1996: 14). Этой участи подчас не избегают и вдовы в полигинийном браке.

К многообразным формам заключения традиционного брака относят, в частности, левират — брак вдовы с родственником умершего мужа, преимущественно с его братом (Kudo 2021) (большинство народов Центральной Африки) — и соротат¹ — брак вдовца с родственницей умершей жены, преимущественно с ее сестрой

¹ Соротат — от французского слова «soeur» — сестра.

(многие народы Центральной Африки). К огромному разнообразию брачных форм, обусловленных правовой борьбой за имущество и наследство в интересах сохранения семейной собственности, относятся также брак с духом предка, брак женщины с женщиной, конкубинат и пр. В сельской местности существуют и брак-отработка, брак-обмен, брак-служба, брак-бегство (уход мужчины и женщины из дома против воли семей), брак-похищение (при различных условиях: с согласия или без согласия невесты или членов семей и пр.) (Синицына 1989). Отдельно выделяется проблема детских браков, запрещенных в большинстве африканских стран, но характерных для беднейших домохозяйств, когда в качестве брачного выкупа за девочку можно получить, например, 10 коров; такие браки фиксируются и в странах Азии (Parsons et al. 2015; Edossa 2021: 19–26).

Различные семейно-брачные формы народов Тропической Африки соответствуют огромному разнообразию социально-экономических систем и хозяйственных укладов, до сих пор существующих на континенте. Традиции, которые формировались тысячелетиями, объективно невозможно изменить в течение жизни лишь нескольких поколений. Тем не менее эволюция продолжается; но богатое разнообразие брачно-семейных форм обусловлено по-видимому потребностями народа и местных социально-экономических отношений, цивилизационных, социокультурных, традиционных, исторических, эмоционально-психологических, биологических и многих иных факторов. Многовековые традиции невозможно трансформировать никакими законами и запретами, как это пытались делать европейские колонизаторы, до тех пор пока остается социально-экономическая база этого феномена, многоликость и многовариантность цивилизационных и формационно-экономических структур. Соседство и переплетение феодальных, общинных, капиталистических и даже дофеодальных отношений в общинно-кастовых системах Африки (Кобищанов 1982), в неформальном и формальном, аграрном, промышленном, производственном и иных секторах экономики отражаются в социальном плане в живучести традиционных брачно-семейных отношений. Вероятно, они будут существовать до тех пор, пока сохраняется соответствующий социально-экономический базис в африканском обществе и, в частности, преобладание аграрного сектора в народном хозяйстве подавляющего большинства стран континента.

Исходя из рассмотрения вышеперечисленных типов брака, превалирующее большинство африканских исследователей в настоящее время полагает, что современному уровню экономического, социального, политического, общественного и культурного развития африканского общества наилучшим образом соответствует один тип брака, а именно — моногамия. Данный тип брака имеет в современной Африке наиболее широкое распространение во всех ее регионах, прежде всего в городской среде, в процентном соотношении доминируя над всеми иными типами семейно-брачных связей, существующими параллельно и независимо друг от друга. В моногамной семье родителям отводится основная воспитательная роль, а также важная функция социализации потомства.

Африканские родители очень заинтересованы в том, чтобы их дети нашли себе мужей и жен, поскольку неудача в этом ответственном деле, по их мнению, означает как бы символическую смерть неродившихся и уменьшение размеров семьи в целом. Поскольку на континенте обычно существует негативное отношение к «бесплодным женщинам», на женщин или мужчин, которые оказываются неспособными

создать семью, смотрят со смешанным чувством презрения и сочувствия (Ocholla-Ayayo 1988; Ocholla-Ayayo 1990).

При проведении в начале 1990-х гг. социологических исследований в Западной Кении большинство опрошенных семей на вопрос, «что вам более всего нравится в ваших детях?», отвечало, что они много помогают по дому и на сельскохозяйственных работах (Kilbride et al 1990).

В городах семейная жизнь изменилась в значительно большей степени, чем в сельской местности. Городские дети вносят в семью гораздо меньший экономический вклад. Старшие дети могут оказывать помощь в уборке дома, либо их посылают за простейшими покупками. Но в основном этим их труд и ограничивается. Городские африканские семьи подчас рассматривают многочисленное потомство как бремя, в то время как сельские дети все еще высоко ценятся, поскольку в семье они выполняют важные экономические функции, и за них должны нести ответственность члены большой расширенной семьи в тех ситуациях, когда родители не в состоянии обеспечить им должный уход, внимание и заботу (например, находясь в трудовой миграции).

В странах Тропической Африки с середины 1980-х годов наблюдается постепенное снижение фертильности, но чрезвычайно замедленное. В первую очередь данная тенденция в субрегионе стала заметной в Ботсване, Кении и Зимбабве. Для Западной Африки характерно гораздо более медленное снижение рождаемости. Исследователи напрямую связывают демографические процессы прежде всего с новым уровнем женского образования (Bongaarts 2008: 105–110).

Браки становятся менее стабильными, а разводы все более частыми из-за перманентного экономического кризиса и увеличения самостоятельности женщин, которым в подавляющем большинстве случаев принадлежит инициатива развода, как и во всех других регионах мира. Ныне половина браков в АЮС кончаются разводом в течение, как правило, первых 20 лет супружеской жизни, но почти повсеместно довольно быстро за разрывом следует второй брак (John et al 2021). По свидетельству социальных антропологов, в настоящее время в АЮС в целом сокращается число ранних браков, повышается брачный возраст, уменьшается число детей в семье, преимущественно в городах и среди образованных слоев населения (Shapiro et al 2014: 229–255). Сейчас средний возраст вступления в первый брачный союз составляет около 19,5 лет, но во многих странах превышает 21 год (Hertrish et al 2017: 112–137).

Результаты социологического обследования студентов университетов Ганы свидетельствуют — около 1/3 опрошенных заявили, что им не нужно родительского совета, наставления, благословения или одобрения при вступлении в брак и создании семьи (Kumekpor 1972).

Предоставление прав женщинам во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни могло бы внести существенные коррективы в общую стратегию укрепления института брака. Пока же остается несколько серьезных препятствий для валоризации статуса подавляющего большинства африканок в обществе и повышения уровня их самооценки, среди них — неравенство в доступе к современному образованию, к возможности получения работы, профессиональной подготовки, финансовых кредитов и займов и владению собственностью, в том числе землей. Ликвидация этого неравноправия в итоге будет служить не только со-

вершенствованию самосознания африканок, но и укреплению их реальных позиций в брачно-семейных взаимоотношениях.

Универсализм и отличительные черты Северной Африки

Особое место на континенте занимает североафриканский регион — многонациональное, мультикультурное и поликонфессиональное пространство со значительным преобладанием арабского населения, языка, мусульманской религии, права, традиционных общественных норм поведения и взаимоотношений. Но в свою очередь для каждого государства региона характерны специфические различия матриониальных процессов. Так, в Алжире основным действующим лицом при формировании и установлении семейно-брачных связей издавна выступала мать жениха, в Египте, напротив, главная роль принадлежала отцу невесты; Тунис — наиболее модернизированное и вестернизированное государство арабского мира, Республика Судан — наиболее конфессионально ориентированное и т. п. Ныне наряду с разнообразием социально-экономических и общественно-политических структур, прослеживаются относительно общие изменения в типологии и формах брачно-семейных отношений — в одних государствах явные, в иных более скрытые.

Неизменным остается лишь мнение мусульманских богословов в целом: безбрачие безнравственно и является преступлением перед обществом и религией. Основные социальные роли взрослого человека — юридически санкционированные сексуальные отношения, легальная возможность иметь потомство, жить независимо от родителей — все это предоставляется и допускается лишь для состоящих в законном браке. В частности, одна из причин полигинии основывается на заповеди Корана о том, что прелюбодеяние — грех перед Богом и семьей, как и в других конфессиях.

Африканисты-демографы отмечают, что в настоящее время на континенте наиболее значимые социодемографические изменения в семейно-брачных процессах происходят именно в североафриканском регионе, но также в странах Восточной и Южной Африки¹, в отличие от Западной или Центральной, где изменения малозаметны, т. к. лишь недавно начались или отсутствуют (*Lesthaeghe* 2014).

Вероятно, общие тенденции социодемографической динамики в тех или иных комбинированных вариантах или гибридных формах со временем могут стать универсальными для всех регионов мира. Под влиянием глобализационных, миграционных, интеграционных процессов и иных социально-экономических проявлений современного этапа развития возможно возникновение разнообразных форм семейно-брачных отношений: как сохранение традиционных, так и появление особых гибридных феноменов и новых производных социально-экономической и общественно-политической эволюции.

¹ Здесь наиболее заметной демографической тенденцией является снижение рождаемости. Так, на африканку детородного возраста от 15 до 49 лет (2014) приходится в среднем в ЮАР 2,1 ребенка, в Кабо Верде — 2,9, в Лесото — 3,3, Намибии — 3,6, Свазиленде — 3,8; в противоположность этому другой полюс рождаемости в Западной Африке: в Нигере — 7,1, Мали — 6,6, Чаде — 6,3. По каждой отдельной стране следует также учитывать и существенные различия между показателями в городской и сельской местности, среди населения с разным уровнем образования и различных социальных слоев. В крупнейшей по численности африканской стране Нигерии показатель рождаемости составляет 5,6 (2014).

Доминирование исламо-мусульманской традиции в брачно-семейных отношениях наиболее наглядно можно проследить в Судане. Интенсивный курс на исламизацию жизни, проводившийся после государственного переворота 1989 г., хотя и несколько приостановившийся в XXI в., превратил его в единственное в Африке исламское государство (отчасти наподобие Ирана на Ближнем Востоке). Здесь господствует самый строгий ислам с регламентацией по всем сферам, включая светскую сторону и семейно-брачные отношения; женщинам отводится весьма незначительная роль, а мужчинам — доминирующее положение и в семье, и в обществе. Даже если суданка, получив высшее профессиональное образование, успешно работает по специальности, в семейном кругу за ней остаются все домашние обязанности; о помощи мужа по дому не может быть и речи.

Семейно-брачное законодательство базируется на установлениях шариата и легализует, в частности, многоженство и детские браки. Последним традиционно находят оправдание в заботах о предупреждении добрачных и внебрачных отношений. Детские браки, по мнению консерваторов, призваны обеспечивать благопристойные условия, при которых секс возможен лишь в рамках законной семьи. Реформирование семейного права — первостепенная тема суданского женского движения. Оно выступает за отмену принципов тотальной покорности и подчинения мужьям, что оправдывает применение насилия и жестокости в семье, за увеличение минимального брачного возраста до 18 лет в противовес нынешним 10, за согласие женщины на брак и многие другие изменения. Борьба за реформы продолжается уже несколько десятилетий, наиболее активно с 1991 г., но без всякого результата (*Al-Nagar et al* 2018: 1). Правительство исламского государства стремится не затрагивать религиозные догматы из опасения раздражать многочисленные происламистски настроенные слои общества внутри страны и за ее пределами.

По существу, большинство населения положения шариата устраивают, а реформы семейного законодательства для любой мусульманской страны — это попытки влияния западных ценностей на общества, народы которых не готовы их принять. Одни общества более подвержены внешним воздействиям, другие — нет. Ислам — одна из ведущих и наиболее многочисленных мировых религий. В чем причина популярности ислама в широких народных массах? Представляется, что одна из основных причин в том, что это вероучение изначально строится на идеях социальной справедливости, которая на протяжении многих веков реализуется представителями всех социальных слоев в мусульманском мире посредством ряда традиционных практик (закят, саадака и другие) в пользу общества, бедных и неимущих.

Неожиданным следствием исламистского проекта в Судане стали попытки интерпретации священных текстов женщинами-феминистками и новый виток борьбы за реформирование семейно-брачного законодательства. Представительницы суданского женского движения придерживаются мнения, что шариат не является основной проблемой и камнем преткновения для семейного кодекса или женщин, а главная сложность гендерных взаимоотношений заключается в том, что «мужчины издавна восприняли наиболее жесткую интерпретацию ислама и применяют ее на практике» (*Tønnesen* 2008: 461).

Хотя не все африканисты-географы относят Мавританию к Северной Африке, но неповторимое своеобразие, принадлежность к арабо-мусульманскому миру, религиозным, социокультурным традициям, установлениям шариата и многие другие

особенности позволяют рассматривать ее в контексте североафриканского региона. Древней сословно-кастовой системе Мавритании соответствуют определенные типы семейно-брачных отношений. Браки заключаются внутри сословий, смешения не происходит, за исключением представителей двух высших сословий — воинов и марабутов. Синонимом женской красоты вплоть до настоящего времени в их среде, а также богатых ремесленников *зенага* считаются необычайно пышные формы, для достижения которых с 12 лет девочек в состоятельных семьях специально откармливают жирной пищей и молоком. Несмотря на то, что мусульманское право — шариат — стал основой законодательства сравнительно недавно, с 1980-х гг., он регламентирует все стороны жизнедеятельности в государстве, включая личные и семейные взаимоотношения. Но наряду с шариатом в семейной жизни мавританцев важную роль продолжает играть обычное право — адат. Мавританец может иметь до четырех жен; но в стране преобладает единобрачие. Разводы случаются довольно часто; инициатором выступает преимущественно мужчина. Ему достаточно произнести три раза формулу развода: «Ты мне не жена», и брак считается завершенным. Мавританки редко инициируют бракоразводный процесс, ибо дети всегда остаются в семье мужа.

Несмотря на многократное запрещение института рабства в Мавритании (еще при французском колониальном владычестве, затем в период независимого развития в 1961, 1981, 2007 и 2015 гг.), 16% населения страны составляют «рабы». Рабство в Мавритании носит патриархальный характер. Браки в их среде также возможны. «Раб» и «рабыня» могут принадлежать разным хозяевам; дети считаются собственностью хозяина «рабыни», т. к. она вынашивает ребенка, кормит и воспитывает. «Рабы» и их потомство передаются по наследству детям хозяина.

Гражданская война в Ливии, продолжающаяся с 2011 г. после наиболее кровавого варианта «арабских революций» и гибели руководителя государства М. Каддафи, нанесла жестокий удар по семейно-брачным связям. Как никогда остро встал вопрос о разграничении понятий адюльтер и изнасилование, которого нет в исламской юриспруденции. Во время военных действий резко возрастают случаи насилия над женщинами, девушками и девочками. По традиционным представлениям, поскольку в женщине заключается честь семьи, «опозоренная» даже и против ее воли должна быть наказана родственником-мужчиной (отцом, мужем, братом и т. д.) вплоть до смертельного исхода. Поэтому жертвы насилия, скрывшиеся из дома и живущие в лагерях беженцев в Тунисе вдоль ливийско-тунисской границы, свидетельствуют, что основная угроза их жизни на родине исходит не от пули армейского снайпера, а от мужчин — членов их семей (*Mannergren Selimovic et al 2014: 9*). Ряд мусульманских правоведов, социологов, политических и общественных деятелей характеризуют *honour killings* — убийства с целью защиты чести семьи — как наиболее экстремальную форму домашнего насилия (*Chandrakirana 2009: 249*). Вместе с тем известны случаи самоубийств мужей, узнавших, что над их женами было совершено насилие (*Mannergren Selimovic et al 2014: 15*).

Вооруженные конфликты и войны оказывают разрушительное воздействие на брачно-семейные отношения. Прежде всего, разрываются семейные связи, погибают люди, преимущественно мужчины, появляется все большее число домохозяйств, возглавляемых женщинами, беднейших из всех существующих домохозяйств; увеличивается число сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Резко возрастает уровень насилия в обществе. В зонах боевых действий чрезвычайно уязвимыми становятся семьи мигрантов, насильственно перемещенных лиц, дети-сироты либо беспризорные. При распаде семейных связей в молодежной среде начинает распространяться секс без брака, употребление наркотиков и прочее, что было немыслимым в «дореволюционный период» (*Now drugs... 2018*). Ведь издавна в Ливии семейно-брачные отношения развивались достаточно традиционно для арабской семьи (*Lagdaf et al 2018; Joseph 2008; Tucker 2008*). Многие западные специалисты-исследователи отмечают: в настоящее время женщины утверждают, что при Каддафи их положение было значительно лучше, а полигинии были поставлены почти непреодолимые препятствия: в частности, требовалось согласие первой жены на повторный брак мужа — это подавляющее большинство ливиек считало нереальным; женщины наделялись равными правами с мужчинами, поощрялось участие ливиек в производственных процессах, получении высшего образования, а также проводились иные прогрессивные реформы.

Несмотря на то, что в Египте в соответствии с исламским правом разрешено многоженство, огромное большинство семей (более 90%) являются моногамными, остальные либо возглавляются женщинами, преимущественно вдовами (около 5%), либо представляют собой традиционные расширенные домохозяйства. Одной из своих основных стратегий в браке египтянки называют стремление делать все, чтобы у супруга не возникло желания привести в дом вторую жену. Браки заключаются, как правило, среди представителей аналогичных социальных слоев. При этом египтянки предпочитают, чтобы супруг был старше и образованнее. Они объясняют: поскольку религия учит необходимости подчиняться мужу, чтобы не возникало в этом сомнения, желательнее, чтобы он был умнее, образованнее, с большим жизненным опытом и т. п. (*Hoodfar 1997: 58*). Мужчины, в свою очередь, стремясь избежать оспаривания их доминирующего положения в семье, в основном не желали бы жениться на представительнице более высокого социального уровня или получающей более высокую заработную плату.

Брак в Египте — это прежде всего взаимодействие двух семей, а не соединение двух индивидуумов. А семья для египтян — основная социальная точка опоры. По мнению академика А. М. Васильева, даже понятия «родина», «патриотизм», «государство», «свобода», донесенные до египтян телевидением и радио, лежат вне сферы интересов большинства, ибо для них в семье сосредоточено начало всех начал (*Васильев 2000: 156*). Во время социологических опросов лишь немногие юноши заявили, что могли бы жениться без согласия родителей. Но все девушки, и даже те, кто считал, что любовь обязательна для брака (если любишь, легче повиноваться мужу...), подчеркивали, что не вышли бы замуж без полного одобрения родителей. Максимум, на что они могут решиться — это заявить, что либо он, либо никто другой.

Хотя мысль о браках по любви обретает популярность, пожилые египтяне единодушно считают залогом благополучия семейно-брачных отношений, прежде всего, психологическую совместимость и гармонию, в том числе и солидарность между семьями. Они полагают, что любовь, основанная на физической привлекательности, не должна быть главным или единственным основанием для брака; если он основан на уважении и гармонии, то он порождает любовь, но брак по любви без гармонии в отношениях неизбежно довольно быстро распадается. Традиционно отцу невесты принадлежит руководящая роль в поисках брачного партнера для дочери, но затем

и другие члены семьи принимают участие в матримониальном процессе. Сыновьям чаще предоставляется самостоятельность в выборе спутника жизни, поскольку в основном они оплачивают чрезвычайно дорогостоящую свадебную церемонию, а также отдельное жилье, меблировку, ювелирные украшения и пр. (Sieverding 2012: 72). В Египте молодые люди должны копить полностью зарплату около восьми лет, чтобы оплатить стоимость и все сопутствующие издержки брачной церемонии (Assaad et al 2014: 37), и хотя женихи получают помощь от родителей и родственников и семья невесты также вносит определенный вклад, эти восемь лет, по общему мнению, — приблизительно средний срок интенсивной трудовой деятельности от окончания школы до свадьбы для молодого египтянина.

Среди замужних женщин очень мало работающих. Демографы отмечают, что в 2012 г. 2% замужних египтянок трудилось в частном секторе и около 10% служили в государственных учреждениях и ведомствах (Ibidem: 34). Для трудоустройства необходимо получить разрешение мужа. Хотя подавляющее большинство египтян позволяет женам работать, это отнюдь не означает, что они оказывают помощь по дому и в уходе за детьми. Многие дают согласие до тех пор, пока работа жены не мешает ведению домашнего хозяйства. Специалисты подчеркивают, что фактически женщина трудится за счет своего здоровья (Sieverding 2012: 99–100).

Королевство Марокко традиционно было наиболее стабильным государством североафриканского региона. Благодаря искусным взаимоотношениям королевской власти с оппозиционными элементами, управляемой многопартийности и сбалансированному социально-экономическому курсу, Марокко — единственному в регионе удалось избежать драматичных, а подчас трагических катаклизмов периода «арабской весны» 2011 года. Тем не менее, множество глобализационных процессов, а также демографический переход не могли не отразиться на эволюции семейно-брачных отношений.

Для сельской местности характерно преобладание больших расширенных семей, где женщина издавна отождествляется в первую очередь с освященными многовековыми обычаями функциями супруги и матери. В них наиболее заметна заинтересованность в сохранении внутрисемейной солидарности. Но ныне, если речь идет о проживании с родителями, то, как правило, при условии иных обновленных механизмов взаимодействия и регулирования взаимоотношений. Будущее расширенных семей довольно неопределенное в силу ряда обстоятельств. И в частности из-за соперничества и враждебности, которые подчас вспыхивают между супругами братьев.

Хотя большинство марокканцев придерживаются традиционных стереотипов, молодое поколение все больше предпочитает жить отдельно от родителей в своей нукlearной семье. Социологи отмечают некоторые признаки разрыва с традиционной семейной организацией. Но для подавляющего большинства марокканцев родственная солидарность имеет важное значение. Социологические данные свидетельствуют, что 77,5% пожилых людей в Марокко регулярно получают финансовую помощь от детей, наибольшую часть которой, как неоднократно подчеркивается в исследованиях, составляет помощь дочерей (Moufid 2011).

В настоящее время нукlearная семья — самая распространенная структура среди марокканских домохозяйств, она составляет более 60% от всех домохозяйств; в 1982 г. — 51% (El Harras 2006: 110). Семьи с одним родителем насчитывают 8,1% (в 1982 г. — 6,2%). Средний социодемографический показатель рождаемости снизил-

ся с 5,9 (1980) до 2,9 ребенка на одну женщину детородного возраста (Ibidem: 111). Приблизительно в одной трети опрошенных социологами городских домохозяйств управление внутренней жизнью ведется совместно обоими супругами. Это новая форма взаимодействия внутрисемейной пары, где оба супруга работают (Belarbi 1993). Женщины, имеющие наибольшие шансы добиться профессиональных успехов — незамужние или те, у кого взрослые дети. Для Марокко характерен самый высокий в арабском мире процент замужних женщин без детей, которые предпочитают отсрочку деторождения (11%). 78% всех замужних женщин стремятся к контролю рождаемости, из них 67% используют современные средства контрацепции (Women's... 2012: 1,3). Возрастание по численности феномена безбрачия объясняется многими факторами, прежде всего — увеличением стоимости приданого, которым жених должен обеспечить невесту, несмотря на постоянное снижение общего жизненного уровня и экономические трудности, продление периода обучения молодежи, снижение матримониального интереса к вдовам и др. В результате проявляется четкая тенденция заключать браки в более позднем возрасте. С 1960-х гг. к рубежу XX–XXI вв. в городской среде средний возраст вступления в первый брачный союз увеличился с 24,8 до 32,5 лет для мужчин; для горожанок — с 17,5 до 27,9 лет. В сельской местности для мужчин эти показатели возросли с 24,6 до 29,3 лет, а для девушек — с 17,2 до 25 лет (Direction... 1960; Enguête... 2000).

В Алжире главным действующим лицом матримониального процесса традиционно выступала мать жениха, используя свои каналы знакомств, родственные и дружеские, официальные и неофициальные. Алжирцы говорили, что она не женила сына, а привела в дом к себе невестку (Ouadah-Bedidi 2009). Издавна взаимоотношения между матерью и сыном являются в алжирском обществе самыми близкими и привилегированными (Lacoste-Dujardin 1996; Addi 1999). Но ныне вследствие повышения уровня образованности, эволюции социально-экономических и общественно-политических процессов, потребности в женском труде, урбанизации, охвата детей школьным образованием и многих иных социокультурных факторов выбор спутника жизни становится все более личностным. В последние тридцать лет происходит глубокая трансформация семейно-брачных отношений. Из преждевременного (в среднем 15–18 лет в 1960-х гг., а в отдельных случаях и гораздо ранее) замужество женщин превратилось в очень позднее (после 30 лет); от максимума более 8 детей на одну женщину детородного возраста в 1970-е гг. в настоящее время это число не превышает два ребенка, очевидно применение средств контрацепции усиливает эффект сокращения рождаемости при поздних браках. Разница в возрасте между супругами заметно сократилась и резко обострилась ситуация с безбрачием среди взрослых алжирцев — и мужчин, и женщин. В настоящее время одна алжирка из трех все еще не замужем в 30–34 года. Алжирские девушки, в частности наиболее образованные, стремятся добиться свободы выбора будущего мужа вне семейно-родственного окружения, которого они затем представляют родителям для одобрения его кандидатуры. Роль свекрови также зачастую ограничивается согласием с выбором сына. Но ей все еще следует прийти в дом невесты и по традиции просить для молодого человека ее руки. Ведь по-прежнему без благорасположения матери жениха родители не выдадут дочь замуж. Ныне мать юноши зачастую говорит, что «молодые пришли к согласию между собой, а наша семья присоединяется к их мнению» (Ouadah-Bedidi 2000).

Но несмотря на изменения в семейно-брачных отношениях и значительное увеличение продолжительности периода безбрачия в молодом возрасте, именно к самому институту брака обращаются как к единственно возможному варианту выражения сексуальности и условий воспроизводства рода, одобряемому обществом. И в наши дни для алжирцев институт семьи остается единственным допустимым легальным вариантом обзавестись потомством, обрести и упрочить социоматримонильный статус, лишь откладывая момент бракосочетания на беспрецедентно длительный срок.

Республика Тунис — одно из наиболее развитых государств Северной Африки. Его нередко называют особым феноменом арабского мира — это единственное мусульманское государство континента, где официально запрещена полигамия. С момента обретения независимости в 1956 г. правительство решительно взяло курс на пересмотр законодательства в отношении социально-политических прав женской половины населения страны; впоследствии подобную политику будут называть государственным феминизмом (*Alami M'Chichi* 2010).

В XXI в. у тунисских женщин образовательный уровень несколько выше, чем у мужчин. Повсеместно наблюдается тенденция создания семьи в более позднем возрасте; помимо этого значительная часть тунисских женщин, вероятно, никогда не будет иметь семьи. По данным социодемографической статистики 2014 г., около 18% тунисок не были замужем к 40 годам, и этот показатель немного уменьшился лишь к 59 годам — до 12%. Показатель брачности среди тунисских мужчин, хотя обычно и соответствовал более позднему периоду их жизни, представлялся относительно более высоким, т. е. лишь 12% не были женаты к 40 годам и 6% не имели семьи к 59 годам (*Assaad et al* 2017: 15). Но по уточненным данным, в настоящее время уже 20% мужчин не женаты к 40 годам, как и 22% женщин (*Krafft et al* 2017: 9; *Assaad et al* 2017: 5).

Образовательный уровень оказывает влияние на возраст вступления в брак для женщин больше, чем для мужчин. Средний возраст создания семьи увеличивается на семь лет у девушек, получивших университетское образование, по сравнению с неграмотными, в частности с 23 до 30 лет; у молодых людей на четыре года — с 29 до 33 лет. В настоящее время образовательный уровень у 55% тунисок с университетским и постдипломным образованием выше, чем у супруга; 39% имеют аналогичный уровень (*Assaad et al* 2017: 56). Соотношение родственных браков резко уменьшается в зависимости от уровня образования, в частности с 23% у неграмотных женщин до 3% среди тунисок с университетским или еще более высоким уровнем образования. Согласно социодемографической статистике, к концу 1990-х гг. заместительный уровень фертильности (когда родители воспроизводят сами себя, а прирост населения равен 0) достиг нового равновесного соотношения в 2.1 ребенка на одну женщину детородного возраста (*Ibidem*: 8). А в столичном округе Большого Туниса уже в начале XXI в. был зафиксирован уровень фертильности ниже заместительного — 1,7. В Тунисе самые низкие на континенте цифры прироста населения.

Динамика социально-экономического развития Туниса испытывает потребность в привлечении труда женской половины граждан страны. Постоянно требуется все больше учителей, врачей, воспитателей детских садов, медицинских сестер, фельдшеров, лаборантов и иного медперсонала, библиотекарей, отдельных категорий сотрудников гостиничного и туристического бизнеса и представителей многих иных

т. н. женских специальностей. Повышение профессионализма тунисских женщин не может не отразиться и на внутрисемейных взаимоотношениях. Туниски все больше принимают участие в обсуждении проблем домохозяйства, жизнедеятельности семейного коллектива, вопросов планирования семьи и пр. Они имеют возможность больше вкладывать в подрастающее поколение, во многих социально-экономических аспектах способствуя поступательной эволюции своего государства, обеспеченной не природной рентой, а высоким уровнем развития человеческого капитала (*Видясова* 2012: 289).

Заключение

В эволюции семейно-брачных отношений стран Северной Африки прослеживаются признаки универсализма, характерного для других континентов — Европы, Америки, Азии, латиноамериканских государств... В странах Африки южнее Сахары вследствие консервации сложных традиционных составляющих экономического базиса, доминирования аграрного сектора в народном хозяйстве, большой разнородности социально-экономических укладов и общинно-кастовых систем, тяжелых климатических и географических условий сохраняются чрезвычайно специфичные формы семьи, направленные на выживание и сбережение потомства либо неделимость земельного или другого наследственного фонда. Африканский континент в целом отличает огромное уникальное разнообразие брачно-семейных форм и отношений. Современный тип семьи, естественным образом опираясь на социальные достижения своих предшественников, проистекает из иных более древних цивилизационных форм и сам, вероятно, находится в стадии перманентного саморазвития и совершенствования.

Многоликость брачно-семейных форм на континенте будет сохраняться до тех пор, пока существует множество социально-экономических укладов в африканских обществах, а в народном хозяйстве стран АЮС доминирует аграрный сектор. При этом, чем слабее государственные структуры, тем большую роль в жизни человека играют кровно-родственные и семейные связи, когда семья осуществляет функции основной социальной поддержки, но также и экономической, психологической, морально-нравственной и иной. У нас на глазах разворачивается живая современная история развития и изменений семейно-брачных отношений, продолжающаяся на протяжении уже многих тысячелетий во всем разнообразии форм и проявлений. Несмотря на тенденции к универсализму отдельные особенности и своеобразные формы воплощения будут сохраняться и в далеком будущем. Возможно, правы эксперты Всемирного экономического форума, предполагающие, что для достижения гендерного равноправия Африканскому континенту потребуется около полутора столетий (*Global...* 2019). Но тем интереснее наглядные этнологические и антропологические процессы, переплетающиеся с современностью и оказывающие на нее комплементарное воздействие.

Социально-экономическое развитие и внедрение денежной экономики разрушают основы традиционного общества. Человек уже не столь нуждается в помощи родственников — их может заменить счет в банке. При условии повышения уровня экономического развития характерно преобладание тенденции к универсализму в социальных связях и семейно-брачных отношениях, а также к общемировым процессам

демографического перехода¹. Но представляется, что, несмотря на направленность к унификации и неизбежность демографического перехода, вместе с тем в будущем на континенте у отдельных народов не исчезнет и своеобразие определенных специфических самобытных форм и типов семьи на чрезвычайно длительную историческую перспективу, что будет проявляться и сохраняться в русле перманентной антропологической эволюции. Все течет, все изменяется — говорил в VI в. до н. э. древнегреческий философ Гераклит, его мысль активно используется и поныне при описании закономерных и неуклонных перемен в жизни человека и общества.

Источники и материалы

Direction de la Statistique 1960 — Direction de la Statistique. RGPH. 1960.

Научная литература

- Васильев А. М. Египет и египтяне. М.: Классика плюс, 2000.
- Видясова М. Ф. Джихад без войны. М.: ИСАА МГУ, ИВ РАН. 2012. Т. II. Кн. 2.
- Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982.
- Синицына И. Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М., 1989.
- Addi H. Les mutations de la société algérienne. Famille et lien social dans l'Algérie contemporaine. P.: La Découverte, 1999.
- African Families in a Global Context. Uppsala. Nordiska Afrikainstitutet, 2006.
- Alami M'Chichi H. Le féminisme d'État au Maroc. Jeux et enjeux politiques. P.: L'Harmattan, 2010.
- Al-Nagar S., Tønnesen L. Family law reform in Sudan: A never ending story? Bergen. CMI Brief. June 2018. N 8. P. 1.
- Antoine Ph., Marcoux R. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux en Afrique: un état des lieux // Le mariage en Afrique. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux / Eds: R. Marcoux, Ph. Antoine. Presses de l'Université du Québec, 2014. Pp. 1–18.
- Assaad R., Ghazouani S., Krafft C. Marriage, Fertility and Women's Agency in Tunisia. Economic Research Forum Working Paper Series. Working Paper 1157. Giza. Egypt, November 2017.
- Assaad R., Krafft C. Youth Transitions in Egypt: School, Work and Family Formation in an Era of Changing Opportunities. University of Minnesota, 2014.
- Belarbi A. Le salaire de Madame. Casablanca. Édition Le Fennec, 1993.
- Bongaarts J. Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // Studies in Family Planning. Vol. 39, № 2, June 2008. Pp. 105–110.
- Chandrakirana K. Women's Place and Displacement in the Muslim Family: Realities from the Twenty-first Century // Wanted: Equality and Justice in the Muslim Family / Ed. Z. Anwar. Malaysia: Musawah, 2009.
- Edossa W. et al. Ideal age at first marriage is still below the legal age of marriage — the case of adolescent girls in West Hararge zone, Eastern Ethiopia // The Ethiopian Journal of Reproductive Health, 2021. Vol 13 № 2. Pp. 19–26.
- El Harras M. Les mutations de la famille au Maroc // 50 ans de développement humain et perspectives 2025. 2006. <http://www.rdh50.ma/fr/pdf/contributions/GT2-4.pdf>
- Enquête nationale sur le niveau de vie des ménages 1998–1999. Rabat, 2000.
- Global Gender Gap Report 2020. Geneva: World Economic Forum, 2019.
- Hertrish V., Casterline J. B., Bongaarts J. Trends in Age at Marriage and the Onset of Fertility Transition in sub-Saharan Africa, // Population and Development Review, The Population Council, Inc., May 2017. Vol. 43. Pp. 112–137.

¹ Его основные особенности — увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости.

- Hoodfar H. Between Marriage and the Market. Intimate Politics and Survival in Cairo. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press, 1997.
- John B. M., Adjiwanou V. Fertility decline in sub-Saharan Africa: Does remarriage matter? // Population Studies, 15 June 2021.
- Joseph S. Familism and Critical Arab Family Studies // Family Ties and Ideational Change in the Middle East / Ed. R. Young, H. Rashad. N.-Y.: Routledge, 2008
- Kilbride P. L., Kilbride J. Changing Family Life in East Africa: Women and Children at Risk. Pennsylvania State University Press. PA, 1990.
- Krafft C., Assaad R. Employment's Role in Enabling and Constraining Marriage in the Middle East and North Africa. Economic Research Forum. Working Paper Series. № 1080. Cairo. Egypt, 2017.
- Kudo Y. Does Criminalizing Discriminatory Cultural Practices Improve Women's Welfare? A Simple Model of Levirate Marriage in Africa // Economics Letters, 2021. Vol. 199.
- Kumekpor T. Marriage and Family in a Changing Society // Legon Family Research Papers. Legon, Institute of African Studies. 1972. № 3.
- Lacoste-Dujardin C. Des mères contre les femmes. Maternité et patriarcat au Maghreb. P.: La Découverte, 1996.
- Lagdaf S., Zoubir Y. H. The Struggle of the Women's Movements in Neo-patriarchal Libya // Oriente Moderno. 2018. V. 98. № 2.
- Lesthaeghe R. The Fertility Transition in Sub-Saharan Africa into the 21st Century. PSC Research Report. 2014, N 14–823.
- Mannergren Selimovic J., Larsson D. K. Gender and Transition in Libya. Mapping women's participation in post-conflict reconstruction. Swedish Institute of International Affairs. 2014. № 7. P. 9.
- Moufid K. Family for Social and Economic Security in Morocco // The Pen. 25.XI.2011. www.thepenmagazine.net
- “Now drugs in Libya are much cheaper than food”: A qualitative study on substance use among young Libians in post-revolution Tripoli, Libya // International Journal of Drug Policy. 2018. V. 53. March.
- Ocholla-Ayayo A. B. C. Marriage patterns in Kenya and their inter-relations with fertility. African Population Conference. Dakar. UAPS. Belgium: IUSSP, 1988.
- Ocholla-Ayayo A. B. C. The State of childlessness in African marriage: A Deterring force against family planning efforts // Kenya Marriage in Transition / Ed. E. H. O. Ayiemba. Population Studies and Research Institute (PSRI). University of Nairobi, 1990.
- Ouadah-Bedidi Z. Le Mariage au cœur du rapport individu-famille-société // Du Genre et de l'Afrique. Hommage à Thérèse Locoh. P.: INED, 2009.
- Parsons J. et al. Economic Impacts of Child Marriage: A Review of the Literature // The Review of Faith & International Affairs, 2015. Vol. 13. № 3.
- Pilon M. Ménages et familles en Afrique Sub-Saharienne: Du village à la capitale, entre permanence et changement. L'exemple de la société moba-gurma du Togo. Paris, 2000.
- Pilon M., Vignikin K. Stratégies face à la crise et changements dans les structure familiales // Crise et population en Afrique. P., 2000. P. 473.
- Pitshandenge S. N. A. La polyandrie chez les bashilele du Kasai Occidental (Zaire): fonctionnement et rôles. Les dossiers du CEPED № 42. P.: CEPED, 1996.
- Savineau D. La famille en A.O.F. et la condition de la femme // Dossiers et recherches de l'INED. P.: INED, 2001. № 102.
- Shreeve J. The evolutionary road // National Geographic. Wash., D.C., July 2010. Vol. 218. № 1. P. 35–45
- Women's Need for Family Planning in Arab Countries. UNFPA Arab States Regional Office. July 2012.

References

- Addi, H. 1999. *Les mutations de la société algérienne. Famille et lien social dans l'Algérie contemporaine*. Paris: La Découverte.
- African Families in a Global Context*. 2006. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet.
- Alami M'Chichi, H. *Le féminisme d'État au Maroc. Jeux et enjeux politiques*. Paris: L'Harmattan.
- Al-Nagar, S., L. Tønnesen 2018. Family law reform in Sudan: A never ending story? Bergen. *CMI Brief*. June 2018. 8: 1.
- Antoine, Ph., R. 2014. Marcoux Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux en Afrique: un état des lieux. In *Le mariage en Afrique. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux* / Eds: R. Marcoux, Ph. Antoine. Presses de l'Université du Québec. Pp. 1–18.
- Assaad, R., S. Ghazouani, C. Krafft 2017. *Marriage, Fertility and Women's Agency in Tunisia. Economic Research Forum Working Paper Series. Working Paper 1157*. Giza. Egypt, November 2017.
- Assaad, R., C. Krafft 2014. *Youth Transitions in Egypt: School, Work and Family Formation in an Era of Changing Opportunities*. University of Minnesota.
- Belarbi, A. 1993. *Le salaire de Madame*. Casablanca: Édition Le Fennec.
- Bongaarts, J. 2008. Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? *Studies in Family planning*. 39 (2, June): 105–110.
- Chandrakirana, K. 2009. Women's Place and Displacement in the Muslim Family: Realities from the Twenty-first Century In *Wanted: Equality and Justice in the Muslim Family* / Ed. Z. Anwar. Malaysia: Musawah.
- Edossa, W. et al. 2021. Ideal age at first marriage is still below the legal age of marriage — the case of adolescent girls in West Hararge zone, Eastern Ethiopia. *The Ethiopian Journal of Reproductive Health*. 13 (2): 19–26.
- El Harras, M. 2006. Les mutations de la famille au Maroc. In *50 ans de développement humain et perspectives 2025*. P. 110. URL: <http://www.rdh50.ma/fr/pdf/contributions/GT2-4.pdf>
- Enquête nationale sur le niveau de vie des ménages 1998–1999*. 2000. Rabat.
- Global Gender Gap Report 2020*. 2019. Geneva: World Economic Forum.
- Hertrish, V., J. B. Casterline, J. Bongaarts 2017. Trends in Age at Marriage and the Onset of Fertility Transition in sub-Saharan Africa. *Population and Development Review*, The Population Council, Inc. 43 (May): 112–137.
- Hoodfar, H. 1997. *Between Marriage and the Market. Intimate Politics and Survival in Cairo*. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press.
- John, B. M., V. Adjiwanou 2021. Fertility decline in sub-Saharan Africa: Does remarriage matter? *Population Studies*, 15 June.
- Joseph, S. 2008. Familism and Critical Arab Family Studies. In *Family Ties and Ideational Change in the Middle East* / Ed. R. Young, H. Rashad. N.-Y.: Routledge.
- Kilbride, P. L., J. Kilbride 1990. *Changing Family Life in East Africa: Women and Children at Risk*. Pennsylvania State University Press. PA.
- Kobishchanov, Yu. M. 1982. *Melkonatural'noye proizvodstvo v obshchinnno-kastovykh sistemakh Afriki* [Small-scale production in communal-caste systems in Africa]. M.: Nauka.
- Krafft, C., R. Assaad 2017. Employment's Role in Enabling and Constraining Marriage in the Middle East and North Africa. *Economic Research Forum. Working Paper Series*. № 1080. Cairo. Egypt.
- Kudo, Y. 2021. Does Criminalizing Discriminatory Cultural Practices Improve Women's Welfare? A Simple Model of Levirate Marriage in Africa. *Economics Letters*. Vol. 199.
- Kumekpor, T. 1972. Marriage and Family in a Changing Society. *Legon Family Research Papers*. Legon: Institute of African Studies. № 3.
- Lacoste-Dujardin C. 1996. *Des mères contre les femmes. Maternité et patriarcat au Maghreb*. P.: La Découverte.
- Lagdaf, S., Y. H. Zoubir 2018. The Struggle of the Women's Movements in Neo-patriarchal Libya. *Oriente Moderno*. 98 (2).
- Lesthaeghe, R. 2014. The Fertility Transition in Sub-Saharan Africa into the 21st Century. *PSC Research Report*. No 14–823.
- Mannergren Selimovic, J., D. K. Larsson 2014. *Gender and Transition in Libya. Mapping women's participation in post-conflict reconstruction*. Swedish Institute of International Affairs. 7: 9.
- Moufid, K. 2011. Family for Social and Economic Security in Morocco. *The Pen*. 25.XI.2011. URL: www.thepenmagazine.net
- “Now drugs in Libya are much cheaper than food”: A qualitative study on substance use among young Libians in post-revolution Tripoli, Libya 2018. *International Journal of Drug Policy*. V. 53 (March).
- Ocholla-Ayayo, A. B. C. 1988. *Marriage patterns in Kenya and their inter-relations with fertility*. African Population Conference. Dakar. UAPS. Belgium: IUSSP.
- Ocholla-Ayayo, A. B. C. 1990. The State of childlessness in African marriage: A Deterring force against family planning efforts. In *Kenya Marriage in Transition* / Ed. E. H. O. Ayiemba. Population Studies and Research Institute (PSRI). University of Nairobi.
- Ouadah-Bedidi, Z. 2009. Le Mariage au cœur du rapport individu-famille-société. In *Du Genre et de l'Afrique. Hommage à Thérèse Locoh*. Paris: INED.
- Parsons, J. et al. 2015. Economic Impacts of Child Marriage: A Review of the Literature. *The Review of Faith & International Affairs*. 13 (3).
- Pilon, M. 2000. *Ménages et familles en Afrique Sub-Saharienne: Du village à la capitale, entre permanence et changement. L'exemple de la société moba-gurma du Togo*. Paris.
- Pilon, M., K. Vignikin 2000. Stratégies face à la crise et changements dans les structure familiales. In *Crise et population en Afrique*. Paris. P. 473.
- Pitshandenge, S. N. A. 1996. La polyandrie chez les bashilele du Kasaï Occidental (Zaïre): fonctionnement et rôles. *Les dossiers du CEPED*. № 42. Paris: CEPED.
- Savineau, D. 2001. La famille en A.O.F. et la condition de la femme. *Dossiers et recherches de l'INED*. P.: INED. № 102.
- Sinitsyna, I. Ye. 1989. *Chelovek i sem'ya v Afrike (Po materialam obychnogo prava)* [Man and family in Africa (Based on customary law)]. Moskva: Nauka.
- Shreeve, J. 2010. The evolutionary road. *National Geographic*. Wash., D.C. 218 (1, July): 35–45.
- Vasil'yev, A. M. 2000. *Yegipet i yegiptyane* [Egypt and the Egyptians]. Moskva: Classics plus.
- Vidyasova, M. F. 2012. *Dzhikhad bez voyny* [Jihad without war]. Moskva: Institut stran Azii I Afriki Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, IV RAS. Vol. II. Book 2.
- Women's Need for Family Planning in Arab Countries. 2012. UNFPA Arab States Regional Office. July.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/262-273
Научная статья

© А. М. Белов

МИГРАНТЫ НА СТРАНИЦАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И КОСТРОМСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Миграция стала важным атрибутом состояния и развития российского общества. Ежегодно сотни тысяч россиян, а также граждан ближнего зарубежья оставляют свои дома и в поисках лучшей жизни, работы отправляются за сотни и тысячи километров от родных мест. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, как крупные промышленные центры, Ярославль, Кострома, как областные города меньшей численности привлекают десятки тысяч выходцев из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы, а в последнее время Украины возможностью заработать, либо найти место для постоянной жизни. Вместе с тем, мигранты несут с собой характерные для них привычки, традиции, что входит в противоречие со сложившимся бытом россиян. Все это может привести к столкновениям, конфликтам, посягательствам на жизнь и здоровье людей. Проблемы миграции стали предметом внимания и изучения властей разных уровней, внимания средств массовой информации, озабоченностей силовых ведомств, а сами темы — отправной точкой тревог жителей российских городов за жизнь и благополучие родных и близких, опасений за возможные посягательства на жизнь, здоровье и достоинство членов семьи и знакомых.

Ключевые слова: мигранты, средства массовой информации, крупные города, провинция, повседневная жизнь, противоречия, проблемы.

Ссылка при цитировании: Белов А. М. Мигранты на страницах центральных и костромских средств массовой информации: анализ ситуации в России // Вестник антропологии, 2022, № 3. С. 262–273.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/262-273
Original Article

© Andrey Belov

MIGRANTS IN THE CENTRAL AND KOSTROMA MASS MEDIA: ANALYSIS OF THE SITUATION IN RUSSIA

Migration has become an important attribute of the development of Russian society. Every year, hundreds of thousands of Russians and citizens of neighboring countries leave their homes in search of a better life or work and travel hundreds and thousands of kilometers from their homes. Moscow, St. Petersburg and Nizhny Novgorod as large industrial centers, Yaroslavl and Kostroma as regional cities attract tens of thousands of people from Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Moldova, and, more recently, Ukraine, with the opportunity to earn money or settle in. At the same time, migrants bring their habits and traditions, which can come into conflict with the established way of life of local population. The problems of migration have become the subject of attention of authorities, the media, security service. The migrant issues have raised concerns of residents of Russian cities for the life and well-being of their relatives and friends, and provoked fears for possible threats to their life, health and honor.

Keywords: migrants, mass media, large cities, provinces, everyday life, contradictions, problems.

Author Info: Belov, Andrey M. — Doctor of History, Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: belovi_1957@mail.ru

For citation: Belov, A. M. 2022. Migrants in the Central and Kostroma Mass Media: Analysis of the Situation in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 262–273.

Funding: The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21–011–31820 OPN “Migration processes and their impact on the socio-economic development of Central Russia: comparative analysis of the province and megalopolis (the case of the Kostroma region and Moscow)”.

В связи с заявленной темой автор за период с июля 2021 г. по январь 2022 г. изучил ряд центральных газет — «Известия», «Ведомости», «Московский Комсомолец», «Газета Ру», некоторые другие, публиковавшие большой массив информации по миграционным проблемам. В основном это были факты повседневной жизни, интервью и выступления по проблемам миграции руководителей страны и правительства, регионов, где интенсивно используется труд мигрантов, экспертов и политологов, опросы простых граждан. Комплексный анализ позволил увидеть схожие черты происходящего в разных регионах, иногда местную специфику, а также проблемные стороны, дал материал для поиска решений миграционных вопросов, преодоления

Белов Андрей Михайлович — д. и. н., профессор, профессор кафедры истории, Костромской государственной университет (156005 Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.) Эл. почта: belovi_1957@mail.ru

* Выполнено в ходе реализации научно-исследовательского проекта РФФИ № 21–011–31820 ОПН «Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России: сравнительный анализ провинциального и мегаполиса (на примере Костромской области и г. Москвы)»

страхов после негативного опыта общения с мигрантами некоторых представителей российского общества. Автор также привлек к анализу интернет сайты TV и целый ряд костромских средств массовой информации — «СМИ 44», «Костромские Ведомости» и др. Это позволило изучить опыт решения проблем взаимоотношений местного общества и мигрантов в областном центре, в том числе и положительные черты, представляющие интерес для использования опыта устранения негативных сторон адаптации мигрантов в других городах России.

Как известно, 2021 год — юбилейный, прошло 30 лет с момента распада СССР. Подводя итог самостоятельной жизни бывших республик Советского Союза за это время, отметим, что их взаимоотношения не прекратились, политические и экономические связи трансформировались в международные договоры и соглашения России с независимыми странами. По убывающей общего количества договоров с Россией государства последовательно выстроились следующим образом (Табл. 1):

Таблица 1

Общее количество международных договоров с Россией за 1991–2021 гг.

Казахстан	248
Беларусь	231
Украина	231
Армения	161
Китай	161
Киргизия	154
Узбекистан	121
Таджикистан	120
Молдова	87

Источник: Официальный интернет-портал правовой информации.

По приведенным данным видно, что среднеазиатские государства, а также Беларусь и Китай за все постсоветские годы стали наиболее важными партнерами России. При этом в содержательном плане договоры с государствами, поставляющими наибольшее число трудовых мигрантов, посвящены в основном экономическим отношениям.

Одной из центральных тем в средствах массовой информации является проблема рынка труда, где все более заметную роль играют мигранты. Представители власти на страницах СМИ говорят о положительных моментах привлечения мигрантов. Прежде всего, правительство, видит в них дешевую рабочую силу. В частности, вице-премьер РФ М. Ш. Хуснулин считает, что их труд позволяет сделать доступнее (дешевле) продажу квартир в Москве и других городах (Интерфакс 2021). Вместе с тем, в политике по привлечению мигрантов наметились определенные изменения. Так мэр Москвы С. С. Собянин считает, что на стройках домов по программе реновации нужно уменьшить количество мигрантов: «Другого качества люди (требуются), с другой зарплатой, меньше мигрантов, которых у вас достаточно много на сегодняшний день», — заявил мэр Москвы во время осмотра нового дома на ул. Бауманской. Руководитель столицы призвал больше трудоустраивать россиян из ближних регионов, повышать зарплату и создавать условия для работы соотечественникам.

Особенно, было отмечено Собяниным, необходимо наращивать производительность труда, индустриализацию и механизацию строительства. Он также обратил внимание на важность соблюдения санитарных мер (МК.RU 2021).

В то же время реальность такова, что в условиях сохраняющейся пандемии дефицит трудовых ресурсов в столице осенью 2021 г. достиг 200 тыс. мест. В целом по данным МВД количество мигрантов упало в полтора раза — до 6,3 млн. чел., против 9–11 млн. в обычные годы. В Москве это особенно заметно. По данным руководства Москвы (вице-мэр А. Ю. Бочкарев) на стройках города работает порядка 40 тыс. мигрантов-рабочих. Если раньше было больше граждан Таджикистана, то сейчас в основном приезжают мигранты из Узбекистана и Киргизии. При этом руководители Москвы обозначили и такую проблему: «Да нехватка (кадров). Стало больше жителей Московской области. Быть хорошим строителем это искусство, делать кирпичную кладку — вообще нет специалистов. Средняя зарплата сейчас 50–60 тыс., а было 30 тыс., но многие и за 80 тыс. не хотят работать» (МК. RU 2021). Таким образом, очевидно, что труд мигрантов в условиях падения реальной зарплаты заменить местными рабочими трудно и эта ситуация вынуждает власти обращаться к строителям из Средней Азии. Кстати, активно будет привлекать труд мигрантов правительство России. По заявлению премьер-министра М. В. Мишустина запланировано строительство больших инфраструктурных объектов на востоке страны. При этом назывался космодром Восточный. Предполагается завести сюда до 10 тыс. трудовых мигрантов из Узбекистана (Pikabu.ru 2021)

Вместе с тем, массовое использование труда иностранцев порождает проблемы их взаимоотношений с местным населением. Есть страхи коренного населения по поводу нехватки рабочих мест, непонятных привычек, внешнего вида, незнания мигрантами русского языка, криминала. Так на страницах газет в интервью русских (г. Сургут, ХМАО) о мигрантах есть такие суждения: «Меня напрягает из-за языка, когда меня не понимают в магазине, на почте, во всей сфере услуг, где трудятся выходцы из Средней Азии. На улицах в Сургуте женщины ходят в хиджабах, есть районы в городе, где практически сформировался «восточный уголок» (МК. RU 2021). Вообще тема этнических поселений, «резинных» квартир также не обходится вниманием СМИ. Эта проблема касается и Москвы, в средствах массовой информации постоянно мелькает упоминание о мегаконцентраторах «Садовод», «Фуд-Сити» (Коммунарка 2019; Царьград 2020 и др.). На этих территориях сформировалось настоящее гетто и часто вспыхивают разборки этнических организованно-преступных групп. О необходимости борьбы и недопущения этнических гетто заявил зам. секретаря СБ РФ Д. А. Медведев. Председатель СК РФ А. И. Бастрыкин заявил, что для предотвращения проявлений экстремизма в среде мигрантов необходимо совершенствовать миграционные процессы: «Требует нового подхода в решении и проблема растущей преступности трудовых мигрантов. В основном это молодые люди из центрально-азиатских республик, которые становятся объектом вербовки». А. И. Бастрыкин привел в пример инцидент с выходцем из одной из республик Средней Азии. Мужчину задержали в Майкопе в одном из торговых центров. При нем было обнаружено взрывное устройство, поддельные миграционные документы и символика террористической организации. Глава Следственного Комитета РФ предложил ввести обязательную геномную регистрацию мигрантов, указав при этом что она регулируется законом «О государственной геномной реги-

страции», принятом в России в 2008 г. (РИА Новости 2022). Как сообщила 27 октября прошлого года RUSSIA TODAY на совещании в Центральном Федеральном округе секретарь СБ России Н. П. Патрушев заявил, что правоохранительные органы выявили многочисленные факты участия трудовых мигрантов в перевозке и распространении наркотиков в Центральной России. В результате более 600 граждан Узбекистана, Таджикистана, Украины были привлечены к уголовной ответственности. В целом, по сообщению ТАСС 29 сентября, с января по август 2021 г. количество совершенных преступлений иностранными гражданами выросло по отношению к аналогичному периоду 2020 г. на 6%. Но преступления связаны не только с наркотиками. Руководитель Информационного центра по контролю за нелегальной миграцией в Москве Александр Дягилев заявил, что незаконная легализация на территории России для мигрантов стоит от 5 тыс. рублей. В частности, речь может идти о получении российского гражданства посредством заключения фиктивного брака. Эксперт, вместе с тем, уточнил, что «ценник» в значительной степени зависит от региона и в Москве составляет около 50 тыс. рублей. А. М. Дягилев добавил, что нередко пособниками в мошеннических схемах выступают сотрудники государственных органов. «Такой же ценник (в 50 тыс.) и на услуги по регистрации актов о рождении с гражданами РФ совместных детей», — заявил Дягилев. Согласно российскому законодательству, гражданство РФ для иностранцев по браку оформляется по упрощенной схеме, но супруги для этого должны находиться в браке не менее трех лет. В случае если в союзе появились дети такой срок соблюдения не требуется. При этом достаточно иметь разрешение на временное проживание в России. «Прошли спецоперации по всей стране. Это не какая-то конкретная одна группировка, а целая сеть — и она не просто так появилась. Такие ОПГ зачастую тесно связаны с госорганами, ведь что-то получить где-то не так легко. Это может быть и участковый, который пришел посмотреть действительно ли люди находятся в браке, и сотрудники организации опеки, Загс», — заключил эксперт. Главным следственным управлением ГУ МВД России по Москве было возбуждено уголовное дело, проведено 43 обыска у 42 фигурантов (Газета.RU 2021). Таким образом, можно сделать вывод, что преступность среди мигрантов зачастую провоцируется сотрудниками государственных органов России. Коррупция как ржавчина подтачивает безопасность российского общества, расширяя свое влияние и на такую чувствительную сторону жизни как легализация мигрантов.

Опасения роста числа преступлений среди мигрантов вызвали к жизни, казалось бы, очевидное требование по ограничению их притока путем ввода визового режима, прежде всего с республиками Средней Азии. С этим предложением в начале декабря 2021 г. выступил председатель Справедливой России С. М. Миронов. Он посчитал, что такая мера улучшит криминогенную обстановку в стране и обеспечит рост экономики. Это не встретило возражений со стороны представителей мигрантов в России. Так руководитель профсоюза трудящихся мигрантов Ренат Каримов в интервью радио «Говорит Москва» поддержал политика. По его мнению, введение виз улучшит условия работы иностранцев в России: «Мы — „за“. Мы тут не испугались Миронова. Мы поддерживаем. Профсоюз трудящихся мигрантов не стоит за то, чтобы как можно больше мигрантов въехало в Россию, а за то, чтобы уже въехавшие работали и имели достойные условия и оплату, чтобы они не конкурировали с российскими работниками. В этом отношении визы только помогут. Поэтому передайте

Миронову — мы согласны». В условиях отсутствия официальной регистрации, заявил руководитель профсоюза, «люди приезжают как беспризорники». Их не хотят регистрировать, потому что боятся 13% налога на доходы физических лиц за сдачу жилья, а москвичи боятся за свои квартиры. В результате легализации «Вас ГБУ «Жилищник» любого района обязан не просто взять дворником, а обязан обеспечить жильем и зарегистрировать». Но введение виз, говорит Каримов, ударит не столько по мигрантам, сколько по экономике («Говорит Москва» 2021) Вместе с тем, есть целый ряд и других факторов, которые не позволяют России ввести визовый режим. По официальной статистике МВД за 9 месяцев 2021 г. миграционные службы выдали в двое больше патентов, чем январе-октябре «локдаунного» 2020 г.: 1853395 против 971854. При этом уведомлений о заключении трудовых договоров значительно меньше — 1,3 млн. штук. Всего на миграционном учете в России состоят 10,6 млн. чел. — рост на 2,3 млн. в сравнении с прошлым 2020 г. Из них 8,5 млн. — граждане бывших союзных республик (Табл. 2).

Таблица 2

**Страны, из которых в РФ прибыло
наибольшее число трудовых мигрантов в 2021 г.**

Узбекистан	3 374 758
Таджикистан	2 025 712 (количество патентов 567 352)
Киргизия	751 746 (количество патентов 261 140)
Украина	535 026 (количество патентов 26 981)
Армения	437 276 (количество патентов 112 348)
Казахстан	401 441 (количество патентов 43 126)
Белоруссия	347 663 (количество патентов 25 624)
Азербайджан	329 961 (количество патентов 50 336)
Молдова	141 440 (количество патентов 18 879)

Источник: Статистика МВД.

При этом для четырех стран ЕвРА ЭС (Казахстан, Киргизия, Армения, Белоруссия) предусмотрен упрощенный порядок трудоустройства, остальным даже при наличии безвизовых соглашений нужен патент. Его надо получить в течение одного месяца с момента въезда, иначе штраф. Срок действия документа от 1 месяца до года. Исключением является Таджикистан — им патент могут выдать на срок до трех лет (VK.COM. 2021).

О чем это говорит? О том, что Россия является важнейшим объектом решения жизненных проблем миллионов жителей бывшего СССР. Ситуация с работой и достойной оплатой в государствах Средней Азии тяжелая. В условиях закрытия границ на западе и востоке ситуация еще более ухудшилась, а реальные доходы населения этих государств упали на 50–60%. В тоже время клановая система управления привела к процветанию избранных семей за счет уровня жизни подавляющего большинства граждан. Недавний социальный взрыв в Казахстане и отстранение от рычагов управления семьи экс-президента Н. А. Назарбаева наглядно продемонстрировал социальную пропасть между национальной элитой и народом. В этой связи экономические связи Узбекистана, Таджикистана с Россией во многом помогают этим го-

сударствам пережить времена нестабильности и кризиса. В условиях бегства американской армии из сопредельного с этими государствами Афганистана важную роль по стабилизации политической ситуации в регионе играют и военные базы России в Таджикистане и Киргизии. Но демографическая ситуация здесь отличается от европейских государств бывшего СССР, где наблюдается сокращение населения. Так в Таджикистане за 30 лет после распада СССР население увеличилось на 76,6%, Узбекистане — на 63,4%, Киргизии на 47,7%. (НАКАНУНЕ.RU 2021) Как следствие, возник избыток трудовых ресурсов в этих странах в условиях тяжелой социальной обстановки и отсутствия работы.

Вот что сообщают по этому поводу «Аргументы и факты» в августе минувшего года в статье с характерным названием «Либо сдохнуть, либо в Россию». Давший изданию интервью экономист Б. Анваров сказал, что в условиях объявленной в России пандемии часть мигрантов из Узбекистана вернулась на родину. Но на родине оказалось, что их никто не ждет, а заработки в стране еле-еле позволяют прокормиться работающему, но не содержать семью. Вместе с тем, произошли и перемены в отношении властей среднеазиатской страны к своим трудовым согражданам. Как сообщает эксперт, «такого бардака как 5 лет назад нет. Правительство Узбекистана старается сделать трудовую миграцию легальной. В Ташкенте скоро заработает представительство паспортно-визовой службы МВД России, куда могут подавать заявления желающие уехать на работу в Россию». В Узбекистане мигрантов приравняли к самозанятым, введен порядок обязательного обучения гастарбайтеров профессиям. При этом эксперт указал, что востребованность работы в России среди узбеков очень высокая, так как в стране «до сих пор не решен главный вопрос — о достойных зарплатах для наших людей». «И именно поэтому мигранты снова поедут в Россию». В этом заинтересовано и правительство Узбекистана, стимулирующее отток из страны взрослых мужчин по мотивам экономическим, так как трудовые мигранты дают 10% годового Валового Внутреннего продукта Узбекистана — 5 млрд. долларов. Не менее важным является и опасения того, что трудовые мигранты это, как правило, молодые мужчины, которые представляют «взрывной материал» для социальных протестов и возможных политических переворотов. (Аргументы и факты 2021). А о том, что переворот может случиться внезапно свидетельствуют недавние события в Казахстане.

Одной из ключевых проблем пребывания мигрантов в России является знание русского языка. Как сообщали СМИ 7 декабря 2021 г. в Москве возник скандал с «узбекским метро». Речь шла о вывесках-указателях на станции московского метрополитена «Прокшино», выполненных на таджикском и узбекском языках и поступивших в этой связи жалобах от граждан. Глава Совета по правам человека при президенте РФ Валерий Фадеев заявил, что «цель власти — интегрировать мигрантов в общество и русскую культуру. А вместо этого гастарбайтерам создаются комфортные условия проживания, при которых знание русского языка совершенно не обязательно и не требуется. Это прямо противоречит закону «О государственном языке» и типовым правилам метрополитена. Неясно как появление данных указателей согласуется с требованиями к трудовым мигрантам о владении русским языком». Как сообщала пресс-служба СПЧ в TELEGRAM, глава Совета уже направил письмо мэру Москвы с просьбой рассмотреть жалобу местных жителей и принять меры.

В целом по регионам России доля трудовых мигрантов, не владеющих русским языком варьируется от 20 до 50%. При этом российские власти предпринимают серьезные меры, чтобы ситуацию исправить, но гости не спешат воспользоваться представленными возможностями. По данным Федеральной миграционной службы (ФМС) на территории России при государственных и муниципальных учреждениях действовали более 200 курсов по изучению русского языка. Такие же курсы работали при общественных и религиозных организациях. Но при том, что въезжают миллионы, эти курсы посетило всего несколько тысяч человек. По мнению представителей ФМС причинами такой ситуации является чрезмерная загруженность трудовых мигрантов и незаинтересованность работодателей, чтобы работники владели русским языком. Причем эксплуатацией приезжающих в Россию на заработки зачастую занимаются представители диаспор. Им выгодно эксплуатировать соплеменников если они не владеют русским языком и не ориентируются в русском законодательстве. По словам эксперта, «языковая беспомощность мигрантов позволяет ввести их в систему рабского труда, продать не очень добросовестному работодателю». Аналогичная ситуация складывается и с детьми трудовых мигрантов, которых только в московских школах обучается более 70 тыс. человек, причем многие из них не владеют русским языком и не посещают специальных курсов изучения при школах.

По этой важной проблеме на заседании Совета глав государств СНГ сделал заявление и Президент России В. В. Путин. Чтобы трудовые мигранты легче адаптировались в России, им нужно знать русский язык: «И для вас, и для нас важно, чтобы люди адаптировались, легко входили в нормальную жизнь России. Ну как минимум русский язык нужно знать. Нужно понимать, что такое Россия, понимать, что такое культура России, взаимоотношение между народами России». При этом Путин добавил — «Это нужно для того, чтобы интегрироваться и не только зарабатывать деньги, но и жить полноценной жизнью» (Выступление 2021).

Проблема миграции отражает проблему депопуляции Костромской области и прежде всего продолжающегося оттока населения малых городов — Солигалича, Кологрива, Макарьева и др., а также полного запустения деревень. По годам динамика численности населения Костромской области выглядит так (Табл. 3):

Таблица 3

**Численность населения Костромской области
1989–2021 гг.**

Годы	Численность (чел.)
1989	804 296
2001	753 972
2006	699 761
2016	651 450
2017	648 157
2018	643 324
2019	637,2 тыс.
2021	628,4 тыс.

Источник: Данные Росстата 2021; Костромская область в цифрах 2021.

Возникает вопрос, с чем связано развитие неблагоприятных тенденций в области, заложенных в XX в.? В значительной степени люди здесь жили за счет поддержки государства, а также тех доминантных идей, которые перенаправляли человеческие потребности либо на подчинение общегосударственному интересу, часто под жестким контролем самого государства в виде крепостного права при самодержавном правлении до 1861 г., либо по паспортно-прописной системе. Эта система была распространена в 1930–1950 гг. Была и еще одна составляющая, которая удерживала людей в сложных климатических условиях Костромской области. Это православная вера, а Костромской край был населен в значительной степени старообрядцами и, конечно, служение Русской православной церкви. В начале XX в., в 1913 г. в Костромской губ. проживало 1819239 чел. (Служение отечеству 2009: 9). На начало XX в. в Костромской епархии действовало около 900 приходских церквей, а общее количество храмов достигало 1150. В начале XXI в. действует 191 приход, то есть их число сократилось в шесть раз. Отрицательную роль в развитии Костромской области сыграло присоединение частей губернии к Иваново-Вознесенской губ. и последующее включение в Ярославскую область. Только в годы Великой Отечественной войны, в августе 1944 г. Костромская область была восстановлена как самостоятельный регион в урезанном по сравнению с границами губернии виде. К сожалению, антихристианская политика советской власти, ликвидация подавляющего большинства церквей и приходов способствовали разрушению важных человеческих связей многочисленных крестьян-отходников с родиной. И только после 1988 г. началось восстановление влияния Русской православной церкви на провинциальное общество. Однако новый виток преобразований с 1990-х гг. продолжил тенденции к ослаблению влияния государства, ликвидации колхозов и с ними многочисленных сел и деревень в Костромской обл.

Разрушительно реформы 1990-х гг. действовали и на текстильную промышленность области — историческую специализацию Костромского края. В результате многие предприятия были ликвидированы. Не удалось преодолеть неблагоприятные тенденции и в 2000-е годы. И главной причиной этой ситуации являлось отсутствие в Костромской области развитых промышленных производств других отраслей, а также достойной оплаты работников разных профессий и, как следствие, перемещение в поисках работы мужского населения в крупные промышленные центры. Во многом этому способствует и политика в области образования, проведение ЕГЭ и отъезд способной молодежи в Москву, Санкт-Петербург и другие города.

Нынешняя экономическая ситуация в области осложнена не только корона вирусной инфекцией, но и ростом цен на промышленные и продовольственные товары, кризисом в снабжении области топливом. Костромская область зависит от поставок ГСМ из Ярославля и в новогодние праздники произошел резкий рост цен на солянку. Возник в областном центре мусорный кризис, когда неделю не вывозились мусорные отходы, в том числе по причине нехватки водителей. Острым является дефицит русских водителей (до 30%) и на общественном транспорте. Поэтому областные власти и работодатели (в Костроме целый ряд маршрутов обслуживают частные предприниматели) заинтересованы во внешнем притоке трудовых мигрантов. В основном это представители Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

Какова же в целом миграционная ситуация в Костромской области в настоящее время? Из других регионов России в 2020 г. в область прибыло 8048 чел. Покинуло

Костромскую область, переехав в другие регионы страны 8163 чел. Уезжали костромичи в основном в Ярославскую (1086 чел.), Московскую (1024 чел.) и Москву (887 чел.). В результате международной миграции в Костромскую область из стран СНГ и других зарубежных стран прибыло 1810 чел. Наибольшее число мигрантов прибыло из Украины (352 чел.), Таджикистана (297), Армении (188), Узбекистана (188). Костромская обл. является привлекательной для мигрантов из Вьетнама (88), Грузии (38) и Китая (32).

Между тем, Костромская область накопила свой положительный опыт решения миграционных проблем. Здесь сложилась и успешно действует объединенная среднеазиатская община. Как это часто бывает, жизнь и успешный опыт держится на конкретных людях. Так в Кострому после распада Советского Союза приехал из родного для него Таджикистана С. В. Хусаинов. Хусаинов тогда был успешным спортсменом, но в нем была и предпринимательская жилка. Объехавшему несколько регионов России Хусаинову очень понравилась Кострома: «Меня поразила история и великолепная архитектура города. Но еще больше — добродушие и гостеприимство местных жителей. Сразу понял, что хочу здесь остаться», — отметил Сергей Вячеславович. Со временем ему предложили представлять культуру таджикского народа в костромском регионе. В общину с разными вопросами стали обращаться и представители других народностей, проживавших в Костроме. Поэтому на Совете старейшин было принято решение создать объединенную среднеазиатскую общину. «Нас всегда объединяла одна культура, одни ценности. Традиции наши во многом похожи. Когда мы жили в Советском Союзе, различий вообще не чувствовалось, мы были едины. Поэтому решение объединиться было мудрым и своевременным, мы и проблемы стали решать сообща, утвердив юридический статус организации», — отметил глава общины.

На сегодняшний день община объединяет представителей всех народов Средней Азии. Целями ее работы является сохранение межнационального и межконфессионального согласия на территории Костромской области, интеграция и адаптация прибывающих мигрантов. Приезжим соотечественникам рассказывают о культуре и традициях России и Костромского края, помогают решить юридические вопросы и преодолеть языковой барьер. На базе организации регулярно проводятся курсы просветительской направленности, включающие в себя изучение русского языка, истории России, знакомство с русской художественной литературой и правовыми основами. Реализации таких проектов помогают городские и областные гранты. Большой упор делается на популяризацию и развитие культуры и спорта. Совместно с другими этническими объединениями и в сотрудничестве с Костромским Домом национальностей среднеазиатская община участвует в культурно-массовых мероприятиях города и области, фестивалях, посвященных государственным и национальным праздникам. На выставках демонстрируются национальные костюмы, посуда, музыкальные инструменты. «И все это находит отклик у жителей Костромы и области», — сказал С. В. Хусаинов. Глава общины также отметил стремление сохранить национальные ценности и передать их будущим поколениям, подтвердив слова поговоркой: «Если потерять корень — то цветка не увидишь». Корень — это и есть культура любого народа (Костромские ведомости 2021).

Таким образом, миграция и прибытие многочисленных переселенцев стали важной составляющей жизни российских регионов. Мигранты помогают в какой-то степени

преодолеть нехватку трудовых ресурсов российской провинции. Но на наш взгляд надо выстраивать более последовательную политику взаимоотношений центра и провинции, отказаться от негативной практики проведения в жизнь ряда нормативных актов прошлых лет. Самым разрушительным образом на развитие сельских поселений Костромской области повлияло проведение в жизнь закона 2010 г. об оптимизации расходов за счет закрытия неэффективных больниц. В результате оптимизации, как подсчитали в 2017 г. эксперты Центра экономических и политических реформ, в период с 2000 по 2015 гг. количество больниц в России уменьшилось с 10,7 тыс. до 5,4 тыс. — в два раза. Количество поликлиник сократилось на 12,7% — до 18,6 тыс. По мнению экспертов, если правительство не пересмотрит модель здравоохранения и не откажется от «оптимизации», то в обозримом будущем здравоохранение потеряет шанс приблизиться к стандартам развитых стран. Особенно плохи дела в провинции. В 17,5 тыс. населенных пунктах России вообще нет никаких медицинских пунктов, их них более 11 тыс. располагаются на расстоянии свыше 20 км.

Примером такого негативного опыта в Костромской области является пос. Лопарево Галичского района. Еще в 2010 г. в поселке проживало более 2000 жителей, но после закрытия здесь фельдшерско-акушерского пункта в 2012 г. их число сократилось в два раза. Многие пожилые люди, а за ними и семьи вынуждены были перебраться в города (Москву, Санкт-Петербург и др.). Остальным приходится ездить в Галич за 32 километра. И таких селений, к сожалению, все больше в области. Тяжело на людях отразилась и ситуация с объявленной в стране пандемией. Резко возросла смертность, причем не столько от вирусной болезни, сколько из-за отсутствия возможности оказать вовремя людям неотложную медицинскую помощь. Так по заявлению главы «Лиги защиты врачей» Семена Гальперина, избыточная смертность, которая распространилась в России в 2020 г. не из-за ковида, а из-за разрушения системы здравоохранения и как следствие отсутствия помощи во многих сельских районах страны: «Сократили врачей и медсестер, и мы сегодня переживаем последствия этих реформ» (Общественная служба 2020).

Подводя итоги, отметим, что мигранты стали реальностью нашей жизни. Поэтому выстраивание правильной политики, распространение положительного опыта их адаптации в российское общество является жизненно необходимой практикой. Это во многом поможет восполнить продолжающееся сокращение трудовых ресурсов страны, но как временная мера. Преодолению демографического и социального кризиса в стране поможет только кардинальный пересмотр всей социально-экономической политики, восстановление традиционных и прежде всего христианских ценностей, а не запоздалая реакция общества на недопустимые факты жизни и, тем более, на произошедшие преступления, либо другие негативные последствия непродуманных решений.

Источники и материалы

- Аргументы и факты. 2021 — Аргументы и факты. 2021, 24 августа. № 35. URL: <https://aif.ru/>
 Выступление 2021 — Выступление президента РФ В. В. Путина на Совете глав СНГ // RUSSIA today 2021, 15 октября.
 Газета.RU 2021 — Газета.RU 2021, 16 ноября. URL: <https://gazeta.ru>
 Говорит Москва 2021 — Говорит Москва. 2021, 5 декабря. URL: <https://govoritmoskva.ru/>
 Данные Росстата — Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru>
 Интерфакс 2021 — Интерфакс. 2021, 24 июня. URL: <https://www.interfax.ru/>

- Коммунарка 1019 — Коммунарка. 1019, 22 декабря.
 Костромские ведомости 2021 — Костромские ведомости. 2021, 11 мая. URL: <http://44kv.ru/arkhiv-nomerov/category/10-arkhiv-vypuskov-gazety-za-2021-god>
 Костромская область в цифрах — Костромская область в цифрах. Стат. сб. Кострома: Костромастат, 2021. 117 с.
 Официальный интернет-портал правовой информации — Международные договоры Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/international>
 НАКАНУНЕ.RU 2021 — НАКАНУНЕ.RU 2021. 16 декабря. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/12/24/22591623/>
 Общественная служба новостей 2020 — Общественная служба новостей. 2020, 9 ноября. URL: <https://www.osnmedia.ru/>
 РИА Новости 2022 — РИА Новости. 2022, 3 января URL: <https://ria.ru/20220103/>
 Царьград 2020 — Телеканал Царьград. 2020, 21 мая. URL: <https://tsargrad.tv/>
 МК.RU 2021, 17 ноября — Московский комсомолец. 2021, 17 ноября. URL: <https://www.mk.ru/>
 МК.RU 2021, 15 декабря — Московский комсомолец. 2021, 15 декабря. URL: <https://www.mk.ru/>
 Pikabu.ru 2021 — Новости Пикабу. 2021, 5 сентября. URL: <https://pikabu.ru/>
 VK.COM 2021 — В контакте [Социальная сеть] 2021, 5 ноября. URL: <https://vk.com/>

Научная литература

- Служение отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1778–2009 гг.: историко-биографические очерки / отв. ред.-сост. А. М. Белов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

References

- Belov, A. M. (ed.). 2009. *Sluzhenie otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoi gubernii i oblasti, 1778–2009 gg.: istoriko-biograficheskie ocherki* [Serving the Fatherland. Leaders of the Kostroma Province and Region, 1778–2009: Historical and Biographical Sketches]. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.9; 572.77

DOI 10.33876/2311-0546/2022-3/274-305

Научная статья

© Г. А. Аксянова

ОДОНТОЛОГИЯ РАННИХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ
XVII–XVIII ВВ.

Первая полная публикация данных об антропологических особенностях морфологии зубов у ранних жителей города Красноярск на Енисее. По расширенной программе изучена одна из самых представительных краниологических коллекций русских в Сибири XVII–XVIII вв. Это материалы некрополя Покровской церкви с территории «большого города» Красноярского острога. Выборку составили 150 индивидов разного пола и возраста, имеющих постоянную смену зубов. Цель настоящей работы — проблема антропологического состава первых поколений жителей Красноярск, расовой однородности городской популяции, ее генетических истоков по фенетическим данным. Приведены результаты статистических расчетов по четырем выборкам (мужчины, женщины, дети и суммарно). Выявлены тенденции полового диморфизма и временной динамики по всему комплексу описательных зубных маркеров. Изученная серия представляет группу смешанного евразийского происхождения с выраженной европейской доминантой в своей характеристике. Характерно отсутствие резцов лопатообразной формы при повышенной частоте дистального гребня тригониды и коленчатой складки метакониды, невысокая частота бугорка Карабелли и гиподонтии третьих моляров при выраженной грацилизации нижних моляров, низкая частота межкорневого затека эмали и умеренно высокая двухкорневых премоляров P¹. При межгрупповом сравнении серия Покровского некрополя объединяется с сериями христианских захоронений в Поволжье и Обь–Иртышском бассейне. Ее таксономическое положение в целом согласуется с литературными данными по краниометрии.

Ключевые слова: русские поселения на Енисее, Красноярский острог XVII–XVIII вв., Покровский некрополь, физическая антропология, одонтология, лопатообразные резцы, бугорок Карабелли, форма коронки моляров, коленчатая складка, статистический анализ

Ссылка при цитировании: Аксянова Г. А. Одонтология ранних жителей города Красноярск по материалам некрополя Покровской церкви XVII–XVIII вв. // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 274–305.

Аксянова Галина Андреевна — кандидат биологических наук; ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32А). Эл. почта: gaksyanova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4182-4412>
Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

UDC 572.9; 572.77

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/274-305

Original Article

© Galina Aksyanova

DENTAL ANTHROPOLOGY OF THE EARLY KRASNOYARSK CITY
BASED ON MATERIALS FROM THE POKROVSKY NECROPOLIS,
17–18TH CENTURIES AD

This is the first complete presentation of the dental data on the early inhabitants of Krasnoyarsk city on the Yenisei River. One of the most representative cranial collections of Russians in Siberia of the 17th–18th centuries AD was studied following the extended dental anthropological protocol. These are the materials from the Pokrovsky necropolis in the “big city” part of the Krasnoyarsk fortress. The sample consisted of 150 individuals of different sex and age with permanent dentition. The paper focuses on the anthropological composition of the first generations of Krasnoyarsk residents, the racial homogeneity of the urban population, and its genetic origins according to phenetic data. The statistical calculations were done for four samples — men, women, children and in total. Descriptive dental markers were used to reveal the trends of sexual dimorphism and temporal dynamics. The studied sample represents a group of mixed Eurasian origin with a pronounced European dominant. Main observations include the absence of shovel-shaped incisors with an increased frequency of the distal trigonid crest and deflecting wrinkle of metaconid, low frequency of the Carabelli cusp and hypodontia of the third molars, pronounced reduction of the lower molars, low frequency of interroot enamel protrusion, moderate to high frequency of two-rooted upper premolars. For the intergroup comparison the sample of the Pokrovsky necropolis was combined with a sample of Christian burials in the Volga region and the Ob–Irtysch basin. Its taxonomic position is consistent with the published craniometric data.

Keywords: Russian settlements on Yenisei, Krasnoyarsk fortress in the 17th — 18th centuries, Pokrovsky nekropolis, physical anthropology, dental anthropology, shovel-shaped incisors, Carabelli cusp, molar crown shape, deflecting wrinkle, statistical analysis

Author Info: Aksyanova Galina A. — Ph.D., Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: gaksyanova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4182-4412>

For Citation: Aksyanova, G. A. 2022. Dental anthropology of the early Krasnoyarsk city based on materials from the Pokrovsky necropolis, 17–18th centuries AD. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 274–305.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”

Введение

Описание зубной системы как метод изучения антропологического состава древнего и современного человека вошло в число традиционных программ достаточно давно, в середине XX столетия. Множеством работ доказана эффективность одонтологического метода для решения вопросов биоразнообразия популяций, эпохальной изменчивости в зубной системе человека, исторической динамики состава населения в отдельных регионах, включая формирование культурно специфических этнических общностей. Уже третье поколение антропологов активно и творчески работает в этом направлении, опираясь на теоретический и методический фундамент, который в нашей стране заложил д. и. н., профессор А. А. Зубов (1934–2013) на базе мирового и отечественного опыта.

Изучение одонтологических особенностей русского населения, а также соседних народов, было проведено в широком масштабе во второй половине XX в. учениками и последователями А. А. Зубова при его участии и теоретическом осмыслении материала. Наиболее известными в стране обобщающими работами стали «Этническая одонтология» (Зубов 1973), «Этническая одонтология СССР» (Этническая одонтология СССР 1979), «Одонтология в современной антропологии» (Зубов, Халдеева 1989), панорамное исследование русских популяций европейской части России (Вацаева 1977а, 1977б). Современные этнически русские популяции и метисы с коренным населением Сибири по одонтологии изучены в Приморье (Воронина, Вацаева 1979), а также рядом авторов в нескольких регионах (Аксянова 2010, 2013а, 2015, 2020а, 2020б; Славянские народы 1979). Объектом исследований современных популяций являются выборки детей школьного возраста. В последние десятилетия изучены по одонтологической программе материалы целого ряда археологических памятников близких к современности, включая православные некрополи (Суворова 2007; Лейбова, Пежемский 2019; Харламова 2007, 2009, 2010а, 2010б; Харламова и др. 2015) и локальные группы татар, чулымцев, селькупов, манси, хантов и кетов Западной Сибири (Аксянова 1991, 2013б).

Красноярский острог был основан в 1628 г. как южная крепость Российского государства на Енисее, при впадении в него р. Качи. До середины XVII в. на посаде была возведена Покровская церковь, которая существовала до последней четверти XVIII в. Некрополь Покровской церкви «большого города» Красноярского острога был заложен в конце XVII в. и функционировал более 100 лет. Никаких архивных материалов о захороненных в нем людях не сохранилось. Вскрытые погребения залегали на глубине до 2,5 м в 2–3 уровня; имелись и коллективные могилы с последовательными захоронениями до пяти ярусов. Детские костяки встречались на любых ярусах могильных ям (Тарасов 2000; Рейс, Михайлова 2003; Очерки 2015; Dabernat, Reis et al. 2013). За первые два столетия изменялся сословный состав населения Красноярского острога и его социальная направленность: военизированный город, земледельческое поселение, торгово-ремесленный город. Население складывалось из уроженцев северных, центральных и южных регионов европейской России, Тобольской губернии Западной Сибири, состояло из служилых людей (включая казаков), крестьян, работных людей, ссыльных и пр. Национальный состав был также неоднородным — русские, которых уже в начале XVIII в. стало подавляющее большинство во всем Красноярском уезде, украинцы, поляки, другие европейцы, а также

представители коренного населения, поступавшие на воинскую службу в гарнизон (Александров 1964; Павлов 1974; Степанов 1997; Быконя и др. 1990).

Коллекция костяков из Покровского некрополя получена в результате проведения аварийно-спасательных работ погребального комплекса в центральной части города Красноярска в 1999–2000 гг. под руководством археолога А. Ю. Тарасова и непосредственном участии антрополога Т. М. Савенковой (Рейс). Антропологические объекты представлены останками индивидов всего возрастного ряда — от грудного до когорты *senilis*, всего более 330, из которых более половины дети и подростки (Рейс, Смушко 2004). По краниологической программе мужская и женская серии изучены Т. М. Савенковой (N=129) и характеризуются европеоидным типом с повышенной индивидуальной изменчивостью некоторых параметров. Это, по мнению авторов, может свидетельствовать о взаимодействии пришлого русского и коренного населения. Большой сравнительный материал по европейским и сибирским сериям, подсчет обобщенных показателей уплощенности лицевого скелета (УЛС), преартикулярного фацио-церебрального соотношения (ПФЦ), условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) показали близость покровской серии с одновременными сериями из Томска, Казани и Симбирска, в составе которых отмечается монголоидный компонент (Савенкова, Смушко 2017).

Основной целью настоящего исследования является определение антропологического состава жителей Красноярска в первые столетия его существования на основе характеристик морфологии зубной системы. **В наши задачи** входили: 1) сбор материала по широкой программе, описывающей нормальные вариации одонтологических признаков в постоянной смене зубов человека, 2) внутригрупповой и межгрупповой статистический анализ данных, 3) качественная оценка полового диморфизма в зубной системе, 4) оценка хронологической динамики антропологического состава горожан. **Объект исследования** — краниологическая коллекция некрополя Покровской церкви XVII–XVIII вв. Красноярского острога. **Выборку составили** 150 индивидов разного пола и возраста. В данной работе представлены результаты описательной части одонтологической программы. Для нее есть достаточный сравнительный материал, известны географические, эпохальные и этнорасовые тенденции в распределении признаков.

Материал и методы

Материалом для настоящей работы послужила краниологическая часть скелетной коллекции Покровского некрополя XVII–XVIII вв. Красноярского острога с постоянной генерацией зубов, независимо от их фактического присутствия и степени стертости. В выборку включены данные по 150 индивидам, которые представляют все половозрастные группы населения: 57 мужчин, 56 женщин и 37 детей. Сбор первичных одонтологических данных (просмотр коллекции) выполнен автором в 2018 г. в рамках проекта Российского научного фонда (*проект № 18–18–00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении»*; руководитель д. и. н. М. П. Чёрная). Все зубы идентифицированы с костными останками. Коллекция хранится в фондах палеоантропологических материалов Красноярского государственного медицинского университета. Определения пола и возраста выполнены по черепам и костям скелета антропологом Савенковой Татьяной Михайловной, на что мы опирались в спорных

случаях собственных определений по черепу. По зубной антропологической программе коллекция черепов из Покровского некрополя XVII–XVIII вв. в г. Красноярске — одна из самых представительных в Сибири серий русских первопоселенцев — полностью исследована автором статьи.

Использована расширенная одонтологическая программа из 49 фенетических систем, в которой есть базовый в мировой практике и дополнительный набор характеристик для более полного описания коронок и корневой системы всех классов зубов, кроме клыков. Их морфологическое описание и таксономическая ценность в эпохальном, расовом и этническом аспекте подробно даны в нескольких отечественных работах (Зубов 1968, 1973, 2006; Зубов, Халдеева 1989, 1993; Этническая одонтология СССР 1979). В программу входят признаки эпохально пластичного комплекса редукции / дифференциации зубов (число бугорков и корней, форма коронки, гиподонтия и др.), расоводиагностические признаки (лопатообразность верхних резцов, дистальный гребень тригониды и коленчатая складка метакониды), архаические и новые образования (эпикристинд, *tam1*, буккостиль), элементы микрорельефа жевательной поверхности моляров (одонтоглифика). Часть признаков оценивается на каждом образце баллами по степени выраженности, часть альтернативно, для средних характеристик частотой встречаемости в процентах, для отдельных признаков — средними баллами. При статистическом многомерном анализе проценты переводились в угловые единицы измерения — радианы. В одонтологии основная характеристика группы дается суммарно по полу и возрасту.

Направление межполовых различий оценивалось сравнением частоты встречаемости отдельных признаков в мужской и женской подгруппе, хронологическая динамика антропологического состава — аналогичным сравнением частот в подгруппе взрослого населения и детей (Табл. 1). Существенность таких различий оценивалась на базе трех составляющих: личного опыта, характере варьирования частот признаков в таксономически различимых группах Евразии, наконец, самой традиции качественного подхода в одонтологии к оценке величины попарных различий при описании отдельных признаков. Межгрупповой сравнительный анализ проведен по набору основных таксономически важных фенотипических признаков, включаемых во все одонтологические исследования этноисторического направления в антропологии (Табл. 2). Попарные средние таксономические расстояния по А. А. Зубову (СТР) рассчитывались на основе F-критерия Фишера с использованием табличных пороговых значений статистической достоверности в радианах (R) на первом уровне значимости $p \leq 0.05$. Объем выборок при этом условно принимался единым в 50 наблюдений. СТР представляет среднюю по n признакам величину попарных различий для каждого признака разделенных на стандартное табличное значение при данном объеме выборок: $СТР = 1/n * \sum (R1-R2)/dst$. Применялся, кроме того, многомерный кластерный анализ с построением дендрограмм по методу Варда в программе STATISTICA. Графические иллюстрации (2D график, гистограммы) выполнены в программе Excel (Рис. 1–5).

В качестве сравнительных групп использованы литературные и авторские материалы. Это христианские захоронения, изученные по одонтологической программе Харламовой Н. В. и Лейбовой Н. А.: Спасский некрополь г. Иркутска (XVIII в.), Албазинский острог в Приамурье (XVIII–XIX вв.), памятники в Поволжье — некрополи г. Тверь (XVI–XVIII вв.), христианские захоронения в г. Чебоксары (XVI–XVII вв.) и в Кремле г. Казани (XVI–XVIII вв.). Авторские сравнительные материалы: татары сибирские

суммарно 9 территориальных групп (XVI–XX вв.), чулымские тюрки (XVI–XIX вв.), современные группы сборов конца XX в. в Томской обл. — чулымцы, чулымско-русские метисы, русские Чулыма, русские поселений по рекам Кеть, Обь, Тым, русские вологодские г. Устюжна, а также следующие краниологические коллекции, изученные в 2019 г. — русские г. Томска XVII–XIX вв. (некрополь Богородице–Алексиевского монастыря + коллекция С. М. Чугунова), памятники Омской обл. Ананьино I и Тара 2013 (XVII–XVIII вв.), Изюк I (XVII–XIX вв.). Источники литературных материалов перечислены во введении. Подробный табличный материал для одонтологической характеристики Покровского некрополя г. Красноярска публикуется впервые.

Результаты и обсуждение

Внутригрупповой анализ

Рассмотрим описательную характеристику морфологии зубной системы постоянной смены в коллекции некрополя Покровской церкви Красноярского острога, XVII–XVIII в. В Табл. 1. представлены материалы для пяти выборок: суммарной по полу и возрасту, отдельно мужской, женской, взрослых суммарно и детей. Основные маркеры каждого признака в таблице выделены жирным шрифтом.

Первые признаки — диастема (спейсинг), краудинг (лингвальный сдвиг), редукция и гиподонтия демонстрируют слабую степень редукции в области верхних резцов. Отсутствует скученность передних зубов верхнего ряда, частота диастемы между первыми резцами невысокая и отмечена только у взрослых, заостренная форма второго резца (балл 2) и его отсутствие наблюдались в единичных случаях, только у мужчин. Половые и возрастные различия невелики или отсутствуют. Картина типичная для региональных коллекций прошлых столетий. Обратим все же внимание, что лидируют показатели процесса редукции в переднем отделе зубной дуги, что характерно для европеоидного населения в первую очередь. В специальных научных исследованиях показана статистически достоверная и положительная связь врожденного отсутствия верхних латеральных резцов с редукцией костных структур передней фронтальной части основания черепа (Kabbani et al. 2021; Moss 1969; Roald et al. 1982; Yüksel, Üçem 1997).

Лопатообразность верхних резцов — важнейший показатель в группе расоводиагностических маркеров, который чутко реагирует на монголоидную примесь увеличением частоты баллов 2 и 3. В изученной выборке частота основного показателя (баллы 2+3 на I¹) очень низкая — 1,2%, единичный случай только в мужской подгруппе. Различия между половыми и возрастными группами практически отсутствуют. Относительно небольшое по мировому масштабу, но все же заметное увеличение лопатообразности отмечено на I² (19,5%), что опять сильнее выражено у мужчин и суммарно у взрослых. Практика показывает, что такого и более высокого уровня различия частот между первым и вторым резцом обычны для коренного населения в Западной Сибири и в целом для метисных популяций.

Бугорок Карабелли (баллы 2–5) варьирует значительно — от низких вполне монголоидных частот у взрослых до средних для русских европейских популяций — у детей. В распределении основного показателя выражены половые и возрастные различия, максимально между мужчинами (4,5%) и детьми (38%). Частота в суммарной группе, равная 22%, типична для метисного и западносибирского населения.

**Одонтологическая характеристика половозрастных и суммарных выборок некрополя
Покровской церкви Красноярского острога (XVII–XVIII вв.; взвешенные средние)**

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Диастема I – I¹	N = 131		N = 102		N = 29		N = 52		N = 50	
	8	6.1	8	7.8	0	0	4	7.7	4	8.0
Краудинг I²	N = 131		N = 104		N = 27		N = 52		N = 52	
(лингвальный сдвиг)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Редукция I²	N = 129		N = 101		N = 28		N = 51		N = 50	
баллы	120	93.0	97	96.0	23	82.1	48	94.1	49	98.0
1	8	6.2	3	3.0	5	17.9	2	3.9	1	2.0
2	1	0.8	1	1.0	0	0	1	2.0	0	0
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2+3	1	0.8	1	1.0	0	0	1	2.0	0	0
Гиподонтия I²	N = 130		N = 103		N = 27		N = 52		N = 51	
	1	0.8	1	1.0	0	0	1	1.9	0	0
Лопатообразность резцов I¹ (shov)	N = 82		N = 54		N = 28		N = 29		N = 25	
баллы	62	75.6	42	77.7	20	71.4	21	72.5	21	84.0
1	19	23.2	11	20.4	8	28.6	7	24.1	4	16.0
2	1	1.2	1	1.9	0	0	1	3.4	0	0
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2+3	1	1.2	1	1.9	0	0	1	3.4	0	0
Лопатообразность резцов I² (shov)	N = 82		N = 57		N = 25		N = 27		N = 30	

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Бугорок Карабелли на M¹ (Carra)	N = 91		N = 54		N = 37		N = 22		N = 32	
баллы	51	56.0	37	68.5	14	37.8	16	72.7	21	65.5
0	20	22.0	11	20.4	9	24.3	5	22.7	6	18.8
1	8	8.8	2	3.7	6	16.2	0	0	2	6.3
2	8	8.8	3	5.6	5	13.5	1	4.5	2	6.3
3	4	4.4	1	1.8	3	8.1	0	0	1	3.1
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сумма 2–5	20	22.0	6	11.1	14	37.8	1	4.5	5	15.7
сумма 3–5	12	13.2	4	7.4	8	21.6	1	4.5	3	9.4
Форма M¹ по Дальбергу (редукция hu)	N = 126		N = 89		N = 37		N = 45		N = 44	
баллы	122	96.8	87	97.8	35	94.6	45	100.0	42	95.4
4	1	0.8	1	1.1	0	0	0	0	1	2.3
4–	3	2.4	1	1.1	2	5.4	0	0	1	2.3
3+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сумма 3+ и 3	3	2.4	1	1.1	2	5.4	0	0	1	2.3

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Форма М² по Дальбергу (редукция hu)	N = 113		N = 86		N = 27		N = 44		N = 42	
баллы	23	20.4	20	23.3	3	11.1	15	34.1	5	11.9
4-	45	39.8	36	41.8	9	33.3	20	45.4	16	38.1
3+	25	22.1	16	18.6	9	33.3	8	18.2	8	19.0
3	20	17.7	14	16.3	6	22.3	1	2.3	13	31.0
сумма 3+ и 3	45	39.8	30	34.9	15	55.6	9	20.5	21	40.0
Форма М³ по Дальбергу (редукция hu)	N = 71		N = 63		N = 8		N = 35		N = 28	
баллы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4-	8	11.3	8	12.7	0	0	5	14.3	3	10.7
3+	21	29.6	17	27.0	4	50.0	10	28.6	7	25.0
3	42	59.1	38	60.3	4	50.0	20	57.1	18	64.3
сумма 3+ и 3	63	88.7	55	87.3	8	100.0	30	85.7	25	89.3
Косой гребень на М¹	N = 69		N = 33		N = 36		N = 10		N = 23	
баллы	34	49.3	17	51.5	17	47.2	7	70.0	10	43.5
Соотношение размеров метаконуса и параконуса (эокона) на М¹	N = 111		N = 76		N = 35		N = 37		N = 39	
баллы	14	12.6	7	9.2	7	20.0	1	2.7	6	15.4
2	90	81.1	65	85.5	25	71.4	34	91.2	31	79.5
3	7	6.3	4	5.3	3	8.6	2	5.1	2	5.1
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
средний балл	1.94		1.96		1.89		2.02		1.90	

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Соотношение размеров метаконуса и параконуса (эокона) на М²	N = 104		N = 84		N = 20		N = 42		N = 42	
баллы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2	42	40.4	36	42.9	6	30.0	19	45.2	17	40.5
3	60	57.7	47	55.9	13	65.0	23	54.8	24	57.1
4	2	1.9	1	1.2	1	5.0	0	0	1	2.4
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
средний балл	2.62		2.58		2.75		2.55		2.62	
Соотношение размеров метаконуса и параконуса (эокона) на М³	N = 65		N = 59		N = 6		N = 35		N = 24	
баллы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2	3	4.6	3	5.1	0	0	2	5.7	1	4.2
3	41	63.1	37	62.7	4	66.7	24	68.6	13	54.1
4	16	24.6	14	23.7	2	33.3	8	22.8	6	25.0
5	5	7.7	5	8.5	0	0	1	2.9	4	16.7
средний балл	3.35		3.36		3.33		3.23		3.54	
Средний балл ряда М ¹ -М ³	2.64		2.63		2.66		2.60		2.67	
Число бугорков на Р₁	N = 95		N = 85		N = 10		N = 44		N = 41	
1+	75	79.0	73	85.9	2	20.0	38	86.3	35	85.4
2	18	18.9	11	12.9	7	70.0	5	11.4	6	14.6
3 и более	2	2.1	1	1.2	1	10.0	1	2.3	0	0

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Число бугорков на P ₂	N = 91		N = 78		N = 13		N = 38		N = 40	
	1+	6,6	5	6,4	1	7,7	4	10,6	1	2,5
	2	80,2	65	83,3	8	61,5	33	86,8	32	80,0
3 и более	12	13,2	8	10,3	4	30,8	1	2,6	7	17,5
Число бугорков на M ₁	N = 99		N = 64		N = 35		N = 31		N = 33	
	6	9,1	6	10,3	3	8,6	4	12,9	2	6,1
	5	72,7	45	75,2	27	77,1	22	71,0	23	69,7
4	18,2	13	14,5	5	13,5	5	16,1	8	24,2	
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
сумма 4+3	18	18,2	13	14,5	5	13,5	5	16,1	8	24,2
M ₁ форма +5. x5	N = 77		N = 42		N = 35		N = 18		N = 24	
	9	11,7	5	11,9	4	11,4	1	5,6	4	16,7
	N = 106		N = 86		N = 20		N = 44		N = 42	
Число бугорков на M ₂	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	7	6,6	6	7,0	1	5,0	5	11,4	1	2,4
	99	93,4	80	93,0	19	95,0	39	88,6	41	97,6
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
сумма 4+3	99	93,4	80	93,0	19	95,0	39	88,6	41	97,6
Число бугорков на M ₃	N = 74		N = 70		N = 4		N = 38		N = 32	
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	16	21,6	15	21,4	1	25,0	9	23,7	6	18,8
4	52	70,3	50	71,4	2	50,0	25	65,8	25	78,1
3	6	8,1	5	7,2	1	25,0	4	10,5	1	3,1
сумма 4+3	58	78,4	55	78,6	3	75,0	29	76,3	26	81,2

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Узор борозд на M ₁	N = 77		N = 42		N = 35		N = 18		N = 24	
	58	74,0	30	71,4	28	80,0	16	88,9	14	58,3
	19	24,7	11	26,2	8	20,0	2	11,1	9	37,5
X	1	1,3	1	2,4	0	0	0	0	1	4,2
Узор борозд на M ₂	N = 79		N = 59		N = 20		N = 35		N = 24	
	4	5,1	2	3,4	2	10,0	1	2,9	1	4,2
	48	60,8	40	67,8	8	40,0	19	54,3	21	87,5
X	27	34,1	17	28,8	10	50,0	15	42,9	2	8,3
Узор борозд на M ₃	N = 56		N = 52		N = 4		N = 29		N = 23	
	3	5,4	3	5,8	0	0	3	10,3	0	0
	15	26,8	13	25,0	2	50,0	5	17,2	8	34,8
X	38	67,8	36	69,2	2	50,0	21	72,5	15	65,2
Протостирид M ₁ (все баллы наличия)	N = 77		N = 45		N = 32		N = 22		N = 23	
	1 балл I	1,3	1 балл I	2,2	0	0	0	0	1 балл I	4,3
	N = 64		N = 29		N = 35		N = 10		N = 19	
Дистальный гребень тригониды M ₁ (dтс)	9,5	14,8	9,5	32,8	0	0	2	20,0	7,5	39,5
	N = 64		N = 29		N = 35		N = 10		N = 19	
	1	1,6	0	0	1	2,9	0	0	0	0
Коленчатая складка метакониды M ₁ (dw)	N = 56		N = 21		N = 35		N = 4		N = 17	
	9,5	17,0	5,5	26,2	4	11,4	3,5	87,5	2	11,8
	N = 96		N = 61		N = 35		N = 32		N = 29	
Tami M ₁	5	5,2	2	3,3	3	8,6	0	0	2	6,9
	N = 55		N = 22		N = 33		N = 6		N = 16	
	14	25,5*	5	22,7*	9	27,3	1	16,7*	4	25,0*

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
M¹ 1 ра (тип 3) (то же 1 eo)	N = 35		N = 10		N = 25		N = 3		N = 7	
Дополнительные бугорки на верхних молярах	2	5.7	2	20.0	0	0	2	66.7	0	0
	N = 85		N = 49		N = 36		N = 23		N = 26	
Дистальный бугорок. с5	5	5.9	3	6.1	2	5.6	1	4.3	2	7.7
Протоконулюс на M¹	N = 59		N = 25		N = 34		N = 10		N = 15	
	10	16.9	1	4.0	9	26.5	0	0	1	6.7
Метаконулюс на M¹	N = 74		N = 38		N = 36		N = 14		N = 24	
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Буккостиль на M²	N = 106		N = 85		N = 21		N = 43		N = 42	
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мезостиль на M²	N = 105		N = 85		N = 20		N = 42		N = 43	
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Межкорневой затек эмали на M²	N = 102		N = 87		N = 15		N = 45		N = 42	
	76	74.5	66	75.9	10	66.7	34	75.5	32	76.2
Межкорневой затек эмали на M₂	4	13.7	10	11.5	4	26.6	6	13.3	4	9.5
	11	10.8	10	11.5	1	6.7	5	11.1	5	11.9
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	1	1.0	1	1.1	0	0	0	0	0	0
	11	10.8	10	11.5	1	6.7	5	11.1	5	11.9
	N = 101		N = 87		N = 14		N = 45		N = 42	

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Гиподонтия M³ (в среднем прав. + лев.)	N = 190		N = 179		N = 11		N = 87		N = 92	
46	24.2	42	23.5	4	36.4	15	17.2	27	29.3	
Гиподонтия M₃ (в среднем прав. + лев.)	N = 193		N = 183		N = 10		N = 94		N = 89	
55	28.5	51	27.9	4	40.0	22	23.4	29	32.6	
Число корней	N = 90		N = 82		N = 8		N = 39		N = 43	
2 корня на M¹	30	33.3	27	32.9	3	37.5	19	48.8	8	18.6
3 корня на M₁	N = 127		N = 95		N = 32		N = 52		N = 43	
	2	1.6	2	2.1	0	0	1	1.9	1	2.3
1 корень на M₂	N = 113		N = 100		N = 13		N = 51		N = 49	
26.5	23.5	24.5	24.5	2	15.4	10.5	20.6	14	28.6	
Одонтоглифика	N = 47		N = 14		N = 33		N = 1		N = 13	
M¹ 1 pr (II)	7	14.9	1	7.1	6	18.2	0	-	1	7.7
M¹ 2 pr t (то же 2 eo t)	N = 38		N = 9		N = 29		N = 2		N = 7	
17	44.7	6	66.7	11	37.9	1	50.0	5	71.4	
M² fa	N = 82		N = 60		N = 22		N = 29		N = 31	

ПРИЗНАК	Покровский некрополь суммарно		Взрослые суммарно муж + жен		Дети оба пола		Мужчины		Женщины	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
M ² 2 me (III)	43	52.4	25	41.7	18	81.8	13	44.8	12	38.7
	N = 21		N = 7		N = 14		N = 3		N = 4	
M ₁ T end	10	47.6	5	71.4	5	35.7	2	66.7	3	75.0
	N = 44		N = 10		N = 34		N = 5		N = 5	
M ₂ 2' med (5 med)	8	18.2	0	0	8	23.5	0	0	0	0
	N = 37		N = 17		N = 20		N = 8		N = 9	
M ₂ D end	9	24.3	3	17.6	6	30.0	1	12.5	2	22.2
	N = 31		N = 12		N = 19		N = 7		N = 5	
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

* Маркер M₁ 2med (II): у взрослых данный вариант встречается обычно вместе с дистальным гребнем.

Форма коронок верхних моляров оценивается по схеме А. Дальберга, которая опирается на постепенное уменьшение размеров дистального бугорка гипоконуса (hy). На M¹ выраженная степень его редукции (баллы 3 и 3+) везде на территории Северной Евразии встречается в единичных случаях до настоящего времени. Поэтому примечательно ее присутствие у женщин и детей. Первое, конечно, связано с явлением полового диморфизма и более редуцированными зубами у женского пола, второе с эпохальным процессом уменьшения размеров верхних моляров вследствие редукции гипоконуса. В полной мере эти явления видны на M², где вновь максимальная разница в частотах — между мужчинами и детьми. Суммарно и по современному мировому масштабу группа характеризуется средним уровнем редукции гипоконуса на втором зубе ряда (39,8%). Гипоконус третьих верхних моляров очень сильно редуцирован во всех подгруппах, максимально у детей — до 100%. Расовый градиент для этого признака надежно пока не установлен.

Распределение непрерывного косо-го гребня на M¹, отражающего массивность коронки, примечательно только высокой частотой его у мужчин (70%). Это обычное ярко выраженное половое соотношение. Соотношение размеров двух бугорков — метаконуса и параконуса на верхних молярах показывает повышенные в мировом масштабе величины значений среднего балла и по каждому моляру, и по среднему баллу для всего ряда, варьируя незначительно по половым и возрастным когортам. Считается, что средний балл ряда более 2,50 характерен больше для южных европеоидов. В Покровском некрополе этот средний показатель равен 2,64. Межпоколенные различия отсутствуют,

а между полами выражены незначительно. Можно допустить определенное влияние южного европеоидного элемента на характеристику исследуемой популяции.

Количество бугорков нижних премоляров говорит о дифференцированности коронки зубов этого класса. Число трехбугорковых премоляров повышено в детской подгруппе, особенно на втором зубе класса (31%). На том же P₂ можно отметить половые различия в сторону большей дифференцированности коронки у женщин.

Число бугорков на нижних молярах, по соотношению встречаемости массивных шестибугорковых и грацильных четырехбугорковых форм, входит в линейку важнейших характеристик в зубной диагностике групп. Во всех подгруппах на M₁ встречаются обе формы с заметным преобладанием 4-х бугорковых коронок. Между поколениями различия по всем трем молярам несут незначительные, в отличие от межполовых. Половой диморфизм в форме грацилизации коронок (особенно первых двух нижних моляров) ярко проявился увеличением частоты 4-х бугорковых коронок у женщин (24% на M₁). Это максимальная величина в линейке групп. То же соотношение групп остается в распределении частот и на остальных молярах. Примечательно уменьшение разницы между встречаемостью как массивных, так и грацильных форм на M₁ у мужчин, что характерно в случае европеоидно-монголоидного смешения. На M₂ и M₃ распределение маркирующих фенотипов типично европейское с тенденцией к южным проявлениям. Здесь нигде нет шестых бугорков, очень высокая частота M₂ 4 от 88,6% у мужчин до 97,6% у женщин. На третьем моляре у всех встречаются сильно редуцированные трехбугорковые варианты. В среднем выборка Покровского некрополя характеризуется грацильными нижними молярами с частотой M₁ 4 бугорка равной 18%. При этом небольшой, в среднем для русских, подъем частоты M₁ 6 бугорков до 9% может отражать и небольшую монголоидную примесь в общей выборке. Максимально это свойство опять ярче проявляется у мужчин.

В распределении разных форм узора межбугорковых борозд на нижних молярах заметно повышение X-узора на M₂ у мужчин и детей. В целом таксономически значимой картины мы не наблюдаем. Хорошо видна только общая эпохальная тенденция к резкому снижению частоты Y-узора и повышению частоты X-узора от первого к третьему моляру. Это один из эволюционных путей в перестройке соотношения размеров бугорков коронки в направлении редукции метаконида. В связи с узорами показательным маркером монголоидной примеси может быть форма +5 на M₁, как заметила в свое время коллега Р. У. Гравере (*Гравере* 1987). Мы приводим общую частоту вариантов +5 и x5 на M₁. Действительно частота их низкая у всех, в среднем 11,7% — европеоидный показатель. Различия есть только между женщинами (около 17%) и мужчинами (5,6%), отражая половой диморфизм в редукционном процессе.

Мы подошли к рассмотрению частот следующих чрезвычайно важных признаков для таксономической расовой диагностики группы — это дистальный гребень тригонида (dtc) и коленчатая складка метаконида (dw) на M₁. В среднем группа характеризуется повышением частоты обоих признаков соответственно до 14,8% и 17,0%. Такое сочетание не встречается в современных европейских русских группах и надежно говорит о небольшом наличии в изученной выборке восточного (монголоидного) компонента. Сильно различаются подгруппы взрослых и детей в направлении снижения монголоидности в молодом поколении. У детей отсутствует dtc, умеренно повышена частота dw (11,4%). Характерно, что у взрослых, особенно у женщин, очень высокая частота дистального гребня (39,5%), значительно превосходящая

частоту коленчатой складки (11,8%). Такое соотношение сохраняется в целом для выборки взрослых и может быть связано с южным монголоидным влиянием (южносибирским или центральноазиатским антропологическим типом), а в этническом отражении — с участием в формировании генофонда красноярской популяции представителей тюркских групп. У мужчин обратное, но столь же контрастное соотношение — 20,0% dtc и 87,5% dw (нереально высокий процент!). Безусловно, здесь сказывается отрицательное влияние малой численности мужской выборки, особенно по dw — 4 наблюдения всего. Кроме этого, мы помним, что это церковный некрополь, где наверняка хоронили родственников.

Гребень эпикристид и бугорок протостилид на M_1 почти не встречаются — 1 случай гребня в выборке детей. Эпикристид, особенно в сочетании с дистальным гребнем, описан как архаичный элемент структуры моляров. Есть тенденция видеть в эпикристиде южный маркер. Наш опыт не подтверждает такую географическую или расовую привязку. В современных популяциях нами изученных, этот признак если присутствует, то чаще в северных группах, с максимальным процентом в сильно смешанной группе русских старожилов севера Якутии.

Очень редкие дополнительные бугорки на верхних молярах — метаконулюс, буккостиль и мезостиль также полностью отсутствуют в этой представительной выборке. Это типично для любых современных популяций человека.

Еще два бугорковых образования входят в нашу одонтологическую программу — внутренний средний дополнительный бугорок на M_1 ($tami$) и дополнительный дистальный бугорок на M^1 ($c5$). Первый маркер отмечен в суммарной выборке с немного повышенной частотой 5%, не обнаруживая изоляции группы. Это дополнительный элемент дифференциации жевательной поверхности нижних моляров, показатель ее массивности. Он относится к числу древних элементов, который у современного населения Евразии чаще встречается в автохтонных азиатских группах или имеющих восточную (монголоидную) примесь. Выказано также мнение о более частом его присутствии у женщин, как мы видим и в нашей серии (0% у мужчин и 7% у женщин). У детей $tami$ отмечен с наиболее высокой частотой 8,6% что говорит о присутствии среди ранних жителей Красноярска коренных сибирских народов, обращенных в христианство.

Бугорок $c5$ встречается в серии Покровского некрополя редко, максимум 7,7% у женщин, в суммарной группе 6%, слабо варьирует по подгруппам. Это европеоидные значения.

M_1 2 med (II) признак из системы узора борозд жевательной поверхности нижних моляров, относится к числу западных маркеров. В подгруппах изученной серии отмечен с удивительно стабильной и, в целом, европейской частотой — в среднем 25,5%. Возрастных различий по частоте почти нет, но у мужчин данный вариант наблюдался на 8% реже по сравнению с женщинами. В подгруппе взрослых высокая точка впадения 2-й борозды метаконида обусловлена ходом дистального гребня, который «подталкивает» ее ближе к мезиальному краю коронки. Это не раз отмечено нами в западносибирских и монголоидных сериях с повышенной частотой дистального гребня. Получается некоторый парадокс, а именно, таксономически «западный» вариант впадения борозды вызван присутствием «восточного» признака. А вот у детей, с их максимальными 27% 2 med (II), таких случаев нет, т. е. у них по-настоящему западный (европеоидный) вариант частоты признака. Само явление «странного сочетания» западных и восточных зубных черт давно отмечено на при-

мере других признаков — коленчатой складки и редуцированных первых нижних моляров в финно-угорских группах — только по средним данным, т. е. без указаний на индивидуальное сочетание. Для данной пары морфологических особенностей был предложен индекс ISC (индекс странных сочетаний) (Зубов, Халдеева 1974).

M^1 1 ра (тип 3) наиболее поздно включенный А. А. Зубовым в стандартную программу признак из той же одонтоглифической системы. Это извилистая, первично названная лирообразная форма 1-й борозды параконуса на $M1$. Мировой максимум встречаемости более 70% — у монголов. В европеоидных популяциях встречается редко (в Покровском некрополе в среднем 5,7%, у детей и женщин 0%). Резко увеличена частота в мужской подгруппе (66,7%), но здесь всего три наблюдения. Тем не менее, это еще один знак усиления монголоидности у мужчин, причем в данном случае по признаку, который не подвержен половому диморфизму.

Межкорневой затек эмали на вторых молярах — легко определяемый и надежно маркирующий восточную примесь признак, который можно определить только в костном материале. Во всех группах и на обеих челюстях — показатели европеоидной популяции. Вариации частот по группам небольшие, средние значения суммы баллов 5 и 6 на M^2 10,8%, на M_2 15,8%.

Гиподонтия третьих моляров отмечалась нами как средняя величина для двух квадрантов каждой челюсти, если зуб мудрости отсутствует хотя бы с одной стороны. Поскольку определения ведутся визуально, то случаи ретенции, когда зуб у взрослого индивида остался в костной массе и не видим, отнесены к гиподонтии. Средняя частота в группе 24,2% на верхней челюсти и 28,5% на нижней. Вариации частоты признака плохо изучены как популяционная характеристика. Общий уровень феномена оценивается как средняя величина.

Следующие три признака включены в программу, чтобы оценить выраженность процесса редукции / дифференциации корневой системы. Двухкорневые первые верхние премоляры встречаются часто — более 30% в суммарной выборке. Это характерно для западных, европеоидных популяций. Различия между поколениями незначительные, особенно при 8 наблюдениях в детской выборке. По данному признаку сильно выражен половой диморфизм, при котором у мужчин двухкорневой премоляр встречается в 2,5 раза чаще, чем у женщин. У двух индивидов отмечены даже трехкорневые P^1 , это мужчина и ребенок, возможно родственники.

Дополнительный третий корень на M_1 , напротив, редкая особенность на нашей территории, чаще встречается в монголоидных популяциях. В западносибирских этнотерриториальных группах хантов, селькупов и татар варьирует по нашим данным от 0% до 16%. В Покровском некрополе средняя частота признака 1,6% характеризует группу как европеоидную.

На втором нижнем моляре рассматриваем обратный предыдущему процесс слияния исходно двух корней. Вестибулярное срастание корней по всей высоте в форме челнока оценивалось как промежуточный вариант +/- (0,5 случая при статистической обработке). Частота одного корня, видимо, довольно высокая — в среднем 23,5%. Ожидаемо, что у женщин процент выше, чем у мужчин (разница 8%). А у детей — еще ниже, чем у мужчин. Редукционная направленность процессов в зубной системе по многим параметрам в целом более характерна для западного, европеоидного населения. Однако расовый градиент данного признака характеризуется обратной направленностью, причем у детей подросткового возраста проявляется западный тренд.

На основании частоты семи одонтоглифических фенов видно, что группа Покровского некрополя, неожиданно, имеет в среднем характеристики сходные с коренными популяциями Западной Сибири — уграми и даже ненцами. Тенденция выражена и во взрослой, и в детской части выборки (аналитический обзор мирового распределения этих маркеров см. Аксянова 2013в).

Проведенный анализ выраженности одонтологических фенов в коллекции черепов из Покровского некрополя Красноярского острога выявил по значительному набору признаков основную доминанту в его характеристике. На период XVII–XVIII вв. это население определено из круга форм западного одонтологического ствола и европейского происхождения, но с генетически ослабленной западной основой. Очень выразительно своей мозаичностью сочетание почти полного отсутствия лопатообразных первых верхних резцов и повышенных по европейскому масштабу частот трех важных признаков — лопатообразной формы второго резца, дистального гребня и коленчатой складки, очень низкой частоты сильных затеков эмали, низкой частоты бугорка Карабелли у взрослых индивидов, высоким уровнем грациальности нижних моляров. При сравнении мужской и женской части коллекции, а также старшего, условно родительского, и младшего поколений выявлены различия в выраженности конкретных признаков. Многомерный межгрупповой анализ позволит определить и наглядно представить степень этих различий по сумме признаков на фоне характеристики русского и коренного населения большой территории — от Волги до Амура.

Историческая ситуация жизни военизированного города–крепости на краю российской ойкумены, поначалу в соседстве с враждебно настроенным коренным населением, постепенно сменялась социальным сближением европейских переселенцев с инородцами и биологическими контактами между ними. Этому есть литературные и антропологические подтверждения. Однако, учитывая государственную стратегию и практику пополнения казачьих отрядов и вспомогательного персонала населением уже из числа сибирских народов, включая принудительные наборы в служилых людей, вновь прибывшее в разрастающийся Красноярск население уже могло нести некоторую долю уральских или более выраженных восточных черт. Даже миграция с Южного Урала, Предкавказья, из Предуралья, Волго–Камского, Печорско–Вычегодского или Верхневолжского бассейна — регионов еще недавно заселенных неславянским населением, вполне могла привести к ослаблению европеоидного комплекса. На следующем этапе анализа постараемся определить круг близких Покровскому некрополю этнорасовых групп, опираясь на среднегрупповую одонтологическую характеристику каждой выборки.

Межгрупповой анализ

При выборе сравнительных данных для межгруппового анализа мы руководствовались имеющимся материалом по одонтологии русских групп нового времени с территории Восточной Европы, Западной и Восточной Сибири, со-

временных групп русского старожильского населения и потомков национально–смешанных браков в Томско–Нарымском Приобье и Прииртышье. Группы эти перечислены в конце раздела «Материал и методы» с указанием датировок и библиографических ссылок, а необходимые характеристики приведены в *Табл. 2*. Все виды дальнейшего анализа проводятся по комплексу из 8-ми основных одонтологических фенов, которые зарекомендовали себя как ценные, таксономически значимые признаки и являются обязательной частью программы современных профильных исследований. Перечислим ближайшие группы к суммарной выборке Покровского некрополя.

1. По лопатообразности I_1 (баллы 2+3) Покровский некрополь имеет очевидную близость только с русскими (христианскими) группами — с Чулыма, вологодскими и тверскими, из Томска и Ананьино (частота 0–2,6%), немного удалены от них сборная русских локальных групп Восточной Европы, памятники Изюк и Казанский Кремль (5,7–8,0%).

2. По частоте дистального гребня (dtc) Покровский некрополь, который характеризуется повышением частоты этого фена, наибольшее сходство имеет с сериями христианских захоронений в Казанском Кремле и Чебоксарах, русской группой из Ананьино и чулымскими тюрками (11,1–16,7%). С русскими Восточной Европы объединяется только детская подгруппа изученного памятника.

3. По частоте коленчатой складки (dw), также повышенной в Покровском некрополе, суммарная выборка близка к русским Томска, казакам Албазино на Амуре, христианам Чебоксар (14,3–20,0%). К русским Восточной Европы отклоняются женская и детская подгруппы.

4. По частоте шестибугорковых первых нижних моляров ($M1_6$) к Покровскому некрополю близки христиане Чебоксар, русские Чулыма и чулымцы, русские рек Кеть, Обь, Тым, русские Томска, Изюк (6,3–12,5%). У всех повышена частота этого признака по сравнению с европейскими выборками. К последним выборкам ближе других женская подгруппа серии некрополя.

Признаки 1–4, переведенные в радианы, образуют так называемый «**восточный одонтологический комплекс (ВК)**», представляя среднюю арифметическую величину их значений (см. предпоследний столбец в *Табл. 2*). В серии из Покровского некрополя по его величине выявлены большие межполовые и межпоколенные различия: старшее поколение, и особенно мужчины, более монголоидны. Детскую покровскую выборку, русских Ананьино, Твери и общую по Восточной Европе объединяет низкие значения ВК (0,32–0,38 радиан).

5. По частоте бугорка Карабелли (Ca_a ; баллы 2–5) Покровский некрополь имеет наибольшее сходство с татарами сибирскими, русскими Твери, Чебоксар (20,3–26,3%). Это более низкие значения по сравнению с русскими Восточной Европы.

6. По частоте четырехбугорковых первых нижних моляров ($M1_4$) Покровский некрополь объединяется с русскими некрополями Омского Прииртышья высоким уровнем редукции коронки зуба — Изюк, Ананьино (18,2–21,4%). Эти величины почти вдвое выше, чем в объединенной выборке европейских русских.

7. Наличие четырехбугорковых вторых нижних моляров ($M2_4$) в Покровском некрополе очень высокая что объединяет его с тремя группами — христианами Чебоксар, русскими вологодскими, Изюком (91,7–96,3%). С русскими Восточной Европы сближается только мужская подгруппа более низкими частотами (менее 90%).

Таблица 2

Покровский некрополь XVII–XVIII вв. и сравнительные группы православного населения. Частота одонтологических признаков (в %)

Группа	Лоп- ть I' б. 2+3	dtc M ₁	dw M ₁	M ₁ 6	Сара M ₁ ' б. 2–5	M ₁ 4	M ₂ 4	2med (II)	Вос- ток	Запад
									комплекс (в рад.)	
Покровский некрополь Мужчины	3.4	20	87.5	12.9	4.5	16.1	88.6	16.7	1.11	1.14
Покровский некрополь Женщины	0	39.5	11.8	6.1	15.7	24.2	97.6	25	0.64	1.43
Покровский некрополь Муж + Жен	1.9	32.8	26.2	9.4	11.1	20.3	93	22.7	0.80	1.30
Покровский некрополь Дети	0	0	11.4	8.6	37.8	13.5	95	27.3	0.32	1.47
Покровский некрополь сумм. XVII–XVIII вв.	1.2	14.8	17	9.1	22	18.2	93.4	25.5	0.62	1.39
Иркутск Спасский некрополь XVIII в.	28.9	4.3	21.6	4.8	43.1	8.7	80.5	17	0.74	1.28
Амурская обл. Албазино XVIII–XIX вв.	10.3	0	20	3.7	52.9	9.3	62.5	20	0.49	1.36
Русские р. Чулым, современные	2.6	4.8	6.5	7.6	34.5	11.4	86.7	33.3	0.46	1.39
Русские вологодские современные	2.2	5	13.3	1.9	40.8	9.6	93.2	40.5	0.45	1.50
Тверь суммарно XVI–XVIII вв.	0	5.2	12.1	1.2	23.7	6	87.9	23.7	0.35	1.24
Казань, Кремль XVI–XVIII вв.	7.8	11.8	10.6	3.8	15.5	6.4	84.9	31.4	0.58	0.97
Чебоксары XVI–XVII вв.	11.1	16.7	17.4	6.3	26.3	12.5	91.7	22.6	0.72	1.34
Чулымские тюрки XVI–XIX вв.	32.9	15.6	21.8	8.7	13.5	11	70	17	0.90	1.07
Чулымско-русские метисы совр.	16.7	0	25.7	5.3	30	7.9	76	34.3	0.59	1.28
Татары сибирские 9 гр. сумм. XVI–XX вв.	29.8	22.8	25.8	13.5	20.3	12	73.2	14.2	0.99	1.12
Русские рек Кеть–Обь–Тым совр.	11.9	0.5	9.7	9.5	46.2	7.6	88	22.7	0.53	1.37
Русские Томска XVII–XIX вв. (БАМ, Чугунов)	0	8	14.3	12.5	32.7	5	79.2	5.6	0.52	1.09
Изюк, Омская обл. XVII–XIX вв.	8	4.8	8.3	7.5	30.9	20	96.3	6.7	0.54	1.35
Ананьино, Омская обл. XVII–XVIII вв.	0	11.1	11.1	0	6.7	21.4	80	22.2	0.34	1.17
Тара-2013, Омская обл. XVII–XVIII вв.	25	0	50	0	0	33.3	33.3	13	0.66	0.80
Русские Вост. Европы 34 гр. суммарно	5.7	0.9	6.1	2.8	33.4	10.8	85.6	43.9	0.38	1.43

Примечание. Для фена 2 med (II) в группах Албазино и чулымцев нет данных в источнике. Учтены значения по современным чулымцам, по иркутским сериям для амурской группы. В серии Тара дано среднее значение для Ананьино и Изюк. Группы из Иркутска, Амурской обл., Казани, Чебоксар и Твери — по литературным источникам.

8. По частоте варианта впадения борозды 2 med (II) на первом нижнем моляре к Покровскому некрополю близки русские серии по обе стороны Уральских гор — русские Ананьино и рек Кеть, Обь, Тым, Чебоксары, Тверь, Казанский Кремль (22,2–31,4%). Все они существенно уступают сборной серии европейских русских, у которых частота этой особенности более 43%.

Признаки 5–8, переведенные в радианы, образуют так называемый «западный одонтологический комплекс (ЗК)» как среднее арифметическое их значений (см. последний столбец в Табл. 2). Подобно восточному комплексу данный показатель зеркально отражает то же расовое соотношение половозрастных частей покровской выборки. Здесь усиление западного (европеоидного) компонента характерно для детей по сравнению с взрослыми, но особенно для женщин в сравнении с мужчинами. В среднем по ЗК изученная серия имеет близкое значение к русским Восточной Европы, соответственно 1,39 и 1,43 радиан.

Из перечисленных групп чаще других близкой к Покровскому некрополю является серия христианских захоронений из Чебоксар — города в Среднем Поволжье. Обращение к абсолютным значениям подтверждает это общее сходство. Хотя в Чебоксарах на 10% больше лопатообразных резцов, но и такая частота признака еще низкая. Суммарная группа европейских русских (см. в Табл. 2), рассчитанная по 34 локальностям (см. *Зубов, Халдеева* 1989. С. 108–109) попадает в близкий круг лишь по этому признаку. Таким образом, характеристика Покровского некрополя находит самые близкие аналогии в европейской России, но в группе нетипичной в целом для русского народа, происходящей из ареала тюркских и финно-угорских народов. Историческая ситуация для Покровского некрополя Красноярского острога и Чебоксар очень близкая.

Гистограмма на Рис. 1 наглядно показывает соотношение восточного и западного компонента в каждой группе. Западный компонент в большинстве групп сильно преобладает, особенно в детской выборке Покровского некрополя. Их характеристика, заметно приблизилась к средним показателям по европейским русским, отражая, видимо, приток нового европейского населения в острог. Подтвердились два предположения, вытекавшие из внутригруппового анализа: о преобладании восточного компонента у старшего поколения по сравнению с детьми, и у мужчин по сравнению с женщинами. Оба соотношения, кажется, нетипичны для ранних русских поселений в Сибири. Для построения Рис. 2 величина западного и восточного комплекса использована как система координат. График более наглядно дает представление о скоплениях похожих групп. В противоположных сторонах координатного поля находятся подгруппы Покровского некрополя: в восточном секторе мужская выборка и близко к ней чулымцы, в западном секторе наиболее европеоидные группы — покровские дети, русские реки Чулым, вологодские русские и амурская группа Албазинского острога. Покровские женщины и суммарная группа находятся в зоне смешанных групп, включая чулымско-русских метисов, Чебоксары и Спасский некрополь Иркутска. В самой изолированной позиции — серия христианских захоронений Казанского Кремля, в которой ослаблены оба комплекса.

С тем же набором групп был проведен многомерный кластерный анализ как более тонкий математический инструмент, дающий представление о глубине и плотности связей в скоплениях (Рис. 3). Характеристика каждой группы включает по-прежнему 8 признаков из табл. 2, выраженных в радианах. Пять выборок серии Покровско-

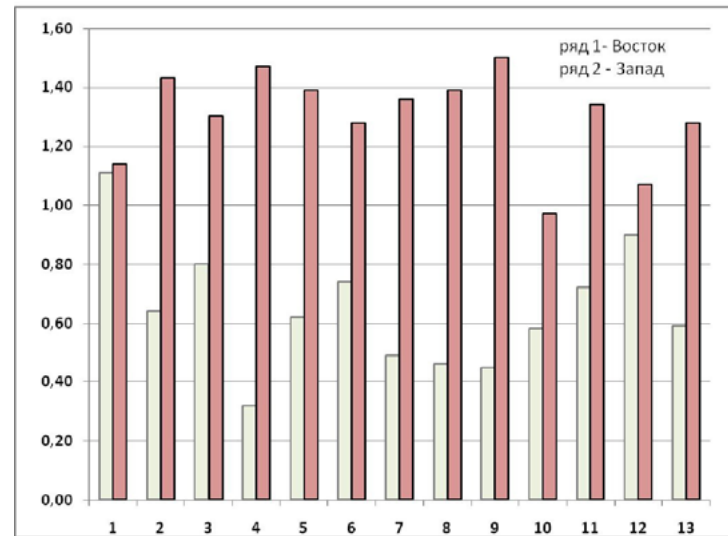

Рис. 1. Доля восточного и западного комплексов в русских и сравнительных группах, рассчитанная по 8-ми зубным маркерам.

ось x — группы 1–13, ось y — доля двух комплексов (в радианах)

1–5 — выборки Покровского некрополя XVII–XVIII вв., г. Красноярск (1 мужчины, 2 женщины, 3 взрослые (муж+жен), 4 дети, 5 все суммарно). 6 — Спасский некрополь XVIII в., г. Иркутск; 7 — Албазино XVIII–XIX вв., Амурская обл.; 8 — современные русские Приобья, река Чулым; 9 — современные русские Вологодской обл., г. Устюжна; 10 — христианские захоронения Казанского Кремля, XVI–XVIII вв.; 11 — христианские захоронения в г. Чебоксары, XVI–XVII вв. 12 — чулымские тюрки XVI–XIX вв.; 13 — чулымско–русские метисы современные.

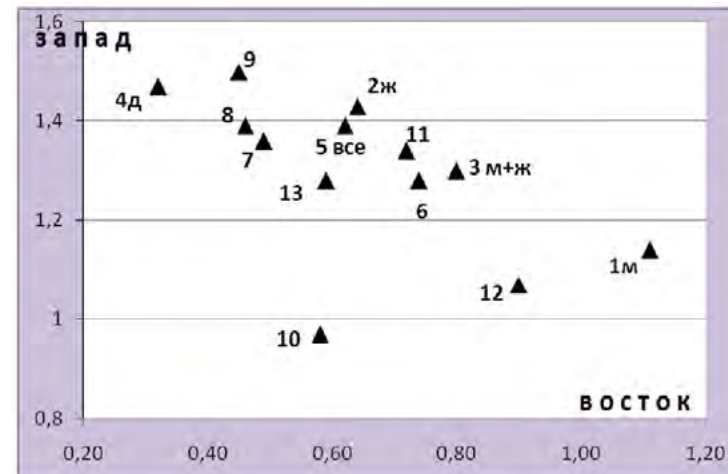

Рис. 2. Азиатские и европейские группы русских в корреляционном поле восточного и западного зубных комплексов (радианы).

Восточный комплекс включает частоту четырех признаков: лопатообразность P^1 , дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метаконида и шестибугорковые M_1 . Западный комплекс включает частоту четырех признаков: бугорок Карабелли, четырехбугорковые M_1 и M_2 , впадение борозды 2 med (II). Номера групп как на рис. 1.

го некрополя представлены в разных кластерах. Суммарная группа объединилась в тесный кластер с выборкой из Чебоксар (как и показывал сравнительный анализ частот) и Казанским Кремлем. Ближе к ним находится ветвь женщин и всех взрослых. Покровские дети попали в один кластер с русскими Чулыма и вологодскими русскими. Покровские мужчины представляют отдельную ветвь, соединенную с третьим кластером, который объединил Спасский некрополь Иркутска, Албазино, чулымско–русских метисов и чулымцев.

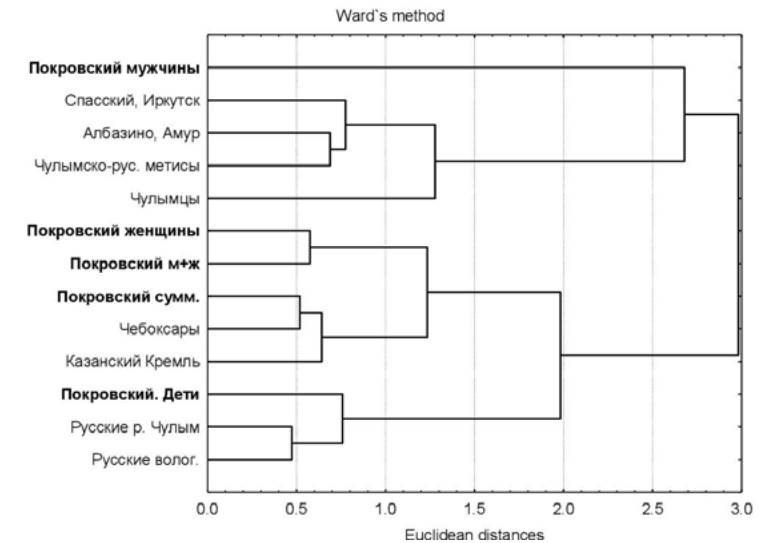

Рис. 3. Кластеризация разных этнических групп России (православное население последних столетий). Учтены частоты 8 основных признаков (см. Табл. 2 и подпись к Рис. 2).

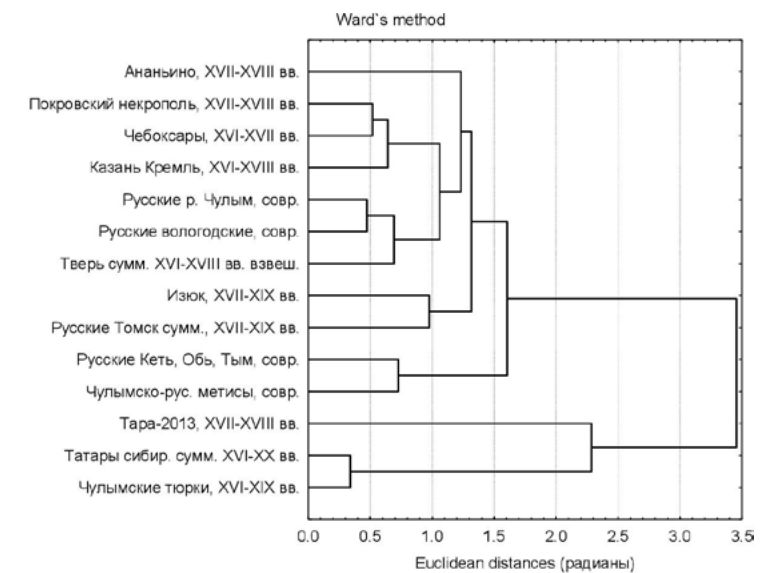

Рис. 4. Кластеризация сибирских и европейских групп русских в сравнении с сибирскими тюрками (14 групп; 8 признаков в радианах).

Еще один кластерный анализ проведен с измененным составом сопоставляемых групп. Покровский некрополь здесь представлен только суммарной серией, вместо дальневосточных групп Иркутска и Амура введены русские группы Обь–Иртышского бассейна и суммарная группа сибирских татар (Рис. 4). Покровский некрополь и в этом случае объединился с Чебоксарами и Казанским Кремлем. К ним присоединяются в общий достаточно однородный блок три русские группы — с притока Оби реки Чулым, из Вологодской обл. и Твери. Можно видеть, что серия Покровского некрополя тяготеет в первую очередь к массиву европейских групп. В чулымской выборке русских детей школьного возраста видимо преобладает относительно недавно переселившееся население. Самостоятельную и довольно удаленную от Покровского некрополя позицию заняли все группы Омского Прииртышья, русские Томска, представленные новой коллекцией из некрополя Богородице–Алексиевского монастыря в центре современного города, а также группы очевидно смешанные с аборигенным населением.

Последний вид проведенного многомерного анализа — это вычисление среднего таксономического расстояния по А. А. Зубову (СТР) на основе F–критерия Фишера (парные различия). Полученные результаты для Покровского некрополя показаны в виде диаграммы на Рис. 5. Они очень красноречивы, т. к. демонстрируют безусловное сближение этого памятника с русскими группами христианских захоронений и современных выборок с территории обширного, но географически единого пространства от Волги до бассейна Оби. Подтвердилось на статистически достоверном уровне ближайшее сходство с серией христианских захоронений XVI–XVII вв. из г. Чебоксары на Средней Волге и значимая удаленность от западносибирских татар и чулымцев.

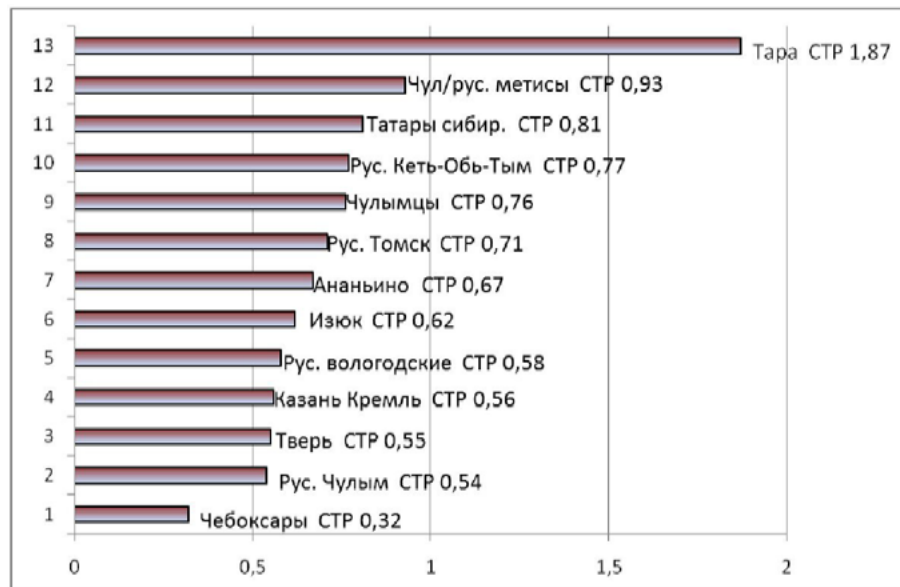

Рис. 5. Величина среднего таксономического расстояния между Покровским некрополем и сравнительными группами по комплексу из восьми ведущих одонтологических признаков.

Заключение

По широкой программе изучена морфология зубной системы в представительной краниологической серии Покровского некрополя XVII–XVIII вв., расположенного в «большом городе» Красноярского острога. Характеристика половозрастных и суммарной выборки отражает неоднородный антропологический состав первопоселенцев. С точки зрения одонтологии формирование популяции Красноярска проходило на основе механического и биологического смешения представителей западных (европеоидных) и промежуточных европеоидно–монголоидных расовых типов, носителей русской православной культуры. Яркая особенность изученной коллекции — сочетание выраженной редукции числа бугорков на нижних молярах и очень низкой лопатообразности верхних медиальных резцов, что типично для европейских групп. Суммарная по полу и возрасту серия характеризуется смешанным расовым составом, выраженным преобладанием западного (европейского) компонента, связанного, в том числе, с южным грацильным типом. Вероятно присутствие христианизированного аборигенного (тюркского?) населения уже в ранние периоды истории города. Восточный компонент в среднем сильнее выражен в мужской части населения. По–видимому, это связано с включением в городскую популяцию инородческого населения Западной Сибири посредством наборов в сословие служилых людей. Во временной динамике выражена тенденция к ослаблению восточных (монголоидных) особенностей, что говорит об увеличении доли европейского населения в составе горожан. При межгрупповом сравнении по ведущему в этнической антропологии комплексу зубных фенотипов серия Покровского некрополя Красноярска с полной очевидностью находится в совокупности выборок русского православного населения нового и новейшего времени, распространенных по обе стороны Урала в бассейнах Волги, Оби, Иртыша. Максимальную близость изученная серия обнаружила с выборкой населения из христианских захоронений города Чебоксары XVI–XVII вв. (СТР = 0,32), а из сибирских групп — с этнически русской современной выборкой среднего течения р. Чулым, полученной в 1980 году в Тегульдетском районе Томской области.

Аналогичная временная динамика антропологического состава коренного населения (независимо от этнического самоопределения) документирована в современных популяциях соседних территорий Западной Сибири, а именно — в Среднем Приобье с тюркским (хакасы–кызыльцы и чулымцы) и уральским (селькупы) автохтонным населением. Сельские, этнически русские популяции по рекам Чулым, Кеть, Обь и Тым, при общей европейской характеристике, также имеют слабые, но определенные признаки включения в свой состав аборигенного дославянского населения переходной европеоидно–монголоидной контактной зоны.

Благодарность

Выражаю свою глубокую благодарность сотруднице Красноярского государственного медицинского университета Савенковой Татьяне Михайловне за отличную сохранность коллекции, всемерную помощь и поддержку во время работы.

Научная литература

- Аксянова Г. А. Одонтология // Тюрки таежного Причумылья (популяция и этнос). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 200–209.
- Аксянова Г. А. Южные селькупы, чулымские тюрки и русские Сибири: межэтнические контакты и антропологические следствия к концу XX века // Человек: его биологическая и социальная история. Т. 1. М. – Одинцово: Одинцовский гум. ин-т, 2010. С. 229–235.
- Аксянова Г. А. Межнациональное смешение как фактор формирования новой реальности (на примере Закавказья и Западной Сибири) // Межд. науч. конф. «Население юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Сб. статей. (26–30 августа 2013 г. Ростов–на–Дону. Россия). Ростов–н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013а. С. 100–102.
- Аксянова Г. А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии, 2013б. № 1(23). С. 20–58.
- Аксянова Г. А. Одонтоглифическое направление в зубной антропологии // Вестник антропологии, 2013в. № 4(26). С. 88–106.
- Аксянова Г. А. Одонтология метисных популяций (на примере русских старожилов Якутии) // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики: (VI Алексеевские чтения). Материалы Всерос. научно–практич. конф. 5–10 октября 2015 г. Санкт-Петербург. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 3–7.
- Аксянова Г. А. Некоторые наблюдения о состоянии зубной системы у жителей села Изюк в Омском Прииртышье (XVII–XIX вв.) // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI Межд. научной конф., Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020а. Вып. 6. С. 277–282.
- Аксянова Г. А. Первые поколения русского населения в Омском Прииртышье XVII–XIX вв. по данным одонтологии // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020б. № 68. С. 139–144.
- Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). ТИЭ. Нов. сер. Т. 87. М.: Наука, 1964. 303 с.
- Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XVIII века). Красноярск: Изд-во КГУ, 1990. 304 с.
- Вацаева В. Ф. Одонтологическая характеристика русских западных и северо–западных областей РСФСР // Вопросы антропологии, 1977а. Вып. 56. С. 102–111.
- Вацаева В. Ф. Одонтологическая характеристика русских центральных, южных и северных областей европейской части РСФСР // Вопросы антропологии, 1977б. Вып. 57. С. 133–142.
- Воронина В. Г., Вацаева В. Ф. Приморье // Этническая одонтология СССР. Гл. VI. Народы Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1979. С. 212–228.
- Гравере Р. У. Этническая одонтология латышей. Рига: Зинатне, 1987. 240 с.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 204 с.
- Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов (Библиотека «Вестника антропологии»). М.: ИЭА РАН, 2006. 70 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтологические данные по нескольким финноязычным народам в связи с их происхождением // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 51–54.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 232 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 226 с.
- Лейбова Н. А., Пежемский Д. В. Население Албазинского острога по данным антропологических исследований // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Гл. 2.6. С. 193–224.

- Очерки интегративной антропологии: монография / Отв. ред. В. Г. Николаев. Красноярск: КрасГМУ, 2015. С. 235–248.
- Павлов Н. П. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1974. 237 с.
- Рейс Т. М., Михайлова Л. В. Исторические и экстремальные факторы в формировании первого населения г. Красноярска (по антропологическим материалам Покровского некрополя, XVII–XVIII вв.) // V Конгресс этнографов и антропологов России, Омск, 9–12 июня 2003 г. М.: Ассоциация этнографов и антропологов России, 2003. С. 256.
- Рейс Т. М., Смушко С. Ю. Антропологическая характеристика первопоселенцев Красноярского острога XVII–XVIII вв. по материалам некрополя Покровской церкви // Экология и демография человека в прошлом и настоящем: тез. третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева (Москва, 15–17 ноября 2004 г.). М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 208–209.
- Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 223 с.
- Тарасов А. Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток–Омск, 2000. С. 192–194.
- Савенкова Т. М., Смушко С. Ю. К вопросу о составе населения красноярского острога по крадиометрическим данным // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы Международной научной конференции, Красноярск 27–30 сентября 2017 г. Красноярск, 2017. С. 199–202.
- Славянские народы европейской части СССР. Русские // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. Гл. I. С. 9–31. (Авторы: Аксянова Г. А., Зубов А. А., Пескина М. Ю., Сегеда С. П., Халдеева Н. И.).
- Суворова Н. А. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Вестник антропологии, 2007. Вып. 15 (часть II). С. 378–393.
- Харламова Н. В. Одонтологический материал XVI–XVIII вв. из христианских погребений Казанского Кремля // Вестник антропологии, 2007. Вып. 15 (часть II). С. 419–425.
- Харламова Н. В. Одонтологическая характеристика населения Нижнего Новгорода XVII в. // Материалы конференции «Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях». Барнаул, 2009. С. 250–252.
- Харламова Н. В. Средневековое население Поволжья по данным одонтологии // Этнографическое обозрение, 2010а. № 5. С. 79–88.
- Харламова Н. В. Одонтология тверского населения XVI–XVIII веков // Вестник Московского ун-та. Серия XXIII Антропология, 2010б. № 1. С. 91–94.
- Харламова Н. В., Лейбова Н. А. (Суворова), Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Одонтологическая и остеологическая характеристики населения Иркутска XVIII — начала XIX вв. (по материалам некрополей) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология», 2015. Т. 12. С. 110–131.
- Этническая одонтология СССР. [Г. А. Аксянова, А. А. Зубов, С. П. Сегеда и др.; Отв. ред. А. А. Зубов, Н. И. Халдеева]. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Dabernat H., Reis T. M., Tarasov A. Yu., Artyukhov I. P., Nikolaev V. G., Medvedeva N. N., Gavriljuk O. A., Nikolaev M. V., Crubezy E. Paleopathology of the population of Krasnoyarsk, Central Siberia (Pokrovskiy and Voskresensko-Preobrazhenskiy cemeteries of the 17th — early 20th centuries) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2013. Vol. 41 (3). P. 140–150.
- Kabbani T., Fischer-Brandies H., Rshheadat Y., Orthuber W. Skeletal and dentofacial features in patients with isolated maxillary lateral incisor agenesis (MLIA) // Int. J. Dentistry & Oral Health, 2021. Vol. 7. Is. 8. P. 74–85.
- Moss M. L. The primary role of functional matrices in facial growth // Am. J. Orthodontics, 1969. Vol. 55. P. 556–565.

Roald K. L., Wisth P. J., Boe O. E. Changes in craniofacial morphology of individuals with hypodontia between the ages of 9 and 16 // *Acta Odontologica Scandinavica*, 1982. Vol. 40. P. 65–74.

Yüksel S., Üçem T. The effect of tooth agenesis on dentofacial structures // *Eur J. Orthodontics*, 1997. Vol. 19. P. 71–78. <https://doi.org/10.1093/ejo/19.1.71>

References

Aksyanova, G. A. 1991. Odontologiya [Odontology]. In *Tiurki taezhnogo Prichulyum'ia (populatsiia i etnos)* [Turks of the taiga Chulyum region (population and ethnos)], 200–209. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Aksyanova, G. A. 2010. Yuzhnye sel'kupy, chulymskie tiurki i russkie Sibiri: mezhetnicheskie kontakty i antropologicheskie sledstviia k kontsu XX veka [Southern Selkups, Chulyum Turks and Russians of Siberia: Interethnic Contacts and Anthropological Consequences by the End of the 20th Century]. In *Chelovek: ego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya* [Man: his biological and social history], 1: 229–235. Moscow–Odintsovo: Odintsovskii humanitarnii institute.

Aksyanova, G. A. 2013a. Mezhnatsional'noe smeshenie kak faktor formirovaniia novoi real'nosti (na primere Zakavkaz'ia i Zapadnoi Sibiri) [Interethnic mixing as a factor in the formation of a new reality (on the example of Transcaucasia and Western Siberia)]. In *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Naselenie iuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei" (Donskie antropologicheskie chteniia). Sbornik statei. (26–30 avgusta 2013 g. Rostov-na-Donu. Rossiia)* [Int. scientific conf. "The population of the south of Russia from ancient times to the present day" (Don Anthropological Readings). Digest of articles. (August 26–30, 2013 Rostov-on-Don, Russia)], 100–102. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN.

Aksyanova, G. A. 2013b. Proiskhozhdenie ketov po dannym antropologii: istoriya voprosa, novye materialy [The origin of the Kets according to anthropology: background, new materials]. *Vestnik antropologii* 1 (23): 20–58.

Aksyanova, G. A. 2013v. Odontoglyficheskoe napravlenie v zubnoi antropologii [Odontoglyphic direction in dental anthropology]. *Vestnik antropologii* 4 (26): 88–106.

Aksyanova, G. A. 2015. Odontologiya metisnykh populatsii (na primere russkikh starozhilov Iakutii) [Odontology of the mixed population (on the example of the Russian old-timers of Yakutia)]. In *Paleoantropologicheskie i bioarkheologicheskie issledovaniia: traditsii i novye metody: (VI Alekseevskie chteniia). Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 5–10 oktiabria 2015 g. Sankt-Peterburg* [Paleoanthropological and bioarchaeological research: traditions and new methods: (VI Alekseevsky readings). Materials of the all-Russian scientific-practical conf. October 5–10, 2015 St. Petersburg], 3–7. St. Petersburg: MAE RAN.

Aksyanova, G. A. 2020a. Nekotorye nabliudeniia o sostoianii zubnoi sistemy u zhitel'ei sela Iziuk v Omskom Priirtysh'e (XVII–XIX vv.) [Some observations on the state of the dental system of the inhabitants of the village of Izyuk in the Omsk Irtysh region (17–19 centuries)]. In *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy VI Mezhd. nauchnoi konf., Tiumen', 2–6 noiabria 2020 g. / Otv. red. N. P. Matveeva, N. E. Riabogina* [Ecology of ancient and traditional societies. Materials VI Int. Scientific Conf., Tyumen, November 2–6, 2020 / Eds. N. P. Matveeva, N. E. Ryabogina]. Vol. 6: 277–282. Tiumen': Izdatel'stvo TiumNTs SO RAN.

Aksyanova, G. A. 2020b. Pervye pokoleniia russkogo naseleniia v Omskom Priirtysh'e XVII–XIX vv. po dannym odontologii [The first generations of the 17–19th centuries Russian population in the Omsk Irtysh region according to dental anthropology]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Istoriia* 68: 139–144.

Aleksandrov, V. A. 1964. *Russkoe naselenie Sibiri XVII — nachala XVIII vv. (Eniseiskii kraj)* [Russian population of Siberia in the 17th — early 18th centuries (Yenisei Territory)]. TIE. Nov. ser. Vol. 87. Moscow: Nauka.

Bykonja, G. F., Fedorova, V. I., and L. P. Berdnikov. 1990. *Krasnoiarsk v dorevoliutsionnom proshlom (XVII–XVIII veka)* [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past (XVII–XVIII centuries)]. Krasnoiarsk: Izdatel'stvo KGU.

Dabernat H., Reis T. M., Tarasov A. Yu., Artyukhov I. P., Nikolaev V. G., Medvedeva N. N., Gavrilyuk O. A., Nikolaev M. V., Crubezy E. 2013. Paleopathology of the population of Krasnoyarsk, Central Siberia (Pokrovskiy and Voskresensko-Preobrazhenskiy cemeteries of the 17th — early 20th centuries). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 41 (3): 140–150.

Gravere, R. U. 1987. *Etnicheskaia odontologiya latyshei* [Ethnic odontology of Latvians]. Riga: Zinatne.

Kabbani T., Fischer-Brandies H., Rshadat Y., Orthuber W. 2021. Skeletal and dentofacial features in patients with isolated maxillary lateral incisor agenesis (MLIA). *Int. J. Dentistry & Oral Health*. 7 (Is. 8): 74–85.

Kharlamova, N. V. 2007. Odontologicheskiy material XVI–XVIII vv. iz khristianskikh pogrebenii Kazanskogo Kremliia [Odontological material of the 16th–18th centuries from Christian burials of the Kazan Kremlin]. *Vestnik antropologii* 15 (Pt. II): 419–425.

Kharlamova, N. V. 2009. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniia Nizhnego Novgoroda XVII v. [Odontological characteristics of the population of Nizhny Novgorod in the 17th century]. In *Materialy konferentsii "Rol' estestvennonauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniakh"* [Proceedings of the conference "The role of natural science methods in archaeological research"], 250–252. Barnaul.

Kharlamova, N. V. 2010a. Srednevekovoe naselenie Povolzh'ia po dannym odontologii [Medieval population of the Volga region according to odontology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 79–88.

Kharlamova, N. V. 2010b. Odontologiya tverskogo naseleniia XVI–XVIII vekov [Odontology of the Tver population of the 16th–18th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII Antropologiya* 1: 91–94.

Kharlamova, N. V., Leibova N. A. (Suvorova), Berdnikov I. M. and N. E. Berdnikova. 2015. Odontologicheskaya i osteologicheskaya kharakteristika naseleniia Irkutskaya XVIII — nachala XIX vv. (po materialam nekropolei) [Odontological and osteological characteristics of the population of Irkutsk in the 18th — early 19th centuries (based on materials from necropolises)]. In *Izvestiya Irkutskogo gos. universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"*. Vol. 12: 110–131.

Leibova N. A., Pezhemskii D. V. 2019. Naselenie Albazinskogo ostroga po dannym antropologicheskikh issledovaniy [The population of the Albazinsky prison according to anthropological research]. In *Albazinskii ostrog: Istoriia, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ia* [Albazinsky prison: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Chapter 2.6: 193–224. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN.

Moss M. L. 1969. The primary role of functional matrices in facial growth. In *Am. J. Orthodontics*. 55: 556–565.

Nikolaev, V. G. (Ed.). 2015. *Ocherki integrativnoi antropologii: monografiia / Otv. red. V. G. Nikolaev*. [Essays on integrative anthropology: monograph / Ed. V. G. Nikolaev. 2015], 235–248. Krasnoyarsk: KrasGMU.

Pavlov, N. P. 1974. *Promyslovaia kolonizatsiia Sibiri v XVII veke* [Commercial colonization of Siberia in the 17th century]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo KGPI.

Reis, T. M., and L. B. Mikhailova. 2003. Istoricheskie i ekstremal'nye faktory v formirovaniy perovogo naseleniia g. Krasnoiarska (po antropologicheskim materialam Pokrovskogo nekropolia, XVII–XVIII vv.) [Historical and extreme factors in the formation the first population of the city of Krasnoyarsk (based on anthropological materials of the Pokrovsky necropolis, XVII–XVIII centuries)]. In *V Kongress etnografov i antropologov Rossii, Omsk, 9–12 iunija 2003 g.* [V Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia, Omsk, June 9–12, 2003], 256. Moscow: Assotsiatsiia etnografov i antropologov Rossii.

- Reis, T. M., and S. Yu. Smushko. 2004. Antropologicheskaya kharakteristika pervoposelentsev Krasnoyarskogo ostroga XVII–XVIII vv. po materialam nekropolia Pokrovskoi tserkvi [Anthropological characteristics of the first settlers of the Krasnoyarsk prison of the XVII–XVIII centuries based on the materials of the necropolis of the Pokrovsky Church]. In *Ekologiya i demografiya cheloveka v proshlom i nastoiashchem: tez. tret'ikh antropologicheskikh chtenii k 75-letiiu so dnia rozhdeniia akad. V. P. Alekseeva (Moskva, 15–17 noiabria 2004 g.)* [Ecology and demography of man in the past and present: abstract. third anthropological readings on the occasion of the 75th anniversary of the birth of Acad. V. P. Alekseev (Moscow, November 15–17, 2004)], 208–209. Moscow: Entsiklopediia rossiiskikh dereven'.
- Roald K. L., Wisth P. J., Boe O. E. 1982. Changes in craniofacial morphology of individuals with hypodontia between the ages of 9 and 16. *Acta Odontologica Scandinavica*. 40: 65–74.
- Savenkova, T. M., and S. Yu. Smushko. 2017. K voprosu o sostave naseleniia krasnoyarskogo ostroga po kraniometricheskim dannym [On the question of the composition of the population of the Krasnoyarsk prison according to craniometric data]. In *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii, etnografii i istorii Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Krasnoyarsk 27–30 sentiabria 2017 g.* [Interdisciplinary research in archeology, ethnography and history of Siberia: Proceedings of the International Scientific Conference, Krasnoyarsk September 27–30, 2017], 199–202. Krasnoyarsk.
- Slavianskie narody evropeiskoi chasti SSSR. Russkie. 1979 [Slavic peoples of the European part of the USSR. Russians. 1979]. In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Chapter I: 9–31. Moscow: Nauka. (by G. A. Aksyanova, A. A. Zubov, M. Yu. Peskina, S. P. Segeda, N. I. Khaldeeva).
- Stepanov, A. P. 1997. *Eniseiskaia guberniia* [Yenisei province]. Krasnoyarsk: Gornitsa.
- Suvorova, N. A. 2007. Odontologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniia g. Dmitrova Moskovskoi oblasti [Odontological characteristics of the medieval population of Dmitrov, Moscow region]. *Vestnik antropologii* 15 (Pt. II): 378–393.
- Tarasov, A. Yu. 2000. Istoricheskie nekropoli Krasnoyarska XVII–XVIII vv. [Historical necropolises of Krasnoyarsk in the 17th–18th centuries]. In *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research], 192–194. Vladivostok–Omsk.
- Vashchaeva, V. F. 1977a. Odontologicheskaya kharakteristika russkikh zapadnykh i severo-zapadnykh oblastei RSFSR [Odontological characteristics of the Russians in the western and north-western regions of the RSFSR]. *Voprosy antropologii* 56: 102–111.
- Vashchaeva, V. F. 1977b. Odontologicheskaya kharakteristika russkikh tsentral'nykh, iuzhnykh i severnykh oblastei evropeiskoi chasti RSFSR [Odontological characteristics of the Russians in the central, southern and northern regions of the European part of the RSFSR]. *Voprosy antropologii* 57: 133–142.
- Voronina, V. G., and V. F. Vashchaeva. 1979. Primor'e [Primorye]. In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR] VI. Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka: 212–228. Moscow: Nauka.
- Yüksel S., Üçem T. 1997. The effect of tooth agenesis on dentofacial structures. In *Eur. J. Orthodontics*. 19: 71–78. <https://doi.org/10.1093/ejo/19.1.71>
- Zubov, A. A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A. 1973. *Etnicheskaya odontologiya* [Ethnic odontology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov (Biblioteka "Vestnika antropologii")* [Toolkit for anthropological analysis of odontological materials (Library of the Bulletin of Anthropology)]. Moscow: IEA RAN.
- Zubov, A. A. and N. I. Khaldeeva. 1974. *Odontologicheskie dannye po neskol'kim finnoiazychnym narodam v svyazi s ikh proiskhozhdeniem* [Odontological data on several Finnish-speaking peoples in connection with their origin]. In *Etnogenez finno-ugorskikh narodov po dannym an-*

- tropologii* [Ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples according to anthropology], 51–54. M.: Nauka.
- Zubov, A. A., and N. I. Khaldeeva. 1989. *Odontologiya v sovremennoi antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A., and N. I. Khaldeeva. 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A., and N. I. Khaldeeva (Ed.). 1979. *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/306-321

Научная статья

© *Ульрике Лёч, Ю. В. Пеленицына, Юте Бринкер, Барбара Тессманн, Михаэль Шульц, Анна-Мария Бегерок*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ЧЕРЕПА ИЗ ПАПЬЕ-МАШЕ В НЕМЕЦКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ

Антропологические коллекции научных центров и музеев весьма обширны во всем мире. История их возникновения довольно схожа: начиная с XIX в. эти коллекции появляются и разрастаются в разных уголках мира. К сожалению, фиксация всех архивных данных велась недостаточно точно, поэтому проследить передачи антропологических материалов в зарубежные коллекции довольно сложно. В данной статье рассматриваются происхождение и обстоятельства приобретения копии черепа из Южной Америки, из хранилища Института анатомии Медицинского университета г. Росток (Германия). В процессе расследования происхождения этого экспоната обнаруживаются интересные данные, касательно производства копий черепов и обмена ими между различными странами и даже Частями Света. Феномен изготовления реплик из папье-маше, необычного материала для изготовления копий черепов, и привел авторов к созданию настоящей статьи.

В статье впервые публикуются документы о контактах российских антропологов с европейскими учеными в прошлые века. Ключевой фигурой здесь выступает российский антрополог Анатолий Петрович Богданов (1834–1896), один из основных создателей уникальной коллекции черепов, происходящих из различных мест Российской Империи и не только, находящейся сейчас в НИИ и Музее антропологии МГУ. Определенное внимание в статье уделено воссозданию методов изготовления копий черепов, применявшихся в те времена российскими антропологами. Статья основана на оригинальном исследовании авторов для немецкого научного журнала DAS ALTERTUM.

Лёч Ульрике — д-р. филос. наук, научный сотрудник, Йенский университет и университетская больница, Институт Анатомии I /Анатомической коллекции (07743 Йена, Германия, Теихграбен 7). Эл. почта: Ulrike.Loetzsch@med.uni-jena.de

Пеленицына Юлия Вадимовна — стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (119334 Москва, Ленинский пр., д. 32а). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

Бринкер Юте — магистр-антрополог (23966 Висмар, Германия, Ам-Лобберг 4). Эл. почта: ute.brinker@web.de

Тессманн Барбара — сотрудник кафедры доисторической археологии, Свободный университет Берлина (14195 Берлин, Германия, Фабекштрассе, 23). Эл. почта: barbaratessmann@gmx.de ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3122-4707>

Шульц Михаэль — профессор, Геттингенский университет (37073 Геттинген, Германия, Вильгельмсплац, 1). Эл. почта: mschult1@gwdg.de

Бегерок Анна-Мария — д-р. филос. наук, научный сотрудник кафедры истории медицины, Институт анатомии медицинского центра Росток (18057 Росток, Германия, Гертруденштрассе, 9). Эл. почта: abegerock.iecim@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3630-616X>

Ключевые слова: *реплики черепов, папье-маше, Южная Америка*

Ссылка при цитировании: *Лёч У., Пеленицына Ю. В., Бринкер Ю., Тессманн Б., Шульц М., Бегерок А.-М. Антропологическое исследование: черепа из папье-маше в немецких коллекциях // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 306–321.*

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/306-321

Original Article

© *Ulrike Löttsch, Y. V. Pelenitsyna, Ute Brinker, Barbara Teßmann, Michael Schultz, Anna-Maria Begerock*

ANTHROPOLOGICAL INVESTIGATION: PAPIER-MACHE SKULLS IN GERMAN COLLECTIONS

Anthropological collections in scientific centers and museums are extensive all over the world. The history of their origin is usually quite similar: since the XIX century, these collections have been appearing and growing in different parts of the world. Unfortunately, the archival data is not always recorded accurately enough, so it can be rather difficult to trace the transfer of anthropological materials to foreign collections. This article discusses the origin and circumstances of acquisition of a skull copy from South America, found in the storage of the Institute of Anatomy of the Rostock University Medical Center (Germany). In addition, it provides the data concerning the production and transfer of copies from different parts of the world. This investigation was inspired by the replicas made of papier-mâché, an unusual material for making anthropological copies.

The article reveals documents that describe the joint activities of Russian and European anthropologists, and the key figure in it is Russian anthropologist Anatoli P. Bogdanov. It also focuses on recreating the methods of making skull replicas applied by Russian anthropologists at that time. The article is based on the authors' original research for the German scientific journal DAS ALTERTUM.

Keywords: *replicas of skulls, papier-mâché, South America*

Author Info: Löttsch, Ulrike — Ph.D., Research Assistant, University of Jena and University Hospital, Institute of Anatomy I / Anatomical Collection (07743 Jena, Germany, Teichgraben 7). **E-mail:** Ulrike.Loetzsch@med.uni-jena.de

Pelenitsyna, Yulia Vadimovna — trainee researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). **E-mail:** j.pelenitsyna@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-9151>

Brinker, Ute — M.A., anthropologist (23966 Wismar, Germany, Am Lohberg 4). **E-mail:** ute.brinker@web.de

Teßmann, Barbara — Institut für Prähistorische Archäologie Department, Freie Universität Berlin (14195 Berlin, Germany, Fabeckstraße 23). **E-mail:** barbaratessmann@gmx.de ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3122-4707>

Schultz, Michael — professor, University of Göttingen (37073 Göttingen, Germany, Wilhelmsplatz 1). E-mail: mschult1@gwdg.de

Begerock, Anna-Maria — Ph.D., Scientific Assistant in Department of the History of Medicine, Institute of Anatomy Rostock Medical Centre (18057 Rostock, Germany, Gertrudenstraße, 9). E-mail: abegerock.iecim@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3630-616X>

For Citation: Löttsch Ulrike, Pelenitsyna Y. V., Brinker Ute, M. A., Teßmann Barbara, Schultz Michael, Begerock Anna-Maria. 2022. Anthropological investigation: skulls from papier-mache in German collections. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 306–321.

Введение

В Институте анатомии Ростoka (Universitätsmedizin Rostock — Institut für Anatomie) в настоящее время изучается происхождение и обстоятельства приобретения неевропейских коллекций черепов. Этот проект, одобренный Немецким центром утраты культурных ценностей в 2020 году, расположен в рабочей области Медицинского университета Ростoka. В проекте исследуются 40 черепов и 14 гипсовых слепков черепов на предмет их происхождения. Созданные в 1872 году медиком Фридрихом Меркелем (1845–1919), как «расовая коллекция черепов», они послужили изучению этого предмета антропологии. Статья основана на оригинальном исследовании авторов для немецкого научного журнала DAS ALTERTUM (Löttsch 2022: 43–70).

В приведенной статье рассматривается происхождение одного черепа под номером Ce 16, в котором «С» — сокращение для черепа (cranium) и «е» для Америки

Рис. 1. Копия черепа из папье-маше Ce 16 из Института Ростoka
Figure 1. Copy of the papier-mache Ce 16 skull from the Rostock Institute

(рис. 1). Иных архивных сведений не найдено. В соответствии с формой это копия человеческого черепа, сделанная не из гипса, пластика или керамики. Именно необычный материал делает этот череп из коллекции особенным, из-за чего и было начато исследование, являющееся предметом настоящей статьи.

Поскольку никакой информации о Ce 16 не было известно, копия была подвергнута краниологическому исследованию. Ce 16 весит всего 460 граммов, что значительно меньше, чем вес настоящего черепа. Гипсовые слепки, существующие в Ростoke, также значительно тяжелее: геттингенские слепки весят в среднем 1281 грамм, а лейденские — 817 граммов. Текстура копии, а также легкость объекта свидетельствуют о том, что в качестве материала используется папье-маше. Данная копия морфологически детализирована и имеет гладкую, почти неповрежденную поверхность. Сегодня она выглядит слегка зеленоватой, а на местах стертости белая. Нижняя челюсть черепа была сформирована отдельно и прикреплена к черепу с помощью металлической пружины. Прослеживается некоторый прогнатизм верхней челюсти, нижняя челюсть обладает низкими и широкими ветвями. Все зубы присутствуют, кроме выпавшего при жизни второго нижнего левого моляра.

Оценка возраста не может быть точно проведена, потому что соответствующие характеристики четко не видны на копии, но явное стирание зубов указывает на взрослого человека (Brothwell 1981). Четкое определение пола невозможно. В инвентарной книге (созданной около 1880 года и обновляемой до 1938 г.) не содержится информации о коллекционере или конкретном месте происхождения оригинала черепа Ce 16, но есть примечание о том, что оригинальный череп мог быть из Южной Америки. Особая форма черепа делает это вероятным. Лобная и затылочная кости искусственно деформированы и сплюснены, причем мозговая часть черепа в целом узкая и вытянута назад вверх. Это так называемая круговая деформация черепа, вызванная специальной кольцевой повязкой, накладываемой на голову в младенчестве (O'Brien 2013: 459–470, Tiesler 2014). Такая деформация головы существовала, в частности, в доиспанской Южной Америке (Begerock 2011: 233–238). Череп также асимметричен; верхняя левая половина черепа более плоская (в области лобной и передней части теменной костей, с другой стороны, более выпуклая в задней части теменной кости и в области затылочной чешуи), чем правая. Лоб узкий и сильно убегает назад; глабелла и надбровные дуги мало выступают.

Копия черепа Ce 16 является единственной в Ростoke, изготовленной из папье-маше.

Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории

Первый координационный центр для возможных сравнительных образцов черепа из папье-маше в Ростoke Ce 16 — это Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории (Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte (BGAEU)), в коллекции которого на сегодняшний день находится около 3500 черепов. Согласно базе данных университета, 31 череп происходит из российских коллекций: 3 из исследованных с идентичными этикетками, на которых отправителем числится А. П. Богданов. Также указывается принадлежность черепа: «Université Impériale de Moscou» (Рис. 2). Анатолий Петрович Богданов (1834–1896), работавший профессором в Московском государственном университете, подарил эти копии BGAEU в 1878 году (Bogdanov 1878: 220–221).

Рис. 2. Копия черепа из папье-маше из коллекции А. П. Богданова, BGAEU
 Figure 2. A copy of a papier-mache skull from the collection of A. P. Bogdanov, BGAEU

Однако с образцом Се 16 копии черепов из Берлинской коллекции, кроме материала, имеют мало общего: ни одна из них не передает четко форму и структуру черепа. Отличаются и регионы происхождения черепов: реплики, подаренные в немецкие коллекции А. П. Богдановым, были сделаны на основании черепов из раскопок с территории Российской империи. Кроме того, темно-коричневая окраска реплик из папье-маше от BGAEU заметно отличается от довольно зеленоватого оттенка Се 16.

Три интересные находки в Йене

Новую находку удалось обнаружить в Анатомической коллекции Йенского университета им. Фридриха Шиллера (Die Friedrich-Schiller-Universität Jena). На запрос из Ростка с прилагаемыми фотографиями черепа Се 16 из папье-маше, был получен ответ о присутствии в коллекции копии черепа с инвентарным номером OCP 209: хотя в воссозданном человеческом черепе отсутствует нижняя челюсть, он поразительно напоминает ростокский образец по своему зеленовато-коричневому цвету и детальной проработке (Рис. 3). Он также значительно деформирован и изготовлен из очень тонкого и легкого материала, похожего на папье-маше. В каталоге коллекций Йены за 1990-е гг. OCP 209 зарегистрирован как искусственный череп без какой-либо дополнительной информации; это дало повод к рассмотрению старых коллекционных документов.

В последнем из просмотренных каталогов, наконец удалось найти запись, связанную с событиями 1879 г., когда великий герцог Карл Александр Саксен-Веймар-Эйзенахский подарил для Анатомической коллекции Йены слепок искусственно

Рис. 3. Копия черепа из папье-маше OCP 209 из Йенского университета им. Фридриха Шиллера
 Figure 3. Copy of a papier-mache OCP 209 skull from Friedrich Schiller University of Jena

Рис. 4. Изображение копии черепа OCP 209 в трудах Ленхоссека (Lenhossék 1878)
 Figure 4. Image of a copy of the OCP 209 skull in the works of Lenhossék (Lenhossék 1878)

Рис. 5. Копии фрагментов скелета и черепа О-Р 042 в Йенском университете им. Фридриха Шиллера

Figure 5. Copies of skeleton and skull fragments O-P 042 in Friedrich Schiller University of Jena

деформированного макроцефального черепа из венгерского Чонграда, который был описан в 1878 г. (Lenhossék 1878). К записям прилагаются рисунки оригинального черепа, которые демонстрируют четкое соответствие с ОСР 209 (Рис. 4). Таким образом, реплика снова вписывается в наш контекст. Довольно легкий вес — всего 592 грамма (без нижней челюсти) и отсутствие слитых швов на внутренней стороне искусственного черепа говорят о том, что ОСР 209 сделан из папье-маше.

Однако в старом каталоге он обозначен как гипсовое изделие; тогда тонкостенная обработка и малый вес слепка были бы обусловлены производством копии методом полого литья путем быстрого вращения кожуха с формой при заливке жидкой гипсовой смесью. Сведений о производителе копии нет. Таким образом, для начала остается только отметить, что вес, качество изготовления и окраска довольно схожи у двух копий из Ростка и Йены. Но реплики черепов настолько сильно различаются

по типу деформации и морфологии, что можно полностью исключить вероятность их изготовления на основе одного и того же оригинального черепа.

В исторических каталогах коллекций в Йене также содержится информация о еще двух черепах из папье-маше. Под номером 1108/435 зарегистрирован «Череп уроженца западного побережья Южной Америки (Algodon Bay в Боливии)» из папье-маше. Имя поставщика и датировка не указаны, но, согласно номеру, эта копия должна была попасть в коллекцию между 1860 и 1864 гг. Кроме черепа и части нижней челюсти найдены зуб и фрагменты плечевых костей — все искусственные, темно-коричневого цвета (Рис. 5). В каталоге коллекций 1990-х годов находка обозначена как О-Р 042. На фрагментах нет старого номера или другой надписи.

Второй череп, значащийся в каталоге Йены под номером 2129/128, снабжен записью: «Череп (из папье-маше) из Algodon Bay в Боливии (из коллекции Бибры)», с нижней челюстью, «Дар господина т[айного] С[овета] Проф[Профессора] Рида». На самом деле, в коллекции Йены представлен череп из папье-маше с инвентарным номером ОСР 196 (Рис. 6), на оборотной стороне которого от руки нанесен чернилами и отчетливо различим старый номер 2129/128. Череп имеет легкий вес — 489 грамм (без нижней челюсти).

По форме и цвету находки под номером О-Р 042 (1108/435) можно заключить, что копия была изготовлена на основе оригинального черепа, который был сломан. По-

Рис. 6. Копия черепа из папье-маше ОСР 196 из Йенского университета им. Фридриха Шиллера

Figure 6. Copy of a papier-mache OCP 196 skull from Friedrich Schiller University of Jena

этому, для сопоставления с репликой из Ростока подходит только первая найденная копия ОСР 196. На первый взгляд, она мало похожа на череп из Ростока: ее гипсовая поверхность яркая, сильно протертая и частично отслоенная, так что становится видна серая структура некрашеного гипса, в некоторых местах можно увидеть коричневатый цвет, в который вероятно был выкрашен весь череп. Нет ни подписи, ни этикетки, ни таблички, которые могли бы пролить свет на производителя или поставщика. Хотя для черепа из Йены нет подходящей нижней челюсти, все равно бросается в глаза необычная деформация, а также изношенность зубов верхней челюсти. Все это напоминает образец из Ростока. Может быть, это копии одного и того же человеческого черепа? Чтобы прояснить этот вопрос, обе находки были подвергнуты краниометрическим измерениям.

Также оставалась возможность обратиться к историческим документам в Йене, из которых мы надеялись что-то узнать об оригинальных черепах.

Поиск оригинальных черепов

В инвентарной книге краниологической коллекции в Йене указано: «из коллекции Бибры». Удалось узнать, что Эрнст фон Бибра (1806–1878) побывал в Бразилии, Боливии и Чили в 1849 г. и, помимо научных записей, привез с собой обширный антропологический «материал».

В феврале 1851 года он представил в Императорскую академию наук в Вене подробный отчет о месте своих исследований в Боливии (*Bibra* 1852: 75–116). В нем он, среди прочего, написал, как он открыл различные курганы возле древних человеческих поселений на озере Титикака и обнаружил в них скелетные останки в положении на корточках.

О черепах он пишет: «вся капсула черепа вытянута назад и вверх, лоб исключительно узок и резко отклоняется назад от глабеллы и надбровных дуг, однако последние не выделяются особенно сильно. Теменные кости отодвинуты далеко назад, а затылочная кость несколько сглажена. Оба черепа очень узкие. (...) Носовые кости сильно развиты, глазницы большие и округлые, скуловые кости не особенно большие и довольно прямые. (...) Обе нижние челюсти крепкие и сильные. Любопытно сильное изнашивание зубных коронок (...) Резцы широкие и лопатообразные. (...)» –Бибра пришел к выводу, что черепа были «отнесены к древнеперуанской расе, аймара или тому древнему народу (...), который предпочтительно населял район вокруг озера Титикака» (*Bibra* 1852: 112). В своей статье 1874 г. он указал, что все его находки Боливии все еще находились в его владении (*Bibra* 1874: 152–166). Однако можно предположить, что после его смерти коллекции обрели новых владельцев. Фактически, по крайней мере три черепа из Боливии перечислены в инвентаре Королевского зоологического музея в Дрездене (*Des Königliches Zoologisches Museum Dresden*): два полных черепа под инвентарными номерами 1376 (череп I) и 1398 (череп II) и один из сломанных черепов под номером 1399 (череп 1399 далее не рассматривается) (*Meyer* 1878: 325–348).

Морфологическое и метрическое сравнение черепов из папье-маше Се 16 в Ростоке и ОСР 196 в Йене теперь предназначено для того, чтобы доказать действительно ли две копии черепа воссоздают один и тот же череп, а также выяснить, является ли один череп из Боливии оригиналом вышеприведенных реплик.

Сравнение двух черепов из папье-маше из Йены и Ростока с черепами, из коллекции Бибры, показывает, что череп 1398 (череп II) не может быть оригиналом копий из-за отличающейся формы (*Рис. 7, I и Ia*). У черепа наблюдаются более выраженные сосцевидные отростки и большие расстояния между альвеолами, у копий же данных признаков нет. Однако череп 1376 (череп I) морфологически очень близок к копиям (*Рис. 7, II и IIa*).

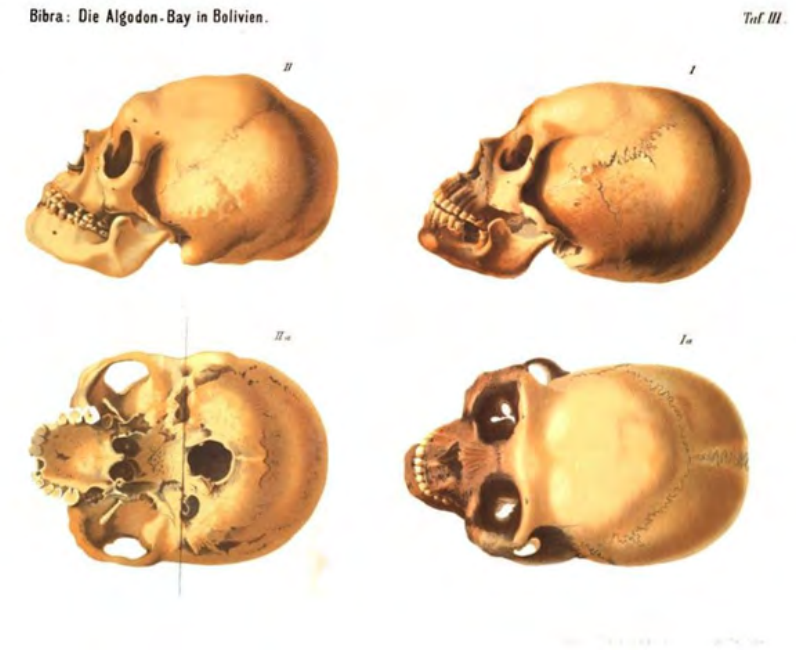

Рис. 7. Черепа из Боливии.

I и Ia — оригинальный череп 1376, II и IIa — оригинальный череп 1398

Figure 7. Skulls from Bolivia.

I and Ia — original skull 1376, II and IIa — original skull 1398

Сопоставимы форма лобной кости, форма сплюснутая затылочная часть, протяженность швов, выступающий лицевой череп, отличительная форма скуловых дуг. Особенности формы черепа, такие как асимметрия черепа, уже описанная выше, увеличение гребня и искусственное деформирование Ростоковского черепа из папье-маше, также встречаются на экземпляре из Йены, а также вытекают из современных описаний оригинального черепа. Сравнение челюстей копий черепа и черепа 1376 (Череп I) также позволяет обнаружить большое совпадение. Идентична форма нижней челюсти Ростоковской копии Се 16 и 1376, а также поразительный зазор в правой половине нижней челюсти, который был детально воссоздан в Ростоковской копии. Точно так же соответствует формированию верхней челюсти и зубов у воссозданных черепов. Отличительными чертами являются положение и форма зубов, образование альвеолярного края, а также сильно изношенные жевательные поверхности. Идентична аномалия положения первого левого резца (зуб 21), изогнутый альвеолярный край соседнего правого резца (зуб 11), а также прогрессирующее разрушение кости в области правого моляра, хотя оно не настолько детально воспроизведено у экземпляра из Йены.

Для краниометрического сравнения копии Се 16 и предполагаемого оригинала 1376 (череп I) можно использовать измерения, полученные Мейером и Тюнгелем (Meyer 1878: 340).

Тем не менее, сравнение размеров черепа, полученных при формировании, и рассчитанных индексов позволяет обнаружить большое совпадение Се 16 и 1376 (череп I). Обнаруженные небольшие отклонения по длине, высоте и ширине — могут быть вызваны усадкой во время процесса формования копии. Краниометрическое сравнение копий черепа ОСР 196 и Се 16 дает понять, что они также имеют большое сходство (Табл. 1). Целый ряд измерений этих двух реплик почти идентичны. Отклонения в продольном (измерение 1), поперечном диаметрах (измерение 8), которые также отражаются в рассчитанных индексах, а также, возможно, скуловой ширины (измерение 45) черепа Йены, также могут быть вызваны усадкой материала, с последовательно меньшими значениями копии ОСР 196. В данном случае для копии ОСР 196 произошла более сильная усадка формы, по сравнению с черепом из Ростка. Кроме того, поверхность копии черепа Йены сильно потерта, на что указывают остатки прежней подписи. Таким образом, данные измерений также должны учитывать уменьшения размеров из-за деградации материала.

Таблица 1.

Индивидуальные краниометрические измерения оригинального черепа 1376, а также копий Се 16 и ОСР 196

Table 1.

Individual craniometric measurements of the original skull 1376 and copies Ce 16 and OCP 196

№ признака	Признаки	1376 (Оригинал)	Се 16 (Росток)	ОСР 196 (Йена)
1	Продольный диаметр	172	169	159
5	Длина основания черепа	88	88	90
8	Поперечный диаметр	140	135	126
9	Наименьшая ширина лба	—	84	84
10	Наибольшая ширина лба	—	109	109
17	Высотный диаметр	—	117	120
45	Скуловой диаметр	130	131	125
47	Полная высота лица	122	121	—
51	Ширина орбиты (правая)	—	41	38
51	Ширина орбиты (левая)	—	42	41
52	Длина орбиты (правая)	—	38	37
52	Длина орбиты (левая)	—	39	38
54	Ширина носа	—	24	25
55	Высота носа	54	53	53
66	Бигониальная ширина	82	82	—
69	Высота подбородка (id-gn)	32	30	—
79	Угол ветви нижней челюсти	109°	110°	—
Индексы		1376 (Оригинал)	Се 16 (Росток)	ОСР 196 (Йена)
Черепной указатель (8/1)		81,4	79,8	79,2
Высотно-продольный (17/1)		—	69,2	75,5
Высотно-поперечный (17/8)		—	86,7	95,2

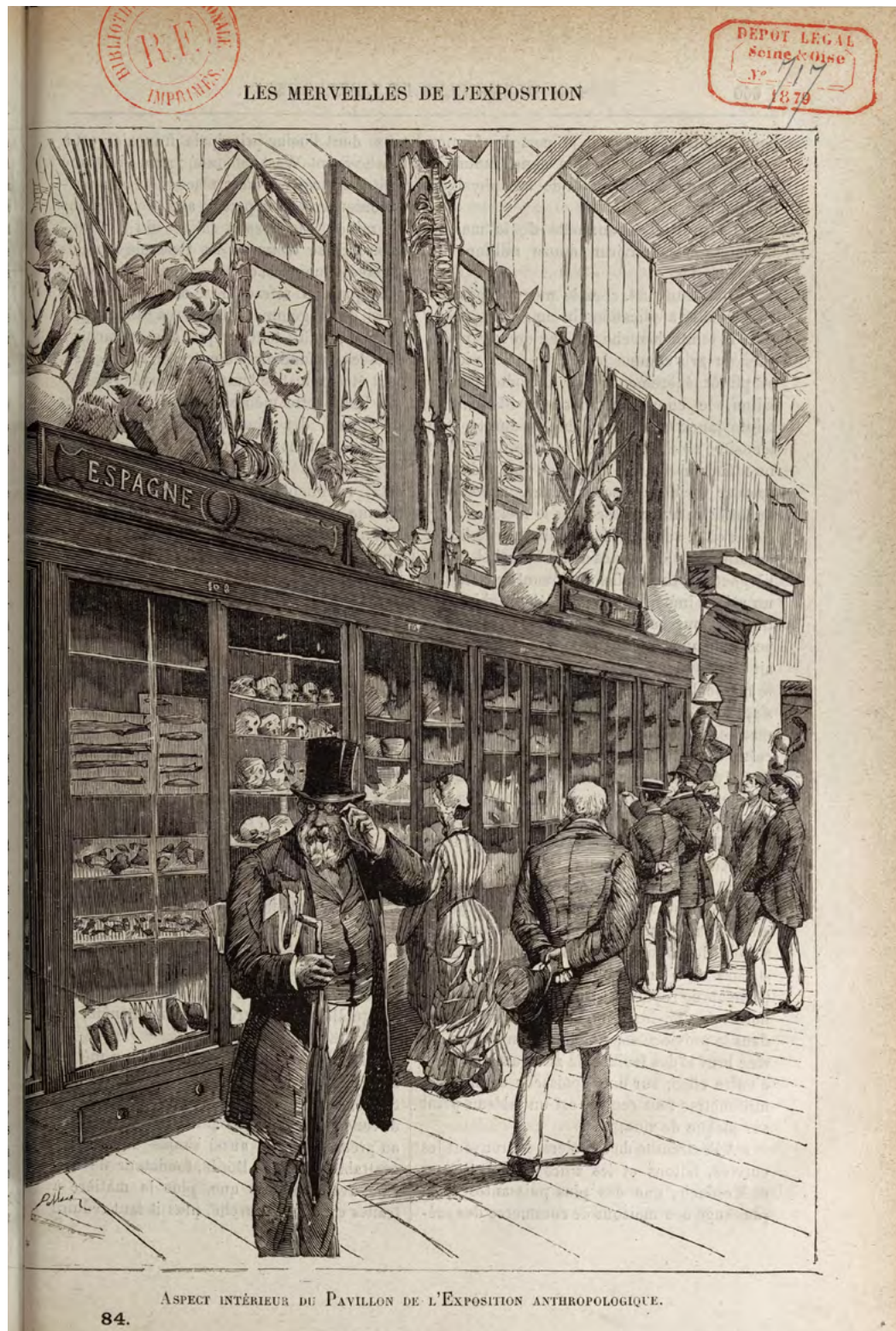
Результаты морфологического и метрического сравнения черепа Бибры 1376 и копии черепа из Ростка позволяют выявить высокое соответствие формы черепа и размеров черепа — очень вероятно, что копия Се 16, таким образом, является копией черепа Бибры из Боливии. Кроме того, для реплики ОСР 196 запись в инвентарной книге соответствует, о чем свидетельствуют в значительной степени совпадающие размеры черепа с копией Ростка. Тем не менее, в процессе копии, должно быть, произошли изменения размеров в связи с усадкой. Характерные и совпадающие характеристики формы черепа и воссозданных зубов также указывают на то, что копии воссоздают один и тот же череп.

А. П. Богданов как отправитель черепов

Реплики черепов из России, обнаруженные в немецкой коллекции и отправленные в свое время Анатолием Петровичем Богдановым, несомненно, привлекают внимание российских антропологов. Каким образом данные реплики попали в архивы немецких исследовательских университетов?

Как антрополог, Анатолий Петрович Богданов приобрел репутацию далеко за пределами России, собрав большую коллекцию черепов из раскопок в разных частях Российской империи. Эта коллекция, самая большая в России, располагалась в Научно-исследовательском Институте и Музее антропологии в Москве. Музей антропологии был основан по инициативе Богданова после Парижской этнографической выставки 1867 г. и Московской антропологической выставки 1879 г., чтобы отныне представлять выставочные «предметы», в том числе черепа. Сегодня коллекция включает в себя 90 000 предметов, то есть черепа и кости посткраниального скелета.

Копии черепов, сделанные российскими учеными в XIX в., отличаются превосходным качеством. Так, в 1878 г. Рудольф Вирхов отзывался об этой технике: «[...] превосходная копия, выполненная из бумаги и воспроизводящая все тонкости цвета самым наилучшим образом, показывает, в частности, черепа из Крыма, подписанные дарителем, среди которых находятся восхитительные макроцефалы (деформированные черепа)» (Bogdanov 1878: 221). Эти черепа, вскоре подаренные А. П. Богдановым, до сих пор занимают почетное место в составе коллекций BGAEU. Надпись на черепе, также упомянутая Р. Вирховым, все еще видна сегодня, но частично стала неразборчивой. Подлинные черепа не были отправлены Богдановым в Берлин; он записан только как отправитель, а не как коллекционер. Кроме того, в документах упоминается имя Дмитрия Яковлевича Самоквасова, о котором Р. Вирхов также говорил, что отражено в приведенном выше отчете о заседании BGAEU. Д. Я. Самоквасов был археологом и участвовал в раскопках по всей России. Таким образом, А. П. Богданов через него и ему подобных имел связи в различных губерниях и мог получать черепа из раскопок. Их копии, в свою очередь, он отправлял из университета в другие коллекции Европы. В том же году, когда Р. Вирхов назвал эти реплики исключительно удачными, А. П. Богданов и его коллеги выставили их на Всемирной парижской выставке, вместе с оригинальными черепами, происходящими из курганов Москвы, Новгорода, Кавказа и Туркестана (Богданов 1878) (Рис. 8). Таким образом, BGAEU обновил информацию о черепах, доступных для антропологических исследований, с доставкой реплик Богданова.

ASPECT INTÉRIEUR DU PAVILLON DE L'EXPOSITION ANTHROPOLOGIQUE.

84.

Рис. 8. Антропологический отдел на Всемирной выставке в Париже в 1878 г.
Figure 8. Anthropological Department at the World's Fair in Paris in 1878

Имеются сведения, что Богданов также отправил во Флоренцию копии черепов из папье-маше, происходящих из курганов Западной части России; так же, как и в Берлине там они были измерены антропологами (Sera 1920: 38–64).

Неясно, кто на самом деле сделал эти реплики. Кажется довольно маловероятным то, что антрополог и профессор Богданов сам изготавливал реплики. Скорее всего, он мог обращаться в мастерскую университета, специалисты которой могли не только изготовить множество черепов для европейских и российских коллекций, но и обеспечить описанное выдающееся качество реплик. До 1980-х годов изготовление копий черепа из папье-маше также использовалось для обучения московских антропологов.

Методы изготовления копий черепов

В данном контексте будет актуально рассмотреть метод изготовления реплик черепов из папье-маше, а также обратиться к более современным и традиционным техникам изготовления копий черепов.

Изготовление копий черепов в настоящее время практически полностью компьютеризировано. Делается это с помощью лазерного сканирования и последующей печати на 3D-принтере (Веселовская, Галеев 2020). Однако иногда и сейчас реплики изготавливают вручную. Один из традиционных методов в данной сфере — это метод формовки. Форму снимают с помощью наложения на оригинал различных составов (специально сваренный клей, силикон), затем сверху формируют съемный кожух из гипса или пластика. После отверждения кожуха оригинал вынимают и освободившееся пространство заливают жидким гипсом или пластиком.

Однако, относительно данного антропологического исследования, стоит остановиться на методе изготовления копий из папье-маше. Формирование реплик проходит через несколько этапов.

Первый этап: подготовка черепа к снятию с него формы. Для этого, с помощью пластилина прикрепляют нижнюю челюсть к остальной части черепа со строгим соблюдением правильной стыковки зубов с учетом прижизненного прикуса. Все глубокие отверстия также заполняются пластилином, оставляя примерно пол сантиметра глубины. Заполняются орбиты, грушевидное и затылочное отверстия. В месте отхождения скуловых дуг также формируется «мембрана», отделяя верхнюю и нижнюю, по отношению к дуге, части. Все отверстия в области нижней челюсти также заполняются пластилином, чтобы поверхность черепа была достаточно гладкой.

Второй этап: получение зеркальной формы черепа из 2 половин. Для обеспечения точности передачи деталей морфологии черепа, формируют переднюю и заднюю половины, чтобы лицо отливалось из цельного элемента. Для этого по фронтальной плоскости, проходящей через брегму и слуховые отверстия формируют из пластилина гребень. Далее готовят материал для зеркальной формы: варят клей (мука и теплая вода), нарываю небольшими кусочками упаковочную бумагу, остужают клей. Череп смазывают подсолнечным маслом. Кусочки бумаги окунают в клей и накладывают на поверхность черепа, разглаживая (будет плотная структура). Далее оставляют сохнуть на сутки. Аналогичная процедура проводится с задней частью черепа.

Третий этап: процедура изготовления копии черепа. Зеркальные реплики каждой половины снимают с черепа, изнутри промазывают подсолнечным маслом и запол-

няют папье маше, аккуратно выглаживая кусочки бумаги до полного прилегания к форме. По высыхании две половины черепа склеивают тем же клеем.

Заключение

С помощью копий коллекции, такие как BGAEU, Анатомических институтов в Ростке и Йене, удалось расширить коллекции черепов из отдаленных регионов, из которых существовало лишь несколько оригиналов.

В частности, в приведенном здесь примере находок Эрнста Бибра из Боливии, также гарантировали, что, по крайней мере, копии настоящих черепов, описанных как очень хрупкие, сохранились навсегда (*Bibra* 1852). В то время как гипсовые слепки черепов XIX и начала XX вв. часто встречаются в антропологических и анатомических коллекциях Германии, такие, сделанные из папье-маше, по-видимому, встречаются значительно реже — и это несмотря на то, что папье-маше было широко распространено в XIX в.

Сегодня, не изучая образцы материалов, трудно отличить череп от черепа из гипса и черепа из папье-маше, особенно учитывая, что папье-маше было поверхностно покрыто тонким слоем гипса или отдельные элементы были смоделированы из гипса. Поэтому в коллекциях гипсовых черепов вполне могли скрываться непризнанные экземпляры из папье-маше.

Итак, результаты наших исследований могут помочь другим коллегам-специалистам в составлении своих коллекций. Таким образом, может возникнуть прочная база знаний для надлежащего обращения с этими репликами.

Научная литература

- Богданов А. П. Поездка в Германию и Францию летом 1878 года. Москва: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. 7 с.
- Веселовская Е. В., Галеев Р. М. Антропологическая реконструкция внешнего облика «Царя» и «Царицы» раннескифского погребально-поминального комплекса Аржан-2 // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2020. Том 2, № 49. С. 112–122.
- Begerock A. M. Formen machen Leute — Kopfdeformationen im westlichen Südamerika. // A. Wiczorek/ W. Rosendahl (Hg.), Schädelkult. Kopf und Schädel in der Kulturgeschichte des Menschen, 2011. Pp. 233–238.
- Bibra E. V. Die Algodon-Bay in Bolivien. Vorgelegt in der Sitzung der mathematisch-naturwissenschaftlichen Classe am 27. Februar 1851. // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Mathematisch-naturwissenschaftliche Classe. Vierter Band, 1852. Pp. 75–116.
- Bibra E. V. Die Algodonbai. // Westermann's Jahrbuch der Illustrierten Deutschen Monatshefte. Ein Familienbuch für das gesammte geistige Leben der Gegenwart. 35. Band. October 1873–März 1874. Braunschweig, Westermann, 1874. Pp. 152–166.
- Bogdanov A. P. Sitzungsbericht vom 18. Mai 1878 in den Verhandlungen der BGAEU // Zeitschrift für Ethnologie, 1878. No 10. Pp. 220–221.
- Brothwell D. R. Digging Up Bones. The excavation, treatment and study of human skeletal remains. New York, 1981. 208 p.
- Lenhossék J. V. Die künstlichen Schädelbildungen im Allgemeinen und zwei künstlich verbildete makrocephale Schädel aus Ungarn, sowie ein Schädel aus der Barbarenzeit Ungarns. Budapest, 1878.
- Lötzsch U., Brinker U., Teßmann B., Schultz M., Pelenitsyna J., Hiepe L., and Begerock A.-M. Raren Stücken auf der Spur — Schädel aus Pappmaché in deutschen Sammlungen // *Das Altertum*, 2020. Pp. 43–70.

- Meyer A. B., Tüngel, E. Verzeichnis der Race-Skelete und –Schädel des Dresdner Anthropologischen Museums // A. B. Meyer (Hg.), Mittheilungen aus dem K zoologischen Museum zu Dresden. 1878. Heft 3. Pp. 325–348.
- O'Brien, T., Stanley A. Boards and Cords: Discriminating Types of Artificial Cranial Deformation in Prehispanic South Central Andean Populations // *International Journal of Osteoarchaeology*, 2013. No 23. Pp. 459–470.
- Sera G. L. La successione spaziale e cronologica dei tipi etnici nell'Europa settentrionale ed orientale // *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, 1920. Pp. 38–64.
- Tiesler V. The Bioarchaeology of Artificial Cranial Modifications. New Approaches to Head Shaping and its Meanings in Pre-Columbian Mesoamerica and Beyond. New York/Heidelberg/Dordrecht/London, 2014.

References

- Begerock, A. M. 2011. Formen machen Leute — Kopfdeformationen im westlichen Südamerika. A. Wiczorek/ W. Rosendahl (Hg.), Schädelkult. Kopf und Schädel in der Kulturgeschichte des Menschen.
- Bibra, E. V. 2011. Die Algodonbai. *Westermann's Jahrbuch der Illustrierten Deutschen Monatshefte. Ein Familienbuch für das gesammte geistige Leben der Gegenwart*. 35. Band. October 1873–März 1874. Braunschweig, Westermann.
- Bibra, E. V. 1852. Die Algodon-Bay in Bolivien. Vorgelegt in der Sitzung der mathematisch-naturwissenschaftlichen Classe am 27. Februar 1851. *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Mathematisch-naturwissenschaftliche Classe. Vierter Band*.
- Bogdanov, A. P. 1878. *Poezdka v Germaniyu i Franciyu letom 1878 goda* [Trip to Germany and France in the summer of 1878]. Moskva: tip. M. N. Lavrova i K°.
- Bogdanov, A. P. 1878. Sitzungsbericht vom 18. Mai 1878 in den Verhandlungen der BGAEU. *Zeitschrift für Ethnologie* 10: 220–221.
- Brothwell, D. R. 1981. *Digging Up Bones. The excavation, treatment and study of human skeletal remains*. New York, 208 p.
- Lenhossék, J. v. 1878. *Die künstlichen Schädelbildungen im Allgemeinen und zwei künstlich verbildete makrocephale Schädel aus Ungarn, sowie ein Schädel aus der Barbarenzeit Ungarns*. Budapest.
- Lötzsch, U., U. Brinker, B. Teßmann, M. Schultz, J. Pelenitsyna, L. Hiepe and A.-M. Begerock. 2020. Raren Stücken auf der Spur — Schädel aus Pappmaché in deutschen Sammlungen. *Das Altertum*.
- Meyer, A. B., Tüngel, E. 1878. Verzeichnis der Race-Skelete und –Schädel des Dresdner Anthropologischen Museums. A. B. Meyer (Hg.), *Mittheilungen aus dem K zoologischen Museum zu Dresden*. Heft 3: 325–348.
- O'Brien, T. and A. Stanley 1878. Boards and Cords: Discriminating Types of Artificial Cranial Deformation in Prehispanic South Central Andean Populations. *International Journal of Osteoarchaeology*. 23: 459–470.
- Sera, G. L. 1920. La successione spaziale e cronologica dei tipi etnici nell'Europa settentrionale ed orientale. *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*. 38–64.
- Tiesler, V. 2014. *The Bioarchaeology of Artificial Cranial Modifications. New Approaches to Head Shaping and its Meanings in Pre-Columbian Mesoamerica and Beyond*. New York/Heidelberg/Dordrecht/London.
- Veselovskaya, E. V. and R. M. Galeev 2020. Antropologicheskaya rekonstrukciya vneshnego obluka «Tsarya» i «Tsarisya» ranneskifskogo pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Arzhan-2. [Anthropological reconstruction of the appearance of the “King” and “Queen” of the Early Scythian funeral and memorial complex Arzhan-2]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* 2 (49): 112–122.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/322-344

Научная статья

© С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая, Н. В. Харламова, С. В. Иванов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТАНКОВ ИЗ ФИВАНСКОЙ ГРОБНИЦЫ ТТ 23 (ЛУКСОР, ЕГИПЕТ)

В статье приводится антропологический анализ населения Древнего Египта, останки которого были обнаружены при расчистке луксорской гробницы ТТ 23. В работе дается краниологическая характеристика древних египтян. При помощи угловой морфометрии черепа показана неоднородность группы. Описаны ряд одонтологических особенностей группы и схожесть ее по одонтометрическим данным с населением Северной Африки. При общей низкорослости женщин около половины мужчин были высокорослыми. Кости конечностей, как правило, грацильны, на большеберцовых костях отмечается уплотненность. У ряда индивидов отмечена адаптация к теплым, аридным условиям.

Ключевые слова: Древний Египет, краниология, угловая морфометрия черепа, одонтология, остеология.

Ссылка при цитировании: Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Харламова Н. В., Иванов С. В. Антропологическая характеристика останков из фиванской гробницы ТТ 23 (Луксор, Египет) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 322–344.

Васильев Сергей Владимирович — д. и. н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а); директор, Центр египтологических исследований РАН (Москва, Ленинский пр. 29, с. 8). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0128-6568>

Боруцкая Светлана Борисовна — к. б. н., старший научный сотрудник, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1/12). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0753-151X>

Харламова Наталья Владимировна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

Иванов Сергей Викторович — к. и. н., директор Центра египтологических исследований РАН (Москва, Ленинский пр. 29, с. 8). Эл. почта: s-ivanov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4848-3470>

* Одонтологическая часть работы подготовлена в рамках НИР «Эволюционный континуум рода Homo».

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/322-344

Original Article

© Sergey Vasilyev, Svetlana Borutskaya, Natalia Kharlamova, Sergey Ivanov

ANTHROPOLOGICAL STUDY OF HUMAN REMAINS FROM THEBAN TOMB TT 23 (LUXOR, EGYPT)

The article presents anthropological study of Ancient Egypt inhabitants based on the human remains found in Theban tomb TT 23 (Luxor) during archaeological survey lead by Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CES RAS). Cranial morphology and craniometrics, dental metric and non-metric traits, osteometrics and stature of the representatives of the ancient Egyptians are given. Anthropological heterogeneity is shown by the angular craniometrics data. Dental metrics is close to the North African population. While females of the sample have mainly short stature, a number of high-stature males are found. Long bones are usually gracile, flatter of the tibiae can be noted. Adaptation to the warm and dry environment can be traced on the remains of some individuals.

Keywords: Ancient Egypt, craniology, skull angular morphometrics, dental metric and non-metric traits, osteology.

Authors Info: Vasilyev, Sergey V. — Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Russian Federation, Moscow), Director, Centre for Egyptological Studies RAS (Russian Federation, Moscow). E-mail: vasbor1@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0128-6568>

Borutskaya, Svetlana B. — Ph. D. in Biology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow). E-mail: vasbor1@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0753-151X>

Kharlamova, Natalia V. — Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Russian Federation, Moscow). E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

Ivanov, Sergey V. — Ph.D. in History, Director, Centre for Egyptological Studies RAS (Russian Federation, Moscow). E-mail: s-ivanov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4848-3470>

For Citation: Vasilyev, S. V., S. B. Borutskaya, N. V. Kharlamova and S. V. Ivanov 2022. Anthropological Study of Human Remains from Theban Tomb TT 23 (Luxor, Egypt). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 322–344.

Введение

В 2006 г. экспедиция Центра египтологических исследований РАН начала работу в фиванской гробнице Чаи (г. Луксор, АРЕ) (Иванов, 2012, 2018; Васильев, Иванов, 2008; Орфинская, 2019). Гробница находится на западном берегу Нила, в местности Шейх-Абд-эль-Курна. Начиная с эпохи Среднего царства (XXII в. до н. э.) и вплоть до римского периода она стала местом погребения визирей, градоначальников, верховных жрецов и иной знати. Плотность скальных гробниц настолько высока, что один из участков

некрополя получил название Эль-Хоха («Пчелиные соты»). В начале XX в. концессию на изучение Шейх-Абд-эль-Курна получил английский аристократ сэр Р. Монд (1867–1938), который в нескольких сезонах открыл более сотни гробниц, многие из которых были признаны выдающимися образцами искусства эпохи Нового царства.

К ним относится и фиванская гробница № 23 (ТТ 23), возведенная для начальника царской канцелярии Чаи, служившего при дворе царя XIX династии Меренптаха (ок. 1213–1203 гг. до н. э.). За преданную службу и, видимо, благодаря личному расположению царя, Чаи были пожалованы многие награды, включая гробницу в элитной части некрополя. Усыпальница представляет собой комплекс, включающий пилон (монументальные ворота), открытый двор, галерею из высеченных в скале помещений-молелен, в последней из которых начинается коридор, опускающийся на глубину 17 м и ведущий в погребальную камеру. Стены пилона, двора и скальных помещений украшены расписными рельефами, в которых отражены основные эпизоды земной жизни Чаи и древнеегипетские представления о загробном существовании.

Благодаря богатому убранству гробница Чаи издревле привлекала посетителей. Судя по сохранившимся граффити, в XI–VII вв. до н. э. эту усыпальницу посещали многие паломники, приезжавшие в Фивы на религиозные праздники. Начиная с 1820-х гг. в гробнице Чаи побывали многие египтологи; простых туристов туда завлекали местные жители, устроившие в гробнице антикварный магазин. Когда в 1905 г. гробница ТТ 23 была официально открыта экспедицией Р. Монда, часть рельефов была уже безвозвратно утрачена. Тем не менее, помимо высочайшего качества исполнения изображений, многие сохранившиеся рельефы и тексты не имеют аналогов в других фиванских гробницах.

К сожалению, в силу случайных обстоятельств заупокойный памятник Чаи остается неопубликованным. В 2006 г. концессию на изучение и публикацию гробницы получила д. и. н. Г. А. Белова, под руководством которой началась работа российских исследователей в Луксоре. Помимо изучения рельефов и росписей, создания факсимильных копий изображений, необходимо сделать архитектурные обмеры и составить точный план комплекса, разработать методику и провести комплексную реставрацию гробницы и так далее. Первым этапом работ стала расчистка гробницы, большая часть помещений которой была полностью заполнена массой известняковых отщепов и большого количества фрагментов погребального инвентаря — деревянных саркофагов и картонажных чехлов, фигурок ушебти из глины и фаянса, гробничных конусов, текстильных изделий, керамики. Значительную часть находок составляли фрагменты мумий человека и скелетированные фрагменты тел.

В результате расчистки было открыто 18 новых помещений гробницы, сооруженных в XI–I вв. до н. э. для впускных захоронений. По традиции того времени в погребальных камерах устраивали семейные склепы, в каждом из которых могло быть захоронено в среднем около 10 мумий; захоронения могли делать и вне камер, прямо на полу коридоров.

Датировка погребального инвентаря соотносится с датами, полученными по изучению архитектурных признаков. В ходе разбора материала стало очевидно, что заполнение помещений носит случайный характер и обусловлено традицией археологов 1900–1930-х гг. заполнять недекорированные помещения гробниц отвалами,

образующимися при раскопках этой же или близлежащих усыпальниц. Поскольку ранних археологов интересовали исключительно целые, исторически значимые или сделанные из ценных материалов предметы, фрагментированные и массовые находки оказывались в отвалах. Даже оставаясь недалеко от своего первоначального местоположения, они оказались вне контекста, поэтому сегодня интерпретация подобного материала вызывает определенные сложности.

Основная проблема массового антропологического материала из гробниц фиванского некрополя заключается в том, что кости индивидов оказываются перемешаны между собой, что существенно затрудняет их датировку. В результате такого рода находки датируются в широких хронологических рамках, что приводит к невозможности привычного сравнительного анализа.

Как правило, данные по антропологическим особенностям населения древних Фив можно получить из полевых отчетов, зачастую каталогизирующих человеческие останки из гробниц, а также статей с фокусом на тафономию, патологии, минимальном количестве индивидов и доступных измерениях (*Nerlich et al.* 2000; *Cybulski et al.* 2015; *Herrerin et al.* 2014; *Ivanov* 2018; *D'Anastasio et al.* 2021; *Herrerin, Carmenate* 2021; *Stark, Bacs* 2021; *Isidro* 2019 и др.). На сегодняшний день наиболее описанная в антропологическом отношении гробница — ТТ 32 (*Fohti, Bernert* 2010). Также в публикациях поднимаются частные вопросы или так называемые case study, например: карцинома (*Wahba et al.* 2021), манипуляции с телами после смерти (*Herrerin et al.* 2014, 2018) женское здоровье (*Onstine et al.* 2021) проводится отработка методик (*Solà et al.* 2012). Исключением является недавно вышедшая статья испанских антропологов, посвященная половому диморфизму на черепахах (*Herrerin, Carmenate* 2022).

Учитывая вышеизложенные соображения, цель работы — получить представления о физическом облике древнего населения Фив по костным останкам из гробницы ТТ 23 с прицелом на реконструкцию биологической истории. Задача одонтологической части исследования — предоставить морфологическое описание зубов именно целых черепов из фиванской гробницы 23 для обеспечения единой базы получаемого антропологического описания.

Материалы и методы

Во всех помещениях гробницы нами были выявлены останки всего 219 индивидов. Из 145 индивидов, обнаруженных в самой гробнице ТТ 23, было определено 73 мужчины, 49 женщин и 23 ребенка. В Южной гробнице обнаружены останки 62 индивидов, из которых 27 принадлежали мужчинам, 21 — женщинам и 11 — детям. В двух случаях половозрастные характеристики определить не удалось. Также были обнаружены останки людей близких к современности. Их определено 12, половина из них — мужчины, остальные — 3 женщины и 3 детей.

Сохранность материала была различной. Чаще это были разрозненные кости людей. Относительно полноценные измерения и последующие исследования удалось провести для скелетов 11 индивидов: 6 скелетов принадлежали мужчинам, 5 — женщинам. Биологический возраст индивидов в целом приходился на интервал 30–50 лет. Кроме того, был обнаружен скелет подростка, но его скелет остеометрически не исследовался.

На основании измерений длинных костей конечностей были рассчитаны индексы пропорций конечностей, ширина плеч, прижизненная длина тела. Результаты представлены в таблицах 2 и 3. В таблице в правой колонке представлены имеющиеся в литературе данные о размахе вариаций значений индексов у человека современного типа (Хрисанфова 1978: 57–74; Рогинский, Левин 1978: 34–45). Вариации по луче-большеберцовому индексу разработаны одним из авторов данной работы. Рубрикации длины тела людей Земного шара составлены Мартином и взяты из работы Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина «Антропология». Полученные результаты немногочисленны, что связано со степенью сохранности скелетов и невозможностью полноценного исследования. Тем не менее, они ценны, так как вносят определенный вклад в базу сведений об антропологии древнего населения Египта.

Исследование 14 относительно целых черепов проводилось по двум программам: классической краниологической программе (Алексеев, Дебец 1964) и авторской краниотригонометрической программе С. В. Васильева (Васильев 1999).

Данные морфологии зубов регулярно привлекались для изучения древней истории Египта по костным останкам человека (Greene 1972; Prowse, Lovell 1996; Irish 2006, 2008; Schillaci et al. 2009; Irish, Konigsberg 2007; Irish, Friedman 2010, Schrader et al. 2014, Laszlo 2017 и др.). Из изученных по краниометрической и краниотригонометрической программе 14 черепов в силу сохранности и возраста одонтологическое описание имеется для 7 индивидов: 5 мужчин, 1 женщины и девушки-подростка. Пол определялся по морфологии черепа С. В. Васильевым. Одонтологическое

Рис. 1. Пример состояния и сохранности изолированных человеческих верхних и нижних челюстей из раскопок фиванской гробницы ТТ 23 (Луксор, Египет).

описание проводилось Н. В. Харламовой в полевых условиях в 2018 и 2020 годах по программам А. А. Зубова (Зубов, 1968б, 1973, 2006; Зубов, Халдеева, 1989, 1993) и ASUDAS (Scott, Irish 2017, Scott et al. 2018), тогда же одонтометром измерялись мезиодистальный и вестибулолингвальные диаметры коронок зубов согласно методическим рекомендациям (Зубов 2006: 68), из трех измерений каждого параметра выбиралось получаемое дважды. В статистическом анализе не рекомендуется использовать одонтологические выборки меньше 10 наблюдений в силу нерепрезентативности (Scott, Irish 2017: 255, личное сообщение А. А. Зубова), поэтому в данной работе ограничимся морфологическим описанием и приведением одонтометрических данных в надежде на то, что дальнейший разбор материала позволит увеличить объем одонтологической выборки (Рис. 1)

Комментарии о распространенности признаков даются по указанным выше обобщающим работам А. А. Зубова и коллег, а также сводкам данных системы ASUDAS.

Результаты исследования Краниологическое исследование

Нами было изучено по стандартной краниологической программе 14 черепов, из них 9 мужских и 5 женских.

Череп исследованных древних египтян может быть описан как удлинённый и узкий, долихокранный, форма сверху в большинстве случаев пентагоноидная. Череп средней высоты в абсолютных размерах. Лицевая часть черепа прогнатная, среднеширокая и высокая, по верхнелицевому указателю — лептенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию средних и малых, т. е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты низкие и среднеширокие (хамеконхные). В абсолютных размерах нос средний (мезоринный).

На графической реконструкции лица по черепу по методу М. М. Герасимова отчетливо видны все описанные морфологические характеристики (Рис. 2, 3). Автор реконструкции О. И. Алехина.

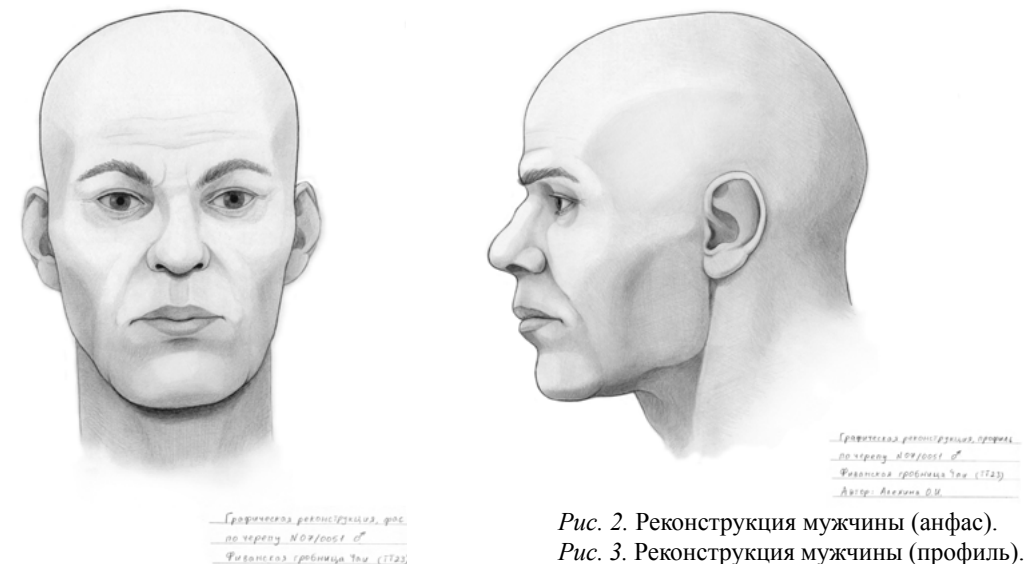

Рис. 2. Реконструкция мужчины (анфас).
Рис. 3. Реконструкция мужчины (профиль).

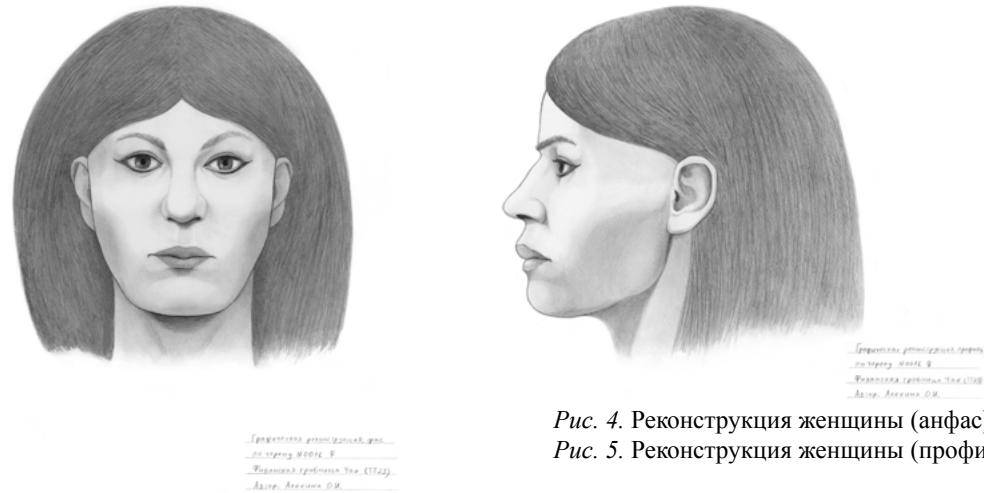

Рис. 4. Реконструкция женщины (анфас).

Рис. 5. Реконструкция женщины (профиль).

Череп исследованных египтянок может быть описан как мезокранный, форма сверху в большинстве случаев пентагоноидный. Череп средневысокий в абсолютных размерах. Лицевая часть черепа прогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю — мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию средних, т. е. лицо по европеоидным меркам несколько уплощено. Орбиты достаточно высокие — мезоконные. В абсолютных размерах нос среднеширокий, со средне-выступающим переносьем.

Графическая реконструкция лица женщины по черепу по методу М. М. Герасимова отражает все вышеперечисленные характеристики (Рис. 4, 5). Автор реконструкции О. И. Алехина.

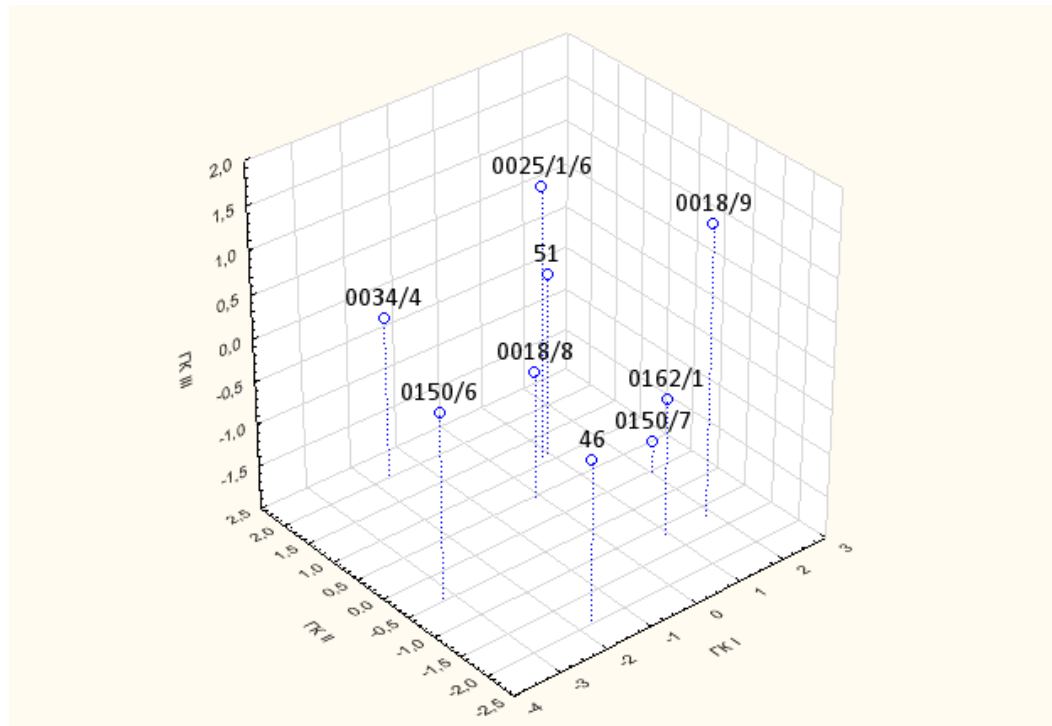

Рис. 6. Черепа из гробницы ТТ 23 (угловая морфометрия) в поле 3 главных компонент.

Внутригрупповой анализ мы сделали, используя данные по угловой морфометрии черепа (Рис. 6). Угловые параметры черепа позволяют нам включать в один анализ как мужские, так и женские черепа, что дает возможность нам оценить при помощи метода главных компонент однородность группы в целом. В анализе участвовали 9 индивидов, имеющих полный набор из 7 угловых параметров. Первые две компоненты описывают около 71% изменчивости. По первой компоненте идет увеличение углов $fnt-pr-fnt$, $au-b-au$. Поэтому в правой части графика мы видим относительно низкосводные черепа с относительно широким лицевым скелетом. Вторая компонента отражает увеличение угла $au-n-b$, а третья — увеличение угла $zm-n-zm$ и уменьшение угла $ast-n-ast$. В связи с этим в верхней части графика располагаются черепа с относительно высоким затылком и широкими скулами. В целом видно, что группа не однородна по формообразующим параметрам черепа.

Одонтологическое исследование

Результаты одонтологического описания. Рассмотрим основные одонтологические признаки семи индивидов из гробницы ТТ 23, публикуемые впервые. Крыловидная ротация центральных верхних резцов, диастема между центральными верхними резцами, крайняя степень редукции латеральных верхних резцов, как и их краудинг, а также однобугорковые третьи верхние моляры в изученной выборке отсутствуют. Ротация и краудинг свойственны представителям Азии и монголоидов, частоты диастемы описаны для африканских выборок — на юге континента этот признак встречается чаще.

На единственном центральном резце лопатообразная форма не наблюдается, из двух латеральных — у одного индивида наблюдался 2 балл признака. Из двух наблюдений на одном мужском черепе отмечена тенденция к редукции верхнего латерального резца у обладателя резца лопатообразной формы (Рис. 7). Лопатообразная форма резцов характерна для аборигенного населения Америки, монголоидов, распространена в Азии.

В двух случаях наблюдались краудинг на нижних челюстях: у одного мужчины сдвиг первых правого и левого премоляров, у девушки-подростка — центрального

Рис. 7. Балл 2 лопатообразной формы на правом верхнем втором резце (раскопки ТТ 23).

правого резца. У нее же отмечены коронорадикулярная борозда (в Африке, Австралии и Меланезии — минимальные частоты признака) на вторых верхних резцах, лингвальный бугорок на центральном, гребни на верхнем и нижних клыках, добавочный гребень на нижнем первом премоляре (Рис. 8). Лингвальные бугорки часто встречаются на зубах древних людей, у современных — наиболее распространены в Азии. Данные по добавочному гребню на клыках представлены выборками европеоидов и аборигенного населения Америки, у представителей последнего признак встречается чаще. На сегодняшний день известно, что добавочные гребни на премолярах наиболее часто встречаются у американских аборигенов. Лингвальный бугорок отмечен также на нижних клыках одного из мужских черепов, а добавочный гребень на верхних премолярах — на нем же и еще одном. Добавочные бугорки на верхних премолярах отмечены на черепах девушки-подростка и двух мужчин.

Одонтомы отсутствуют. Гипоконус на верхних вторых молярах не редуцирован: из 6 наблюдений лишь в одном случае наблюдается форма 4- по Дальбергу,

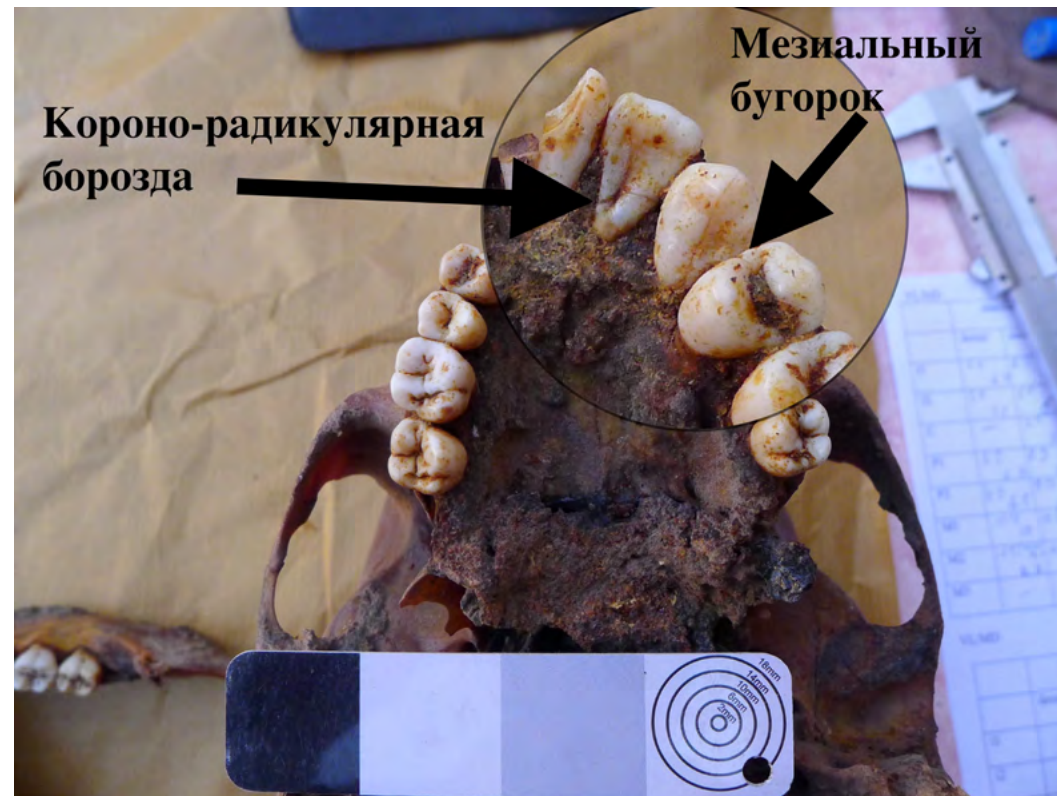

Рис. 8. Корона-радикулярная борозда на верхнем левом втором резце и дополнительный мезиальный бугорок на верхнем левом первом премоляре (раскопки ТТ 23).

на этих же зубах редукция метаконуса выражена сильнее — у двух из 6 индивидов — баллы 2–3 (Рис. 9). Характерный для европеоидов, эскимосов Аляски дистальный маргинальный бугорок фиксируется на двух женских черепах из шести индивидов на втором верхнем моляре и на одном мужском из 4 на третьем моляре. Бугорок Карабелли наблюдается на каждом первом моляре, но балл 2 — лишь

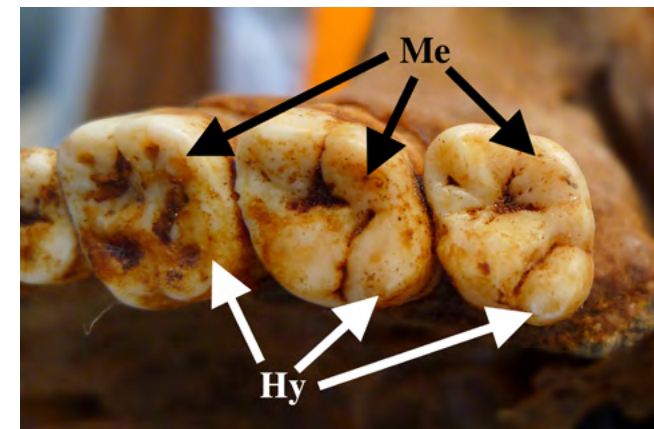

Рис. 9. Верхние левые моляры: редукция метаконуса (Me) более выражена, чем гипоконуса (Hy) (раскопки ТТ 23).

у девушки-подростка, у остальных — балл 1. Известно, что признак характерен для европеоидов, аборигены Америки имеют высокие частоты признака, но малое разнообразие форм (степени выраженности), тихоокеанское население при невысокой частоте признака в целом демонстрирует более выраженные его формы (более высокие баллы). Древнее население Египта также демонстрирует высокие частоты признака (Irish 2006). Парастили не наблюдаются. Свойственные монголоидам и населению Нового света затеки эмали на вторых верхних молярах — у 4 индивидов из 6, на нижних — у 3 из 6 (баллы 1 и 3 по ASUDAS и 4 и 6 по программе А. А. Зубова). Врожденное отсутствие зубов, как и сверхкомплектные зубы не наблюдались, в одном случае у мужчины senilis предполагается прижизненная потеря нижних первых резцов, в другом, учитывая персистенцию молочных нижних вторых моляров, требуется рентгенологическое КТ исследование для подтверждения врожденного отсутствия вторых нижних премоляров.

Для первых нижних моляров характерно 4–5 бугорков, вторых — 4, третьи моляры крупные 4–6 бугорков. Чаще встречается узор у. Характеризующий австралопитековых, редкий у европеоидов и часто встречающийся у выходцев из Азии протостилид отсутствует, встречается ямка протостилида (Рис. 10): 4 случая из 6 на первых, 2 из 6 на вторых, два из 4 на третьих. По ASUDAS ямка входит в систему протостилида как балл 1. Дистальный гребень, чаще всего встречающийся у монголоидов, отмеченный у южных европеоидов и редкий у населения Африки, на первых нижних молярах в силу стертости оценить трудно: у двух индивидов

Рис. 10. Нижняя челюсть девушки-подростка: ямки протостилида на нижних левых молярах, скол на нижнем левом первом премоляре.

на первых молярах он пересечен (что отмечается как наличие гребня по ASUDAS), в то же время на одном из мужских черепов присутствует непрерывный дистальный гребень на втором нижнем моляре. Характерный для африканских негроидов эпикристид на первом моляре зафиксирован у двух индивидов из 5, коленчатая складка — у девушки-подростка (Рис. 11). Передняя ямка зафиксирована на первом моляре одного женского черепа, задние — отсутствуют. Внутренний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре (ТAMI), который чаще встречается у негроидов Африки, отсутствует.

Рис. 11. Коленчатая складка метаконида на нижнем левом первом моляре и эпикристид на нижнем правом втором моляре, соединяющий метаконид и протоконид, на черепе девушки-подростка (раскопки ТТ 23).

Одонтоглифические признаки первых моляров зафиксированы лишь на черепе девушки-подростка: форма первой борозды параконуса — 2, борозда 2 med впадает в III межбугорковую борозду (Рис. 11).

Некоторые патологические изменения зубов. Часто встречаются прижизненные сколы эмали (Рис. 10). Кариес и прижизненная потеря зубов зафиксирована у пожилого мужчины, женщины вместе с сильным пародонтозом, гипоплазия разной степени и отложения зубного камня — у всех индивидов, проявления пародонтоза — на четырех черепах.

Результаты одонтометрии

Результаты измерений зубов представлены в таблице 1. Согласно градации, предложенной А. А. Зубовым (Зубов 1968а), по вестибулолингвальному диаметру первые и вторые верхние моляры попадают в категорию малых размеров, третьи — средних, по мезиодистальному все моляры оказываются средними. Все женские размеры зубов, превышающие мужские, принадлежат девушке-подростку, имеющей в морфологии зубов и черепа негроидные черты.

Для сравнения были взяты размеры зубов исторического населения Северной Африки (Irish, Grabowski 2021) и данные по размерам зубов современных египтян (Awwad 2020, Elhiny et al. 2021). В среднем сравниваемые размеры зубов людей из раскопок ТТ 23 крупнее, чем у современных египтян, и ближе к краниологическим сериям с территории Северной Африки. Исключение составляют мезиодистальные диаметры центральных верхних и нижних резцов, верхних и нижних клыков, левых

Таблица 1
Вестибулолингвальные и мезиодистальные диаметры зубов относительно целых черепов из Фиванской гробницы ТТ 32 (Луксор, Египет)

Зубы	Размеры	Верхняя челюсть					Нижняя челюсть				
		$X_{m+1}(N)$	$X_m(N)$	$X_l(N)$	$X_{ch}(N)^*$	X_{ca}^{**}	$X_{m+1}(N)$	$X_m(N)$	$X_l(N)$	$X_{ch}(N)$	X_{ca}
I1d	VL	6,4 (2)	6,4(1)	6,4(1)	7,87	7(459)	6(3)	7(1)	5,5(2)	5,8(439)	
	MD	6,7(1)	6,7(1)	6,7(1)	7,87	8,6(357)	5,2(1)	—	5,2(1)	5,3(325)	
I1s	VL	6,3(1)	6,3(1)	6,3(1)	7,8	7(459)	6,5(2)	6,5(2)	—	5,8(439)	
	MD	—	—	—	7,8	8,6(357)	4,8(1)	4,8(1)	—	5,3(325)	
I2d	VL	5,4(1)	5,4(1)	5,4(1)	6,0	6,3(503)	6,1(4)	6,5(2)	5,8(2)	6,1(536)	
	MD	6,1(1)	6,1(1)	6,1(1)	6,0	6,7(417)	5,3(1)	—	5,3(1)	5,8(436)	
I2s	VL	5,5(1)	5,5(1)	5,5(1)	5,78	6,3(503)	6,1(3)	6,4(2)	5,6(1)	6,1(536)	
	MD	6,0(1)	6,0(1)	6,0(1)	5,78	6,7(417)	5,6(3)	5,7(2)	5,4(1)	5,8(436)	
Cd	VL	—	—	—	7,86m/7,35f	8,1(668)	7,6(5)	8(3)	7,1(2)	7,4(618)	
	MD	—	—	—	7,64m/7,32f	7,4(600)	7(4)	7(3)	6,9(1)	6,6(497)	
Cs	VL	7,9(2)	8(1)	7,7(1)	6,65	8,1(668)	7,7(3)	8,4(2)	6,3(1)	7,4(618)	
	MD	7,2(2)	7,4(1)	7(1)	6,48	7,4(600)	6,7(2)	7(1)	6,3(1)	6,6(497)	
P1d	VL	9(4)	9(3)	8,9(1)	6,31	8,9(770)	7,9(5)	8(3)	7,9(2)	7,7(725)	
	MD	6,6(3)	6,6(2)	6,8(1)	6,31	6,9(685)	6,9(4)	6,8(3)	7,2(1)	6,8(634)	
P1s	VL	8,7(5)	8,6(4)	8,9(1)	6,48	8,9(770)	7,5(3)	7,7(2)	7,3(1)	7,7(725)	
	MD	6,8(4)	6,7(3)	6,9(1)	6,48	6,9(685)	6,7(3)	6,6(2)	7,0(1)	6,8(634)	
P2d	VL	8,9(6)	8,8(5)	8,9(1)	6,31	9,1(804)	8,3(5)	8,4(3)	8,3(2)	8(751)	
	MD	6,5(5)	6,5(4)	6,5(1)	6,31	6,6(655)	6,8(4)	6,6(2)	7,0(2)	7(616)	

Зубы	Размеры	Верхняя челюсть					Нижняя челюсть				
		X _m (N)	X _f (N)	X _{сбт} (N)*	X _{CA} **	X _m (N)	X _f (N)	X _{сбт} (N)	X _{CA}		
P2s	VL	8,6(4)	9,3(2)		9,1(804)	8,1(4)	8,0(1)		8(751)		
M1d	MD	6,6(4)	6,7(1)	6,35	6,6(655)	6,5(3)	6,5(1)	7,0	7(616)		
M1s	VL	10,9(3)	10,4(1)		11,2(914)	10,5(6)	10,2(2)		10,4(841)		
M2d	MD	10,6(4)	10(1)	10,2	10,4(625)	10,5(5)	10,9(1)	10,33	11,2(501)		
M2s	VL	11,1(4)	11,1(2)		11,2(914)	10,4(4)	9,5(1)		10,4(841)		
M3d	MD	10,6(4)	10,3(2)	10,23	10,4(625)	10,1(3)	–	10,47	11,2(501)		
M3s	VL	11,1(3)	10,5(1)		11,1(951)	10,3(5)	10,1(2)		10,0(919)		
	MD	9,7(4)	8,8(1)		9,6(845)	9,8(3)	9,8(3)		10,7(728)		
	VL	10,8(3)	11,3(2)		11,1(951)	9,8(5)	9,2(1)		10,0(919)		
	MD	9,4(4)	9,4(2)		9,6(845)	9,6(4)	–		10,7(728)		
	VL	10,7(3)	–		10,7(737)	10,3(3)	11,4(1)		9,9(722)		
	MD	8,9(4)	–		8,9(717)	11,7(1)	11,7(1)		10,6(679)		
	VL	10,5(3)	12,2(1)		10,7(737)	10,2(4)	11,5(1)		9,9(722)		
	MD	9,0(3)	10,1(1)		8,9(717)	10,1(4)	12,9(1)		10,6(679)		

Примечание: обозначение зубов — I — резцы, C — клыки, P — премоляры, M — моляры; d (лат. dexter) — правые, s (лат. sinister) — левые; VL — вестибулолингвальный диаметр, MD — мезиодистальный диаметр; N — количество измеренных зубов для каждого признака, X — среднее арифметическое, « — » — наблюдения отсутствуют. * — данные по резцам, премолярам и молярам (Elhiny et al. 2021) современные египтяне N=236, школьники 13–16 лет мухафазы Эль-Файюм, измерения MD-диаметров по фотографиям слепков в программе TracerNet; данные по клыкам (Awwad 2020) — современные египтяне N=24 мужчин(m), 24 женщины(f), 20–45 лет, измерения калипером слепков. ** — средние размеры зубов Homo sapiens северной Африки, включая представителей Египта: 12 династии (серия Лигт -Lisht, 1991–1783 гг. до н. э.), греко-римского периода (серия Эль-Хеза, 200–400 гг. н. э.) и византийского периода (серия Харга — Kharga, 500–600 гг. н. э.) и египтян (Irish, Grabowski 2021).

нижних премоляров и первых моляров (Табл. 1, значения меньше современных выделены жирным). В то же время вестибулярный диаметр верхних и нижних третьих моляров превышает среднее значение выборки Северного Египта, вероятно из-за крупных размеров этих зубов у девушки-подростка. У одного из мужчин и девушки наибольшая ширина (VL-диаметр) нижних моляров оказывалась на уровне энтокониды и гипокониды. Несмотря на это, в вычислениях VL-диаметр учитывался на уровне метакониды и протокониды, разница измерений составила от 0,2 до 0,5 мм.

В заключение отметим, что накопление новых одонтологических данных даст представление о распространении фенетических признаков у жителей Фив, а при прямом датировании останков позволит проследить изменчивость этих признаков во времени, отражая биологическую историю Египта с конца XIII века до н. э.

Остеологическое исследование

Мужчины (Табл. 2). Плече-бедренный индекс у двух индивидов оказался немного выше и немного ниже среднего. При этом луче-большеберцовый указатель другого индивида очень невелик, что говорит об относительной укороченности у него предплечья. Лучеплечевой индекс был определен для четвертого индивида и оказался достаточно высоким. Можно в данном случае говорить об удлинённости предплечья относительно плеча у данного мужчины, что можно связать с проявлением адаптации к жаркому климату. Берцово-бедренный индекс был определен только для трех индивидов. Причем в двух случаях он имеет среднее значение относительно размаха вариаций этого признака у современного человека, а в одном случае даже ниже среднего.

Таблица 2.

Индексы пропорций (в%), некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у мужчин из гробницы ГТ 23 (Луксор, Египет)

Индексы (в %)	n	X	min	max	Размах вариаций
Плече-бедренный 1п/2б	2	70,74	69,78	71,69	68,8–72,9
Луче-большеберцовый 1л/1ббк	1	65,48	65,48	65,48	62–71
Луче-плечевой 1л/1п	1	79,39	79,39	79,39	71–82
Берцово-бедренный 1ббк/2б	3	81,73	80,45	82,66	77,3–86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	4	47,19	43,71	48,89	40,1–52,1
Ширина плеч (см)	5	36,80	35,90	37,60	–
Плече-ростовой	5	21,17	20,07	22,15	–
Реконструированная длина тела (рост) (см)	6	172,07	162,1	180,5	по рубрикации Мартина

Таким образом, у одного индивида наблюдается относительное удлинение предплечья, что отражает адаптацию организма к жарким климатическим условиям (Хрисанфова, Перевозчиков 2005). Удлинение голени, что можно было бы прогнозировать, по крайней мере у трех мужчин не наблюдается. У остальных — не известно.

Для всех индивидов характерна средняя ширина плеч, причем не скоррелированная с длиной тела.

Прижизненный рост мы реконструировали по формулам Дюпертюи и Хеддена, Пирсона и Ли, Бунака (цит. по: Алексеев 1966). Длина тела мужчин в данной группе варьирует в пределах почти 20 сантиметров, от 162,1 см до 180,5 см. Согласно рубрикации Мартина, мужчины из Луксора были ростом ниже среднего, среднего, большого и очень большого, причем большого и очень большого роста — 50% индивидов. К сожалению, материал крайне немногочислен.

Женщины (Табл. 3). В таблице 3 представлены результаты расчета аналогичных индексов для женской части группы. Для двух индивидов даже удалось определить интермембральный индекс.

Значение интермембрального индекса оказалось средним у одной женщины и немного ниже среднего у другой, что соответствует относительно среднему соотношению длин рук и ног. Необычный результат получен при расчете плече-бедренного индекса, определить который удалось для трех индивидов. У двух женщин значение индекса оказалось ультравысоким (77,33% и 78,04%), что намного превышает максимальные значения этого индекса у человека современного типа, известные в литературе. У третьей женщины индекс оказался крайне малым, ниже минимального значения из размаха вариаций у человека. Таким образом, двух первых женщин отличали очень длинные руки, третью — наоборот, укороченные. Луче-большеберцовый индекс, определенный только у двух индивидов, оказался очень высоким, что указывает на относительно удлиненные предплечья. Самый большой индекс оказался у женщины с наибольшим значением плече-бедренного индекса.

Таблица 3.

Индексы пропорций (в%), некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у женщин из гробницы ТТ 23 (Луксор, Египет)

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1бк	2	70,30	68,68	71,91	60–84
Плече-бедренный 1/2	3	73,98	66,58	78,04	68,8–72,9
Луче-большеберцовый 1/1	2	73,34	71,18	75,50	62–71
Лучеплечевой 1/1	3	81,95	75,50	89,61	71–82
Берцово-бедренный 1/2	3	85,37	81,86	90,44	77,3–86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	1	46,33	46,33	46,33	40,1–52,1
Ширина плеч (см)	1	34,05	34,05	34,05	–
Плече-ростовой	1	22,04	22,04	22,04	–
Реконструированная длина тела (рост) (см)	5	152,0	147,85	154,5	по рубрикации Мартина

Лучеплечевой индекс, который удалось рассчитать лишь для трех женщин, имеет три разных значения. В первом случае его значение достаточно низкое. Причем речь идет о женщине с наивысшим значением плече-бедренного индекса. То есть у нее укорочено предплечье относительно плеча. У второй женщины значение индекса

высокое, соответствующее удлинённому предплечью. У третьей женщины получено ультравысокое значение указателя, намного большее, чем верхняя граница размаха вариаций этого признака у человека современного типа. Удлиненное предплечье, возможно, является результатом экологической адаптации к жаркому климату, имевшему (и имеющему) место в Египте.

Берцово-бедренный индекс также рассчитан только для трех женщин. У женщины с наименьшим значением лучеплечевого индекса наблюдается очень высокое, можно сказать, запредельное значение берцово-бедренного индекса. А это указывает на сильно удлиненные голени, что также можно рассматривать как признак адаптации к жаркому климату. У остальных двух женщин величина данного индекса средняя и немного выше среднего (т. е. у второй из них также немного удлинены голени).

Ширина плеч рассчитана только для одной женщины. Можно сказать, что она довольно узкоплеча.

Прижизненная длина тела была рассчитана по тем же формулам, что и для мужчин. Рост женщин из Луксора варьировал от почти 148 см до 154,5 см. То есть, размах вариаций невелик. Рост рассчитан для всех пяти женщин. Средний рост женщин в группе оказался равным 152 см. Женщины характеризовались малым ростом, ниже среднего и средним, согласно рубрикации Мартина.

Далее, были определена степень массивности (или прочности) длинных костей конечностей, а также степень расширенности диафизов этих костей в разных ярусах. Результаты приведены в *таблицах 4 и 5*.

Таблица 4.

Результаты расчета индексов массивности и степени уплощенности длинных костей конечностей мужчин из гробницы ТТ 23 (Луксор, Египет)

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Ключица (6/1)	5	23,00	21,57	24,68	20–30
Плечевая (7/1)	4	18,94	17,83	20,38	18–22
Плечевая (6/5)	5	81,97	73,91	88,46	–
Лучевая (3/1)	2	15,51	14,74	16,28	14–18
Лучевая (5/4)	2	80,36	75,00	85,71	–
Локтевая (11/12)	1	93,33	93,33	93,33	–
Локтевая (13/14)	1	95,65	95,65	95,65	градации по Алексееву, 1966
Бедро (8/2)	4	18,89	17,71	20,00	18–21
Бедро (6/7)	5	–	108,00	129,17	–
Бедро (6+7)/2	4	11,78	11,46	12,61	12–15
Бедро (10/9)	4	81,94	74,19	93,33	градации по Алексееву, 1966
ББК (10/1)	3	21,98	21,51	22,59	20–22
ББК (10в/1)	3	19,89	19,54	20,31	18–23
ББК (9/8)	5	64,12	57,14	71,43	60–90
ББК (9а/8а)	5	62,18	59,46	64,52	градации по Алексееву, 1966

Мужчины (Табл. 4). Ключицы у двух мужчин оказались средне-массивными, у всех остальных — грацильными. Плечевые кости у всех мужчин, кроме одного,

грацильные. В одном случае — средне-массивная. Степень уплощенности середины диафиза плечевых костей соответствует хорошему развитию дельтовидной шероховатости. Лучевые кости были средне-массивными и грацильными. Уровень прочности локтевых костей определить не удалось. Локтевые и лучевые кости в средней части диафиза были неплохо развиты в сагиттальном направлении. У одной локтевой кости хорошо выражен гребень супинатора (кость эуроленичная (Алексеев 1966)).

Бедренные кости мужчин группы из Луксора оказались или грацильными, или средне-массивными. Интересно, что абсолютно у всех индивидов диафизы бедренных костей посередине очень хорошо развиты в сагиттальном направлении и имеют выраженный задний пиястр — основу шероховатой линии. Согласно классификации Brothwell (1981) (цит. по: *Herrerin, Carmenate* 2021), два индивида имели слабо выраженный пиястр, два индивида — средне выраженный и у одного индивида был сильно развитый пиястр.

По индексу платимерии (т. е., степени уплощенности в верхней части тела кости) индивиды различаются. Частично кости были сильно уплощенными, у одного индивида гиперплатимеричными, у второго — платимеричными; у двух индивидов кости в верхней части были эуримеричными, то есть почти не уплощенными и довольно хорошо развитыми сагиттально (но не сильнее, чем в поперечном направлении) (Алексеев 1966).

Большеберцовые кости оказались массивными. При этом по степени уплощенности диафиза немного выше середины (на уровне питательного отверстия) у всех мужчин они оказались очень сильно уплощенными, можно сказать, сплюснутыми с боков (или платикнемичными, некоторые даже саблевидно уплощенными). У одного индивида расширенность кости на границе плати- и мезокнемии (Алексеев 1966).

Таким образом, длинные кости рук и ног мужчин были средне-массивными и грацильными; большеберцовые кости по большей части сильно сплюснуты в поперечном направлении.

Женщины (Табл. 5). У одной женщины ключица была средне-массивной. Плечевые кости у всех индивидов выражено грацильные, тонкие. Лучевые кости — средне- или слабо-массивные, а локтевые — разные. У одной женщины — ультраграцильные локтевые кости, у второй — выражено массивные. Плечевые кости в средней части диафиза довольно сильно уплощены, а лучевые — очень сильно. У лучевых костей очень хорошо развит и выступает межкостный край. Диафиз локтевых костей практически не уплощен, а гребень супинатора в верхнем ярусе кости почти не выражен (кости двух женщин — платоленичны (Алексеев 1966)).

Бедренные кости у одной женщины довольно массивны, у остальных женщин эти кости тонкие, грацильные. В середине диафиза бедренные кости в 50% случаев одинаково развиты в сагиттальном и поперечном направлениях (индекс пиястрии равен 100%), в разрезе — почти округлые. У остальных 50% у индивидов хорошо выражен задний пиястр бедренных костей. В одном случае пиястр развит слабо, в другом — умеренно, или средне, согласно классификации Brothwell (1981) (цит. по: *Herrerin, Carmenate* 2021). По степени уплощенности кости в верхнем ярусе диафиза платимеричны, или хорошо уплощены в сагиттальном направлении (Алексеев 1966).

Большеберцовые кости имеют массивность немного ниже среднего. А по степени уплощенности диафизов кости различны: плати-, мезо- и эурикнемичные, — три случая и три разных варианта.

Таблица 5.

Результаты расчета индексов массивности и степени уплощенности длинных костей конечностей женщин из гробницы ТТ 23 (Луксор, Египет)

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Ключица (6/1)	1	24,64	24,64	24,64	20–30
Плечевая (7/1)	4	17,00	16,30	17,88	18–22
Плечевая (6/5)	4	72,61	66,67	80,00	–
Лучевая (3/1)	2	15,65	14,68	16,61	14–18
Лучевая (5/4)	2	63,95	62,50	65,39	–
Локтевая (3/2)	2	15,70	13,27	18,12	15–18
Локтевая (11/12)	2	93,34	86,67	100,00	–
Локтевая (13/14)	2	78,37	77,78	78,95	Градации по Алексееву, 1966
Бедро (8/2)	4	19,03	17,88	21,09	18–21
Бедро (6/7)	4	–	100,00	117,07	–
Бедро (6+7)/2	4	12,00	11,21	13,40	12–15
Бедро (10/9)	4	80,37	80,00	81,48	Градации по Алексееву, 1966
ББК 10/1	3	20,38	20,00	20,57	20–22
ББК 10в/1	3	19,26	18,15	20,00	18–23
ББК 9/8	3	65,73	53,85	76,00	60–90
ББК 9а/8а	3	–	64,00	79,31	Градации по Алексееву, 1966

В целом можно сказать, что длинные кости рук и ног у женщин были разнообразны по степени массивности и уплощенности в разных ярусах.

Заключение

Таким образом, в изученной нами серии древних египтян из луксорской гробницы ТТ 23, нами было выявлено 219 индивидов.

Краниологический анализ показал, что мужская часть выборки долихокранный, с высоким лицом, с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и низкими орбитами. Женская часть выборки характеризуется мезокранией, средней высотой лица с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и хорошо выступающим переносьем. Анализ угловой морфометрии черепов показал, что серия по форме мозговой коробки и лицевого скелета не однородна.

В среднем сравниваемые размеры зубов людей из гробницы ТТ 23 крупнее, чем у современных египтян, и ближе к краниологическим сериям с территории Северной Африки.

Длина тела мужчин в данной группе варьирует в пределах почти 20 сантиметров, от 162,1 см до 180,5 см. Рост женщин из Луксора варьировал от почти 148 см до 154,5 см. Длинные кости рук и ног мужчин были средне-массивными и грацильными; большеберцовые кости по большей части сильно сплюснуты в поперечном направлении. Длинные кости рук и ног у женщин были разнообразны по степени массивности и уплощенности в разных ярусах.

Научная литература

- Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Васильев С. В., Иванов С. В. Антропологические свидетельства адаптационных возможностей древних египтян // Актуальные направления антропологии: сборник, посвященный юбилею академика РАН Т. И. Алексеевой / отв. ред. А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова. М.: Институт археологии, 2008. С. 72–76.
- Васильев С. В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М.: Изд-во УРАО, 1999. 150 с.
- Зубов А. А. Методологическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-онлайн, 2006. 72 с.
- Зубов А. А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас / отв. ред. Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский. М.: Наука, 1968а. С. 5–123.
- Зубов А. А. Одонтология, методика одонтологических исследований. М.: Наука, 1968б. 200 с.
- Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 221 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в антропогенетике. М.: Наука, 1993. 221 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 229 с.
- Орфинская О. В. Первичная реставрация текстиля из гробницы ТТ 23 // Египет и сопредельные страны, 2019. № 4. С. 32–54.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
- Хрисанфова Е. Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: Изд-во МГУ, 1978. 216 с.
- Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В. Антропология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 400 с.
- Awwad R. A. Gender Dimorphism of Canines in a Sample of Egyptian population // Advanced Dental Journal. 2020. Vol. 3. P. 151–161. <https://doi.org/10.21608/adjc.2020.32227.1070>
- Cybulski J. S., Robert J., Stark R. J., Bács T. A. Bioarchaeology, TT 65 Project, Hungarian Mission in Thebes. In: Egyptian Bioarchaeology: Humans, Animals, and the Environment, edited by S. Ikram, J. Kaiser, R. Walker. Leiden: Sidestone Press, 2015. P. 33–42.
- D'Anastasio R. U. G. G. E. R. O., Cilli J., Icaro I., Tanga C., Capasso L. The human remains of the funerary complex of Neferhotep (XVIIIth–XXth Dynasty, Valley of the Nobles, Luxor, Egypt): taphonomy and anthropology // Anthropological Science, 210507. Published online 23 July 2021 in J-STAGE (www.jstage.jst.go.jp). <https://doi.org/10.1537/ase.210507/>
- Elhiny O. A., Sharaf R. F., Elyazied M. A., Radwan E., Salem G. A. The relationship between tooth size, arch length and arch perimeter in Egyptians // Bali Medical Journal. 2021. Vol. 10(3). P. 1056–1060. <https://doi.org/10.15562/bmj.v10i3.2618>
- Fothi E., Bernert Z. Anthropological analysis of the human remains from Theban Tomb 32 In: Human and faunal remains from Theban Tomb 32. STUDIA AEGYPTIACA XIX, edited by G. Schreiber. Budapest, 2010. P. 17–28.
- Greene D. L. Dental anthropology of early Egypt and Nubia // Journal of Human Evolution. 1972. Vol. 1(3). P. 315–324. [https://doi.org/10.1016/0047-2484\(72\)90067-X](https://doi.org/10.1016/0047-2484(72)90067-X)
- Herrerin J., Carmenate M. Sexual dimorphism in crania belonging to the 1st century AD from the tomb of Mentuemhat (TT34), Luxor, Egypt // Anthropological Science, 220128. Published online 26 May 2022 in J-STAGE (www.jstage.jst.go.jp). <https://doi.org/10.1537/ase.220128>
- Herrerin J., Carmenate M. Mobility in Ancient Egypt from the shape and strength of the femurs // Anthropological Review. 2021. Vol. 84(2). P. 181–199. <https://doi.org/10.2478/anre-2021-0014>

- Herrerin J., Prats A., Ledesma L., Isidro A. Syring in Spinal Cord in Mummified Individual from West Thebes (Egypt) // World Neurosurgery. 2018. Vol. 118. P. 230–234. <https://doi.org/10.1016/j.wneu.2018.07.110>
- Herrerin J., Sánchez M. A., Onstine S., Reckard V., Warkentin E., Redman T. Prosthesis for the afterlife in TT16, Luxor, Egypt // Journal of the American Research Center in Egypt. 2014. Vol. 50. P. 127–145.
- Irish J. D. A dental assessment of biological affinity between inhabitants of the Gebel Ramlah and R12 Neolithic sites. In: Man–Millennia–Environment: Studies in Honour of Professor Romuald Schild, edited by A. J. Sulgostowska, Z. Sulgostowska. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2008. P. 45–52.
- Irish J. D. Who were the ancient Egyptians? Dental affinities among Neolithic through postdynastic peoples // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 129(4). P. 529–543. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20261>
- Irish J. D., Friedman R. Dental affinities of the C-group inhabitants of Hierakonpolis, Egypt: Nubian, Egyptian, or both? // Homo. 2010. Vol. 61(2). P. 81–101. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2010.02.001>
- Irish J. D., Grabowski M. Relative tooth size, Bayesian inference, and Homo naledi // American Journal of Physical Anthropology. 2021. Vol. 176(2). P. 262–282. <https://doi.org/10.1002/ajpa.24353>
- Irish J. D., Konigsberg L. The ancient inhabitants of Jebel Moya redux: Measures of population affinity based on dental morphology // International Journal of Osteoarchaeology. 2007. Vol. 17(2). P. 138–156. <https://doi.org/10.1002/oa.868>
- Isidro A. El Templo de Millones de Años de Thutmosis III en Luxor: estudio paleopatológico preliminar y nuevas perspectivas // Trabajos de Egiptología. 2019. Vol. 10. P. 147–157. <https://doi.org/10.25145/j.TdE.2019.10.08>
- Ivanov S. Tomb of Tjay (TT 23). In: Achievements and problems of modern Egyptology. Proceedings of the international conference held in Moscow on September 29 — October 2, 2009, edited by G. Belova, S. Ivanov. Moscow: CES RAS, 2012. P. 158–165.
- Ivanov S. Tomb of Tjay (TT 23). Progress report // Egypt and Neighbouring Countries. 2018. Vol. 2. P. 51–17. <https://doi.org/10.24411/2686-9276-2018-00007>
- László O. ‘From Chaos to Coherence’: Anthropological Analysis of Commingled Human Remains from Tomb Saf-1 at El-Khoha Hill in Qurna. In: Burial and Mortuary practices in late period and Graeco-Roman Egypt: proceedings of the International Conference held at Museum of Fine Arts, Budapest, 17–19 July 2014. Budapest: Museum of Fine Arts, 2017. P. 91–102.
- Nerlich A., Zink A., Hagedorn H. G., Szeimies U., Weyss C. Anthropological and palaeopathological analysis of the human remains from three “Tombs of the Nobles” of the Necropolis of Thebes-west, Upper Egypt // Anthropologischer Anzeiger. 2000. Vol. 58(4). P. 321–343.
- Onstine S., Herrerin J., Miguel Sanchez M., Dinarès R. Women’s Health Issues Reflected in Case Studies from Theban Tomb 16. In: The ancient Egyptians and the natural world. Flora, Fauna, and Science, edited by S. Ikram, J. Kaiser, S. Porcier. Sidestone Press, 2021.
- Prowse T. L., Lovell N. C. Concordance of cranial and dental morphological traits and evidence for endogamy in ancient Egypt // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 101(2). P. 237–246. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1096-8644\(199610\)101:2<237::AID-AJPA8>3.0.CO;2-Z](https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(199610)101:2<237::AID-AJPA8>3.0.CO;2-Z)
- Schillaci M. A., Irish J. D., Wood C. C. E. Further analysis of the population history of ancient Egyptians // American Journal of Physical Anthropology. 2009. Vol. 139(2). P. 235–243. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20976>
- Schrader S., Buzon M., Irish J. Illuminating the Nubian ‘Dark Age’: a bioarchaeological analysis of dental non-metric traits during the Napatan Period // Homo. 2014. Vol. 65(4). P. 267–280. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2014.05.001>

- Solà R. D., Baxarias J., Fontaine V., Garcia-Guixé E., Herrerín J. Estudio radiológico realizado a 18 momias egipcias a pie de tumba // *Imagen Diagnóstica*. 2012. Vol. 3(1). P. 11–23.
- Stark R. J., Bács T. A. Human remains from the TT65 Project, Luxor, Egypt, 2014 // *Bioarchaeology of the Near East*. 2021. Vol. 15. P. 85–97.
- Scott G. R., Irish J. D. *Human Tooth Crown and Root Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Scott G. R., Turner C. G. II, Townsend G. C., Martinon-Torres M. *The Anthropology of Modern Human Teeth. Dental Morphology and Its Variation in Recent and Fossil Homo sapiens*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 420 p.
- Wahba A., Herrerín J., Sánchez M. Metastatic carcinoma in human remains from TT110, Luxor, Egypt (ancient Thebes) // *Homo: Internationale Zeitschrift für die Vergleichende Forschung am Menschen*. 2021. Vol. 72(4). P. 307–316. <https://doi.org/10.1127/homo/2021/1477>

References

- Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Osteometry. Anthropological research methodology]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V. P., and G. F. Debets. 1964. *Kraniometriya* [Cranioimetry]. Moscow: Nauka.
- Awwad, R. A. 2020. Gender Dimorphism of Canines in a Sample of Egyptian population. *Advanced Dental Journal* 3: 151–161. <https://doi.org/10.21608/adjc.2020.32227.1070>
- Cybulski, J. S., J. Robert, R. J. Stark, and T. A. Bács. 2015. Bioarchaeology, TT 65 Project, Hungarian Mission in Thebes. In *Egyptian Bioarchaeology: Humans, Animals, and the Environment*, edited by S. Ikram, J. Kaiser, R. Walker, 33–42. Leiden: Sidestone Press.
- D'Anastasio R. U. G. G. E. R. O., J. Cilli, I. Icaro, C. Tanga, and L. Capasso. 2021. The human remains of the funerary complex of Nefherhotep (XVIIIth–XXth Dynasty, Valley of the Nobles, Luxor, Egypt): taphonomy and anthropology. *Anthropological Science*, 210507. Published online 23 July 2021 in J-STAGE (www.jstage.jst.go.jp). <https://doi.org/10.1537/ase.210507>
- Elhiny, O. A., R. F. Sharaf, M. A. Elyazied, E. Radwan, and G. A. Salem. 2021. The relationship between tooth size, arch length and arch perimeter in Egyptians. *Bali Medical Journal* 10(3): 1056–1060. <https://doi.org/10.15562/bmj.v10i3.2618>
- Fothi, E., and Z. Bernert. 2010. Anthropological analysis of the human remains from Theban Tomb 32. In *Human and faunal remains from Theban Tomb 32. STUDIA AEGYPTIACA XIX*, edited by G. Schreiber, 17–28. Budapest.
- Greene, D. L. 1972. Dental anthropology of early Egypt and Nubia. *Journal of Human Evolution* 1(3): 315–324. [https://doi.org/10.1016/0047-2484\(72\)90067-X](https://doi.org/10.1016/0047-2484(72)90067-X)
- Herrerín, J., and M. Carmenate. 2021. Mobility in Ancient Egypt from the shape and strength of the femurs. *Anthropological Review* 84(2): 181–199. <https://doi.org/10.2478/anre-2021-0014>
- Herrerín, J., and M. Carmenate. 2022. Sexual dimorphism in crania belonging to the 1st century AD from the tomb of Mentuemhat (TT34), Luxor, Egypt. *Anthropological Science*, 220128. Published online 26 May 2022 in J-STAGE (www.jstage.jst.go.jp). <https://doi.org/10.1537/ase.220128>
- Herrerín, J., A. Prats, L. Ledesma, and A. Isidro. 2018. Syrinx in Spinal Cord in Mummified Individual from West Thebes (Egypt). *World Neurosurgery* 118: 230–234. <https://doi.org/10.1016/j.wneu.2018.07.110>
- Herrerín, J., M. A. Sánchez, S. Onstine, V. Reckard, E. Warkentin, and T. Redman. 2014. Prosthesis for the afterlife in TT16, Luxor, Egypt. *Journal of the American Research Center in Egypt* 50: 127–145.
- Irish, J. D. 2006. Who were the ancient Egyptians? Dental affinities among Neolithic through post-dynastic peoples. *American Journal of Physical Anthropology* 129(4): 529–543. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20261>

- Irish, J. D. 2008. A dental assessment of biological affinity between inhabitants of the Gebel Ramlah and R12 Neolithic sites. In *Man–Millennia–Environment: Studies in Honour of Professor Romuald Schild*, edited by A. J. Sulgostowska, Z. Sulgostowska, 45–52. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences.
- Irish, J. D., and R. Friedman. 2010. Dental affinities of the C-group inhabitants of Hierakonpolis, Egypt: Nubian, Egyptian, or both? *Homo* 61(2): 81–101. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2010.02.001>
- Irish, J. D., and M. Grabowski. 2021. Relative tooth size, Bayesian inference, and Homo naledi. *American Journal of Physical Anthropology* 176(2): 262–282. <https://doi.org/10.1002/ajpa.24353>
- Irish, J. D., and L. Konigsberg. 2007. The ancient inhabitants of Jebel Moya redux: Measures of population affinity based on dental morphology. *International Journal of Osteoarchaeology* 17(2): 138–156. <https://doi.org/10.1002/oa.868>
- Isidro, A. 2019. El Templo de Millones de Años de Thutmosis III en Luxor: estudio paleopatológico preliminar y nuevas perspectivas [The Temple of Millions of Years of Thutmosis III in Luxor: Preliminary Paleopathological Study and New Perspectives]. *Trabajos de Egiptología* [Papers on Ancient Egypt] 10: 147–157. <https://doi.org/10.25145/j.TdE.2019.10.08>
- Ivanov, S. 2012. Tomb of Tjay (TT 23). In *Achievements and problems of modern Egyptology. Proceedings of the international conference held in Moscow on September 29 — October 2, 2009*, edited by G. Belova, S. Ivanov, 158–165. Moscow: CES RAS.
- Ivanov, S. 2018. Tomb of Tjay (TT 23). Progress report. *Egypt and Neighbouring Countries* 2: 51–17. <http://doi.org/10.24411/2686-9276-2018-00007>
- Khrisanfova, E. N. 1978. *Evolutsionnaya morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of the human skeleton.]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Khrisanfova, E. N., and I. V. Perevozchikov. 2005. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- László, O. 2017. 'From Chaos to Coherence': Anthropological Analysis of Commingled Human Remains from Tomb Saf-1 at El-Khoha Hill in Qurna. In *Burial and Mortuary practices in late period and Graeco-Roman Egypt: proceedings of the International Conference held at Museum of Fine Arts, Budapest, 17–19 July 2014*, 91–102. Budapest: Museum of Fine Arts.
- Nerlich, A., A. Zink, H. G. Hagedorn, U. Szeimies, and C. Weyss. 2000. Anthropological and palaeopathological analysis of the human remains from three "Tombs of the Nobles" of the Necropolis of Thebes-west, Upper Egypt. *Anthropologischer Anzeiger* 58(4): 321–343.
- Onstine, S., J. Herrerín, M. Miguel Sanchez, and R. Dinarès. 2021. Women's Health Issues Reflected in Case Studies from Theban Tomb 16. In *The ancient Egyptians and the natural world. Flora, Fauna, and Science*, edited by S. Ikram, J. Kaiser, S. Porcier. Sidestone Press.
- Orfinskaya, O. V. 2019. Pervichnaya restavratsiya tekstilya iz grobnitsy TT 23 [Reconsidering terms: description of textiles from TT 23]. *Egypt and Neighbouring Countries* 4: 32–54.
- Prowse, T. L., and N. C. Lovell. 1996. Concordance of cranial and dental morphological traits and evidence for endogamy in ancient Egypt. *American Journal of Physical Anthropology* 101(2): 237–246. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1096-8644\(199610\)101:2<237::AID-AJPA8>3.0.CO;2-Z](https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(199610)101:2<237::AID-AJPA8>3.0.CO;2-Z)
- Roginskij, Ya. Ya., and M. G. Levin. 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Schillaci, M. A., Irish, J. D., Wood, C. C. E. 2009. Further analysis of the population history of ancient Egyptians. *American Journal of Physical Anthropology* 139(2): 235–243. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20976>
- Schrader, S., M. Buzon, and J. Irish. 2014. Illuminating the Nubian 'Dark Age': a bioarchaeological analysis of dental non-metric traits during the Napatan Period. *Homo* 65(4): 267–280. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2014.05.001>

- Scott G. R., C. G. II Turner, G. C. Townsend, and M. Martinon-Torres. 2018. *The Anthropology of Modern Human Teeth. Dental Morphology and Its Variation in Recent and Fossil Homo sapiens*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott, G. R., and J. D. Irish. 2017. *Human Tooth Crown and Root Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Solà, R. D., J. Baxarias, V. Fontaine, E. Garcia-Guixé, and J. Herrerin. 2012. Estudio radiológico realizado a 18 momias egipcias a pie de tumba. *Imagen Diagnóstica* 3(1): 11–23.
- Stark, R. J., and T. A. Bács. 2021. Human remains from the TT65 Project, Luxor, Egypt, 2014. *Bioarchaeology of the Near East* 15: 85–97.
- Vasilev, S. V., and S. V. Ivanov. 2008. Antropologicheskie svidetelstva adaptatsionnykh vozmozhnostej drevnikh egiptyan [Anthropological evidence of the adaptive features of the ancient Egyptians]. *Aktualnye napravleniya antropologii: sbornik, posvyashchennyj yubileyu akademika RAN T. I. Alekseev* [Actual trends in anthropology: collected articles dedicated to the anniversary of Academician T. I. Alekseeva], edited by A. P. Buzhilova, M. V. Dobrovolskaya, M. B. Mednikova, 72–76. Moscow: Institut arkeologii.
- Vasilev, S. V. 1999. *Differentsiatsiya plejstotsenovykh gominid* [Pleistocene hominid differentiation]. Moscow: Izdatel'stvo URAO.
- Wahba, A., J. Herrerin, and M. M. Sánchez. 2021. Metastatic carcinoma in human remains from TT110, Luxor, Egypt (ancient Thebes). *Homo: Internationale Zeitschrift für die Vergleichende Forschung am Menschen*, 72(4): 307–316. <https://doi.org/10.1127/homo/2021/1477>
- Zubov, A. A. 1968a. Nekotorye dannye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i ego ras [Some data of odontology to the problem of the Human Evolution and Human Races]. In *Problemy evolyutsii cheloveka i ego ras* [Problems of Human Evolution and Human Races], edited by G. F. Debets, Ya. Ya. Roginskij, 5–123. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A. 1968b. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A. 1973. *Etnicheskaya odontologiya* [Ethnic odontology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A. 2006. *Metodologicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [Guideline for anthropological analysis of odontological materials]. Moscow: Etno-onlain.
- Zubov, A. A., and N. I. Khaldeeva. 1989. *Odontologiya v sovremennoi antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A. A., and N. I. Khaldeeva. 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39+930

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/345-358

Научная статья

© Б. Э. Эскендеров

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНЦЕПЦИИ В. Ф. МИНОРСКОГО О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА ЛЕЗГИН

В статье рассматривается концепция российского востоковеда и дипломата Владимира Федоровича Минорского (1877–1966) по поводу происхождения этнонима «лезгин». Критический анализ, проведенный с привлечением дополнительных источников, показывает необоснованность предложенной В. Ф. Минорским версии. Также сделана попытка более подробного исследования этнонимии лезгин с учетом временных отрезков и исторических обстоятельств фиксации в историографии различных этнонимов, которыми обозначали лезгин. В результате проведенного автором исследования выявились новые взаимосвязи между этнонимами. В частности, удалось установить исконную историческую форму этнонима, которая не отличалась от современного самоназвания лезгин.

Ключевые слова: этнонимика лезгин, лезгины, леги, леки, лакзы, В. Ф. Минорский.

Ссылка при цитировании: Эскендеров Б. Э. Замечания по поводу концепции В. Ф. Минорского о происхождении этнонима лезгин // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 345–358

UDC 39+930

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/345-358

Original Article

© Bedirhan Eskenderov

REMARKS ON V. F. MINORSKY'S CONCEPT OF THE ORIGIN OF THE ETHNONYM LEZGIN

The article examines the concept of Vladimir F. Minorsky regarding the origin of the ethnonym "Lezgin". A critical analysis involving additional sources challenges the version proposed by V. F. Minorsky. An attempt was also made to study the ethnonymy of Lezgins in more detail, taking into account the time periods and historical circumstances when particular ethnonyms that denote Lezgins were recorded. The study revealed new relationships between ethnonyms. In particular, the original his-

Эскендеров Бедирхан Эмирулахович — независимый исследователь (г. Дербент, Республика Дагестан, РФ). Эл. почта: b.eskenderov@mail.ru

torical form of the ethnonym was identified, which did not differ from the modern self-name of the Lezgins.

Keywords: *ethnonymy of Lezgins, Lezgins, Legs, Leks, Laks, Vladimir F. Minorsky.*

Author Info: **Eskenderov, Bedirkhan E.** — Independent Researcher (Derbent, Republic of Dagestan, RF). E-mail: b.eskenderov@mail.ru

For citation: Eskenderov, B. 2022. Remarks on V. F. Minorsky's concept of the origin of the ethnonym "Lezgin". *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 345–358.

Вступление

Этнонимика лезгин является одной из неизученных научных тем в этнографии Кавказа. На первый взгляд лезгины никогда не были обделены вниманием. О них писали, начиная с глубокой древности, первые их упоминания относятся к I веку. За свою относительно долгую историю лезгины в разные периоды отразились в рассказах современников как *леги/леки* и *гелы*, *лакзы/лекзы* и *лезгины*. До наших дней дошло множество документальных источников, содержащих описания лезгин не только исторического, но и этнографического характера. В новейшее время выходили труды по этнографии лезгин Л. И. Лаврова, М. М. Ихилова, С. С. Агашириновой, А. Г. Агаева и др. Но при таком обилии материалов и исследований этнонимика лезгин до сих пор не привлекала внимания специалистов. По этой теме нет никаких монографических исследований или отдельных статей, даже коротких. Те авторы, которые писали о лезгинах, по части этнонимики ограничились подтверждением в той или иной форме высказывания В. Ф. Минорского о происхождении этнонима *лезги* от *лег/лек* через промежуточный вариант *лакз*.

Однако концепция В. Ф. Минорского, связывающая между собой эти названия, вызывает массу вопросов. Она при ближайшем рассмотрении оказывается фактически принятой большинством авторов «на веру», без критического осмысления.

Прсчеты В. Ф. Минорского

В 1895 г. на страницах журнала Немецкого Восточно-Географического Общества известный востоковед Йозеф Маркварт высказал следующее заключение: «*لللكز* die Lezghier, arm. Lek; also Lak-z =Lek-c» (*Marquart* 1895: 666). Перевод этой фразы мы приведем дальше, а также еще поговорим подробно о том, что собой представляют слова *Lek* и *Lak-z*. Сначала же кратко проясним, что имел в виду Й. Маркварт. *Lek* (лек) — этноним, которым называют лезгин не только в армянском, но и в грузинском языках. Он также встречается в древнегреческих источниках в форме «*Λήγες*» (древнегреч. *леги*). Еще известно одно единственное упоминание этого этнонима на среднеперсидском: в надписи из Пайкули (НПК), датированной приблизительно 293 г., сказано, что на коронацию персидского царя вместе с царем Иберии, владетелями Мугана, Кура и другими гостями был приглашен и «владетель l.k[n]» — для точности приводим латинскую транскрипцию (*Humbach* 1983: 54). Востоковеды связывают l.k[n] с лезгинами.

Что касается термина «*للكز*» (*лакз*), то его правильнее было бы транскрибировать как *лекз*, но в историографии закрепилось именно арабское прочтение этого слова.

Дело в том, что в арабском алфавите нет специального знака для звука «е», огласовка «фатха» имеет широкое звучание от «о» до «е». Вот это слово и переводили как *лакз*. Во II тысячелетии, когда персидская письменность перешла на арабскую графику и сложился язык фарси, в котором имеется и соответствующая графема, в персидских источниках стали писать данный термин как *лекз*. Это показывает, что мы имеем дело со все тем же этнонимом *лег/лек*, теперь с «-z» в конце.

То есть высказывание Й. Маркварта можно перевести как «Лакзы это лезгины, по-армянски — леки». Одним словом, он ничего нового не сказал, лишь констатировал известные вещи, и при этом не объяснил, что означает выделенное им окончание -z в слове *лакз*.

В 1937 г. В. Ф. Минорский в комментариях к средневековому географическому трактату «Худуд аль-Алям» на основании этого высказывания Й. Маркварта попытался объяснить этимологию этнонима *лезгин*. Заодно он пояснил, что по Маркварту означает «-z»: «Название Лак-з, как показал Маркварт, ... образовано при помощи иранского суффикса происхождения -z и основы *Lak... Вследствие перестановки Lakz превратилось в Lazg, и этой формой впоследствии воспользовались персы, добавив обычный суффикс происхождения Lazg-i (в русском языке Лезг-ин, с русским «сингулятивным» суффиксом «ин»). Этим позднейшим персидско-тюркским термином стали обозначать всех дагестанских горцев без различия, впрочем, в особенности горцев южной части Дагестана, ср. Бартольд, Дагестан в EI» (*Hudud al-Alam* 1937: 50).

Через два десятилетия, снова в комментариях к вышедшей в Кембридже в 1958 г. «Истории Ширвана и Дербента», он немного упростил свою гипотезу, сократив и количество суффиксов: «Это название состоит из *лак* // *лаг* („человек“ на местных языках) плюс иранский суффикс -z, показывающий происхождение. В русском языке слово *лезг-ин* (с метатезой!) использовалось без различия применительно ко всем жителям Дагестана, но в местном употреблении и у арабских географов этот термин применяется только к племенам Южного Дагестана» (*Минорский* 1963: 112).

Оспаривать идеи маститых ученых дело бесперспективное, тем более что выводы, к которым пришел В. Ф. Минорский, на первый взгляд, как будто напрашиваются сами собой: складывается стройная и вроде логичная цепочка, в которой *лак/лаг* предполагается исконным названием, а *лакз* и *лезги* — производными от него. Но при всей своей логичности и даже кажущейся очевидности этой конструкции, она не выдерживает критики.

Прежде всего, невозможно согласиться с предложенной версией возникновения названия *лакз* и выделения конечного -z как суффикса. Во-первых, в персидском языке трудно найти безусловные примеры образования этнонимов путем прибавления этого суффикса. В самом Иране таких этнонимов мы вовсе не нашли.

Во-вторых, вариант *лакз* (للكز) впервые встречается у арабских историков, а не у персидских (*Баладзури* 1927: 7)¹. В пехлевийских текстах форма *лакз* не приводится, в упомянутом случае l.k[n] суффикс, на который ссылается В. Ф. Минорский, отсутствует. И не только в пехлевийских, в текстах доарабского периода слово *лакз* вообще не встречается. Более того, его нет даже у ранних арабских историков.

Хронологически самые ранние описания арабских походов на Кавказ оставил Халифа ибн Хайат, но он еще не знал названия *лакз*². Хотя ибн Хайат и рассказывал

¹ *Лакз* использован им в ретроспективном плане.

² Жил в 777–854 гг.

о завоевании арабским полководцем Марваном ибн Мухаммадом страны лакзов, он писал, что Марван «прошел в землю В.р.т.ниса». По мнению Новосельцева, Бейлиса и др. под В.р.т.нисом имеется в виду правитель лакзов, позже у Куфи названный Арбисом. В другом месте ибн Хайат вместо Лакза употребляет название «аль-К.р» (Бейлис 2000: 42; Новосельцев 1990: 183).

Ну и в-третьих, сама этимология у В. Ф. Минорского — «лаг (человек на местных языках)» плюс суффикс происхождения — лишена смысла: получается неоконченное выражение «человек из...», которое не может послужить определением.

Эти замечания позволяют сомневаться не только в правильности выводов В. Ф. Минорского, а вообще в правомерности поисков корней слова *лакз* в персидском языке и выделения конечного согласного как суффикса «иранского происхождения». Слово *лакз* к персидскому языку не имело отношения. Судя по времени и источникам его первоначального появления, термин *лакз* образовался в арабском языке. Соответственно суффикс, если он в данном слове есть, должен быть арабским, а не иранским, или же его в слове *лакз* вообще нет.

Кроме того, в концепции Минорского есть еще один очень спорный момент. Народы, как известно, проявляют в отношении своего самоназвания известную консервативность, для Кавказа же это как аксиома. Почти у всех коренных народов Восточного Кавказа можно найти по два и более этнонима¹. «Каждый народ носит, сверх собственного, по меньшей мере еще столько же названий, сколько имеет разноязычных соседей», иронизировал в свое время по этому поводу Е. Г. Вейденбаум (Вейденбаум 1888: 69).

Даже поверхностное ознакомление с этнонимией Кавказа показывает, что этнонимы, зафиксированные в исторических источниках, чаще всего не соответствуют самоназваниям — эндоэтнонимам (Дирр 1909: 26. Вейденбаум 1888: 69). Названия, по которым его народы известны в истории, на самом деле являются экзоэтнонимами, чаще всего политононимами либо топоэтнонимами; им соответствовали или одноименные общественно-политические образования, или названия определенных территорий. При этом все народы Кавказа сохранили свои самоназвания независимо от того, как их называли соседи и в каком виде их фиксировала история. Ведь самоназвание является одним из стержневых элементов этнического самосознания (Бромлей 1983: 57).

У лезгин, по мнению В. Ф. Минорского, к первоначальному *лек* в какой-то момент добавился иранский «суффикс происхождения». Затем прибавился и «обычный суффикс происхождения». Со временем, неизвестно когда и непонятно, с чьей стороны, произошла еще и метатеза. В итоге *лек* превратился в *лезги(н)*. Тут и возникают, как мы отметили, множество вопросов. Й. Маркварт в своем комментарии указывал на конкретный этноним *лек* из армянского языка, который не имеет иных значений. Но В. Ф. Минорский в основу своих выводов ставит не этот этноним, а термин «лаг // лак, означающий на местных языках человека». Сразу же напрашивается вопрос — о каких именно языках идет речь?

¹ Исключения составляют народы, сформировавшиеся относительно поздно. Их названия, как правило, имеют конкретную привязку к известным терминам, в основном топонимам. Также близкородственные народы, жившие рядом, часто получали от соседних народов общие экзонимы. Например, черкесами называют целую группу народов, у каждого из которых есть свой эндоэтноним. В некоторых случаях и слишком малочисленные народы тоже не имеют экзонимов.

Комментарий предполагает, что это был не лезгинский язык. Во всяком случае, слов *лаг // лак* или *лег // лек* в лезгинском языке нет. Есть слово *лекь*, напоминающее *лег // лек*, оно имеет два значения: орла и печени. Этнонимической семантики у слова *лекь* в настоящее время нет. К тому же разница между *лекь* и *лезги* существенная. Хотя их транскрипции на европейских языках и выглядят несколько схожими, *лекь* с дифтонгом, созвучным английскому [æ] и увулярным согласным в конце, и *лезги*, который так и читается, значительно разнятся на слух.

Значит, *лак // лаг*, который на местных языках означал человека, был экзоэтнонимом. Отсюда возникает следующий вопрос — каким же тогда был эндоэтноним? Как лезгины сами себя означали? У народа в настоящее время существует единственное самоназвание *лезги*, мн. ч. *лезгияр*, других названий для обозначения себя нет. Получается, что лезгины свое исконное самоназвание потеряли и приняли экзоэтноним, да еще с рядом трансформаций? Но для Кавказа это крайне нехарактерно. Значит лезгин надо объявить исключением? В сумме эти и другие вопросы вызывают большие сомнения в том, что указанная преемственность *лек-лакз-лезги* в реальности имела место.

Да, названные этнонимы действительно относятся именно к лезгинам, — в этом и историки, и этнографы единодушны. А их некоторое сходство по-прежнему наводит на мысль об их возможной взаимосвязанности. Но насколько правомерно выстроить такую линейную последовательность? Мы решили попробовать поискать ответы на эти вопросы. Для этого необходимо было разобраться, к какому виду этнонимов относится каждый из них в отдельности — к эндоэтнонимам или к экзоэтнонимам. Когда, в какие исторические эпохи они появились, при каких обстоятельствах это происходило? Каковую семантическую нагрузку они несли? Какова их возможная этимология? Одним словом, мы попытались рассмотреть проблему со всех сторон.

Леги // леки

Это название встречается еще в античных греческих источниках. Страбон (Страбон 1994, XI: 5, 1), и Плутарх (Плутарх 1994: 25) на заре новой эры сообщали, что леги и гелы жили к северу от древней Кавказской Албании¹ между албанцами и амазонками. Но историк Кавказской Албании Мовсес Каланкатваци в своем труде «История страны Алуанк» (глава XIII), датированном VII–X вв., «писал о легах в контексте событий албанской истории (Каланкатваци 1984). Несмотря на ошибочное причисление Страбоном и Плутархом легов к скифам, А. Г. Яновский, Н. Я. Марр, С. В. Юшков, С. Т. Еремян, К. В. Тревер, Л. И. Лавров, М. С. Гаджиев, М. М. Ихиллов, Р. М. Магомедов и многие другие авторитетные ученые, практически весь ученый мир, отождествляют легов античности с лезгинами. Л. И. Лавров в одной из своих работ допускает, что леги могли быть предками современных лакцев, но поправляется, что «больше оснований считать лакцами «гумиков» (Лавров 1960: 487). В другом труде он однозначно соотносит легов к лезгинам (Лавров 1955: 103).

К. В. Тревер (Тревер 1959: 47), С. Т. Еремян (Еремян 1939: 207), С. В. Юшков (Юшков 1937: 145) помещают легов в долине Самура, согласно М. М. Ихиллову леги занимали бассейны Самура и Кудиал-чая (Ихиллов 1967: 16), по К. Г. Алиеву они населяли долину Самура и южные склоны Большого Кавказского хребта (Алиев 1992: 32).

¹ Государство лезгиноязычных народов существовало в II до н.э — IX вв.

Лек достаточно древний этноним, к какому типу он относится, — к эндо- или экзоэтнонимам, однозначно сказать сложно. Но необходимо отметить, что подобного слова со значением «человек» нет не только в лезгинском языке, но и в языках близкого окружения лезгин. А слово из языка какого-то территориально отдаленного народа, перескочив через географические, политико-административные и другие барьеры, просто так стать этнонимом другого народа не мог. Для этого язык того народа хотя бы должен был иметь «терминообразующие» позиции в регионе.

Все эти нюансы В. Ф. Минорскому необходимо было убедительно аргументировать. Но он не раскрыл даже, что за язык имел в виду. А в армянском, как и в грузинском, в древнегреческом и даже в среднеперсидском *лег* или *лек* только этноним, обозначающий лезгин. Никаких иных значений у слова больше нет. Поэтому можно допустить его местное, лезгинское происхождение, т. е. признать эндоэтнонимом. Но, есть одно «но»: *леги* // *леки* были только частью народа, лезгинами были также и гелы.

О гелах стоит поговорить чуть подробнее, в историографии они встречаются реже, чем леги. О них сообщают те же Страбон и Плутарх (Страбон 1994, XI: 5, 1; XI: 7, 1), (Плутарх 1994: 25), и оба автора указывают гелов не просто рядом с легами, но через соединительный союз «и», подчеркивая тем самым не только их соседство, но и родство¹. Еще их упоминания можно встретить в средневековом армянском географическом трактате «Ашхарацуйц», также у армянского историка Елисея Елише². Последнее относится к событиям V в. (Юзбашян 2001: 268).

Версия, согласно которой этноним *гел* мог произойти от *лег* в результате метатезы (еще одной), несостоятельна даже гипотетически (Акопян 1987: 56). И *лег*, и *гел* — это формы передачи слов средствами древнегреческого языка. Но в армянском и грузинском первый пишется строго как *лек*, а второй в «Ашхарацуйце» приведен как *хел* (Патканов 1883: 37).

Обитали гелы «на...склоне гор от моря», то есть в предгорьях и на приморской равнине (Страбон 1994, XI: 7, 1). К. В. Тревер считала, что гелы жили не только восточнее легов. По её мнению, на наш взгляд безосновательному, опирающемуся только на созвучии с топонимом, гелы еще занимали территорию на юго-западном берегу Каспийского моря, в персидской провинции Гилян (Тревер 1959: 47). Но такие признанные специалисты по Кавказской Албании как М. С. Гаджиев, М. М. Ихтилов, А. А. Акопян и др., которые в своих работах коснулись и гелов, их тоже считают лезгинами (Гаджиев 1982, II: 1; Ихтилов 1967: 31; Акопян 1987: 56) и локализируют их в Южном Дагестане, к востоку от легов. По К. Г. Алиеву леги обитали на территории Южного Дагестана, а гелы занимали Южный Дагестан и район реки Кудиал-чай (Алиев 1960: 17).

¹ Гелы Плиния и Птолемея и геланы Аммиана, похоже, к Кавказской Албании отношения не имели.

² Е. Елише вместе перечисляет «[отряды] катышей, хонов, гелов». В комментариях сказано, что «поименованные племена проживали к югу и юго-западу от Каспийского моря». Это заблуждение комментатора, хонами в армянских источниках, в том числе и у Елише, часто называют дагестанские народы. Город Дербент также назван «воротами хоннов». А катыши (кьатш) — самоназвание лезгиноязычного народа хиналугов, проживающих в одноименном селе на север-западе Кубинского района современного Азербайджана. Таким образом все три названных народа проживали на Восточном Кавказе, причем проживали в непосредственной близости друг от друга.

Таким образом, термин *гелы* был еще одним локальным названием части лезгин, живущих в предгорьях и на приморской равнине. И леги, и гелы, возможно были субэтническими или диалектными группами. В несколько более поздних источниках упоминается еще одно локальное название — *хурсы*.

Тем не менее все эти группы составляли один народ. По данным лингвистики лезгинский язык выделился из восточно-самурской языковой общности примерно к VI в. до н. э. (Касьян 2014: 67). К началу I тысячелетия, эти группы, имея общий язык, общий ареал проживания, общий пантеон и пр., уже должны были состояться как единый народ. И у них должен был быть единый самоидентификационный маркер. *Лег* // *лек*, как и *гел*, ввиду ограниченности их распространения в среде самих лезгин, для этой роли не подходят.

Учитывая тот факт, что, в хрониках и летописях окружающих народов упоминается в основном только *леги* // *леки*, для внешнего мира именно этот этноним послужил собирательным названием всех лезгинских локальных групп. Видимо леки выделялись своей многочисленностью или чем-то другим. Но говорить, что для самих лезгин данный этноним был самоназванием всего народа, не приходится.

Лакзы

Слово *лакз* представлял собой интересный феномен. Восточные авторы термином *лакз* обозначали и страну, и народ, и даже отдельный город. Но лакз-этноним у них явно первичен: нередко встречаются выражения «страна аль-Лакз», «страна лакзов». А географ аль-Истахри даже называл страну лакзов Самуром. Он писал: «Река Самур течет по стране Лакзов, называемой Самур» (аль-Истахри 1901: 23). Локализация страны аль-Лакз примерно совпадает с территорией проживания легов // леков. Р. М. Магомедов определял ее в долине реки Самур (Магомедов 1940: 9). По М. Ф. Минорскому, Лакз размещался «в верхнем течении реки Самур» (Минорский 1963: 112). Согласно А. Р. Шихсаидову, в Лакз входили также долины Курах-чая и Чираг-чая, соприкасаясь с юга с Ширваном, с востока с Шаки (Шихсаидов 1980: 67).

Но территориально страна лакзов была больше ареала расселения легов. Аль-Лакз, как можно понять, заметно расширил свои владения за счет соседей, он располагался и на южных склонах Большого Кавказского хребта, в районах обитания шахдагских народов, поскольку имел границу с Ширваном. В него входило и ранее самостоятельное Цахурское владение — Цукети. Захария аль-Казвини писал, что в определенный период сам «город Цахур» даже был главным городом в Лакзе (Генко 1941: 103). По данным грузинских хронистов, Лакз совершил экспансию и на часть территории дидойцев, «...прилегающей к Лекетии части (Дидоэтии) некоторую долю покорили лезгины и жителей обратили в магометанство...». (Джанашвили 1897: 82).

Соответственно, название *лакз* распространяется на все население страны — лакзами становятся не только сами лезгины и народы лезгинской языковой группы¹, но и та часть дидойцев, которые оказались в составе Лакза. Масуди писал, что «сре-

¹ В лезгинскую языковую группу входят сами лезгины, табасаранцы, агульцы, цахурцы, рутульцы, а также проживающие только в пределах Азербайджанской республики удины, будухи, крызы и по некоторым данным хиналуги.

ди них (лакзов — автор.) есть неверные и неподчиненные власти Ширвана по имени дуданийцы» (Караулов 1908: 42).

В этнонимическом плане термин *лакз* имеет куда более широкое распространение. В источниках лакз-этноним встречается и за пределами собственно страны аль-Лакз. Арабо-мусульманские авторы в своих трудах лакзами называли не только население аль-Лакза, но и всех лезгин вне зависимости от района их проживания. Ситуацию иллюстрируют примеры со значениями слов *тюрки* или *русские: русскими* в наши дни в мире называют и представителей русского народа вне зависимости от страны проживания, и всех граждан СССР и его правопреемницы РФ независимо от национальности. Точно также и лакзами мусульманские авторы называли и всех жителей страны аль-Лакз, и всех лезгин независимо от области проживания.

Из их описаний явствует, что лакзы жили не только в аль-Лакзе. Надо сказать, что пределы изначального расселения лезгин — вопрос еще неисследованный. Лезгинскими были не только Лакз, но и Маскут и Хурсан, расположенные между устьем Самура и Абшеронским полуостровом (Минорский 1963: 108). Из других источников узнаем, что Арран «это обширная область, на землях [которой] проживали лакзы» (Мунадджим-Баши 1957). Там же написано, что при сражениях между Арраном и Ширваном все погибшие и попавшие в плен с арранской стороны были лакзами. В географическом словаре арабского географа Якута и Ширван называется «Ширваном лакзов» (Ихиллов 1967: 35). У аль-Гарнати при перечислении языков многонационального Дербента в длинном перечне языков лакзанский стоит на первом месте (Гарнати 1971: 50–51).

Лакз даже больше претендует на то, чтобы быть в прошлом самоназванием лезгин, чем *лег* // *лек*. Несмотря на относительно позднюю фиксацию в историографии, этноним *лакз* был принят, по крайней мере, правящей верхушкой и образованной частью народа: известна целая плеяда ученых-богословов с нисбами аль-Лакзи. Но термин *лакз* образовался в арабском языке, образовался довольно поздно, в определенную эпоху, и затем перестал применяться. В лезгинском языке такое слово напрочь отсутствует. Так же в источниках местного происхождения *Лакз* или *народ лакзов*, за исключением нисб авторов, не упоминаются. Несмотря на то, что данное название употреблялось до XIX в., на Кавказе оно не оставило никаких следов. Это не вызывает сомнений во внешнем, нелезгинском, и даже некавказском генезисе термина.

А нисбы были просто данью научной традиции, ибо арабский язык в средние века на Востоке был языком науки. Эти представители лезгиноязычных народов, получившие классическое арабское образование, и называли себя на арабский манер лакзами. И среди них были не только лакзанцы, т. е. жители аль-Лакза, но и уроженцы Дербента и других мест. Одним словом, *лакз* тоже самоназванием быть не мог.

Что касается взаимосвязи *лакза* с *лек*, то она скорее всего существует, особенно если взять персидскую форму *лекз*. Тем не менее причина перехода *лек* в *лакз* // *лекз*, указанная В. Ф. Минорским, неубедительна; иранские суффиксы тут не при чем.

Лезги

Этноним *лезги* документально известен с середины XIII в., и при формальном подходе он действительно заслуживает быть в конце цепочки В. Ф. Минорского.

Но при пристальном рассмотрении привлекают внимание исторические обстоятельства, в которых он появился. Как известно, культурное влияние арабского мира на Кавказе со временем пошло на убыль. Страна лакзов к тому времени тоже стала достоянием истории. К XIII в. Лакз как централизованное государство, распалось. «История Ширвана и Дербента» сообщает, что в XI в. уже существовали «восточный и западный» Лакзы, не уточняя, где проходила их граница.

В первой половине XIII в. произошли страшные по своей губительности и опустошениям нашествия монголо-татарских полчищ. Вторжения 1222, 1239 и 1240 гг. окончательно уничтожили все, что оставалось от Лакза. Государственность лакзов как таковая перестала существовать. С этого периода, т. е. с рубежа XIII–XIV вв., употребление термина *Лакз* идет на убыль, хотя само слово в исторической традиции еще долгое время сохранялось. В это время нисбы «аль-Лакзи» уже перестают использоваться. Биографии их носителей показывают, что все они жили до XIV в.

И вот именно с этого периода, в такой вот исторической обстановке, в историографию начинает проникать слово *лезги*. Наиболее раннее упоминание этого названия мы находим в записях жившего в XIII в. Гильома де Рубрука (Рубрук 1997: 109, 115, 181) и, судя по ссылке М. И. Артамонова, во «Всеобщей истории» Абуль-Фараджа (Bar Hebraeus) (Артамонов 1962: 380). Вслед за ними мы встречаем новый этноним в «Книге упорядочения стран» Исмаила ибн Али ал Айуби, более известного как Абуль-Фида¹, и др.².

Теоретически *лезги* могло произойти от *лакза*, но против этого свидетельствуют следующие обстоятельства. Если возникновение слова *лезги* было последствием метатезы, а иначе говоря ошибки, неправильного произношения, то каким образом она за довольно короткий период распространилась так далеко от ареала проживания лакзов? Ведь именно в этот промежуток XIII–XIV вв. название *лезгин* применяет и фламандец Гильом де Рубрук, и сириец Абуль-Фида, и другие. И как такие выдающиеся ученые-энциклопедисты своего времени, какими были, к примеру, Абуль-Фарадж или Абуль-Фида, могли взять да употребить ошибочную, с точки зрения В. Ф. Минорского, форму общепринятого названия? Ведь название *Лакз* было широко известно на Востоке, о стране Лакз и о «лакзанском» народе в то время писали много. Встречаются даже собственные имена *Лакзи*³.

Исходя из этих обстоятельств, более правдоподобной, более убедительной выглядит предположение, что этноним *лезги* существовал и ранее, но в летописях и хрониках оказывался подмененным экзонимами. Как, впрочем, и эндонимы подавляющего числа других народов.

Когда страна, условно названная аль-Лакзом, последний оплот суверенитета лезгин, в XIII в. распалась, когда по ее уже останкам прошли соплеменники Мамай, и не стало ни властных структур, ни образованной верхушки, то вместе с ними ушли и иноземные названия. Остался народ, точнее, уцелевшая часть народа со своей самобытностью. И своим исконным самоназванием, который с этого периода начинает упоминаться в географических и исторических материалах под этнонимом *лезгины*. Именно с этого периода, с рубежа XIII–XIV вв. мы находим слова *лезги* и *Лезгистан*

¹ См. Комментарии Минорского к Худуд аль-Алам, § 49. Сарир.

² Название ойконима в «Сборнике летописей» дано как *Лезгистан*, но этноним Л. А. Хетагуровым переведен как *лезгины*.

³ Персонаж с таким именем упоминается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина.

и в письменных памятниках, исходящих от самих лезгин. Самое раннее местное употребление топонима *Лезгистан* содержится в рукописи этого же периода, приобретенной археографической экспедицией ИИЯЛ Дагестана в 1975 г., «переписанной в 1409 г. Каламом, сыном Исфендийара, сына Махмуда, сына Исфендийара, сына Калама, сына Басиршаха ал-Бурзиаши-Ширвани для великого устаза... достойнейшего из ученых и факихов... Шинази... а он известный в области (динар) Лезгистан ученый... Книга переписана в селении Мискинджа». (Гамзатов 1990).

Получается, что именно этноним *лезги(яр)*, и было, как есть и сейчас, исконным самоназванием народа, но он находился по ходу своей непростой истории в тени экзоэтнонимов. Когда страшнейшие катаклизмы уничтожили все привнесенное и заимствованное, данный эндоэтноним один и остался со своими носителями.

Возражением на нашу точку зрения могло быть то, что слово *лезгин* ранее II тысячелетия не встречается. Но это, откровенно говоря, нам кажется слабым аргументом, потому что, как мы уже сказали, самоназваний в источниках вообще мало можно найти, особенно в старинных. Даже у такого древнейшего народа, как армяне, самоназвание хай(к) можно обнаружить только, начиная со средневековья и то, лишь в собственных сводах истории.

Этимология

Попробуем порассуждать об этимологии этих этнонимов. Поскольку дело это чрезвычайно сложное, можно говорить лишь об их предположительном, вероятном происхождении.

Лег. В среде лезгинской интеллигенции популярна версия происхождения этого этнонима от лезгинского слова *лекь* — «орел». Не исключено, что такая связь действительно существует по причине их высокогорного обитания — *леки* занимали самые высокогорные районы на Восточном Кавказе. Исследователь И. Гаджимурадов из Германии считает, что слово *лег* имеет тотемическое происхождение из-за почитания лезгинами в древности культа орла (Гаджимурадов 2019: 161). Эта версия тоже небезосновательна. Лезгины считали орлов священными птицами, на их убийство существовало табу. По свидетельству Гамбы, табу сохранялось даже в XIX в. (Гамба 1827).

О значении этнонима *лезг(ин)* за давностью событий трудно сказать что-либо определенное. Можно конечно строить предположения, но это будут просто догадки, не имеющие научного обоснования. Тут можно лишь процитировать выдающегося советского этнографа В. А. Никонова: «На каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной» (Никонов 1980: 14).

Термин *лакз*, как мы показали, имеет арабское происхождение и его корни надо искать в арабском языке. В арабском существует несколько схожих слов. Например, *лакз* мог произойти от глагола *лаказа*, означающего бить, ударять, толкать локтем и т. д. Или от прилагательного *лакиз* — скупой. Все же, на наш взгляд, наиболее вероятным является происхождение *лакза* другим путем. Оно могло произойти от контаминации этнонимов *лек* и *лезги*: по пути до лезгинских земель арабы от покоренных народов должны были слышать название *леки*, а пришедши в лезгинские края, не могли не услышать их самоназвание. В результате *лек* и *лезги* неправильно слились в арабских устах, а позже в письме отразились как *лакз*. Так что, если метатеза имела место, то она должна была происходить в арабском языке.

Заключение

Концепция В. Ф. Минорского на сегодня является единственной в науке по поводу этнонима *лезгин*. Мы считаем, что пора ее признать чисто лингвистической реконструкцией, лишенной этнологического содержания. Минорский, тем не менее выдающийся ориенталист, к данному вопросу подошел слишком схематично. Увлечшись лингвистической стороной вопроса, он проигнорировал и этнологию, и историю, взял ту догадку, что лежала на поверхности, без критического ее осмысления.

Наше исследование показало, что *лезгины* это эндоэтноним, этимология которого неизвестна. *Леги* или *леки* тоже эндоэтноним. Судя по всему, слово *лек* имеет тотемическое происхождение и связано с культом орла. Однако это был лишь один из локальных этнонимов лезгин, а *лезгин(ы)* — собирательным названием всех частей данного народа. Этноним *лакз* возник в арабском языке в результате слияния этнонимов *лезги* и *лек*. Метатеза, которую подразумевал В. Ф. Минорский, произошла в арабском языке, и была распространена в ограниченный период времени.

Таким образом полной преемственности терминов *лек-лакз-лезгин* в реальности не было. Какое-то время первые два этнонима могли существовать параллельно — *леки* были частью *лезгин*. Со временем, в связи с социальными и общественными изменениями, *леки*, как и другие локальные эндоэтнонимы, в лезгинской среде вышли из употребления. Народ перешел на единое самоназвание. Но в языках соседних народов экзоэтноним *лек* сохранился по сей день. А *лакз* же возник, как уже сказано выше, в результате слияния двух других терминов.

Источники и материалы

- Абу Хамид ал-Гарнати 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / О. Г. Большаков, А. Л. Монгайт. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 134 с.
- Аль-Истахрий 1901 — Аль-Истахрий. Книга путей и стран / Пер. А. Караулова // Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане: Текст, пер. и примеч. Вып. 1 / Н. А. Караулов. Тифлис: тип. Канц. главнонач. гражд. г. на Кавказе. 1901. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901). 73 с.
- Ахмед ибн Лютфуллах 1957 — Ахмед ибн Лютфуллах (Мунадджим-Баши). Джами ад-Дувал. Глава IV / пер. А. Дж. Мамедова // Труды института истории. Том XII. Баку, 1957.
- Баладзори 1927 — Баладзори, Абул-Аббас, Ахмед ибн-Яхья ибн Джабир ал. Книга завоевания стран / пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку: О-во обследования и изучения Азербайджана, 1927. 42, [28] с. (Материалы по истории Азербайджана; Вып. 3).
- Багратиони 1976 — Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Пер. Н. Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Вейденбаум 1888 — Вейденбаум Е. Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис 1888.
- Гамба 1827 — Гамба Ж. Ф. Отрывки из путешествия кавалера Гамбы в Южную Россию // Северный Архив 1827 г. № 11.
- Джанашвили 1897 — Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 26 (1899). Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учеб. округа, 1897.
- Дирр 1909 — Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // Сборник материалов для описания населенных пунктов и племен Кавказа, № 40. Тифлис, 1909.

- Каганкатвацци* 1984 — Каганкатвацци М. История страны Алуанк (в 3 книгах). Перевод с древнеармянского Ш. В. Смбатяна. Ереван: Институт древних рукописей им. Маштоца — Матенадаран, 1984 г.
- Масуди* 1908 — Масуди. Луга золота и родники драгоценных камней. Пер. Караулова Н. А. // Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане: Текст, пер. и примеч. Вып. 1 / Н. А. Караулов. Тифлис: тип. Канц. главнонач. гражд. г. на Кавказе. 1901. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VIII. Тифлис, 1908.
- Плутарх* 1994 — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II: Помпей. Отв. редактор С. С. Аверинцев. М.: Наука, 1994.
- Страбон* 1994 — Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994.
- Рубрук* 1957 — Рубрук Г. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253 / Перевод А. И. Малеина; Отдел рукописей, редких и старопечатных книг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
- Helmut Humbach* 1983 — *Helmut Humbach and Prods O. Skjærvø*. The Sassanian Inscription of Paikuli. Restored text and translation by Prods O. Skjærvø. Munich, Germany 1983.
- Hudud al-Alam* 1937 — *Hudud al-Alam*. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. 982 A. D. / Translated and explained by V. Minorsky. London. 1937. & 50 // Перевод с англ. И. Старикова. М., 2005 г.
- Marquart* 1895 — Marquart J.: Beiträge zur Geschichte und Sage von Eran // Zeitschrift der Deutschen Gesellschaft Morgenländischen, 49. Wiesbaden, 1895.

Научная литература

- Акопян А. А.* Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
- Алиев К. Г.* Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992.
- Алиев К. Г.* К вопросу о племенах Кавказской Албании. Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика Орбели И. А. М.-Л.: АН СССР, 1960.
- Артамонов М. И.* История хазар. / Под ред. и с примечаниями Л. Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
- Бейлис В. М.* Сообщения Халифа ибн Хаййата ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1998 г. Ежегодник. М.: Наука, 2000.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Гаджиев М. С.* Южный Дагестан в III–V вв.: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1982.
- Гаджимурадов И.* Чей танец лезгинка? // Вестник антропологии, 2019. № 3 (47). С. 155–168.
- Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* Арабо-мусульманская литературная традиция // Гамзатов Т. Г., Шихсаидов А. Р. (отв. ред.). Дагестан: историко-литературный процесс. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство Госкомиздата ДАССР, 1990. С. 211–246.
- Генко А. Н.* Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. Труды Института Востоковедения АН СССР, вып. XXXVI. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 81–110.
- Еремян С. Т.* История СССР с древнейших времен об образовании древнерусского государства. Ч. I–II. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939.
- Ихиллов М. М.* Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров и агулов. Махачкала: б. и., 1967.
- Касьян А. С.* К формальной генеалогической классификации лезгинских языков // Вопросы языкового родства. Вестник РГГУ. Серия Филологические науки. Языкознание. 2014. № 11. С. 63–80.

- Лавров Л. И.* Лакцы // Народы Кавказа. / Народы мира. Этнографические очерки; под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 487–502.
- Лавров Л. И.* Лезгины // Народы Дагестана. Сборник статей. Отв. ред. М. О. Косвен и Х.-М. О. Хашаев. Москва: Изд-во АН СССР, 1955.
- Магомедов Р. М.* Древний Дербент. Махачкала, 1940.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Пер. С. Г. Микаэлян. Москва: Изд-во «Восточная литература», 1963.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в до н. э. — VII в. н. э.). М.-Л.: АН СССР, 1959.
- Шихсаидов А. Р.* Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издательство Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1980. С. 65–81.
- Никонов В. А.* Этнонимия // Этнонимы: сборник статей. Отв. ред. В. А. Никонов. Москва: Наука, 1970. 267 с.
- Юзбашян К. Н.* Армянская эпопея V века: от Аварайр. битвы к соглашению в Нуарсаке / К. Н. Юзбашян. Слово о войне армянской / Елишэ; Пер. с древнеарм. И. А. Орбели; Новая ред. К. Н. Юзбашяна. М.: XXI век — Согласие, 2001. 342 с.
- Юшков С. В.* К вопросу о границах древней Албании. «Исторические записки». 1937, № 1. С. 136–145.

References

- Akopian, A. A. 1987. *Albaniia — Aluank v greko-latinskikh i drevnearmianskikh istochnikakh* [Albania — Aluank in Greco-Latin and ancient Armenian sources]. Erevan.
- Aliiev, K. G. 1992. *Antichnaia Kavkazskaia Albaniia* [Ancient Caucasian Albania]. Baku: Azerneshr.
- Aliiev, K. G. 1960. *K voprosu o plemenakh Kavkazskoi Albanii. Issledovaniia po istorii kul'tury narodov Vostoka. Sbornik v chest' akademika Orbeli I. A.* [To the question of the tribes of Caucasian Albania. Studies on the history of the culture of the peoples of the East / Collection in honor of academician Orbeli I. A.]. Moskva — Leningrad: Akademija Nauk SSSR.
- Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar* [History of the Khazars]. Edited and annotated by L. N. Gumilyov. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Beilis, V. M. 2000. *Soobshcheniia Khalifa ibn Khaiyata al-Usfuri ob arabo-khazaraskikh voynakh v VII — pervoi polovine VIII v.* [Messages of Khalifa ibn Hayyat al-Usfuri about the Arab-Khazar wars in the 7th — first half of the 8th century] In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia. Ezhegodnik 1998 g.* [The most ancient states on the territory of the USSR. Materials and research. Yearbook 1998]. Moskva: Vostochna'a literatura.
- Bromley, Yu. V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moskva: Nauka.
- Eremian, S. T. 1939. *Istoriia SSSR s drevneishikh vremen ob obrazovanii drevnerusskogo gosudarstva* [History of the USSR since ancient times about the formation of the ancient Russian state]. Chast I–II. Moskva-Leningrad: Ed. Akademija Nauk SSSR.
- Gadzhiev, M. S. 1982. *Iuzhnyi Dagestan v III–V vekakh: Dissertatsiia*. [Southern Dagestan in the III–V centuries.: PhD paper]. Moskva.
- Gadzhimuradov, I. 2019. *Chei tanets lezginka?* [Whose dance is the Lezginka?]. *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)*. 3 (47): 155–168.
- Gamzatov, G. G., M.-S. Saidov, A. R. Shikhsaidov. 1990. *Arabo-musul'manskaia literaturnaia traditsiia* [Arab-Muslim literary tradition]. In Gamzatov, G. G., A. R. Shikhsaidov (ed.).

- Dagestan: istoriko-literaturnyi protsess* [Dagestan: historical and literary process]. Makhachkala: Dagestanskoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Goskomizdata DASSR. P. 211–246.
- Genko, A. H. 1941. Arabskii iazyk i kavkazovedenie [Arabic language and Caucasian studies]. In *Trudy vtoroi sessii assotsiatsii arabistov. Trudy Instituta Vostokovedeniia AN SSSR. Vypusk XXXVI* [Proceedings of the second session of the Arabist Association]. Moskva-Leningrad: Ed. Akademija Nauk SSSR. P. 81–110.
- Helmut Humbach and Prods O. Skjærvø. 1983. *The Sassanian Inscription of Paikuli*. Restored text and translation by Prods O. Skjærvø. Munich, Germany.
- Ichilov, M. M. 1967. *Narodnosti lezginской группы: etnograficheskoe issledovanie proshlogo i nastoiashchego lezgin, tabasarantsev, rutulov, tsakhurov i agulov* [Peoples of the Lezghin group: Ethnographic study of the past and present of Lezgins, Tabasarans, Rutuls, Tsakhurs, Aguls]. Makhachkala.
- Kasyan, A. S. 2014. K formal'noi genealogicheskoi klassifikatsii lezginских iazykov [On the formal genealogical classification of Lezgin languages]. *Voprosy iazykovogo rodstva. Vestnik RGGU. Seriya Filologicheskie nauki. Iazykoznanie* [Questions of linguistic relationship. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Philological Science Series. Linguistics]. 11: 63–80.
- Lavrov, L. I. 1960. Laktsy [Laktsy] In *Narody Kavkaza* [Peoples of the Caucasus]. Vol. 1. ed. By M. O. Kosven, L. I. Lavrov, G. A. Nersesov, H. O. Khashaev. Moskva: Akademija Nauk SSSR. P. 487–502.
- Lavrov, L. I. 1955. Lezginy [Lezgins] In *Narody Dagestana: Sbornik statei* [Peoples of Dagestan: Collection of articles]. Resp. ed. M. O. Cosven and H.-M. O. Khashaev. Moskva: Akademija Nauk SSSR.
- Magomedov, R. M. 1940. *Drevnii Derbent* [Ancient Derbent]. Makhachkala.
- Minorsky, V. F. 1963. *Istoriia Shirvana i Derbenda X–XI vekov* [History of Shirvan and Derbent X–XI centuries]. Perevod S. G. Mikaelyan. Moskva: Vostochnaya literatura.
- Nikonov, V. A. 1970. Etonimiia [Ethnonymy] In *Etonimy: sbornik statei* [Ethnonyms: collection of articles]. Resp. ed. V. A. Nikonov. Moskva: Nauka. 267 p.
- Novoseltsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza* [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moskva: Nauka.
- Shikhsaidov, A. R. 1980. Voprosy istoricheskoi geografii Dagestana X–XIV vv. (Lakz, Gumik) [Questions of historical geography of Dagestan X–XIV centuries. (Lakz, Gumik)] In *Vostochnye istochniki po istorii Dagestana. Sbornik statei*. [Eastern sources on the history of Dagestan]. Makhachkala: Izdatel'stvo Tipografiia Dagestanskogo filiala AN SSSR. P. 65–81.
- Trever, K. V. 1959. *Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoi Albanii (IV v do n. e. — VII v. n. e.)*. [Essays on the history and culture of Caucasian Albania (IV century BC–VII century AD)]. Moskva-Leningrad: Akademija Nauk SSSR.
- Yuzbashyan, K. N. 2001. *Armianskaia epopeia V veka: ot Avarair. bitvy k soglasheniiu v Nuarsake* [Armenian epic of the 5th century: from the Avarayr. battle to the Noirsac agreement] / K. N. Iuzbashian. Slovo o voine armianskoi [A word on the Armenian war] / Elishe; Per. s drevnearm. I. A. Orbeli; Novaia red. K. N. Iuzbashiana. M.: XXI vek — Soglasie.
- Yushkov, S. V. 1937. K voprosu o granitsakh drevnei Albanii [On the question of the borders of ancient Albania]. *Istoricheskie zapiski*. 1: 136–145.

УДК 39.01
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/359-377
Научная статья

© В. В. Шилов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И МИР ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССОРА Г. Н. ЧАГИНА

Анализируется богатейшее научное наследие известного российского историка-этнографа Георгия Николаевича Чагина, его вклад в изучение истории Пермского Прикамья, Урала и сопредельных территорий. С вводом новых материалов в науку и их интерпретацией, маститым ученым был рассмотрен механизм межэтнического взаимодействия древнего и средневекового населения региона с учетом структурного и функционального развития различных категорий артефактов. Это позволило ему выявить особенности этнических контактов в различных сферах жизни общества: в хозяйстве, ремесле, духовной культуре, а также обусловленность этих процессов в рамках традиционных культур. В трудах профессора Г. Н. Чагина подробно представлены этапы заселения и освоения верхнекамских земель с древнейших времён, глубоко освещается культура и быт населения Пермского Прикамья, исследуется сложная тема христианизации Перми Великой. В многочисленных его работах всесторонне показана этнокультурная история Среднего Урала, исследованы особенности культурно-бытовых традиций народов Пермского региона, история возникновения и становления городов Перми Великой, роль природной среды, сложнейшие этапы этнокультурного развития края, культура и быт русских крестьян, вопросы межэтнических отношений, этногенеза. Все эти проблемы имеют серьёзную актуальность и в наши дни, так как порой их начинают «эксплуатировать» в политическом ракурсе. Приводятся примеры замечательных организаторских способностей известного уральского учёного. Показано честное, бескорыстное служение науке талантливого исследователя на протяжении десятилетий творческой деятельности, его любовь к своей малой родине, внимательное и бережное отношение к своим коллегам, ученикам.

Ключевые слова: Пермское Прикамье, Средний Урал, Г. Н. Чагин, история науки, научное наследие, этнография, культура личности, человеческий капитал.

Ссылка при цитировании: Шилов В. В. Научное наследие и мир личности профессора Г. Н. Чагина // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 359–377.

Шилов Владимир Викторович — к. и. н., доцент, заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины», Березниковский филиал ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» (618404 Пермский край, Березники, ул. Тельмана, 7), член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение), председатель Учёного Совета Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова. Эл. почта: vv595959@mail.ru

UDC 39.01

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/359-377

Original Article

© Vladimir Shilov

SCIENTIFIC LEGACY AND PERSONALITY OF PROFESSOR G. N. CHAGIN

The article analyzes the richest scientific legacy of the famous Russian historian-ethnographer Georgy N. Chagin, his contribution to the study of the history of the Perm Kama region, the Urals and adjacent territories. The venerable scientist introduced and interpreted new materials, which allowed him to study the mechanisms of interethnic interactions of the ancient and medieval population of the region, taking into account the structural and functional development of various artifacts. He described ethnic contacts in various social spheres: economy, craft, spiritual culture, and how these processes are shaped by traditional cultures. Publications of this outstanding scientist present in detail the stages of settlement and development of the Upper Kama lands from ancient times, cover the culture and life of the population of the Perm Kama region, and explore the complex topic of the christianization of Great Perm. Numerous works of Professor Chagin comprehensively tell the ethnocultural history of the Middle Urals, of the emergence and development of the cities of Great Perm, study the role of the natural environment, describe the cultural and everyday traditions of the peoples of the Perm region, the most complex stages of ethnocultural development, the culture and life of Russian peasants, the history of interethnic relations, ethnogenesis etc. All these issues maintain their importance nowadays, as sometimes they are being "exploited" for political gain. The article also provides examples of remarkable organizational abilities of the famous scientist in holding scientific conferences and highlights this outstanding researcher's selfless service to science during the decades of his work, his love for his homeland, attentive and careful attitude to his colleagues and students.

Keywords: Perm Kama region, Middle Urals, G. N. Chagin, history of science, scientific heritage, ethnography, personal culture, human capital.

Author Info: Shilov, Vladimir Viktorovich — Ph.D. in History, Head of the Department for General Education, Berezniy Branch of Perm National Research Polytechnic University (Berezniy, RF). E-mail: vvs595959@mail.ru

For citation: Shilov, V. V. 2022. Scientific Legacy and Personality of Professor G. N. Chagin. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 359–377.

Богатейшее научное наследие Георгия Николаевича Чагина (1944–2018) будет востребовано не только многими поколениями профессиональных историков, но и «простыми» жителями Западного Урала (синоним — Пермский край), так как выдающийся учёный многие свои академические труды публиковал в виде научно-популярных книг. Замечательная, увлекательная, написанная красивым русским языком книга «На древней Пермской земле», изданная в Москве в 1988 г. в извест-

ном издательстве «Искусство» тиражом 125 тыс. экземпляров (!), уже сегодня являются библиографической редкостью (Чагин 1988).

Труды Г. Н. Чагина содержат уникальный научный материал о Пермском Прикамье. Он проводил практически ежегодные полевые исследования (более 50 полевых сезонов!) в Пермской, Свердловской областях (с 2005 г. Пермская область — Пермский край), в Удмуртии, Коми, Башкортостане, Татарстане. Общий список его научных трудов насчитывает более 600 публикаций, из них 44 монографии и научно-популярные книги, а 12 его работ изданы за рубежом в странах Западной Европы и США (*Труды учёных...* 2016). Поэтому комплексный анализ всего творчества Г. Н. Чагина — это тема отдельного, глубокого исследования, возможно и диссертационного. Автор же этих строк ограничится только теми его трудами, которые посвящены истории Верхнекамья, его малой родины, которую он любил всей своей душой и посвятил ей немало своих работ, начиная с первой своей серьёзной научно-популярной книги «Чердынь», изданной ещё в далёком 1972 г. (Чагин 1972). Тогда он после окончания Пермского государственного университета им. Горького (ныне — Пермский государственный национальный исследовательский университет, ПГНИУ) начал свой профессиональный путь на посту директора Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина (1967–1974). Уместно заметить, что именно по его инициативе в 1972 г. отмечалось 500-летие исторического города России — Чердыни (Чагин 1974; *Из прошлого...* 1974).

В многочисленных работах профессора Г. Н. Чагина всесторонне анализируется этнокультурная история Среднего Урала (Чагин 1991; Чагин 1993; Чагин 1994; Чагин 2002; Чагин 2015), роль природной среды и особенности культурно-бытовых традиций народов рассматриваемого региона (Чагин 1995), освещаются вопросы христианизации Северного Прикамья (Чагин 2003), возникновение и роль исторических городов Перми Великой (Чагин 2004), сложнейшие вопросы этнокультурного развития края (Чагин 2002), культура и быт русских крестьян (Чагин 1991; Чагин 1993; Чагин 2001б), проблемы межэтнических отношений (Чагин 2001; Чагин, Черных 2002). Сложной теме христианизации Перми Великой посвящен ряд работ профессора Г. Н. Чагина (Чагин 1997; Чагин 2003), а также диссертация его ученика, ныне возглавляющего Камскую археологическую экспедицию ПГНИУ к. и. н. Г. П. Головчанского (*Головчанский* 2006).

Большой интерес вызывают работы, в которых Г. Н. Чагин подробно рассматривает этапы заселения и освоения верхнекамских земель с древнейших времён, анализирует культуру и быт населения Северного Прикамья. Этой теме посвящена и докторская диссертация ученого, подготовленная и в виде монографии (Чагин 1995).

Доктор Г. Н. Чагин внимательно изучал «культурные гнёзда» Верхнекамья и не только исторические города Чердынь и Соликамск (Чагин 1976; Чагин 1982; Чагин 2004), не упускал он из своего внимания и небольшие по размеру селения, такие как Орёл-городок — старинный строгановский вотчинный центр. По этому последнему селению большой информативный материал об эпохе средневековья, о хозяйственной деятельности местного населения нам дают данные, полученные пермскими археологами О. Н. Бадером и В. А. Обориным. Раскопки проводились довольно быстро, так как нужно было успеть изучить большую, подлежащую затоплению территорию, перед пуском в первой половине 1950-х гг. Камской ГЭС,

то есть археологические изыскания велись накануне создания Камского водохранилища (Оборин 1954). Г. Н. Чагин значительно расширил знания об этом «культурном гнезде» Строгановых на основе большого объёма архивного материала.

История этого населённого пункта очень интересна. По одной из версий именно из Орла-городка Ермак пошёл «на покорение Сибири», о чём свидетельствует и установленный сегодня в честь этого события оригинальный памятник (в XVII в. р. Кама начала менять своё русло, и жители Орла-городка вынужденно переселились на противоположный правый берег реки, где сегодня и расположен пос. Орёл Березниковского городского округа). Об этом важном укрепленном населённом пункте Строгановых писал в своей диссертации и ученик Г. Н. Чагина, — В. А. Шмыров (Шмыров 1982).

Орёл-городок (Кергедан) был возведен в 1564 г. в пойме р. Камы, напротив устья Яйвы Строгановыми. Место для укрепленного городка Строгановыми было выбрано довольно рационально. Орёл-городок находился на небольшом полуострове, у слияния рек Яйвы и Камы. Сам перешеек был прокопан рвом, что превращало городок в подобие «непреступного» острова, так как в конце XVI в. Орлу-городку не раз приходилось выдерживать набеги мансийских князьков (вассалов сибирского хана). С самого начала своего существования, Орёл-городок являлся административным, экономическим и культурным центром Строгановских вотчин. Неслучайно Г. Н. Чагин пришёл к выводу, что Орёл-городок «почти на целое столетие стал центром всех северных вотчин Строгановых» (Чагин 1995: 37).

Династия Строгановых «знаковая» в истории России, тем более в истории Пермского Прикамья, и это не могло остаться без внимания учёного-этнографа Чагина (Чагин 1992). Своё баснословное состояние Строгановы сделали во многом благодаря солеварению (Головчанский, Мельничук 2005).

В 2014 г. была издана работа учёных Пермского государственного национального исследовательского университета под научным руководством Георгия Николаевича «Города-заводы», в которой авторы Г. Н. Чагин, Г. П. Головчанский, А. В. Шилов и А. Ф. Мельничук рассказали об исторических поселениях, которые возникли в связи с промышленным развитием Пермского края (Чагин, Головчанский, Шилов, Мельничук 2014).

По мнению Г. Н. Чагина, одним из следствий распространения в Верхнекамье солеварения стало появление специфики при строительстве производственных и жилых сооружений. При этом, как выяснил ученый, по письменным источникам XVI–XVII вв. в Северном Прикамье обнаруживаются черты северорусских строительных традиций, так как в начальный период заселения основной миграционный поток в Прикамье шёл из районов Европейского Севера (Чагин 2000: 277–285). Георгий Николаевич на Среднем Урале выделяет несколько типов усадеб: одно-, двух-, трёх-, четырёхрядные и замкнутые покоеобразные, что, разумеется, имело место и на рассматриваемой нами территории Северного Прикамья (Чагин 1998а).

Несмотря на суровый климат (нередко за рубежом и сегодня считают русских «суровыми и угрюмыми людьми», особенно население Урала и Сибири) население Верхнекамья было довольно креативно. У Г. Н. Чагина находим интересное замечание о жителях с. Нового Усоля (сегодня г. Усолье на севере Пермского края — территория Березниковского городского округа): «Людей бойких и способных в каком-либо деле называли усольскими стрижами. Это выражение распространилось

в Чердынский край из с. Новое Усолье, где оно использовалось для обозначения предприимчивых в торговле местных жителей» (Чагин 1996: 99).

В своих работах Георгий Николаевич доказал, что многие элементы народной культуры, принесённые русскими переселенцами на прикамские земли, самим этим населением были забыты. Но эту «забытую» культуру сохранили представители местного населения, в частности коми-пермяки. Иногда наблюдалось противоположное, — обычаи и традиции аборигенного населения дольше сохранялись у русских. Например, такой праздник как «Олень — золотые рога» возник на основе древнего языческого обряда, известного в разных местах Европейского Севера, а конкретно в Пермской губернии — у коми-пермяков (Чагин 1993: 114).

Территория Северного Прикамья — это зона рискованного земледелия, тем не менее, местное население было привержено не только охоте, рыболовству, собирательству, но и занималось земледелием (крестьянство). Как писал Г. Н. Чагин, с веками оно накопило традиции хозяйствования и богатый опыт умения приспосабливаться к природным условиям (Чагин 1998б; Александров и др. 1989). Ученый также отмечал, что приёмы обработки земли, ухода за посевами, жатва и сама форма организация этого непростого труда передавалась из поколения в поколение. В земледельческом хозяйстве главную роль играли рожь, ячмень и овёс. Население Верхнекамья сеяло также горох, репу, лён, коноплю. Подсечно-огневое земледелие в Северном Прикамье было известно, что позволяло получать урожай без распашки земли, чему способствовала зола от сжигания деревьев. В хозяйстве существенное значение играли и огородные культуры такие как репа, редька, свёкла, брюква (калега), турнепс, лук, морковь, капуста. Картофель, как первоначально и по всей России, жители Верхнекамья встретили враждебно. Старообрядцы, которых было немало в Северном Прикамье (Чагин 2002), называли его «антихристовым яблоком». По словам Г. Н. Чагина, в некоторых старообрядческих семьях, в частности в деревнях Нюзим и Талово картофель не употребляли ещё в 1920-е гг. и дольше всего его исключали из поминальных обрядов. При этом и сами ямы, в которых хранили картофель, даже в 1960-е гг. назывались не картофельными, а репными (Чагин 2017: 137).

Домашнее животноводство, писал Г. Н. Чагин, тоже играло в хозяйстве заметную роль. Держали лошадей (как рабочее и транспортное средство), крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур. Но домашний скот не отличался высокой продуктивностью. Те же коровы были малорослыми, а беднякам их вообще заменяла коза. При этом наличие огромных биоресурсов в р. Каме, в других менее полноводных реках и озёрах Верхнекамья позволяло населению с древнейших времён в Северном Прикамье заниматься рыболовством, Г. Н. Чагин со своими коллегами И. К. Кирьяновым и С. Н. Коренюком посвятил этому важному занятию предков очень интересную книгу «Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена» (Кирьянов, Коренюк, Чагин 2007), которую с удовольствием читают и учёные, и рыбаки, и просто любознательный человек, так как стиль изложения в книге просто замечательный.

Замечу, Георгий Николаевич тоже был страстным рыбаком. Раз он как-то за дружеским столом по этому поводу пошутил: «Видимо у меня в середине жизни отцовские гены проснулись...» (его отец был репрессирован как «зажиточный» и сослан на север Пермского края, где и родился Г. Н. Чагин десятым ребёнком на берегу Чусовского озера). По его словам, отец у него всю жизнь много работал, «руки у него были просто громадные, ладони — как лапы!» и отец много рыбачил, даже после

того, как вернулся с Великой Отечественной войны инвалидом после тяжёлого ранения (пуля раздробила кисть руки).

В своей последней, объёмной многотомной монографии «Колва, Чусовское, Печора...» (Чагин 2017; Чагин 2018; Чагин 2020) Георгий Николаевич показал в том числе и трагические страницы советской эпохи на примере биографий жителей его любимого Чердынского района. Забегая вперёд, отмечу, уже после смерти профессора Чагина в 2020 г. была издана на основе его рукописи третья часть этой монографии (Чагин 2020) при личной финансовой поддержке земляка Г. Н. Чагина, губернатора Пермского края (с 2020 г.) Д. Н. Махонина (род. в 1982 г. в пос. Рябинино Чердынского района).

Исследуя историю СССР после Второй мировой войны, Г. Н. Чагин пришёл к выводу, что менталитет советских людей, вступивших в трудовую деятельность в послевоенный период отличался от досоветского. В одном из интервью он сказал: «Нельзя, конечно, не учитывать войну. Она унесла из деревни хорошее поколение людей. У тех, что потом народились, воспитание совсем другое. Уже была уничтожена приверженность религии, а вместе с тем семейные ценности. Верующих на сто процентов у нас никогда не было, но бытовая вера несла с собой правила жизни. Поминование родственников в церкви, дома, на кладбище. Знание рода до седьмого колена — обязательно! — и своя особенная этика... До сих пор остались люди, соблюдающие устои, правильно ведущие хозяйство. Они носители традиции. Я знаю несколько человек. Там и этика и эстетика. Но за ними идёт пустое поколение» (Чагин 2014: 24).

Большое количество трудов Г. Н. Чагина посвящено культуре народов Прикамья (Чагин 2002; Чагин, Черных 2002), проблеме сохранения русской народной культуры в иноэтнической среде (Чагин 2001), внедрению в социальную практику культуры толерантного поведения (Чагин 2000а). Огромный вклад профессор Г. Н. Чагин внёс в открытие и изучение этнографической группы коми-пермяков (обособленной финно-угорской народности в России) — *коми-язьвинцев*, ныне проживающих в ряде населённых пунктов Красновишерского района Пермского края (была даже попытка закрепить за язьвинцами статус самостоятельного этноса). Именно Г. Н. Чагин с начала 1990-х гг. активно выступил за возрождение коми-язьвинской культуры (Чагин 1993б; Чагин 2018б), языка, который считается промежуточным между коми-зырянским и коми-пермяцкими языками, возможно и диалектом языка коми.

По его инициативе на международных конференциях «Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья» в 1995–2002 гг. при участии финских учёных началось возрождение коми-язьвинской культуры, языка. При поддержке администрации Пермской области в 2003 г. был издан коми-язьвинский букварь учительницы Паршаковской средней школы А. Л. Паршаковой). С 2002 г. в деревне Антипина отмечается праздник «Сарчик приносит весну». Георгий Николаевич ни разу не пропустил этот фольклорно-этнографический праздник, на котором был всегда желанным и почётным гостем (Чагин 2018: 182–185).

В начале XXI в. по заказу администрации г. Березники нами был подготовлен энциклопедический справочник г. Березники (*Березники...* 2007), над которым работа велась больше трёх лет. Научным руководителем коллектива был д. и. н. Г. Н. Чагин. Энциклопедическое издание, как определил Георгий Николаевич, формировалось по «тематическому принципу», поэтому к работе были привлечены не только

историки и краеведы, но также экономисты, демографы, географы, геологи, экологи, статистические отделы промышленных предприятий, учреждения образования, культуры, здравоохранения, правоохранительных органов. Авторы этого энциклопедического издания стремились максимально возможно осветить прошлое и настоящее индустриального, второго (после краевого центра — г. Перми) по численности и социально-экономическому потенциалу г. Березники Пермского края, описать все стороны исторических процессов и современной жизни города, показать роль Березников в истории Пермского края и России. Наша солидная энциклопедия (480 с.: ил.) получила положительные отзывы прикамского научного сообщества.

Г. Н. Чагин также написал замечательные работы «биографического жанра», о ярких личностях Пермского Прикамья, которые оставили заметный след в истории этих мест, например, о роде Шуваловых (Чагин 2013в). И при этом описывая целые династии, города, он мог посвятить работу и какому-нибудь вроде бы не очень большому, конкретному «провинциальному» памятнику истории (Чагин 2001в).

Г. Н. Чагин создавал не только серьёзные академические труды, он не забывал и о подрастающем поколении, например, писал учебные пособия для старшеклассников средних школ (Чагин 2002в). А свои студенческие работы он, уже будучи зрелым, маститым учёным, «перерабатывал» в занимательные книги (Чагин 2003в). Увлёкательно он мог написать и о кладах, «археологических сокровищах», открытых на его любимой чердынской земле, при этом богато иллюстрируя книги цветными фотографиями (Чагин 2013а). Немало у него было и ярких публикаций в СМИ (Чагин, Баньковский 1990; Чагин 1993в).

Труды профессора Чагина не потеряли свою актуальность до наших дней, так как в них поднимаются архисложные вопросы современного мира. Тема этногенеза, которую не обходил вниманием учёный, не только очень сложна, но и серьёзно востребована, так как порой её начинают «эксплуатировать» в политическом ракурсе. Г. Н. Чагин и А. Ф. Мельничук по этому поводу писали: «...Научному сообществу следует не «ерничать», а плакать от того, что исследования по этническим процессам без достаточной научной объективности дают повод для появления публицистических статей, в которых то или иное положение «выхватывается» для националистических высказываний. Пример подобного характера мы уже получили яркий, когда читателя убеждают в том, что тюрки принесли «живущим в шалашах коми» цвет цивилизации (так утверждает Ф. Байрамова (Байрамова 2013) — прим. В. Ш.)» (Мельничук, Чагин 2012: 328–334).

Несмотря на то, что Г. Н. Чагина считают прежде всего *этнографом*, он как разносторонний и страстный исследователь открыл и несколько памятников археологии. В 2014 г. в период летнего отпуска (как правило, Г. Н. проводил свои отпуска в экспедициях) они вместе с д. и. н. И. К. Кирьяновым (с 1990 г. декан исторического факультета, а с 1994 г. по 2018 гг. историко-политологического Пермского госуниверситета) открыли памятник бронзового века прямо «в двух шагах» от дома, где в 1944 г. в многодетной семье родился Георгий Николаевич — на хуторе Бани, на берегу Чусовского озера Ныробского района (с 1960 г. — Чердынский район). Рассказывая мне об этом с нескрываемой гордостью, он с юмором отмечал, что родился на «историческом» месте!

Пермские археологи активно изучали и изучают территорию Верхнекамья с советского периода и по настоящее время. Основателями уральской школы археологов были д. и. н. О. Н. Бадер (Бадер 1947) и д. и. н. В. А. Оборин (Бадер, Оборин 1958;

Оборин 1990). Г. Н. Чагин сотрудничал с ними и имел совместные труды (Оборин, Чагин 1988). В 1995 г. после смерти д. и. н., профессора, известного исследователя Урала Владимира Антоновича Оборина, продолжая его дело, Георгий Николаевич возглавил кафедру древней и новой истории России Пермского государственного университета (ныне — ПГНИУ) и успешно руководил ею вплоть до своей преждевременной смерти в ноябре 2018 г.

Многих пермских историков и археологов можно назвать учениками В. А. Оборина и Г. Н. Чагина — Г. П. Головчанского, Н. Е. Соколову, П. А. Корчагина, Е. Л. Лычагину, А. М. Белавина, Н. Б. Крыласову, С. В. Скорнякову, умершего в марте 2019 г. А. Ф. Мельничука, а также А. В. Рублёва, Г. А. Бординских, Э. Ю. Макарова.

Автор этих строк познакомился с Г. Н. Чагиным в 1980 г. будучи студентом первого курса Пермского госуниверситета им. А. М. Горького. Несколько полевых сезонов мне довелось провести в археологических отрядах под руководством В. А. Оборина и даже быть одно время лаборантом кабинета археологии при кафедре досоветского периода (в 1991 г. была переименована в кафедру древней и новой истории, которую и возглавляли В. А. Оборин и после его смерти — Г. Н. Чагин), что позволяло «ближе» своих однокурсников узнать Георгия Николаевича. К тому же все свои курсовые работы и диплом я писал именно на этой кафедре. Вспоминается один случай. Как-то я посетовал, что очень трудно найти в библиотеках города рекомендуемую литературу для подготовки к спецсеминару. И Г. Н. Чагин из дома принёс мне пару книг. Что меня тогда поразило, на титульных листах монографий стояла синяя овальная печать, на которой было прописано: «Личная библиотека Г. Н. Чагина».

В студенческие годы Г. Н. Чагин запомнился мне необычайно мягким, деликатным, отзывчивым человеком (таким и оставался до конца своей жизни). Но при этом он был довольно твёрдых убеждений. Он не вступал в ряды КПСС, так как с детства глубоко уважал религию и хорошо представлял, что означает марксистско-ленинский ответ на «основной вопрос философии». К тому же, обладая глубоким аналитическим умом, Георгий Николаевич понимал, что именно на основе идеологии партии «Ленина-Сталина» его родителей-тружеников дважды репрессировали, лишали имущества, выселили с родных мест с клеймом «враги народа». Память родителей он чтит свято. Можно также заметить, что многие учёные-историки советского периода, наблюдая жёсткий идеологический прессинг советской власти «уходили» в археологию, этнографию, изучали историю зарубежных стран, где практически не требовалось «писать историю» по установленным идеологическим клише. Григорий Николаевич при этом явно обладал гражданским мужеством.

Очень близко нас с Георгием Николаевичем свела судьба, начиная с 1990 г., когда мной ежегодно в Березниках начали проводиться научно-практические конференции и всегда с выпуском материалов научных трудов участников. Всего за этот период был издан 31 сборник и во всех них присутствуют статьи Г. Н. Чагина. Он не пропустил у нас в Березниках и ни одной конференции.

Как правило, конференция проходила два дня. На второй день все участники на автобусе познакомились с историко-культурным наследием Верхнекамья (Чердынь, Соликамск, Усолье, Красновишерск, Ныроб, Пыскор, Романово и др. небольшие населённые пункты) и бессменным гидом, уникальным экскурсоводом всегда был Георгий Николаевич. В первый день форума на «пленарном заседании» конференции у Г. Н. Чагина часто был «основной» доклад, а после обеда он руководил одной

из «секций», т. е. с утра и до позднего вечера он активно работал. Но на следующий день Георгий Николаевич был нашим бессменным энергичным экскурсоводом, практически опять же с утра до вечера. Свой рассказ он начинал уже в автобусе (всегда транспорт заказывали с «микрофоном»). В этих памятных поездках были не только «гуманитарии», но и многие «технари» (автор работает в филиале Пермского политехнического университета), которые и сегодня с теплотой вспоминают историко-краеведческие «лекции» профессора Чагина.

В 2014 г. на базе Березниковского филиала ПНИПУ у нас проходила очередная традиционная конференция. И вновь к нам приехал Г. Н. Чагин, хотя у него в этот день 24 апреля был юбилей — 70-летие! Почти час после открытия форума Г. Н. Чагина поздравляли приехавшие гости (почти все привезли подарки), а Администрация города Березники наградила его Почётной грамотой нашего муниципального образования. Вечером мы вновь дружно в кафе поздравляли Георгия Николаевича с юбилеем, а утром он «как огурчик» в автобусе нам до самого Ныроба увлекательно рассказывал историю Верхнекамья, и никогда за все эти годы не повторялся! Ехали мы на «яму» боярина Михаила Никитича Романова, брата патриарха Филарета и дяди первого царя из рода Романовых, в которой он принял мученическую смерть в 1602 г.

Г. Н. Чагин помогал мне и в организационно-бытовых вопросах при проведении конференций. Он сам заранее по телефону договаривался с работниками столовых Чердыни, Соликамска, Красновишерска о питании участников форума, с местными музейщиками, чтобы нас они встречали (езде у него были обширные и добрые «связи!»), и ни разу он даже не намекнул мне, что его работу следует как-то оплачивать!

В 2005 г. я защитил диссертацию под руководством Г. Н. Чагина (Шилов 2005) и, конечно, считаю себя его учеником. Особую гордость у меня вызывает тот факт, что в самом последнем фундаментальном труде Георгия Николаевича о его любимой Чердынской земле «Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от 1917 до 1940 года» (Чагин 2018), рецензентом указан и автор этих строк.

Почему выбрал рецензентом своей последней книги меня и мою однокурсницу д. и. н. И. Ю. Трушкову Георгий Николаевич в письме написал нам так:

21 ноября 2017, 9:21

2 файла

Доброе утро, Ирина Юрьевна, Владимир Викторович!

Обращаюсь с просьбой. Желая Вас видеть рецензентами второй книги. Первая у Вас имеется... Можно взять других рецензентов, но я хочу видеть в своей книге имена близких мне людей. Объем текста почти 30 а. л., еще более 200 иллюстраций, среди которых много архивных документов и публикаций из газет. В начале декабря рукопись отдаю в издательство. В декабре нужно выдержать поездку в Чердынь за иллюстрациями, два оппонирования в Екатеринбурге и Ижевске.

Вам всяческих успехов!

С уважением, ГНЧ.

Он так любил своё Верхнекамье, свой родной Чердынский край, что на издание двух вышеуказанных замечательных книг отдал всю премию, которую получил в 2016 г. как лауреат Строгановской премии в номинации «За выдающиеся достижения в общественной деятельности». Примечательно, как он мне сказал, что в этом вопросе (финансовом) его сразу же поддержала супруга Людмила Кирилловна.

Георгий Николаевич был прекрасный педагог — «Почётный работник высшего профессионального образования РФ» (2004), «Заслуженный работник высшей школы РФ» (2007), под его руководством защищено 11 кандидатских диссертаций, в качестве официального оппонента он выступил на успешной защите 46 кандидатских и докторских диссертаций, его ученик, пермский историк-этнограф А. В. Черных сегодня чл.-корр. РАН. И при этом Г. Н. Чагин уделял и много времени общественной жизни края — был членом Общественной палаты Пермского края (с 2010 г.), членом Общества М. А. Кастрена (Финляндия). Но прежде всего он был одарённым учёным (от Бога), человеком обладающим энциклопедическими познаниями (неслучайно его статьи о Пермском крае включены в Большую Российскую энциклопедию).

Любовь к родной земле у него была с детства. Он учился в Ныробе (сегодня посёлок в Чердынском районе, на Севере Пермского края), здесь принял мученическую смерть дядя первого царя из династии Романовых М. Н. Романов и отбывал ссылку будущий известный политический деятель СССР К. Е. Ворошилов (*Белдыцкий, Шилов, Чагин* 1991), а юный Георгий Николаевич в послевоенный период учился и жил в Ныробе в интернате и уже тогда, будучи «простым» учеником, он создал в школе музей (!), в котором и сегодня на одном из стендов висит его фотография с надписью «Основатель музея, ученик нашей школы Жора Чагин (ныне профессор Пермского классического университета)».

Будучи студентом дневного отделения исторического факультета (1962–1967), Георгий Николаевич успевал работать экскурсоводом в Пермском областном краеведческом музее. А рассказчиком он был просто потрясающим, мог во время «серьёзного» повествования привести нюансы, которые надолго запоминались. Однажды в Пермской государственной художественной галерее (ПГХГ), где много образцов знаменитой пермской деревянной скульптуры и уникальных икон, многие из которых были доставлены именно с Верхнекамья (*Серебренников* 1928), Георгий Николаевич, рассказывая о шедеврах «земли пермской», нам как бы между прочим сказал: «Под этой иконой Параскевы Пятницы мои родители венчались».

После окончания университета Г. Н. Чагин работал директором Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина (1967–1974), при этом занимался не только хозяйственными «оргвопросами», но и собирал материал для кандидатской диссертации, проводил блестящие экскурсии в музее, заботился об объектах культурного наследия, которыми богата Чердынская земля. Неслучайно ему было присвоено звание «Почётный гражданин г. Чердыни», а уже через год после смерти, в день его рождения 24 апреля 2019 г. на здании Чердынского краеведческого музея была установлена памятная мемориальная доска с барельефом Г. Н. Чагина. И тогда же в музее открылась выставка «Мир по имени Георгий Чагин». Автор выставки сотрудник ПГХГ В. Е. Заровнянских, с которым Георгий Николаевич путешествовал 15 лет по Пермскому краю и за его пределами — в Вишерский заповедник, на Соловецкие острова и Валаам. В музее в эти дни состоялись 1-е Чердынские чтения им. Г. Н. Чагина, в которых приняли участие более 70 историков, краеведов, музейных сотрудников.

Г. Н. Чагин буквально жил наукой, экспедициями, щедро делился своими знаниями, опытом, талантом со всеми окружающими его людьми и, можно предположить, «сгорел» во имя других. Приведу два самых последних письма, которые незадолго до кончины написал мне Георгий Николаевич:

11 сентября 2018 г., 19:12

Владимир Викторович! Собираюсь приехать в Усолье и книгу привезу. Вчера закончилась трехдневная экскурсия в Чердынский район с 30-тью сотрудниками галереи, которая посвящалась 95-летию начала формирования коллекции деревянной скульптуры. Три дня говорил, показывал, решал оргвопросы... Но до Усоля меня просят дважды съездить в Ныроб на Романовские мероприятия. Согласие давал, очевидно откажусь. 28–30 сентября в Билимбае и Екатеринбурге с аспирантом — по строгановской теме. А 1 октября выступаю в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации по старообрядцам нижней Печоры на кафедре этнологии МГУ, и 2–4 дня позанимаюсь в библиотеке.

Мы тоже заняты индивидуальными планами и планом работы кафедры. Как все было прежде просто, и работали не плохо...

ГНЧ.

И вот самое последнее письмо от Георгия Николаевича:

25 сентября, 10:03

Владимир Викторович! Две книги подписаны и завернуты в бумагу, сверху еще написано, что они для Вас. И все это — на моем столе, и все знают про Вас.

Я поражен каким-то вирусом... но отменять поездку в Билимбае-Екатеринбург, а тем более на заседание диссертационного совета в МГУ невозможно.

Меня еще ждут в Институте этнологии и антропологии РАН, и ждут еще две внучки — старшая на втором курсе театрального института, а младшая в третьем классе.

Всего хорошего! ГНЧ.

Мы много писали друг другу, особенно после появления эл. почты, но даже эти два последние его письма свидетельствуют, какой Георгий Николаевич был «безотказный человек». Он всем и всегда хотел помочь, никому никогда не отказывал, даже невзирая на свои недомогания. В последнем письме к нему я писал, что раз у Вас «какой-то вирус», может отменить поездки? Для Георгия Николаевича это было неприемлемо. Это был необычайно обязательный, притягательный, бескорыстный и самоотверженный Человек.

Георгий Николаевич умер 11 ноября 2018 г. в Москве, где он оппонировал докторскую диссертацию. Смерть была неожиданной и быстрой (инсульт). Прощались с выдающимся учёным в Перми в главном корпусе его родного университета — Пермском государственном национальном исследовательском университете. Примечательно, что среди провожающих были не только родственники, друзья, коллеги, ученики, но и представители православного духовенства.

В большом некрологе, помещённом в Пермской краевой газете «Новый компаньон» есть такие хорошие и печальные слова: «Теперь у нас нет горизонта, нет ориентира, нет той возвышенной и чёткой линии, на которую всегда можно было равняться» (Баталина 2018: 2).

Благодаря таким людям как Георгий Николаевич Чагин и прирастает на нашей земле человеческий капитал!

Научная литература

- Александров В. А., Власова И. В., Кремлева И. А., Листова Т. А., Макашина Т. С., Чагин Г. Н. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989. 352 с.: ил.
- Бадер О. Н. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком // Учен. зап. Молотовского гос. ун-та. 1947. Т. 5. Вып. 2. С. 93–134.
- Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1958. 244 с.: ил.
- Байрамова Ф. Чердынское ханство [электронный ресурс]. URL: <http://uralistica.com/group/komipermsians/forum/topics/2161342:Topic:204726?commentId=2161342%3AComment%3A204628&groupId=2161342%3AGroup%3A6624>
- Белдыцкий Н. П., Шилов В. В., Чагин Г. Н. Нырбский узник / ред.-сост. В. С. Казанцев; худ. А. Н. Павлецов. Березники: ОПЦ, 1991. 46 с.: ил.
- Березники: Энциклопедический справочник / Науч. ред. д. и. н. Г. Н. Чагин. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2007. 480 с.: ил.
- Головчанский Г. П. Христианизация Перми Великой в XV — начале XVIII в.: Дисс. канд. истор. наук / Пермский государственный университет. Пермь, 2006. 186 с.: ил.
- Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, сёла. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.: ил.
- Из прошлого Чердынского края / сост. Г. Н. Чагин; науч. ред. В. А. Оборин. Пермь: Кн. изд-во, 1974. 83 с.
- Кирьянов И. К., Коренюк С. Н., Чагин Г. Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2007. 168 с.: ил.
- Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н. Взгляды на интерпретацию источников по этнокультурной истории Среднего Приуралья в эпоху позднего средневековья // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации. Материалы Международной научно-практической конференции «Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации» / отв. ред. В. В. Шилов. Березники: ИД «ТКТ», 2012. С. 328–334.
- Оборин В. А. Раскопки Орла-городка на реке Каме // Краткие сообщ. о докл. и полевых иссл. Ин-та истории матер. культуры. М.: ИИМК РАН, 1954. Вып. 55. С. 129–138.
- Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.
- Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 184 с.: ил.

- Серебренников Н. Н. «Пермская деревянная скульптура», материалы предварительного изучения и опись, 1928 г., Пермский Государственный Областной Музей, Пермь, 213 стр., печати, с картой и 60 иллюстрациями, 6 л. ил.
- Баталина Ю. Скончался Георгий Николаевич Чагин // Новый компаньон (Пермь). 2018. № 39 (988). 13 ноября. С. 2.
- Труды ученых Пермского университета (1916–2015 гг.) Историко-политологический факультет [Электронный ресурс]: библиогр. указатель / сост. Е. С. Игнатова, И. К. Трубина; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 4 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Чагин Г. Н. Чердын: краткий исторический очерк. Пермь: Кн. изд-во, 1972. 128 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Чердынскому музею 75 лет // На Западном Урале. Пермь: Кн. изд-во, 1974. Вып. 6. С. 243–247.
- Чагин Г. Н. Этнографическая экспедиция в Чердынский район Пермской области // Советская этнография. 1976. № 3. С. 163–164.
- Чагин Г. Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII — начало XX в.) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 86–98.
- Чагин Г. Н. Культура и быт населения дореволюционного Соликамска // Соликамск в прошлом, настоящем, будущем: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 550-летию Соликамска. Соликамск: Типография «Соликамск», 1981. С. 15–21.
- Чагин Г. Н. Соликамская экспедиция // Советская этнография. 1982. № 3. С. 165.
- Чагин Г. Н. На древней Пермской земле. М.: Искусство, 1988. 176 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Этнокультурные взаимодействия русских и манси Северного Урала в XVIII–XIX вв. // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С. 73–78.
- Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Этнические традиции материальной жизни. Пермь: изд-во Том. ун-та. Перм. отделение, 1991. 112 с.
- Чагин Г. Н. Деревянное зодчество Строгановских земель // Строгановы и Пермский край: Материалы науч. конф. 4–6 февр. 1992 г. Пермь, 1992. С. 99–106.
- Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь: изд-во Пермского ун-та, 1993. 184 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки: история и традиции. Пермь: Пермский обл. творческий центр, 1993. 26 с.
- Чагин Г. Н. Этнография, воздух культуры // Наука Урала: УрО РАН (Екатеринбург), 1993. № 7. С. 2.
- Чагин Г. Н. Этнокультурные процессы в Прикамье в XV — начале XX вв. // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Пермского областного краеведческого музея 20–24 ноября 1990 г. / ред. В. В. Мухин, Г. Н. Чагин, М. В. Лебедева, С. А. Димухаметова. Пермь: АО «Звезда», 1994. С. 105–111.
- Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 364 с.
- Чагин Г. Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX — начале XX века // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 1. 236 с. (Культура народов России. Т. 1).
- Чагин Г. Н. Присловия Чердынской земли // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала: Материалы международной научно-практической конференции «Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала» / отв. ред. В. В. Шилов. Соликамск: ООО «Типограф», 1996. С. 96–106.
- Чагин Г. Н. Русь Московская, Пермь Великая и Стефан Пермский // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 1997. Т. 1. С. 39–53.

- Чагин Г. Н. Народная строительная культура Северного Прикамья XVII–XX веков [Сб. ст.] // Этнические проблемы регионов России: Пермская область / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / ред. Н. А. Дубова, Н. А. Лопуленко. М.: Старый сад, 1998. 457 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Проблемы этнографии уральского города // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург: б. и., 1998. С. 16–21.
- Чагин Г. Н. Землепользование и особенности расселения русских крестьян Северного Прикамья во второй половине XVI–начале XX в. // Вестн. Перм. ун-та. История. 1998. Вып. 2. С. 108–120.
- Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX вв. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. 164 с.
- Чагин Г. Н. Проблемы изучения взаимодействия народов Прикамья в аспекте внедрения в социальную практику культуры толерантного поведения // Национальные некоммерческие организации, СМИ, местное самоуправление и проблемы межэтнической толерантности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Полиэтнический регион-2000». Пермь: б. и., 2000. С. 150.
- Чагин Г. Н. Северная Русь и Пермские земли в XI–XV вв. // Проблемы истории России. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. Вып. 3. С. 277–285.
- Чагин Г. Н. Русские на Урале: Формирование и взаимодействие с другими этносами в XVI–XIX вв. // Финно-угроведение. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2001. С. 154–162.
- Чагин Г. Н. Крестьянская семья Верхоямья в конце XVIII–начале XX в. // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции 25–26 октября 2001 г. Пермь: изд-во Пермского гос. ун-та, 2001. 282 с.
- Чагин Г. Н. Редкий памятник русского народного жилища Северного Прикамья // Пермский регион: история, современность, перспективы: Материалы междунар. Научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Шилов. Березники: ИД «Купца Тарасова», 2001. С. 146–152.
- Чагин Г. Н. Народная культура русских Прикамья как система локальных традиций // Чермоз: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Чермоза, 28–29 июня 2001 г., Пермь: Мини-Принт, 2002. 191 с.
- Чагин Г. Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии. Избранные труды. Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПСИ МОСУ, ПССГК, 2002. 384 с.
- Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. / Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002. 296 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Христианизация Перми Великой Чердыни и ее роль в развитии государственности и культуры в XV–XVII // Вехи христианской истории Прикамья: Материалы чтений, посвященные 540-летию крещения Перми Великой. Пермь: Богатырёв П. Г., 2003. 104 с.
- Чагин Г. Н. Введение христианства в Перми Великой в XV–XVI вв. // Чердынский край: прошлое и настоящее: Материалы научной конференции / отв. Ред. Г. Н. Чагин. Чердынь, 2003. 128 с.
- Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. 100 с.
- Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь: Книжный мир, 2004. 256 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций. Научно-популярное издание. Пермь: Литер-А, 2013. 144 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2013. 152 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Род Шуваловых. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2013. 216 с.: ил.

- Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала. XIX–XXI вв. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2015. 320 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь: Изд-во «Пушка», 2017. 672 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от 1917 до 1940 года. Пермь: Изд-во «Пушка», 2018. 656 с.: ил.
- Чагин Г. Н. Репрезентация этничности у коми-язьвинцев в конце XX — нач. XXI века // Лики культуры в эпоху социальных перемен: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2018. С. 182–185.
- Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от 1941 до 1960 года. Пермь: Изд-во «Пушка», 2020. 272 с.: ил.
- Чагин Г. Н., Баньковский Л. В. От музея — к музеуму // Звезда (Пермь), 1990. 1 марта.
- Чагин Г. Н., Головачевский Г. П., Шилов А. В., Мельничук А. Ф. Города-заводы / Рец. В. В. Шилов, Н. А. Швецова. Пермь: Книжный мир, 2014. 528 с.: ил.
- Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь: Издат. дом «Тип. купца Тарасова», 2002. 303 с.: ил.
- Человек — материк (интервью с профессором Г. Н. Чагиным) // Аэропорт (Пермь), 2014. № 4 (28). С. 24–25.
- Шилов В. В. Березниковско-Усольский историко-культурный комплекс: формирование, развитие, сохранение: Дис. канд. истор. наук. Пермь, 2005. 356 с.
- Шмыров В. А. Города Верхнего Прикамья в XV–начале XVIII века. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Пермь, 1982. 26 с.

References

- Aleksandrov, V. A., I. V. Vlasova, I. A. Kremleva, T. A. Listova, T. S. Makashina, G. N. Chagin. 1989. *Na putyah iz Zemli Permskoj v Sibir': ocherki etnografii severnoural'skogo krest'yanstva XVII–XX vv.* [On the Roads from the Land of Perm to Siberia: Essays on the Ethnography of the Northern Urals Peasantry of the XVII–XX Centuries]. Moskva: Nauka. 352 s.
- Bader, O. N. 1947. *Pervonachal'noe zaselenie Urala i Volgokam'ya chelovekom* [The original human settlement of the Urals and Volgokamye]. *Uchenije zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (2): 93–134.
- Bader, O. N., V. A. Oborin. 1958. *Na zare istorii Prikam'ya* [At the dawn of Kama history]. Perm': Kniznoje izdatel'stvo. 244 s.
- Bajramova, F. 2013. *Cherdynskoe hanstvo* [Cherdyn Khanate] [elektronnyj resurs]. URL: <http://uralistica.com/group/komipermians/forum/topics/2161342?Topic=204726?commentId=2161342%3A-Comment%3A204628&groupId=2161342%3AGroup%3A6624>
- Batalina, YU. 2018. *Skonchalsya Georgij Nikolaevich Chagin* [Georgy Nikolayevich Chagin passed away]. *Novyj kompan'on (Perm')*. 13 noyabrya. 39 (988): 2.
- Beldyckij, N. P., V. V. Shilov, G. N. Chagin 1991. *Nyrobksij uznik* [Prisoner of Nyrob]. / red-sost. V. S. Kazancev; hudoznik A. N. Pavlecov. Berzники: OPC. 46 s.
- Chagin, G. N. 1972. *Cherdyn': kratkij istoricheskij ocherk* [Cherdyn: a brief historical overview]. Perm': Kniznoje izdatel'stvo. 128 s.
- Chagin, G. N. 1974. *Cherdynskomuzeyu 75 let* [Cherdyn Museum is 75 years old]. In *Na Zapadnom Urale* [In the Western Urals]. Perm': Kniznoje izdatel'stvo. 6: 243–247.
- Chagin, G. N. 1976. *Etnograficheskaya ekspediciya v Cherdynskij rajon Permskoj oblasti* [Ethnographic expedition to Cherdynsky district, Perm region]. *Sovetskaya etnografiya*. 3: 163–164.
- Chagin, G. N. 1978. *Usad'by russkogo naseleniya Severnogo Prikam'ya (HVII — nachalo XX v.)* [Homesteads of the Russian population of the Northern Kama region (XVII — early XX c.)]. *Sovetskaya etnografiya*. 6: 86–98.

- Chagin, G. N. 1981. Kul'tura i byt naseleniya dorevolucionnogo Solikamska [Culture and way of life of the population of pre-revolutionary Solikamsk]. In *Solikamsk v proshlom, nastoyashchem, budushchem: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 550-letiyu Solikamska* [Solikamsk in the past, present, future: materials of scientific-practical conference devoted to the 550th anniversary of Solikamsk]. Solikamsk: Tipografiya «Solikamsk». S. 15–21.
- Chagin, G. N. 1982. Solikamskaya ekspediciya [Solikamsk expedition]. *Sovetskaya etnografiya*. 3: 165.
- Chagin, G. N. 1988. *Na drevnej Permskoj zemle* [In the ancient land of Perm]. Moskva: Iskusstvo. 176 s.
- Chagin, G. N. 1990. Etnokul'turnye vzaimovliyaniya russkih i mansi Severnogo Urala v XVIII–XIX vv. [Ethno-cultural interactions between Russians and Mansi of the Northern Urals in the 18th–19th centuries]. In *Vzaimodejstvie drevnih kul'tur Urala* [Interaction of ancient cultures of the Urals]. Perm'. S. 73–78.
- Chagin, G. N. 1991. *Kul'tura i byt russkih krest'yan Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX veka: Etnicheskie tradicii material'noj zhizni* [Culture and Life of Russian Peasants in the Middle Urals in the Mid-19th — Early 20th Century: Ethnic Traditions of Material Life]. Perm': izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Permskoye otdelenie. 112 s.
- Chagin, G. N. 1992. Derevyannoe zodchestvo Stroganovskih zemel' [Wooden architecture of the Stroganov lands] In *Stroganovy i Permskij kraj: Materialy nauch. konf. 4–6 fevral'a 1992 g.* [The Stroganovs and the Perm Territory: Proceedings of a scientific conference. 4–6 Feb.]. Perm'. S. 99–106.
- Chagin, G. N. 1993. Mirovozzrenie i tradicionnaya obryadnost' russkih krest'yan Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX veka [Worldview and traditional rituals of Russian peasants in the Middle Urals in the mid-nineteenth and early twentieth centuries]. Perm': izdatel'stvo Permskogo universiteta. 184 s.
- Chagin, G. N. 1993. Yaz'vinskie permyaki: istoriya i tradicii [Yazvinsky Permians: history and traditions]. Perm': Permskij oblastnoj tvorcheskij centr. 26 s.
- Chagin, G. N. 1993. Etnografiya, vozduh kul'tury [Ethnography, air of culture]. *Nauka Urala: Ural'skoye Otdelenije RAN (Ekaterinburg)*. 7: 2.
- Chagin, G. N. 1994. Etnokul'turnye processy v Prikam'e v XV — nachale XX vv. [Ethnocultural Processes in the Kama Region in the 15th — Early 20th Centuries]. In *Muzej kak centr nauchnoj i kraevedcheskoj raboty na sovremennom etape. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya 20–24 noyabrya 1990 g.* [Museum as a Centre of Scientific and Local Lore Work at the Present Stage. Materials of scientific-practical conference devoted to the 100th anniversary of Perm Regional Museum of Local Lore November 20–24, 1990]. / red. V. V. Muhin, G. N. Chagin, M. V. Lebedeva, S. A. Dimuhametova. Perm': AO «Zvezda». S. 105–111.
- Chagin, G. N. 1995. *Etnokul'turnaya istoriya Srednego Urala v konce XVI — pervoj polovine XIX veka* [Ethno-cultural history of the Middle Urals at the end of the 16th to the first half of the 19th century]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 364 s.
- Chagin, G. N. 1995. Prirodnaya sreda i osobennosti kul'turno-bytovyh tradicij narodov Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX veka [The natural environment and peculiarities of the cultural and domestic traditions of the peoples of the Middle Urals in the mid-19th and early 20th centuries] In *Material'naya kul'tura narodov Rossii* [Material culture of the peoples of Russia]. Novosibirsk: Nauka. T. 1. 236 s. (Kul'tura narodov Rossii. T. 1).
- Chagin, G. N. 1996. Prisliviya Cherdynskoj zemli [Proverbs of the Cherdyn Land]. In *Problemy voprosy istoriko-kul'turnogo naslediya Urala: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy voprosy istoriko-kul'turnogo naslediya Urala»* [Problems of Historical and Cultural Heritage of the Urals: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Problems of Historical and Cultural Heritage of the Urals”] / Ed. V. V. Shilov. Solikamsk: OOO «Tipograf». S. 96–106.
- Chagin, G. N. 1997. Rus' Moskovskaya, Perm' Velikaya i Stefan Permskij [Russia of Moscow, Great Perm and Stephan of Perm]. In *Hristianskoe missionerstvo kak fenomen istorii i kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Christian missionary work as a phenomenon

- of history and culture. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Perm'. T. 1. S. 39–53.
- Chagin, G. N. 1998. Narodnaya stroitel'naya kul'tura Severnogo Prikam'ya XVII–XX vekov [Folk building culture of the Northern Kama region of the XVII–XX centuries]. In *Etnicheskie problemy regionov Rossii: Permskaya oblast'. Sbornik statej* [Ethnic problems of Russian regions: Perm region. Collected articles] / Rossijskaja akademija nauk, Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Mikluho-Maklaya / Ed. N. A. Dubova, N. A. Lopulenko. Moskva: Staryj sad. 457 s.
- Chagin, G. N. 1998. Problemy etnografii ural'skogo goroda [Problems of ethnography of a Ural town]. In *Kul'turnoe nasledie rossijskoj provincii: Istoriya i sovremennost'. K 400-letiyu g. Verhotur'ya. Tezisy dokladov i soobshch. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija* [Cultural heritage of the Russian provinces: History and modernity. To the 400th anniversary of Verkhotur'ye. Theses of reports and communications. All-Russian Scientific-Practical Conference]. Ekaterinburg: no publisher. S.16–21.
- Chagin, G. N. 1998. Zemlepol'zovanie i osobennosti rasseleniya russkih krest'yan Severnogo Prikam'ya vo vtoroj polovine XVI–nachale XX v. [Land use and peculiarities of settlement of Russian peasants of the Northern Kama region in the second half of the 16th–early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2: 108–120.
- Chagin, G. N. 1999. *Istoriya v pamyati russkih krest'yan Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX vv.* [History in the memory of the Russian peasants of the Middle Urals in the mid-nineteenth and early twentieth centuries]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 164 s.
- Chagin, G. N. 2000. Problemy izucheniya vzaimodejstviya narodov Prikam'ya v aspekte vnedreniya v social'nyu praktiku kul'tury tolerantnogo povedeniya [Problems of studying the interaction of the peoples of the Kama Region in the aspect of introducing tolerant behaviour into social practice]. In *Nacional'nye nekommercheskie organizacii, SMI, mestnoe samoupravlenie i problemy mezhetnicheskoy tolerantnosti: Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii «Polietnicheskij region-2000»*. [National non-profit organizations, mass media, local government and problems of interethnic tolerance: Materials of the inter-regional scientific conference “Poly-ethnic Region-2000”]. Perm': no publisher. S. 150.
- Chagin, G. N. 2000. Severnaya Rus' i Permskie zemli v XI–XV vv. [Northern Russia and the Permian lands in the XI–XV centuries]. In *Problemy istorii Rossii. Novgorodskaya Rus': Istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie* [Issues of Russian History. Novgorod Rus': Historical Space and Cultural Heritage]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. V. 3. S. 277–285.
- Chagin, G. N. 2001. Russkie na Urale: Formirovanie i vzaimodejstvie s drugimi etnosami v XVI–XIX vv. [Russians in the Urals: Formation and Interaction with Other Ethnic Groups in the 16th–19th Centuries]. In *Finno-ugrovededenie* [Finno-Ugric Studies]. Joshkar-Ola: Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii imeni V. M. Vasil'eva. S. 154–162.
- Chagin, G. N. 2001. Krest'yanskaya sem'ya Verhokam'ya v konce XVIII — nachale XX v. [The peasant family of the Verkhokamyje in the late 18th and early 20th centuries]. In *Starobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya: Problemy kompleksnogo izucheniya: Materialy nauchnoj konferencii 25–26 oktyabrya 2001 g.* [The Old Believer world of the Volga-Kama region: Problems of complex study: Proceedings of a scientific conference on October 25–26, 2001] Perm': izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 282 s.
- Chagin, G. N. 2001. Redkij pamyatnik russkogo narodnogo zhilishcha Severnogo Prikam'ya [A Rare Monument of the Russian Folk Dwelling of the Northern Kama Region]. In *Permskij region: istoriya, sovremennost', perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj Nauchno-prakticheskoy konferencii* [Perm Region: History, Modernity, Perspectives: Materials of the International. Scientific and Practical Conference]. / Ed. V. V. Shilov. Berezniki: ID «Kupca Tarasova». S. 146–152.
- Chagin, G. N. 2002. Narodnaya kul'tura russkih Prikam'ya kak sistema lokal'nyh tradicij [Folk culture of the Russian Kama Region as a system of local traditions]. In *Chermoz: vchera, segodnya, zavtra: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu goroda Chermoza*, 28–29

- iyunya 2001 g.* [Chermoz: yesterday, today, tomorrow: Materials of a scientific-practical conference dedicated to the 300th anniversary of Chermoz, 28–29 June 2001]. Perm': Mini-Print. 191 s.
- Chagin, G. N. 2002. *Etnosy i kul'tury na styke Evropy i Azii. Izbrannye Trudy* [Ethnicities and Cultures at the Crossroads of Europe and Asia. Selected works]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Prikamskij Social'nij Institut, Prikamskij Social'nij Institut (Permskij Filial Moskovskogo Oblastnogo Social'nogo Universiteta), Prikamskij Sovremennij Social'no-Gumanitarnij Kolledz. 384 s.
- Chagin, G. N. 2002. *Narody i kul'tury Urala v XIX–XX vv. Uchebnoe posobie dlya uchashchihsya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [The Peoples and Cultures of the Urals in the 19th and 20th Centuries. Textbook for Students in Grades 10–11]. Ekaterinburg: ID «Sokrat». 296 s.
- Chagin, G. N. 2003. Hristianizaciya Permi Velikoj Cherdyni i ee rol' v razvitii gosudarstvennosti i kul'tury v XV–XVII vv. [Christianization of Perm Velikaya Cherdyn and its role in the development of statehood and culture in XV–XVII c.]. In *Vekhi hristianskoj istorii Prikam'ya: Materialy chtenij, posvyashchyonnye 540-letiyu kreshcheniya Permi Velikoj* [Milestones of the Christian History of the Kama Region: Materials of the readings devoted to the 540th anniversary of the Baptism of Perm the Great]. Perm': Bogatyryov P. G. 104 s.
- Chagin, G. N. 2003. Vvedenie hristianstva v Permi Velikoj v XV–XVI vv. [Introduction of Christianity in Perm Velikaya in the XV–XVI centuries]. In *Cherdynskij kraj: proshloe i nastoyashchee: Materialy nauchnoj konferencii* [Cherdynsky Krai: past and present: Proceedings of a scientific conference]. / Ed. G. N. Chagin. Cherdyn'. 128 s.
- Chagin, G. N. 2003. *Perm' Velikaya v toponimicheskikh dokazatel'stvah* [Perm the Great in toponymic evidence]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 100 s.
- Chagin, G. N. 2004. *Goroda Permi Velikoj Cherdyn' i Solikamsk* [The cities of Perm the Great Cherdyn and Solikamsk]. Perm': Knizhnyj mir. 256 s.
- Chagin, G. N. 2013. *Cherdynskie klady. Sokrovishcha arheologicheskikh kollekcij. Nauchno-populyarnoe izdanie* [Cherdyn hoards. Treasures of archaeological collections. Popular science edition]. Perm': Liter-A. 144 s.
- Chagin, G. N. 2013. *Ocherki po istorii i etnografii komi-permyakov* [Essays on the history and ethnography of the Permian Komis]. Kudymkar: Komi-Permyackij etnokul'turnyj centr. 152 s.
- Chagin, G. N. 2013. *Rod Shuvalovyh* [The Shuvalovs' clan]. Ekaterinburg: ID «Sokrat». 216 s.
- Chagin, G. N. 2015. *Narody i kul'tury Urala. XIX–XXI vv.* [The peoples and cultures of the Urals. XIX–XXI centuries]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Sokrat». 320 s.
- Chagin, G. N. 2017. *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot drevnosti do 1917 goda* [Kolva, Chusovskoe, Pechora: History, culture, everyday life from antiquity to 1917]. Perm': Izd-vo «Pushka». 672 s.
- Chagin, G. N. 2018. *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot 1917 do 1940 goda* [Kolva, Chusovskoe, Pechora: History, culture, everyday life from 1917 to 1940]. Perm': Izd-vo «Pushka». 656 s.
- Chagin, G. N. 2018. Rerezentaciya etnichnosti u komi-yaz'vincev v konce XX — nachal'e XXI veka [Representation of Ethnicity by the Komi-Yazvinians in the late 20th–early 21st century]. In *Liki kul'tury v epohu social'nyh peremen: Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii* [Faces of Culture in the Age of Social Change: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. / Ed. N. B. Kirillova. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennij pedagogicheskij universitet. S. 182–185.
- Chagin, G. N. 2020. *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot 1941 do 1960 goda* [Kolva, Chusovskoe, Pechora: History, culture, everyday life from 1941 to 1960]. Perm': Izdatel'stvo «Pushka». 272 s.
- Chagin, G. N., Ban'kovskij L. V. 1990. Ot muzeya — k muzeumu [From museum to museum]. *Zvezda (Perm')*. 1 marta.
- Chagin, G. N., G. P. Golovchanskij, A. V. Shilov, A. F. Mel'nichuk. 2014. *Goroda-zavody* [Factory towns]. / Ed. V. V. Shilov, N. A. Shvecova. Perm': Knizhnyj mir. 528 s.

- Chagin, G. N., A. V. Chernyh. 2002. *Narody Prikam'ya: Ocherki etnokul'turnogo razvitiya v XIX–XX vv.* [Peoples of the Kama region: Essays on ethno-cultural development in the 19th–20th centuries]. Perm': Izdatel'skij dom «Tipografija kupca Tarasova». 303 s.
- Chagin, G. N. (Ed.). *Berezniki: Enciklopedicheskij spravocchnik*. [Berezniki. Encyclopaedic Guide] 2007. / Ed. G. N. Chagin. Perm': Izdatel'stvo «Knizhnyj mir». 480 s.
- Chagin, G. N., V. A. Oborin (Ed.). *Iz proshlogo Cherdynskogo kraja* [From the past of the Cherdyn region]. 1974. / Ed. G. N. Chagin; V. A. Oborin. Perm': Kniznoje izdatel'stvo. 83 s.
- Chelovek — materik (interv'yu s professorom G. N. Chaginy) [Man — the Mainland (interview with Professor G. N. Chagin)]. 2014. *Aeroport (Perm')*. 4 (28): 24–25.
- Ignatova, E. S., I. K. Trubina (Ed.). 2016. *Trudy uchenyh Permskogo universiteta (1916–2015 gg.). Istoriko-politologicheskij fakul'tet* [Elektronnyj resurs]: bibliograficheskij ukazatel' [Proceedings of scientists of Perm University (1916–2015) Faculty of History and Political Science [Electronic resource]: Bibliography]. / sost. E. S. Ignatova, I. K. Trubina; Permskij gosudarstvennij nacionalnij issled.un-t. Elektron. dan. Perm'. 4 Mb. CD-ROM.
- Golovchanskij, G. P. 2006. *Hristianizaciya Permi Velikoj v XV–nachale XVIII v.* [Christianisation of Perm Velikaya in the 15th and early 18th centuries]: Dissertacija kandidata istoricheskikh nauk / Permskij gosudarstvennyj universitet. Perm'. 186 s.
- Golovchanskij, G. P., A. F. Mel'nichuk. 2005. *Stroganovskie gorodki, ostrozki, syola* [Stroganoff towns, spearheads and villages]. Perm': Knizhnyj mir. 232 s.
- Kir'yanov, I. K., S. N. Korenyuk, G. N. Chagin. 2007. *Rybolovstvo v Permskom krae v starodavnie vremena* [Fishing in the Perm region in ancient times]. Perm': Izdatel'stvo «Knizhnyj mir». 168 s.
- Mel'nichuk, A. F., G. N. Chagin. 2012. Vzgl'yady na interpretaciju istochnikov po etnokul'turnoj istorii Srednego Priural'ya v epohu pozdnego srednevekov'ya [The views on the interpretation of sources on the ethno-cultural history of the Middle Urals in the late Middle Ages]. In *Strategiya ekonomicheskogo, politicheskogo, sociokul'turnogo razvitiya regionov v usloviyah globalizacii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Strategiya ekonomicheskogo, politicheskogo, sociokul'turnogo razvitiya regionov v usloviyah globalizacii»* [Strategy of economic, political, socio-cultural development of regions in the context of globalization. Materials of the International scientific-practical conference “Strategy of economic, political, sociocultural development of regions in the context of globalization”] / Ed. V. V. Shilov. Berezniki: ID «TKT». S. 328–334.
- Oborin, V. A. 1954. Raskopki Orlo-gorodka na reke Kame [Excavations of the Eagle Town on the Kama River]. *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury*. Moskva: IIMK RAN. 55: 129–138.
- Oborin, V. A. 1990. Zaselenie i osvoenie Urala v konce XI — nachale XVII veka [Settlement and development of the Urals at the end of the 11th and beginning of the 17th centuries]. Irkutsk: izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 168 s.
- Oborin, V. A., G. N. Chagin. 1988. *Chudskie drevnosti Rifeya: Permskij zverinyj stil'* [Chudsky Antiquities of Riphean: The Permian Animal Style]. Perm': Permskoe knizhnoje izdatel'stvo. 184 s.
- Serebrennikov, N. N. 1928. «Permskaya derevyannaya skul'ptura», *materialy predvaritel'nogo izucheniya i opis'* [“Perm wooden sculpture”, preliminary study materials and inventory]. Perm': Permskij Gosudarstvennyj Oblastnoj Muzej. 213 s.
- Shilov, V. V. 2005. *Bereznikovsko-Usol'skij istoriko-kul'turnyj kompleks: formirovanie, razvitie, sohranenie*: Dissertacija kandidata istoricheskikh nauk [The Berezniki-Usolsk historical and cultural complex: formation, development, preservation]. Perm', 2005. 356 s.
- Shmyrov V. A. 1982. *Goroda Verhnego Prikam'ya v XV–nachale XVIII veka*. Avtoreferat dissertacii kandidata istoricheskikh nauk [Cities of the Upper Kama region in the fifteenth and early eighteenth centuries]. Perm'. 26 s.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/378-386

Рецензия

© М. Н. Бахматова

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: RICCARDI A. ITALIA
CARISMATICA. BRESCIA: ED. MORCELLIANA, 2021. — 245 P.

Книга Андреа Риккарди (Риккарди А. Харизматическая Италия. Брешиа: изд. Морчеллиана, 2021 – 245 с.) представляет собой первую в историографии попытку дать общую картину харизматических проявлений итальянского католицизма последних двух столетий, которые отличаются большим разнообразием и многогранностью. С одной стороны, речь идет о традиционных формах народной религиозности, — санктуариях, девициональных и паломнических практиках, почитании священных мест, изображений и т. д. С другой, — о харизматических личностях, основавших движения и ассоциации, ставшие местом притяжения тысяч католиков, которые не находили применения своему религиозному рвению в рамках официальной церкви. К харизматическим личностям относились и утонченные интеллектуалы, вступавшие иногда в противоречия с доктринальной линией РКЦ и претерпевавшие в связи с этим гонения. Харизматическая Италия — это сложная и разнообразная галактика, к которой институциональная Церковь присматривалась с интересом и беспокойством. Автор, ведя читателя по скрытым закоулкам итальянской религиозности, привлек внимание к теме, до сих пор не получившей своего исчерпывающего освещения. Выхватывая из историографического небытия то одно, то другое явление, А. Риккарди как бы намечил исследовательский маршрут, осилить который представит не одному поколению историков и антропологов.

Ключевые слова: харизматическое движение, санктуарий, Римско-Католическая церковь (РКЦ), Второй Ватиканский собор, девициональная практика, поклонение, почитание, пиетизм, милосердие.

Ссылка при цитировании: Бахматова М. Н. Рецензия на монографию: Riccardi A. Italia carismatica. Brescia: ed. Morcelliana, 2021. — 245 p. // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 378–386.

Бахматова Марина Николаевна — к. и. н., Ph.D., доцент кафедры этнологии, МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Россия). Эл. почта: mbakhmatova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0189-3050>

UDC 39+930

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/378-386

Book Review

© Marina Bakhmatova

BOOK REVIEW: RICCARDI A. CHARISMATIC ITALY.
BRESCIA: ED. MORCELLIANA, 2021. — 245 P.

Andrea Riccardi's book is the first attempt to give an overview of the very diverse charismatic manifestations of Italian Catholicism in the last two centuries. On the one hand, these are traditional forms of popular religiosity — sanctuaries, devotional and pilgrimage practices, veneration of sacred places and icons, etc. On the other hand, these are charismatic personalities who founded movements and associations that attracted thousands of Catholics who did not manage to fit their religious zeal within the official church. The charismatic personalities also included sophisticated intellectuals who sometimes came into conflict with the doctrinal line of the RCC and thus suffered persecution. Charismatic Italy is a complex and diverse galaxy eyed by the institutional Church with interest and concern. The author guides the reader through the hidden corners of Italian religiosity and draws attention to a topic that has not yet been covered exhaustively. Snatching one or another phenomenon out of historiographical non-existence, A. Riccardi outlined a research route, which is yet to be explored by more than one generation of historians and anthropologists.

Keywords: charismatic movement, sanctuary, Roman Catholic Church, Second Vatican Council, devotional practice, worship, veneration, pietism, charity.

Author Info: Bakhmatova, Marina N. — Ph.D. in History, Associate Professor, Faculty of History, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University (27 Lomonosovsky Prospect, Bld. 4, Moscow, Russia). E-mail: mbakhmatova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0189-3050>

For citation: Bakhmatova, M. N. 2022. Book review: Riccardi A. Charismatic Italy. Brescia: ed. Morcelliana, 2021. — 245 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 378–386.

В 2021 г. в брешианском издательстве «Морчеллиана» вышла в свет книга известного итальянского историка и общественного деятеля, основателя Общины святого Эгидия, Андреа Риккарди. Уже название книги «Харизматическая Италия» вводит нас в мир мало знакомый не только российскому, но и искушенному итальянскому читателю. Общеизвестным фактом является та фундаментальная роль, которая на Апеннинском полуострове принадлежит Римско-католической церкви, появившейся задолго до формирования политических структур итальянской средневековой и современной государственности, не говоря уже о складывании самой итальянской нации. Однако, как подчеркивает автор, в тени этой могущественной церковной организации «существует и другая католическая Италия: Италия харизматическая, которая пересекается, вступает в противоречия или переплетается с официальной

церковью, являя собой важную, хотя и весьма неоднородную реальность» (с. 5). А. Риккарди фокусирует свой исследовательский интерес на последних двух веках истории, уделив особое внимание эпохе объединенной Италии (с 1861 г.). Книга состоит из введения (с. 5–16) и 14 глав, каждая из которых являет собой отдельный очерк. Данные очерки тематически представляют три проблемных узла. В первых пяти главах, имеющих общеисторический характер, показывается специфика итальянской религиозности (с. 17–38), анализируется феномен духовного энтузиазма и харизматических инициатив (с. 39–52), рассказывается о локусах народной религиозности, таких как санктуарии (*santuari*) и места традиционного паломничества (с. 53–66). В четвертой главе показывается отношение РКЦ к харизматическим явлениям и санктуариям в Италии после Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг. (с. 67–88). Второй проблемный узел, представленный с шестой по двенадцатую главу, носит просопографический характер. В главах-очерках рассказывается о знаковых для итальянского католицизма персоналиях, олицетворявших в разные исторические эпохи наиболее значимые и деликатные аспекты веры, развивавшиеся параллельно или даже вопреки официальным директивам Святого Престола. Проходящий перед читателем портретный ряд, в котором представлены Кьяра Любич, дон Дзено Сальтини, Джорджо Ла Пира, о. Риккардо Ломбарди, дон Лоренцо Милани, дон Оресте Бенци и дон Луиджи Гуанелла, — показывает сменяющиеся друг друга лики представителей итальянского католицизма, с которыми связаны новые направления и практики социального христианства, экуменизма, миссионерства. Последние две главы, тринадцатая и четырнадцатая, останавливаются на таких чувствительных для католической веры догматических аспектах как представленная в харизматическом ключе мариология (с. 205–218) и евхаристия — как идентификационный символ общей религиозной принадлежности итальянской нации (с. 219–232).

Во введении цитируются слова известного итальянского антрополога Эрнесто Де Мартино: «Посредством религии человек пытается компенсировать свою слабость. Для меня не составляет труда признать, что католическая религия исторически наилучшим образом откликается на психологическое состояние человека, который чувствует себя несчастным и бессильным, в мире, давящем на него своей тайной и своей отстраненностью». Вместе с христианством в историю «была внесена идея воскресения и спасения», которая дарит прибежище, утешает и дает надежду. А человеку свойственно искать места, знаки и людей, которые утешают, вселяют надежду и дают приют или ориентир». Эта рассуждение Де Мартино как нельзя лучше выражает смысловой нерв данной книги: показывает, что харизматические тенденции зародились и укоренились там, где посреди сплошной официальной религиозности образовывался вакуум милосердия, заполняемый харизматической личностью или движением. Дихотомия «церковь и мир» разрешается простым замещением союза на копулу: церковь — это мир (с. 10). А в мире всегда есть место милосердию, душевному порыву и подвижническому энтузиазму, который Мирча Элиаде называл «энигматическим». По мнению А. Риккарди, травма модернизма начала XX в. вызвала к жизни девоциональный подъем, оставшийся в русле католической традиции, но одновременно отмеченный новым видением и свершениями. Данное движение развивается в лоне официальной церкви, с представителями которой выстраиваются особые отношения, отмеченными процессом интеграции, оказывающей, в итоге, влияние и на сами церковные структуры. Таким образом, А. Риккарди утверждает,

что церковь — это целый мир, неотъемлемой частью которого, наряду с официальными институтами, является харизматическая Италия, с ее проявлениями народной религиозности, народными верованиям, практиками милосердия (*pietas*), всевозможными религиозными ассоциациями и движениями, чудесами, видениями, священными изображениями, святилищами-санктуариями. Первая глава рассматривает роль трех пап, — Пия XII, Иоанна XXIII и Павла VI в трансформациях католицизма в 1960-х гг. Последние годы понтификата Пия XII ознаменовались ощущением надвигающегося кризиса итальянского католицизма. В одной из своих речей 1958 г. архиепископ Милана Дж. Б. Монтини, будущий папа Павел VI (1963–1978), с горечью констатировал, что итальянские верующие, по большей части, являются на самом деле «неверными», далекими от истинной веры людьми, отметив, что для возрождения истинной веры недостаточно блюсти догматическую ортодоксию, а надо оттачивать пастырское искусство, расширяя миссионерскую деятельность в самой Италии. Истинной проблемой для архиепископа Милана в разгар «холодной войны» был не столько коммунизм, сколько «расхристианивание» (*scristianizzazione*) итальянцев. Для ее решения была необходима продуманная церковная реформа (с. 18). Кризис веры беспокоил и рядовых представителей клира и мирян, которые выбрали путь, определяемый автором как «харизматический». Среди них такие яркие персонажи, утонченные интеллектуалы, как Дзено Сальтини, Лоренцо Милани, Джованни Ваннуччи, Эрнесто Бальдуччи, Давид М. Турольдо, Примо Маццолари, Надзарено Фабретти (с. 20). Нередко их связывали тесные личные отношения. Не случайно ключевым словом в данном контексте становится слово «дружба» (*amicizia*), которая связывает людей близких взглядов, порождая обширную эпистолярную традицию, конструируя новые дискурсы, порождая атмосферу интенсивного обмена взглядами и идеями. В этой связи А. Риккарди, отмечая малую изученность данного явления, ставит вопрос: а можно ли это отнести к некоей форме католического диссидентства? И тут же отвечает: нет, нельзя. С его точки зрения речь идет не о диссидентстве, а именно о харизматической составляющей католицизма, о «красноречивом проявлении гораздо более обширной харизматической ткани» (с. 20). Помимо интеллектуального энтузиазма имел место и диаметрально противоположный феномен народной религиозности. К его представителям А. Риккарди относит Джорджо Ла Пира, основательницу движения «Фоколари» Кьяру Любич, падре Пио из Пьетрельчины, которого Джованни Папини называл «итальянским старцем» (с. 22). Все вышеописанные явления, наряду с опасным, с точки зрения Св. Престола, соперничеством укоренившейся на западе коммунистической идеологии, делали необходимым реформирование РКЦ. Однако после проведения Второго Ватиканского собора католицизм оказался перед лицом нового вызова, — плюрализма, хотя, по мнению автора, «рыночные» условия только способствуют развитию религии (с. 23). Второй Ватиканский собор становится водоразделом в истории итальянской католической церкви. Если католицизм 1950–60-х гг., держался во многом на авторитете папы и мощи конфессионального государства, которые составляли важный фактор послевоенной национальной идентичности, уже давали о себе знать кризисные проявления. Как отмечает автор, «послесоборная церковь взрывается плюрализмом», когда все, — группы, ассоциации, организации верующих, — чувствуют потребность творчески переработать наследие Собора. В бурном 1968 г. доходит до открытых протестов против церковных иерархий. Казалось, что дух плюрализма, выпущенный

церковью, начинает подтачивать самые основы РКЦ. Церковные верхи противопоставляются базовым структурам, — приходам, которые, в свою очередь начинают осознавать собственную идентичность, связанную с территориальной принадлежностью, — городской, сельской или горной (с. 29). На устах у всех дискурс о миссионерском призвании прихода, обращенного в мир: прихода, приобретающего черты не только церковной структуры, но и гражданской общины. Именно это, как тогда виделось, могло вновь обратить итальянцев лицом к христианству (с. 31–34). Если отношения между церковными «верхами» и «низми» переживает не самые легкие времена, кризис обходит стороной народную религиозность. Особенно ярко звучит тема милосердия (*pietas*). Множатся ассоциации, формирующиеся вокруг санктуариев, харизматических личностей, ассоциаций мирян. Однако для всей этой разнообразной вселенной неизменным духовным ориентиром остается фигура папы. Как подчеркивает А. Риккарди (с. 37–38), именно эта особая связь, которая существует между папой и народным христианством, составляет специфику религиозной ситуации в Италии и обеспечивает католицизму, в условиях нарастающей секуляризации и религиозного плюрализма, центральную национальную роль. Во второй главе «Духовный энтузиазм и харизматические инициативы» дается абрис харизматических явлений, которые, начиная со времен св. Франциска Ассизского, вплетались в институции РКЦ. Каждый исторический период выдвигал своих представителей, которые интуитивно улавливали дух времени, воплощая чаяния верующих. Причем, речь могла идти как об организациях, так и об отдельных личностях. Безусловным катализатором инициатив «снизу» стал Второй Ватиканский собор (с. 47), давший голос людям, прошедшим испытания и невзгоды Второй мировой войны. Это Кьяра Любич, основательница движения «Фоколари», дон Джуссани, основатель «Единения и освобождения», брат Роже, основатель общины «Тэзе», и целый ряд других харизматических личностей, обогативших духовное наследие РКЦ. По мнению А. Риккарди, к харизматическим личностям относился и папа Иоанн Павел II (1978–2005). И сегодня, как подчеркивается в книге, не перевелись духовные инициативы и религиозный энтузиазм, зарождение которого можно наблюдать как в самой Церкви, так и за ее пределами. Структура католицизма показала глубокий и невиданный творческий потенциал, но, наряду с этим и хрупкость. Если в прошлом РКЦ должна была противостоять секуляризации и коммунистической идеологии, в настоящее время у нее на пути стоит новый и многоликий религиозный вызов, — многосложность, которой П. Л. Бергер дает определение «многие алтари современности» (с. 52). Эти проблемы еще ждут своих исследователей.

Отдельную проблему представляют сакральные места, связанные с глубочайшими пластами народной религиозности, почитанием священных мест, имеющих неразрывную связь с историческим прошлым Италии. Это санктуарии, связанные с особо почитаемыми в народе святыми или культом Девы Марии, уходящим корнями в глубокие дохристианские средиземноморские традиции. Изучение этих мест представляется особенно важным в связи с убыванием религиозного рвения итальянской паствы. У этого процесса целый ряд причин, среди которых и свойственная всем европейским странам тенденция к секуляризации, изменение культурных паттернов, урбанизация, размывавшая фундамент католицизма, черпавший силу в сельских приходах. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что процесс секуляризации совпадал с особо сильным влиянием церкви на политические

элиты страны, благодаря центральному положению Христианско-демократической партии в послевоенный период. РКЦ отреагировала на эти вызовы, позиционируя себя как харизматическое движение, тем более что после Второго Ватиканского собора особое внимание было уделено миссионерству и евангелизации как глобальной обязанности церкви в странах нового и традиционного христианства (с. 54). Особо критичным стал 1968 г., — год радикальной антропологической революции, выявившей отход молодых поколений от традиции и антиавторитарных отношений к официальным институтам, включающим и РКЦ. А. Риккарди задается вопросом, не шла ли тогда речь о конце народного христианства. Однако приходит к выводу о том, что благодаря политике Павла VI сама Церковь была превращена в харизматическое движение, что особенно ярко проявилось по случаю объявленного Юбилейным 1975 года (с. 54). Исследуя феномен «пъетизма», А. Риккарди делает интересный вывод об особой глубинной близости, существующей между западной и восточной ветвями христианства, которая никак не связана с разделением официальных церквей. Подтверждением тому является огромный интерес итальянских католиков к иконам и священным изображениям, возникший с особой силой после Второго Ватиканского собора, а также популярность, которой пользуются санктуарии у иммигрантов, — выходцев из Эфиопии и православных стран Восточной Европы (с. 57). В отличие от теряющего свой удельный вес традиционного «приходского» католицизма итальянской глубинки, этот особый религиозный мир не знает кризиса. По мнению автора, в санктуариях дает о себе знать более «восточная», чем «западная» душа христианства, которой ближе молитвенность, а не католический активизм. Она уходит корнями в первые века христианства, идейным вдохновителем ее является патристика. При этом у каждого санктуария есть своя, только ему присущая харизма, связанная с сотворенным здесь чудом, священным изображением или свято хранимой реликвией. Картография санктуариев обширна и конкретна, она, как *genius loci*, является неотъемлемой частью истории места, его неписанных традиций и верований, где, с точки зрения верующих, встречается мир видимый и невидимый, а возносимые молитвы, как и молитвы афонских монахов, защищают весь мир. Охарактеризовав самые известные локусы, такие как Лорето, Ассизи, Бари и т. д., автор констатирует, что отношение к этим формам проявления народной религиозности со стороны иерархов РКЦ далеко неоднозначно. Наряду с фактическим признанием их особой роли как для католицизма, так и для экуменических встреч, официально признания многие из этих мест до сих пор не получили: достаточно сказать, что статус санктуария долго не находил своего отражения в кодексе канонического права (с. 73). Такая юридическая неопределенность оставляла обширное пространство для самых неожиданных девиционных практик: например, на праздник Канделора 2 февраля (Сретенье Господне) излюбленным местом паломничества итальянских геев и лесбиянок стал санктуарий Монтеверджине близ Авеллино на юге Италии. Как пишет автор, возможно, это связано с чудом Мадонны Скьявоны (1256 г.), «которая все видит и все прощает», благодаря которому была спасена приговоренная к смерти влюбленная однополая пара (с. 84). И только папа Иоанн Павел II, проявлявший особое внимание к харизматической составляющей католической религиозности, в новой редакции Кодекса канонического права 1983 г. ввел юридическое определение санктуария (кан. 1230).

Немалое место в книге уделяется кризису католицизма в XX в. и политике экуменизма РКЦ (с. 88–101), представленной персонажами, открывшими новые горизонты веры и межконфессиональных отношений, такими как основательница движения «Фоколари» Кьяра Любич, высоко поднявшая, несмотря на стену первоначального неприятия, авторитет женщин в церкви и в «геополитике единения», сиречь экуменизма (с. 102–117). Описываются мытарства и победы в период правления трех пап, — Пия XII, Иоанна XXIII и Павла VI, католического подвижника дона Дзено Сальтини, основателя общины «Номодельфия» (с. 119–136). На страницах «Харизматической Италии» не могло не найтись места и для одного из самых харизматических общественных деятелей Италии XX в. Джорджо Ла Пира, питавшего амбициозные мистико-геополитические планы, об осуществлении которых он молился перед географической картой (с. 137–154). Его планы первоначально предусматривали поступательную изоляцию СССР, который Ла Пира неизменно называет Россией, ибо ослабление России могло позволить приблизить ее к Европе и, под воздействием освободительного вовлечения в сферу западного христианства, привести ее к краху (с. 140). Угроза ядерной войны заставляет Ла Пира сменить тактику: убежденный в изначальной слабости советского государства, он предлагает многовекторную политику внутри- и внешнеполитического характера. Чтобы противостоять коммунизму, по мнению флорентийского мечтателя, необходимо было уделить особое внимание построению социального государства, которое вырвало бы всех обездоленных и неимущих из сферы притяжения марксистской идеологии. Передовые позиции в борьбе с «советской империей», которую Ла Пира сравнивает с Римской империей времен становления христианства, должна занять католическая Польша, — слабое звено социалистического лагеря. Шаги, направленные на укрепление мира, на вовлечение СССР в орбиту влияния запада, позволили бы напомнить России о ее христианских корнях и ослабить изнутри. Но Россия не рассматривалась, как венец геополитических усилий РКЦ. Главной целью для Ла Пира оставался Китай и все страны Азии (с. 150–152). Плодотворной почвой для генерирования подобного рода политических амбиций стал город Флоренция, который во время правления мэра-мечтателя превратился в «лабораторию культуры сосуществования», моральное мерило для всего мира (с. 153). Другой неоднозначной фигурой, которая оказывается в фокусе внимания А. Риккарди, является о. Риккардо Ломбарди, с легкой руки Дж. Дзизола прозванный «микрофоном Бога»¹. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет параграф, посвященный взаимоотношениям между тогда еще патриархом Венеции А. Ронкалли (будущим папой Иоанном XXIII) и Р. Ломбарди. Как отмечает автор, во время одного из разговоров, Ломбарди воскликнул: «Церковь разрушена, Церковь в прострации», на что папа ответил, — после Тридентского собора (1545–1563) церковь находилась в гораздо худших условиях. Интересно, что в данном контексте Ломбарди произнес провидческие слова: «Церковь горит, а патриарх говорит, что все в порядке?» (с. 161). Пожар собора Парижской богородицы 15–16 апреля 2019 года вдохновил А. Риккарди на написание книги «Церковь в огне. Кризис и будущее христианства»², вызвавшей широкий резонанс в общественных,

¹ Zizola G. Il microfono di Dio. Pio XII, padre Lombardi e i cattolici italiani. Ed. Arnoldo Mondadori 1990.

² Riccardi A. La Chiesa brucia. Crisi e futuro del cristianesimo. Ed. Laterza 2021. См. подборку рецензий на книгу: <https://www.laterza.it/scheda-libro/?isbn=9788858144114#:~:text=%C2%ABLa%20note%20tra%20il%2015, Chiesa%20versa%20da%20molti%20anni>

церковных и научных кругах. Книга со столь броским названием несколько затмила рецензируемую нами монографию, вышедшую в том же 2021 г., однако, оба сочинения неразрывно связаны друг с другом, ибо дают глубокий анализ тектонических процессов, характеризовавших РКЦ на протяжении полутора столетий ее истории, представляя видение проблем глазами харизматических личностей, обладавших провидческим даром, а также практик народной религиозности, отражающих броделевское «долговременное» течение христианской истории на западе.

Важную роль для понимания внутренних пружин народной католической религиозности играет глава, посвященная традиции почитания девы Марии, которая, в определенном смысле слова, является камнем преткновения в отношениях между официальной доктриной и народной верой. После провозглашения догматических определений о непорочном зачатии (Пий XI, 8 декабря 1854 г.¹) и о духовном и телесном вознесении Девы Марии (Пий X, 1 ноября 1950 г.²) вопрос о месте культа Марии в РКЦ был поднят на Втором Ватиканском соборе. Было предложено провозгласить догмат о Деве Марии как вселенской посреднице (*mediatrice universale*). Однако в ходе обсуждений эта инициатива не нашла поддержки большинства. Как отмечает А. Риккарди, большую важность на Соборе представляла экуменическая повестка, поэтому, учитывая возражения протестантских и православных деноминаций, мариология была интегрирована в рамки экклезиологии, хотя определение Марии как «посредницы» было включено в ряд эпитетов, закрепленных за Богородицей³. Данное решение Собора вызвало непонимание и разочарование у многих католиков. Наиболее радикальные представители клира, среди которых еп. Марсель Лефевр, даже заговорили о «предательстве» духа «Фатимского послания» Девы Марии. На уровне народной религии почитание Богородицы еще больше возросло, особенно в привязке к традиционным и новым девоциональным локусам (Лурд, Меджугорье и т. д.). Особо автор упоминает возросший в Италии интерес к православной иконографии Теотокос. Этому способствовала и невероятная популярность опубликованных в 1960-е гг. итальянских переводов книг «Православие» и «Женщина и спасение мира» участника Собора, французского православного богослова П. Н. Евдокимова. А. Риккарди, отмечая универсальную экуменическую роль Девы Марии, выступающей посредницей между западной и восточной традицией народной веры, вместе со швейцарским богословом Хансом Урсом фон Бальтазаром задается вопросом, — не грозит ли католицизму без Марии утрата человечности (с. 215–217).

Книга завершается главой с многозначительным названием «Евхаристия и история одной нации», в которой прослеживается эволюция конфликта и соперничества за итальянцев между политическими структурами Италии и РКЦ, начиная с 1861 г. По мнению автора, на фоне политико-идеологической турбулентности последних двух веков, сердцем итальянской идентичности остается евхаристическое единение, имеющее не столько национальный, сколько народный характер. Именно алтарь, становится тем краеугольным камнем, на котором зиждется сама суть «итальянскости», которая после Второй мировой войны выливается в построение «католической

1 INEFFABILIS DEUS: <https://www.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/18541208-costituzione-apostolica-ineffabilis-deus.html>

2 MUNIFICENTISSIMUS DEUS: https://www.vatican.va/content/pius-xii/la/apost_constitutions/documents/hf_p-xii_apc_19501101_munificentissimus-deus.html

3 LUMEN GENTIUM, 62: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_const_19641121_lumen-gentium_it.html

демократической республики» (с. 228), а в эпоху глобализации и деидеологизации является несущим столпом всего итальянского общества.

Монографии Андреа Риккарди «Харизматическая Италия» суждено занять достойное место в созвездии книг, увидевших свет в 2021 г. Не являясь историческим трудом в строгом смысле слова, греша повторами и некоторой структурной рыхлостью, текст, тем не менее, отвечает критериям научности, ибо основывается на солидном корпусе источников и историографии. Автор, ведя читателя по скрытым закоулкам итальянской религиозности, привлек внимание к теме, до сих пор не получившей своего исчерпывающего освещения. Выхватывая из историографического небытия то одно, то другое явление, А. Риккарди как бы наметил исследовательский маршрут, осилить который представит не одному поколению историков и антропологов.

Научная литература

Zizola G. *Il microfono di Dio. Pio XII, padre Lombardi e i cattolici italiani*. Milano: Ed. Arnoldo Mondadori, 1990.

Riccardi A. *La Chiesa brucia. Crisi e futuro del cristianesimo*. Roma: Ed. Laterza, 2021.

References:

Zizola G. 1990. *The microphone of God. Pio XII, Lombardi and Italian Catholics*. Milano: Ed. Arnoldo Mondadori.

Riccardi A. 2021. *The church burns. Crisis and the future of Christianity*. Roma: Ed. Laterza.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2022. № 3

HERALD OF ANTHROPOLOGY
(Vestnik Antropologii)

Редактор текстов по этнологии, социокультурной антропологии,
выпускающий редактор — М. Ю. Мартынова

Редактор английских текстов — Т. А. Сюткина

Редактор текстов по физической антропологии — О. М. Григорьева

Компьютерная верстка — В. О. Березин

Художественное оформление обложки — Е. В. Орлова

Подписано к печати 7.09.2022 Формат 70 x 108/16

Усл.-печ. л. 33,95 Заказ №

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А